Поступили въ продажу новыя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“:

БЕЗЪ ДОГМАТА.

РОМАНЪ.

Генрика Сенкевича.

3-е изданіе. Переводъ В. М. Лаврова.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

КАМО ГРЯДЕШИ?

(QUO VADIS).

Романъ изъ временъ Нерона.

Генрика Сенкевича.

Переводъ В. М. Лаврова.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ В. М. Лаврова, уголъ Большой Никитской и Леонтьевскаго пер., д. 2—24.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ.

РОМАНЪ.

Переводъ В. М. Лаврова.

Цѣна 3 руб.

Покупающіе „Камо грядеши“ и „Семью Поланецкихъ“ платятъ за обѣ эти книги вмѣстѣ 3 р. 50 к. Подписчики „Русской Мысли“ пользуются уступкой 10%.

Digitized by Google

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ:

„НАДЪ НѢМАНОМЪ".

Романъ въ 3 частяхъ **Элизы Ожешковой**. Переводъ съ польскаго **В. М. Лаврова.**

Изданіе редакціи журнала „Русская Мысль".

Цѣна 1 руб. 50 коп.

„ВЪ ВОЛОСТНЫХЪ ПИСАРЯХЪ"

Н. М. Астырева.

Второе, дополненное изданіе редакціи журнала „РУССКОЙ МЫСЛИ", съ портретомъ автора.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Пересылка по разстоянію. Подписчики «РУССКОЙ МЫСЛИ» пользуются 10% уступки.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ» **В. М. Лаврова.**

(Москва, Большая Никитская, домъ № 2—24).

Поступили въ продажу новыя изданія редакціи журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ":

Короленко.

„Очерки и Разсказы".

Кн. 1-я, изданіе 7-е. Цѣна 1 руб. 50 коп. Кн. 2-я, изданіе 3-е. Цѣна 1 руб. 50 к.

Короленко.

„Слѣпой музыкантъ".

Изданіе 5-е. Цѣна 75 коп.

Складъ изданій въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ журнала *Русская Мысль* В. М. Лаврова (Москва, уг. Б. Никитской ул. и Леонтьевскаго пер., домъ 2—24). Подписчики *Русской Мысли*, выписывающіе изъ означеннаго склада, пользуются уступкой 10%. Складъ въ С.-Петербургѣ: въ редакціи журнала *Русское Богатство*.

Digitized by Google

Энциклопедическій словарь „Брокгауза и Ефрона“

(начатый проф. И. Е. АНДРЕЕВСКИМЪ),

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго профессора Ѳ. Ѳ. ПЕТРУШЕВСКАГО,

при участіи редакторовъ отдѣловъ:

Проф. А. Н. Бекетовъ (біологич. науки).
С. А. Венгеровъ (исторія литературы).
Проф. А. И. Воейковъ (географія).
Проф. Н. И. Карѣевъ (исторія).
А. И. Сомовъ (изящн. искусства).

Проф. Д. И. Менделѣевъ (химико-технич. и фабрично-завод.).
Проф. В. Т. Собичевскій (сельско-хозяйственный и лѣсоводство).
Владиміръ Соловьевъ (философія).
Проф. Н. Ѳ. Соловьевъ (музыка).

Энциклопедическій словарь выходитъ каждые два мѣсяца полутомами, въ 30 лист. убористой печати. Въ настоящее время вышли 35 полутомовъ. Всего полутомовъ предполагается до пятидесяти. Цѣна за каждый полутомъ (въ переплетѣ) 3 руб., за доставку 40 коп. Въ Москвѣ и другихъ университетскихъ городахъ за доставку не платятъ.

Словарь обнимаетъ собою свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, литературы, исторіи, промышленности и прикладныхъ знаній.

Текстъ помѣщаемыхъ въ словарѣ статей составляется самостоятельно русскими учеными и спеціалистами, причемъ все касающееся Россіи обрабатывается наиболѣе полно и тщательно. Значительная часть русской географіи обрабатывается членами географическихъ экспедицій, посѣтившими съ научными цѣлями описываемыя ими мѣстности. Для каждой губерніи и области дается спеціальная карта. Кромѣ географ. картъ приложены разнообразныя иллюстраціи, служащія наглядной составной частью энциклопедическаго цѣлаго.

По соглашенію редакціи Энциклопедическаго Словаря и книжнаго магазина журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова, подписка принимается въ означенномъ магазинѣ. Уголъ Большой Никитской и Леонтьевскаго пер., д. № 2—24.

Допускается разсрочка на слѣд. услов.: при подпискѣ вносится задатокъ 10 руб., послѣ чего выдаются имѣющіеся на-лицо полутомы; остальная сумма долга выплачивается ежемѣсячными взносами отъ трехъ рублей. Правительственныя и частныя учрежденія задатка не вносятъ.

Русская Мысль.

Digitized by Google

РЕДАКЦІЯ „РУССКОЙ МЫСЛИ“

предприняла новое изданіе, которое будетъ выходить подъ названіемъ:

„Библіотека Русской Мысли“.

Въ составъ этого изданія войдутъ беллетристическія произведенія, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, и популярныя сочиненія по всѣмъ отраслямъ науки. Въ теченіе года выйдутъ отъ 15 до 20 книжекъ. Первыя книжки:

I.

ЧЕРЕЗЪ СТЕПИ.

Повѣсть **Генрика Сенкевича**, переводъ **В. М. Лаврова.**

Цѣна 40 коп.

II.

КЛЕОПАТРА.

Картинки античной жизни М. Н. РЕМЕЗОВА.

Цѣна 40 коп.

III.

ЮБИЛЕЙ.

(Не совсѣмъ обыкновенная исторія).

М. Н. АЛЬБОВА.

Цѣна 1 руб.

IV.

ПОБѢДА. НА СѢВЕРѢ ДИКОМЪ.

Н. С. БАРАНЦЕВИЧА.

Цѣна 1 руб.

V.

МИЛОРДЪ.—БАБУШКА.

ЭЛИЗЫ ОЖЕШКОВОЙ.

Цѣна 50 коп.

VI.

ІУДЕЯ И РИМЪ.

Картинки античнаго міра М. Н. Ремезова.

Цѣна 50 коп.

Вышли и продаются въ книжномъ магазинѣ **В. М. Лаврова**, уголъ Большой Никитской и Леонтьевскаго пер., д. 2—24.

Въ слѣдующія книжки войдутъ произведенія *В. А. Гольцева*, *М. Конопницкой*, *М. С. Корелина*, *В. Коссяковича*, *Вас. Ив. Немировича-Данченко*, *Э. Ожешковой*, *М. Н. Ремезова*, *К. М. Станюковича*, *А. Шиманьскаго*, *А. П. Чехова*, *А. И. Эртеля* и другихъ.

Digitized by Google

1-го Резервнаго
БИБЛІОТЕКА
Сапернаго Баталіона.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

КНИГА VII.

МОСКВА.

1896.

Digitized by Google

P Slav 605.10
Slav 30.11

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
6 FEB 1925

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. СЕРГѢЙ ШУМОВЪ. Повѣсть. *Продолженіе.*—Н. М. Тишковскаго. 1

II. МЕЛОЧИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Разсказы Франсуа Коппе. Переводъ съ французскаго Н. К. 33

III. СТИХОТВОРЕНІЕ.—В. Голикова 73

IV. КАКЪ ЛЮДИ ЖЕНЯТСЯ. Разсказъ изъ сибирскихъ нравовъ.—К. Носилова 75

V. ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА КЪ ЕГО ФРАНЦУЗСКИМЪ ДРУЗЬЯМЪ. (Съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. Д. Гальперина-Каминскаго). *Продолженіе.* 87

VI. ЧЕРНОМОРСКАЯ СИРЕНА. Повѣсть. *Окончаніе.*—К. М. Станюковича 101

VII. ПАСТЕЛИ. Яна Лады. Переводъ съ польскаго В. М. Л. . . 155

VIII. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.—Н. Ѳ. Казанскаго 1

IX. КРЕСТЬЯНЕ ВЪ ВЕНГРІИ ДО РЕФОРМЫ ІОСИФА II.—Е. В. Тарле. 18

X. НОВОЕ ИЗДАНІЕ КНИГИ МАУРЕРА.—Максима Ковалевскаго. 37

XI. РОБЕРТЪ БЭРНСЪ.—Ив. Иванова. 44

I. АССИРІЙСКІЯ ЗАКЛИНАНІЯ И РУССКІЕ НАРОДНЫЕ ЗАГОВОРЫ.—Всев. Миллера. 66

I. КЪ ВОПРОСУ О ВЕРХОВНОМЪ ТАЙНОМЪ СОВѢТѢ. (По поводу *Легенды объ олигархическихъ тенденціяхъ верховнаго тайнаго совѣта въ царствованіе Екатерины I*, проф. А. С. Алексѣева). *Окончаніе.*—А. Н. Филиппова 90

Digitized by Google

Стр.

XIV. Т. Н. ГРАНОВСКІЙ. (Западники и славянофилы въ 1844—1845 гг.).—Ч. Вѣтринскаго 125

XV. ДЖОНЪ МИЛЬТОНЪ.—М. Ш. 152

XVI. ЧЕРТЫ ИЗЪ ИСТОРІИ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ. — В. В. Ивановскаго 165

XVII. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—И. М. Иванонова . . 187

XVIII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Ѳ. 206

XIX. ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ОТЧЕТА СЕКРЕТАРЯ И КАЗНАЧЕЯ ОБЩЕСТВА ДЛЯ ПОСОБІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМЪ И УЧЕНЫМЪ ЗА ЯНВАРЬ—АПРѢЛЬ 1896 ГОДЪ 214

XX. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Критика и публицистика.—Философія, психологія, педагогика.—Исторія, исторія литературы, археологія.—Юридическія книги. — Языкознаніе.—Путешествія.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Учебники, дѣтскія книги. II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 іюня по 1 іюля 1896 г. 293

XXI. ОБЪЯВЛЕНІЯ 380

Digitized by Google

СЕРГѢЙ ШУМОВЪ *).

Повѣсть.

V.

Въ передней Сергѣя встрѣтила дѣвочка лѣтъ девяти и стремительно бросилась ему на шею.

— Сереженька, Сереженька! — воскликала она, звонко чмокая его.

— Здравствуй, Катя! — сказалъ Сергѣй, поднимая и цѣлуя сестру.

— А мы тебя ждемъ съ няней цѣлый часъ,—щебетала Катя. — Я въ гостяхъ была, мы въ лото играли... У Мартыновыхъ какія котяточки!

— Здравствуйте, Сергѣй Павловичъ,—сказала няня, дряхлая, добродушная старуха съ горбикомъ.

— Здравствуй, няня!

Сергѣй поцѣловался съ ней и снялъ пальто.

— Я нарочно не ложилась: все тебя ждала,—продолжала Катя, торопливо переводя духъ. — Мама, и тетя, и всѣ уѣхали въ гости... Мы однѣ дома съ няней... Еще Аксинья въ кухнѣ... Дай, дай, я повѣшу!

Она вскочила на стулъ, повѣсила пальто на вѣшалку и спрыгнула прямо на шею брату, заливаясь своимъ заразительнымъ, простодушнымъ смѣхомъ.

— Я рада до смерти, что ты пришелъ! Дай, еще поцѣлую... изъ, два... Еще! Люблю цѣловаться...

Ея кудрявая головка съ блестящими свѣтло-карими глазами, зовыми отъ волненія щеками и добродушнѣйшими ямочками на

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

Digitized by Google

нихъ показалась Сергѣю просто очаровательною, а его недавнія мысли на крыльцѣ—пошлыми и гадкими. Катя была особенно оживлена, проведя вечеръ въ гостяхъ и оставаясь дома безъ старшихъ.

— Мама не любитъ цѣловаться,—болтала она, входя за братомъ въ комнаты.—Лена тоже не любитъ: она только подзоветъ и поправитъ волосы или руки велитъ умыть... А я такъ люблю цѣловаться, такъ люблю... страхъ какъ!

Она взяла брата за руку и ходила съ нимъ по комнатѣ, стараясь попадать въ ногу.

— Вотъ нынче весело было у Мартыновыхъ — не знаю, до чего!—захлебывалась она.—Мы надѣли на котятъ колпачки... Ты не можешь вообразить, до чего они были уморительны!... А Вовочка мельницу сломалъ: сидитъ весь красный-прекрасный, а плакать стыдится... Смѣшной этотъ Вовка!... Ахъ, да! знаешь, Сережа, что мы сейчасъ съ няней дѣлали?

— Что?

— Ѣли картошку въ кухнѣ. Хочешь?

Сергѣй вдругъ ощутилъ волчій аппетитъ и подумалъ, что ничего въ жизни не можетъ быть лучше, какъ ѣсть въ кухнѣ картофель. Черезъ минуту они оба съ Катей сидѣли въ кухнѣ на одномъ табуретѣ передъ простымъ, некрашенымъ столомъ и уписывали за обѣ щеки печеный картофель, который изготовила для себя кухарка. Аксинья, здоровая, скуластая баба, стояла у печки, уткнувъ руки въ боки, и, ухмыляясь, смотрѣла на нихъ.

— Хлѣбъ да соль,—сказала няня, входя въ кухню и присаживаясь на постель кухарки.—А у тебя, Катенька, опять чулочекъ спустился. Дай, я поправлю.

У Кати, дѣйствительно, всегда было что-нибудь въ безпорядкѣ: или чулокъ спущенъ, или тесемка сзади болтается, или носъ выпачканъ въ чернилахъ, за что ей постоянно доставалось отъ матери и особенно отъ сестры.

— Наши-то всѣ разъѣхались,—замѣтила няня, поправивъ на своей баловницѣ чулокъ.—Только Елена Павловна дома: слышь, учится.

Сверху доносился монотонный голосъ Елены, которая читала что-то подругамъ.

— Точно по покойнику читаетъ,—сказалъ Сергѣй, развеселившись.

Катя закатилась неудержимымъ смѣхомъ и соскользнула съ табурета, а Сергѣй, глядя на нее, думалъ: «Какъ она мило смѣется!»

Digitized by Google

— А что, Сережа, ты, когда будешь большой, можешь сдѣлаться генераломъ?— спросила вдругъ Катя.

— Могу.

— Какъ же? Генералы всѣ толстые, а ты худой?

Сергѣй смѣялся и объяснялъ ей про генераловъ.

— А что, жиденятъ нельзя дразнить жиденятами? — опять спросила она.—Вѣдь, это нехорошо?

— Скверно.

— Я такъ и говорю Вовочкѣ... А зачѣмъ Пугачовъ убивалъ дѣтей? Развѣ они виноваты? Развѣ они понимаютъ что?

Сергѣй сталъ объяснять ей и про Пугачова. Катя сначала слушала его, широко раскрывъ глаза, потомъ они стали слипаться у нея, а затѣмъ Сергѣй снесъ ее, сонную, въ постель и уложилъ съ помощью няни. Давно у него не было на душѣ такъ спокойно и весело и давно онъ не проводилъ время въ такой пріятной компаніи, какъ сейчасъ. Молодость взяла свое, и на него, послѣ угрюмаго дня, нашелъ припадокъ восторженнаго веселья, такъ что онъ, лежа подъ одѣяломъ и потушивъ свѣчу, долго еще втихомолку посмѣивался и, наконецъ, произнесъ вслухъ:

«А за Угрюмовымъ зашелъ его племяша,
И съ помощью его затрюхалъ нашъ папаша»...

VI.

На другой день Сергѣй всталъ очень поздно, чувствуя во всемъ тѣлѣ пріятную бодрость. Первою мыслью его было—повидать Катю; но оказалось, что та ушла съ няней къ обѣднѣ.

Въ столовой Сергѣй засталъ мать и тетку.

Елена давно выпила свою утреннюю порцію молока и съ восьми часовъ сидѣла у себя наверху, занимаясь математикой. Людмила Степановна въ простомъ, но изящномъ капотѣ, покоилась въ креслѣ, лѣниво мѣшая ложечкой свой какао. На этотъ разъ она поцѣловала сына въ лобъ, а тетка крѣпко пожала ему руку и, подавая стаканъ, посмотрѣла на племянника съ такимъ видомъ, точно хотѣла сказать:

«Ничего, ничего, все идетъ хорошо».

— Что это ты такъ долго валяешься въ постели,—замѣтила слабымъ голосомъ мать.—Это очень некрасивая привычка.

Сергѣй промолчалъ: ему хотѣлось сохранить въ душѣ остатки тѣхъ добрыхъ чувствъ, съ которыми онъ наканунѣ легъ спать. Вошелъ Виржиновъ. Онъ жилъ въ томъ же домѣ и все свободное

Digitized by Google

время проводилъ у Шумовыхъ. Виржиновъ приложился къ рукѣ Людмилы Степановны, раскланялся съ Евгеніей Петровной и кивнулъ чуть замѣтно Сергѣю; потомъ онъ взялъ газету и сталъ читать ее Людмилѣ Степановнѣ, пересыпая чтеніе желчными замѣчаніями:

— Какой идіотскій фельетонъ!—произнесъ онъ, дочитавъ его до конца.

— Надо же писать что-нибудь,—вяло отозвалась Людмила Степановна.

— Иной разъ такъ напишутъ, что только руками разведешь,—подала Евгенія Петровна реплику съ своимъ обычнымъ одушевленіемъ.

Воцарилось брюзгливо-кислое молчаніе. Виржиновъ пилъ кофе съ своимъ ипохондрическимъ видомъ и, заглядывая однимъ глазомъ въ газету, морщился. Закоренѣлый эгоистъ и ипохондрикъ, онъ вѣчно скучалъ, искренно считая всѣхъ дураками или подлецами и утративъ всякую способность находить интересъ въ общеніи съ людьми; ту пустоту, которая образовалась у него вслѣдствіе этого въ душѣ, онъ какъ будто надѣялся восполнить сарказмами и во всякомъ случаѣ источалъ изъ себя ядъ, доходя иногда въ этомъ до какого-то злобнаго пафоса. Что касается матери, то Сергѣй, глядя на нее исподлобья, начиналъ испытывать мертвящій холодъ и уныніе; ему казалось, что ей въ сущности ни до чего нѣтъ дѣла, кромѣ своего здоровья, лица, костюма и особы Виржинова; что она можетъ быть озабочена только тѣмъ, чтобы принять во-время лѣкарство, взять ванну, не видѣть и не слышать мужа, уберечься отъ скандала и ежедневно имѣть возлѣ себя этого желчнаго брюзгу. Сергѣю часто приходило въ голову, что какое бы страшное, потрясающее событіе ни случилось, мать ни на секунду не перестанетъ думать о себѣ, что все, составляющее текущій репертуаръ ея занятій:—книги, газеты, разговоры, концерты, дѣти, засѣданія,—служатъ ей только для того, чтобы какъ-нибудь заполнить антракты между ванной и визитомъ доктора, между ея утреннимъ туалетомъ и приходомъ Виржинова... А тетка?... Она какъ будто поставила себѣ задачей подавать всѣмъ и каждому одушевленныя реплики и по возможности попадать всѣмъ въ тонъ: точно актриса, готовая на всевозможныя амплуа, лишь бы платили деньги. «Что за противная кривляка!»—говорилъ про себя Сергѣй, видя, какъ тетка съ самымъ дружескимъ видомъ поддакиваетъ Виржинову. Ему вдругъ стало невыносимо скучно. Онъ на-скоро допилъ стаканъ, чтобъ уйти.

— Покажи-ка свои отмѣтки,—остановила его мать.

Digitized by Google

Онъ принесъ бальникъ.

— Опять изъ латыни двойка!—сказала Людмила Степановна.—Ты, значитъ, не хочешь учиться?

Сергѣй, отвернувшись, молчалъ.

— Охъ, эта латынь, бѣда съ ней!—произнесла Евгенія Петровна, сочувствуя и матери, и сыну.

— Ты забылъ, что сидишь второй годъ въ классѣ?—продолжала Людмила Степановна.—Вѣдь, тебя выгонятъ изъ гимназіи понимаешь ты это? Что ты съ собой дѣлаешь?... Ты прежде учился хорошо. У тебя способности есть: ты, значитъ, нарочно не хочешь учиться? Отвѣчай: что съ тобой сдѣлалось?

«Что сдѣлалось?—подумалъ Сергѣй.—Зачѣмъ вамъ знать это? Буду я въ гимназіи или не буду, умру или останусь жить,—какое вамъ всѣмъ дѣло?» Онъ хотѣлъ высказать матери все, что накипѣло въ немъ; но, взглянувъ въ ея холодные глаза, въ которыхъ виднѣлась усталость и раздраженіе, онъ ничего не сказалъ, вздохнулъ и опустилъ голову.

— Господи, какое съ нимъ мученье!—воскликнула Людмила Степановна.

— Чего ты стоишь, какъ пень?—строго замѣтилъ Виржиновъ,—Отвѣчай, когда мать спрашиваетъ... Весь въ папеньку!... По какому это случаю ты сталъ баклушничать? Или ты намѣренъ остаться Митрофанушкой?

— А зачѣмъ вы отдали меня въ пансіонъ?—сказалъ Сергѣй, смотря на Виржинова съ нескрываемою ненавистью.

— Затѣмъ, что ты — скверный, испорченный мальчишка,—обозлился Виржиновъ.—Ты долженъ разъ навсегда запомнить, что если ты вылетишь изъ гимназіи, то иди, куда хочешь... хоть въ свинопасы! Мы умываемъ руки... Хоть по міру ступай! Кормить дармоѣдовъ не будемъ: довольно съ насъ одного. Если ты хочешь пойти по стопамъ папеньки, такъ пеняй на себя. Я не позволю тебѣ мучить мать! Слышишь?

— Слышу.

— Безъ этого тона! Не забывайся.

— Ты долженъ перейти въ слѣдующій классъ, помни это,—сказала Людмила Степановна.

Сергѣй ожесточенно сунулъ бальникъ въ ранецъ и пошелъ къ дверямъ.

— Постой!—остановила его мать.

Сергѣй обернулся къ ней, почувствовавъ въ ея голосѣ что-то

Digitized by Google

вродѣ состраданія, въ ея усталыхъ голубыхъ глазахъ проскользнуло что-то тревожное, участливое.

— Ты здоровъ, Сергѣй?—спросила она смягченнымъ тономъ.

Сергѣй, не зная, что отвѣтить, угрюмо молчалъ.

— Я знаю его болѣзни,—возразилъ желчно Виржиновъ, бросивъ недовольный взглядъ на Людмилу Степановну:—лѣнь, упрямство, разгильдяйство.

— Отвѣчай!—сказала нетерпѣливо Людмила Степановна и, видя, что Сергѣй молчитъ,—прибавила съ раздраженіемъ:—Ступай, если такъ, лѣнивецъ!

VII.

Сергѣй вошелъ къ сестрѣ наверхъ. Елена встрѣтила его недовольнымъ взглядомъ.

— Чего тебѣ?

— Елена, неужели ты не чувствуешь, какъ у насъ въ домѣ скверно?—рѣзко произнесъ онъ, бросаясь съ размаху на диванъ, который при этомъ хрустнулъ.

— Что такое?—спросила Елена съ досадливымъ нетерпѣніемъ, озабоченно покосившись на диванъ.

— Я удивляюсь на тебя: ты можешь спокойно писать свои иксы и игреки, когда у насъ творится чортъ знаетъ что!

— Оставь меня, пожалуйста, въ покоѣ: мнѣ некогда,—нахмурилась она.

— Послушай, Елена,—сказалъ Сергѣй, вставая и принимаясь ходить по комнатѣ,—зачѣмъ ты смотришь на меня какъ на мальчишку? Мнѣ восемнадцать лѣтъ, я много читалъ, много думалъ; я все хорошо понимаю и... и, право, чувствую себя очень мерзко.

— Ты вѣчно во все суешься, вмѣсто того, чтобы заниматься своимъ дѣломъ,—замѣтила холодно Елена.

— А если я не могу заниматься?—крикнулъ Сергѣй.

— Излѣнился—вотъ и все. Очень просто.

— У тебя все очень просто!... Нѣтъ я не излѣнился, а скверно, пакостно на душѣ. За что вы всѣ взъѣлись на меня?—спросилъ Сергѣй какимъ-то неестественнымъ голосомъ.

Елена нетерпѣливо повела плечомъ.

— Никто на тебя не взъѣлся, а ты самъ лѣзешь ко всѣмъ съ глупостями.

— Я увѣренъ, что твоя прическа безпокоитъ тебя гораздо

Digitized by Google

больше, чѣмъ я со всей своей жизнью,—продолжалъ Сергѣй, чувствуя, что внутри у него что-то закипаетъ.

— Ты опять, кажется, начинаешь?—замѣтила Елена и утянулась въ тетрадь.

— Хоть пополамъ разорвись передъ тобой, тебѣ наплевать! А мнѣ иногда такъ опостылитъ все,—готовъ пулю въ лобъ пустить!

По губамъ Елены скользнула насмѣшливая улыбка.

— Да, да!—съ ожесточеніемъ повторилъ Сергѣй.—Меня мучаютъ, оскорбляютъ. Со мной обходятся какъ съ глупымъ мальчишкой, а не хотятъ узнать того, что дѣлается у меня въ душѣ! Этотъ проклятый сычъ. Зачѣмъ онъ у насъ? Зачѣмъ онъ втерся въ нашу семью? Я готовъ убить его! Мать одного его только и любитъ, а меня ненавидитъ, ненавидитъ!

— Не говори вздору. Ты самъ держишь себя съ ней неприлично. Ты очень много о себѣ думаешь.

— Чѣмъ я виноватъ, чѣмъ?

— Ты всегда умничаешь и все хочешь показать что-то изъ себя.

— Такъ я виноватъ и въ томъ, что отца выгнали?

— Это не наше дѣло. И вовсе его не выгоняли. Ты не долженъ говорить объ этомъ.

— Нѣтъ, наше, наше! Я знаю, что этотъ проклятый «Желтокъ» погубилъ отца.

— Ты очень мило выражаешься!

— Онъ, онъ. И тебя не возмущаетъ его наглость?

— Это все твои выдумки. Ты ничего не знаешь. Отецъ и прежде пилъ. Нельзя жить съ человѣкомъ, который бываетъ пьянъ и... и такъ ведетъ себя. Оставимъ этотъ разговоръ—и не мѣшай мнѣ, пожалуйста, заниматься.

Она окончательно утянулась въ тетрадь и начала производить свои операціи надъ a, b, c.

— Да, ты очень благопристойная рыба!—сказалъ Сергѣй съ саркастическимъ смѣхомъ.—Медаль тебѣ за благоразуміе, чтобы ты повѣсила ее себѣ на шею да такъ и ходила съ ней! Самодовольная, узкая эгоистка! Я передъ тобой заискивалъ. Сколько разъ я пробовалъ заговорить съ тобой по-дружески, но тебя, видно, ничѣмъ не проймешь. Ну, и не нужно!—голосъ его дрогнулъ.—И наплевать! Деревянная ты! Ужъ лучше бы ты ругалась, плевалась, чѣмъ это олимпійское спокойствіе! Да каждый изъ нашихъ гимназистовъ... хоть самого оголтѣлаго возьми—больше похожъ на человѣка, чѣмъ ты! Еслибъ ты была чѣмъ-нибудь разстроена и при-

Digitized by Google

шла ко мнѣ, я бы бросилъ къ чорту всѣ эти иксы и игреки... А ты для меня хуже всякой чужой... У другихъ внутри есть сердце или что-нибудь вродѣ этого, а у тебя внутри—ничего, ничего! Чистоплотная деревяшка!

Елена сидѣла, плотно заткнувъ уши, и заучивала какую-то формулу. Она оглянулась только тогда, когда въ комнату вошли Бакина и Токмакова, приходившія всегда вмѣстѣ. Почти вслѣдъ за ними явились Познякова съ Александромъ Дмитріевичемъ Алябьевымъ.

Алябьевъ былъ своимъ человѣкомъ у Шумовыхъ, прежде онъ занимался съ Еленой математикой, а теперь готовилъ Катю въ гимназію. Онъ кончалъ университетъ и славился какъ отличный математикъ. Съ Позняковой онъ познакомился у Шумовыхъ и сразу завоевалъ ея симпатію своимъ неизмѣнно веселымъ настроеніемъ и рѣдкой способностью никогда и никого не стѣснять. Раньше Сергѣй любилъ его за эти качества, но съ тѣхъ поръ, какъ Алябьевъ началъ увлекаться Позняковой не меньше, чѣмъ своей любимой математикой, Сергѣй почувствовалъ къ нему глухую вражду, смѣшанную съ завистью.

Алябьевъ принесъ съ собой коллекцію фотографическихъ снимковъ, и гимназистки бросились разсматривать группу, которую онъ недавно снялъ съ нихъ. Сергѣй остался въ одиночествѣ и принялъ видъ равнодушнаго наблюдателя, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ былъ слишкомъ далекъ отъ этой роли: то, что Познякова пришла вмѣстѣ съ Алябьевымъ, больно укололо его. «Какая у него самодовольная физіономія!» — думалъ онъ, мрачно разсматривая спокойное, добродушно-насмѣшливое лицо Алябьева, которое недавно такъ нравилось ему. Къ тому же Сергѣю показалось, что Познякова сухо поздоровалась съ нимъ: съ нѣкоторыхъ поръ она начинала догадываться, что этотъ нескладный мальчикъ превращается въ «настоящаго», и сдѣлалась осторожнѣе съ нимъ. Сергѣй, въ свою очередь, смутно угадывалъ причину ея отдаленія, и это угнетало его, какъ несправедливая и незаслуженная обида.

Разсмотрѣвъ группу, гимназистки подвергли осмотру карточку Позняковой, тоже снятую Алябьевымъ. Токмакова воскликнула: «Прелесть, прелесть!»—поцѣловала карточку и покраснѣла, какъ піонъ.

— Что это? — спросилъ Сергѣй, рѣшившись, наконецъ, подойти.

— Много будете знать, скоро состаритесь,—отчеканила Бакина необыкновенно быстро.

Digitized by Google

— Вотъ и наказаны за любопытство,—поддразнила его Познякова.

Сергѣй забылъ обо всемъ, глядѣлъ на нее восхищенными глазами и дѣлался какимъ-то добродушно-рыхлымъ, легкомысленнымъ, шалымъ. На его губахъ, помимо его воли, распускалась блаженная улыбка. «Я глупѣю!»—подумалъ онъ съ какимъ-то страннымъ удовольствіемъ.

Замѣтивъ его взгляды, Познякова сурово отвернулась.

— Можно и мнѣ поцѣловать карточку?—спросилъ вдругъ Сергѣй совершенно неожиданно для себя самого.

Бакина фыркнула, Токмакова покраснѣла.

— Онъ, кажется, начинаетъ бредить,—произнесла вполголоса Познякова съ оттѣнкомъ презрѣнія въ голосѣ.

Алябьевъ всталъ и, взявъ торжественно карточку Позняковой, поднесъ ее съ комическимъ видомъ къ губамъ Сергѣя. Раздался оглушительный хохотъ. Сергѣй стоялъ, растерянный, весь багровый, не зная, смѣяться ему или сердиться.

— Ты загородилъ намъ свѣтъ,—сказала съ досадой Елена.— Я не понимаю, зачѣмъ ты тутъ торчишь? Только мѣшаешь.

— Пожалуйста, не священнодѣйствуй,—огрызнулся Сергѣй.

— Мы къ вамъ не лѣземъ,—не лѣзь и ты къ намъ: ступай къ своимъ гимназистамъ.

— Точно посылаетъ ко всѣмъ чертямъ! — сказалъ Сергѣй съ насильственнымъ смѣхомъ. — Ты хочешь устроить у себя женскій клубъ.

И онъ, торопясь и волнуясь, началъ издѣваться надъ «женственностью», выставлять въ каррикатурѣ «женскій вопросъ» и насмѣхаться надъ «барышнями». Но такъ какъ онъ говорилъ совсѣмъ не то, что думалъ, и шутилъ черезчуръ тяжеловѣсно, то гимназистки разсердились и нашли, что это «очень скучно и неумѣстно». Елена, не слушая его, извлекала квадратный корень, а Алябьевъ наблюдалъ съ добродушною усмѣшкой, какъ Сергѣй запутывается, краснѣетъ и раздражается.

— Эхъ, хорошо бы теперь моментальный снимочекъ сдѣлать,— шутилъ онъ.—Жаль, что я аппарата не захватилъ.

Гимназистки звонко засмѣялись. Сергѣй, не зная, какъ выйти изъ глупаго положенія, плюхнулся на диванъ и поспѣшилъ закурить папироску, хотя у него невыносимо горчило во рту.

— Ты еще накуришь тутъ, — съ неудовольствіемъ замѣтила она.—Вѣчно всѣмъ надоѣдаетъ!

Digitized by Google

— А ты вѣчно брюзжишь, какъ старуха,—сердито возразилъ Сергѣй.

Минуты, въ продолженіе которыхъ онъ курилъ свою папиросу, были для него истиннымъ мученіемъ. Онъ рѣшительно не зналъ, что сдѣлать, что сказать, а встать и уйти у него не хватало духу. Теперь онъ отлично понималъ, что все, что онъ передумалъ и перечувствовалъ за нѣсколько лѣтъ сознательной жизни,—весь его умственный багажъ оказывался здѣсь, въ «дѣвичьей», лишнимъ балластомъ, придающимъ его разговору и поведенію непріятную тяжеловѣсность. Онъ докурилъ уже до ваты, когда на порогѣ появилась няня, съ трудомъ забравшаяся на лѣстницу.

— Сергѣй Павловичъ!—таинственно позвала она.

— Что такое?

— Пожалуйте на минутку.

Сергѣй вскочилъ и, выйдя изъ комнаты, вздохнулъ съ облегченіемъ.

— Слава Богу!—услышалъ онъ за собой голосъ Елены.

VIII.

— Папаша васъ тамъ ждетъ, — по-прежнему таинственно сообщила няня, проводя Сергѣя въ классную. — Онъ нынче хорошъ.

Сергѣй нашелъ отца трезвымъ, добродушнымъ и смиреннымъ. На немъ было поношенное, но довольно приличное пальто; въ рукахъ — знакомая Сергѣю трость съ черезчуръ пикантнымъ набалдашникомъ.

— Здравствуй, Сержъ!—произнесъ онъ, протягивая руку.— Зашелъ покалякать.

Сергѣй, увидя его такимъ хорошимъ, искренно обрадовался.

— Вы, папа, простите меня за вчерашнее...—началъ онъ.

— Э, чего тамъ!—перебилъ Павелъ Петровичъ.—Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Я не такой человѣкъ, чтобы всякое лыко въ строку... Я самъ слабъ, и потому не осуждаю. Надѣвай-ка лучше амуницію, да пойдемъ, погуляемъ. Погода — одно великолѣпіе!

— Съ удовольствіемъ! — оживился Сергѣй. — Это вы важно придумали. Куда мы пойдемъ?

— Ты никуда не пойдешь съ этимъ господиномъ,—слышишь? Я запрещаю тебѣ это, — сказала Людмила Степановна запальчивымъ тономъ.

Она стояла въ дверяхъ, нахмурясь и плотно сжавъ свои тонкія

Digitized by Google

губы. Въ лицѣ ея и въ тонѣ было что-то грубое, злое, непримиримое. Сергѣй опѣшилъ.

— Зачѣмъ вы пришли сюда? Чего вамъ нужно! Или вы забыли нашъ уговоръ?—говорила Людмила Степановна, не глядя на мужа и какъ будто стараясь побороть въ себѣ брезгливое чувство.

— Пришелъ повидаться съ сыномъ,— смиренно отвѣчалъ Павелъ Петровичъ.

— Какое вамъ дѣло до сына? Кажется, вы никогда не были чадолюбивымъ отцомъ, а теперь вдругъ на васъ напала нѣжность! Оставьте *моего* сына въ покоѣ.

— Что же, я укушу его?

— Вамъ не съ кѣмъ пить водку, такъ вы хотите спаивать сына? Я знаю, вы поведете его въ трактиръ, въ кабакъ: больше вѣдь вамъ некуда идти.

— Мы, просто, погуляемъ...—пробормоталъ Сергѣй, который все еще не могъ прійти въ себя.

— Ты вооружаешь противъ меня сына—это грѣшно, охъ какъ грѣшно!—замѣтилъ кротко Павелъ Петровичъ.

Эти кроткія слова вдругъ вывели изъ себя Людмилу Степановну.

— Молчите, не корчите изъ себя сироту!—закричала она дрожащимъ отъ злости голосомъ. — Вы испортили мнѣ жизнь, теперь хотите испортить моихъ дѣтей? У васъ внутри нѣтъ ни одного чистаго уголка, даже простой порядочности нѣтъ! И вы хотите, чтобъ я довѣрила вамъ сына?... Уйдите отсюда!

— Не понимаю, за что ты такъ остервенилась на меня,—возразилъ по-прежнему кротко Павелъ Петровичъ. — Это въ тебѣ болѣзнь говоритъ.

— А кто сдѣлалъ меня больной? Кто погубилъ мое здоровье, отнялъ всѣ силы?... Вы, вы!... Избавьте меня отъ вашего присутствія!

— Что дѣлать, Сержъ: наше дѣло не вытанцовалось, — смиренно сказалъ Павелъ Петровичъ, вставая со вздохомъ.—Прощай, друже, и помни: самый злющій мужчина великодушнѣе самой чувствительной женщины. Уйду: не буду раздражать ее.

— Это что значитъ? — воскликнулъ Виржиновъ, входя въ комнату.—Вы, очевидно, не хотите оставить насъ въ покоѣ?

Глаза Павла Петровича загорѣлись ненавистью.

— Людмила нашла своего Руслана! — сказалъ онъ съ недобрымъ смѣхомъ.—А я, какъ презрѣнный Фарлафъ, долженъ со срамомъ удалиться... Ха, ха, ха!... Удаляюсь, удаляюсь!... Пере-

Digitized by Google

дайте мой поклонъ Алёнушкѣ. Что она, все еще подъ стекляннымъ колпачкомъ сидитъ да шерстку свою вылизываетъ? Скажите этой принцессѣ, что я ей скоро герцога Холстинскаго посватаю. Прощенья просимъ.

Онъ вдругъ сдѣлался серьезенъ и грустенъ.

— Прощай, мой сынъ единородный,—сказалъ онъ съ горькой усмѣшкой.—Не поминай лихомъ, а добромъ нечѣмъ.

Онъ быстро вышелъ, оставя сына въ состояніи мучительной растерянности. Сергѣй видѣлъ въ окно, какъ онъ, сгорбившись, выходилъ изъ задняго крыльца, провожаемый любопытнымъ взглядомъ Аксиньи,—и вдругъ его охватила острая до боли жалость къ отцу. Онъ бросился изъ комнаты.

— Куда?... Куда?—закричали мать и Виржиновъ.

Но Сергѣй уже сбѣгалъ съ крыльца.

— Папа, папа!—кричалъ онъ, нагоняя отца за воротами.—Я пойду съ вами.

Павелъ Петровичъ обернулся, и лицо его просіяло.

— А, урвался! Молодецъ Серега! Благословенъ грядый... А я ужъ направлялся въ ресторацію, чтобы хватить съ горя: у меня, вѣдь, одна дорога торная. Ну, а теперь не пойду, ибо сынъ мой единородный въ объятіяхъ моихъ. Спасибо: не измѣнилъ отцу!... Обидѣла меня твоя мать, уязвила такъ, какъ только могутъ уязвлять женщины: сына моего единственнаго, кровь мою противъ меня возстановляетъ, лучшія воздыханія сердца моего попираетъ ногами! Я старъ, немощенъ, одинокъ; врази же мои живутъ: они укрѣпились паче мене и умножились и оболгали меня. Увы, дружище, есть на свѣтѣ жестокія женщины, которыя ничего не прощаютъ: умирать будутъ,—но и на смертномъ одрѣ не смягчатся. По моему глупому разумѣнію, какъ бы гадокъ ни былъ человѣкъ, но если онъ хоть на полчаса умилился духомъ, пришелъ къ тебѣ съ открытой душой, надо поддержать это въ немъ, а не бросать въ него камнемъ. Я пришелъ нынче къ тебѣ, кротокъ и смиренъ сердцемъ, сокрушаясь о грѣсѣхъ своихъ; а она не захотѣла ни на минуту увидѣть во мнѣ человѣка, который, такъ сказать, внутренно истекаетъ кровью. Когда человѣкъ пьянъ и скотоподобенъ, тогда и обращайся съ нимъ какъ съ животнымъ; а когда онъ кается и хочетъ наипаче омыться отъ беззаконія своего,—не отвращай отъ него лица твоего. Такъ-то, другъ сердечный!

Сергѣй слушалъ отца и рѣшительно становился на его сторону, увѣренный, что отецъ и умнѣе, и добрѣе матери, а главное,—что онъ гораздо несчастнѣе ея и гораздо больше ея нуждается въ уча-

Digitized by Google

стіи. Ему нравилось грубоватое добродушіе отца, его товарищескій тонъ, его семинарскій языкъ; къ тому же на отцѣ теперь не было скверной шубы, которая мѣшала добрымъ чувствамъ Сергѣя.

— Куда же, однако, мы плетемся?— спросилъ Павелъ Петровичъ.—Кстати: ты не завтракалъ?

— Нѣтъ.

— Надо бы пожрать гдѣ-нибудь. Въ трактиръ тебѣ ходить не полагается. Куда-жъ бы это?... Ба, вотъ мысль! Пойдемъ на вокзалъ: люблю я вокзалы.

— Отлично!

Пошли. Павелъ Петровичъ сначала долго говорилъ на тему о «жестоковыйности нѣжнаго пола», потомъ задумался и замолчалъ. Встрѣтился нищій... Павелъ Петровичъ сунулъ ему гривенникъ со словами: «Прими Христа ради»; потомъ, обращаясь къ сыну, замѣтилъ:

— Пропьетъ подлецъ!...

Проходя мимо церкви, Павелъ Петровичъ набожно перекрестился, но тутъ же разсказалъ сыну похотливый анекдотъ, отъ котораго Сергѣя покоробило.

— Папа,—сказалъ онъ:—вѣдь, вы—религіозный человѣкъ, и сами упрекаете меня за то, что я лѣниво хожу въ церковь; вы креститесь, молитесь, а сами разсказываете такія вещи... Отчего это такъ? Простительно ли это?

— Единъ Богъ безъ грѣха,— отвѣтилъ, вздыхая, Павелъ Петровичъ.—Отвѣчу я на страшномъ судѣ за праздныя слова. Слабъ я, охъ какъ слабъ! Я немощенъ, подлецъ! А ты веди свою линію: строго, честно, преподобно. Я тебѣ не примѣръ. Вѣрь въ своего Помощника и Покровителя, хвали Его во трубѣхъ и органѣхъ,— а на прочее наплюй.

Пришли на вокзалъ. Павелъ Петровичъ выпилъ въ буфетѣ рюмку водки, затѣмъ заказалъ двѣ порціи севрюжки и пару пива. Сѣли за столъ, закурили. Сергѣй курилъ, пряча папиросу въ рукавъ...

— Инспекторъ идетъ!—пугалъ его Павелъ Петровичъ.

Онъ пришелъ въ самое благодушное настроеніе, вспоминалъ семинарскую жизнь, сыпалъ анекдотами. Глаза его искрились лукавымъ юморомъ, лицо изображало поминутно уморительныя гримасы. Сергѣй тоже развеселился.

— Не люблю я ехидныхъ улыбочекъ! — воскликнулъ Павелъ Петровичъ.—Ты взгляни на свою бонтонную маманъ, на свою принцессу Аленушку, на этого іезуита Виржинова: какъ они смѣ-

Digitized by Google

ются? Отъ ихъ улыбочекъ рыба дохнетъ,—не то что человѣкъ. По-моему, коли смѣяться, такъ во весь ротъ... Давай, давай сюда севрюжку!

Лакей поставилъ передъ ними блюдо; лицо Павла Петровича приняло плотоядное выраженіе.

— Чревоугодникъ я: погубила меня маммона! — сказалъ онъ со вздохомъ.—А севрюжка не дуракъ. Ѣшь, Сережа!

Онъ хранилъ молчаніе до тѣхъ поръ, пока не очистилъ блюда. За пивомъ онъ опять разговорился.

— Я удивляюсь, какъ она не зачахнетъ отъ тоски съ своимъ инквизиторомъ, — говорилъ Павелъ Петровичъ, разумѣя жену и Виржинова.— Развѣ это жизнь? Да я, когда валяюсь подъ заборомъ, и то живу лучше ихъ,—ей-ей! Тянутъ какую-то мерзскую канитель. Ты думаешь, они любятъ другъ друга? Никого они не любятъ и неспособны любить. Развѣ это живые люди? Это манекены, которые разодѣнутся и выставятъ себя напоказъ. Мать жалуется, что она черезъ меня здоровье потеряла. Вздоръ! Можетъ-быть, я и нелѣпый человѣкъ, да я хочу жить по-своему, а не для показу. Я нелѣпъ и хочу быть таковымъ, а другимъ не мѣшаю быть чѣмъ они хотятъ: всякій сходитъ съ ума по-своему. Она больна оттого, что не захотѣла жить по-просту, какъ надо жить всякому живому человѣку, имѣющему плоть и кровь. Ее изуродовало дурацкое воспитаніе, а этотъ идіотъ Виржиновъ окончательно заморозилъ въ ней все живое. Вотъ и пошли всѣ гадости: малокровіе, истерики, нервы. Гнусно!

Онъ выпилъ залпомъ кружку пива, стукнулъ ею о столъ и сказалъ:

— Можетъ-быть, ты самъ когда-нибудь испытаешь, Сергѣй, что значитъ имѣть около себя стекляннаго человѣка.

— Какъ стекляннаго?—спросилъ Сергѣй, слушая отца съ жаднымъ вниманіемъ.

— Развѣ ты не замѣтилъ, что твоя мать—стеклянная?

Сергѣй съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на отца, и въ немъ шевельнулся страхъ: ужъ не помѣшался ли отецъ?

— Чего ты такъ смотришь? — продолжалъ Павелъ Петровичъ.—Видишь ли, я скажу про себя откровенно: я—человѣкъ безалаберный и даже кой въ чемъ нечистоплотный, но я, все-таки живой человѣкъ, а твоя мать—стеклянная. Ты понимаешь, что значитъ жить со стекляннымъ человѣкомъ? Это значитъ поминутно оглядываться, бояться пошевелиться, словечка въ простотѣ и сказать, лишней рюмки не выпить, лишняго шага не сдѣлать,

Digitized by Google

пошутить, не поострить, чтобы какъ-нибудь не задѣть ея стекляннаго самолюбія, ея женскаго достоинства и всей этой женской чепухи. Вѣдь, эти стеклянные добродѣтели и пороки какіе-то особенные! А главное: что скажутъ о насъ такіе же стеклянные люди?... Нѣтъ, Сергѣй, это несносно! Я всегда предпочту любого заваляшаго человѣчка, если онъ живой, самой лучшей фарфоровой посудѣ. Я не долженъ бы тебѣ говорить всего этого, но говорю, потому что люблю тебя, какъ единственнаго сына и друга своего. Впрочемъ, ты можешь обо всемъ этомъ справиться у тетки.

— У тетки? Да у нея семь пятницъ на недѣлѣ: сейчасъ говоритъ одно, а сейчасъ—другое.

— Да, шальная она,—согласился Павелъ Петровичъ.—А главное—ужъ очень егозлива!

И для иллюстраціи ея егозливости онъ разсказалъ съ наивнымъ цинизмомъ очень длинную и очень сальную исторію, такъ что Сергѣй, не вытерпѣвъ, сердито всталъ изъ-за стола и пошелъ къ выходу.

— Языкъ мой—врагъ мой,—говорилъ Павелъ Петровичъ, слѣдуя за сыномъ:—не могу не провраться! Анаѳемски распустилъ себя!...

Онъ вдругъ сдѣлался грустнымъ и молча шелъ рядомъ съ сыномъ, заглядывая ему въ лицо.

— Мнѣ въ послѣднее время все такія нелѣпости лѣзутъ въ башку, что дѣлается тошно,—сказалъ онъ уныло.—То вдругъ воображу, что у меня двѣнадцать милліоновъ,—почему непремѣнно двѣнадцать?—то представлю себѣ, что во мнѣ три съ половиной аршина росту и что я—силачъ необыкновенный. Просто, впадаю въ дѣтство. Мозги, что ли, перерождаются?... Тьфу!... Ты куда теперь стремишься?

— Я иду на литературный вечеръ.

— Какой?

— Нашъ, гимназическій.

— Гдѣ? Въ гимназіи?

— Ну вотъ! Развѣ начальство позволитъ?

— Гдѣ же?

— У одного товарища,—Березина... Мой одноклассникъ. Онъ живетъ съ матерью. У него большая квартира. Собираемся, читаемъ, разыгрываемъ сценки изъ Гоголя, изъ Островскаго.

— Смотри, какъ бы вамъ не влетѣло за это!

— За что же?

— За то, что безъ разрѣшенія. Тебѣ наплаво?

Digitized by Google

— Да.

— А мнѣ налѣво. Ну, до увиданія!... Кстати: какъ тебѣ нравится этотъ набалдашничекъ? Хе, хе, хе... Прощай.

IX.

Войдя въ квартиру Березина, Шумовъ, къ удивленію своему, увидалъ въ столовой его старушку мать. Она разливала чай и бесѣдовала съ гимназистами, которые пришли нѣсколько раньше назначеннаго срока. Прежде она отдавала квартиру въ распоряженіе гимназистовъ, а сама скрывалась въ своей половинѣ, отдѣленной отъ парадныхъ комнатъ коридоромъ. Всѣ участники вечеровъ знали о ея существованіи, но никто до сихъ поръ не видалъ ее въ глаза; впрочемъ, этотъ литературный вечеръ былъ только третій по счету.

Мать Березина была чистенькая старушка, съ утонченно-вѣжливыми манерами и любезной улыбкой на пухлыхъ губахъ; на ней было черное шелковое платье, изящная наколка на сѣдыхъ букляхъ и множество миніатюрныхъ колечекъ на бѣлыхъ, выхоленныхъ пальцахъ. Она была вся какая-то мягкая, пугливо-деликатная («неприкосновенная», какъ мысленно окрестилъ ее Шумовъ) и производила впечатлѣніе дорогой старинной бездѣлушки, съ которой нужно обращаться крайне бережно; ея мягкія туфли какъ нельзя болѣе гармонировали съ мягкими звуками ея голоса, а ея плавныя, закругленныя тѣлодвиженія какъ нельзя болѣе шли къ кроткимъ морщинкамъ ея невинно-простодушнаго лица. Шумову она показалась чрезвычайно милой и доброй.

— Мама, позволь представить тебѣ: товарищъ мой, Шумовъ,— сказалъ Березинъ почтительно-небрежнымъ тономъ, который онъ усвоилъ себѣ по отношенію къ матери.

Чистенькій, выхоленный, подобно матери, пропитанный какими-то тончайшими духами, онъ сидѣлъ въ щегольской жакеткѣ, изрѣдка вставляя въ разговоръ два-три слова и поминутно взбрасывая на свой вздернутый носикъ золотое пенсне. Онъ былъ кумиромъ для матери, которая жадно ловила каждое его слово и вѣрила въ его неслыханныя способности: еслибъ ей сказали, что ея Женя предлагаютъ приватъ-доцентуру въ университетѣ, она не удивилась бы, а только обезпокоилась бы, не повредитъ ли такое хлопотливое дѣло здоровью ея Женички. Ея больнымъ мѣстомъ было вѣчное опасеніе за здоровье единственнаго сына: по ея мнѣнію, Жени была такая хрупкая комплекція, что малѣйшее дуновеніе в

Digitized by Google

тра можетъ уложить его въ постель. Старушка не знала, что ея хрупкій кумиръ часто прокучиваетъ напролетъ цѣлыя ночи.

— Я много слышала о васъ отъ Женички мосьё Шумовъ,— сказала старушка съ изысканною любезностью, протягивая Шумову руку:—мнѣ Женичка говорилъ, что вы—душа этихъ милыхъ вечеровъ. Очень, очень пріятно познакомиться... Съ этими молодыми людьми вы, вѣроятно, немножко знакомы,—пошутила она, указывая на товарищей Шумова, которые протягивали ему руки.

Это были: Рыбинъ, Лобзиковъ, Рождественскій и Рахмановъ, все одноклассники Шумова. Рыбинъ, высокій, статный и мужественный не по лѣтамъ, отличался тѣмъ, что не могъ получасу просидѣть спокойно, не дѣлая рѣзкихъ движеній, не задумывая ничего эксцентричнаго; если это вынужденное спокойствіе продолжалось долго, онъ начиналъ потихоньку ругаться отборными словами, хрустѣть пальцами, оглушительно кашлять или тискать руками первую попавшуюся вещь. «Я не выношу прѣснятины,—говорилъ онъ о себѣ,—перцу побольше, перцу!» Лобзиковъ, небольшого роста, грузный флегматикъ, съ руками и ногами въ видѣ обрубковъ, любилъ посидѣть въ товарищеской компаніи и поговорить на-распашку, но не иначе, какъ въ грязной, скверной комнатѣ, гдѣ можно плевать и сорить повсюду пепелъ; попадая въ чистую, хорошую квартиру, онъ терялся, конфузился и не зналъ, куда дѣвать свои неуклюжія руки и ноги. Равнодушный къ литературѣ и ко всякимъ вопросамъ, онъ тѣмъ не менѣе аккуратно ходилъ на литературные вечера, движимый неизвѣстно чѣмъ; всегда приходилъ первымъ и уходилъ послѣднимъ. Рождественскій, спокойный, медлительный, серьезный, интересовался вечерами почти такъ же сильно, какъ Шумовъ, но не былъ способенъ ни къ какой иниціативѣ, а всегда добросовѣстно и серьезно шелъ за кѣмъ-нибудь, болѣе горячимъ и изобрѣтательнымъ; онъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые бываютъ дѣятельны и энергичны, если только ихъ, по выраженію Чурилова, время отъ времени «смазывать скипидаромъ». Четвертый, Рахмановъ, ловкій, красивый юноша изъ родовитой дворянской семьи, привлекъ особенное вниманіе старушки Березиной, которая сама принадлежала къ родовитой фамиліи и очень высоко цѣнила это. У нея съ Рахмановымъ нашлись общіе знакомые, общія воспоминанія, и завязался оживленный разговоръ, отъ котораго Лобзикову дѣлалось жутко, а Рыбину мучительно скучно. Съ приходомъ Шумова разговоръ измѣнился.

— Вы очень мило сдѣлали, что придумали эти вечера,—любезничала старушка съ Шумовымъ. — Пріятно видѣть въ моло-

Digitized by Google

дыхъ людяхъ серьезное направленіе. Скажите, пожалуйста, вы не читаете на своихъ вечерахъ исторію Карамзина?

— Нѣтъ.

— А философію Гегеля?

— Тоже нѣтъ.

Старушка смущенно пожевала своими пухлыми губами, видимо припоминая еще какую-нибудь серьезную книгу; но, не припомнивъ ничего, стала наливать Шумову чай, захватывая щипчиками сахаръ съ такой осторожностью, какъ будто играла въ бирюльки. На лицѣ Березина появилась какая-то загадочная улыбка по адресу матери. Лобзиковъ тяжело сопѣлъ и старательно поджималъ подъ себя ноги; Рыбинъ гнулъ пальцами чайную ложку, а Рождественскій поглядывалъ съ дѣловымъ видомъ на часы.

— Что же вы дѣлаете на своихъ вечерахъ, господа?—нерѣшительно спросила старушка.

— На прежнихъ вечерахъ мы разыгрывали сцены изъ *Ревизора*, *Горя отъ ума*,—отвѣтилъ Шумовъ, удивленный тѣмъ, что она не знаетъ объ этомъ отъ сына.—Читали *Лира*, каждый свою роль.

— Прекрасно, прекрасно!—кивала старушка.

— Некрасова—*Морозъ красный носъ*.

— Некрасова?—переспросила старушка, насторожившись.—А сегодня что̀ предполагается?

— Сегодня?... Гдѣ у насъ афиша-то?

Березинъ всталъ и принесъ листъ веленевой бумаги, на которой прекраснымъ круглымъ почеркомъ было написано:

ПРОГРАММА.

Отдѣленіе 1-е:

1) *Писемскій и Достоевскій* . . . . . Г. Шумовъ.
2) *О значеніи Никитина*. . . . . Г. Рождественскій.
3) *Скупой рыцарь*—Пушкина:

Баронъ . . . . . Г. Рыбинъ.
Альбертъ . . . . . Г. Вальтеръ.
Жидъ. . . . . Г. Шурагинъ.
Иванъ. . . . . Г. Лобзиковъ.
Герцогъ. . . . . Г. Рождественскій

Отдѣленіе 2-е:

1) *Записки сумасшедшаго*—Гоголя. . . Г. Рыбинъ.
2) *Рыцарь на часъ*, стих. Некрасова . . Г. Шумовъ.

Digitized by Google

3) *Монологъ Гамлета*: «О, если-бъ вы,
души моей оковы». . . . . Г. Рахмановъ
4) *Сонъ бѣдняка*, стих. Беранже. . . . Г. Сверчковъ.
5) *Еврейскіе куплеты* исполнитъ . . . Г. Шурагинъ.

Начало въ 8 час. вечера.

Между 1-мъ и 2-мъ отдѣленіями антрактъ ½ часа.

Литографія Лобзикова.

— Господа, что за пошлость: зачѣмъ эти глупые еврейскіе куплеты?—воскликнулъ съ негодованіемъ Шумовъ.

— Шурагинъ заходилъ утромъ и просилъ внести его въ афишу,—отвѣчалъ Березинъ, посмѣиваясь.

— Ничего, позабавитъ,—замѣтилъ Рахмановъ.

— Вотъ ужъ не ожидалъ отъ Шурагина такой глупости,—произнесъ солидно Рождественскій.

— А ты, Лобзиковъ, зачѣмъ пишешь на афишѣ всякую чепуху?—спросилъ сердито Шумовъ.

— Какую?—удивился Лобзиковъ, покраснѣвъ, какъ институтка.

— Зачѣмъ *литографію* написалъ? Что-нибудь одно: или дурачиться, или дѣло дѣлать.

Лобзиковъ, засунувъ свои толстыя руки между колѣнъ, краснѣлъ и смѣялся.

— А это что еще?—воскликнулъ Шумовъ, разсмотрѣвъ на программѣ какую-то надпись, сдѣланную изумительно мелкимъ почеркомъ, и, поднеся ее къ лампѣ, прочелъ:

«Оркестръ исполнитъ «Волынку»: Гг. Лобзиковъ и Сверчковъ»

Всѣ захохотали. Лобзиковъ и Сверчковъ, дѣйствительно, умѣли мастерски изображать волынку, но Шумовъ нашелъ это неумѣстнымъ и разсердился.

— Ну, да ладно, сотру,—сказалъ Рыбинъ, авторъ надписи.

— Прекрасный почеркъ!—замѣтила Березина, внимательно прочитавъ программу.

Ея глаза безпокойно бѣгали по столу, старательно избѣгая смотрѣть на гостей.

— Очень мило, очень мило,—пробормотала она.— Только я удивляюсь на васъ, господа: у васъ столько занятій, столько приходится работать головой, а вы, чѣмъ бы отдохнуть въ праздникъ, повеселиться, потанцовать,—берете на себя такія серьезныя вещи.

— Я не танцую,—возразилъ Шумовъ, начиная съ недоумѣніемъ глядѣть на хозяйку.

Digitized by Google

На губахъ Березина опять заиграла загадочная усмѣшка.

— За то вотъ кто у насъ записной танцоръ!—сказалъ Рахмановъ, потрепавъ Лобзикова по плечу.

Всѣ разсмѣялись, а пуще всѣхъ самъ Лобзиковъ, которому было легче возить воду, чѣмъ принимать участіе въ танцахъ.

— Да мы не работаемъ головой,—произнесъ Рыбинъ, отвѣчая на замѣчаніе хозяйки.—Его уже давно подмывало посыпать разговоръ перцемъ.

— Какъ не работаете?—изумилась старушка.—У васъ столько уроковъ, такой трудный курсъ. У Женички блестящія способности, а онъ, однако, утомляется. Я, просто, съ ужасомъ стотрю на это.

— Мы утомляемся не отъ работы,—сказалъ Рыбинъ, — у насъ головоломнаго ничего нѣтъ. Мы дохнемъ отъ скуки, отъ долбежки.

Березина пугливо взглянула на расходившагося Рыбина, и потомъ еще пугливѣе посмотрѣла на сына, который оглядывалъ всѣхъ съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «Смотрите, вотъ сейчасъ будетъ потѣха!»

— Ай, какой вы!—пролепетала старушка.

— Да у насъ, право, можно разучиться читать и писать по-русски!—продолжалъ Рыбинъ.—Вы бы посмотрѣли, какъ у насъ переводятъ. Да вотъ, позвольте, я вамъ сейчасъ представлю образчикъ. У меня цѣлая коллекція этихъ курьезовъ. Это переводъ съ греческаго, сдѣланный въ III классѣ подъ руководствомъ учителя.

Рыбинъ поспѣшно вынулъ записную книжку и прочиталъ слѣдующее:

О храмахъ.

«Аѳина имѣла великолѣпный храмъ въ Аѳинахъ и Спартѣ. Храмъ въ Аѳинахъ находился на вершинѣ, а въ храмѣ находилось изображеніе богини, прекрасная работа Фидія; украшеніе же статуи было золотое. Она имѣла также пестрое платье, даръ аѳинскихъ дѣвицъ. А въ Спартѣ Аѳину лакедемоняне называли Халкіэкой, ибо храмъ имѣлъ мѣдное украшеніе. Предатель же Павзаній бѣжалъ въ храмъ Аѳины Халкіэки; Гера же имѣла храмъ въ Платеѣ и на островѣ Самосѣ, а изображеніе богини, находившееся въ храмѣ, носило золотое украшеніе. А въ храмѣ Геры кормили священныхъ павлиновъ, а гербомъ Самоса былъ павлинъ».

— Ну, это вы шутите!—воскликнула старушка.

Digitized by Google

— Нѣтъ, правда, правда!—подтвердили всѣ хоромъ.

— Да мы, семиклассники, каждый день слышимъ такіе курьезы,—замѣтилъ Рождественскій.

— А нѣмецъ? Тоже молодчина! — сказалъ Шумовъ.—У тебя, Рыбинъ, кажется, записано?

— Попадается намъ слово *Ritterschlag*, — началъ Рыбинъ, обращаясь къ старушкѣ, которая сидѣла въ тревогѣ и смущеніи,— это значитъ: «посвященіе въ рыцари». Нѣмецъ дѣлаетъ такой переводъ фразы: «Получивъ рыцарскій ударъ, рыцарь былъ настоящимъ рыцаремъ; онъ ложился въ кровать и думалъ, что онъ предуготовилъ себѣ мѣсто въ раю»... Слово *Ursprung* онъ объяснилъ такъ: «это означаетъ то, что̀ съ незапамятныхъ временъ выскакиваетъ откуда-нибудь»... А вотъ еще лучше...

— Нехорошо смѣяться надъ своими наставниками!—перебила старушка, покраснѣвъ.

— Да мы смѣемся не надъ наставниками, а надъ ихъ смѣшнымъ языкомъ, — возразилъ Шумовъ. — Надъ Прокоповымъ мы никогда не смѣялись и никакихъ каверзъ ему не дѣлали.

— Кто это Прокоповъ?—заинтересовалась старушка.

— Онъ преподаетъ исторію въ четвертомъ, пятомъ и шестомъ; въ шестомъ онъ былъ у насъ класснымъ наставникомъ. Вотъ спросите всѣхъ, какъ мы его любимъ. Никому изъ насъ и въ голову не приходило обманывать его... развѣ ужъ какому-нибудь самому отпѣтому. Правда, Рахмановъ?

— Да, это правда,—подтвердилъ Рахмановъ.—Бывало, кто-нибудь сбезобразничаетъ за его урокомъ, и мы видимъ, что Прокопову стыдно за него. Тогда мы сейчасъ же сами вступаемся, потому что намъ самимъ становится совѣстно.

— У Прокопова мы всегда усердно занимались исторіей,— продолжалъ Шумовъ.—Онъ умѣлъ какъ-то оживить всѣхъ.

— Точно живой водой спрыснетъ,—вставилъ Рыбинъ.

— Иногда придетъ въ классъ усталый, больной,—онъ вѣдь вообще болѣзненный,— продолжалъ съ одушевленіемъ Шумовъ: — а черезъ четверть часа, смотришь, увлекся,—разсказъ такъ и льется, а мы чувствуемъ, что у насъ какія-то крылья вырастаютъ...

— Да, Прокоповъ... Это что говорить! Человѣкъ свѣжій, симпатичный!—раздались голоса гимназистовъ, въ глазахъ которыхъ вдругъ засвѣтилось хорошее, теплое чувство...

— А когда мы въ седьмомъ классѣ попали къ «Расплюеву»,— сказалъ Шумовъ,— намъ сдѣлалось такъ скучно, что мы всѣ бросили заниматься исторій.

Digitized by Google

— Къ «Расплюеву?»—удивилась старушка.—Это кто же?

— Это нашъ историкъ,—пояснилъ Березинъ,—прозванъ такъ потому, что вѣчно плюетъ.

Гимназисты засмѣялись, а старушка испуганно заморгала.

— Вы, господа, всякаго просмѣете,—сказала она, краснѣя не то отъ смущенія, не то отъ досады.—Я вѣдь знаю: какъ попадется вамъ учитель подобрѣе, такъ вы начнете Богъ знаетъ что позволять себѣ съ нимъ.

— Это правда, — отозвался Шумовъ изъ дальняго угла, куда онъ засѣлъ.—Мы такъ не привыкли къ мягкому, деликатному обращенію, что сейчасъ же норовимъ засмѣять добраго, покладистаго учителя. Еще маленькіе побаиваются, старшіе немножко стыдятся, а средніе — начиная со 2-го, 3-го класса и кончая 5-мъ, — настоящая чума для добрыхъ учителей.

— Что касается меня, то я терпѣть не могу рыхлятины,—замѣтилъ Рыбинъ. — Нѣтъ ничего несноснѣе этой патоки съ имбиремъ... Вонъ Прокоповъ—добрякъ, а гадости никому не проститъ. Поэтому ученики и чувствуютъ въ немъ какую-то силу и уважаютъ не въ примѣръ прочимъ.

— Ахъ, господа, это ужасъ, какъ вы все критикуете! — воскликнула съ неудовольствіемъ старушка. — Пока вы въ гимназіи, вамъ слѣдуетъ, какъ добрымъ воспитанникамъ, добросовѣстно исполнять свои обязанности, подчиняясь тѣмъ опытнымъ людямъ, которымъ ввѣрено ваше воспитаніе.

— Вы смотрите на насъ какъ на капризныхъ дѣтей, — сказалъ съ досадой Шумовъ, — въ восемнадцать лѣтъ человѣкъ, мнѣ кажется, давно пересталъ быть ребенкомъ. Вы запрещаете намъ разсуждать, отличать хорошее отъ дурного, а, между тѣмъ, сами старшіе, — родители, начальство, учителя,— требуютъ отъ насъ, чтобы мы умѣли находить разницу между дурнымъ и хорошимъ, а когда не умѣемъ, насъ бранятъ, стыдятъ, наказываютъ. Учитель словесности требуетъ, чтобы мы отличали хорошій слогъ отъ сквернаго, а когда сами учителя коверкаютъ языкъ, мы не должны замѣчать этого! Преподаватели бранятъ насъ, когда мы тупѣемъ отъ зубрежки, требуютъ отъ насъ серьезнаго отношенія къ дѣлу, а если мы задумаемъ что-нибудь сдѣлать своимъ умомъ, всѣ кричатъ намъ «Цыцъ, не смѣйте!»

— Дойдите сначала до университета,—сказала старушка, косясь озабоченно на сына.

— Да съ чѣмъ мы дойдемъ,—съ какими знаніями, съ какимъ развитіемъ? — рѣзко возразилъ Шумовъ. — Вы посмотрите на н

Digitized by Google

шихъ восьмиклассниковъ, послушайте, о чемъ они разговариваютъ: передразниваютъ учителей не хуже приготовишекъ, мечтаютъ о пятеркахъ, выуживаютъ изъ древнихъ классиковъ разныя непристойныя, а если заговоритъ объ университетѣ, то только и слышишь: «самый хлѣбный факультетъ»... «черезъ три года такой-то окладъ»... Просто, плюнуть хочется!

Но Березина не слушала его: вниманіе ея было устремлено на сына, который взялъ у Лобзикова толстѣйшую папироску и неумѣло раскуривалъ ее.

— Женичка... другъ мой!—произнесла старушка умоляющимъ тономъ, прижимая къ груди свои пухленькія руки. — Ради всего святого, не кури эту гадкую папиросу!

Березинъ бросилъ папиросу, а Лобзиковъ, сконфуженный, отвернулся.

— Вотъ тебѣ за то, что ты слушаешься своей мамочки!— сказала Березина, вставая.—Ну, господа, я не буду мѣшать вамъ... Прощай, Женичка!

Она долго крестила и цѣловала его.

— Не засиживайся долго, Женичка,—вредно. Надо раньше ложиться, другъ мой.

— Мы, мамочка, въ одиннадцать разойдемся.

— И прекрасно. Прощайте, господа. Извините, что я васъ покидаю: не хочу мѣшать вамъ... Au revoir, мосьё Рахмановъ! Прощайте, мосьё Шумовъ!

И она, расточая на всѣ стороны любезныя улыбки, неслышно вышла изъ комнаты. Всѣ вздохнули свободнѣе, а Лобзиковъ разстегнулъ жилетъ и смѣло выпустилъ изо рта густой клубъ вонючаго дыма.

— Куда же эти черти запропастились. Вальтеръ, Сверчковъ, Шурагинъ?—сказалъ Рыбинъ, вставая изъ-за стола и дѣлая ручную гимнастику.—Нечего ихъ ждать. Шумовъ, валяйте о Писемскомъ и Достоевскомъ.

Шумовъ вынулъ тетрадку и началъ читать. Всѣ слушали очень внимательно и съ живѣйшимъ интересомъ; Рыбинъ по временамъ дѣлалъ одобрительныя замѣчанія, а Лобзиковъ сочувственно мычалъ; Березинъ, узнавъ, что это—самостоятельная работа Шумова, выразилъ ему свое лестное удивленіе; Рождественскій записывалъ что-то на бумажкѣ, а Рахмановъ смотрѣлъ на Шумова добрыми, благодарными глазами. Всѣ были серьезны, вдумчивы, всѣ чувствовали одушевленіе, всѣ какъ-то сразу измѣнились до неузнаваемости,—это были совсѣмъ не тѣ гимназисты, которые показы-

Digitized by Google

вали во время классовъ носы учителямъ, а въ перемѣны «дѣлали слона», устраивали «стѣнку», курили въ печурку и разсказывали про директора, инспектора и про ихъ женъ грязные анекдоты. Передъ Шумовымъ сидѣли люди, живущіе чуткою и сознательною жизнью.

Пришли Сверчковъ и Вальтеръ. Сверчковъ, миніатюрный блондинъ, суетливый и болтливый сангвиникъ, выпустилъ сразу цѣлый залпъ извиненій, объясненій и сожалѣній.

Вальтеръ, по фамиліи нѣмецъ, а по наружности, складу и языку вполнѣ русскій, красивый, подвижной, веселый, пожалъ всѣмъ руки, похлопалъ Лобзикова по животу, сыгралъ на піанино, стоявшемъ въ гостиной, польку и выгрузилъ изъ кармановъ яблоки, купленныя имъ по дорогѣ.

— Шумовъ ужъ прочиталъ свое? Жаль... Вы мнѣ дайте, что̀ написали: я дома прочту,—говорилъ онъ, разсматривая афишу.

— Господа, можно мнѣ прочитать кое-что сверхъ программы?—спросилъ Серчковъ.

— Что именно?—полюбопытствовалъ Шумовъ.

Онъ зналъ за Сверчковымъ страстишку ко всему запрещенному, начиная съ «Что дѣлать» Чернышевскаго и кончая стихами Баркова. Ему нравилось въ книгѣ то, что она запрещена, а до содержанія ея ему не было никакого дѣла. У него карманы вѣчно были набиты нецензурными стихами, экспромптами разныхъ знаменитостей, никогда ихъ не произносившихъ, рѣчами высокопоставленныхъ лицъ, которымъ и въ голову не приходило говорить ихъ, литографированными брошюрками и т. п. Онъ старался распространять содержимое своихъ боковыхъ кармановъ вездѣ, гдѣ только можно, мало заботясь о томъ, что̀ именно и съ какою цѣлью онъ распространяетъ. Его больше всего занималъ самый процессъ распространенія; ему нравилось, отведя кого-нибудь къ сторонкѣ, таинственно совать ему бумажку въ руку, нашептывая при этомъ, что это страшно опасная вещь, за которую грозитъ каторга...

— Я хочу прочесть ненапечатанное стихотвореніе Пушкина, никому неизвѣстное,—объявилъ Сверчковъ.

— Пушкина?—усомнился Шумовъ.—Въ какомъ родѣ?

— Да какъ вамъ сказать?... Въ вольномъ.

— То-есть въ фривольномъ? Нѣтъ, этого не надо.

— Не надо,—подтвердилъ Рождественскій.

— Да, вѣдь, Пушкинъ!—настаивалъ Сверчковъ.

— И, навѣрное, не Пушкинъ, а Барковъ, какъ прошлый разъ. Къ чему эти гадости?

Digitized by Google

— Шумовъ правду говоритъ,—согласился Вальтеръ.

— Въ такомъ случаѣ, я прочту нѣсколько страницъ изъ Ренана: *Жизнь Христа*.

— Да ужъ поздно,—возразилъ Шумовъ, желая отдѣлаться отъ Сверчкова.—Оставимъ до слѣдующаго раза.

Всѣ согласились съ Шумовымъ и рѣшили продолжать вечеръ по программѣ. Рождественскій, волнуясь съ непривычки, прочелъ свою статью о Никитинѣ. Всѣ остались очень довольны чтеніемъ. Шумовъ нашелъ, что это очень дѣльная вещь, и пожалъ руку Рождественскому; Березинъ похвалилъ, но замѣтилъ при этомъ, что статья производитъ слишкомъ мрачное впечатлѣніе. Вальтеръ подсѣлъ къ Рождественскому и погладилъ его по головѣ; Рахмановъ сказалъ: «Очень мило», а Лобзиковъ промычалъ: «Здорово!»

Пришелъ Шурагинъ во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ и перчаткахъ. Оказалось, что онъ собирается съ Березинымъ на балъ.

— А какъ же мамочка-то?—спросилъ Лобзиковъ.

— Мамочка не узнаетъ: не въ первый разъ,—засмѣялся Березинъ и убѣжалъ изъ комнаты распорядиться насчетъ ужина.

Прочитали *Скупого рыцаря* безъ костюмовъ и гримма, но за то и безъ суфлера. Всѣ знали свои роли отлично, и чтеніе сошло гладко. Потомъ Рыбинъ, нарядившись въ халатъ, превосходно прочелъ *Записки сумасшедшаго*... Потомъ Березинъ предложилъ закусить.

— Господа, это ни на что не похоже! — возмутился Шумовъ.—Надо сначала исполнить программу.

Но всѣ уже входили въ столовую, гдѣ была сервирована разнообразная закуска и стояла цѣлая батарея бутылокъ.

— Точно два дня не ѣли!—проворчалъ Рождественскій, отказываясь сѣсть за столъ.

Захлопали пробки. Вальтеръ суетился, откупоривая, наливая и предлагая разные тосты: онъ былъ привычнымъ распорядителемъ на всякихъ вечеринкахъ, обѣдахъ и танцовальныхъ вечерахъ. Березинъ, одѣтый уже по-бальному, усердно угощалъ гостей; Шурагинъ, кривляясь и гримасничая, пѣлъ еврейскіе куплеты.

— Кто бы подумалъ, что этотъ прилизанный господинъ мо[ж]етъ такъ паясничать?—шепнулъ Шумову Рождественскій, си[д]ѣвшій въ сторонѣ съ пасмурнымъ видомъ.

— Чортъ знаетъ, что за пошлость!—отвѣтилъ въ полголоса Шумовъ.—Вотъ и затѣвай что-нибудь съ этими людьми!

Рыбинъ дурачился, устраивая изъ разныхъ напитковъ невозможную смѣсь, именуемую «медвѣдемъ», и предлагая на пари

Digitized by Google

разгрызть зубами рюмку; Рахмановъ, снявъ сюртукъ, громко повѣствовалъ о кордебалетѣ, гдѣ у него было обширное знакомство.

— Господа, прошу слова! — провозгласилъ Шумовъ почти грознымъ тономъ.

— Господа, господа!—взывалъ Рождественскій.

— Тс!...—Вниманіе!—Шумовъ хочетъ говорить!—Тише, дьяволы!—Заткните Сверчкову глотку!—Шумовъ, говори!—Тише, тише!—послышались голоса.

— Господа! — началъ Шумовъ дрожащимъ голосомъ.—Вѣдь, мы собрались не для попойки, не для пошлой болтовни, не для переливанія изъ пустого въ порожнее...

— Вотъ такъ смазалъ!—рявкнулъ расходившійся Лобзиковъ.

— Тс... Тише!—послышались голоса.

— Когда мы разсуждали о нашихъ вечерахъ,—продолжалъ Шумовъ,—у всѣхъ были серьезныя намѣренія...

— Правильно!—прогудѣлъ Лобзиковъ.—И потому долбанемъ по банкѣ!

— Мы злимся, когда съ нами обращаются какъ съ мальчиками, а сами мальчишествуемъ,—сказалъ съ горечью Шумовъ, бросивъ сердитый взглядъ на Лобзикова.—Какъ только надъ нами перестаетъ висѣть Дамокловъ мечъ, въ видѣ надзирателя, единицы или какого-нибудь наказанія, такъ мы сейчасъ же безобразно распускаемся... вотъ какъ теперь, напримѣръ...

— Совершенно вѣрно!—подтвердилъ Рождественскій.

— Протестую!—крикнулъ Сверчковъ.—Вы проповѣдуете Дамокловъ мечъ, вы вооружаетесь противъ всякой свободы...

— Не говорите чепухи! — громко перебилъ его Шумовъ.— Я возстаю противъ пошлости, противъ балаганства, противъ дурацкихъ куплетовъ и безобразныхъ анекдотовъ...

— Горбатаго исправитъ могила,—буркнулъ Лобзиковъ.

— Эхъ, господа, вы не то говорили прежде, — сказалъ Шумовъ съ горечью.—Не вы ли сами твердили, что намъ непремѣнно нужно позаботиться о саморазвитіи?... И вдругъ послѣ этого... За какимъ же чортомъ, спрашивается, мы устроили эти вечера?

Шумовъ остановился, потому что Сверчковъ затянулъ пѣсню, которую онъ всегда неукоснительно пѣлъ послѣ второй рюмки вина.

— Эй, дубинушка, ухнемъ! — подхватилъ нестройный, но за то оглушительный хоръ.

— Березинъ, подтягивай! Гдѣ Березинъ?

Оказалось, что Березинъ съ Шурагинымъ подъ шумокъ уѣхали на балъ.

Digitized by Google

Шумовъ, не простясь ни съ кѣмъ, вышелъ. На улицѣ его нагналъ Рождественскій... Шелъ мокрый снѣгъ, дулъ пронизывающій вѣтеръ: зима какъ будто вздумала вернуться.

— Отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ,—сказалъ Рождественскій.

— Я чувствую себя такъ, какъ будто мнѣ наплевали въ лицо,—сказалъ Шумовъ.

Затѣмъ они молча пожали другъ другу руки и разошлись въ разныя стороны.

X.

Въ 7-мъ классѣ урокъ латинскаго языка. На каѳедрѣ сидитъ человѣкъ лѣтъ 30-ти, въ новомъ съ иголочки вицъ-мундирѣ, длинный, костлявый, съ маленькою головкой, которою онъ безпрестанно, кстати и не кстати, киваетъ, съ голубыми наивными глазами и маленькою черною бородкой. Это — Криничъ; ученики за-глаза зовутъ его «чехомъ», хотя онъ—хорватъ.

— Рибинъ!—вызываетъ онъ.—Вотъ... переводите.

Онъ нарочно вызываетъ по понедѣльникамъ пансіонеровъ, такъ какъ замѣтилъ, что послѣ праздниковъ они обыкновенно не знаютъ урока. Рыбинъ запинается на каждомъ словѣ и, наконецъ, объявляетъ, что у него болятъ зубы. Криничъ презрительно качаетъ головой. Болѣзнямъ гимназистовъ онъ не вѣритъ и не допускаетъ мысли, чтобы какая-нибудь зубная боль могла быть помѣхой при чтеніи авторовъ. О немъ разсказываютъ въ шутку, что самъ онъ лѣчится отъ всѣхъ болѣзней латинскими авторами: Овидій помогаетъ при головныхъ болякъ, Горацій — при желудочныхъ и т. д.

— Садитѣсь! — говоритъ онъ Рыбину и вызываетъ Жмаковскаго.

Начинается со всѣхъ сторонъ подсказываніе, и Жмаковскій съ грѣхомъ пополамъ переводитъ. Попадается слово *fera*; Жмаковскій становится въ тупикъ.

— *Fera*,—говоритъ Криничъ,—это—дичь... нэ... дичь, корую охотятся... напримѣръ... напримѣръ...

Онъ ищетъ словъ и жалобно смотритъ на учениковъ.

— Напримѣръ, верблюдъ,—подсказываетъ Рыбинъ.

Криничъ радостно киваетъ.

— Черепаха,—говоритъ Буркинъ.

— Да, да... дичь—черепаха... Вотъ!... Такъ. Хорошо.

Digitized by Google

Переводъ продолжается. Криничъ то радостно улыбается, то чуть не плачетъ и бьетъ себя въ грудь. Онъ—фанатическій классикъ, считаетъ знаніе латинскаго языка дѣломъ первостепенной важности, съ жаромъ доказываетъ, что надо писать *Вергилій*, а не *Виргилій*, *сит*, а не *цуит*, и приходитъ въ неподдѣльный ужасъ, если гимназистъ забылъ, что Цицерона звали *Маркъ Туллій*.

— Шумовъ!—вызываетъ онъ.

Шумовъ, весь полный мыслью о домашнихъ, вскакиваетъ, точно спросонья. Сверковъ указываетъ ему пальцемъ, гдѣ остановился Жмаковскій. Шумовъ начинаетъ читать, останавливается и молчитъ. Ему подсказываютъ. «Говорите громче: не разберу»,—шепчетъ онъ. Лобзиковъ гудитъ, какъ шмель.

— Нэ—замѣчаетъ Криничъ.—Сами перевести... сами, а не другіе... нэ!

Онъ уже начинаетъ краснѣть отъ негодованія, но Шумова выручаетъ Буркинъ.

— Иванъ Павловичъ, — объявляетъ онъ, — Шумовъ вчера праздновалъ день рожденія, и мы всѣ были у него: оттого онъ и не приготовился.

— Рожденье?—переспрашиваетъ Криничъ съ недоумѣніемъ.

— Родѝны его,—громко возглашаетъ Буркинъ.

Раздается смѣхъ. Криничъ волнуется.

— Родѝны?... Нэ, нэ!—говоритъ онъ.—Зачѣмъ обманывать?

Со всѣхъ сторонъ поднимается гвалтъ и слышатся голоса:

— Были всѣ.—Весь классъ.—Поздно разошлись.—Ей-Богу!

Криничъ машетъ руками и говоритъ:

— Я другой разъ спрошу васъ... послѣ рожденія. А теперь не надо... нэ. Садитѐсь. Хлюпинъ, переводите.

Хлюпинъ, близорукій, старообразный и точно весь сморщенный, — первый любимецъ Кринича. Онъ еще въ 5-мъ классѣ рѣшилъ пойти «по классическому», облюбовалъ древніе языки за то, что они — «самые хлѣбные». Онъ прочелъ въ оригиналѣ чуть не всѣхъ классиковъ; за то Тургенева, Гончарова и Достоевскаго не собрался прочесть...

Хлюпинъ переводитъ, а Криничъ, слушая его, сіяетъ и смотритъ на него влюбленными глазами. Раздается звонокъ. Криничъ ставитъ Хлюпину 5 съ крестомъ и направляется къ выходу; но дверь почему-то не хочетъ отвориться, хотя ясно, что она не заперта. Всѣ сбѣгаются къ двери, шумятъ, ломятся. Буркинъ хлопочетъ больше всѣхъ и барабанитъ въ нее кулаками; Рыбинъ предлагаетъ выломить дверь. По ту сторону двери тоже толпится народъ

Digitized by Google

и тоже ломится. Криничъ безпомощно разводитъ руками. Наконецъ, Буркинъ «открываетъ ларчикъ»: дѣлаетъ что-то съ задвижкой, отворяетъ дверь и выпускаетъ Кринича, говоря ему при этомъ:

— На чаекъ бы съ вашей милости!

Потомъ онъ объясняетъ хохочущей толпѣ, что онъ выскребъ песокъ изъ отверстія нижней задвижки двери, и задвижка, опустившись въ дыру, держала дверь. Гимназисты покатываются со смѣху. На шумъ приходитъ Антонъ Ивановичъ и восклицаетъ:

— А фотъ арэстъ!

Затѣмъ онъ начинаетъ расхаживать по классу, подозрительно оглядываясь и прислушиваясь.

— Ахъ, старая лошадь! Покурить не дастъ,—говоритъ Буркинъ и затѣмъ, остановивъ Блюма въ дверяхъ, заводитъ съ нимъ разговоръ о томъ, какъ во время оно сѣкли въ гимназіи. Это—любимая тема Антона Ивановича: онъ увлекается, перестаетъ слѣдить за классомъ, а Рыбинъ, Лобзиковъ и другіе курятъ въ это время въ печурку; затѣмъ Рыбинъ идетъ говорить съ Антономъ Ивановичемъ о розгахъ, а Буркинъ идетъ курить и т. д.

Второй урокъ—греческій. Входитъ Брониславскій, блѣдный, нервный и злой, съ глазами рыси и со слѣдами невоздержной жизни въ лицѣ. Онъ вызываетъ учениковъ гробовымъ голосомъ, не отводитъ глазъ отъ своихъ ногтей, придирается, сбиваетъ ученика, потомъ говоритъ: «Очень хорошо»—и ставитъ двойку, причемъ глаза его свѣтятся злорадствомъ. Онъ терпѣть не можетъ бойкихъ и снисходитъ только къ безцвѣтнымъ, льстивымъ зубрилямъ. Особенно ненавистны ему Рыбинъ и Шумовъ. Онъ вызываетъ Рыбина, сбиваетъ его и ставитъ ему двойку; потомъ вызываетъ Шумова, придирается къ нему, не даетъ выговорить слова и ставитъ единицу.

— Вы не перейдете въ 8-й классъ: предсказываю вамъ,—говоритъ онъ, блѣднѣя отъ злости.

Шумовъ вспоминаетъ вчерашній разговоръ съ матерью и Виржиновымъ: всѣ они—Брониславскій, мать и Виржиновъ—сливаются передъ нимъ въ одно лицо, холодное, зловѣщее, безпощадное, и онъ чувствуетъ себя какимъ-то отверженцемъ, котораго никто не любитъ и не жалѣетъ... А Брониславскій вызываетъ одного за другимъ, слушаетъ, не поднимая глазъ, и ставитъ съ злою усмѣшкой двойки... Раздается звонокъ, и Брониславскій уходитъ съ удовлетвореннымъ видомъ, — въ этотъ разъ онъ поставилъ двѣ единицы и пять двоекъ.

Во время перемѣны Шумовъ столкнулся въ коридорѣ съ Прововымъ. Это былъ худой, болѣзненный человѣкъ, преждевремен-

Digitized by Google

но состарившійся, съ большими серьезными и усталыми глазами, тихимъ, ласковымъ голосомъ и мягкими движеніями. Хотя онъ не училъ въ 7-мъ классѣ, но семиклассники сохранили съ нимъ нѣкоторую связь и всегда пользовались случаемъ перекинуться съ нимъ нѣсколькими словами.

— Шумовъ, что это вы, голубчикъ, по древнимъ языкамъ захромали?—спросилъ онъ, останавливая на Шумовѣ свой участливый взглядъ.

— Такъ какъ-то... скверно все,—отвѣтилъ Шумовъ, растерявшись отъ неожиданнаго ласковаго вопроса.

— Что скверно?

Шумову хотѣлось многое сказать Прокопову, но онъ не могъ собраться съ мыслями и не зналъ, съ чего начать; къ тому же онъ видѣлъ, что Прокопову надо спѣшить: вонъ уже солдатъ идетъ къ звонку. И Шумовъ пробормоталъ въ отвѣтъ что-то невнятное.

— Вы, знаете, того... приналягте,—сказалъ Прокоповъ,— а то, вѣдь, обидно... Надо поскорѣй добираться до университета.

Послышался звонокъ, и Прокоповъ торопливо ушелъ. Послѣ разговора съ любимымъ учителемъ Шумову стало полегче, и онъ веселѣе пошелъ въ классъ.

Входитъ учитель математики, прозванный «Макаромъ»: это очень добродушный и болтливый старикъ; онъ самъ нуждается въ снисхожденіи, а потому и къ ученикамъ снисходителенъ. Въ широчайшихъ брюкахъ и съ широчайшею улыбкой на губахъ, математикъ неторопливо расхаживаетъ по классу и ведетъ шутливую бесѣду о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ. Чтобы выиграть время, Рыбинъ, Буркинъ и Сверчковъ начинаютъ «заговаривать зубы»: спрашиваютъ «Макара», что такое высшая математика и труденъ ли экзаменъ зрѣлости (послѣдній вопросъ задается ему на каждомъ урокѣ). На разговоры уходитъ съ полчаса. Потомъ математикъ спохватывается, вызываетъ Лобзикова къ доскѣ и велитъ нарисовать пирамиду. Лобзиковъ, сонный, еще не прочухавшійся послѣ вчерашняго, чертитъ на доскѣ что-то уродливое. Классъ смѣется, учитель улыбается.

— Подите, проспитесь,—говоритъ онъ и вызываетъ Афросимова.

Афросимовъ начинаетъ рѣшать на доскѣ геометрическую задачу, торопится, путается и, наконецъ, безпомощно опускаетъ руки.

— Ну, чего вы горячку порете?—говоритъ «Макаръ».—Математика требуетъ вниманія и осторожности.

Digitized by Google

Онъ подходитъ къ доскѣ и самъ начинаетъ рѣшать задачу: пишетъ, стираетъ; потомъ хмурится,—опять пишетъ, стираетъ, сокращаетъ. Его бросаетъ въ потъ... Дѣлитъ, приводитъ къ одному знаменателю, стираетъ и пишетъ. Наконецъ, сокращаетъ въ послѣдній разъ и получается: радіусъ равенъ двумъ діаметрамъ. Классъ оглашается взрывомъ хохота. Раздается звонокъ. «Макаръ» машетъ рукой и уходитъ, а ученики, давно ожидавшіе съ нетерпѣніемъ большой перемѣны, бѣгутъ завтракать.

За завтракомъ инспекторъ прошелъ по столовой и, остановясь противъ Шумова, сказалъ своимъ глухимъ голосомъ:

— Изъ греческаго единица... Охъ, какой ты!... Что?... Безъ отпуска останешься. Что?...

Четвертый урокъ—физика. Опять является «Макаръ» и ведетъ учениковъ въ физическій кабинетъ, чтобы показать разные опыты. Сначала перемываютъ и перетираютъ пыльныя стклянки, переливая въ то же время изъ пустого въ порожнее; потомъ смотрятъ, какъ соединяются кислородъ съ водородомъ; потомъ разрываютъ магдебургскія полушарія, причемъ Буркинъ нарочно отлетаетъ въ сторону, падаетъ на полъ и кричитъ, что его убилъ безвоздушный воздухъ. Потомъ демонстрируется телефонъ, но такъ какъ въ него начинаютъ выкрикивать бранныя слова по адресу Брониславскаго и инспектора, то «Макаръ» прекращаетъ демонстрацію и объявляетъ, что на этотъ разъ довольно.

Пятый урокъ—исторія. Входитъ мѣрнымъ шагомъ «Расплюевъ», пожилой господинъ съ сонными глазами и апатичною физіономіей. При одномъ взглядѣ на него всѣмъ дѣлается скучно: челюсти учениковъ начинаетъ сводить зѣвотой. Зѣваетъ и «Расплюевъ»: онъ знаетъ, что онъ всѣмъ надоѣлъ, и чувствуетъ, что и ему также всѣ опостылѣли. Онъ кашляетъ, громко плюетъ и вызываетъ Шурагина. Шурагинъ неторопливо отвѣчаетъ урокъ, заглядывая въ лежащаго передъ нимъ Иловайскаго. «Расплюевъ» сидитъ, опершись локтями о каѳедру, и позѣваетъ; потомъ машинально береть клочокъ бумаги (клочки бумаги нарочно положены на каѳедру предупредительнымъ Буркинымъ) и жуетъ. Шурагинъ продолжаетъ «плести лапти», справляясь все чаще и чаще съ Иловайскимъ. стальные или дремлютъ, или занимаются каждый своимъ дѣломъ. маковскій читаетъ своего любимаго Густава Эмара; Лобзиковъ итъ, положивъ подъ голову увѣсистый лексиконъ; Рыбинъ ѣстъ тербороды, которыми снабдилъ его Березинъ, а Буркинъ наблюетъ, сколько клочковъ бумаги сжуетъ «Расплюевъ».

Шурагинъ кончаетъ разсказъ и умолкаетъ.

Digitized by Google

— Ну?—говоритъ, встрепенувшись, историкъ.—Что же вы не отвѣчаете? Такъ нельзя, батюшка.

— Я все разсказалъ, что задано,—объясняетъ удивленный Шурагинъ.

Въ классѣ слышится смѣхъ. «Расплюевъ», впрочемъ, ни мало не смущается и ставитъ Шурагину *три*.

— За что же такъ мало?—протестуетъ тотъ.—Я хорошо отвѣчалъ.

— Н-но!... Садитесь,—говоритъ историкъ и вызываетъ слѣдующаго.

Шурагинъ знаетъ манеру историка: какую отмѣтку поставитъ въ началѣ года, той и придерживается вплоть до каникулъ,—все равно, приготовилъ ли ученикъ урокъ, или нѣтъ; Шурагинъ знаетъ также, что онъ отвѣтилъ урокъ по книгѣ, но все-таки считаетъ нужнымъ поворчать «для приличія». Слѣдующій ученикъ тоже «плететъ лапти». «Расплюевъ» сотни разъ выслушивалъ эту страницу о Меровингахъ изъ исторіи Иловайскаго, за предѣлы котораго онъ не считаетъ нужнымъ выходить. Онъ усиленно борется съ дремотой, изрѣдка понукая ученика:

— Н-но?... Что у васъ тамъ дальше? Разскажите еще что-нибудь.

Задняя лавка вынимаетъ носовые платки и приготовляется сморкаться. Раздается негромкая команда: «разъ, два, три»—и десятокъ носовъ выводитъ разнообразныя рулады. «Расплюевъ» лѣниво замѣчаетъ: «Н-но! Что тамъ?...» и опять погружается въ дремоту, и опять ученикъ монотонно плететъ лапти о Меровингахъ. Вотъ изъ задняго угла раздается на весь классъ чей-то отчаянный зѣвокъ съ разными переливами и сдержанное восклицаніе. «Этакая скука! Право, ужъ убирался бы скорѣй...» Вотъ Рыбинъ хватилъ Афросимова по затылку Иловайскимъ. Историкъ потягивается и замѣчаетъ:

— Н-но!... Что за безпорядокъ?

— Чѣмъ же я виноватъ, что у него голова такая звонкая?—оправдывается Рыбинъ.

— Н-но! Вы опять съ глупостями... Единицу поставлю.

— Дилектолъ тлебуетъ всѣхъ въ актовый залъ!—торжественно провозглашаетъ Масловъ, влетая бомбой въ классъ и топорщась отъ важности.

Н. Тимковскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Digitized by Google

МЕЛОЧИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Разсказы Франсуа Коппэ.

I.

За столомъ.

Когда дворецкій съ величественнымъ животомъ въ обширномъ казиміровомъ жилетѣ, съ важною красною физіономіей, обрамленною сѣдыми баками, съ наружностью англійскаго пэра, широко открылъ двери салона и прекраснымъ пѣвучимъ басомъ, звучнымъ и почтительнымъ, объявилъ: «Кушать подано», всѣ положили шляпы; наиболѣе почтенные люди предложили руку дамамъ и пошли въ столовую молча, сосредоточенно, почти какъ въ торжественной процессіи.

Столъ блисталъ красотою. Сколько цвѣтовъ! Сколько свѣту! Каждый приглашенный безъ труда находилъ свое мѣсто; не успѣвалъ онъ прочесть свое имя на атласной карточкѣ, какъ высокій лакей въ шелковыхъ чулкахъ тихо пододвигалъ ему мягкое кресло съ вышитою графскою короной.

Четырнадцать приглашенныхъ, не болѣе того: четыре молодыя дамы, декольте, и десять мужчинъ, аристократы по крови или по заслугамъ, во всѣхъ орденахъ въ честь иностраннаго дипломата, сидящаго по правую руку хозяйки. Маленькіе орденки висѣли въ петличкахъ; подъ отворотами двухъ-трехъ черныхъ фраковъ блестѣли брилліантовые знаки; тяжелый крестъ командора красовался на крахмаленной груди генерала. Что касается дамъ, онѣ выставили на-показъ всѣ свои драгоцѣнности.

Элегантное, избранное собраніе! Весь высокій залъ дышитъ довольствомъ: онъ натопленъ въ мѣру; стѣны украшены картинами genres mortes въ старинномъ стилѣ, съ грудами фруктовъ, напитками, живностью всѣхъ сортовъ. Прислуживаютъ безъ шума: слуги

Digitized by Google

точно скользятъ по мягкому ковру; буфетчикъ называетъ вина, наклоняясь къ уху гостя, точно желая сообщить ему секретъ, отъ котораго зависитъ его жизнь.

Супъ, крѣпкій и жирный бульонъ, придалъ желудку силу и бодрость и расположилъ сосѣдей къ бесѣдѣ. Сначала, конечно, обмѣнялись въ полголоса ничего незначущими банальностями. Но сколько изысканной вѣжливости въ сдержанныхъ движеніяхъ! Сколько любезности во взглядахъ и улыбкахъ! Послѣ шато д'икема духъ воспрянулъ. Эти люди, старые или, по большей части, очень зрѣлые, всѣ знатнаго рода или крупныхъ талантовъ, много пожившіе, богатые опытомъ и воспоминаніями, были созданы для разговоровъ, а красота присутствующихъ дамъ внушала имъ желаніе блеснуть, возбуждала ихъ умы къ соревнованію. Посыпались красивыя словечки, полетѣли неожиданныя остроты, завязались разговоры вдвоемъ, втроемъ. Знаменитый путешественникъ, съ бронзовою кожей, только что возвратившійся изъ глубины степей, разсказывалъ двоимъ сосѣдямъ про охоту на слоновъ, безъ хвастовства, такъ спокойно, точно рѣчь шла о кроликахъ. Дальше, тонкій профиль знаменитаго ученаго весело нагибался къ графинѣ; свѣтлая блондинка, стройная, съ изумленными молодыми глазами, съ красивою шеей, украшенной роскошными изумрудами, съ низкою грудью Венеры Медицейской, слушала его, улыбаясь.

Очевидно, роскошный обѣдъ обѣщалъ быть интереснымъ. Скука, обычный гнетъ свѣтскихъ пировъ, сюда не заглянетъ. Счастливцы проведутъ нѣсколько пріятныхъ часовъ, впивая наслажденіе всѣми фибрами, всѣми своими чувствами!

За этимъ же столомъ, на самомъ концѣ, въ скромномъ уголкѣ молча сидѣлъ молодой человѣкъ, безъ орденовъ, наименѣе замѣтный изъ всѣхъ присутствующихъ; человѣкъ съ воображеніемъ, мечтатель; смѣсь философа съ поэтомъ.

Принятый въ высшемъ обществѣ, благодаря славѣ артиста, аристократъ по природѣ, но безъ тщеславія, вышедшій изъ народа и не забывавшій его, онъ жадно вдыхалъ ароматъ цвѣтка цивилизаціи, называемаго хорошимъ обществомъ. Онъ лучше другихъ чувствовалъ, насколько въ этой средѣ все: прелесть женщинъ, умъ мужчинъ, блестящая сервировка стола, убранство зала, до искристаго бѣлаго вина,—все было рѣдкое и изысканное. Его радовало, что можетъ существовать собраніе такихъ изящныхъ и гармоничныхъ предметовъ. На него нахлынула струя оптимизма. Онъ находилъ отраднымъ, что бываютъ хоть когда-нибудь, гдѣ-нибудь въ этомъ печальномъ свѣтѣ счастливыя существа. Пусть они будутъ

Digitized by Google

только доступны милосердію и состраданію, а эти счастливцы навѣрно таковы,—кому они мѣшаютъ, кому дѣлаютъ зло?

Прекрасная, утѣшительная химера! Пріятно вѣрить, что жизнь пощадитъ хоть кого-нибудь, что есть люди съ веселымъ, кроткимъ взоромъ, съ улыбкой на устахъ, не знавшіе позорныхъ желаній, презрѣнныхъ слабостей!

Такъ размышлялъ тотъ, кого мы назовемъ «Мечтателемъ», когда величественный дворецкій торжественно вошелъ въ столовую, неся на огромномъ серебряномъ подносѣ баснословныхъ размѣровъ тюрбо, рыбу-феноменъ, какихъ приходится встрѣчать только на старинныхъ картинахъ, изображающихъ чудесный ловъ рыбы, или на выставкѣ въ рыбной лавкѣ, передъ которой, разинувъ рты, стоятъ уличные мальчишки.

Блюдо обносили; очередь дошла до Мечтателя, и когда на его тарелкѣ появился кусокъ чудовищнаго тюрбо, слабый запахъ моря вызвалъ въ его живомъ воображеніи картину бретонскаго берега, жалкую рыбацкую деревушку, гдѣ онъ провелъ позднюю осень прошлаго года и былъ свидѣтелемъ страшныхъ бурь. Ему вспомнилась ужасная ночь, когда корабли не могли добраться до стоянки,—ночь, которую онъ провелъ на молѣ среди встревоженныхъ женщинъ, обрызганный съ ногъ до головы пѣной, на вѣтру, который рвалъ съ него одежду. Ужасна жизнь этихъ бѣдняковъ! Сколько тамъ вдовъ, молодыхъ и старыхъ, вѣчно въ траурѣ, съ утра отправляющихся въ поиски за кускомъ хлѣба,—только хлѣба,—работающихъ въ зловонной атмосферѣ горячаго масла при изготовленіи консервовъ. Онъ мысленно увидалъ церковь, возвышающуюся надъ деревней, у края скалистаго обрыва; церковь съ колокольней, выкрашенной въ бѣлый цвѣтъ, чтобы корабли, идущіе изъ открытаго моря, могли миновать подводные камни; онъ видѣлъ также въ низкой травѣ кладбища, гдѣ паслись тощія овцы, надгробные памятники, на которыхъ постоянно повторялась зловѣщая надпись: *Погибъ въ морѣ... Погибъ въ морѣ... Погибъ въ морѣ...*

Гигантскій тюрбо былъ необычайно и тонко вкусенъ, а соусъ изъ креветокъ доказывалъ, что поваръ графа съ успѣхомъ прошелъ курсъ кулинарнаго искусства въ Café Anglais. Наша утонченная цивилизація предъявляетъ свои требованія. Приходится имѣть ученыхъ степеней въ кулинарномъ искусствѣ: появляются ректора жаркаго, баккалавры соусовъ.

Общество кушало съ увлеченіемъ, дѣлая изящныя движенія и ничего не выражая по поводу рѣдкаго блюда, какъ этого требовалъ хорошій тонъ.

Digitized by Google

Одинъ Мечтатель потерялъ аппетитъ. Его мысли витали по бретонскому побережью, съ рыбаками, можетъ быть, поймавшими эту великолѣпную рыбу. Онъ вспомнилъ сѣрый дождливый день послѣ бури, когда, прогуливаясь по берегу и глядя на свинцовые валы, онъ наткнулся на трупъ стараго моряка, уже третій день пропавшаго въ морѣ; надрывающій душу видъ представлялъ отецъ семейства, весь покрытый водорослями и пѣной, съ сѣдинами въ пескѣ и раковинахъ.

Мечтатель содрогнулся при одномъ воспоминаніи.

Но лакеи уже унесли тарелки, и слѣды рыбы-гиганта исчезли; пока подавали другое блюдо, изящные, веселые гости возобновили болтовню. Голодъ былъ утоленъ; всѣ оживились и заговорили съ бо̀льшимъ увлеченіемъ. Послышался сдержанный смѣхъ.

О, прелестное, очаровательное общество!

Тогда Мечтатель, молчаливый гость, впалъ въ безысходную тоску.

Чтобы свѣтскій человѣкъ могъ въ половинѣ декабря нарядиться во фракъ, чтобы дамы могли выставить напоказъ свои руки и шеи, въ комнатѣ надо поддерживать температуру весенняго утра. А кто добываетъ топливо?—подземный работникъ, осужденный на прозябаніе въ аду копей. Какъ бѣла и свѣжа кожа молодой дамы, какъ побѣдоносно выступаютъ изъ розоваго атласа ея плечи. Кто соткалъ этотъ атласъ?—ліонскій паукъ, безустанно трудящійся въ растлѣвающей атмосферѣ фабрикъ. Маленькія ушки молодой дамы украшаютъ прелестныя жемчужины. Какая роскошь! Какой матовый блескъ! Какая форма! Жемчужина, которую проглотила Клеопатра, распустивъ предварительно въ уксусѣ, стоившая десять тысячъ сестерцій, не могла быть нѣжнѣе этой. Но знаетъ ли молодая красавица, что тамъ, далеко, на Цейлонской мели, гдѣ ловятъ жемчужныя раковины, индусы героически погружаются въ морскую пучину, держа ногу въ тяжеломъ каменномъ стремени, которое тянетъ ихъ на дно, съ ножомъ въ рукѣ для защиты отъ акулъ?

Что до того! Она молода и кокетлива. Въ залѣ тепло и ароматно. Обѣдъ идетъ весело; ей пріятно флиртовать съ сосѣдомъ, плѣняя его своимъ нарядомъ, полуобнаженнымъ тѣломъ. Что общаго между ней и мрачнымъ труженикомъ, копающимся на глубинѣ пятидесяти футовъ подъ землей, или ткачомъ, закоченѣвшимъ передъ станкомъ, или, наконецъ, дикаремъ, бросающимся въ море и подчасъ обагряющимъ его своею кровью? Къ чему думать о печальномъ и безобразномъ? Какая нелѣпость!

Не замѣчая, что дѣлается, Мечтатель раскрошилъ на скатерти

Digitized by Google

кусочекъ золотистаго хлѣба, лежавшій у его тарелки. Это ничтожная, незамѣтная крупица роскошнаго пира! Онъ вспомнилъ наивное замѣчаніе одной аристократки по поводу голодающихъ: «У нихъ нѣтъ хлѣба? Пусть ѣдятъ лепешки!» Однако, этотъ маленькій хлѣбецъ—тоже хлѣбъ; онъ сдѣланъ изъ той же ржаной муки. Да, это хлѣбъ, простой хлѣбъ, такой же, какой ѣдятъ крестьяне, а сколько бѣдняковъ должно было терпѣливо трудиться, прежде чѣмъ онъ попалъ на столъ богача!

Крестьянинъ пахалъ, сѣялъ, убиралъ хлѣбъ. Онъ налегалъ на соху, таскалъ борону подъ холоднымъ, осеннимъ дождемъ; съ испугомъ просыпался ночью, заслышавъ удары грома; со страхомъ смотрѣлъ на свинцовыя тучи, предвѣстницы града; онъ весь высохъ и почернѣлъ, трудясь въ потѣ лица надъ своею нивой.

Когда, наконецъ, старикъ мельникъ, весь сгорбленный отъ ревматизма, неизбѣжнаго спутника рѣчныхъ тумановъ, отправилъ муку въ Парижъ и рыночные носильщики въ большихъ бѣлыхъ шляпахъ потащили на спинѣ тяжелые мѣшки къ булочнику въ амбары, тамъ еще пекари всю ночь напролетъ мѣсили тѣсто.

Правда, немало силъ и труда стоилъ хлѣбецъ, раскрошенный въ разсѣянности руками аристократа.

Точно кошмаръ налетѣлъ на неисправимаго Мечтателя. Всѣ утонченныя блюда роскошнаго пира напоминаютъ ему только о людскихъ страданіяхъ. Когда буфетчикъ налилъ стаканъ шамбертена, Мечтателю пришло въ голову, что на стеклянныхъ заводахъ рабочіе получаютъ чахотку, выдувая бутылки.

Смѣшно, наконецъ! Онъ давно знаетъ, что такъ устроенъ свѣтъ. Экономистъ поднялъ бы его на смѣхъ. Или онъ думаетъ сдѣлаться соціалистомъ? Всегда будутъ богатые и бѣдные, какъ всегда будутъ прямые и горбатые.

Вѣдь и счастливцамъ, съ которыми онъ пируетъ, блага міра достались не даромъ. Это не случайные любимцы Золотого тельца, грубые, эгоистичные выскочки. Вельможа, занимающій первое мѣсто, съ достоинствомъ и честью носитъ имя, соединенное со многими днями славы Франціи. Генералъ съ сѣдыми усами, самъ геній, съ неустрашимостью Мюрата атаковавшій Резонвиль. Этотъ ...ожникъ, тотъ поэтъ съ вѣрою служатъ искусству и красотѣ. А ...икъ, трудомъ создавшій себѣ имя, въ молодости аптекарскій ...ощникъ, теперь оракулъ всего цивилизованнаго міра, развѣ не ...инно-геніальный человѣкъ? Всѣ присутствующія дамы добры и ...годушны; онѣ часто со скромною рѣшимостью погружаютъ

Digitized by Google

свои прелестныя ручки въ пучину бѣдствій. Почему же избраннымъ существамъ и не имѣть исключительныхъ радостей?

Мечтатель рѣшилъ, что былъ неправъ. Старые софизмы, пробудившіеся въ его памяти и сбившіе его съ толку, хороши только для клубовъ предмѣстій.

Ему стало стыдно.

Обѣдъ приближался къ концу; пока лакеи наполняли бокалы шампанскимъ, воцарилась тишина. Гости чувствовали слабость, вслѣдствіе начавшагося пищеваренія. Мечтатель смотрѣлъ на нихъ поочередно: на всѣхъ лицахъ было тупое, пресыщенное выраженіе; ему стало непріятно и противно. Невыразимо тяжелое, горькое чувство протеста поднялось въ глубинѣ его души противъ этихъ привилегированныхъ, и, когда, наконецъ, встали изъ-за стола, онъ упрямо повторялъ про себя: «Да, они правы... Но знаютъ ли, знаютъ ли они, что ихъ роскошь куплена цѣной несчастья? Думаютъ ли они объ этомъ когда-нибудь? Думаютъ ли достаточно часто? Думаютъ ли когда?

II.

Посмертныя сочиненія.

Смеркалось. Январьскій сѣрый день приходилъ къ концу. Я положилъ перо и присѣлъ къ камину. Въ хорошо натопленной комнатѣ, гдѣ облака дыму отъ папиросъ увеличивали темноту сумерекъ, я сидѣлъ, помѣшивая въ каминѣ, и испытывалъ чувство пріятной усталости послѣ продолжительной работы. Звонокъ прервалъ мои мечты.

— Тамъ дама въ траурѣ,—сказала дѣвушка тѣмъ презрительнымъ тономъ, который невольно является у слугъ, когда они докладываютъ о посѣтителяхъ скромнаго вида,—дама съ мальчикомъ желаетъ говорить съ вами.

Я приказалъ ввести и, минуту спустя, увидалъ въ полумракѣ приближающуюся печальную группу.

Высокая печальная вдова была еще молода. Худенькому мальчику, который держался за ея платье, не могло быть болѣе десяти лѣтъ; но оба, мать и сынъ, были до того обтрепаны, такъ выцвѣли, что женщина, казалось, не имѣла возраста, а ребенокъ смотрѣлъ старикомъ. Они приближались, тихо ступая по мягкому ковру, беззвучно скользя,—походка бѣдняковъ; когда они остановились передо мною, въ полумракѣ комнаты, блѣдные, въ черномъ,

Digitized by Google

окутанные вдовьимъ вуалемъ, я вздрогнулъ, точно передо мною явилось привидѣніе.

— Съ кѣмъ имѣю честь?—сказалъ я, указывая на кресло.

Несчастная женщина сѣла, привлекла къ себѣ ребенка и отвѣтила низкимъ, мягкимъ голосомъ:

— Я вдова Агриколы Мале... Мнѣ сказали, что вы его знали... прежде... до войны... и я пришла узнать, не пожелаете ли... попросить васъ подписаться на его посмертныя сочиненія.

— Агрикола Мале!—При этомъ имени рой воспоминаній пронесся въ моей головѣ. Я увидалъ его такимъ, какъ онъ впервые предсталъ передо мною въ кафе Лиссабонъ, за столикомъ «политическихъ», гдѣ знаменитый Мишель Полансо, теперешній депутатъ, руководитель партіи, въ близкомъ будущемъ глава радикальнаго кабинета, предрекалъ каждый вечеръ за рюмкой абсента паденіе Бонапарта и великую революцію. Агрикола Мале! Какъ же! Брюнетъ съ римскимъ профилемъ, самый ярый и восторженный ученикъ Полансо, который при каждой зажигательной фразѣ трибуна геройски потрясалъ своею роскошною шевелюрой и заставлялъ дрожать посуду и домино, ударяя кулакомъ по мраморному столику. Наивное, благородное существо, терявшее голову отъ громкихъ фразъ! Я вспомнилъ... Съ 4 сентября онъ надѣлъ черную шапку и ремингтонъ вольнаго стрѣлка, отчаянно дрался при Бурже, потомъ, подъ конецъ осады Парижа, его, подобно многимъ, охватила военная горячка, дошедшая до безумія, и 18 марта онъ палъ на баррикадѣ Шато-д'О, прострѣленный пулями, съ кепи предводителя на головѣ и краснымъ поясомъ вокругъ таліи.

Двадцати трехъ лѣтъ! Бѣдный ребенокъ!

Агрикола Мале! Да, я зналъ его и уважалъ за тяжелую, благородную жизнь. Онъ мужественно переносилъ скудное существованіе поэта. Женившись въ двадцать лѣтъ по любви, онъ перебивался уроками, чтобы прокормить жену и новорожденнаго младенца. Такъ онъ оставилъ посмертныя сочиненія?... Ахъ, да, вспоминаю. Разъ вечеромъ онъ прочелъ мнѣ двѣ-три элегическія поэмы, съ нѣжною ноткой, очень однотонной, но искренней, я даже замѣтилъ ему тогда, что онъ напрасно предпочитаетъ красный колпакъ Маріанны вѣнку Музы. Такому «кровопійцѣ», какъ онъ, приличнѣе пить молоко.

Въ эту минуту,—въ кабинетѣ было совсѣмъ темно,—прислуга принесла лампу, и я могъ лучше разсмотрѣть вдову предводителя коммунаровъ. У нея былъ трагическій видъ.

Морозъ пробѣгалъ по тѣлу при одномъ видѣ ея грязнаго платья

Digitized by Google

и шали; черный креповый вуаль, изъ-подъ котораго выбивались пряди сухихъ бѣлыхъ волосъ, казалось, уменьшалъ овалъ нѣкогда милаго лица, пришибленнаго страданіемъ. Большіе глаза, нѣжно-голубого цвѣта, были еще красивы и трогательны, несмотря на гусиныя лапки. Въ тридцать лѣтъ она была старухой; горбилась подобно простой женщинѣ, которую часто били. Одною рукой она придерживала на колѣняхъ толстый пакетъ, завернутый въ газету, а другой съ материнскою нѣжностью прижимала къ себѣ сына, малокровнаго ребенка, который, казалось, выросъ въ заточеніи. Самую жалкую подробность представляли перчатки несчастной вдовы: ужасныя, черныя перчатки, побѣлѣвшія на швахъ, съ прорванными пальцами.

Охваченный острою жалостью, я сказалъ m-me Мале, что не забылъ ея мужа и просилъ располагать мною.

Она развязала свертокъ, въ которомъ находилось съ полдюжины томиковъ въ красномъ переплетѣ и подала мнѣ одинъ изъ нихъ.

— Вы такъ добры, что подписываетесь на его сочиненія... вотъ вашъ экземпляръ.

Я взглянулъ на заглавіе, напечатанное рѣзко черными буквами на красномъ; оно было слѣдующее: «Агрикола Мале. Посмертныя сочиненія, съ предисловіемъ депутата Мишеля Полансо».

— А,—пробормоталъ я,—m-r Полансо написалъ предисловіе.

Въ группѣ республиканцевъ кафе Лиссабонъ, куда я, безобидный литераторъ, попалъ совершенно случайно, мнѣ никогда не нравился Мишель Полансо, съ круглою головой и жесткими усами сердитаго унтеръ-офицера. Среди экзальтированной молодежи онъ одинъ былъ всегда спокоенъ, но злобно спокоенъ: отравленный стаканъ холодной воды. Превосходный профессоръ права, онъ не былъ признанъ докторомъ, вслѣдствіе соціалистическихъ принциповъ, служившихъ основаніемъ его сочиненія. Очень смѣлый, онъ уже убилъ человѣка въ дуэли на пистолетахъ. Его желчное краснорѣчіе, смѣсь логики со злобой, завоевало ему мѣсто главы среди «политическихъ»; но тогда какъ горячія головы мечтали о борьбѣ и побѣдѣ, онъ обдумывалъ мщеніе. Онъ заранѣе составилъ списокъ «подозрительныхъ». При первомъ «случаѣ» надо будетъ арестовать такого-то, подвергнуть суду другого. Онъ принадлежалъ къ числу революціонеровъ, которые при первой вспышкѣ прежде всего бросаются на полицейскую префектуру и подписываютъ приказы объ арестахъ; привычка къ тайнымъ обществамъ прививаетъ извращенные вкусы.

Какъ Агрикола Мале и многіе изъ товарищей, которымъ грозили

Digitized by Google

изгнаніе или заточеніе, Полансо бросился въ коммуну; но, благодаря счастью или ловкости, онъ своевременно оставилъ ее съ чистыми руками, подобно Пилату Понтійскому. Наконецъ, избранный депутатомъ, онъ вотировалъ съ крайней лѣвой и скоро, благодаря крупнымъ заслугамъ, занялъ видное мѣсто въ палатѣ. Еще министерскій кризисъ, и онъ несомнѣнно станетъ у руля.

— Да,—сказала вдова надтреснутымъ, щемящимъ душу голосомъ,—m-r Полансо написалъ предисловіе къ посмертнымъ стихотвореніямъ моего бѣднаго мужа... Это все, что онъ могъ для насъ сдѣлать... Вы знаете, онъ въ плохихъ отношеніяхъ съ сильными міра...

Я отдалъ несчастной стоимость моего томика, что могъ я еще сдѣлать? Она не просила милостыни. Когда они поднялись, я проводилъ ихъ, напутствуя сочувственными словами. Оставшись одинъ, я взялъ книжку.

Несомнѣнно, друзьямъ и собратьямъ, купившимъ ее на совѣсть за имя автора и красную обложку, она не окупилась. Тотъ, кто въ дѣйствительной жизни велъ въ пылъ битвы суровыхъ бойцовъ коммуны, въ области фантазіи могъ предводительствовать только баранщикомъ Дезульеръ; кромѣ нѣсколькихъ высокопарныхъ ямбовъ,—плохого подражанія Огюсту Барбье,—единственно безусловно плохой вещи, томикъ заключалъ въ себѣ весенніе стишки, свѣжіе и милые, какъ цвѣтокъ ландыша, написанные Агриколою Мале для молодой жены у колыбели ребенка. Эти блѣдныя строфы, гдѣ на каждой страницѣ встрѣчалось имя возлюбленной, навѣянныя медовымъ мѣсяцемъ, шли отъ самаго сердца. Поэтъ разсказывалъ въ нихъ о своей единственной чистой привязанности безхитростно, просто, съ милымъ реализмомъ. Вотъ первая встрѣча съ молодою дѣвушкой на буржуазной вечеринкѣ; застѣнчивые взоры, брошенные вскользь во время игры въ двадцать одинъ; первый поцѣлуй въ лобъ среди игры въ petits jeux innocents. Можно было шагъ за шагомъ прослѣдить скромный романъ. Влюбленные женились, составили семью и продолжали нѣжно любить другъ друга въ маленькой квартиркѣ на пятомъ этажѣ Монмартра, точно щеглы въ клѣткѣ ...дной работницы, которой подчасъ не на что купить для нихъ ...рму. Часто, по словамъ поэта, дессертъ приходилось замѣнять ...цѣлуемъ.

Читая наивныя признанія, легко было себѣ представить, что «примиримый» Агрикола нерѣдко забывалъ великіе принципы и ...лъ не мудрствуя лукаво. Конечно, онъ былъ счастливъ въ день ...нія Рошфора, но гораздо менѣе, чѣмъ въ тотъ вечеръ, когда,

Digitized by Google

благодаря экономіи, могъ подарить дорогой Сесили зеркальный шкафчикъ, предметъ мечтаній каждой буржуазки; революціонеръ не сердился тоже, когда весною послѣ прогулки за фіалками его милая жена, изнемогая отъ усталости, бросилась въ кресло и, не будучи въ состояніи спрятать шляпу, надѣла ее на гипсовый бюстъ Республики, стоявшій неподалеку на каминѣ.

Увы, нѣжная идиллія кончилась мелодрамой! Кроткій юноша, несовершеннолѣтній отецъ семейства, на котораго съ умиленіемъ смотрѣли кумушки квартала, когда, прогуливаясь съ юною женой, почти ребенкомъ, онъ везъ передъ собою колясочку, въ которой спалъ малютка, наивный поэтъ погибъ во главѣ разъяренной толпы. Развѣ это не возмутительно? О, позоръ! о, глупость политическихъ безумствъ!

На глаза набѣжали слезы; сердце сильно забилось; я нервно захлопнулъ книжку. Мнѣ снова бросилась въ глаза красная обложка съ именемъ Полансо. Что могъ сказать этотъ фанатикъ по поводу пѣсенъ парижской птички? Что могъ онъ понять въ ея пѣсняхъ?

Ничего. Бѣглый взглядъ на статью радикальнаго депутата убѣдилъ меня въ этомъ. Ни одного сердечнаго звука, ни одной прочувствованной строки; громкія фразы, гдѣ, какъ отдаленное эхо, звучали раскаты гражданскихъ войнъ. Новые выборы приближались, и лепта, которую перепечатаютъ всѣ журналы, пахла рекламой. Изъ кожи умершаго радикальный кандидатъ сдѣлалъ себѣ барабанъ, на которомъ выбивалъ свою программу. Возмущенный я бросилъ книгу.

Пора было обѣдать, а такъ какъ въ это время я былъ театральнымъ рецензентомъ первыхъ представленій и каждый понедѣльникъ наполнялъ литературную бочку Данаидъ въ фельетонѣ одной газеты, то немедленно послѣ кофе одѣлся и отправился въ Comédie Française, гдѣ давалась одна изъ комедій Скриба.

Первое лицо, которое я увидалъ издали, войдя въ фойэ, былъ Мишель Полансо.

Онъ стоялъ у подножія статуи Вольтера, окруженный простыми людьми, по покрою платья которыхъ можно было узнать провинціальныхъ депутатовъ, и болталъ. Прилично одѣтый, помолодѣвшій несмотря на сѣдѣющіе волосы, преображенный успѣхомъ — онъ былъ великолѣпенъ! Богъ мой, прежній сектантъ кафе Лиссабонъ съ усами «унтера» былъ почти элегантенъ, а величественная сытая полнота предвѣщала министра. Я едва успѣлъ разсмотрѣть его, какъ электрическій звонокъ возвѣстилъ поднятіе занавѣса.

Но только что я усѣлся въ креслѣ оркестра, какъ легкій смѣхъ

Digitized by Google

въ сосѣднемъ бенуарѣ заставилъ меня оглянуться; тамъ въ глубинѣ ложи, за спиной видной дамы, которая, вѣроятно, была красива въ 62-мъ году, я увидалъ строгій профиль гражданина Полансо, который ловилъ глазированную вишню, со смѣхомъ предлагаемую дамой.

Занавѣсъ поднялся. Но на этотъ разъ меня менѣе, чѣмъ когда-либо интересовали любовныя похожденія приторнаго jeune premier и ingénue въ розовомъ платьѣ. Я видѣлъ передъ собой столикъ «политическихъ» и безразсуднаго бѣдняка Агриколу, упивающагося ледянымъ краснорѣчіемъ трактирнаго трибуна, и думалъ о мрачномъ уголкѣ Père-Lachaise'a, гдѣ зарыты послѣдніе коммунары и куда m-me Малe, одѣтая въ траурное рубище, приноситъ изрѣдка скромный вѣнокъ. Въ умѣ моемъ возставала печальная вдова со свертокъ книгъ подъ мышкой, таскающая за руку болѣзненнаго ребенка по грязнымъ улицамъ Парижа, шмыгающая своими рваными перчатками по всѣмъ ручкамъ звонковъ, и мнѣ казалось, какъ она говоритъ глухимъ голосомъ о предисловіи Полансо: «Это все, что онъ могъ сдѣлать». Гражданинъ Полансо написалъ предисловіе и, конечно, считаетъ свой поступокъ великодушнымъ: онъ сдѣлалъ все для памяти покойнаго друга...

III.

Несчастная.

Художникъ Мишель Герардъ, раньше чѣмъ прославиться въ салонѣ поразившею всѣхъ «Уличной пѣвицей», зналъ тяжелые дни.

Его мать, его чудная мать, которая ни на минуту не усомнилась въ призваніи сына, умерла, съ гордостью увидавъ его въ рядахъ талантливыхъ молодыхъ художниковъ современной школы. Они вмѣстѣ переживали тяжелые дни испытаній, мать утѣшала сына нѣжною лаской, подкрѣпляла своею бодростію. Въ день похоронъ матери Мишель упалъ въ обморокъ у открытой могилы и съ тѣхъ поръ не могъ безъ дрожи въ голосѣ произнести слово «мать».

Свято хранитъ онъ въ своемъ сердцѣ память о доброй, мужественной женщинѣ.

Мишелю было двадцать лѣтъ, и онъ только полтора года работалъ въ мастерской Жерома въ Ecole des Beaux-Arts, когда скоропостижно умеръ его отецъ, почтенный кассиръ незначительнаго ...ахового общества «Саламандра». Мѣсто было скромное, и вдовѣ ...лись самыя ничтожныя сбереженія. Общество «Саламандра» въ

Digitized by Google

память добросовѣстнаго стараго служащаго предложило m-me Герардъ приличное мѣсто въ бюро для ея сына. Молодой человѣкъ ради матери хотѣлъ принять мѣсто; но она отвергла жертву.

— Нѣтъ!—говорила она, прижимая юношу къ сердцу и цѣлуя въ лохматую черную шапку волосъ,—нѣтъ, мой мальчикъ, продолжай рисовать, въ этомъ твое призваніе. Проживемъ какъ-нибудь!

И прожили! Положимъ плохо, на вершинѣ Монмартра, невдалекѣ отъ разрушенной мельницы, разжалованной въ кабачокъ, на пятомъ этажѣ новаго дома, выстроеннаго среди мусора и грязи, но откуда былъ виденъ весь Парижъ, какъ въ панорамѣ, съ его башнями, шпицами, соборами и далеко-далеко цѣпью холмовъ, теряющихся во мракѣ.

У Мишеля была обширная мастерская и при ней что-то вродѣ кельи, гдѣ спала m-me Герардъ. Съ утра бѣдняжка мать въ чепцѣ служанки приходила убирать мастерскую, топила печь, мыла кисти, прятала соломенный матрацъ сына за ширмы, затѣмъ исчезала, предоставляя ему цѣлый день покойно работать. Едва слышно входила она время отъ времени помѣшать въ печуркѣ или возилась съ обѣдомъ въ крошечной кухонькѣ. Тамъ происходили ихъ кукольные обѣды, на крошечномъ деревянномъ столикѣ, около теплой плиты.

Мишель трудился, какъ поденщикъ, ради насущнаго хлѣба. Онъ фабриковалъ раннимъ утромъ по лѣтамъ, зимою при лампѣ рисунки по дереву для иллюстрированныхъ изданій, а мать дѣлала чудеса экономіи, чтобы сыну было чѣмъ платить за модели для рисунковъ съ натуры.

Случались тяжелые, очень тяжелые дни! Давно уже шесть приборовъ, щипцы для сахару, ножи съ серебряными ручками были проданы, чтобы расплатиться за краски. Иногда, чтобы купить къ обѣду провизіи — трудно себѣ представить сколько холодныхъ завтраковъ можно приготовить изъ куска жареной говядины и какъ разнообразна судьба варенаго мяса, изъ суна, преображающагося то въ рагу, то въ винегретъ—приходилось прибѣгать къ остаткамъ прежняго буржуазнаго величія: золотымъ часамъ временъ консульства или брошкѣ, осыпанной гранатами, въ которой на шеѣ вдовы переливался дагеротипъ покойнаго Герарда. Добрая женщина хорошо знала дорогу въ Mont-de-Piété, и не одна квитанція сохранялась подъ бронзовыми часами, изображавшими молодую женщину, въ отчаяніи цѣлующую мачту разбитаго корабля.

Герарды были очень бѣдны, но, какъ многіе бѣдняки, они находили возможность помогать еще болѣе нуждающимся. На одной пл

Digitized by Google

щадкѣ съ ними, въ ужасной мансардѣ съ каменнымъ поломъ, жила бѣдная работница съ маленькою дочкой.

Женщина, которую всѣ жильцы дома называли «бѣдная Сидони», никогда не была замужемъ. Дѣвушка родила въ восемнадцать лѣтъ дочь,—возрастъ, когда она была почти красива; одинъ только годъ, ровно столько времени, чтобы быть обманутой и брошенной негодяемъ; слѣдствіемъ тяжелаго труда были трудные роды, потеря свѣжести и здоровья. Съ тѣхъ поръ она постоянно таскалась по улицамъ, чтобы добыть себѣ пропитаніе и воспитать ребенка.

Въ тридцать лѣтъ «бѣдная Сидони» сгорбилась, посѣдѣла и потеряла три переднихъ зуба. Она была усердная, честная женщина и работала безъ передышки.

Дѣвочка, маленькая Фернанда, имѣла видъ цыганки: кожа цвѣта зрѣлаго лимона, длинныя пряди гофрированныхъ черныхъ волосъ и огромные черные глаза.

Мишель встрѣтилъ ее играющей на лѣстницѣ, нашелъ хорошенькою и взялъ позировать для этюда; m-me Герардъ скоро съ ней подружилась.

Добрѣйшей женщинѣ грустно было видѣть, какъ хорошенькая дѣвочка повѣсничаетъ на дворѣ,—мать возвращалась поздно, а изъ начальной школы отпускаютъ въ четыре часа,—или играетъ въ «капустку» на улицѣ съ подмастерьями башмачника, которые напѣвали, растягивая кожу:

On les guillotinera,
Ces cochons d'propiètaires.
On les guillotinera,
Et le peuple sourira.

M-me Герардъ соблазнила Фернанду тартинками съ вареньемъ. Малютка приходила къ ней прямо изъ школы; вдова заставляла ее учить уроки, спрашивала ихъ, потомъ позволяла играть въ мастерской Мишеля, котораго дѣвочка забавляла; онъ начертилъ съ нея массу набросковъ.

Фернанда находила у сосѣдей пропасть соблазновъ. Ее часто оставляли обѣдать, и скромный столъ Герардовъ былъ роскошью въ сравненіи со стряпней «бѣдной Сидони». Старушка нашла однажды въ своемъ скромномъ гардеробѣ очень приличную юбку, изъ которой, повѣрьте на слово, вышло почти новое платье для дѣвочки. Разъ, когда Фернанда получила крестъ и была первой изъ географіи, m-me Герардъ пришла въ восторгъ и подарила ей мизерныя сережечки, которыя хранила въ память своей конфирмаціи. Герарды

Digitized by Google

намѣревались взять впослѣдствіи ребенка на воспитаніе, какъ вдругъ, за продолжительный неплатежъ, «бѣдная Сидони» была грубо изгнана изъ дому и переселилась на противоположный край города. Она увела съ собой Фернанду, которая съ тяжелымъ сердцемъ, обливаясь слезами, простилась съ сосѣдями. Несмотря на обѣщанія, она къ нимъ не являлась, и ее скоро забыли.

Время шло. Мишель Герардъ имѣлъ успѣхъ въ салонѣ и сталъ зарабатывать деньжонки. Пока, немного! Его народные типы полны строгой, меланхолической поэзіи, которая всегда будетъ смущать сытыхъ буржуа. И хотя истинные художники считаютъ его мастеромъ своего дѣла, богатые любители никогда не будутъ особенно цѣнить суровые сюжеты изъ жизни бѣднаго люда, написанные бѣднякомъ.

Однако, Мишель выставилъ свою «Уличную пѣвицу», которой жюри, до тѣхъ поръ очень взыскательное, присудило первую медаль. Гравюры быстро популяризировали худую, жалкую фигуру молодой дѣвушки, открывающей нѣжный ротикъ для пѣнія и съ такой естественной граціей играющей на скрипкѣ. М-ме Герардъ, уже больная, съ радостію прочла, лежа на смертномъ одрѣ, журнальныя статьи, въ восторженныхъ выраженіяхъ привѣтствовавшія нарождающуюся славу ея сына. Наконецъ, Мишель Герардъ занялъ настоящее мѣсто въ современномъ искусствѣ, но это его не особенно обогатило.

Итакъ, два года спустя послѣ смерти матери,—мы уже говорили, какъ свято хранилъ онъ ея память,— Мишель былъ приглашенъ на дружескій обѣдъ, который давалъ одинъ изъ товарищей передъ отъѣздомъ въ Италію.

Мишель, которому было около тридцати лѣтъ,—трауръ увеличилъ его природную серьезность,—попалъ въ кружокъ шумной молодежи, новичковъ-артистовъ, которые послѣ рюмки шабли и устрицъ пьянѣли отъ своихъ остротъ и смѣха. За дессертомъ молодые артисты, носители высокихъ идеаловъ или, по меньшей мѣрѣ, тонкихъ вкусовъ, состязались въ цинизмѣ; одинъ отчаянный скульпторъ заявилъ, что въ Латинскомъ кварталѣ есть съ нѣкоторыхъ поръ хорошенькія «дебютантки». Животное, дремлющее въ каждомъ человѣкѣ, проснулось у молодежи, и всѣ зашумѣли: «Пойдемъ къ Долоресъ! Пойдемъ взглянуть на новинки!»

Мишель охотно бы стушевался. Ему противна была разнузданность; пилъ онъ мало. Однако, по слабости, чтобы не отстать отъ другихъ, опасаясь насмѣшекъ, онъ послѣдовалъ за товарищами.

Digitized by Google

«Что-жъ,—думалъ онъ —отдѣлаюсь нѣсколькими бутылками пива!»

Четверть часа спустя вся компанія, взобравшись по узкой, грязной лѣстницѣ, очутилась въ «салонѣ» m-me Долоресъ, гдѣ семь-восемь несчастныхъ сидѣли на кругломъ диванѣ, украшенныя аляповатыми, фальшивыми драгоцѣнностями, въ колоссальныхъ прическахъ. Онѣ привѣтствовали прибывшихъ равнодушными, усталыми голосами. Мишелю, который вошелъ позади всѣхъ, стало тошно отъ смѣси табаку, газа, плохихъ духовъ и женскаго тѣла.

Подали пиво; одинъ изъ молодыхъ людей сѣлъ за фортепіано. Дешевая оргія потянулась съ обычною безсмыслицей.

Мишель, не будучи въ состояніи побороть отвращенія, забился въ отдаленный уголъ и, довольный, что его забыли, курилъ папиросу за папиросой.

Вдругъ онъ почувствовалъ, что на плечо ему опустилась рука.

— Вы не узнаете меня, m-r Мишель,—спросилъ его жесткій голосъ, голосъ старой женщины.

Мишель обернулся и пристально взглянулъ на женщину, которая сѣла рядомъ съ нимъ на диванъ. Ей не могло быть болѣе двадцати лѣтъ. Очень смуглая, худощавая, въ желтомъ атласномъ платьѣ, съ большими мѣдными булавками въ тусклыхъ черныхъ волосахъ, какъ у краснокожей, съ черными какъ уголь глазами, она была бы красива, не будь бѣлилъ и выраженія усталости и скуки, искажавшаго ея ротъ.

— Я видѣлъ гдѣ-то это лицо,—было первою мыслію Мишеля при взглядѣ на несчастную.—Но гдѣ?... и когда?

— Какъ,—сказала она надтреснутымъ голосомъ,—вы не вспоминаете?... Десять лѣтъ тому назадъ... тамъ на Монмартрѣ... маленькая Фернанда?

Мишель чуть не вскрикнулъ.

Онъ узналъ ее. Да, хорошенькая дѣвочка, которую качала на колѣнахъ его святая старушка мать, и эта падшая женщина, отъ которой разитъ порокомъ и плохими духами,—одно и то же существо. Она смотрѣла на него боязливо, смущеннымъ взоромъ; едва сдерживаемыя слезы блестѣли на ея подведенныхъ глазахъ, а искаженный ротъ старался улыбнуться.

— Вы!... вы здѣсь!—бормоталъ артистъ, подавленный ужаснымъ открытіемъ.

— Уже два мѣсяца,—отвѣтила несчастная, которую отчаянный вопль Мишеля заставилъ покраснѣть подъ бѣлилами.—Я ничего не скрою отъ васъ, m-r Мишель... Я уже пять лѣтъ живу

Digitized by Google

такъ! Не правда ли, это отвратительно?! Но если бы вы все знали, вы простили бы мнѣ многое! Тамъ, куда съ Монмартра мы перебрались съ матерью, мной никто не занимался. Мать цѣлые дни была на работѣ, я попрежнему послѣ школы бѣгала по улицамъ съ мальчишками и вотъ до чего дошла. Въ пятнадцать лѣтъ—мать только что умерла въ больницѣ—я была ученицей у полировщика, и тогда-то одинъ негодяй развратилъ меня... Старая исторія! Къ чему разсказывать? Вы сами видите, до чего я дошла. Довольно, не будемъ больше говорить обо мнѣ... Но мнѣ хотѣлось сказать вамъ одно, такъ какъ мы снова встрѣтились, что лучшіе дни моей жизни,—слышите, m-r Мишель?—всей моей жизни я провела въ вашей мастерской, когда вы давали мнѣ по два су съ условіемъ, чтобъ я не мѣняла позы, или когда ваша мама...

Она рѣзко оборвала рѣчь и закрыла лицо руками.

— Мнѣ стыдно, я не смѣю говорить здѣсь о ней!

У Мишеля сердце сжалось отъ жалости: Онъ взялъ Фернанду за руки, украшенныя грубыми porte bonheur'ами, отвелъ ихъ отъ лица и съ грустью посмотрѣлъ на нее.

— Тѣмъ хуже,—сказала она въ смущеніи,—тѣмъ хуже!... Разскажите мнѣ о ней.

— Она умерла,—сказалъ художникъ.—Два года тому назадъ я проводилъ ее на Монмартрское кладбище.

— Умерла?! Правда, съ тѣхъ поръ прошло десять лѣтъ, а она и тогда была больна и истощена... Какое горе для васъ!... Умерла!... Я знала, что мнѣ нельзя было бы увидать ее!... Такой-то женщинѣ, какъ я! Но въ первый свободный день я снесу на ея могилу вѣнокъ... Вы позволите, не правда ли? Мертвые все знаютъ; они должны все понимать и потому быть снисходительными... Хотите вѣрьте, хотите нѣтъ, m-r Мишель, я, послѣдняя изъ послѣднихъ, никогда не забывала, какъ добры были ко мнѣ на Монмартрѣ... Помните дѣтскія сережки, которыя она мнѣ подарила?...

— Ну?...—вскричалъ молодой человѣкъ, содрогаясь отъ ужаса при мысли, что память его матери могла находиться въ этомъ нечистомъ мѣстѣ, въ рукахъ проститутки.

— Ну, съ тѣхъ поръ, какъ я перестала быть честной, мнѣ стыдно было держать ихъ при себѣ... И вотъ, однажды, проходя мимо церкви, я зашла и бросила ихъ въ кружку для бѣдныхъ... Такъ лучше, не правда ли?

При этихъ словахъ грубый голосъ Фернанды звучалъ почти нѣжно. Слезы навернулись на глаза Мишеля.

— Послушай,—сказалъ онъ весь дрожа,—послушай бѣдняжка:

Digitized by Google

кто способенъ такъ тонко чувствовать, для того не все потеряно... Почему не попробовать уйти отсюда и начать другую жизнь?

Фернанда снова зловѣще улыбнулась.

— У меня нѣтъ своей рубашки,—отвѣтила она, и я должна триста франковъ хозяйкѣ. Знайте, m-r Мишель, что кого порокъ захватитъ, то крѣпко держитъ въ своихъ тискахъ. Спасибо за добрый совѣтъ, но это невозможно... Жить спокойно, работать... Да развѣ я на это способна?

Въ эту минуту грубый женскій голосъ закричалъ за полуприподнятой портьерой:—Резеда, тебя требуютъ въ гостиную.

Фернанда быстро, механически поднялась съ мѣста.

— Меня зовутъ,—сказала она художнику, снова старческимъ голосомъ, глядя грубо, почти съ злобой. Здѣсь мое имя Резеда... Прощайте, m-r Мишель, мнѣ тяжело было встрѣтиться съ вами, а у меня и безъ того много горя! Прощайте, не думайте обо мнѣ, а если вспомните, то пожелайте хорошаго воспаленія въ легкихъ, чтобы въ два дня скрутило.

Она исчезла. Мишель воспользовался суматохой (товарищи вальсировали съ дамами), быстро добрался до лѣстницы, потомъ до входной двери и глубоко вдохнулъ свѣжій ночной воздухъ.

Но во всѣ послѣдующіе дни воспоминаніе о послѣдней встрѣчѣ не давало ему покою. Онъ не могъ изгнать изъ своей памяти злосчастнаго образа Фернанды.

Онъ выплылъ еще настойчивѣе, когда Мишель, придя на могилу матери, нашелъ на памятникѣ свѣжій вѣнокъ иммортелей. Несчастная Фернанда сдержала слово и почтила память единственной женщины, которая согрѣла ея сиротливое дѣтство, той, которая, можетъ быть, спасла бы ее, не помѣшай обстоятельства, и сдѣлала бы изъ нея честную женщину, не хуже другихъ.

— Что бы сдѣлала моя дорогая старушка, еслибъ была жива?—говорилъ Мишель, уходя съ кладбища. Что бы ни говорила несчастная, а жизнь ея—адъ и ей невыносимо. Чтобы заплатить ея долги, дать ей возможность нанять и меблировать комнату и обернуться, пока найдетъ работу, довольно тысячи франковъ. Въ ближайшій понедѣльникъ американецъ Гольдшмидъ заплатитъ мнѣ три тысячи франковъ за двѣ маленькія картинки, которыя я ему продалъ. Значитъ, будетъ свободная тысяча, чтобы вытащить Фернанду изъ клоаки. Жаль, если ничего не выйдетъ, но я увѣренъ, что мама одобрила бы меня!

Въ слѣдующій понедѣльникъ художникъ, какъ только получилъ деньги, взялъ экипажъ и поѣхалъ въ Латинскій кварталъ;

Digitized by Google

онъ вошелъ въ домъ среди бѣлаго дня, высоко поднявъ голову, на глазахъ у прохожихъ. Какое ему дѣло до прохожихъ! Онъ справлялся только съ своею совѣстью!

— Кого вамъ угодно?—спросила отвратительная старуха, вышедшая ему на встрѣчу.

— Фернанду.

— Фернанду?... А, да, Резеду... ея здѣсь больше нѣтъ... я позову другихъ дамъ...

— Нѣтъ, не надо. А гдѣ она теперь? Мнѣ нужно ее видѣть.

— Въ такомъ случаѣ, интересный брюнетъ, облекитесь въ трауръ. Вы ея не найдете ни здѣсь, ни въ другомъ мѣстѣ. Въ прошлый вторникъ она утопилась.

— Она лишила себя жизни!—сказалъ Мишель, похолодѣвъ.

Онъ вдругъ вспомнилъ, что именно въ послѣдній вторникъ нашелъ на могилѣ матери свѣжій вѣнокъ изъ иммортелей.

— Да, во вторникъ,—повторила старуха.—Это ея свободный день. На слѣдующее утро она не вернулась. Дѣвушка, уходящая по пятницамъ, охотница ходить въ моргъ, тотчасъ же узнала подъ краномъ Резеду.

Мишель, внѣ себя, бросился домой. Никогда мастерская, куда черезъ большое окно проникалъ сѣрый свѣтъ декабрьскаго дня, не казалась ему такою печальной.

Онъ сѣлъ передъ начатою картиной, машинально взялъ палитру, муштабель, связку кистей и застылъ на мѣстѣ. Онъ ни о чемъ не думалъ и поминутно повторялъ про себя: «Она все-таки лишила себя жизни!» У него сосало подъ ложечкой, въ головѣ была пустота.

Наконецъ, убѣдившись, что работа не пойдетъ на ладъ, онъ взялъ наобумъ пять-шесть альбомовъ съ набросками, легъ на диванъ и сталъ разсѣянно ихъ перелистывать. Случайно ему попались альбомы того времени, когда онъ жилъ на Монмартрѣ; они заключали въ себѣ массу эскизовъ съ маленькой Фернанды. Были безформенные, почти каррикатуры, гдѣ она походила, какъ это ни странно, на то, чѣмъ онъ ее встрѣтилъ теперь. Но на большей части бѣглыхъ рисунковъ она была милымъ, простымъ ребенкомъ, въ огромныхъ башмакахъ, коротенькой юбочкѣ, съ прядями гофрированныхъ волосъ, выбивающихся изъ-подъ чепца! Одинъ эскизъ, особенно тщательно отдѣланный, несомнѣнно лучшій изъ всѣхъ, надолго приковалъ взоры художника. Изображена была m-me Герардъ, сидящая на креслѣ и разматывающая мотокъ шерсти, который на разставленныхъ рукахъ держала Фернанда. Прелестная картинка'

Digitized by Google

Старушка серьезно занята дѣломъ; ребенокъ стоитъ прямо и напрягаетъ все вниманіе, чтобы держать руки одну противъ другой. Простая семейная сцена, полная наивной граціи Кардона.

Передъ этою страничкой Мишель замечтался. Какъ немного надо было, чтобы мать взяла на воспитаніе малютку. Пройди два-три мѣсяца, и m-me Герардъ не разсталась бы съ ней. «Бѣдная Сидони» охотно уступила бы дочь старой барынѣ; она едва сводила концы съ концами, получая поденную плату и помощь отъ благотворительнаго бюро. И вотъ, ребенокъ выросъ бы въ честной средѣ, превратился въ красивую молодую дѣвушку. Да, красивую! Она была хороша даже въ грязи. Въ одинъ прекрасный день Мишель, который только на десять лѣтъ старше ея, увидалъ бы, что любитъ ее. Пожалуй, m-me Герардъ на смертномъ одрѣ дождалась бы внуковъ. А вмѣсто этого бѣдная Фернанда жила въ грязи, наложила на себя руки и, можетъ быть, до сихъ поръ лежитъ тамъ, въ мрачномъ покоѣ для труповъ, подъ краномъ, какъ сказала ужасная старуха.

Грустно стало Мишелю отъ этихъ мыслей. Онъ почувствовалъ себя такимъ несчастнымъ, одинокимъ; весь міръ представился ему въ мрачномъ свѣтѣ, жизнь—неумолимой и безполезной. Онъ бросилъ альбомъ въ противоположный уголъ мастерской, кинулся на диванъ, закрылъ лицо руками и зарыдалъ.

IV.

Спать пора.

1.

Давно, когда онъ былъ еще ребенкомъ и жилъ у родителей, вечеръ былъ для него самою пріятною частью дня.

Обѣдъ оконченъ; мать вытерла мокрымъ полотенцемъ клеенку на столѣ и подала отцу полчашки кофе, только отцу; онъ одинъ пилъ кофе, не ради баловства, но потому, что ему долго приходится сидѣть вечеромъ за перепиской. Пока отецъ клалъ въ кофе сахаръ,—одинъ кусокъ, понятно!—у круглаго стола собиралась вся семья: мать, сорокалѣтняя толстушка, еще свѣжая, поминутно обращавшая къ мужу нѣжные, смышленые глаза вѣрной собаки, ставила передъ собой рабочую корзинку. Три сестры, погодки, всѣ на одно лицо, прелестныя своею дѣвственною чистотой, въ одинаковыхъ платьяхъ, гладко причесанныя, какъ подобаетъ безприданницамъ, не разсчитывающимъ выйти замужъ, принимались рубить платки, а онъ, мальчуганъ, послѣдышъ, Веньяминъ, высоко возсѣдая на библіи, строилъ карточные домики.

Digitized by Google

Въ іюнѣ, когда долго не смеркается, лампу зажигаютъ наивозможно позднѣе, а въ открытое окно виднѣется грозное, лѣтнее небо съ нависшими тучами, Домъ Инвалидовъ, по куполу котораго скользятъ лучи заходящаго солнца.

Такъ какъ писать вскорѣ послѣ обѣда вредно для пищеваренія, то отца заставляютъ поболтать немного, чтобы, по возможности, оттянуть начало вечернихъ занятій, переписку дѣловыхъ бумагъ по двѣнадцати су за листъ.

Несчастный мечтатель, слагавшій въ студенческія времена оды въ греческомъ духѣ, потерявъ надежду на повышеніе по службѣ, проводилъ всѣ вечера за перепиской техническихъ терминовъ.

Послѣ обѣда онъ разрѣшаетъ себѣ отдыхъ въ болтовнѣ съ женой и дочерьми. Всѣ были веселы, потому что все шло хорошо въ скромномъ хозяйствѣ. Продавецъ картинъ изъ священнаго писанія съ площади С.-Сюльписъ предложилъ старшей дочери, высокой Фанни, артисткѣ, по пятнадцати франковъ за ея пастели съ «Мадонны съ зеленою подушкой». Вторая, Леонтина, цѣлый день бренчала «Менуэтъ-Боккерини». Что касается младшей, пухленькой Луизы, она только и мечтала о нарядахъ. Вотъ если къ пятнадцатому августа отецъ получитъ награду, она сдѣлаетъ себѣ шляпку, какъ у модистки на улицѣ Бакъ.

— Луиза, дитя мое,—вскричалъ отецъ,—ты строишь воздушныя шляпы *)!

Всѣ расхохотались.

А мать обдумывала серьезно. Если отецъ получитъ награду, у нея есть на примѣтѣ шерстяная матерія хорошаго цвѣта и двойной ширины, «вамъ на зимнія платья, mesdames». И съ увѣренностью добавила: «Чистая шерсть!» Какъ будто на свѣтѣ не существовало хлопчатой бумаги и тысячи негровъ столѣтіями не оставались изъ-за нея въ рабствѣ.

Вдругъ (въ комнатѣ уже совсѣмъ стемнѣло) отецъ замѣтилъ, что, положивъ голову на сложенныя руки, мальчуганъ заснулъ среди развалинъ послѣдняго карточнаго домика.

— А-а,—сказалъ весело добрякъ,—сонъ запорошилъ малюткѣ глазки!

Чудная, незабвенная, неизгладимая до старости минута! Мать беретъ мальчугана на руки: онъ чувствуетъ прикосновеніе жесткой бороды отца и свѣженькихъ губокъ сестеръ къ своему лицу; затѣмъ въ сладкомъ забытьи опускаетъ головку на плечо матери и

*) Непереводимая игра словъ: Tu fais des chapeaux en Espagne, вмѣсто des châteaux en Espagne.

Digitized by Google

смутно слышитъ нѣжный голосъ, безконечно нѣжный и ласковый, шепчущій ему на ухо:

«А теперь пора баиньки!»

2.

Двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Онъ, поэтъ неизданныхъ стихотвореній, новичокъ въ литературѣ, собирается провести нѣсколько дней въ деревнѣ съ своею милой Мари, модисткой въ стилѣ Мадонны Корреджіо. Пріѣхавъ въ омнибусѣ и размѣщая въ гостиницѣ свой багажъ, они немало смѣялись диплому на учителя фехтованія, повѣшенному въ рамкѣ на стѣну, букету флёръ-д'оранжа подъ стекляннымъ колпакомъ, обоямъ, на которыхъ безчисленное количество разъ изображенъ набабъ на слонѣ, курящій трубку съ безконечнымъ чубукомъ. Но когда открыли окно и увидали передъ собою лѣсную дорогу, зеленую и влажную, теряющуюся въ тѣни каштановъ, у парижанъ вырвался крикъ радости, и въ порывѣ восторга они обмѣнялись горячимъ поцѣлуемъ.

Два дня, два іюльскихъ жаркихъ дня, съ мимолетными дождями, прожили они въ деревнѣ, съ утра до ночи бродя по лѣсу; вечеромъ, ложась спать, они оставляли окно полуоткрытымъ, чтобы просыпаться подъ звукъ пѣсни зяблика.

Они были такъ счастливы, такъ безконечно счастливы, что забыли свое прошлое, и имъ казалось, будто всю жизнь провели они въ этой деревенской комнаткѣ. Хорошенькая блондинка внесла сюда очарованіе близости: на постели валялся зонтикъ, брошенный послѣ веселой прогулки, на колпакѣ отъ флёръ-д'оранжа висѣла кокетливая шляпочка.

У него и раньше бывали привязанности, но эта женщина—первая, единственная, которую онъ любилъ такъ беззавѣтно, такъ довѣрчиво. Кроткая, тихая, любящая, нѣжная, съ плутовскими глазками, она сводила его съ ума.

Онъ любилъ свѣжій ароматъ ея кожи, дѣтскія словечки, серьезное, умное выраженіе рта, когда она задумывалась. Она любила его наивною любовью и, если случалось, что они дня два не видались, писала крупнымъ, неувѣреннымъ почеркомъ прелестныя письма, полныя чувства и... орѳографическихъ ошибокъ.

Они давно мечтали объ отдыхѣ въ деревнѣ; но долго не могли осуществить мечты. Почему?—Потому что свобода дается нелегко и потомъ, эти противныя деньги, вѣчно въ нихъ недостача! Наконецъ, оба добились свободнаго времени и вырвались на волю. Они ѣли въ зеленой бесѣдкѣ артишоки подъ соусомъ, пили «reginglet»,

Digitized by Google

отъ котораго деретъ горло, спали на грубомъ, но чистомъ деревенскомъ бѣльѣ, бѣгали по кустамъ, рвали и ѣли полевую клубнику и, подобно пастуху Θеокрита, вырѣзали ножичкомъ свои имена на корѣ березы.

Но самымъ сладкимъ моментомъ этого блаженнаго времени,— моментомъ, который вспомнится въ сорокъ-пятьдесятъ лѣтъ, былъ вечеръ наканунѣ отъѣзда. Дождь лилъ какъ изъ ведра; они засидѣлись въ кухнѣ у очага: онъ сушилъ болотные сапоги; она составляла букетъ полевыхъ цвѣтовъ, чтобы взять съ собой въ Парижъ. Потомъ пошли наверхъ, въ свою комнату; нѣкоторое время потѣшались, слушая, какъ хозяинъ закрываетъ ставни, ковыляя на хромой ногѣ. Наконецъ, все стихло; дождь пересталъ, и ихъ охватила тишина и глубокое безмолвіе деревни.

Молча взяла она единственный подсвѣчникъ, поставила на каминъ передъ темнымъ, засиженнымъ мухами зеркаломъ и начала вечерній туалетъ. Онъ глубоко усѣлся въ кресло, скрестилъ ноги и глядѣлъ на нее счастливыми, усталыми глазами.

Граціозно подымая руки, она закручивала кверху волосы; въ зеркало взглянуло на нее улыбающееся лицо милаго; она отвѣтила ему улыбкой.

Какъ онъ любилъ ее въ эту минуту! Какъ хорошо любилъ, безъ желаній! Порывы страсти улеглись въ первые дни. Сколько нѣжности въ этой тихой любви. Онъ заранѣе предвкушалъ прелесть прощальнаго поцѣлуя, нѣжнаго безъ страсти, и мирный сонъ въ объятіяхъ любимаго существа, сердце котораго бьется только для него.

Точно угадывая его мысли, она подошла и сѣла къ нему на колѣни, обняла за шею и близко глядя въ лицо нѣжными, слипающимися отъ сна глазами, сказала, ласкаясь какъ ребенокъ, которому хочется, чтобъ его покачали, едва слышнымъ, усталымъ голосомъ: «А теперь пора баиньки!»

3.

Надвигается старость. Мечтателю, пѣвцу любви, уже пятьдесятъ; волосы сѣдѣютъ, у глазъ появились гусиныя лапки, желудокъ плохо работаетъ.

Сегодня утромъ онъ проснулся съ горечью во рту; ему подали приглашеніе на похороны; сперва онъ думалъ не ѣхать. Поклонить ся праху человѣка, котораго презираешь! Къ чему такое лицемѣріе? Положимъ — «собратъ» — какое нелѣпое слово! Но негодяй и продажное перо! Конечно, ему лично не на что жаловаться, напротивъ.

Digitized by Google

Этотъ журналистъ безкорыстно выказывалъ ему симпатіи, хвалилъ его съ тактомъ и защищалъ въ трудное время. Они не были друзьями, но поддерживали товарищескія отношенія: жали руку, встрѣчаясь на улицѣ или въ театрѣ. Ну, что же! онъ пойдетъ за гробомъ въ процессіи; надо отдать покойнику послѣдній долгъ.

Былъ грязный, дождливый ноябрьскій день. Онъ поднялся рано, выбрился, одѣлся и наскоро позавтракалъ. Яйца оказались несвѣжими—брръ! Онъ взялъ фіакръ; отъ обивки пахло псиной; въ церковь опоздалъ; отпѣваніе было почти кончено.

Барабанъ отбивалъ трель.

Солдаты! Да, правда, на катафалкѣ есть орденъ. Покойный поймалъ его въ мутной водѣ политической интриги, гдѣ была замѣшана женщина. Поэтъ, опускаясь на колѣни, покраснѣлъ за свою лепту.

Но такъ какъ онъ пришелъ, надо идти до конца. Отпускъ произнесенъ. Онъ становится въ рядъ, кропитъ гробъ святою водой и возвращается къ экипажу. Кортежъ двинулся къ предмѣстью подъ мелкимъ, пронизывающимъ дождемъ. На кладбищѣ та же вѣчная, плачевная комедія: люди, смѣявшіеся всю дорогу надъ скандаломъ, случившимся наканунѣ, дѣлаютъ строгія, печальныя физіономіи, толпясь у открытой могилы; ораторъ смѣшонъ и, разсчитывая на рекламу, вретъ, какъ дантистъ, говоря объ умершемъ; въ сторонѣ, свидѣтельствуя о благосостояніи покойнаго, стоитъ его любовница, женщина безъ возраста, трауръ которой имѣетъ видъ маскараднаго костюма; по щекамъ, смывая бѣлила, текутъ притворныя слезы.

Довольно. Нервный человѣкъ не выдерживаетъ. Онъ предвидитъ, что при выходѣ съ кладбища придется обмѣниваться унизительными рукопожатіями. Онъ исчезаетъ раньше конца и скрывается за роскошнымъ монументомъ, воздвигнутымъ въ память извѣстнаго коммерсанта, оттуда проникаетъ въ пустынную аллею.

Дождь пересталъ. Свинцовое небо нависло надъ кладбищемъ; съ черныхъ деревьевъ каплетъ на могилы; кругомъ стонетъ вѣтеръ, разносящій заразу. Унылая картина!

Одинокаго мечтателя охватываетъ невыразимая, гнетущая тоска. Онъ уже не молодъ, боленъ; его безпокойная жизнь полна случайностей; литературная репутація, которой такъ завидуютъ «собратья» — одинъ пуфъ! ничего не стоитъ и бумажная слава. Онъ понимаетъ, что какъ только его опустятъ въ могилу, все пойдетъ своимъ чередомъ, точно такъ же, какъ послѣ смерти этого ничтожнаго журналиста: тотъ же стукъ ружей о плиты церкви, тѣ же равнодушные люди въ экипажахъ, болтающіе дорогой о своихъ дѣлиш-

Digitized by Google

кахъ, такой же невѣжда въ бѣломъ галстухѣ, съ актерскимъ чувствомъ говорящій глупости, любезно прикрываемый сосѣдомъ отъ дождя.

Онъ такъ проникнутъ горечью и отвращеніемъ къ жизни, что желалъ бы лучше умереть. Конецъ, конецъ, всему конецъ! Какъ, должно быть, хорошо здѣсь отдыхать.

И ему кажется, что вѣтеръ, нагибая ветлы, стонетъ и шепчетъ въ отвѣтъ на его мрачное желаніе тѣ самыя слова, которыя напоминаютъ ему лучшія минуты жизни, — слова, которыя говорили ему нѣжно любимая мать и дорогая возлюбленная: «А теперь пора баиньки!»

V.

72-й пѣхотный полкъ.

Среди роскошныхъ полей въ жаркій іюньскій день шелъ ужаснаго вида бродяга.

Это одинъ изъ тѣхъ странствующихъ бѣдняковъ, которые часто попадаются во время жатвы; но у него такой подозрительный видъ, что ни одна хозяйка не рѣшилась взять его въ поденщики. Ясеневый костыль, на который онъ опирается, гораздо болѣе похожъ на дубину разбойника, чѣмъ на посохъ странника; а подъ отворотомъ полотняной куртки, пропитанной потомъ и пылью, такъ и чувствуется подозрительный номеръ, напечатанный несмывающимися чернилами, — клеймо тюрьмы или галеры.

Сколько ему лѣтъ? Несчастные не имѣютъ возраста. Высокій, сухощавый, онъ идетъ легкою поступью молодого человѣка, хотя въ жесткихъ рыжихъ усахъ уже пробивается сѣдина. Во всякомъ случаѣ, онъ не стыдится нищеты. Ухарски заломивъ выцвѣтшую на солнцѣ старую поярковую шляпу, онъ смѣло смотритъ впередъ, и суровые голубые глаза его блестятъ на загорѣломъ лицѣ. Путникъ идетъ босикомъ, чтобы сберечь толстые сапоги на желѣзныхъ гвоздяхъ, привѣшенные къ ранцу. Увѣреннымъ шагомъ, высоко поднявъ голову, съ осанкой военнаго, онъ идетъ по узкой межѣ, гдѣ колосья доходятъ ему почти до плечъ.

Странникъ не знаетъ, куда ведетъ тропинка.

Вокругъ него обширная, безлюдная равнина, неподвижная подъ палящими лучами іюньскаго солнца.

Справа рожь, овесъ и пшеница; слѣва — пшеница, овесъ и рожь. Вдали длинный рядъ тополей, куда летятъ вороны; еще дальше, гораздо дальше, въ туманной дали синѣютъ холмы, покрытые лѣсомъ.

Digitized by Google

Незнакомецъ идетъ по однообразной тропинкѣ. Здѣсь нива пестрѣетъ васильками, тамъ — макомъ. Около него громко, точно въ порывѣ раздраженія, застрекоталъ кузнечикъ. Человѣкъ остановился; кузнечикъ замолкъ. На небѣ ни облачка, полуденное солнце невозмутимо свѣтитъ съ небесъ. Бродяга вытираетъ рукавомъ со лба потъ и, вскинувъ голову, мрачно смотритъ на ясное небо.

Наканунѣ, въ большомъ торговомъ селѣ, куда онъ попалъ подъ вечеръ, незнакомецъ подходилъ къ дверямъ каждаго дома, приподнималъ шляпу и спрашивалъ хриплымъ смиреннымъ голосомъ:

— Не нужно ли поденщика?

Всюду, съ недовѣріемъ и страхомъ оглядѣвъ его съ ногъ до головы, хозяйки торопились отвѣтить:

— Нѣтъ, намъ никого не надо!

У него оставалось только три су. Онъ купилъ кусокъ хлѣба и съѣлъ его по пути.

У дороги протекалъ свѣтлый ручеекъ. Странникъ легъ на животъ и напился.

Когда наступила тихая, іюньская ночь, съ яснымъ звѣзднымъ небомъ, онъ перелѣзъ черезъ изгородь, устроился на ночлегъ, подложивъ подъ голову ранецъ, и, разбитый усталостью, проспалъ до восхода солнца.

Главнымъ образомъ, за послѣдніе три дня его мучило отсутствіе табаку.

Онъ проснулся въ сырой травѣ; все тѣло ныло, подъ рваною одеждой пробирала дрожь. Съ трудомъ поднявшись съ земли, онъ глухо пробормоталъ: «Господи Боже!»

И снова пустился въ путь по большой дорогѣ, которая невдалекѣ пересѣкала лѣсъ.

Утро было чудесное. Лѣсъ благоухалъ ароматной свѣжестью. По краямъ дороги трава была до того пропитана росой, что казалась бѣлой; на ней пестрѣли лѣсные цвѣты: молочно-бѣлые, розоватые, ярко-лиловые и всѣ необыкновенно нѣжные!

Вверху макушки деревьевъ едва золотились лучами восходящаго солнца.

Въ двадцати шагахъ отъ путника, поднявъ хвосты, перебирались черезъ дорогу два веселыхъ кролика; въ нѣсколько прыжковъ звѣрки очутились на опушкѣ и пропали въ лѣсу. Птицы громко распѣвали.

Бродяга думалъ о своемъ ужасномъ прошломъ. Рожденный въ пріютѣ, онъ былъ отданъ на воспитаніе въ деревню, къ суровой

Digitized by Google

кормилицѣ; изъ ранняго дѣтства онъ помнилъ только страхъ передъ этой старухой, всегда готовой дать затрещину. Однако, онъ выросъ здоровымъ, сильнымъ мальчуганомъ; ходилъ собирать хворостъ и колосья послѣ жатвы. Старуха была грубо суевѣрна; ея всѣ боялись, считали распространительницей порчи, чему она сама отчасти вѣрила; когда она находила въ курятникѣ темное яйцо, то давила его ногою, убѣжденная, что въ немъ сидитъ змѣя. Она посылала ребенка въ школу, гдѣ онъ научился читать, писать и считать. Но его товарищи, краснощекіе крестьянскіе ребятишки, сытые и дѣтски-жестокіе, называли его подкидышемъ, сыномъ колдуньи. Взаимная ненависть вела къ частымъ стычкамъ, гдѣ, по счастію, онъ почти всегда оказывался болѣе сильнымъ.

Когда мальчику минуло четырнадцать лѣтъ, старуха умерла. Ему бы не найти въ деревнѣ работы, еслибъ одинъ зажиточный крестьянинъ не задумалъ устроить на лошадяхъ правильное сообщеніе съ желѣзною дорогой. Понадобился мальчишка для конюшни. Ему положили три франка жалованья въ мѣсяцъ, уголъ на соломѣ и собачью пищу. Мѣстные ребята не любили мальчика; дѣвушки подымали его на смѣхъ; у всѣхъ онъ слылъ идіотомъ за угрюмый нравъ. Проживъ безвыѣздно въ деревнѣ, не побывавъ даже въ городѣ, находившемся оттуда въ трехъ льё, онъ выросъ крупнымъ, сильнымъ юношей и попалъ въ 72-й пѣхотный полкъ.

Кто повѣритъ, что лучшимъ воспоминаніемъ всей жизни было для него первое время въ полку. Впервые этотъ парія, этотъ отщепенецъ узналъ равенство и справедливость. Мундиръ былъ слишкомъ плотенъ для лѣта и слишкомъ тонокъ для зимы, но его носили всѣ солдаты; отъ солдатской похлебки порой мутило, но ее ѣли всѣ. Въ казармѣ, на сосѣдней койкѣ, спалъ виконтъ, попавшій въ солдаты за какую-то продѣлку. Товарищи были на «ты». Здѣсь, какъ ни странно, человѣкъ стоилъ человѣка, и чтобы подняться надъ общимъ уровнемъ, чтобы выдѣлиться, достаточно было одной добродѣтели—послушанія. Ему это было легко. Неглупый, менѣе безграмотный, чѣмъ большинство увальней въ красныхъ штанахъ, онъ получилъ къ концу года нашивки капрала; къ концу второго—тесакъ сержанта. Теперь молодые пѣхотинцы отдавали ему честь, встрѣчаясь на улицѣ.

Одинъ мигъ безумія—и все пропало. Онъ только что получилъ чинъ фельдфебеля; у него въ карманѣ лежали казенныя деньги; пирушка, три стакана абсента, выпитые залпомъ изъ удальства, чувственный порывъ къ дѣвушкѣ съ чертовскими глазами и вотъ—воръ, преступникъ! Съ этого момента жизнь превратилась въ пы-

Digitized by Google

ку. Онъ живо видѣлъ себя съ согнутой отъ стыда спиной передъ свѣтилами военнаго суда. Затѣмъ потянулись безконечные годы въ африканскомъ батальонѣ, починка дорогъ на палящемъ солнцѣ, изнурительныя лихорадки. Онъ вышелъ изъ пекла вѣчно сжигаемый жаждою алкоголика и разъѣденный порокомъ до мозга костей.

Никакихъ надеждъ впереди, никакой помощи! Когда кончился срокъ наказанія, никто не протянулъ ему спасительной руки. Работая то тутъ, то тамъ, онъ бродилъ безъ пристанища, вѣчно преслѣдуемый своимъ прошедшимъ. Когда приходилось слишкомъ страдать отъ голоду, онъ понемногу кралъ, «мародерствовалъ», какъ въ Алжирѣ. Жестокая рука правосудія не разъ опускалась на его плечи. Гдѣ былъ онъ два года тому назадъ?—Въ тюрьмѣ. А послѣднюю зиму?—Опять въ тюрьмѣ. Вотъ уже три дня бродилъ онъ по чужой сторонѣ—и ни одного рабочаго дня въ самый развалъ жатвы. Истраченъ послѣдній грошъ, съѣдена послѣдняя корка. Какъ быть? Что дѣлать?

Продолжая идти по большой дорогѣ, путникъ дошелъ до перекрестка. Тамъ стоялъ бѣлый деревянный крестъ съ грубымъ изображеніемъ Христа, съ котораго дожди смыли краску.

Путникъ повернулъ налѣво.

Шаговъ двѣсти далѣе онъ увидалъ хорошенькій бѣлый домикъ, отдѣленный отъ дороги лужайкой и широкимъ рвомъ. Молодая женщина въ голубомъ пеньюарѣ, съ зонтикомъ въ рукахъ, показалась на крыльцѣ и позвала мальчугана, который игралъ въ травѣ съ огромнымъ нью-фаундлендомъ:

— Малышъ, малышъ!

Ребенокъ побѣжалъ къ матери, а собака, вдругъ освирѣпѣвъ, въ три прыжка очутилась на краю рва и долго лаяла въ слѣдъ злополучному бродягѣ.

Онъ показалъ кулакъ дому богача, гдѣ утренніе цвѣты, казалось, благоухали счастіемъ, и, почувствовавъ злобную жажду остаться одному, повернулъ на межу.

Такъ очутился бродяга на обширной равнинѣ, среди высокихъ колосьевъ, разбитый усталостію, съ пустымъ желудкомъ, одинокій, затерянный, погруженный въ отчаяніе.

Вдругъ раздалось веселое пѣніе пѣтуха. Невдалекѣ было жилье. Голодъ мучилъ несчастнаго. Тѣмъ хуже! Онъ пойдетъ просить милостыню, грабить, убивать, если понадобится. Помахивая дубинкой, онъ ускорилъ шагъ и на концѣ тропинки, которая круто заворачивала въ сторону, увидалъ небольшой хуторокъ. Смѣло прошелъ онъ дворомъ, разгоняя птицъ, приблизился къ низенькому

Digitized by Google

дому подъ соломенною крышей, взялся за ручку стеклянной двери,—дверь была заперта.

— Эй,—закричалъ онъ во все горло; и немного погодя повторилъ нѣсколько разъ:—эй!

Отвѣта не было. Должно быть, хозяева работали въ полѣ. Бродяга обернулъ правую руку линялой шляпой, кулакомъ разбилъ стекло, нащупалъ задвижку, которая запиралась изнутри безъ ключа, толкнулъ дверь и вошелъ въ домъ.

Онъ очутился въ низкой комнатѣ, единственной жилой, гдѣ стояли кровать, печка, шкафъ для посуды, квашня, столъ, на которомъ лежала краюха хлѣба, кухонный ножъ и раскрытая пачка табаку, наконецъ, тяжелый дубовый шкафъ, куда крестьянинъ прячетъ свое богатство, мѣшочекъ или старый чулокъ съ деньгами.

Въ первый разъ въ жизни бродяга совершалъ кражу со взломомъ, рискуя попасть на каторгу. Была, не была! Надо идти до конца!

Онъ схватилъ со стола ножъ, подошелъ къ шкафу, чтобы сломать его. Но вниманіе его привлекла бумага въ черной рамкѣ, висѣвшая на стѣнѣ близъ шкафа. Машинально взглянулъ онъ на нее и прочелъ напечатанныя слова: «72-й пѣхотный полкъ».

Онъ быстро остановился.

То былъ приказъ объ отставкѣ какого-то Дюбуа (Жюль-Матье), горниста-капрала 2-й роты, 3-го батальона.

Итакъ, онъ ограбитъ солдата своего полка. Не сослуживца, нѣтъ! Отставка написана недавно. Но, все-таки!

И вотъ, взволнованный, онъ стоитъ въ нерѣшимости.

— Какъ глупо!—бормочетъ онъ.

Взоръ его падаетъ на столъ, гдѣ лежитъ хлѣбъ и табакъ.

Вопросъ рѣшенъ! Онъ разрѣзаетъ хлѣбъ пополамъ, вытаскиваетъ изъ кармана трубку и набиваетъ ее,—не грѣхъ позаимствоваться у товарища такими пустяками,—затѣмъ быстро покидаетъ домъ и, жуя хлѣбъ, направляется по прежней тропинкѣ къ большой дорогѣ.

VI.

Любовныя письма.

За послѣдніе десять лѣтъ, конечно, не было въ литературномъ мірѣ болѣе удивительнаго сюрприза, чѣмъ появленіе прелестнаго томика въ прозѣ, озаглавленнаго просто «Любовныя письма», напечатаннаго у Альфонса Лемерра поэтомъ Маріемъ Кабанисъ и въ нѣсколько мѣсяцевъ выдержавшаго шестьдесятъ изданій.

Digitized by Google

Сынъ земледѣльца изъ окрестностей Байонны, Марій поселился, семь-восемь лѣтъ тому назадъ, въ простенькихъ меблированныхъ комнатахъ на улицѣ Расинъ съ четырьмя луидорами въ карманѣ и толстой рукописью поэмъ на днѣ чемодана.

Бѣдный, но самолюбивый южанинъ, совершившій длинное путешествіе въ третьемъ классѣ и всю дорогу питавшійся жареным гусемъ и четырехфунтовымъ хлѣбомъ, захваченнымъ съ родины, шелъ однимъ изъ ста тысячъ завоевывать Парижъ. Онъ возлагалъ надежды на стихи, воспѣвающіе Бэарнъ и страну Басковъ, на пронырливость гасконца, на декламаторскій талантъ, на красивую смуглую голову араба, на раздвоенную бороду и томные глаза влюбленной козы.

Находчивый, пріятный собесѣдникъ, онъ скоро освоился въ Латинскомъ кварталѣ. Зарабатывая деньги кое-какими уроками (дядя священникъ далъ ему приличное образованіе), онъ каждый вечеръ декламировалъ свои поэмы въ кафе бульвара С. Мишель, куда собирались его земляки, прекраснымъ голосомъ медіума, съ жестами Руже де-Лиль и вдохновенными взорами плохого актера.

Хороши или плохи были въ дѣйствительности стихи Марія Кабанна, трудно рѣшить. Они были звучны и построены по послѣдней парнасской модѣ; ловкій поэтъ не пренебрегалъ тайнами новой просодіи: переворачивалъ полустишія и, не хуже другихъ, употреблялъ прошедшее время вмѣсто риемы. Стихи выходили приличные, строфы не лишены были гармоніи. Они вѣрно передавали сцены изъ мѣстной жизни и южные пейзажи. Радостный гулъ проносился среди студентовъ, когда Марій, прислонясь къ печкѣ, произносилъ названія своихъ поэмъ. «Къ Пиренеямъ. Игроки въ мячъ. Генриху IV. Вечеръ въ Біаррицѣ» и др.

Болѣе безпристрастная публика, можетъ быть, замѣтила бы отсутствіе искренности, сердечнаго трепета, нашла бы стихи Кабанна кусочками льду, сфабрикованными по латинскимъ образцамъ. Можетъ быть! Но Марій, прекрасный ораторъ, способенъ былъ обмануть самыхъ строгихъ критиковъ пламеннымъ голосомъ, въ которомъ дрожало искусственное возбужденіе, и внѣшностью геніальнаго человѣка.

Этотъ квази-поэтъ на подкладкѣ дипломата не замедлилъ пробраться къ лакомому куску. Онъ работалъ локтями и смѣло шелъ среди парижской суматохи къ желанной цѣли; ему удалось завязать полезныя знакомства и, опираясь на камины всѣхъ литературныхъ кружковъ, онъ декламировалъ свои стихи. Однажды Марій Кабаннъ превзошелъ себя на обѣдѣ «Стрекозы», предсѣдателемъ

Digitized by Google

котораго былъ министръ Юга, и сразу получилъ мѣсто въ бюро народнаго просвѣщенія; наконецъ, плѣнилъ какого-то издателя и напечаталъ свои «Беарнскія поэмы».

На взглядъ истинныхъ знатоковъ, онѣ не выдержали опаснаго испытанія: впечатлѣніе оказалось неблагопріятнымъ. Отпечатанныя на бѣлой бумагѣ, лишенныя искусственнаго пыла, которымъ согрѣвалъ ихъ прекрасный баритонъ Марія, онѣ оказались тѣмъ, чѣмъ были въ дѣйствительности, холодными, какъ трупъ, и пустыми, какъ выѣденное яйцо. Несмотря на многочисленныя рекламы, выпрошенныя авторомъ и написанныя журналистами Юга, несчастный издатель, который рискнулъ на свой счетъ напечатать «Беарнскія поэмы», не продалъ и двухсотъ на тысячу.

Марій Кабанисъ жестоко страдалъ отъ неуспѣха; но онъ сумѣлъ воспользоваться и имъ, ловко драпируясь въ его складки. Онъ чаще, чѣмъ прежде, сталъ появляться въ свѣтѣ, гдѣ съ меланхолическимъ видомъ непризнаннаго поэта обвинялъ современное общество въ жестокомъ равнодушіи къ великому искусству. Презрительно улыбаясь, когда его просили продекламировать стихи, онъ заставлялъ долго упрашивать себя, хотя всегда сдавался и, благодаря прекрасному органу и актерскому таланту, оживлялъ холодную поэму, «создавалъ ея славу», какъ говорится за кулисами, и срывалъ апплодисменты. Такимъ путемъ Марій создалъ себѣ кружокъ поклонниковъ, не многочисленныхъ, но горячихъ, изъ людей не читавшихъ, а слышавшихъ стихи въ его декламаціи.

Женщины, обвороженныя красивымъ лицомъ, къ которому такъ шло меланхолическое выраженіе, интересовались имъ и сожалѣли его. Марій расширилъ кругъ знакомствъ и съ фатальнымъ взоромъ присутствовалъ на званыхъ обѣдахъ, получилъ повышеніе въ министерствѣ и плѣнилъ сердце вліятельнаго синяго чулка. Французская академія, добрая, снисходительная особа, присудила одну изъ своихъ премій «Беарнскимъ поэмамъ», которыя постоянный секретарь въ любезной рѣчи назвалъ «прекрасной попыткой». Итакъ, не пріобрѣтя извѣстности, Марій создалъ себѣ понемногу репутацію и вытянулъ все возможное изъ своей жалкой книжонки.

Онъ сдѣлалъ большую ошибку, напечатавъ черезъ три года еще томъ. Люди со вкусомъ нашли его «Пиренейскія пѣсни» еще болѣе безцвѣтными и скучными, чѣмъ «Беарнскія поэмы». Рекламъ почти не было. На этотъ разъ литературные собратья остались глухи къ просьбамъ Марія. Въ литературныхъ салонахъ стали подтрунивать надъ такъ-называемымъ «красивымъ ораторомъ», а у

Digitized by Google

недоброжелателей то и дѣло проскальзывало обидное словечко «неудачникъ» или «пустоцвѣтъ».

Но вотъ, два мѣсяца спустя послѣ полнаго краха злосчастныхъ «Пиренейскихъ пѣсенъ», Марій Кабанисъ напечаталъ безыскусственное, нѣжное поэтическое произведеніе, озаглавленное «Любовныя письма».

Всѣ были поражены. Нечего говорить, что со времени «Religieuse Portugaise» и «m-lle Lespinasse» не было ничего болѣе искренняго, трогательнаго, страстнаго. Это не обычный невыносимо-скучный романъ въ письмахъ. Нѣтъ, это проще Юліи Руссо, проще Коринны.

Младшая учительница пансіона для благородныхъ дѣвицъ была свободна только полдня въ недѣлю; она проводила это время съ своимъ возлюбленнымъ, поэтомъ-новичкомъ, такимъ же голышемъ, какъ она, живущимъ въ бѣдной конурѣ Латинскаго квартала; безумно-влюбленная, она постоянно думала о немъ и въ скучные часы классныхъ занятій, когда дѣти учили уроки, писала ему письма. Переписка продолжалась недолго: только два-три мѣсяца. Она началась на слѣдующій день послѣ того, какъ неблагоразумное дитя отдало свое сердце и всю себя. Какой восторженный крикъ любви! Какой гимнъ счастію! А подъ конецъ величественный, скорбный стонъ покинутой, умирающей въ одиночествѣ. Только сорокъ писемъ, но что за книга! Сама истина, сама жизнь, сочащаяся кровью. А стиль! Страстный, сжатый, неправильный, съ милыми словечками, съ свойственными только женщинѣ оборотами, струящійся, какъ чистая, теплая кровь изъ открытой вены.

Сколько переполоху въ литературномъ мірѣ! Марій Кабанисъ въ нѣсколько дней сталъ знаменитостью.

— Наконецъ-то,—говорили въ пивной, гдѣ собираются молодые натуралисты,—съ такими явленіями сталкиваешься на каждомъ шагу; ихъ ежедневно попираешь ногами.

— Прелестно, восхитительно!—распѣвали свѣтскія дамы за чаемъ въ пять часовъ.

Новый Планшъ не замедлилъ настрочить въ *Revue* статейку, пестрящую «тѣмъ не менѣе» и «однакожъ», гдѣ онъ ставилъ «новинку» между «Принцессой Клевской» и «Манонъ Леско». Старый ѣпой критикъ, заставившій прочесть себѣ наканунѣ «Любовныя исьма», спускаясь по лѣстницѣ института съ молодымъ собратомъ Жаномъ Борель, вскричалъ: «Вниманіе! Вотъ это писаль!»—такимъ тономъ, точно произносилъ: «Нынѣ отпущаеши». же сами «декаденты», хотя сожалѣли о полномъ отсутствіи симизма въ свѣже-распустившейся книгѣ, были слегка смущены.

Digitized by Google

Только скептическіе умы, пораженные изумленіемъ, задавали себѣ вопросъ, какъ могъ такой посредственный, такой искусственный поэтъ, какъ Марій Кабаннъ, написать такія горячія страницы, полныя знанія женскаго сердца.

Вчерашній риѳмоплетъ, реторикъ, стряпавшій пейзажъ подъ моднымъ соусомъ, и вдругъ воочію такая перемѣна; вмѣсто стиховъ оригинальная, жизненная, полная чувства, точно вылившаяся изъ сердца проза. Какъ же такъ? Невозможно! Здѣсь что-нибудь да кроется. И правда, это было невозможно! А секретъ вотъ въ чемъ: «Любовныя письма» были написаны не Маріемъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Парижъ, въ воскресенье, въ свѣтлый осенній день, когда такъ хорошо дышется на воздухѣ, Марій прогуливался въ Люксембургскомъ саду. Несмотря на прелестный день, онъ былъ грустенъ. Изъ лицъ, къ которымъ у него были рекомендательныя письма, никто еще не откликнулся, отъ восьмидесяти франковъ капитала, съ которыми онъ пріѣхалъ, оставалось только три монеты во сто су. Желая сберечь послѣднія деньги, онъ закусывалъ на ходу, бродя по аллеямъ, кускомъ хлѣба съ колбасой. Подойдя къ краю бассейна, онъ раскрошилъ остатокъ хлѣба лебедямъ.

Марій замѣтилъ невдалекѣ скромно одѣтую молодую дѣвушку, которая также смотрѣла на воду, заложивъ пальцемъ страницу книги. Маленькая, хорошо сложенная, съ грёзовской головкой и большими свѣтлыми глазами, она съ перваго взгляда производила впечатлѣніе нѣжнаго, утонченнаго существа. Несмотря на дешевый костюмъ и соломенную шляпу безъ ленты, у нея былъ очень приличный видъ.

Почему Марій и молодая дѣвушка, вопреки всѣмъ правиламъ приличія, мало-по-малу приблизились другъ къ другу? Почему оба одновременно улыбнулись? Почему заговорили о томъ, что у нихъ было передъ глазами,—о жадныхъ лебедяхъ и роскошномъ ясномъ небѣ? Конечно, потому, что оба были несчастны и одиноки. Имъ показалось, что они давно знакомы. Отойдя отъ бассейна, они пошли рядомъ, болтая, какъ старые друзья; войдя на верхъ террасы, инстинктивно отыскали подъ деревьями уединенную скамейку, сѣли рядомъ и откровенно разговорились.

Ее звали Анной; она была сирота. Скупые родственники, жившіе въ Шампани, обходились съ ней жестоко. Она рѣшила воспользоваться своимъ дипломомъ учительницы и, кочуя изъ пансіона въ пансіонъ, напала, наконецъ, на довольно порядочное заведеніе на бульварѣ Монпарнассъ, гдѣ въ качествѣ младшей учительницы за-

Digitized by Google

рабатывала пятьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ, квартиру и столъ. Она была свободна только въ воскресенье, послѣ двѣнадцати часовъ; за неимѣніемъ знакомыхъ, въ дурную погоду посѣщала музей, въ хорошую гуляла въ общественныхъ садахъ, всегда захватывая съ собой книгу.

Марій взялъ у нея изъ рукъ томикъ и прочелъ заглавіе: «Незабудка» — Моро.

Онъ разсказалъ ей, что самъ поетъ, что чувствуетъ себя затерянным въ большомъ городѣ. Она въ ласковыхъ выраженіяхъ пожалѣла его и попросила сказать его стихотвореніе. Марій, глубокимъ, сдержаннымъ голосомъ, который отъ того звучалъ еще красивѣе, прочелъ ей единственныя искреннія строфы, которыя у него были. Онъ написалъ ихъ наканунѣ вечеромъ, при свѣтѣ тонкой свѣчи, въ холодной комнатѣ съ голыми стѣнами. Анна слушала краснорѣчивый взрывъ отчаянія, не замѣчая его эгоизмъ. Когда Марій кончилъ, она плакала. Они не думали разставаться. Садились рядомъ на скамейку или бродили вдоль аллей до поздняго вечера, пока холодный вѣтеръ погналъ по землѣ засохшіе листья. Анна должна была къ шести часамъ возвращаться въ пансіонъ. Передъ разставаніемъ они дали другъ другу обѣщаніе сойтись въ слѣдующее воскресенье.

Оба аккуратно пришли на свиданіе; чудный день провели они въ саду; воздухъ былъ свѣжъ, листва деревьевъ порѣдѣла, и ночь надвинулась раньше. Ихъ разговоры прерывались продолжительнымъ молчаніемъ, во время котораго оба мечтали. Робѣя, они еще не говорили о любви; но дѣвушка уже любила, а Марій — увы! — только думалъ, что любитъ.

Въ слѣдующее воскресенье наступила зима: холодный ледяной дождь омывалъ черные скелеты большихъ деревьевъ. Въ этотъ день онъ убѣдилъ ее пойти къ нему, въ меблированныя комнаты улицы Расинъ, куда онъ возвращался по вечерамъ, всегда съ желаніемъ заплакать; такъ мрачна была эта комната съ каменнымъ поломъ, который плохо прикрывалъ старый коверъ, съ грязнымъ бархатнымъ кресломъ желтоватаго цвѣта, съ прорванными обоями; но [illegible]го противнѣе была ему картина, повѣшенная въ ногахъ кровати [illegible]зображавшая «Гибель Медузы».

Скоро безобразная комната превратилась въ рай: ее освѣтила [illegible]овь. Каждое воскресенье Марій позволялъ себѣ роскошь бѣд[illegible]: жарко растапливалъ каминъ; вскорѣ затѣмъ Анна вносила [illegible], ароматъ расцвѣтшей молодости и фіалокъ, приколотыхъ къ [illegible]жу. Бѣдная, беззащитная дѣвушка, безъ семьи и друзей, от-

Digitized by Google

далась, не разсуждая, и считала себя счастливѣйшей изъ женщинъ, потому что была любима поэтомъ; она навѣки отдала ему душу и тѣло. Анна могла проводить съ возлюбленнымъ только нѣсколько часовъ въ недѣлю; ей хотѣлось, по крайней мѣрѣ, мысленно быть съ нимъ, какъ можно чаще, и потому, наблюдая за уроками воспитанницъ, она писала ежедневно нѣжныя, наивныя, полныя прелести письма, благоухающія ароматомъ ея чувства.

Читая ихъ утромъ въ постели, съ папиросой во рту, литераторъ сравнивалъ ихъ съ грудой розъ, разсыпавшихся изъ фартука Елизаветы Венгерской.

Сначала Марій былъ доволенъ своею хорошенькой, скромною любовницей, «еженедѣльной», какъ онъ называлъ ее, разсказывая о своемъ приключеніи товарищу. Ему доставляли удовольствіе ея письма, гдѣ на каждой страницѣ пылали слова любви.

— Когда я произношу про себя твое имя,—писала она,—мнѣ кажется, что мысль моя смѣется!

Но холодный южанинъ не любилъ дѣвушки. Вскорѣ длинныя посланія, на которыя онъ не трудился даже отвѣчать, надоѣли ему, и онъ бросалъ ихъ, не читая, въ ящикъ стола. Потомъ и сама Анна надоѣла ему. Поэта представили какъ-то актрисѣ изъ Одеона, которая заинтересовалась его томными глазами и красивою бородой; онъ мечталъ уже написать для нея роль и черезъ ея посредничество попасть въ театръ. Тогда Марій рѣшилъ порвать съ Анной. Онъ покончилъ съ ней возмутительно грубо; бѣдная дѣвушка ушла, поникнувъ головой, пораженная въ сердце, убитая.

Онъ не слыхалъ о ней болѣе и ни мало не безпокоился, погруженный въ тяжелую борьбу, стараясь завоевать жизнь интригой и фальшивою поэзіей.

Наконецъ, полгода спустя, онъ получилъ отъ Анны послѣднее письмо; она писала изъ больницы, гдѣ отъ горя умирала въ чахоткѣ, чудное письмо, дышащее великодушіемъ и милосердіемъ; въ немъ жертва прощала палачу; въ немъ всѣ нанесенныя ей раны кричали: я люблю тебя!

Даже сухое, черствое сердце Марія было тронуто. Поэтъ вовремя поспѣлъ въ больницу, чтобъ изъ устъ умирающей получить прощеніе и не допустить ея прелестное тѣло на столъ анатомическаго театра. Онъ даже заложилъ часы, чтобы купить ей мѣсто на кладбищѣ Champ de Navets.

Совершенно случайно у него сохранились ея письма.

Много лѣтъ спустя, когда «Пиренейскія пѣсни» торжественно провалились и онъ самъ убѣдился въ ихъ негодности, Марій за-

Digitized by Google

думчиво сидѣлъ зимнимъ вечеромъ у камина и грѣлъ себѣ ноги; ему вспомнились эти письма; онъ нашелъ ихъ въ бумагахъ, перечелъ и понялъ всю трогательную прелесть...

Марій переписалъ письма своею рукой, напечаталъ подъ своимъ именемъ, и вотъ—онъ почти великій писатель!

Вотъ какъ все случилось. Презрѣнный продалъ останки своей жертвы! Плагіатъ, осложненный убійствомъ и кражей! Гнусная подлость! Но, какъ знать, если мертвые видятъ живыхъ, Анна навѣрно еще разъ проститъ Марію; она любитъ его навѣки и счастлива, если можетъ быть на что-нибудь полезна. Онъ говоритъ это себѣ въ извиненіе и врядъ ли ошибается. Любящія сердца, вѣроятно, и въ загробной жизни сохраняютъ свою безпредѣльную снисходительность.

Мучатъ ли Марія угрызенія совѣсти? Нимало. Онъ съ гордостью убѣждаетъ себя, что вдохновить или написать книгу—одно и то же.

Какъ бы то ни было, Марій Кабаннъ быстро воспользовался своимъ успѣхомъ. Онъ сочетался бракомъ съ богатою наслѣдницей, которой «Любовныя письма» вскружили голову, и даетъ теперь прекрасные обѣды.

Самолюбіе его не знаетъ границъ. Увѣряютъ даже, что разъ ночью, при лунѣ, его видѣли на Pont des Arts передъ Институтомъ, гдѣ, показывая кулакъ знаменитому куполу, Марій шепталъ, стиснувъ зубы, знаменитый вызовъ Растиньяка: «Теперь мы поспоримъ!»

VII.

Шарманка.

1.

Какъ тяжело дѣйствуетъ музыка на нервы! Какъ мучительно вызываетъ старыя воспоминанія! Какъ жалобно звучитъ въ мрачный ноябрьскій день заунывная шарманка, наигрывающая мотивъ старинной польки!

Старинный мотивъ польки, подъ который скакалъ весь Парижъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда вамъ, сударыня, было только семнадцать. Да, бѣдная, отцвѣтшая блондинка, въ полинялой шляпѣ, голубой бархатъ которой слишкомъ отличается отъ новыхъ цвѣтъ, везите колясочку съ вашимъ третьимъ младенцемъ подъ голыми платаны бульвара.

Вы были очень хорошенькою дѣвушкой въ то время, когда на этихъ буржуазныхъ вечеринкахъ барабанили эту польку. Какимъ

Digitized by Google

весеннимъ утромъ дышало ваше свѣжее, правильное личико и чудные волнистые волосы цвѣта зрѣлой пшеницы. Увы, послѣ вторыхъ родовъ вы наполовину потеряли ихъ.

Безприданница! Да, у васъ не было приданаго. Откуда взять его дочери честнаго маленькаго чиновника, который получалъ отъ начальства ежегодно одинъ безнадежный отзывъ: «Хорошій, скромный работникъ, очень полезный на своемъ мѣстѣ». Добрякъ не осмѣливался сѣсть за карточный столъ по десяти су за фишку на балахъ, куда сопровождалъ васъ; онъ поминутно ощупывалъ карманъ жилета, чтобъ увѣриться въ цѣлости трехъ франковъ, предназначенныхъ ночному извозчику.

Безприданница! Когда вся сіяющая, въ розовомъ облакѣ тюля, вы входили подъ руку съ отцомъ въ бальный залъ, всѣ зеркала кричали вамъ, что въ приданомъ нѣтъ надобности. Кому пришло бы въ голову, что мать осталась дома за неимѣніемъ туалета, что ваше платье разглажено ея руками въ столовой на большомъ столѣ, что все оно скроено и сшито вами.

Ваши ручки до локтей закрыты перчатками. Кто догадается, что пальцы исколоты иголкой?

Слушайте старую польку, которую заунывно наигрываетъ шарманка въ мрачный ноябрьскій день. Ея звукъ похожъ на пѣніе сумасшедшей, прерываемое рыданіями.

Васъ часто приглашалъ танцовать красивый молодой брюнетъ, такой элегантный въ ловко сшитомъ фракѣ. Онъ танцовалъ съ вами эту польку, а также и мазурку, и вальсъ. Вашъ голосъ слегка дрожалъ, когда вы отвѣчали: «Да, monsieur!» и рука трепетала, когда онъ бралъ ее. Онъ принадлежалъ къ хорошей семьѣ, но былъ кутила, уже дрался на дуэли (какое обаяніе!) и не разъ заставлялъ отца уплачивать свои долги.

Когда онъ увлекалъ васъ, крѣпко держа за талію, или во время отдыха, когда смѣющаяся, съ прерывающимся дыханіемъ вы опирались на его руку, какъ онъ смущалъ васъ своимъ взглядомъ и страстнымъ шепотомъ, произнося совсѣмъ ничтожныя слова, касающіяся вашего туалета, цвѣтка въ волосахъ, пустячный комплиментъ, въ которомъ вы слышали какой-то скрытый намекъ, доставлявшій вамъ удовольствіе и въ то же время смущавшій васъ.

Свѣтскій повѣса вродѣ m-r Фредерика не могъ долго интересоваться буржуазными вечеринками. Онъ перешелъ къ другимъ пиршествамъ, и это опечалило васъ. Прошло два, три, четыре, пять лѣтъ. Вы перестали носить розовыя платья, побѣднѣли, а на бур

Digitized by Google

жуазныхъ вечеринкахъ, гдѣ музыкальный репертуаръ не часто мѣняется, все продолжали играть старую польку, которая напоминала вамъ m-r Фредерика.

Наконецъ, надо было здраво взглянуть на вещи и рѣшиться. Вы вышли замужъ за скромнаго молодого человѣка, который танцовалъ всегда съ сухопарыми барышнями. Вамъ случалось не разъ забывать его кадриль, хотя она и была записана въ вашемъ костяномъ карне. Согласитесь, вамъ казался жалокъ добрякъ m-r Жюль, въ бѣломъ, слишкомъ туго накрахмаленномъ галстукѣ, въ чищенныхъ перчаткахъ. Вы вышли за него замужъ; онъ, все-таки, честный труженикъ, хорошій отецъ семейства. Онъ занимаетъ теперь такое же мѣсто, какъ вашъ покойный отецъ и получаетъ тотъ же неутѣшительный отзывъ: «Скромный, хорошій работникъ, полезный на своемъ мѣстѣ». Когда родился вашъ второй ребенокъ, у бѣдняка разыгралось самолюбіе и, чтобы получить повышеніе, онъ напечаталъ двѣ спеціальныя брошюры; но его наградили, украсивъ академическими пальмами.

Трое дѣтей, — сперва два сына, потомъ дѣвочка, — большая обуза! Къ счастью, старшій полустипендіатъ въ коллежѣ. При большой экономіи можно свести концы съ концами. Но какая скудная, мѣщанская жизнь! Отецъ съ утра уходитъ изъ дому, унося въ карманѣ пальто кусокъ хлѣба съ мясомъ и бутылку подкрашенной виномъ воды, потому что до министерства онъ даетъ нѣсколько уроковъ географіи въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вамъ некогда скучать, сударыня, у васъ такъ много дѣла, что не хватаетъ дня. И никогда, ни малѣйшаго развлеченія! Въ теченіе года вы только разъ были въ театрѣ на даровыхъ мѣстахъ.

Вы побѣждены, смирились. Но старая арія назойливой шарманки напомнила вамъ, какъ на дняхъ, перевозя колясочку съ ребенкомъ черезъ этотъ бульваръ, вы едва не были раздавлены мчавшейся викторіей, въ которой вы узнали покрытаго плэдомъ красавца m-r Фредерика, ничуть не измѣнившагося, моложаваго, какъ всѣ счастливые люди; онъ бросилъ на васъ разсѣянный взоръ и закричалъ кучеру: «Скотина!»

Неправда ли, шарманка невыносима! Къ счастью, она замолкла. ступаютъ сумерки. На концѣ скучнаго бульвара, въ полумракѣ ѣтились огоньки газовыхъ фонарей. Спѣшите домой, m-me оль. Вашъ второй сынъ, вѣроятно, уже вернулся изъ школы, огда васъ нѣтъ дома, онъ не учитъ уроковъ до обѣда. Спѣшите ой, m-me Жюль. Вашъ мужъ, голодный и усталый, скоро вер-ся изъ бюро, а вы прекрасно знаете, что дешевая прислуга не

Digitized by Google

сумѣетъ безъ васъ подправить картофелемъ и лукомъ остатки вчерашней говядины.

II.

Какъ ужасно дѣйствуетъ музыка на нервы! Какъ мучительно вызываетъ старыя воспоминанія! Какъ жалобно звучитъ въ мрачный ноябрьскій день заунывная шарманка, наигрывающая мотивъ стариннаго галопа!

О чемъ вы задумались, графиня, почему, какъ окаменѣлая, стоите, погрузившись въ мечты, у большого окна вашего будуара? Что можетъ напомнить вамъ, счастливой женщинѣ, въ полномъ расцвѣтѣ красоты, мотивъ стариннаго галопа, разыгрываемый визгливою шарманкой на обнаженномъ бульварѣ противъ вашего сада?

Онъ напоминаетъ вамъ обширный амфитеатръ «Johnson's american Circus», весь унизанный внимательными физіономіями, какъ было во времена вашихъ успѣховъ на аренѣ. Два негра - виртуоза только что окончили свой комическій концертъ, расколотивъ скрипки другъ другу объ голову, и наѣздникъ вывелъ вашего коня, огромное кроткое животное, бѣлое съ черными пятнами, точно сырая индѣйка, нашпигованная трюфелями. Тогда появляетесь вы, за руку съ хозяиномъ цирка, красавцемъ въ пурпуровой одеждѣ, съ прической Капуля; согласитесь, вы были къ нему неравнодушны, какъ всѣ наѣздницы цирка. Вы кланяетесь публикѣ и—гопъ! однимъ прыжкомъ становитесь на плоское сѣдло. Бичъ щелкаетъ, трубы оркестра гремятъ, лошадь въ яблокахъ бѣжитъ размѣреннымъ шагомъ и гопъ, гопъ, вы пускаетесь по кругу.

Какимъ олимпійскимъ созданіемъ были вы въ то время, графиня! Семнадцать лѣтъ и ноги Венеры Капитолійской. Сколько силы, какая грація! Одно изъ тѣхъ совершенствъ красоты, которыя получаются только при амальгамѣ расъ Новаго Свѣта. Всюду раздается шепотъ: «Красавица Ада! Американка!» Опьяненная торжествомъ, вы удвоиваете смѣлость пируэтовъ.

Первое отдѣленіе оканчивалось всегда подъ раскаты продолжительныхъ «браво». Пока наѣздники вскакивали на табуреты, держа въ рукахъ кольца, а клоунъ, чтобы позабавить галерку, однимъ ударомъ ронялъ товарища навзничь и осторожно подымалъ за штаны, вы съ легкостью бабочки обходили вокругъ цирка, положа руку на сѣдло. Это была лучшая минута для вашихъ поклонниковъ. Вы прямо держали свою божественную головку, обрамленную черными

Digitized by Google

волосами въ цвѣтахъ, а изъ газовой пышной юбки, точно изъ облака, выступали ваши изящныя ножки.

Въ одну изъ такихъ минутъ отдыха вы впервые замѣтили графа, вашего супруга, тогда одного изъ отчаяннѣйшихъ кутилъ Парижа. Онъ стоялъ въ проходѣ у конюшенъ, высокій, стройный, элегантный, въ строго застегнутомъ сюртукѣ, съ вѣткой сирени въ петлицѣ, постукивая по губамъ золотымъ набалдашникомъ трости. На другой день онъ былъ тамъ же; на третій снова тамъ и такъ всѣ послѣдующіе дни; а вы конфузливо потуплялись, когда ваши глаза встрѣчали его растерянный взоръ, взоръ человѣка, потерявшаго голову.

Онъ дѣйствительно потерялъ ее; а вы были честной дѣвушкой. Осиротѣвъ пяти лѣтъ (вашъ отецъ акробатъ упалъ съ шеста и разбился на-смерть), вы были усыновлены актерами цирка. Старый клоунъ, парижанинъ Мистигри, научилъ васъ французскому языку, чтенію и письму. Балованное дитя, но хранимое, какъ святыня, добрыми акробатами, вы стали современемъ славою цирка. Вы честно зарабатывали кусокъ хлѣба, показывая свои ноги, но въ остальномъ были благоразумны. Помните ли тотъ вечеръ, когда графъ довольно грубо поднесъ вамъ бирюзовый уборъ, вы чуть публично не отхлестали его по физіономіи.

Такіе поступки доводятъ страстныхъ людей до послѣдняго предѣла. «Johnson's american Circus» объѣзжалъ Францію. Графъ послѣдовалъ за вами въ Орлеанъ, въ Туръ, въ Анжеръ и, наконецъ, въ Нантъ совершилъ безумный поступокъ, на который способны только русскіе,—похитилъ васъ, чтобы жениться.

Какъ заунывно выводитъ во мракѣ шарманка мотивъ стараго галопа!

Что дѣлать послѣ первыхъ недѣль страстнаго медового мѣсяца, проведеннаго въ небольшой приморской деревушкѣ? Въ клубѣ надъ графомъ помирали со смѣху, а свѣтскія дамы задыхались отъ негодованія, обмахиваясь вѣерами. Графъ избралъ лучшее: онъ надолго покинулъ родину. Бѣдная графиня! Какъ вы скучали во Флоренціи, въ старомъ замкѣ, гдѣ графъ воспитывалъ васъ, какъ маленькую дѣвочку, гдѣ у васъ было такъ много занятій и наставниковъ! Увы, скорѣе въ знакъ признательности, чѣмъ изъ любви, вы ѣлали угодное графу и старались стать достойной его.

Но, понятно, потребовалось не мало времени и, несмотря на рпѣніе графа, вамъ пришлось много страдать отъ его: «Такъ не ается... Такъ не говорится...», сопровождаемаго сухимъ «моя ая», что приводило васъ въ отчаяніе.

Digitized by Google

всѣ женщины легко поддаются воспитанію. «Parvenu» не употребляется въ женскомъ родѣ. Черезъ три года вы были настоящею графиней.

Графъ, зѣвавшій въ музеяхъ и не долюбливавшій грамматики, не требовалъ бо̀льшаго и повезъ васъ въ Парижъ. Давно не открывавшіеся ставни стариннаго дома застучали о стѣны, и вы впервые по возвращеніи обѣдали въ обширной столовой, гдѣ со стѣны строго смотрѣлъ на васъ предокъ графа, генералъ-лейтенантъ королевской арміи, напудренный, съ синею лентой на красномъ мундирѣ, замѣчательный огромнымъ фамильнымъ носомъ.

Здѣсь снова скука и одиночество. Вашему мужу послѣ долгихъ усилій и массы пожертвованій на дѣла благотворительности удалось собрать около васъ кружокъ духовныхъ лицъ и девотокъ. Уже шесть лѣтъ вы каждое утро посѣщаете ясли и школы, а вечеромъ умираете отъ скуки въ пустой ложѣ Comédie française или въ Операѣ. Дѣтей у васъ нѣтъ, и нѣтъ надежды на ихъ появленіе. Годы уходятъ! Хуже всего, что вы чувствуете къ графу только глубокую благодарность, искреннюю дружбу и критикуете его. Онъ вполнѣ джентльменъ, но полонъ аристократическаго вздора и скученъ, какъ плохой концертъ. Ему сорокъ восемь лѣтъ, и пожилой красавецъ ведетъ благоразумную жизнь: это—безвкусная смѣсь свѣтскаго гонора, крашеныхъ бакъ, предразсудковъ, модныхъ шляпъ и плохого желудка.

Зачѣмъ жестокая шарманка все продолжаетъ играть галопъ, подъ который скакали нѣкогда ваши лошади! Вы видите себя среди арены, въ концѣ представленія, посылающей публикѣ прощальный поцѣлуй и въ опьяненіи слушающей громъ рукоплесканій. Въ своемъ ли вы умѣ, графиня? Ваше сердце замираетъ, и васъ охватываетъ то чувство молодой дѣвушки, которое вы испытали, когда хозяинъ цирка, въ пурпуровомъ костюмѣ, нѣжно пожалъ концы вашихъ пальцевъ, выводя васъ на арену.

Шарманка замолкла. На темномъ небѣ едва можно отличить силуэты голыхъ деревьевъ.

Лакей тихо вноситъ въ комнату лампу. Онъ ставитъ ее на столъ и почтительно докладываетъ:

— Господинъ кюре отъ св. Ѳомы Аквинскаго ожидаетъ графиню въ гостиной.

Н. К.

Digitized by Google

* * *

Въ страстномъ хорѣ вакханалій,
Вьются быстрыя стрекозы,
Возлѣ шелковыхъ азалій
И душистой туберозы.

Жадно дышать на свободѣ
Ароматныя сирени...
На вечернемъ небосводѣ
Гаснутъ розовыя тѣни...

У прохладной Гвадіаны,
За болтливымъ водопадомъ,
Гдѣ ползучія ліаны
Перевились съ виноградомъ,

Гдѣ сухія иммортели
Робко прячутся отъ свѣта,—
Ждешь, задумчивая Нелли,
Ты влюбленнаго поэта...

И едва надъ темнымъ садомъ
Тихо встанетъ мѣсяцъ блѣдный,
И по сумрачнымъ громадамъ
Разольется свѣтъ побѣдный,

И рѣзныя арабески
Засверкаютъ изъ тумана,
И купаясь въ лунномъ блескѣ,
Загорится Гвадіана,

Digitized by Google

И душистою волною
Вѣтерокъ благоуханный
Пронесется стороною
Надъ окрестностью туманной,—

Я приду къ нѣмымъ громадамъ,
Гдѣ ты ждешь, малютка Нелли,
Опущусь съ тобою рядомъ
На сухія иммортели,

Полный нѣги, полный лѣни,
Я склонюсь передъ тобою,
Обниму твои колѣни
Съ обольстительной мольбою,

Эти ручки изломаю
Въ страстныхъ, пламенныхъ пожатьяхъ,
Зацѣлую, заласкаю,
Задушу тебя въ объятьяхъ...

Пусть узнаютъ, пусть узнаютъ,
Въ ароматѣ ночи пьяной
Какъ цѣлуютъ, какъ ласкаютъ
Надъ Зеленой Гвадіаной!

В. Голиковъ.

Digitized by Google

КАКЪ ЛЮДИ ЖЕНЯТСЯ.

Разсказъ изъ сибирскихъ нравовъ.

— А вотъ и моя жена,—сказалъ мнѣ Щукинъ, вводя меня подъ руку изъ темной прихожей въ свою гостиную.

При этихъ словахъ я увидѣлъ высокую, сухощавую женщину, которая, поливая цвѣты у окна, казалась, совсѣмъ не слыхала нашего прихода. Слабый свѣтъ окна освѣщалъ только половину ея лица; оно показалось мнѣ при первомъ взглядѣ только худымъ, но когда она вдругъ, испуганно, обернулась въ нашу сторону, когда я уже шелъ къ ней съ любезнымъ привѣтомъ, какимъ встрѣчаютъ милыхъ хозяекъ, мнѣ показалось, я даже покачнулся немного, увидавъ передъ собой высокую, худую женщину, съ неимовѣрно безобразнымъ, обиднымъ для женщины лицомъ, гдѣ особенно выдавался длинный, безобразный носъ, большія губы, испуганные сѣрые глаза и такія страшныя, крупныя рябины по всему лицу, даже по рукамъ, что, казалось, онѣ слились съ ея пестрымъ сѣрымъ платьемъ.

Мой привѣтъ самъ собой замеръ на губахъ, замѣнившись какимъ-то невольнымъ мычаніемъ, я нерѣшительно, какъ-то неловко подалъ ей руку, прикоснулся къ ея холодной, жесткой рукѣ и даже былъ радъ, когда она, смутившись, съ какимъ-то укоромъ, мольбой взглянула на мужа, и вся красная вышла поскорѣе изъ комнаты походкой дѣвчка.

— Что, батенька, поражены моей половиной?—спросилъ меня тя, нисколько не обижаясь, мой новый знакомый.

Я рѣшительно ничего не могъ отвѣтить, и только проклиналъ ч, что рѣшился зайти въ этотъ домъ словно нарочно для того, ъ оскорбить эту несчастную женщину и свое чувство къ прекрасному полу.

Digitized by Google

Я познакомился только вчера съ Щукинымъ у одного чиновника, сегодня случайно встрѣтилъ его въ казначействѣ, гдѣ намъ пришлось пробыть вмѣстѣ, размѣнивая деньги; мы разговорились, вмѣстѣ вышли на улицу, вмѣстѣ прошли три квартала и, проходя мимо своего дома, онъ пригласилъ меня зайти выпить стаканъ чаю.

Отказаться было неловко по сибирскимъ обычаямъ, я былъ проѣздомъ въ этомъ городѣ, отчего же, думаю, не зайти, и вотъ зашелъ и очутился невольно его гостемъ.

— Да, — продолжалъ онъ, не обращая, повидимому, вниманія на мое смущеніе,—женился и, вѣдь, не какъ-нибудь, не для капиталовъ, а по своей, пожалуй, можно сказать, доброй волѣ, а, вѣдь, кажись, что? По моему достатку надо бы красавицу имѣть жену, посмотрите какой я еще молодецъ? — И онъ, какъ бы желая похвастать своей персоной, отошелъ отъ меня на два шага и сталъ въ красивую позу.

Я посмотрѣлъ на него и, дѣйствительно, долженъ былъ сознаться, что этотъ рослый, бравый, еще далеко не старый купецъ, съ черной кудрявой лоснящейся головой, съ темными глазами, съ правильными русскими чертами лица, которыя особенно такъ характеризуютъ наше купечество, въ синей поддевкѣ, съ бобровой шапкой въ рукѣ, вполнѣ достоинъ былъ имѣть красавицу жену, а не такого урода, который только что вышелъ изъ комнаты, словно даже оставивъ въ ней свое безобразіе.

— Да,— сказалъ я,— вы выглядываете настоящимъ купчикомъ-молодцомъ.

Но онъ перебилъ меня.

— Пойдемте въ мой кабинетъ, я вамъ разскажу, какъ я женился: это, батенька, прелюбопытнѣйшая исторія,— и онъ потащилъ меня за рукавъ въ сосѣднія двери.

— Но позвольте,—говорю я,—насъ могутъ услышать, ваша жена рядомъ въ комнатѣ, мнѣ не хотѣлось бы.

Но онъ настойчиво продолжалъ свое, проталкивая меня въ свой кабинетъ и усаживая на стулъ у стола, заваленнаго счетами.

— Пустяки,—говорилъ онъ,—она, быть можетъ, сто разъ слышала это, она знаетъ впередъ, что я и вамъ разскажу, я всѣмъ разсказываю, это всѣ знаютъ въ городѣ, не секретъ,—успокоивалъ онъ меня,—и я отъ души пожалѣлъ бѣдную женщину, и за то, что ее Богъ надѣлилъ такимъ страннымъ лицомъ, про которое говорятъ крестьяне, «что на немъ чортъ горошницу варилъ», и за то, что она должна мучиться каждый разъ, когда въ ея домъ захо

Digitized by Google

дать и видять ее новые люди, которымъ она, разумѣется, уже не покажется никогда больше.

Онъ крикнулъ подать два стакана чаю, приперъ дверь, закурилъ папиросу и, откинувшись на спинку стула, который такъ и застоналъ подъ его плотной фигурой, началъ разсказъ.

— Эта исторія, батенька, случилась со мной какъ разъ въ тотъ годъ, когда я потерялъ отца. Вотъ былъ молодчина, всей рѣкой завѣдывалъ, кромѣ его и покупателей у крестьянъ не было, большое дѣло велъ, много денегъ нажилъ. Послалъ онъ меня въ тотъ годъ рыбу закупать къ посту. Пріѣзжаю потомъ, черезъ мѣсяцъ домой, говорятъ, «вашъ батюшка померъ». Смотрю—домъ пустой, все растащили, холодно, пусто, хоть бѣги. Послѣ смерти мамаши мы одиноко жили, мой батюшка не любилъ экономокъ, прислуга только и жила. Что дѣлать? Послалъ я за тетушкой лошадь,—въ селѣ жила,—прошу пріѣхать. Пріѣхала, прибрала, направила хозяйство, «только, говоритъ, Коля я жить не буду, женись, да заводи свою хозяйку, а мнѣ съ такимъ домомъ не управить». А мнѣ всего двадцатый годъ пошелъ, еще жеребья не бралъ. Къ знакомымъ пойдешь, тоже говорятъ «женись, да женись», просто хоть на улицу не показывайся, а я не знаю—на комъ и жениться. Хоть въ нашемъ городишкѣ и были тогда дѣвушки, да все не подходящія, то мѣщанство, то опять когда-то тамъ отцы наши поссорились. Надо ѣхать въ уѣздъ искать.

Приходитъ ко мнѣ какъ-то дядя, пройдоха былъ страшный и выпить любилъ, и говоритъ мнѣ: «айда-ко, племянничекъ, со мной въ уѣздъ, невѣстъ выбирать, я такихъ знаю, что вѣкъ Богу за меня молиться будешь». Я спрашиваю: гдѣ? у кого?—ужъ самъ сталъ подумывать о бабѣ.—Да что у кого?—поѣдемъ, говоритъ, и только.

Ну, погорили мы съ нимъ, посовѣтовались, тетушка тоже чуть не силой изъ дому гонитъ за невѣстами; приказалъ я запрягать лошадей въ санки; навѣсили ковровъ на задокъ, наклали красныхъ подушекъ на сидѣнье, навязали ширкунцевъ, выпили, помолился Богу, благословился у тетушки; надѣлъ суконный новый тулупъ, [illegible]лилъ на уши бобровую шапку и покатили мы искать невѣстъ. [illegible]сушка даже мени голикомъ въ дорогу нахлестала, чтобы, зна[illegible]ъ, безъ невѣсты не пріѣзжалъ; стряпка шашмурой ударила, и [illegible]ь полу наказала садиться.

Ну-съ, покатили мы это и пріѣхали въ одно село. Говорятъ, у [illegible]раго писаря дочери невѣсты и денегъ много наворовалъ, на-

Digitized by Google

нальи. Посмотрѣли — рыло на рылѣ. Заѣхали въ другое, къ подрядчику, иконостасы по селамъ ставитъ, церкви щекотуритъ, около поповъ больше пробивается, говорятъ, приданое тоже хорошее даетъ и невѣста дочь есть. Заглянули—обрубокъ. Ѣздили мы такъ, батенька, цѣлую недѣлю, лошадей сичучили, сколько разъ блудили по проселкамъ, разъ чуть въ полѣ не ночевали, гдѣ только не были, у четырехъ торговцевъ были, у одного бычника дѣвка бы и ладно, да говорятъ того... у трехъ писарей, даже къ одному дьякону заворачивали, едва отъ него удрали, такъ привязался; нѣтъ, все не подходитъ, то то, то другое не въ порядкѣ, а время къ посту.

А народъ насъ такъ и водитъ изъ села въ село, видитъ, невѣстъ ищутъ, видятъ—женихъ молодой, изъ богатыхъ, хоть, думаютъ, можетъ быть, и пьяница, да богатый; посмотрите, говорятъ, вотъ тамъ, заѣзжайте, говорятъ, вотъ къ этому, за смотръ не возьмутъ, а можетъ поглянется, хоть чаю напьетесь, а у меня отъ этого кишкомоя уже все нутро прополоскало.

Въ это время кто-то тихонько подошелъ къ дверямъ, дверь отворилась, и въ комнату вошла маленькая дѣвочка съ подносомъ и двумя стаканами чаю. Я взглянулъ на нее и узналъ мать. Блѣдное, продолговатое, худое личико, длинный носъ, сѣрые глаза, рябины—все было какъ у матери. Господи,—пожалѣлъ я бѣднаго ребенка,—это невинное существо, которое словно съ пеленокъ должно уже страдать за это безобразіе, которое даже въ дни своего дѣтства, счастливаго для другихъ, должно знать то больное чувство женщины, когда она боится на себя взглянуть въ зеркало, когда она дрожитъ передъ чужимъ удивленнымъ, пораженнымъ глазомъ, когда это чувство вѣчной боязни, стыда, кажется, связываетъ всѣ ея движенія, проглядываетъ во всѣхъ ея чертахъ.

Она стыдливо поклонилась мнѣ, я словилъ, поцѣловалъ ея ручку, и она, словно ободренная, счастливая, выпорхнула изъ комнаты, провожаемая отцовскимъ взглядомъ.

Щукинъ вздохнулъ, поправилъ волосы и, поставивъ передо мной закуску, началъ снова свой странный разсказъ.

— Ну-съ, мотались мы такъ мотались, да и домотались съ дядей.

Натакали насъ заѣхать добрые люди къ Тропинкину въ Замараевку. Говорятъ, у него мыльный заводъ, дочь невѣста, хотя и не красавица, а съ капиталомъ, и такая умница, такая рукодѣльница, что на весь уѣздъ такой не сыщешь, а уже про поведенье такъ и не спрашивай,—воды не замутитъ... Еще бы,—усмѣхнулся Щукинъ.—Поѣхали въ Замараевку; погода ночью под-

Digitized by Google

нялась—свѣту не видно; сколько разъ съ дороги сбивались, спасибо, одинъ мужикъ изъ деревни направилъ; уже утромъ пріѣхали. Смотримъ—село богатое, большое. Остановились у кабака, вызвали цѣловальницу и спрашиваемъ у ней: гдѣ бы остановиться. А вотъ,—говоритъ,—какъ въ гору къ церкви поднимитесь, такъ налѣво въ проулокъ, тамъ низенькій домъ стоитъ съ зелеными ставнями, такъ тутъ наша просвирня живетъ, къ ней и попроситесь постоять, она пускаетъ.

— Ну, думаемъ, къ просвирнѣ, такъ къ просвирнѣ, куда не заноситъ.

Подъѣхали къ старенькому домику съ зелеными ставнями, кучеръ постучалъ кнутикомъ въ ворота, слышимъ кто-то идетъ. «Кто тамъ, крещеный?—черезъ ворота спрашиваетъ». Мы говоримъ, проѣзжающіе, нельзя ли, матушка, остановиться? Отперла она калитку и высунулась. «Вы откуда будете?»—спрашиваетъ опять. Говоримъ, изъ города. Знаете, у нашихъ бабъ первое любопытство. Посмотрѣла она на насъ, оглядѣла коней, «пожалуйте, говоритъ, и ворота сама распахнула».

Зашли въ домъ, поздоровались; комнаты чистыя, обиходъ; видимъ, квартира какъ слѣдуетъ; не стыдно гостей при случаѣ принять; хозяйка старою попадьей оказалась, почтенная такая старушка, «одна, говоритъ, вѣкъ коротаю». Позвольте, говоритъ, спросить, за какимъ дѣломъ въ наши края заѣхали? Такъ ее любопытство-то разбираетъ. Говоримъ, слышали мыльный заводъ у васъ есть, такъ за мыломъ.

— Э-э,—говоритъ,—шутитъ со старухой вздумали, да развѣ объ эту пору за мыломъ ѣздятъ съ красными подушками да коврами?... Ну, ну, говоритъ, посмотрите нашихъ невѣстъ, посмотрите, если не приглянется Тропинкина, такъ я вамъ у о. Симеона покажу дѣвушку,—такая дѣвушка, такая дѣвушка, что изъ горницы не выйдете, тутъ и обручанье будетъ, одно только—небогата.

— Ладно, ладно, говоримъ, матушка, посмотримъ, зачѣмъ поѣхали.

Умылись это мы, одѣлись, напомадили головы и пошли къ Тропинкину, думаемъ, тамъ и чаю напьемся, чѣмъ матушку безпокоить. А сами, почитай, со вчерашняго утра ничего не ѣдали въ дорогѣ.

Ну-съ, попрощались мы съ попадьей, взяли у нея благословенье и пошли.

Подходимъ къ Тропинкину, домъ обстоятельный, съ мезониномъ, на восемь оконъ; на крышѣ голубей пропасть, лежатъ, грѣ-

Digitized by Google

ются на солнышкѣ; ворота полы; во дворѣ воза стоятъ, какъ слѣдуетъ быть торговлѣ. Заходимъ въ ограду, а баба навстрѣчу съ поганымъ ведромъ идетъ, затыкалась безстыдница... Дома, спрашиваемъ, хозяинъ?

— Дома, дома, пожалуйте, говоритъ, на парадное, гостями, говоритъ, у насъ будете,—сама одергивается да смѣется. Узнали, говоримъ, про насъ, что мыло торговать пріѣхали.

Поднимаемся на парадное крыльцо, смотримъ—чистота, половики настланы; словно вотъ сейчасъ мыли. Заходимъ въ прихожую, раздѣваемся, дѣвушка говоритъ,—пожалуйте въ гостиную, самъ сейчасъ выйдетъ.

Проходимъ. Комната—хоть въ городѣ: цвѣты, лампада серебряная; цѣлый иконостасъ въ переднемъ углу; картины, диванъ, ковры, даже барометръ у печки повѣшенъ. Чистота такая, что плюнуть не куда, и жаренымъ гусемъ пахнетъ, и такъ, батенька, пахнетъ, что мы сразу съ дядей носомъ повели... Присѣли. Ждемъ, когда хозяинъ выйдетъ. За дверями кто-то уже подсматриваетъ въ щелку, я сѣлъ вдоль полу и какъ слѣдуетъ, по примѣтамъ, снижу.

Смотримъ, къ намъ хозяинъ выходитъ, почтенный такой, сѣдой старикъ, въ сюртукѣ, въ красной рубахѣ на выпускъ и борода вотъ,—Щукинъ отмѣрилъ на своей груди бороду Тропинкина.

— Такъ и такъ,—рекомендуется мой дядя,—зашли къ вамъ познакомиться, слышали мыло...

— Милости просимъ, милости просимъ,—говоритъ старикъ, самъ такъ улыбается, довольный, на стулья усаживаетъ,—всякое, говоритъ есть: и бѣлое, и желтое, и ошурки.

Разговорились они съ дядей съ перваго слова.

Я сижу, посматриваю по стѣнамъ, около дверей все кто-то возится, подсматриваетъ, слышно шушукаются даже, а гусемъ такъ вотъ и подмываетъ,—шутка ли, со вчерашняго дня не ѣли. Хотя бы чаю, думаю, скорѣе несли,—ужъ не до невѣсты.

А они про то, про другое, родню какую-то даже тамъ отыскали, сватовъ, а мнѣ просто съ голоду тошно дѣлается. Пожалуй, съ часъ такъ прошло.

Выходитъ, наконецъ, сама, въ нарядахъ, съ шалью до подола, румяная такая, толстая, глаза едва видятъ... Поздоровалась, подсѣла ко мнѣ и давай выпытывать: откуда, да куда, да жива ли мамаша, да чѣмъ торгуете и проч.

Смотрю, и невѣста съ подносомъ выходитъ, чай несетъ. Какъ взглянулъ на нее, такъ чуть даже не прыснулъ: Господи, думаю, кто тебя такую и родилъ.

Digitized by Google

Подходитъ ко мнѣ съ подносомъ, глаза опустила, зарумянилась, руки такъ ходенемъ и ходятъ. Ну, думаю, хоть мнѣ колѣни не ошпарь кипяткомъ-то... Взялъ стаканъ, кусочекъ сахару въ прикуску и отпустилъ поскорѣе, а то ужъ она совсѣмъ запыхалась,—такъ они ее тамъ затянули.

Сталъ я пить чай, вижу—пирога-то и не взялъ. Чтобъ-те розорвало, говорю, дуракъ, хоть бы пирога-то взялъ, а то кишки только прополощешь. А пирожное стоитъ на томъ столѣ, гдѣ дядя мой со старикомъ про мыло разговариваютъ, самому взять неловко. Выпилъ я стаканъ, выпилъ другой, какъ за третьимъ невѣста пришла, такъ на меня и взглянула.

Не изурочь, думаю, пожалуйста.

А дядя все про мыло толкуетъ и какая, братецъ, у него способность была со всякимъ говорить, просто диво... Послѣ чаю, думаю, надо идти, а онъ затолковался. Смотримъ—закуску, вина подали. Тутъ я обрадовался: ну, думаю, хоть червяка заморю, а гусемъ, батенька, такъ несетъ, такъ несетъ, что мочи моей нѣтъ.

Подошли, выпили, смотрю, а на закускѣ одни рыжики, чтобъ ихъ треснуло, поданы. Въ другомъ мѣстѣ я все красненькое пилъ, какъ слѣдуетъ изъ скромности жениху, а тутъ уже махнулъ рукой, выпилъ коньяку да еще большую рюмку выбралъ.

Ну-съ, выпили мы по одной, выпили по другой, и развезло же меня съ голоду-то, а они потчуютъ, они потчуютъ, у меня даже въ глазахъ задвоилось, не знаю съ коньяку, не знаю съ голоду.

А сама все около меня такъ ласково вертится, все разговоры ласковые ведетъ, выспрашиваетъ, и навралъ же я ей съ три короба... Что? думаю, уѣдемъ, только и было.

Я было свату и такъ и этакъ сигналы дѣлаю, что уходить де надо, а онъ и ухомъ не ведетъ, знай свое про мыло толкуетъ.

Слышу, въ другой комнатѣ уже тарелками застучали, столъ накрывать начали... Я было за шапку взялся.

— Что вы, что вы,—ухватилась за меня старуха, да мы васъ безъ обѣда не отпустимъ, да какъ же можно, да гдѣ же вы пообѣдаете, я и пельмени заказала уже дѣлать, сейчасъ, сейчасъ, скохонько поспѣютъ, не угодно ли вамъ посмотрѣть нашъ домъ, хоѣство, живемъ слава тебѣ Господи,—и потащила меня на другую ловину.

Пришли въ чайную, тамъ невѣста столъ накрываетъ, какъ лянула на меня, такъ и присѣла отъ радости. Прошли въ кух-, а тамъ ужъ стряпня идетъ. Одна баба пельмени щиплетъ за томъ въ переднемъ углу, а другая, что попалась намъ съ вед-

Digitized by Google

ромъ, засучила рукава, разсыпала по столу крупчатку и тѣсто наминаетъ. Какъ увидалъ я пельмени, такъ даже слюнки у меня побѣжали, — страсть люблю пельмени, даже не поминай про нихъ. Обернулся, а на шесткѣ гусь жареный стоитъ. Фу, чортъ бы тебя побралъ, такъ бы ему крылышко и отвернулъ.

Сама торопитъ кухарокъ: «скорѣе,—говоритъ,—стряпухи, скорѣе, гостей надо потчивать». «Ну,—говорятъ,—гости нежданные, негаданные, не осудятъ, можетъ и въ первые, да не въ послѣдніе»... Слова, значитъ, закидываютъ въ мой огородъ. Ну, думаю, только бы до пельменей добраться, а потомъ и медомъ меня не заманите.

Показала она мнѣ все хозяйство, разсказала, сколько у нихъ коровъ, телятъ, лошадей, даже про пару козловъ помянула, и воротились мы въ гостиную.

А дядя, почитай, дружбу уже свелъ съ Тропинкинымъ, такіе разговоры ведутъ, что словно вѣкъ пріятелями были, рыжиковъ уже на столѣ какъ не бывало, вино на половину выпили. «Вотъ,—говоритъ,—человѣка нашелъ, какого во снѣ не приводилось видать, комиерцію,—говоритъ,—какъ пять пальцевъ знаетъ». Ну, думаю, заговаривай зубы-то, вѣрно и ты про пельмени прослышалъ.

Выпили мы еще, выпилъ я передъ пельменями, выпилъ за одно и передъ гусемъ, и осѣлъ, въ глазахъ помутилось, ошабурило.

Какъ мы обѣдали, что пили, что говорили, какъ во снѣ помню, а на ногахъ я стоекъ былъ, какъ отецъ-покойникъ, изъ ума выпьюсь, а на ногахъ все стою и глазомъ не моргаю.

Помню только, что съ невѣстой мы рядомъ сидѣли, разговаривали, я ей еще пельмень въ колѣни уронилъ, да она говоритъ, «ничего», такъ съ пельменемъ въ колѣняхъ и просидѣла весь обѣдъ. Дядя—тотъ опять красное вино розлилъ на скатерть. «Ну,—говорятъ,—это къ свадьбѣ». А стряпки такъ и засматриваютъ въ двери, даже работники и тѣ головы высовывали. Ну, думаю, смотри, вотъ налупимся пельменей, а въ сумеркахъ свиснемъ, и какъ не бывало.

Кончили обѣдъ. Прощаемся, благодаримъ за угощенье. Приглашаютъ вечеркомъ зайти, «вечериночка, говорятъ, у насъ сегодня будетъ, познакомитесь, молодежь попляшетъ, молодые люди повеселятся съ вашимъ кавалеромъ»,—говорятъ дядѣ. Я молчу. Тропинкинъ по плечу дядю треплетъ, подмигиваетъ. Какъ отказаться? Едва отъ нихъ вырвались.

Пришли на квартиру, попадья встрѣчаетъ.—«Что-то,—говоритъ,—засидѣлись, вѣрно понравилась, только, говоритъ, напрас

Digitized by Google

но заритесь на ея добро, не по вамъ она будетъ,—для такого молодца, красавицу надо». Въ вѣкъ ее словъ этихъ не забуду. Раздѣлись мы и повалились спать.

Только я это разоспался, слышу, будятъ. Дядя меня—въ бокъ. Эй, говоритъ, вставай, проспишь невѣсту. На вечеринку пришли просить, посланный дожидается, говоритъ: «приказали просить, гости уже собираются, просили пожаловать, не отказаться».

Ну, говорю, я не пойду, лучше домой поѣдемъ. «Что ты, что ты, говоритъ, вѣдь, обѣщались». «Ты обѣщался, говорю, такъ и поди. «Да что ты, говоритъ, съ ума сошелъ, развѣ меня зовутъ-то, вѣдь, тебя, ты женихъ-то». Да я, говорю ему, не сватался еще. «Не сватался, говоритъ, а пельмени ѣлъ, обѣдалъ... за здоровье дѣвки пилъ». Ну, такъ что, что ѣлъ, — не съ голоду же, помирать на чужой сторонѣ, съѣлъ да и только. «Ну, говоритъ, пойдемъ, вѣдь, тебя силой никто не женитъ, народъ хорошій, повеселишься, съ барышнями познакомишься, поповну увидишь, а потомъ ночью домой поѣдемъ».

Подумалъ я, подумалъ,—что же, говорю, не сходить, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, силой не женятъ.

Окатилъ голову холодной водой, выпилъ квасу, одѣлся и пошли. А просвирня и говоритъ:—напрасно вы, господа честные, идете, пошли бы, говоритъ, лучше къ о. Симеону, тамъ,—говоритъ,—васъ ждутъ-дожидаются. А ужъ дѣвушка-то, дѣвушка-то, одно золото чистое.

Я говорю дядѣ—зайдемъ. «Что ты, говоритъ, развѣ теперь хорошо, да она можетъ давно уже тамъ, у Тропинкиныхъ, тамъ и увидишь, высмотришь». Такъ въ это время у меня на сердцѣ колыхнулось, словно бы что потерялъ.

Ну, пошли, подходимъ, смотримъ весь домъ въ огняхъ; ворота отворены; въ оградѣ лошади стоятъ; работники ходятъ; а у оконъ дѣвокъ, ребятъ, набралось, такъ и прутъ, въ окна заглядываютъ. «Женихъ, женихъ, говорятъ, идетъ!» Фу, чортъ бы васъ побралъ,—поѣлъ пельменей—и женихъ.

Заходимъ въ домъ, полны комнаты народа. Тропинкинъ чуть цѣлуется,—такъ обрадовался дядѣ. За руки ведетъ насъ, знакоитъ: «вотъ дядюшка нашъ Пименъ Сидоровичъ, вотъ тетушка на, родимая, Марья Ивановна, вотъ домочадцы ихъ, вотъ сватъ, ъ сватьюшка наша, вотъ родимый братецъ»... Цѣлая комната, а другой половинѣ, слышу, дѣвушки говорятъ, перебѣгаютъ, глядываютъ.

Одинъ старичокъ сѣденькій, бойкій такой. «Я, говоритъ, ва-

Digitized by Google

шего покойнаго папеньку хорошо зналъ, вмѣстѣ въ Ирбитѣ рыбой торговали, я еще ему позеновъ по семи гривенъ за пудъ уступилъ, и въ домѣ вашемъ бывалъ, говоритъ, хорошо знаю, и матушку вашу, покойницу, видалъ, почтеннѣйшая женщина была, полная такая, красавица, и въ вашемъ домѣ бывалъ не разъ, вы тогда еще, почитай безъ штановъ бѣгали, давно это было. Не только, говоритъ, съ вами радъ породниться и познакомиться... даже за честь считаю». Что, думаю, за диво, о чемъ онъ говоритъ?

Смотрю—дьяконъ заходитъ, послѣ немного—батюшка, вся аристократія собралась въ гости. Подходимъ къ столу, выпиваемъ, а бутылокъ это наставлено—цѣлая баттарея, и колбаса, и рыба копченая, и селедки.

Выпили мы по одной, выпили по другой, а дьяконъ меня за руку и шепчетъ, «если, говоритъ, Богъ свадьбу наладитъ, такъ ужъ пожалуйста въ нашей церкви вѣнчайтесь, такой апостолъ скажу, что окна задрожатъ», и даже крякнулъ такъ внушительно. Что, думаю, такое?

Смотрю, всѣ чего-то словно ждутъ, торжественность такая... Дядя мой ушелъ съ Тропинкинымъ въ другую комнату, сама тоже пропала, невѣсты невидать, дѣвушки не выходятъ.

Разговорился я со старичкомъ, что съ моимъ отцемъ въ Ирбитѣ рыбу вмѣстѣ продавалъ, смотрю, подходитъ ко мнѣ дяди и говоритъ тихонько: «три тыщи, говоритъ, и салопъ на куньемъ мѣху и все прочее въ порядкѣ».

Какъ, говорю ему, три тыщи, салопъ на куньемъ мѣху?... Да я развѣ сватался, да я развѣ предложеніе дѣлалъ? Если такъ, говорю, такъ намъ нечего здѣсь и дѣлать, и за шапку.

Господи, поднялось что тогда!

Подскочилъ это ко мнѣ старичокъ, что съ моимъ батюшкой въ Ирбитѣ былъ:—«Какъ,—говоритъ,—мы васъ за жениха принимаемъ, вы обѣдать изволили, рядомъ съ дѣвушкой сидѣли, комплименты и прочее говорили».

— Какъ,—подскочилъ сватъ,—насъ на просватанье звали, вотъ и батюшка приглашенъ, вотъ и отецъ дьяконъ.

— Точно такъ,— говоритъ дьяконъ и опять крякнулъ для внушительности..

— Позвольте, говорю, господа честные, я ничего не знаю, не думалъ еще. Куда, такой шумъ подняли! Поднялось это бабье. «Это, говорятъ, одна безсовѣстность», это, говорятъ, «дѣвушекъ надувать пріѣхали, обманывать, куры строить; бывали у насъ женихи, да такихъ еще не было; видали мы всякихъ, да такого жулья...Да

Digitized by Google

на что это похоже, да какъ же это можно? Пять тарелокъ пельменей съѣлъ, сколько вина вылакали»... и пошло, и пошло. Сама въ обморокъ повалилась; невѣста реветъ; мужики, кухарки изъ кухни выскочили; старикъ ужъ рукава сталъ засыкать: «я, говоритъ, такихъ жениховъ въ три шеи». Скандалъ!...

Дядя мой мечется, какъ рыба. «Позвольте,—говоритъ,—господа, позвольте, это недоразумѣніе, недоразумѣніе, мы уладимъ, уладимъ, ради Бога, потише, ради Бога, не дѣлайте скандала»... Чуть не плачетъ...

Въ это время подходитъ одинъ изъ родственниковъ Тропинкина и говоритъ мнѣ: «Пожалуйте,—говоритъ,—къ самому на два слова, поговорить съ вами хочетъ». Пошли.

Захожу въ его спальню, смотрю, старикъ за столомъ сидитъ и голову повѣсилъ. Только вошли мы, онъ мнѣ въ ноги. «Не обезчесть,— говоритъ,— сѣдой головы, двухъ дочерей,— говоритъ,— отдалъ, такого страму не было, не думалъ, что откажетесь, что міръ скажетъ, мало три тыщи, еще двѣ прибавлю, шубу новую сдѣлаю»,—и заплакалъ...

Только тутъ я увидалъ, что мы надѣлали. Даже страшно стало. Поднялъ я старика и поцѣловалъ.—«Что, говорю, вѣрно, судьба, берите»,—и самъ чуть-чуть не заплакалъ... такъ тошно сдѣлалось.

Обнялъ онъ меня и повелъ въ залу.

А тамъ уже батюшко въ ризѣ стоитъ, свѣчи затеплены. Поставили меня въ передній уголъ, невѣсту привели подъ руки,—плачетъ, заливается.

Посмотрѣлъ я на нее, такъ даже колѣнки затряслись, вотъ такъ бы отъ нея въ окошко и выскочилъ, да куда?—двойныя рамы... Сказалъ батюшко возгласъ, запѣлъ дьяконъ, обручили и пошелъ пиръ...

И запилъ я тогда такъ, что съ недѣлю не могъ опомниться: у просвирни три окна съ горя высадилъ; такъ пилъ, такъ пилъ, что словно жеребій взялъ въ солдаты. Какъ вечеринки сидѣли, какъ дѣла шли, что въ церкви было—помню какъ въ туманѣ, они это меня нарочно спаивали, чтобы, значитъ, голубчикъ не улизнулъ... олько тогда и проснулся, когда свадьбу сыграли.

Проснулся я, смотрю, а супружница подъ бокомъ спитъ. Вотъ, думаю, и гусь, и пельмени...

— А, вѣдь, кажись, что, пустое кушанье, одна наша дичь?— атился ко мнѣ Щукинъ.

— Ну,—я говорю,—не совсѣмъ такъ, не даромъ послѣ пельме-

Digitized by Google

ней тяжело дѣлается... Впрочемъ,—говорю,—вѣдь что же, вы живете слава Богу, дѣтки есть...

— Есть, есть,— говоритъ,— этимъ Богъ не обидѣлъ, цѣлая четверка, но все же, знаете, какъ-то обидно.

— Что же,—говорю,—дядя-то вашъ?

— Что ему, чорту, онъ только посмѣивается послѣ: «ладно,— говоритъ,—я его женилъ, а не ладно, друга не хороша, такъ вотъ тебѣ получше, съ лица,—говоритъ,—не воду пить»,—и Щукинъ весело расхохотался.

— Вотъ оно что судьба-то значитъ,— снова заговорилъ онъ, видя, что я задумался,—не даромъ говорятъ, ее на лихомъ конѣ не объѣдешь, а красавица-то подъ бокомъ, почитай, была, у о. Симеона, послѣ уже увидалъ, и такая дѣвушка, и такая умница, что вотъ-бы съ роду отъ нея не отошелъ, озолотилъ бы, — и бѣла, и румяна, кровь съ молокомъ. То-есть, вотъ, сейчасъ сердце гложетъ,—и онъ съ нетерпѣніемъ всталъ со стула, вздохнулъ и пустился ходить по комнатѣ.

Но, выходя изъ его дома, послѣ, я не такъ жалѣлъ его, какъ то несчастное существо, которое должно вѣкъ прятаться отъ людей, вѣкъ быть словно виноватой передъ мужемъ и самый стыдъ, самый недостатокъ передать и на дѣтей, и, быть-можетъ, на внуковъ...

Бѣдная женщина, бѣдныя дѣти!...

Н. Носиловъ.

Digitized by Google

Письма И. С. Тургенева къ его французскимъ друзьямъ *).

(Съ предисловіемъ и примѣчаніями И. Д. Гальперина-Каминскаго).

Письма къ Густаву Флоберу и къ г-жѣ Комманвиль.

Мы уже сказали, что знакомство Тургенева съ Густавомъ Флоберомъ начинается съ 1858 г.; но болѣе частыя сношенія между ними установились только съ 1863 г., когда Тургеневъ сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ обѣдовъ Маньи. Эта дружба приняла характеръ трогательной интимности, благодаря одинаковому благоговѣнію обоихъ писателей къ Жоржъ-Зандъ,— благоговѣнію, которое и русскій, и французъ давно уже питали къ ней и о которомъ мы будемъ еще говорить, когда начнется печатаніе писемъ Тургенева къ Жоржъ-Зандъ.

«Между этими двумя геніальными натурами была связь, сродство двухъ наивно-добрыхъ душъ; Жоржъ-Зандъ сблизила ихъ», говоритъ Альфонсъ Доде въ своемъ этюдѣ о Тургеневѣ. И онъ продолжаетъ: «Флоберъ—говорунъ, фрондеръ, донъ-Кихотъ, съ голосомъ похожимъ на полковую трубу, съ могучей ироніей своей наблюдательности, съ движеніями нормандца побѣдителя, былъ какъ разъ конечно, мужскою половиной этого союза душъ; но кто бы въ другомъ колоссѣ съ густыми бровями, съ крупными чертами угадалъ женщину,—женщину съ такими тонкими чувствами, описанную Тургеневымъ въ его книгахъ, эту русскую нервную, томную, страстную, сонную, какъ женщины Востока, трагическую, какъ возмутившаяся сила? Несомнѣнно, въ сумятицѣ великой человѣческой фабрикаціи, души перепутываютъ оболочки, мужскія души попадаютъ въ женственныя тѣла, женскія ...и въ циклопическіе остовы».

Гонкуръ, Золя, Мопассанъ также говорятъ о тѣсной дружбѣ, связывавшей Тургенева съ Флоберомъ. Слѣды этой дружбы можно найти на каждомъ шагу въ перепискѣ Флобера съ друзьями, въ особенности съ Жоржъ-Зандъ. Такъ отъ 2 іюля 1870 года онъ пишетъ владѣтельницѣ Ногана:

---

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

Digitized by Google

«Кромѣ васъ и Тургенева я не знаю ни одного смертнаго, которому бы я могъ излить все то, что наиболѣе близко моей душѣ; а вы оба живете далеко отъ меня!» (*Переписка,* т. IV, стр. 25).

И позднѣе:

«Я провелъ вчера очень хорошій день съ Тургеневымъ, которому я прочелъ 115 страницъ изъ *Св. Антонія,* уже написанныхъ. Послѣ чего я прочелъ ему приблизительно половину *Послѣднихъ пѣсенъ (Dernières chansons).* Какой слушатель! и какой критикъ! Онъ ослѣпилъ меня глубиной и ясностью своихъ сужденій. А! если бы всѣ, кто позволяетъ себѣ судить книги, могли бы слышать его,—какой урокъ! Ничто не ускользаетъ отъ него. Въ концѣ стихотворенія въ 100 стиховъ онъ помнитъ еще слабый эпитетъ! Онъ далъ мнѣ для *Св. Антонія* два или три чудныхъ совѣта относительно подробностей» (*Переписка,* т. IV, стр. 95).

А въ письмѣ къ г-жѣ Ренье мы читаемъ:

«М-me Зандъ теперь мой единственный литературный другъ, вмѣстѣ съ Тургеневымъ! Эти два, правда, стоятъ цѣлой толпы! (*Переписка,* т. IV, стр. 140)».

Тургеневъ платилъ Флоберу такою же дружбой, и Флоберъ въ этомъ не сомнѣвался.

«Тургеневъ,—писалъ онъ м-ше Зандъ,— мнѣ кажется, очень доволенъ двумя первыми главами моей ужасной книги. Но Тургеневъ, можетъ быть, слишкомъ любитъ меня, для того, чтобы судить обо мнѣ безпристрастно» (*Переписка,* т. IV, стр. 211).

Тургеневъ считалъ Флобера самымъ замѣчательнымъ французскимъ писателемъ, а *Madame Bovary*—самымъ сильнымъ произведеніемъ этого столѣтія. Таково же было и мнѣніе Тэна. Изъ его переписки будетъ видно, что онъ перевелъ на русскій языкъ *Легенду о св. Юліанѣ Милостивомъ* и *Иродіаду.* Онъ вложилъ въ эти переводы столько любви и старанія, что въ Россіи на нихъ смотрятъ какъ на образцовыя произведенія по точности передачи и по стилю, и его издатели сочли нужнымъ включить ихъ въ послѣднее изданіе полнаго собранія его сочиненій.

Послѣ войны Флоберъ и Тургеневъ, которые немного забросили обѣды Маньи, рѣшили собираться въ болѣе интимномъ кругу. Альфонсъ Додэ въ вышеупомянутомъ этюдѣ такъ разсказываетъ о происхожденіи этого кружка:

«Въ это же время возникла мысль объ ежемѣсячныхъ собраніяхъ, гдѣ бы друзья могли сходиться за хорошимъ обѣдомъ; это называлось «Обѣдами Флобера» или «Обѣдами освистанныхъ авторовъ»: Флоберъ былъ освистанъ за *Кандидата,* Золя — за *Бутонъ Розы,* Гонкуръ — за *Генріэту Марешаль,* я — за *Арлезіанку.* Жирарденъ хотѣлъ проскользнуть въ нашу шайку, но онъ не былъ литераторомъ, и его исключили. Что касается Тургенева, онъ далъ намъ слово, что былъ освистанъ въ Россіи, а такъ какъ она была слишкомъ далеко, то туда не поѣхали, чтобы провѣрить его».

Но эти ежемѣсячные обѣды не были единственнымъ мѣстомъ для встрѣчъ Тургенева и Флобера. Флоберъ писалъ Жоржъ-Зандъ въ концѣ 1873 г.:

Digitized by Google

«Я видаюсь съ Москвичомъ каждое воскресенье. Онъ здоровъ, и я люблю его все больше и больше».

На эти воскресные пріемы приходили также Тэнъ, Жоржъ Пуше, Попелэнъ, Филиппъ Бёрти, Леонъ Клядель, Катуллъ Мендесъ, Эмиль Бержера, Жозе-Маріа Эредіа, Гюи де-Мопассанъ, Поль Алексисъ, Гюисманъ, Генникъ, Сееръ, Густавъ Тудузъ, не считая посѣтителей обѣдовъ «Освистанныхъ авторовъ».

«Первымъ часто приходилъ Тургеневъ, котораго онъ (Флоберъ) обнималъ, какъ брата,—разсказываетъ Гюи де-Мопассанъ.—Будучи выше Флобера, русскій романистъ любилъ французскаго романиста рѣдкой и глубокою любовью. Сродство талантовъ, ума, философскаго міросозерцанія, сходство во вкусахъ, въ образѣ жизни, въ мечтахъ, одинаковыя литературныя стремленія, экзальтированный идеализмъ, восторги передъ талантомъ и ученостью—создало между ними столько непрерывныхъ поводовъ соприкосновенія, что оба они при встрѣчѣ другъ съ другомъ чувствовали, можетъ быть, скорѣе сердечную радость, чѣмъ интеллектуальную.

«Тургеневъ опускался въ кресло и говорилъ медленно, мягкимъ, немного слабымъ и колеблющимся голосомъ, но который придавалъ всему, что онъ говорилъ, особую прелесть и громадный интересъ. Флоберъ слушалъ его съ религіознымъ благоговѣніемъ, устремивъ на огромную фигуру своего друга большіе голубые глаза съ двигающимися зрачками; и онъ отвѣчалъ звонкимъ голосомъ, звучавшимъ на подобіе трубнаго гласа изъ-подъ его усовъ стараго галльскаго воина. Ихъ разговоръ рѣдко касался событій текущей жизни и не выходилъ за предѣлы литературы и событій изъ литературной жизни. Тургеневъ часто приносилъ съ собой иностранныя книги и бѣгло переводилъ поэмы Гёте, Пушкина и Свинбёрна».

Дружба между двумя писателями осталась навсегда неизмѣнной, и даже послѣ смерти Флобера, Тургеневъ сохранилъ культъ къ его памяти, какъ это будетъ видно изъ его писемъ къ племянницѣ его друга, г-жѣ Комманвиль.

Благодаря г-жѣ Комманвиль, которая уже благоговѣйно собрала и издала переписку своего знаменитаго дяди, мы можемъ теперь познакомиться со всѣми письмами Тургенева къ Флоберу и къ самой г-жѣ Комманвиль.

И. Гальперинъ-Каминскій.

Письма къ Густаву Флоберу.

I.

Cher Monsieur,

Позвольте мнѣ предложить вамъ приложенныя при этомъ двѣ книги *); двѣ другія я пошлю къ вамъ по вашему мѣстожи-

*) Двѣ книги, о которыхъ говоритъ Тургеневъ, должны быть его *Записки охотника* (Récits d'un Chasseur) и *Сцены изъ русской жизни* (Scènes de la vie russe) въ двухъ серіяхъ, единственныя произведенія, переведенныя въ то время на французскій языкъ. *Записки охотника* и 2-я серія *Русской жизни* заключаютъ въ себѣ

Digitized by Google

тельству около Руана черезъ нѣкоторое время, такъ какъ не надо злоупотреблять вашей снисходительностью. Вы были бы очень любезны, еслибы пришли завтра, въ понедѣльникъ, провести у меня хотя бы часть вечера (ул. Риволи, 210). Къ намъ соберутся друзья, между прочимъ, m-me Віардо, которая очень желаетъ познакомиться съ вами. Такимъ образомъ, хотя бы нѣсколько уменьшилось сожалѣніе, которое я чувствую оттого, что встрѣтилъ васъ такъ поздно въ жизни. Въ ожиданіи прошу васъ принять увѣреніе въ моей искренней симпатіи *).

Ив. Тургеневъ.

Воскресенье, rue de Rivoli, 210.

II.

Парижъ, rue de Rivoli, 210. 19 марта 1863 г.

Cher Monsieur Flaubert,

Ваше письмо настолько же заставило меня покраснѣть, насколько доставило мнѣ удовольствіе, а это много. Такія похвалы заставляютъ гордиться, и я хотѣлъ бы, чтобъ онѣ были заслужены мной. Какъ бы тамъ ни было, я очень счастливъ, что понравился вамъ, и очень благодаренъ вамъ за то, что вы мнѣ это сказали.

Посылаю вамъ мою книгу, которая только-что появилась; я печатаю другую и пошлю вамъ, ее тотчасъ же, какъ она будетъ готова **).

Вы видите, что я не щажу васъ.

Не разсчитываете ли вы до лѣта побывать въ Парижѣ? Я былъ бы счастливъ продолжать съ вами мое знакомство, начавшееся подъ такимъ хорошимъ предзнаменованіемъ, и которое,—я въ этомъ увѣренъ, что касается до меня, можетъ привести къ самой истинной дружбѣ.

Постоялый Дворъ, Затишье, Нахлѣбникъ, Переписку, Два дня въ полѣсьи и *Степной король Лиръ*, переведенные Луи Віардо, а въ 1-й серіи находятся *Два Друга, Яковъ Пасынковъ, Муму, Фаустъ, Бретеръ, Три портрета*, въ переводѣ Ксавье де-Марнье.

*) Это письмо, безъ помѣтки числа, должно быть первымъ письмомъ Тургенева къ Флоберу: такъ думаетъ г-жа Коммануиль, а тонъ и содержаніе письма подтверждаютъ это мнѣніе; наконецъ, оно начинается оффиціальнымъ: „Cher Monsieur". Любопытно прослѣдить постепенное измѣненіе этой формулы во мѣрѣ того, какъ отношенія Тургенева къ Флоберу становятся болѣе близкими: „Cher Monsieur, Cher Monsieur Flaubert", „Mon cher confrère", „Mon cher ami", „cher ami", и наконецъ, „Mon bon vieux".

**) Двѣ новыя книги, о которыхъ говоритъ Тургеневъ, были, по всему вѣроятію, *Рудинъ* и *Дворянское Гнѣздо*.

Digitized by Google

Жму вамъ руку со всей дружбой, которую чувствую къ вамъ уже теперь, и прошу васъ вѣрить въ мои искреннія чувства къ вамъ.

Ив. Тургеневъ.

III.

Парижъ, rue de Rivoli, 210. 6 (18) апрѣля 1863 г.

Мой дорогой товарищъ!

Надѣюсь, что мнѣ нѣтъ нужды говорить вамъ, сколько удовольствія доставило мнѣ ваше второе письмо—и даже болѣе чѣмъ удовольствіе. Если я не отвѣтилъ вамъ тотчасъ же, то только потому, что долженъ былъ покончить съ массой непріятныхъ мелкихъ дѣлъ, которыя сдѣлали меня въ одно и то же время и лѣнивымъ и злымъ.

Эти злосчастія еще продолжаются, но мнѣ совѣстно откладывать дольше. Я разсчитывалъ и разсчитываю еще и теперь на вашу снисходительность и хочу главнымъ образомъ сказать вамъ спасибо и пожать вашу руку. Я очень доволенъ вашимъ одобреніемъ, вы можете быть въ этомъ увѣрены; я хорошо знаю, что такой художникъ и такой благожелательный человѣкъ, какъ вы, читаетъ въ книгѣ между строкъ массу вещей, которыя великодушно приписываетъ автору. Но все равно; похвалы отъ васъ стоятъ золота, и я уношу ихъ съ гордостью и благодарностью.

Не увидимся ли мы въ теченіе лѣта? Часъ хорошей, искренней бесѣды стоитъ сотни писемъ. Черезъ недѣлю я оставлю Парижъ, чтобы перебраться въ Баденъ; не пріѣдете ли вы туда? Такихъ деревьевъ, какъ тамъ, я нигдѣ не видалъ, и на самой вершинѣ горъ! Это могуче, молодо, поэтично и изящно въ одно и то же время, и благотворно для глазъ и для души. Когда сидишь у подножія одного изъ этихъ гигантовъ, кажется, что заимствуешь у него его соки, а это и очень пріятно и очень полезно. Правда, пріѣзжайте въ Баденъ, хотя бы на нѣсколько дней. Вы вывезете оттуда чудныя краски для вашей палитры. До вашего отъѣзда вы получите отъ меня мою книгу, печатаніе которой оканчивается. Я васъ пичлю, но ваша вина.

Тысяча дружескихъ пожеланій. Будьте здоровы, работайте и іѣзжайте въ Баденъ.

Весь вашъ

Ив. Тургеневъ.

Digitized by Google

IV.

Баденъ, Thiergartenstrasse. 26 мая 1868 г

Мой дорогой другъ!

Я очень благодаренъ вамъ за то, что вы вздумали написать мнѣ. Ваше письмо доставило мнѣ очень большое удовольствіе, потому что оно возобновило отношенія между нами и потому что оно показало мнѣ, что моя книга вамъ понравилась.

Нѣтъ художника въ наше время, который въ то же время не былъ бы критикомъ. Въ васъ художникъ очень великъ, и вы знаете, какъ я восхищаюсь имъ, и какъ люблю его; но я также высокаго мнѣнія и о критикѣ, и я счастливъ его одобреніемъ. Я знаю, что тутъ надо считаться съ вашей дружбой ко мнѣ; но я чувствую, что передъ моей картиной сталъ большой мастеръ, посмотрѣлъ на нее и одобрительно кивнулъ головой. И я повторяю, это доставило мнѣ удовольствіе.

Я очень сожалѣлъ, что не видѣлъ васъ въ Парижѣ. Я провелъ тамъ только три дня, и еще болѣе сожалѣю, что вы не пріѣдете въ этомъ году въ Баденъ. Вы запряглись въ вашъ романъ. Это хорошо. Я жду его съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Но не можете ли вы дать себѣ нѣсколько дней отдыха, которымъ воспользовались бы ваши здѣшніе друзья?

Съ перваго же раза, какъ я увидѣлъ васъ (въ своего рода трактирѣ на другой сторонѣ Сены), я почувствовалъ къ вамъ большую симпатію. Мало людей, французовъ въ особенности, съ которыми я чувствовалъ бы себя такъ спокойно и въ то же время такъ оживленно, какъ съ вами; мнѣ кажется, что я могъ бы говорить съ вами цѣлыми недѣлями. Къ тому же мы, какъ кроты, роемъ землю въ одномъ направленіи. Все это должно вамъ сказать, какъ я былъ бы доволенъ васъ видѣть.

Я уѣзжаю въ Россію недѣли черезъ двѣ, но долго я тамъ не останусь,—къ концу іюля вернусь и поѣду въ Парижъ навѣстить дочь, которая къ тому времени навѣрно сдѣлаетъ изъ меня дѣдушку. Я способенъ нагрянуть къ вамъ, если только вы тамъ будете. Или вы пріѣдете въ Парижъ? Но я долженъ увидѣть васъ.

А пока желаю вамъ успѣха. Живая гуманная истина, которую вы преслѣдуете съ неустаннымъ напряженіемъ, дается только въ счастливые дни.

У васъ они были, и ихъ будетъ еще много.

Будьте здоровы; я также обнимаю васъ съ искренней дружбой.

И. Тургеневъ.

Digitized by Google

V.

Баденъ, Thiergartenstrasse, 3. Вторникъ, 28 іюля 1868 г.

Мой дорогой другъ,

Очень мило съ вашей стороны, что вы подумали обо мнѣ и дали мнѣ, какъ вы говорите, вашу программу. Я уже четыре дня какъ здѣсь, но, къ несчастью, я вернулся не одинъ изъ Россіи: я привезъ съ собой здоровенный припадокъ подагры, который схватилъ меня въ Маконѣ и снова вернулся, какъ только я пріѣхалъ въ Баденъ. И вотъ я на кушеткѣ со всѣми неизбѣжными злосчастіями,—масломъ изъ индійскихъ каштановъ и пр., и проч.; все же припадокъ не такъ силенъ, какъ въ прошломъ году, и я не теряю надежды отправиться на купанья въ серединѣ будущаго мѣсяца и, какъ слѣдуетъ по программѣ, нагряну къ вамъ въ вашу берлогу.

Признаюсь, мнѣ довольно любопытно познакомиться съ ней.

Я не видѣлъ Дюкана, который долженъ быть здѣсь; со дня моего пріѣзда я не выхожу изъ комнаты; дня черезъ два я буду, можетъ быть, въ состояніи совершать небольшія прогулки въ экипажѣ.

Будьте здоровы и работайте спокойно и съ аппетитомъ. Это лучшій способъ.

Дружески цѣлую васъ.

Вашъ

И. Тургеневъ.

VI.

Баденъ, Thiergartenstrasse, 3. Вторникъ, 18 августа 1868 г.

Мой дорогой другъ,

Я медлилъ до сихъ поръ отвѣтомъ на вашу милую записочку, потому что все надѣялся извѣстить васъ о своемъ пріѣздѣ; но вѣдьма подагра не хочетъ разстаться со мной, и я не могу еще думать объ этомъ, немного длинномъ, путешествіи? Я пріѣду, какъ только буду въ состояніи, а пока обнимаю васъ и прошу васъ передать мое почтеніе вашей матушкѣ, съ которой буду счастливъ познакомиться.

Въ ожиданіи работайте неустанно.

И. Тургенев

Digitized by Google

VII.

Парижъ, rue Laffitte, Hôtel Bryon. Вторникъ, 24 ноября 1868 г.

Мой дорогой другъ,

Сыръ только-что прибылъ; я увожу его съ собой въ Баденъ и каждый разъ, какъ онъ попадетъ намъ на зубы, мы будемъ думать о Круассе и о чудномъ днѣ, который я тамъ провелъ. Рѣшительно я чувствую, что мы симпатичны другъ другу.

Если весь вашъ романъ такъ же хорошъ, какъ отрывки, которые вы мнѣ присылаете, то вы создали образцовое произведеніе *). Это я вамъ говорю.

Не знаю, прочли ли вы книжонку, которую я вамъ послалъ; во всякомъ случаѣ поставьте ее на одну изъ полокъ вашей библіотеки **).

Передайте мое почтеніе вашей матушкѣ и позвольте обнять васъ.

Вашъ
И. Тургеневъ.

P.S. Мой адресъ: Карлсруэ, до востребованія. Вы будете очень милы, если пришлете мнѣ вашу фотографическую карточку.

Вотъ вамъ моя, видъ у нея — весьма непріятный.

P. S. Найдите другое заглавіе: *Сантиментальное Воспитаніе* нехорошо.

VIII.

Карлсруэ, Hôtel Prinz Max. Понедѣльникъ, 25 января 1869 г.

Надо же мнѣ, наконецъ, получить вѣсти отъ васъ, мой дорогой другъ. Ну, два слова: гдѣ вы, и что подѣлываетъ вашъ романъ? Я пишу вамъ въ Круассе, а вы, можетъ быть, въ Парижѣ вдыхаете воздухъ времени. Во всякомъ случаѣ я не думаю, чтобы вы долго остались тамъ.

Я еще не поблагодарилъ васъ за вашу фотографію; у васъ на ней видъ слишкомъ военный и слишкомъ хорошо причесанный, но это вы,—и поэтому все же пріятно смотрѣть на нее. Почему вы не закажете что-нибудь дѣйствительно хорошее?

Я часто думаю о Круассе и говорю себѣ, что это хорошее гнѣздо для того, чтобы вдохновить пѣвчихъ птицъ. Что касается до меня, то я почти ничего не сдѣлалъ. Я пустился въ работу, къ ко-

---

*) Рѣчь идетъ о *Сантиментальномъ Воспитаніи* (Education sentimentale).

**) По всему вѣроятію, *Дымъ*.

Digitized by Google

торой чувствую отвращеніе и уныло ковыляю по ней. Я не могу отступить; но когда она будетъ кончена, я съ облегченіемъ скажу: Уфъ!

За исключеніемъ, такъ сказать, отрывковъ изъ литературныхъ воспоминаній, обѣщанныхъ мною моему издателю, я никогда не работалъ надъ такого рода статьями, и это нисколько не интересно. О, два часа Сэнтъ-Бёва! Мнѣ бы хотѣлось знать, находитъ ли онъ это интереснымъ.

Засвидѣтельствуйте мои дружескія чувства вашей уважаемой матушкѣ, она производитъ на меня впечатлѣнія лучшей Мамы, о которой только можно мечтать. Крѣпкое пожатіе руки для васъ.

Вашъ *И. Тургеневъ.*

IX.

Карлсруэ, Hôtel Prinz Max. Воскресенье, 21 марта 1869 г.

Мой дорогой другъ,

Ваше письмо, адресованное въ Штутгартъ или Баденъ, дошло до меня только сейчасъ. Спѣшу увѣдомить васъ, что я выѣзжаю отсюда въ Парижъ въ среду и пріѣзжаю туда въ четвергъ, въ пять часовъ утра. Я останавливаюсь въ Hôtel Bryon, rue Laffitte. Въ Парижѣ я пробуду недѣлю. Лишнее говорить, какъ я буду радъ васъ видѣть. А покуда обнимаю васъ со всею дружбой.

И. Тургеневъ.

P. S. Напомните обо мнѣ вашей матушкѣ.

X.

Баденъ, Thiergartenstrasse, 3. Воскресенье, 30 января.

Мой дорогой другъ,

Въ первомъ номерѣ одного русскаго обозрѣнія, которое издается въ С.-Петербургѣ и носитъ названіе *Messager Russe* *) (въ Россіи это своего рода *Revue des Deux Mondes*), помѣщена огромная статья о вашей книгѣ **) (и это только первая часть). Ее разбираютъ очень подробно и разсказываютъ весь сюжетъ. Много хва[illegible]ъ и автора, и его произведеніе. Заглавіе этой статьи *Новое [illegible]анцузское общество.* Я говорю вамъ все это, потому что это [illegible]етъ быть для васъ интереснымъ, хотя теперь у васъ другой [illegible]отокъ стучитъ въ головѣ.

---

* Настоящее названіе этого изданія *Le Messager de l'Europe.*

** Рѣчь идетъ о *Сантиментальномъ Воспитаніи.*

Digitized by Google

Я оставляю Баденъ черезъ 4 или 5 дней. Два мѣсяца я проведу въ Веймарѣ. Мой адресъ: великое герцогство Саксенъ-Веймарское, Hôtel de Russie. И я проѣду черезъ Парижъ, прежде чѣмъ выѣхать въ Россію въ апрѣлѣ мѣсяцѣ.

Дайте вѣсточку о себѣ. Хорошо ли вы работаете? Мнѣ часто вспоминается вашъ милый *Антоній*. Вчера вечеромъ, ложась спать, я перечелъ сцену «Клуба интеллигенціи *) и испанецъ заставилъ меня громко разсмѣяться.

Передайте отъ меня тысячу пожеланій m-me Зандъ, Дюкану и tutti quanti.

Жму вамъ руку со всею силою моей дружбы.

И. Тургеневъ.

XI.

Веймаръ, Hôtel de Russie, 20 февраля 70.

Мой дорогой другъ,

Статья, которую Юліанъ Шмидтъ **) написалъ о *Сантиментальномъ Воспитаніи* еще не появилась въ *Preussische Jahrbücher*; какъ только ее напечатаютъ, я вамъ ее пришлю. Если вы хотите, я попрошу его послать вамъ его статью о *Madame Bovary*. Она появилась въ прошломъ году. Во второмъ № *Вѣстника Европы*, только что полученнаго мной, находится вторая и послѣдняя часть статьи, о которой я вамъ говорилъ, и которая представляетъ скорѣе очень подробный резюме романа.

Находятъ вообще, что женщина занимаетъ слишкомъ большое мѣсто въ жизни Фредерика, и спрашиваютъ себя, неужели всѣ молодые французы таковы. Да, конечно, къ вамъ были несправедливы, но вотъ минута, когда надо собрать всѣ силы и бросить публикѣ образцовое произведеніе. Вашъ *Антоній* ***) можетъ быть этимъ камнемъ. Не запаздывайте очень съ нимъ, вотъ мой припѣвъ. Не надо забывать также, что людей мѣрятъ по той мѣркѣ, которую они сами дали о себѣ, и вы несете наказаніе за ваше прошлое. У васъ есть энергія, и «hombre debe ser feroz» ****), говоритъ испанская пословица, и въ особенности артистъ. Если ваша книга захватила хотя бы съ десятокъ людей извѣстнаго значенія, то ужъ

---

*) Опять намекъ на *Сантиментальное Воспитаніе*.

**) Знаменитый нѣмецкій критикъ.

***) Рѣчь идетъ объ *Искушеніи св. Антонія*, появившемся четыре года спустя, въ 1874 г.

****) Человѣкъ долженъ быть жестокъ.

Digitized by Google

и этого довольно. Вы понимаете, что я говорю вамъ это не для того, чтобы васъ утѣшить, а для того, чтобы васъ возбудить.

Я дней десять какъ уже здѣсь, и моя единственная забота найти способъ согрѣться. Дома здѣсь очень плохо выстроены, а желѣзныя печи никуда не годятся. Вы прочтете одну мою совсѣмъ маленькую вещицу въ *Revue des Deux Mondes*.

Это совершенная бездѣлка; я работаю сейчасъ надъ кое-чѣмъ болѣе «существеннымъ», т.-е. я приготовляюсь работать.

Я проѣду въ Парижъ, прежде чѣмъ вернусь въ Россію; это будетъ въ концѣ апрѣля. Мы будемъ часто видаться. Если вы увидите m-me Зандъ, передайте ей отъ меня тысячу хорошихъ пожеланій. Поклонитесь Дюкану и семейству Гюссонъ.

Обнимаю васъ и говорю вамъ: будьте мужественны! Вы Флоберъ, что бы тамъ ни было.

Вашъ *И. Т.*

XII.

Лондонъ, 16, Beaumont Street, Marylebone. 6 мая 1871.

Къ счастью, мой дорогой другъ, къ счастью извѣстіе это совершенно ложно! M-me B., которую я вижу каждый день, и не умерла и ей нѣтъ 54 лѣтъ. Еслибъ извѣстіе это было вѣрно, я не могъ бы отвѣчать вамъ. Теперь я могу сказать вамъ, что ваше письмо глубоко тронуло меня. Такъ отрадно чувствовать, что имѣешь истиннаго друга, и я благодарю васъ за то, что вы доказали мнѣ это чувство.

Я три недѣли какъ здѣсь. Конецъ зимы и начало весны я провелъ въ Россіи. Я останусь здѣсь до 1 августа, а потомъ поѣду въ Баденъ. Проѣздомъ черезъ Францію я остановлюсь въ Парижѣ, если въ такое время Парижъ *еще существуетъ*, и очень надѣюсь повидать васъ.

Можетъ быть, вы пріѣдете въ Баденъ, гдѣ мы поживемъ немного, запрятавшись, какъ кроты въ свои норы. Вы можете тамъ спрятаться вмѣстѣ съ нами, но сначала сообщите что-нибудь о себѣ.

Получили вы какъ-нибудь письмо, которое я написалъ вамъ въ началѣ года? Что вы дѣлали въ продолженіе всей этой ужасной грозы? Оставались вы въ Круассе? При всей вашей способности уединяться и сосредоточиваться,—могло ли васъ не закружить, подобно соломенкамъ, которыя такъ уныло, испуганно и безполезно носятся въ открытыхъ дверяхъ риги? Работали ли вы или тянули жизнь—тревожную и тяжелую—изо дня въ день, а? Намъ *при-*

Digitized by Google

рожденнымъ зрителямъ, приходится переживать иногда трудныя минуты. А что подѣлываетъ *Антоній*? Онъ запечатлѣлся въ моемъ умѣ.

Я въ Англіи не потому, чтобы мнѣ доставляло удовольствіе жить здѣсь, но потому что мои друзья *), почти разорившіеся во время войны, пріѣхали сюда, чтобы заработать немного денегъ. Въ англичанахъ есть и хорошее, но всѣ они, даже самые интеллигентные, ведутъ очень суровую жизнь. Надо къ ней привыкнуть такъ же, какъ къ ихъ климату. А потомъ куда же ѣхать?

Что подѣлываетъ m-me Флоберъ? Напомните ей обо мнѣ. Имѣете ли вы извѣстіе о Дюканѣ? Онъ исчезъ въ бурѣ, какъ и многіе другіе. Черкните мнѣ два слова. Еще разъ спасибо за ваше дружеское расположеніе ко мнѣ. Обнимаю васъ со всею силой моей дружбы.

Вашъ другъ *И. Тургеневъ.*»

PS. Безполезно говорить вамъ, что ваше письмо я получилъ только сегодня.

XIII.

Лондонъ, 16, Basumont Street, Marylebone. 13 іюня 1871.

Мой дорогой другъ,

Если я не отвѣчалъ вамъ раньше, то только потому, что не имѣлъ мужества; парижскія событія поразили меня. Я замолчалъ, какъ замолкаютъ на желѣзной дорогѣ, когда проѣзжаютъ черезъ туннель; адскій шумъ наполняетъ вамъ уши и стучитъ въ голову. Теперь, когда онъ почти кончился, я скажу вамъ, что *непремѣнно* пріѣду повидать васъ и прослушать *Антонія* въ августѣ мѣсяцѣ числа... между 15 и 20. Я получилъ приглашеніе на «Grouse» **) въ Шотландію въ началѣ августа, но 15 я буду свободенъ, и по дорогѣ въ Баденъ остановлюсь въ Парижѣ или въ Руанѣ,—я хочу сказать въ Круассе, если вы тамъ.

Я очень радъ, что вы на полпути къ окончанію вашей книги; вы ничѣмъ не рискуете, если поторопитесь немного,—напротивъ. Я буду слушать съ раскрытыми ушами, глазами и мозгами. Я почти увѣренъ, что ваше произведеніе будетъ прекрасно.

Больше не зову васъ въ Германію, я понимаю ваше отвращеніе къ этой поѣздкѣ. Не хочу говорить вамъ также всего того, что мнѣ приходитъ въ голову по поводу Франціи. Надо было бы резю-

*) Семейство Віардо.

**) Охота на тетеревей.

Digitized by Google

мировать все это въ нѣсколькихъ словахъ, но это для меня невозможно. Когда мы увидимся, мы медленно и пространно обсудимъ этотъ вопросъ; выводъ, конечно, будетъ неутѣшителенъ. Не знаю, должна ли Россія отмстить за васъ, какъ вы говорите; но въ настоящее время Германія очень сильна, и, по всему вѣроятію, покуда мы живы, она сохранитъ свою силу.

Мнѣ писали, что m-me Гюссонъ сошла съ ума, потомъ, что она умерла: правда ли это? Я помню, какъ мой учитель плаванія (тоже пруссакъ) кричалъ мнѣ всегда: «Ротъ надъ водой, schwere Noth!» Покуда ротъ надъ водой, можно быть человѣкомъ.

Вы были человѣкомъ все это время, потому что вы работали; теперь это будетъ легче.

Поблагодарите m-me Флоберъ и вашу матушку за ихъ память обо мнѣ. Что до меня, я обнимаю васъ, и до свиданья до августа!

И. Тургеневъ.

XIV.

Alsan House, Pitlochry, Scotland. 14 августа 1871 г.

Двѣ ваши записки нагнали меня здѣсь, въ глуши Шотландіи, гдѣ я охочусь на «Grouse» у друга. Я отправляюсь отсюда 16, выѣзжаю изъ Лондона и пріѣзжаю въ Парижъ 18.

Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы вы были въ Парижѣ въ этотъ день, такъ какъ времени у меня страшно мало. Въ Парижѣ я буду въ Hôtel Bryon, rue Laffitte. Постарайтесь черкнуть мнѣ словечко туда къ моему пріѣзду. Для большей вѣрности я перепишу это письмо и копію пошлю въ Круассе.

Обнимаю васъ и до скораго свиданья!

Приготовьте вашего *Антонія!*

Весь вашъ *И. Тургеневъ.*

XV.

Воскресенье, 48, rue de Douai. 10 ч. утра.

Мой дорогой другъ,

Я думалъ, что буду въ состояніи быть у васъ сегодня, но вижу, что это невозможно. Буду у васъ завтра ровно въ часъ.

Не то чтобъ жизнь становилась труднѣе, но становится все труднѣе и труднѣе что-нибудь предпринимать. Жизнь, какъ трава, вырастаетъ выше нашей головы.

До завтра.

Вашъ старый вѣрный другъ

И. Тургеневъ.

Digitized by Google

XVI.

48, rue de Douai. Въ среду утромъ.

Мой дорогой другъ,

Я говорилъ m-me В. о желаніи m-me Е. Гризи *), къ сожалѣнію, это невозможно. М-me В. должна была поставить себѣ въ законъ—никогда не пѣть въ частныхъ домахъ.

Она получаетъ столько просьбъ, что если согласится хоть разъ, то не будетъ повода отказывать и другимъ. Она очень сожалѣетъ, что ничего не можетъ сдѣлать, особенно на этотъ разъ. Когда она была моложе, она могла дозволять себѣ это, но теперь поневолѣ она должна беречься. Вотъ, мой дорогой другъ, настоящая правда!

Конечно, я приду въ воскресенье, можетъ быть раньше. Сегодня вечеромъ я, по всему вѣроятію, поѣду къ принцессѣ Матильдѣ.

Тысячу дружескихъ пожеланій отъ вашего *И. Тургенева.*

XVII.

Парижъ, 48, rue de Douai. Ноябрь 1871 г.

Мой дорогой другъ,

Вотъ что случилось со мной: мой дядя, Николай Тургеневъ **), прекрасный и почтенный человѣкъ, умеръ недавно въ Парижѣ, и сейчасъ я получилъ изъ Петербурга депешу, въ которой меня просятъ написать некрологическую замѣтку, и надо, чтобъ эта замѣтка была отправлена завтра же вечеромъ. Я согласился и вотъ теперь привязанъ къ этому дѣлу.

Антонію придется подождать до послѣ завтра, такъ какъ завтра я долженъ отвезти мою статью семьѣ, которая живетъ въБужевалѣ, для различныхъ свѣдѣній и т. д., и т. д. Итакъ, до четверга.

Вашъ слуга не доставилъ вашу записку третьяго дня; онъ, должно быть, ошибся домомъ: № 48 улицы Douai находится на углу площади Vintimille.

Тысячу дружескихъ пожеланій *И. Тургеневъ.*

„Вторникъ $11^1/_2$".

---

*) Двоюродная сестра знаменитой Гризи и пріятельница Теофиля Готье.

**) Николай Ивановичъ Тургеневъ, о которомъ говорится въ этомъ письмѣ, авторъ книги *Россія и Русскіе*, написанной по-французски, и многихъ другихъ замѣчательныхъ произведеній. Онъ былъ однимъ изъ совѣтчиковъ Александра I, который особенно внимательно относился къ его мнѣніямъ, и способствовалъ улучшенію положенія крестьянъ въ царствованіе этого императора. Но, неправильно обвиненный въ возстаніи противъ императора Николая въ 1824 г., онъ умеръ во Франціи, въ изгнаніи, 10 ноября 1871 г.

Digitized by Google

ЧЕРНОМОРСКАЯ СИРЕНА *).

Повѣсть.

VI.

Юпитеръ, большой, роскошно отдѣланный пароходъ, одинъ изъ тѣхъ щегольскихъ, казовыхъ пароходовъ Русскаго Общества пароходства и торговли, которые дѣлаютъ крымскіе и кавказскіе рейсы, въ исходѣ одиннадцатаго часа утра, согласно расписанію, пришелъ изъ Одессы въ Севастополь и сталъ, ошвартовавшись, у пристани, рядомъ съ Графской.

Пассажировъ, особенно классныхъ, было порядочно. Ѣхали цѣлыя семьи, было нѣсколько мужчинъ, но преобладали одиночки-дамы, среднихъ и пожилыхъ лѣтъ, молодящіяся, туго затянутыя въ корсеты, подмазанныя и съ подведенными, безпокойными глазами.

Начиналась весенняя тяга въ Крымъ и на Кавказъ изъ разныхъ угловъ Россіи—преимущественно изъ Москвы—и больныхъ, и здоровыхъ, и ищущихъ отдыха на лонѣ южной природы, и любительницъ верховой ѣзды и катанія на лодкахъ съ татарами-проводниками, и пожилыхъ, но пылкихъ сердцемъ, искательницъ глухихъ уголковъ въ Крыму, гдѣ такъ удобно, вдали отъ супруговъ, наслаждаться идилліей вдвоемъ съ миѳическими юнцами-племянниками, исполняющими добросовѣстно обязанности поклонниковъ за столъ, квартиру и небольшія карманныя деньги.

На *Юпитерѣ* только-что позавтракали, и многіе пассажиры спѣшили воспользоваться двухчасовой стоянкой парохода, чтобы съѣздить осмотрѣть Севастополь, манившій съ палубы своей красотой.

На небольшомъ, узкомъ и тѣсномъ пространствѣ владѣній Русскаго Общества,—маленькой пристани и узкаго, огороженнаго нѣсколькими постройками, крутого подъема, ведущаго на улицу,—

*) *Русская Мысль*, кн. V.

Digitized by Google

толпились пассажиры, встрѣчавшіе родственники и знакомые, и просто глазѣющая публика, и босоногіе, одѣтые въ рвань, черномазые цыгане-носильщики, которые таскали ручной багажъ пассажировъ, остающихся въ Севастополѣ, и большіе сундуки и корзины изъ багажнаго пакхауза. Тутъ же, увеличивая тѣсноту, стояли извозчичьи коляски и ломовыя дроги.

Вмѣстѣ съ лязгомъ паровой лебедки, выгружающей изъ трюма багажъ, на этомъ тѣсномъ дворикѣ агентства шелъ говоръ, раздавались мужскіе окрики, испуганныя восклицанія дамъ, боявшихся, что носильщики унесутъ багажъ, и, разумѣется, порой въ воздухѣ стояла энергическая ругань, приправленная варіантами мѣстнаго жаргона.

И надъ всей этой обычной сутолокою русской толпы — чудное бирюзовое небо съ нависшимъ раскаленнымъ шаромъ ослѣпительнаго и жгучаго южнаго солнца.

— Экое свинство! Даже порядочной пристани не могли устроить!

Это восклицаніе, полное желчной раздражительности, вырвалось у какого-то долговязаго, какъ цапля, и худого, какъ спичка, высокаго господина, лѣтъ за тридцать, по всѣмъ признакамъ, петербуржца и чиновника, котораго чуть не угодило оглоблей ломовыхъ дрогъ по головѣ.

Одѣтъ онъ былъ по послѣдней модѣ и весьма элегантно. Еще на пароходѣ этотъ долговязый господинъ обращалъ на себя общее вниманіе и корректностью, и либеральными разговорами о томъ, какъ хорошо путешествовать по Европѣ и какъ трудно правительству, при всемъ желаніи, упорядочить нравы въ провинціи, и своимъ безукоризненнымъ костюмомъ.

На немъ былъ кургузый, открытый вестончикъ стальнаго цвѣта, подъ которымъ жилета не было, а только тугонакрахмаленная, гофрированная, батистовая цвѣтная сорочка, спускавшаяся книзу широкою складкой, по-матросски. Свѣтлый галстукъ, перехваченный кольцомъ, съ длинными концами, охватывалъ маленькій стоячій воротникъ. На тонкихъ бедрахъ былъ черный шелковый широкій поясъ, изъ-за котораго виднѣлась цѣпочка часовъ. На маленькихъ ногахъ—желтые башмаки. На короткоостриженной головѣ—панама. Въ рукѣ, облитой лайковой перчаткой, тоненькій зонтикъ-aiguille.

И вдругъ—оглобля у самой шеи, благоухающей духами!

— Куда лѣзешь, каналья! Стой, мерррзавецъ... Ахъ ты...

Digitized by Google

Однако, изящный джентльменъ во-время удержался и не докончилъ площадного ругательства.

Впереди, повиливая бедрами, шла довольно миловидная брюнетка-пассажирка.

Возчикъ-хохолъ хладнокровно осадилъ дроги и наставительно замѣтилъ:

— Тоже лѣзетъ подъ оглоблю... Мазепа и есть!

А петербургскій чиновникъ снова повторилъ, нарочно громко, чтобы слышала брюнетка:

— Экое свинство! Экая Азія!

Но этотъ протестующій возгласъ не произвелъ ни малѣйшаго впечатлѣнія ни на миловидную брюнетку, ни на другихъ торопившихся пассажировъ. Всѣ они, какъ русскіе люди, да еще провинціалы, очевидно, привыкли къ «свинству» несравненно большему, чѣмъ плохоустроенная пристань, и ничѣмъ не выразили участья человѣку, попавшему подъ оглоблю.

Только бывшій около, сѣденькій, маленькій и сухенькій старичокъ, необыкновенно живой и юркій, одѣтый въ бѣлую коломенковую пару, въ бѣлой флотской фуражкѣ на головѣ, обратилъ свое востроносое, морщинистое лицо на европейца-чиновника, съ которымъ познакомился на пароходѣ и, между прочимъ, узналъ, что молодой франтоватый чиновникъ служитъ въ министерствѣ земледѣлія и ѣдетъ въ Крымъ и на Кавказъ съ казеннымъ порученіемъ что-то упорядочить и кого-то осчастливить,—и промолвилъ съ едва уловимой насмѣшливой ироніей въ своемъ мягкомъ теноркѣ:

— А вы, ваше превосходительство, пропечатали бы «Русское Общество» въ *Новомъ Времени* за эту самую «Азію».

— Непремѣнно пошлю письмо въ редакцію. Вотъ только въ Ялту придемъ. Въ самомъ дѣлѣ—безобразіе. Богатое общество, правительство даетъ субсидію, а они порядочной пристани не хотятъ устроить. Тѣснота. Чуть оглоблей не ушибли. И что дѣлаетъ правленіе, хотѣлъ бы я знать? Отчего не смотритъ директоръ-распорядитель? Кто здѣсь директоръ?

Старикъ назвалъ фамилію директора.

— Этотъ господинъ, повидимому, плохо исполняетъ свои обязанности.

— Пошлите, пошлите корреспонденцію, ваше превосходительство. *Они* хоть посердятся!—подзадоривалъ юркій старичокъ.

— Кто *они*, капитанъ?

— Да господа правленіе въ Петербургѣ.

— Надѣюсь, и вниманіе обратятъ. Я подпишу письмо. Не ка-

Digitized by Google

кой-нибудь корреспондентъ пишетъ, а человѣкъ съ извѣстнымъ положеніемъ.

— Ну-съ, на особенное вниманіе не разсчитывайте, ваше превосходительство, не разсчитывайте! И про болѣе серьезныя вещи писали... а не то что про пристань. Мы вотъ, туземцы, такъ сказать, не въ претензіи на пристань. Мы и къ безобразіямъ привыкли. А вамъ, видно, въ диковину они? Изволите все сидѣть въ департаментѣ. Рѣдко путешествуете по Россіи?—съ почтительной насмѣшливостью говорилъ старичокъ, оглядывая своими маленькими зоркими глазами петербургскаго франта, возмущавшагося пустяками.

— Почему вы полагаете, капитанъ, что не обратятъ вниманія? Должны обратить, коль скоро сообщаютъ вѣрные факты.

— Они въ нѣкоторомъ родѣ броненосцы. Неуязвимы! А, впрочемъ, попробуйте пробрать ихъ. Ха-ха-ха! Однако, до свиданія, ваше превосходительство. Вотъ и извозчикъ. Осмотрите Севастополь. Славный городокъ. А какой онъ былъ до войны, еслибъ вы знали!—горячо и восторженно прибавилъ старикъ.

— Не угодно ли вмѣстѣ прокатиться?

Но старикъ отказался. Онъ зайдетъ только къ однимъ знакомымъ и сейчасъ же вернется на пароходъ и ляжетъ спать.

— Ночь-то я, признаться, не спалъ!—прибавилъ онъ.

— Не спали? Почему?

— Тарханкутскій маякъ сторожилъ!—засмѣялся старикъ.—Все покойный «Владиміръ» съ погибшими пассажирами не выходилъ изъ головы. Я хоть и бывшій морякъ и мнѣ седьмой десятокъ, но, все-таки, не имѣю желанія попасть въ рыбамъ. До Ялты отосплюсь. Днемъ, дастъ Богъ, ни съ кѣмъ не столкнемся.

Пристань опустѣла, но не надолго.

То и дѣло подъѣзжали щегольскіе севастопольскіе извозчики со своими четырехмѣстными колясками-корзинами изъ камыша, окрашеннаго въ бѣлую краску, съ бѣлыми парусинными зонтами, защищающими головы отъ палящаго солнца,—подвозившіе съ прибывшаго поѣзда пассажировъ, которые направлялись на южный берегъ.

День стоялъ чудесный. Море было гладко, какъ зеркало, и пятичасовое морское путешествіе не пугало русскихъ туристовъ, вообще боящихся моря.

На пристани снова оживленіе, тѣснота и брань.

Коляски останавливались на полуспускѣ, у какого-то пангауза, и носильщики-цыгане бросались на добычу съ видомъ разбойниковъ. Пассажирамъ приходилось подниматься по крутой лѣстни

Digitized by Google

цѣ въ агентство, чтобы взять билеты. Оттуда надо было спуститься и идти въ багажное отдѣленіе сдавать багажъ. Все это не представляло большихъ удобствъ при палящей жарѣ.

Овѣринъ избѣжалъ всѣхъ этихъ мытарствъ, поручивъ взять билеты и сдать багажъ швейцару гостиницы.

Въ первомъ часу онъ вмѣстѣ съ Варварой Алексѣевной, сопровождаемый двумя носильщиками съ ручнымъ багажомъ, вошелъ по сходнѣ на сіявшую чистотой палубу «Юпитера». Одинъ изъ пароходныхъ лакеевъ, одѣтый въ синій полуфракъ съ металическими пуговицами, принялъ вещи отъ цыганъ и повелъ новыхъ пассажировъ внизъ показать имъ ихъ каюты: Варварѣ Алексѣевнѣ—въ дамскомъ отдѣленіи, прямо подъ верхней палубой, а Овѣрину—пониже, въ слѣдующей палубѣ.

И каюты съ четырьмя койками въ каждой, просторныя и помѣстительныя, и большая каютъ-компанія (столовая) съ рядомъ столовъ, около которыхъ были ввинчены вращающіяся кресла, и рубка для куренія съ мягкими диванами—все отличалось удобствомъ, комфортомъ и даже роскошью. Вездѣ было чисто. Все сіяло и блестѣло. Внизу пахло тѣмъ особеннымъ пріятнымъ запахомъ, какой бываетъ на судахъ.

Варвара Алексѣевна и Овѣринъ вышли наверхъ по широкому, устланному клеенкой, трапу. Большое пространство палубы на ютѣ, предоставленное пассажирамъ перваго класса, было прикрыто сверху тентомъ. На скамейкахъ по бортамъ и около рубки сидѣли пассажиры. На закрытомъ люкѣ каютъ-компаніи были разложены книги, и маленькій смуглый мальчикъ еврей продавалъ газеты.

Овѣринъ обошелъ ютъ по обѣ стороны раздѣляющей его рубки, оглядывая пассажировъ. Ни Сирены, ни одного изъ вчерашнихъ ея спутниковъ не было.

«Ужъ не раздумала ли она ѣхать?—пронеслось въ его головѣ.—Вчера на бульварѣ ея не было!»

Онъ подошелъ къ Варварѣ Алексѣевнѣ и, присаживаясь около нея, проговорилъ:

— А вѣдь хорошо на пароходѣ, Вавочка? Не правда ли? Какъ ѣсивъ отсюда Севастополь... И что за прелесть бухта! Взгляни ца на эскадру... Это все броненосцы... А вотъ паровой катеръ ѣсталъ... Адмиралъ какой-то выходитъ на Графской пристани... отри: видно, распекаетъ молодого мичмана... Ишь, онъ вытяся весь, приложивъ руку къ козырьку.

Варвара Алексѣевна была въ духѣ. Вчерашній долгій визитъ ...ейческому пріятелю не вызвалъ въ ней никакихъ подозрѣній.

Digitized by Google

Она повѣрила, что Овѣринъ и Родзянскій никакъ не могли отказаться отъ завтрака, предложеннаго пріятелемъ, и изъ редакціи пошли къ нему и тамъ заболтались. Вдобавокъ, и Овѣринъ такъ мило извинялся, что опоздалъ, и Родзянскій такъ тонко и остроумно говорилъ ей комплименты. Ей пришлось только слегка пожурить Овѣрина за то, что онъ заставилъ ее завтракать одну, и тѣмъ дѣло кончилось.

— Промело!—весело, какъ школьникъ, шепнулъ на ухо Родзянскому Овѣринъ, когда тотъ уходилъ, исполнивъ долгъ товарища и просидѣвъ съ ними часа два.

О знакомствѣ съ «Сиреной» Овѣринъ упомянулъ слегка. Встрѣтились на улицѣ, и Александръ Петровичъ представилъ.

— Недурна, но... ничего особеннаго! — небрежно прибавилъ Овѣринъ, зная по горькому опыту, какъ неблагоразумно было бы хвалить какую-нибудь женщину въ присутствіи Вавочки.

— И ты долго съ ней говорилъ, Дима?

Овѣринъ усмѣхнулся.

— Гдѣ на улицѣ говорить... Минуту одну, не болѣе...

— Куда она ѣдетъ?

— Въ Ялту, кажется.

— И долго останется въ Севастополѣ?

— Почемъ я знаю, Вава?

Вечеромъ на бульварѣ «Сирены» не было, и Овѣринъ ходилъ подъ руку съ Вавочкой, какъ въ воду опущенный. Впечатлительный, быстро переходящій отъ настроенія къ настроенію, онъ огорчился, словно ребенокъ, которому не дали обѣщанную игрушку.

— Что съ тобой, Дима?... Ты боленъ? — допрашивала безпокойно Вавочка.

— Здоровъ.

— Но отчего ты не въ духѣ?... Былъ веселъ и вдругъ...

— Усталъ.

Они рано ушли съ бульвара. Вавочка, хорошо знавшая, чѣмъ привести Овѣрина въ хорошее настроеніе, попросила его прочесть ей начало послѣдней его повѣсти. Овѣринъ охотно согласился. Онъ принесъ къ Варварѣ Алексѣевнѣ безпорядочный ворохъ листковъ, исписанныхъ невозможнымъ почеркомъ, и сталъ читать. Читалъ онъ недурно, съ какою-то задушевною простотой, и часто добавлялъ импровизаціями то, что было набросано небрежно и неполно.

Вавочка пришла въ восторгъ и повторяла:

— Дима, Дима, какой ты талантъ!

Овѣринъ хотя и говорилъ, что Вавочка увлекается, тѣмъ

Digitized by Google

менѣе былъ очень доволенъ и, взвинченный похвалами, продолжалъ разсказывать конецъ.

Въ эту минуту онъ забылъ о «Сиренѣ» и ушелъ отъ Вавочки веселый, снова вѣровавшій въ свою литературную звѣзду.

VII.

Варвара Алексѣевна всѣмъ восхищалась: и пароходомъ, и видомъ Севастополя, и бухтой, и броненосцами, и чуднымъ днемъ, и—главное—своимъ счастьемъ и Димой. Оглядывая все кругомъ, она успѣла оглядѣть и публику и не нашла ни одной хорошенькой дамы. Все немолодыя и не элегантныя... Одѣты пестро, по-купечески, безъ того тонкаго шика, который свидѣтельствуетъ объ изяществѣ вкуса.

Нѣсколько возбужденный, Овѣринъ любовался севастопольскою бухтой, наблюдалъ адмирала, распекающаго мичмана, и то и дѣло бросалъ жадные взоры на пристань, вглядываясь въ подъѣзжавшія коляски.

«Неужели она осталась въ Севастополѣ и не поѣдетъ сегодня? Это было бы ужасно! Ужъ не штуки ли это Родзянскаго?»—думалъ Овѣринъ, и лицо его омрачилось. Быстрый на рѣшенія, ужъ онъ подумывалъ о томъ: не остаться ли ему въ Севастополѣ. Сойти подъ какимъ-нибудь предлогомъ на берегъ и телеграфировать Вавочкѣ, что нечаянно опоздалъ.

— Дима! Посмотри... И эта милліонерша Брехунова здѣсь... Какое богатое безвкусіе и какіе чудные брилліанты въ ушахъ! Съ ними молодой человѣкъ. Вѣрно только что пріѣхалъ съ поѣзда. По виду учитель и интимный другъ этой госпожи!—прибавила Варвара Алексѣевна шепотомъ.

Она видѣла, какъ радостно сверкнули глаза тучной, краснощекой и очень некрасивой купчихи при появленіи скромно одѣтаго молодого человѣка, здороваго, цвѣтущаго и румянаго, съ черными глазами и ослѣпительно бѣлыми зубами, который, съ особенной почтительностью здоровался съ барыней и дочкой, съ ласковою фальярностью пожималъ руку толстяку подростку и церемонно расанялся съ англичанкой. Варвара Алексѣевна замѣтила презрительное выраженіе, мелькнувшее на умномъ лицѣ дочери, и что-то кавое въ глазахъ мальчика-подростка и слышала, какъ госпожа ахунова быстро и взволнованно проговорила, отойдя съ молодымъ овѣкомъ отъ своихъ и кидая на него восторженно-жадный ядъ своихъ большихъ, нѣсколько выкаченныхъ глазъ:

Digitized by Google

— Отчего опоздали, Владиміръ Павловичъ? Изъ-за васъ мы три дня здѣсь прожили.

— Не могъ, Аглая Петровна... У мамаши задержали...

— У мамаши! Ты не врешь?

— Честное слово.

— Ну, вѣрю, вѣрю. А я по тебѣ стосковалась, соколикъ мой. Вѣдь, цѣлый мѣсяцъ не видались. Теперь ты до осени мой, мой... Слышишь?

До тонкаго слуха Варвары Алексѣевны долетѣли и эти слова, сказанныя шепотомъ, и она съ нескрываемымъ презрѣніемъ оглядывала молодого человѣка.

— Дѣйствительно, красивое молодое животное! — проговорила она, обращаясь къ Овѣрину, когда госпожа Брехунова отошла съ учителемъ.

— Да,—разсѣянно протянулъ Овѣринъ, не обращая особеннаго вниманія на слова Вавочки и снова поворачиваясь къ пристани.

Раздался первый свистокъ, затѣмъ второй.

Овѣринъ былъ въ тревогѣ. Если Сирена не пріѣдетъ въ слѣдующую минуту, онъ сбѣжитъ на берегъ.

Но въ то же мгновеніе, какъ онъ подумалъ объ этомъ, на дворъ агентства въѣхала коляска, за ней другая и третья.

Овѣринъ увидалъ въ первой Маріанну Николаевну и уже не смотрѣлъ, кто въ другихъ. Сердце его радостно забилось. Онъ просвѣтлѣлъ, и все его существо точно мгновенно нашло удовлетвореніе, и жизнь получила смыслъ. Одно присутствіе «Сирены» дѣлало его счастливымъ.

Ничего подобнаго, казалось ему, прежде съ нимъ не было.

«Какъ же я втюрился!»—подумалъ онъ и засмѣялся, какъ ребенокъ.

И, присаживаясь около Вавочки, веселый, возбужденный и жизнерадостный, онъ воскликнулъ:

— Какой прелестный день, Вавочка!

— А въ морѣ качать не будетъ?

— Не думаю... Море, смотри, словно замерло.

И, будто заинтересованный госпожей Брехуновой и молодымъ человѣкомъ, о которыхъ только что говорила Варвара Алексѣевна, онъ спросилъ:

— Почему ты, Вавочка, непремѣнно рѣшила, что онъ любовникъ этой московской дубины?

Вавочка разсказала о томъ, что замѣтила и что слышала.

Digitized by Google

— Какая, однако, скотина! — съ отвращеніемъ промолвилъ Овѣринъ.

— Ну, и она... хороша.

— Онъ—гаже. Такой молодой и—Альфонсъ. Неужели, это животное, студентъ?

Вдругъ разговоръ среди публики смолкъ. Всѣ головы повернулись въ одну сторону.

— На что это такъ смотритъ публика?—проговорила Варвара Алексѣевна.

И, повернувъ голову, она впилась глазами въ ту самую женщину, на которую были обращены глаза всѣхъ пассажировъ.

Сопровождаемая капитаномъ парохода, чистенькимъ, пухленькимъ пожилымъ толстякомъ съ замаслившимися глазками въ чесучовомъ пиджакѣ и форменной фуражкѣ, шла «Сирена», улыбающаяся, веселая и свѣжая, какъ будто не замѣчая, что всѣ глаза устремлены на нее и что всѣ любуются ея ослѣпительною красотой и простымъ, но необыкновенно элегантнымъ костюмомъ.

Вслѣдъ за ней шелъ Завистовскій, инженеръ и мичманъ, съ которыми Овѣринъ познакомился вчера, и поодаль Родзянскій.

Войдя въ рубку, «Сирена» увидала сѣденькаго, маленькаго старичка, отставного моряка, который потягивалъ бѣлое вино, слушая съ ироническою усмѣшкой долговязаго франта чиновника. Подойдя къ нему, она радостно проговорила:

— Здравствуйте, дорогой Иванъ Васильевичъ! Очень рада снова встрѣтиться.

И, крѣпко пожимая ему руку, промолвила:

— Опять въ свою любимую Алупку ѣдете?

— А то куда же?... Она все же меньше загажена московскими купчихами, чѣмъ Ялта. А вы давно ли пожаловали сюда?... Опять на прежнюю дачу?

— Третьяго дня... На прежнюю дачу.

— Непремѣнно побываю у васъ... Побесѣдуемъ, какъ въ прошломъ году... И хорошѣете же вы, Маріанна Николаевна, дай Богъ не сглазить... Что, многихъ оболванили въ Севастополѣ за эти три дня?—смѣялся старикъ.

— А вотъ я вамъ потомъ разскажу... Дайте только спуститься въ каюту... За обѣдомъ около меня садитесь.

— За обѣдомъ и поговоримъ, а я, простите, милая барыня, сейчасъ закачусь спать.

Молодая женщина спустилась внизъ.

Digitized by Google

— Кто эта красавица, капитанъ?— спрашивалъ чиновникъ, ошалѣвшій отъ восторга.

— Что, небойсь, ошарашила ваше превосходительство?

— Замѣчательно хороша.

— То-то хороша... Это черноморская Сирена.

— Прозвище такое?

— Да. Назвали ее такъ потому, что она оболваниваетъ вашего брата, молодыхъ людей... Да и старыхъ тоже... А фамилія ея Христофори.

— Представьте меня ей.

— Извольте... Только предупреждаю: женщина она не легковѣсная!—строго проговорилъ старикъ.

Вдругъ его собесѣдникъ вскочилъ съ дивана, словно бы почувствовалъ подъ собой иглу, и почтительно поклонился.

Завистовскій любезно протянулъ руку и спросилъ:

— И вы отдыхать?

— Нѣтъ, ваше превосходительство... Командированъ министромъ.

— А-а-а!—значительно и словно бы одобряя, протянулъ Завистовскій.

И любезно улыбнувшись и сдѣлавъ привѣтливый жестъ рукою, его превосходительство скрылся внизъ.

— Должно быть петербургская шишка?—освѣдомился отставной морякъ.

— И не маленькая — Завистовскій!—солидно и внушительно произнесъ чиновникъ.

— Я его разъ видѣлъ въ прошломъ году здѣсь. Кажется, тоже страдаетъ по нашей Сиренѣ... Что, онъ холостой?

— Холостой.

— Юпочникъ, должно быть?—усмѣхнулся старикъ

— Есть грѣшокъ... Такъ вы, капитанъ, представите меня Сиренѣ?

— Непремѣнно хотите?

— Хотѣлъ бы.

Старикъ не безъ улыбки взглянулъ на тщедушную неказистую фигурку петербургскаго чиновника и промолвилъ:

— Если она согласится, передъ обѣдомъ представлю... Только если она васъ оболванитъ, ваше превосходительство, не пеняйте... А теперь я спать пошелъ.

Когда «Сирена» прошла, всѣ пассажиры, бывшіе на палубѣ, ин-

Digitized by Google

тересовались узнать, кто эта красавица. Откуда она и куда ѣдетъ? Особенно интересовались дамы, и одна изъ нихъ тотчасъ же послала мужа собрать справки о ней у капитана.

— А, вѣдь, ты не правъ, Дима! — проговорила Варвара Алексѣевна.

Она вдругъ сдѣлалась серьезной и съ пытливою тревогой взглядывала на Овѣрина.

— Въ чемъ, не правъ, Вавочка?

— Ты говорилъ, что въ ней ничего особеннаго... Она красавица—эта Сирена.

— Ты находишь?—небрежно кинулъ Овѣринъ.

— А развѣ ты этого не находишь?

— Недурна, даже очень недурна, если хочешь, но...

— Но что?

— Холодная натура, должно быть... Да вотъ разспроси о ней лучше Родзянскаго.

— Онъ тоже въ ея свитѣ?

— А не знаю... Кажется, она нравится ему... Александръ Петровичъ!—позвалъ Родзянскаго Овѣринъ.

И когда тотъ подошелъ и, поздоровавшись съ Варварой Алексѣевной и Овѣринымъ, присѣлъ около нихъ, Варвара Алексѣевна не безъ иронiи замѣтила.

— Вотъ сюрпризъ васъ видѣть, Александръ Петровичъ! Вчера вы, кажется, и не знали, что ѣдете сегодня?

Родзянскiй не тотчасъ отвѣтилъ. Онъ замѣтилъ, какъ подмигнулъ ему Овѣринъ, и вспомнилъ, что вчера на вопросъ Варвары Алексѣевны объ отъѣздѣ изъ Севастополя отозвался неопредѣленно.

— Не зналъ, Варвара Алексѣевна. Только сегодня утромъ рѣшилъ ѣхать. Такой чудный день и такъ пріятно прокатиться на пароходѣ!—прибавилъ онъ, улыбаясь.

— Вы до Ялты?

— До Ялты.

— И ваша знакомая, эта очаровательная Сирена, въ Ялту?

— Да.

— Надолго?

— Кажется, на мѣсяцъ.

— А вы, Варвара Алексѣевна, тоже въ Ялтѣ поселитесь?

— Не думаю... Тамъ все-таки городъ... Шумно... Я бы хотѣлъ отдохнуть гдѣ-нибудь въ болѣе тихомъ мѣстечкѣ... Говорятъ, Алупка хороша... Вы, кажется, хвалили Алупку, Дмитрiй Сергѣичъ?

Digitized by Google

— Въ Петербургѣ мнѣ о ней говорили, Варвара Алексѣевна. Впрочемъ, и Ялта не дурна!—промолвилъ Овѣринъ.

— Я ничего не знаю. Я первый разъ въ Крыму. А вы?

— И я въ первый разъ... Вотъ Дмитрій Сергѣевичъ раньше бывалъ здѣсь, кажется?

— Недолго... Всего двѣ недѣли и только въ Ялтѣ, проѣздомъ на Кавказъ.

— А вашъ другъ, Александръ Петровичъ, сейчасъ меня поразилъ!—заговорила Варвара Петровна.

— Онъ имѣетъ эту способность,—усмѣхнулся Родзянскій.

— Вообразите, онъ не находитъ ничего особеннаго въ «Сиренѣ». А по моему она красавица. Не правда ли?

— Еще бы.

— И умна?

— И умна, и мила, и остроумна!—горячо продолжалъ Родзянскій.

— Короче... совершенство?

— Не хотите ли убѣдиться въ этомъ?... Познакомьтесь съ ней! Хотите? Я васъ познакомлю.

— Не стоитъ на короткое время. Она будетъ въ Ялтѣ, а я буду въ Алупкѣ,—подчеркнула она.—А, впрочемъ, познакомьте. Я люблю красивыхъ и интересныхъ женщинъ!—вдругъ перерѣшила Варвара Алексѣевна, сообразивъ, что можетъ помѣшать Димѣ наединѣ разговаривать съ Сиреной на пароходѣ. А эти разговоры вдвоемъ... знаетъ она ихъ!

«Навѣрное эта барыня—и надо было ей ѣхать сегодня—будетъ кокетничать съ Димой. Дима интересенъ и нравится женщинамъ. И навѣрное онъ вретъ, говоря, что не находитъ въ ней ничего особеннаго... Того и гляди, увлечется!»—подумала Варвара Алексѣевна, вглядываясь на Овѣрина съ тщательно-скрываемой тревогой и съ тѣмъ мучительнымъ предчувствіемъ опасности, которое часто охватываетъ ревнивыхъ женщинъ.

Но Овѣринъ отлично разыгрывалъ роль, желая не возбудить подозрѣній Вавочки на первыхъ порахъ и нѣсколько труся ея рѣшительнаго характера. Онъ весело и безпечно напѣвалъ вполголоса фальшивымъ теноркомъ какой-то романсъ и, казалось, его нисколько не занимали разговоры о Сиренѣ.

Разспросивши у Родзянскаго все, что можно было у него расспросить о Сиренѣ, Варвара Алексѣевна окончательно рѣшила и селиться въ Алупкѣ.

Digitized by Google

Подальше отъ этой Сирены—лучше. И надо было съ нею встрѣтиться!

VIII.

Раздался третій свистокъ. Пароходъ сталъ отваливать.

Медленно, задерживая на швартовѣ корму, пароходъ поворачивался, и когда носъ его повернулся, былъ отданъ швартовъ, и «Юпитеръ» тихимъ ходомъ направился къ выходу изъ бухты.

Описавъ циркуляцію и очутившись на свободномъ пространствѣ, пароходъ полнымъ ходомъ, слегка постукивая машиной, шелъ мимо эскадры, мимо батарей, оставляя слѣва Севастополь и направляясь въ море.

Всѣ пассажиры были на верху, любуясь скрывающимся красавцемъ городомъ, который издали казался еще красивѣе, сверкая своими бѣлыми домами и макушками церквей, расположенными по склону горы.

Выйдя изъ бухты, «Юпитеръ» повернулъ влѣво и пошелъ вдоль высокихъ золотистыхъ береговъ южнаго берега, гдѣ то и дѣло показывались красивыя зданія церквей, дачъ и масса зелени. Вотъ Херсонесскій маякъ, мысъ Фіолентъ и Георгіевскій монастырь, дальше генуэзская башня Балаклавской крѣпости, мысъ Айя, Форосъ и Байдарскія ворота.

Бинокли пассажировъ, особенно ѣдущихъ въ Крымъ въ первый разъ, были направлены на берегъ, въ недалекомъ разстояніи отъ котораго шелъ полнымъ ходомъ «Юпитеръ».

То и дѣло раздавались восторженныя восклицанія.

Но Овѣринъ предоставилъ любоваться видами Вавочкѣ, а самъ нетерпѣливо посматривалъ на рубку, ожидая Маріанну Николаевну.

Когда она вышла наверхъ, то снова обратила на себя общее вниманіе. Дамы съ жаднымъ любопытствомъ оглядывали ея костюмъ, изящный и оригинальный, непохожій на костюмы моднаго шаблона и видимо сочиненный ею самой.

На ней была бѣлая, изъ тонкой шерсти, открытая жакетка, на отворотѣ которой алѣла крошечная бутоньерка изъ нѣсколькихъ розъ. Голубой батистовый лифъ съ накрахмаленнымъ передомъ въ мелкихъ складкахъ имѣлъ видъ мужской сорочки и закрывалъ шею низенькимъ стоячимъ воротничкомъ, перехваченнымъ узенькою голубою полоской батистоваго регата съ небольшими концами. Свѣтло-сѣрая юбка была не длинна и не закрывала маленькихъ красивыхъ ногъ въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ, обутыхъ въ желтые башмаки. На головѣ былъ, надѣтый чуть-чуть на бекрень, голубой бе-

Digitized by Google

ретъ, изъ-подъ котораго выбивались золотистыя прядки. Все на ней сидѣло необыкновенно ловко, все казалось простымъ и шло къ ней. Никакихъ украшеній: ни серегъ въ маленькихъ розовыхъ ушахъ, ни брошки, ни браслетовъ. Только кольцо на мизинцѣ выдавалось сквозь тонкую кожу шведской свѣтлой перчатки.

Маріанна Николаевна вышла изъ рубки со стороны противоположной той, гдѣ сидѣли Вавочка и Овѣринъ, и онъ не могъ поклониться Сиренѣ. Бѣжать же тотчасъ къ ней онъ не хотѣлъ. Вавочка и безъ того куксится. Не надо раздражать ее прежде времени.

И Овѣринъ, нѣсколько обиженный, что Сирена даже не поинтересовалась узнать: здѣсь ли онъ, принялся глядѣть на берегъ въ бинокль.

Глядѣла и Вавочка и думала невеселыя думы о будущемъ.

Оба молчали.

Свита тотчасъ же окружила Сирену, когда она сѣла на скамейку за рубкой, противъ люка, на которомъ были разложены книги и газеты. Маленькій быстроглазый, симпатичный еврейчикъ съ ласковою вкрадчивою улыбкой рекомендовалъ подходившимъ пассажирамъ купить книги и газеты. Тутъ же сидѣлъ, разложивъ свой небольшой ящикъ-лавочку, довольно пригожій неаполитанецъ, предлагавшій на ломаномъ французскомъ и русскомъ языкахъ разные брелоки, пресс-папье, коралы, издѣлія изъ черепахи, камеи изъ лавы и вѣера, обращаясь преимущественно къ дамамъ и съ тонкою психологіей умѣвшій возбуждать въ нихъ желаніе купить что-нибудь.

— А вѣдь нашего мичмана посадятъ на гауптвахту, Маріанна Николаевна!—смѣясь, говорилъ рыхлый инженеръ.

— За что?

— Да какъ же. Онъ удралъ со своего корабля безъ отпуска.

— Молодость безразсудна! — шутя промолвилъ Завистовскій.

— Это правда? Вамъ достанется?—спросила мичмана Сирена.

Пригожій мичманъ съ черными блестящими глазами, ласковыми, какъ у щенка, весь, казалось, трепетавшій радостью жизни, зардѣлся, какъ маковъ цвѣтъ, и съ безшабашною отвагой душевно приподнятаго юнца, которому не только гауптвахта, но даже и тюрьма казалась въ эту минуту такимъ пустякомъ въ сравненіи со счастьемъ быть около молодой красавицы, отвѣтилъ, взглядывая на Сирену съ благоговѣйнымъ восторгомъ безумно влюбленнаго:

— Ну такъ что же? Пусть достанется! По крайней мѣрѣ...

Смущенный, онъ не смѣлъ докончить.

Digitized by Google

— По крайней мѣрѣ, что? Имѣйте смѣлость досказать!—спросила Маріанна Николаевна.

— Я до Ялты буду съ вами на пароходѣ.

— Изъ-за этого вы рискуете быть арестованнымъ?—разсмѣялась молодая женщина. — О, какой же вы сумасшедшій, милый юноша! Нынче юноши благоразумнѣе... Извольте завтра же вернуться въ Севастополь.

— Вы приказываете?

— Приказываю.

— Въ такомъ случаѣ, я вернусь.

— Даете слово?

— Даю!—покорно и грустно отвѣтилъ мичманъ.

— И въ Ялту безъ отпуска не показывайтесь... Я разсержусь!—строго прибавила Маріанна Николаевна.

И, обращаясь къ Родзянскому, спросила:

— Овѣринъ здѣсь?

— Конечно, здѣсь! — отвѣчалъ, усмѣхнувшись, Родзянскій и подчеркнулъ слово: «конечно».

— Гдѣ онъ?

— Сидитъ на другой сторонѣ съ дамой своего сердца... родственницей!

— Она интересна?

— Очень... И умная женщина... Одно только въ ней ужасно...

— Что такое?

— Ревнива, какъ чортъ, если только черти ревнивы...

— Видно, очень любитъ Овѣрина.

— Черезчуръ даже. Изъ-за него она и супруга бросила. Можетъ, встрѣчали въ газетахъ фамилію присяжнаго повѣреннаго Меньковскаго?... Это его жена...

— Бѣдная! Я думаю, Овѣринъ не стоитъ такой привязанности.

— Почему вы такъ думаете?

— Онъ, повидимому, увлекающійся человѣкъ и достаточно легкомысленъ.

— Отъ Варвары Алексѣевны не очень-то скоро отдѣлаешься. не отпуститъ... И то Овѣринъ цѣлый годъ при ней.

— Годъ? Вы находите, что это такъ долго?

— Для Овѣрина очень долго.

— Онъ такой непостоянный? Изучаетъ женскіе типы, что ли?

Надо думать, что такъ. Вѣрно и васъ захочетъ изучать, ина Николаевна.

Digitized by Google

— Ничего не имѣю противъ... Пусть изучаетъ! Я тоже люблю наблюдать васъ, мужчинъ...

— А женщинъ?

— Этихъ я хорошо знаю.

— Кстати, не хотите ли познакомиться съ Меньковской?... И ей хочется познакомиться съ вами...

— Хочется? Она вамъ говорила?—удивленно спросила Сирена, хорошо знавшая, что женщины ее вообще не любятъ.

— Только что...

— Я очень рада. Я люблю умныхъ женщинъ и, кромѣ того, мнѣ интересно посмотрѣть: какой вкусъ у Овѣрина. Литераторы, какъ я слышала, не особенно разборчивы... Только льсти имъ, и они восхищены. Оттого-то они, вѣроятно, такъ часто мѣняютъ свои привязанности, какъ и вашъ пріятель...

— А онъ, повидимому, заинтересовалъ васъ, Маріанна Николаевна?—не безъ досады спрашивалъ Родзянскій.—Вы такъ о немъ распрашиваете!

— Очень... Талантливый человѣкъ и интересенъ... Хорошо говоритъ... А главное—далъ слово за мной не ухаживать.

Родзянскій усмѣхнулся.

— И вы думаете, онъ сдержитъ слово?

— Надѣюсь, что сдержитъ, если пойметъ, что ухаживанье за мной безполезно.

— Да развѣ сдержать слово возможно?

— Ахъ, Александръ Петровичъ! Я васъ считаю умнымъ человѣкомъ, а между тѣмъ...

— Я не оправдываю вашего мнѣнія?

— Вы говорите пошлости. Это, право, вамъ не къ лицу. Предоставьте говорить банальности другимъ!—тихо шепнула Маріанна Николаевна.

И, поднимаясь съ мѣста, прибавила:

— Пойдемте лучше знакомиться съ Меньковской и старайтесь, Александръ Петровичъ, не говорить того, что говорятъ мнѣ другіе. Честное слово, это надоѣло!

— Буду стараться, Маріанна Николаевна! А вамъ, кажется, нравятся новыя знакомства?

— По себѣ знаете... Я люблю новыхъ людей и быстро знакомлюсь съ ними. Впрочемъ, такъ же быстро и охладѣваю къ нимъ, если они не интересны... Будь у меня талантъ, я была бы беллетристкой... Наблюдательность у меня есть.

— А вы пробовали писать?

Digitized by Google

— Мало ли чего я не пробовала!—какъ-то загадочно и съ оттѣнкомъ грусти проговорила молодая женщина.—Но, видно, бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ!—прибавила она, смѣясь.

Они перешли на другую сторону юта. Тамъ сидѣло большинство пассажировъ, любуясь видами южнаго берега.

То и дѣло раздавались восклицанія удивленія и восторга.

— А вѣдь она очень интересна, эта пикантная брюнетка рядомъ съ Овѣринымъ. Это Меньковская, конечно?

— Да.

— Выразительное и энергичное лицо! — тихо промолвила Маріанна Николаевна, пріостанавливаясь и оглядывая быстрымъ и любопытнымъ взглядомъ женщины, умѣющей наблюдать, Варвару Алексѣевну съ головы до ногъ.

Та задумчиво смотрѣла на море и не видала Сирены.

Маріанна Николаевна сразу замѣтила и слегка подведенные глаза, и вѣерки у висковъ и, несмотря на моложавый видъ Вавочки, мысленно дала ей болѣе тридцати лѣтъ. Оцѣнила она и ея красивый пышный станъ, и маленькую выхоленную руку въ кольцахъ, и красивую шею, виднѣвшуюся изъ-за вырѣза воротника, и изысканный свѣжій и кокетливый туалетъ женщины, желающей нравиться.

— Вкусъ у вашего пріятеля не дурной! — шепнула Маріанна Николаевна.

— Одобряете?

— Вполнѣ... Идемте.

Въ эту минуту Овѣринъ увидалъ ихъ.

Онъ вспыхнулъ отъ удовольствія и бросился имъ на встрѣчу.

Отъ Маріанны Николаевны не укрылась эта радостная, чисто-юношеская, порывистость писателя.

«Какой же онъ экспансивный и юный, несмотря на свою сѣдину!» — рѣшила она про себя, словно бы дополняя уже сдѣланную раньше характеристику и невольно ласково улыбалась, какъ доброму старому знакомому, глядя на нѣсколько смущенно-улыбающееся лицо Овѣрина и на эти сѣрые глаза, ласковые и мягкіе, свѣтившіеся радостью.

Въ отвѣтъ на почтительно низкій поклонъ, она крѣпко, по-англійски, пожала его руку и съ чарующею простотой, полной прелести, которую люди незнающіе ея могли принять за кокетство, проговорила:

— Очень рада васъ видѣть, Дмитрій Сергѣичъ, и еще болѣе рада буду васъ послушать. Вчера вы такъ интересно разсказывали.

Digitized by Google

— А какъ я радъ, еслибы вы знали, Маріанна Николаевна!— отвѣчалъ, весь вспыхивая, Овѣринъ.

— И тѣмъ не менѣе не соблаговолили подойти ко мнѣ, хотя знали, что я здѣсь. Вѣдь знали?

— Зналъ, но...

— Безъ «но», — перебила, смѣясь, молодая женщина. — Вы, конечно, ждали, что я первая должна подойти къ вамъ...

— Что вы? Клянусь Богомъ, и не думалъ! — горячо воскликнулъ Овѣринъ.—Просто, не хотѣлъ быть навязчивымъ... А вчера я, признаться, ждалъ васъ на бульварѣ.

— Ждали? Скажите, пожалуйста, какая честь... Извѣстный писатель и ждалъ ничѣмъ неизвѣстную женщину! И долго ждали?—лукаво прибавила Сирена.

— До двѣнадцатаго часа. Вы вѣдь хотѣли быть и, однако, не пришли!—съ шутливымъ упрекомъ промолвилъ Овѣринъ.

— Мы ѣздили въ Балаклаву и поздно вернулись... Всему виной Александъ Петровичъ... Онъ затѣялъ ужинать... А ужь вы готовы обидѣться, что я обѣщала быть и не была?—насмѣшливо кивнула Маріанна Николаевна, чуть-чуть щуря глаза и приподнимая уголъ верхней губы, что придавало ея лицу надменное выраженіе.

— Помилуйте, смѣлъ ли я...

— Самолюбивы, какъ всѣ писатели, которыхъ балуютъ поклонники и особенно поклонницы?—продолжала Сирена, смѣясь.

— Я еще не дожилъ до такой чести... Меня не балуютъ...

— Васъ-то?... Навѣрное, балуютъ... Только предупреждаю заранѣе: я не принадлежу къ разряду дамъ, восхищающихся литераторами... и, признаюсь, люблю больше читать ихъ, чѣмъ тѣшить ихъ непомѣрное, психопатическое самолюбіе.

— За что такая немилость къ намъ?

— Я имѣю удовольствіе знать нѣсколькихъ писателей... Встрѣчалась...

— Здѣсь, въ Крыму?

— И здѣсь, и въ Петербургѣ.

— И что же, разочаровались въ нихъ?

— Изъ пяти — два непремѣнно страдаютъ маніей величія; даже не умѣютъ скрыть этого... И удивительно обидчивы, если и хвалятъ ихъ произведеній и не слушаютъ, какъ они сами о нихъ говорятъ. Прекурьезные экземпляры!... Даже умъ не спасаетъ ихъ отъ смѣшного положенія... Одинъ почтенный беллетристъ въ прошломъ году дарилъ меня своимъ особеннымъ вниманіемъ... И

Digitized by Google

чалъ, видите ли, меня и, разумѣется, сдѣлалъ очень скоро декларацію. И, вообразите, не хотѣлъ вѣрить, что я совершенно къ нему равнодушна!... Не замѣчалъ даже, что я смѣюсь надъ нимъ!... И надоѣлъ мнѣ, пока я не нашла способа отъ него избавиться.

— Какого?

— Я однажды объявила ему, что не читала его произведеній, и когда онъ немедленно поднесъ мнѣ нѣсколько своихъ романовъ и затѣмъ потребовалъ мнѣнія о нихъ, сказала, что съ трудомъ осилила одинъ его романъ. Съ той минуты любовь его прошла, онъ разсердился и, слава Богу, уѣхалъ, разсказывая всѣмъ, что я невозможная дура... А я раньше читала всѣ его вещи, и онѣ мнѣ нравятся... Но надо же было какъ-нибудь избавиться отъ ухаживанья пятидесятилѣтняго влюбленнаго въ себя Нарцисса! — разсказывала Маріанна Николаевна.—Просто жаль было смотрѣть на него. Такъ онъ былъ смѣшонъ.

И Овѣринъ, и Родзянскій смѣялись. Они оба знали этого беллетриста, который на старости лѣтъ все мечталъ о романахъ и писалъ ихъ въ изрядномъ количествѣ.

— Я не сомнѣваюсь, что вы не изъ такихъ, Дмитрій Сергѣичъ, и если считаете себя геніемъ, то не показываете, по крайней мѣрѣ, этого публикѣ? Не правда ли?

— Однако и язычокъ у васъ, Маріанна Николаевна! За что вы приписываете человѣку, котораго не знаете, пороки, которыхъ у него нѣтъ?... Могу васъ увѣрить, что я не страдаю маніей величія даже и наединѣ самъ съ собой.

— Но все-таки любите, когда васъ похваливаютъ?

— Кто этого не любитъ? Но за то не сержусь, если меня и бранятъ. Спросите у Александра Петровича... Пріятели не церемонятся со мною, а онъ въ особенности.

— Не потому ли вы не сердитесь, что о васъ все-таки говорятъ, хоть и бранятъ. А еслибъ молчали?

— Хорошенько его, Маріанна Николаевна!—подстрекалъ, смѣясь, Родзянскій.

Но молодая женщина была обезоружена добродушіемъ Овѣрина. Онъ нисколько не сердился и въ отвѣтъ на ея слова улыбался съ видомъ человѣка, охотно принимавшаго и заслуженныя, и незаслуженныя обвиненія.

Еще бы! Что бы ни говорили, но вѣдь о немъ говорили!

Они продолжали разговоръ быстрый и шутливый, перескакивая съ предмета на предметъ, щеголяя остроуміемъ и находчивостью, слегка задѣвая другъ друга,—тотъ бойкій, оживленный разговоръ,

Digitized by Google

при помощи котораго неглупые мужчина и женщина словно бы зондируютъ другъ друга и быстрѣе понимаютъ одинъ другого.

Говорили о литературѣ, о писателяхъ, о Крымѣ, о Петербургѣ. Нашлись общіе знакомые.

Маріанна Николаевна подмѣтила въ Овѣринѣ еще черту, и очень рѣдкую въ людяхъ. Овѣринъ никого не злословилъ. И это ее пріятно удивило.

Тѣмъ временемъ Варвара Алексѣевна не спускала глазъ съ Сирены.

И она, въ свою очередь, жадно и внимательно оглядывала Маріанну Николаевну, разбирая каждую черту ея лица, каждую линію ея стана, каждую деталь ея костюма. Но она наблюдала далеко не такъ объективно, какъ наблюдала ее Сирена, а, напротивъ, съ тѣмъ инстинктивнымъ недружелюбіемъ и даже съ завистью и злостью, съ какими женщины, и особенно ревнивыя, смотрятъ на красивыхъ и обворожительныхъ женщинъ, въ которыхъ предчувствуютъ или подозрѣваютъ соперницъ.

А эта дѣйствительно ослѣпительная красавица и съ головы до ногъ изящная женщина, чуждая всякой вульгарности, — Варвара Алексѣевна не могла не признать этого, — представляла собою большую и серьезную опасность для ея счастья.

Не даромъ же ее зовутъ Сиреной. Въ ней есть что-то заманивающее и самоувѣренное, что сводитъ съ ума мужчинъ. Навѣрное, она отчаянная кокетка и постарается увлечь Диму и, разумѣется, сама имъ увлечется! — думала она, воображавшая, какъ многія влюбленныя женщины, что ея избранникъ долженъ быть неотразимъ и для другихъ и что всѣ женщины обязательно должны влюбляться въ Диму.

И въ головѣ Вавочки проносились мучительныя мысли.

Она уже смотрѣла на Сирену, какъ на врага, и представляла себѣ, какъ *эта особа* (Вавочка презрительно называла всѣхъ женщинъ, въ которыхъ прозрѣвала соперницъ, «особами»), не довольствуясь своими поклонниками (вѣроятно, и любовникъ есть), отниметъ у нея Диму. Милый, любимый Дима попадется въ разставленныя ему сѣти.

Вѣдь онъ такой мягкій и такой безхарактерный—этотъ Дима!

Замѣчательно, что Варвара Алексѣевна, несмотря на умъ и на достаточно тонкое пониманіе Овѣрина, являвшаго не рѣдкія доказательства своего легкомыслія относительно вѣрности, по какой-то особенной логикѣ, обычной у многихъ женщинъ, за всѣ невѣрности Димы обвиняла, главнымъ образомъ, не его, а тѣ «осо-

Digitized by Google

бы», которыя подло его завлекали. Не будь такихъ «особъ», и Дима не уклонялся бы съ пути добродѣтели и любилъ бы одну свою Вавочку.

«Вонъ ужъ она, эта «особа», начала свою игру!»—думала Варвара Алексѣевна и, полная мучительной ревности, злыми глазами смотрѣла на Маріанну Николаевну, оживленно болтавшую съ Овѣринымъ.

И Дима какой вдругъ сталъ оживленный!... Какъ онъ веселъ и какими восторженными глазами смотритъ на эту женщину!

Но эта Сирена ошибается, воображая, что Дима будетъ ея покорнымъ рабомъ. И Дима напрасно думаетъ, что можно такъ легко играть съ любовью женщины, преданной ему на всю жизнь.

Она еще поборется и безъ борьбы никому не уступитъ Димы.

И надо было этому увертливому и лукавому Родзянскому знакомить Диму съ Сиреной.

«Подлецъ этакій!»—мысленно назвала она Родзянскаго.

Въ эту самую минуту Варвара Алексѣевна увидала, что Сирена съ Овѣринымъ и Родзянскимъ приближаются къ ней.

«Идетъ знакомиться!»—подумала она.

И мгновенно приняла видъ свѣтской, милой женщины. Ея хорошенькое личико сіяло улыбкой и въ глазахъ появилось необыкновенно ласковое выраженіе, точно она готовилась встрѣтить самаго милаго друга, а не заклятаго врага, какимъ уже считала Сирену.

IX.

Родзянскій познакомилъ дамъ.

Варвара Алексѣевна, къ радостному изумленію Овѣрина, встрѣтила Сирену очень привѣтливо, выразивъ, что непремѣнно желала познакомиться съ ней. Она отодвинулась, чтобы дать Маріаннѣ Николаевнѣ мѣсто между собой и какою-то дамой и не пустить Диму сѣсть около Сирены, и была необыкновенно мила, любезна и оживленна.

Словно бы задавшись цѣлью очаровать новую знакомую, она старалась показать себя съ самой лучшей стороны, и дѣйствительно, понравилась Сиренѣ и своею простотой, и сердечностью и, умомъ, и серьезными взглядами на жизнь, и тою общественною жилкой, которая сказывалась въ ея сужденіяхъ.

Не прошло и десяти минутъ, какъ обѣ дамы вели интимный разговоръ, совсѣмъ не похожій на дамскую болтовню. Варвара Алексѣевна, поборница женскихъ правъ, разсказывала о положеніи

Digitized by Google

женщинъ, возмущенная ихъ безправіемъ, и, между прочимъ, передавала о тѣхъ робкихъ попыткахъ, которыя дѣлаются русскими женщинами въ Петербургѣ и Москвѣ, о женскомъ клубѣ, о медицинскомъ институтѣ.

И Маріанна Николаевна, тоже, повидимому, сочувствующая стремленіямъ женщинъ къ независимости, слушала Варвару Алексѣевну съ удовольствіемъ, сама говорила съ увлеченіемъ и искренностью и не думала, казалось, уходить отъ Вавочки, заинтересованная ею, и не обращала никакого вниманія на Овѣрина и Родзянскаго. Они сперва стояли около дамъ и пробовали перевести разговоръ на другую тему, но это имъ не удалось, и они стали ходить по палубѣ.

— Однако, ловко!—разсмѣялся, повторяя любимое свое словечко, Овѣринъ.

— Что ловко?—спросилъ Родзянскій.

— Да Варвара Алексѣевна, говорю, ловко отбила отъ насъ Маріанну Николаевну.

— И, кажется, очаровала Сирену... Теперь до самаго обѣда онѣ не разойдутся.

— И нужно было вамъ ихъ знакомить! Къ чему?

— Обѣ дамы этого желали!—уклончиво замѣтилъ, улыбаясь, Родзянскій.—А вы развѣ недовольны, если онѣ подружатся? Что-то на это похоже... Я, признаться не ожидалъ такого результата. Обыкновенно двѣ хорошенькія женщины—что два медвѣда въ берлогѣ...

— Ну, очарована ли Варвара Алексѣевна Сиреной — это еще вопросъ!—засмѣялся Овѣринъ.

— Усложняется положеніе, Дмитрій Сергѣичъ?

— То-то усложняется... А, впрочемъ, мнѣ все равно... Наплевать!—какъ-то рѣшительно проговорилъ Овѣринъ.

— Будете изъ Алупки въ Ялту ѣздить?

— Обязательно.

— И каждый день?

— Если Маріанна Николаевна позволитъ, то каждый день.

— И вмѣстѣ съ Варварой Алексѣевной?

— Да ну васъ!... И безъ того напутали этимъ знакомствомъ и еще дразните! Глядите, и свита вся удрученная бродитъ!—разсмѣялся Овѣринъ.

Дѣйствительно, и Завистовскій, и инженеръ, и мичманъ меланхолически разгуливали по палубѣ, бросая унылые взгляды на разговаривающихъ дамъ.

Digitized by Google

А онѣ и не думали прекращать бесѣды. Напротивъ, она, казалось, приняла интимный характеръ и велась въ полголоса.

Овѣринъ замѣтилъ, что Вавочка весела, спокойна и словно бы торжествуетъ.

«Ужели Вавочкѣ понравилась Сирена? Ужели она не ревнуетъ къ ней?»—думалъ Овѣринъ.

Дѣйствительно, Сирена понравилась Вавочкѣ. Хотя она была настороженѣ, но ужъ не смотрѣла на Сирену, какъ на врага, послѣ того, какъ та осторожно успокоила подозрѣнія Вавочки насчетъ своего коварства и желанія увлекать мужчинъ.

Еще пріятнѣе ей было узнать, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ іюнѣ къ ней пріѣдетъ мужъ.

И отзывъ ея объ Овѣринѣ, на вопросъ Вавочки, понравился ли онъ ей, не внушилъ ей обычныхъ подозрѣній.

Сирена просто отвѣтила, что Овѣринъ ей очень понравился, какъ умный и талантливый человѣкъ, котораго интересно послушать, но только и всего.

— Говорятъ, онъ очень нравится женщинамъ?—замѣтила Варвара Алексѣевна, желая узнать мнѣніе Сирены о красотѣ Димы и не догадываясь, что Маріанна Николаевна знаетъ объ ихъ близости.

— И я слышала... Овѣринъ имѣетъ на это всѣ шансы... Но онъ не моего романа! Да и вообще я не особенно люблю романы и ухаживателей... Довольно я ихъ видѣла, чтобы знать имъ цѣну!—добавила она полушутя, полусерьезно.

— Да, мужчины не умѣютъ такъ привязываться, какъ привязываемся мы, женщины! — значительно проговорила Вавочка, вздохнула и задумалась.

Маріанна Николаевна сочувственно взглянула на Вавочку и снова подумала:

«Бѣдняжка. Какъ она любитъ Овѣрина!»

И поспѣшила отвѣтить:

— Не стоитъ, по-моему, очень привязываться къ нимъ.

— Пожалуй, вы правы. Именно, не стоитъ. Но дѣло въ томъ, что не всегда можно разсуждать, стоитъ или не стоитъ. Женщина полюбила—и конецъ!... Вы, видно, не испытали сильнаго чувства, Маріанна Николаевна, и избави васъ Богъ отъ этого.

Сирена на это промолчала.

— А для женщинъ, имѣющихъ несчастье любить очень сильно, потеря любимаго человѣка—великое несчастье!—не безъ драматической нотки въ голосѣ произнесла Вавочка.

Нѣсколько мгновеній Варвара Алексѣевна молчала.

Digitized by Google

Вдругъ, словно бы охваченная внезапнымъ рѣшеніемъ, она сказала съ чарующей улыбкой:

— Знаете ли что, Маріанна Николаевна? Не сердитесь, если я позволю себѣ съ вами немного пооткровенничать. Женщина скорѣе пойметъ женщину... Хоть я васъ мало знаю, но въ васъ есть что-то такое, что располагаетъ къ откровенности... И, наконецъ, вѣдь мы въ дорогѣ! — прибавила она, смѣясь.

Вавочка, казалось, такъ искренно и просто сказала это, что Сирена, хоть и хвалилась знаніемъ женщинъ, далека была отъ какихъ бы то ни было подозрѣній и порывисто отвѣтила:

— Будьте увѣрены, что я не злоупотреблю вашимъ довѣріемъ. Спасибо за него!

Ее не удивилъ этотъ внезапный, какъ ей казалось, порывъ интимности.

Путешествуя много и часто въ обществѣ женщинъ, она знала, какъ иногда даже совсѣмъ незнакомыя дамы повѣряютъ другъ другу подчасъ самыя щекотливыя тайны при случайныхъ встрѣчахъ въ вагонахъ и на пароходахъ. Ей самой пришлось не разъ выслушивать разныя признанія, хотя сама она никогда о себѣ не распространялась.

Понижая голосъ почти до шепота, Вавочка проговорила:

— Не разсчитывайте, впрочемъ, на что-нибудь интересное... Моя исторія одна изъ самыхъ обыкновенныхъ... Я замужемъ и разошлась съ мужемъ, и, притомъ, совсѣмъ миролюбиво, безъ обоюдныхъ упрековъ... Мой мужъ слишкомъ джентльменъ и эгоистъ, чтобы безпокоить себя сценами и тѣмъ болѣе въ драматическомъ жанрѣ... Онъ современный супругъ! — прибавила она не безъ иронiи.

Вслѣдъ затѣмъ Вавочка въ полушутливомъ, полусерьезномъ тонѣ разсказала, какъ она, какъ и многія, опрометчиво вышла замужъ (немножко любила, а главное—хотѣлось положенія замужней женщины!) и какъ потомъ поняла, что сдѣлала ошибку. Она не бранила мужа. Напротивъ, даже находила, что онъ, по-своему, порядочный человѣкъ и лучше многихъ другихъ, но отношенія его къ ней были, видите ли, слишкомъ халатныя. Онъ смотрѣлъ на нее, какъ и большинство мужей, какъ на извѣстную принадлежность домашняго комфорта, какъ на недурненькую женщину и, притомъ, жену, которая снисходительно смотрѣла на его увлеченія картами, на кутежи и на мимолетныя связи Богъ знаетъ съ кѣмъ. Никакого духовнаго общенія между ними не было. Онъ — веселый эпикуреецъ, немного циникъ и безъ всякихъ идеаловъ, а она была

Digitized by Google

идеалисткой... Съ годами эта нравственная рознь сказалась сильнѣе... Жизнь становилась невозможной.

Передавая свою исторію и, притомъ, въ сокращенномъ изложеніи, чтобы не утомить слушательницы, Вавочка предусмотрительно умолчала о томъ, что въ теченіе долгаго супружества жизнь ей далеко не казалась такой «невозможной» и отсутствіе идеаловъ въ мужѣ вовсе не безпокоило ея. Онъ былъ терпимымъ мужемъ и не *возбуждалъ* къ себѣ непріязненныхъ чувствъ до той поры, пока не постарѣлъ и пока она не влюбилась въ Овѣрина.

Отступила она нѣсколько отъ истины и тогда, когда объяснила, какъ долго она боролась съ чувствомъ къ одному человѣку, который ее полюбилъ и котораго она любитъ...

— Я не дѣлаю изъ этого тайны... Это—Овѣринъ!—горделиво прибавила она.

И, почти надѣявшаяся, что теперь, благодаря ея признаніямъ, Сирена пожалѣетъ ее и не захочетъ разбить ея жизни, отнявши Диму, Вавочка ласково и нѣжно поглядѣла въ лицо Маріанны Николаевны и, крѣпко и значительно пожимая ея руку, шепнула словно бы удовлетворенная:

— Теперь вы все знаете обо мнѣ!

Ей не стыдно было этихъ унизительныхъ признаній молодой женщинѣ, съ которой она только-что познакомилась. Она слишкомъ дорожила Димой, чтобы не сдѣлать такого ловкаго, по ея мнѣнію, маневра. И не на то бы она пошла, чтобъ удержать при себѣ Диму. Когда любятъ такъ, какъ она любитъ, все допустимо. По крайней мѣрѣ, отнынѣ она будетъ менѣе тревожиться. Эта красавица Сирена добра и великодушна. Надо сдѣлаться ея другомъ. И если Дима увлечется ею, она не отвѣтитъ на его увлеченіе. А Дима не любитъ безотвѣтной любви и скоро охладѣетъ. Наконецъ, можно и серьезно поссорить ихъ.

Такъ думала Вавочка, подъ вліяніемъ страсти, готовая даже очернить, въ случаѣ надобности, любимаго человѣка, разыгравъ роль Яго.

И, радостная, она сказала Сиренѣ:

— Мнѣ хотѣлось бы поближе сойтись съ вами и видѣться съ ми почаще, Маріанна Николаевна. Вы позволите?

— Я буду очень рада... Вообще меня женщины не долюбливаютъ, а вы составляете пріятное исключеніе... Вы гдѣ думаете селиться? Въ Ялтѣ?

— О, нѣтъ. Тамъ слишкомъ шумно... Я хочу жить въ Алупк... Вѣдь это близко отъ Ялты?

Digitized by Google

— Пятнадцать верстъ, но дорога отличная...

— Вотъ видите... Это не помѣшаетъ мнѣ пріѣзжать къ вамъ... Надѣюсь, что и васъ не испугаетъ разстояніе?

— Нисколько. Я часто ѣзжу верхомъ и дѣлаю и не такія экскурсіи... Будемъ вмѣстѣ совершать поѣздки...

Въ эту минуту къ Маріаннѣ Николаевнѣ подошелъ старенькій морякъ и, позѣвывая, проговорилъ:

— Вотъ я и выспался. Скоро и обѣдъ. Не раздумали, милая барыня, въ обществѣ стараго хрыча сидѣть за обѣдомъ?

И старикъ, добродушно разсмѣявшись, прибавилъ:

— Говорите откровенно... Я не обижусь.

— Самымъ откровеннымъ образомъ говорю, что рада вмѣстѣ обѣдать... И вы, Иванъ Васильевичъ, займите нѣсколько мѣстъ... Хотите въ нашей компаніи, Варвара Алексѣевна?

— Съ большимъ удовольствіемъ...

— Увидите одного любопытнаго петербургскаго сановника.

— Я его знаю... Завистовскій?... Мы съ нимъ ѣхали въ одномъ поѣздѣ...

— Онъ самый... Одного инженера, милаго юнаго мичмана и Родзянскаго... Вѣрно и Дмитрій Сергѣичъ сядетъ съ нами?

— Конечно.

— Такъ займите, дорогой Иванъ Васильевичъ, шесть мѣстъ... И я сижу около васъ...

— Слушаю-съ... А по другую сторону кого прикажете посадить?

— Угодно, Варвара Алексѣевна, рядомъ со мной?... А около васъ посадимъ Родзянскаго... хотите?...

— Кого угодно... Хоть тайнаго совѣтника...

— Боюсь, онъ сдѣлаетъ вамъ признаніе въ любви!—замѣтила, смѣясь, Сирена.—Онъ очень влюбчивъ.

— Юбочникъ... этотъ петербургскій генералъ! Я только удивляюсь, Маріанна Николаевна, какъ вы его не турнете хорошенько!—говорилъ отставной морякъ.

— Онъ интересенъ и далеко не глупъ, когда не играетъ роли вздыхателя... И, къ тому же, забавенъ, когда начинаетъ свою роль... Впрочемъ, онъ мнѣ не смѣетъ больше говорить о чувствахъ...

— Отучили?

— Отучила... Варвара Алексѣевна! Позвольте вамъ представить моего стараго и добраго друга... Ивана Васильевича Чижа!... Прелестнѣйшій человѣкъ. Онъ тоже ѣдетъ въ Алупку и не отка-

Digitized by Google

жетъ, конечно, дать вамъ указанія, какъ тамъ устроиться... Варвара Алексѣевна Меньковская! — назвала она Вавочку и прибавила:—Надѣюсь, вашъ зоркій глазъ видитъ, что Варвара Алексѣевна не купчиха и потому можете при ней ругать ихъ сколько угодно... Иванъ Васильевичъ ненавидитъ купчихъ и особенно московскихъ!— пояснила она.

Старикъ галантно снялъ фуражку, обнаживъ сѣдую голову и, крѣпко пожимая протянутую ему руку, проговорилъ:

— Въ Алупку, а не въ Ялту? Вполнѣ одобряю васъ, Варвара Алексѣвна. Вполнѣ-съ. И съ особеннымъ удовольствіемъ радъ служить вамъ, чѣмъ могу, — съ особенною любезностью, присущей старымъ морякамъ въ разговорахъ съ дамами, говорилъ старикъ съ странною фамиліей.—Отлично сдѣлали, что выбрали Алупку... Прелестное мѣсто... одинъ паркъ чего стоитъ... и, все-таки, не такъ засижено, какъ Ялта или Гурзуфъ, и болѣе напоминаетъ старый Крымъ, когда цивилизаціи этой самой не было... А главное— тамъ не такъ мозолятъ глаза эти подлые проводники-татары и меньше этихъ безстыжихъ пожилыхъ купчихъ, ищущихъ,—извините-съ,—на старости лѣтъ амуровъ съ этими самыми татарами... Просто противно смотрѣть, что творится въ Крыму... А, впрочемъ, сами изволите увидѣть... Вы когда въ Алупку?... Немедленно съ парохода или остановитесь въ Ялтѣ?

— Думаю прежде остановиться въ Ялтѣ...

— И я до завтра пробуду въ Ялтѣ... Когда прикажете, я къ вашимъ услугамъ!—говорилъ старикъ, снова кланяясь.

Онъ хотѣлъ было уходить внизъ, но, спохватившись, прибавилъ, обращаясь къ Маріаннѣ Николаевнѣ:

— Чуть было и не забылъ... Тутъ одинъ петербургскій чинуша какъ увидѣлъ васъ, такъ и оболдѣлъ въ нѣкоторомъ родѣ... Упрашиваетъ очень, чтобъ я его представилъ вамъ... Хотите?... Пусть лишняя жертва будетъ.

— Интересный человѣкъ?

— По-моему чердакъ у него не особенно въ большомъ порядкѣ, но это не мѣшаетъ ему на все фыркать и думать, что онъ въ нѣкоторомъ родѣ жаръ-птица и будущая административная шишка. Для меня онъ забавенъ своею болтовней. Не знаю, какъ для васъ... Да вотъ взгляните... Вонъ цапля стоитъ въ желтыхъ ботинкахъ и въ поясѣ... у штурвала... Такой чистенькій, прилизанный, франтоватый... Ѣдетъ что-то ревизовать.

Маріанна Николаевна взглянула по указанному направленію и невольно разсмѣялась при видѣ этого тощаго, франтоватаго госпо-

Digitized by Google

дина съ моноклемъ въ глазу, съ солиднымъ и необыкновенно самодовольнымъ выраженіемъ на выбритомъ, истомленномъ, желтомъ лицѣ.

— И вы хотите мнѣ представлять этого шута гороховаго?

— Обѣщалъ даже ему... Впрочемъ, предупредилъ, что вы его оболваните.

— Такого и оболванивать, какъ вы выражаетесь, не стоитъ... И не думайте представлять.

— Слушаю-съ... Скажу ему, что вы не любите новыхъ знакомствъ.

— Говорите что хотите, но только избавьте отъ знакомства съ нимъ.

Прозвонили въ колоколъ, и публика пошла внизъ и стала усаживаться за столы, хорошо сервированные, съ безукоризненными скатертями и салфетками, съ вазами, полными конфектъ и фруктовъ, на серединѣ столовъ.

Маріанна Николаевна представила свою свиту Вавочкѣ, познакомила со всѣми стараго моряка, и всѣ усѣлись за одинъ столъ, рядомъ другъ съ другомъ. Завистовскій поспѣшилъ занять мѣсто около Вавочки и тотчасъ же выразилъ удовольствіе, что, имѣлъ удовольствіе познакомиться съ дорожною спутницей и, вѣроятно, желая быть ей пріятнымъ, началъ расхваливать ей мужа, съ которымъ онъ имѣетъ честь быть знакомымъ по клубу и часто съ нимъ игралъ въ карты. Скоро, впрочемъ, онъ сообразилъ, что разговоръ о мужѣ не можетъ доставить особеннаго удовольствія женѣ, которая ѣдетъ въ Крымъ въ отдѣльномъ купэ съ красивымъ господиномъ, да еще съ извѣстнымъ писателемъ, и поспѣшилъ перемѣнить предметъ бесѣды, стараясь занять свою даму.

Овѣринъ сѣлъ рядомъ съ Родзянскимъ на концѣ и былъ мраченъ, какъ туча, возбуждая безпокойство Вавочки. Ему далеко не нравилось это знакомство, и повидимому, прочное, которое завязалось у Вавочки съ Сиреной. Онъ хорошо зналъ намѣренія Вавочки, но, разумѣется, не догадывался о томъ, что Вавочка посвятила Маріанну Николаевну въ тайну ихъ отношеній. И Сирена, казалось ему, послѣ разговора съ Вавочкой, какъ будто не обращаетъ на него никакого вниманія. А только еще говорила, что рада его видѣть и рада его слушать.

«А что за интересная женщина и, Боже мой, какъ обворожительна!»—мысленно повторялъ Овѣринъ, бросая, по временамъ, украдкой на нее взгляды. Взгляды ихъ на одно мгновеніе встрѣтились, и Овѣрину показалось, что въ глазахъ Сирены мелькнула насмѣшка.

Digitized by Google

Это его окончательно смутило, и онъ притихъ совсѣмъ, словно обиженный ребенокъ.

И какой онъ дуракъ былъ, что не поѣхалъ одинъ въ Крымъ. Нужно же было взять Вавочку съ собой. Вотъ теперь она будетъ сторожить его. И всему виной эта его дурацкая мягкость характера. Не можетъ быть онъ рѣзокъ съ женщинами... Не можетъ онъ отказывать, когда онѣ его просятъ о чемъ-нибудь, да еще если плачутъ.

— Что, веселенькая вышла поѣздка, Дмитрій Сергѣичъ?— спрашивалъ Родзянскій.

— Очень веселенькая... спасибо вамъ,—огрызнулся Овѣринъ.

Онъ подозвалъ лакея и велѣлъ подать шампанскаго.

— Дмитрій Сергѣичъ!—обратился къ нему старый морякъ.— Раскатайте пожалуйста Крымъ, у васъ перо хорошее... Я всегда читаю съ удовольствіемъ ваши произведенія.

— За что же его «раскатывать?»—улыбнулся Овѣринъ.

— Есть за что... Я вамъ сообщу много любопытнаго по части нравовъ... Да вы и сами увидите... Глазъ-то у васъ зоркій, должно быть.

— А вы собираетесь писать о Крымѣ?—спросила Маріанна Николаевна.

— Пока не собираюсь, а можетъ быть соберусь.

— И насъ грѣшныхъ опишете?—усмѣхнулась Сирена.

— Я недостаточно хорошо васъ знаю, Маріанна Николаевна.

— А стоитъ описать нашу Черноморскую Сирену,—подхватилъ старый морякъ.—Не даромъ о Маріаннѣ Николаевнѣ и здѣсь цѣлыя легенды ходятъ.

— Даже легенды?—насмѣшливо переспросилъ Овѣринъ, чувствуя, что злится.

— Именно легенды... Помните, Маріанна Николаевна, какъ въ прошломъ году сочинили, будто вы выходите замужъ за германскаго принца и будто изъ-за васъ застрѣлился директоръ департамента?—смѣялся морякъ.

— И то, и другое не особенно лестно, Иванъ Васильевичъ! Да и нечего меня описывать. Вѣроятно, у Дмитрія Сергѣевича есть нѣе интересный и поучительный матеріалъ.

— Я болѣе согласенъ съ Иваномъ Васильевичемъ и съ удоольствіемъ описалъ бы васъ, Маріанна Николаевна. Боюсь только, это не такъ-то легко.

— Отчего?

— Боюсь быть пристрастнымъ въ ту или другую сторону.

Digitized by Google

— И я думаю въ другую?—подчеркнула Сирена.

— Можетъ быть, если вамъ этого хочется.

Обѣдавшіе уже всѣ встали изъ-за стола, а компанія оставалась еще сидѣть. За бутылкой, потребованной Овѣринымъ, явилась другая, третья.

Овѣринъ, обыкновенно ничего не пившій, сегодня пилъ болѣе обыкновеннаго.

Вавочка это замѣтила и шутя проговорила:

— А вамъ развѣ не вредно пить, Дмитрій Сергѣевичъ?

— Нисколько, Варвара Алексѣевна!

И словно бы нарочно налилъ себѣ еще бокалъ.

Сирена пристально взглянула на Овѣрина и въ свою очередь участливо замѣтила:

— А вы слушайтесь, что добрые люди вамъ говорятъ, и не пейте, если вамъ въ самомъ дѣлѣ вредно, Дмитрій Сергѣевичъ!

Онъ вопросительно взглянулъ на Сирену, но та быстро отвела глаза и, казалось, совсѣмъ забыла о немъ.

— Пароходъ пристаетъ къ пристани!—доложилъ буфетчикъ засидѣвшейся компаніи.

— Уже?—вырвалось грустное восклицаніе у мичмана.

Всѣ разсмѣялись.

Вавочка стала прощаться. Дамы поцѣловались. Маріанна Николаевна звала Варвару Алексѣевну завтра же навѣстить ее на дачѣ и вечеромъ вмѣстѣ ѣхать кататься

Овѣринъ это слышалъ и только диву давался такой быстрой дружбѣ.

Онъ нарочно подошелъ проститься къ Маріаннѣ Николаевнѣ въ то время, когда Вавочка ушла изъ каютъ-компаніи.

— Вы за обѣдомъ были совсѣмъ не интересны, Дмитрій Сергѣевичъ!—говорила Сирена, пожимая ему руку.—Не въ духѣ вѣрно? Что за причина?

— Чего мнѣ быть не въ духѣ? Вамъ такъ показалось. Нѣтъ, я вру. Дѣйствительно, я былъ не въ духѣ.

— Отчего?

— Отчего? Сказать правду?

— Конечно, правду.

— Оттого, что вы за что-то разсердились на меня.

— Я... Христосъ съ вами! За что?

— Да вы совсѣмъ не говорили со мной...

— И вы не говорили. Однако, вы капризникъ и вдобавокъ балованный, какъ погляжу. Съ вами няньчиться нужно... А я нянь-

Digitized by Google

читься съ людьми не умѣю. Ну, до свиданія. Милости просимъ ко мнѣ, если только не будете капризничать, балованный писатель... Послѣ двѣнадцати я всегда дома. Заѣзжайте, всегда буду рада поболтать съ вами, если только вы не забудете нашего условія!— прибавила она.

— Будьте покойны. Не забуду. А если и забуду, то...

— То перестанете бывать у меня? Искренно буду жалѣть...

— Не то,—вы и не узнаете, нарушилъ ли я условіе.

— На это согласна... Завтра ѣдемъ кататься... Приходите послѣ обѣда. И Варвара Алексѣевна будетъ...

— Будетъ?—протянулъ Овѣринъ не особенно весело.

— Дала слово. Напомните, пожалуйста, Варварѣ Алексѣевнѣ, чтобъ не забыла, что я непремѣнно ее жду!—прибавила Маріанна Николаевна и опять—показалось Овѣрину—въ ея глазахъ мелькнуло что-то лукавое.

— Непремѣнно напомню! —промолвилъ Овѣринъ.

— Дмитрій Сергѣевичъ! Помогите мнѣ пожалуйста. Прикажите выносить вещи!—окликнула Овѣрина Вавочка изъ дверей каютъ-компаніи.

— Идите... Васъ зовутъ... До свиданія, Варвара Алексѣевна. Завтра жду васъ. Не забудьте!—крикнула ей Сирена.

Овѣринъ приказалъ лакею вынести вещи и вышелъ съ Вавочкой на верхъ.

Хорошенькая Ялта сверкала подъ лучами солнца у берега моря.

— Куда же мы ѣдемъ, Вавочка?... Останавливаемся въ Ялтѣ?

— На день, на два. А потомъ въ Алупку. Согласенъ, Дима?

— Вполнѣ согласенъ, Вавочка. «Алупка, такъ Алупка!»—сказалъ молодой турокъ, когда его сажали на колъ,—смѣясь, проговорилъ Овѣринъ.

«Ты ведешь «линію», и я буду вести свою, голубушка! Кто кого лучше обставитъ, какъ выражаются москвичи!»—подумалъ Овѣринъ, рѣшившійся дѣлать видъ, будто не замѣчаетъ никакихъ «козней» Вавочки.

— Но, быть можетъ, ты не хочешь въ Алупку, Дима?

— Отчего не хотѣть... Тамъ, какъ ты говоришь, не такъ шум... А скучно станетъ въ Алупкѣ, можно и въ Ялту ѣздить... правда ли?

И Овѣринъ, отставивъ два пальца руки, запѣлъ фальшивымъ баркомъ какой-то романсъ.

— Вещи готовы! — доложилъ подошедшій швейцаръ изъ гостицы «Россія».

Digitized by Google

— Ѣдемъ, Вавочка!

Они вышли съ парохода, сѣли въ роскошную корзинку-коляску, дожидавшуюся у пристани, и поѣхали по набережной.

— Красивая Ялта!—промолвила Вавочка.

— Недурна. Жаль только, что у самой пристани бойня... Ароматно!...

— Ты сегодня не въ духѣ. И за обѣдомъ былъ скучный. И пилъ много. Что съ тобой?

— Рѣшительно ничего, Вавочка.

— И ты на меня не сердишься?

— Я? За что мнѣ сердиться?

— Мнѣ иногда кажется, что ты, Дима, скучаешь со мной?

«Вотъ оно куда пошло!»—подумалъ Овѣринъ и, мягкій по натурѣ, счелъ долгомъ увѣрить Вавочку, что она ошибается.

— А я въ восторгѣ отъ Сирены! — проговорила вдругъ Вавочка.

«Наконецъ-то разрѣшилось!»—подумалъ Овѣринъ и промолвилъ:

— Какъ же, видѣлъ, какъ ты съ ней дружески бесѣдовала! Что тебя привело въ восторгъ?

— Все... Умная и вполнѣ порядочная женщина. Немного скептикъ, правда, но это къ ней идетъ.

— Откровенничала съ тобой?

— Не очень... Но вообще мы съ ней сошлись.

— Что-жъ и отлично... По крайней мѣрѣ, будетъ женское общество. А мужъ у нея молодой?— небрежно спрашивалъ Овѣринъ.

— Вѣроятно, молодой.

— Отчего же—вѣроятно?

— Она не пошла бы замужъ за старика... Не такая она женщина!

— А ужъ ты ее узнала, эту женщину? — иронически протянулъ Овѣринъ.

— Узнала—не узнала, но поняла... Она совсѣмъ не та, чѣмъ кажется по наружности... И совсѣмъ не кокетка, какъ я раньше думала... Въ ней разсудокъ на первомъ планѣ, и она не изъ тѣхъ барынь, которыя легко увлекаются.

— Съ чѣмъ ее и поздравляю.

— Ты, кажется, что-то имѣешь противъ нея... А между тѣмъ такъ оживленно съ ней утромъ разговаривалъ... Не нравится она тебѣ развѣ?

— Нравится... Съ ней интересно поболтать, но приходить отъ

Digitized by Google

нея въ восторгъ, какъ ты, не имѣю ни малѣйшей охоты... Ты завтра у нея будешь?

— Непремѣнно... Она звала кататься.

— И меня звала...

— Что-жъ, поѣдемъ?

— Отчего не поѣхать... Поѣдемъ, Вавочка.

Коляска остановилась у роскошной гостиницы, и Овѣринъ приказалъ показать ему лучшіе номера.

Вечеромъ они поѣхали кататься. Маленькій городокъ оживился. На набережной были гуляющіе. Проводники-татары, наглые, самодовольные въ своихъ расшитыхъ курткахъ, гарцовали на лошадяхъ. Дамы разглядывали ихъ.

Объѣхавши городъ, они остановились у набережной противъ кондитерской, у веранды на берегу моря, и велѣли себѣ подать чаю. За отдѣльными столиками сидѣли мужчины и дамы. Вечеръ былъ превосходный, и съ бирюзоваго тихаго моря тянуло прохладой.

Овѣринъ думалъ о Сиренѣ, вспоминая ея лицо, ея слова, ея жесты, и молча отхлебывалъ чай.

Черезъ нѣсколько минутъ къ нимъ подсѣлъ старый морякъ и сталъ разсказывать объ Алупкѣ. Рѣшено было, что послѣ завтра они отправятся вмѣстѣ съ Овѣринымъ и, послѣ осмотра помѣщеній, наймутъ подходящую квартиру или комнаты въ пансіонѣ, и тогда уже Овѣринъ повезетъ Вавочку.

Вскорѣ подошелъ и Родзянскій, и Овѣринъ былъ очень радъ, что не пришлось оставаться наединѣ съ Вавочкой.

Онъ начиналъ тяготиться ея обществомъ.

Спасибо словоохотливому и живому старику-моряку Ивану Васильевичу. Онъ большую часть вечера доставлялъ всѣмъ удовольствіе своими разсказами и воспоминаніями.

Онъ съ любовью вспоминалъ про прежній Севастополь, въ которомъ пробылъ всю осаду, вспоминалъ про черноморскій флотъ и, конечно, покорилъ современныхъ моряковъ, назвавъ ихъ «цензовыми алтынниками», заботящимися лишь о карьерѣ да о выгодныхъ мѣстахъ, вспоминалъ про Крымъ, когда еще татаръ не выгоняли и Крымъ былъ полонъ садовъ, и съ ненавистью говорилъ про тѣ времена, когда въ Крымъ стали наѣзжать изъ Россіи разные прожигатели и прожигательницы, которые совсѣмъ изгадили Крымъ и развратили татаръ.

— Прежде татары южнаго берега были совсѣмъ другіе. Честные, трудолюбивые, не пьющіе... отличные садоводы, а теперь... полюбуйтесь!... Вонъ эти подлецы гарцуютъ!—указалъ онъ паль-

Digitized by Google

цемъ на разъѣзжающихъ проводниковъ. Теперь каждый молодой татаринъ и вино, шельма, дуетъ и мечтаетъ о лѣтѣ, когда пріѣдутъ барыни, и слѣдовательно нажива... Развратъ-съ дошелъ до послѣдней степени... Просто тошно глядѣть... Многіе проводники десятки тысячъ зарабатываютъ... Все бабы пожилыя ихъ награждаютъ... И сами татары съ презрѣніемъ смотрятъ на русскихъ пріѣзжихъ дамъ... Удивляются, отчего онѣ такъ до татаръ падки. Въ прошломъ году здѣсь одна кутящая барыня жила... Такъ просто позоръ одинъ... При ней дочка и сынъ студентъ, а она всю ночь съ татариномъ на лодкѣ, или верхомъ скачетъ... Генеральша вдобавокъ... А что дѣлаютъ купчихи... Во всю, можно сказать, гуляютъ... При всякой какой-нибудь Меметъ или Османъ, или Мамутъ... Вмѣстѣ на фотографіяхъ снимаются. Спросите-ка какого-нибудь каналью Меметку: чѣмъ онъ занимается? Знаете, что онъ отвѣтитъ?

— А что?—спросилъ Овѣринъ.

— Зимой дрова урублю, а лѣтомъ русскимъ барынамъ ухаживай! Карошъ барынъ—татаръ любитъ... Многіе изловчились даже по-французски. «Же ву земъ»—такъ и чешетъ. Идетъ барыня одна,—такъ прямо-таки и предлагаютъ безъ церемоніи: «поѣдемъ, душинка, въ горы». И какъ смотрятъ при этомъ!... А кто виноватъ?... Сами же барыни... Нечего сказать, хорошіе примѣры показываютъ.

Старикъ, отхлебнувъ чая, продолжалъ:

— Я вотъ двадцать лѣтъ какъ каждый годъ живу въ Крыму съ мая по октябрь... Люблю Крымъ,—ну, и, знаете ли, для здоровья Крымъ полезенъ... Такъ вся-то эта мерзость у меня на глазахъ прошла... Помню, какъ повалила публика на южный берегъ и какая пошла цивилизація!... А если, господа, вы хотите видѣть настоящихъ татаръ, поѣзжайте въ Бахчисарай или въ глухія татарскія деревни, гдѣ нѣтъ еще русскихъ туристовъ... По здѣшнему жулью не судите о татарахъ.

Иванъ Васильевичъ о себѣ не говорилъ. И только на вопросъ Овѣрина: давно ли Иванъ Васильевичъ въ отставкѣ, онъ отвѣтилъ, что вышелъ въ отставку вскорѣ послѣ войны съ чиномъ капитана перваго ранга и съ усиленною пенсіей на правахъ раненаго.

— Ногу немножко хватило... Долго ее залѣчивалъ... Въ Вѣнѣ вылѣчили... А вернувшись въ Россію, поселился я въ Бериславлѣ. Можетъ, слышали такой городъ? Жить тамъ дешево. Сижу въ своей мурьѣ одинъ да книжки почитываю... Зима, смотришь, и прошла. А въ маѣ—сюда.

— Вы, значитъ, не женаты и семьи нѣтъ у васъ, Иванъ Васильевичъ?—спросила Вавочка.

Digitized by Google

— Семьи нѣтъ, а супруга есть, но только въ безвѣстномъ отсутствіи, Варвара Алексѣевна.

Старикъ попробовалъ усмѣхнуться, но усмѣшка вышла не веселая.

Наступила минута неловкаго молчанія. Всѣмъ почему-то стало жаль одинокаго старика.

—. Глупость сдѣлалъ,—наконецъ, заговорилъ Иванъ Васильевичъ,—на старости лѣтъ женился на молодой... Ну, и разумѣется, что изъ этого могло выйти кромѣ того, что вышло?... Ишь ночь-то какая... Теплынь и благодать.

Иванъ Васильевичъ хотѣлъ было уходить, но Овѣринъ упросилъ его ѣхать ужинать въ гостиницу.

Всѣ вернулись вмѣстѣ, и Овѣринъ заказалъ изысканный ужинъ.

Разошлись во второмъ часу.

Сославшись на головную боль и усталость, Овѣринъ тотчасъ же ушелъ въ свой номеръ и, поспѣшно раздѣвшись, бросился въ постель.

Но сонъ не шелъ. Въ головѣ его носился образъ Сирены.

Онъ мечталъ о ней, объ этой умной, изящной женщинѣ, и наконецъ заснулъ, полный радости, что завтра ее увидитъ.

X.

Чудная, теплая, благоухающая ночь,—ночь полная какой-то ласкающей нѣги и чарующей прелести, быстро опустилась надъ Алупкой вслѣдъ за короткими сумерками.

Будто нехотя, лѣниво и медленно, по затемнѣвшему, точно бархатистому небу поднимался полный, почти круглый и выпуклый дискъ луны среди ярко горѣвшихъ звѣздъ и томно мигающихъ звѣздочекъ, и все озарилось волшебнымъ серебристымъ свѣтомъ: и виднѣющіяся башни дивнаго Воронцовскаго дворца, и зеленая гуща его громаднаго парка, и бѣлая лента шоссе, и рядъ дачъ и домовъ съ ихъ балконами и садиками.

Зубцы Ай-Петри, казалось, повисшей надъ Алупкой, бѣлѣли подъ луннымъ свѣтомъ.

Тихое и неподвижное море словно замерло въ сладкомъ снѣ, серебрясь подъ луною.

Кругомъ тишина.

Только по временамъ съ дороги доносится тихій смѣхъ и говоръ гуляющихъ. Всѣ говорятъ тихо, словно бы боясь потревожить тишину волшебной ночи.

Digitized by Google

Былъ десятый часъ.

Овѣринъ только что поужиналъ за общимъ столомъ въ палаткѣ на дворѣ, въ обществѣ пансіонеровъ небольшого, но превосходнаго пансіона и нѣсколькихъ лицъ, приходившихъ обѣдать и ужинать, въ числѣ которыхъ были двѣ пожилыя тетеньки съ миѳическими племянниками.

Лѣниво отхлебывая чай, онъ сидѣлъ одинъ на своемъ балконѣ, выходящемъ изъ его большой, хорошой меблированной комнаты. Такая же комната Вавочки была рядомъ. Ея не было дома,—она съ утра уѣхала въ Ялту.

Овѣринъ взволнованно взглядывалъ то на море, то на огонекъ маяка на Ай-Тодорѣ, то на серебристую зелень деревьевъ, вдыхая раздражающій ароматъ глицинiй, акацій и розъ въ саду, подъ балкономъ. Онъ весь подъ обаяніемъ этой дивной ночи, полный грёзъ и томленія, желаній и грусти. Нервы его натянуты.

О, какъ ему хочется въ эту минуту увидѣть Сирену, поговорить съ ней, раскрыть ей всю душу и сказать, какъ онъ чисто ее любитъ, не надѣясь ни на что, а просто любить потому, что ее нельзя не любить... Какими ничтожными кажутся ему прежнія увлеченія и тѣ женщины, которымъ онъ прежде клялся въ любви... Неблагодарный, онъ теперь думалъ, что только Сирена могла бы дать ему счастіе безъ конца.

Ему не сидится. Въ этакую ночь и быть одному, когда сердце такъ и бьется и онъ чувствуетъ въ себѣ безуміе юности, несмотря на свои тридцать шесть лѣтъ.

Онъ сію минуту поскакалъ бы въ Ялту на прелестномъ караковомъ иноходцѣ «Красавчикѣ». Татаринъ Абдурахманъ даетъ Овѣрину этого дорогого своего коника, увѣрившись, что Овѣринъ лихой наѣздникъ и не загоняетъ и не испортитъ «Красавчика». И «Красавчикъ» нанятъ Овѣринымъ на цѣлый мѣсяцъ. Нанята и коляска для поѣздокъ Вавочки. Овѣринъ умѣлъ швырять деньги.

Но у Маріанны Николаевны навѣрное сидитъ теперь Вавочка. Какіе уже тутъ интимные разговоры при ней? Какія изліянія?

Да, положеніе усложняется. Необходима развязка.

Вотъ уже три недѣли, какъ они поселились въ Алупкѣ, и Овѣринъ за все это время ни разу не брался за перо, несмотря на совѣты Вавочки поскорѣе окончить начатую вещь и несмотря на письма редактора. Редактору онъ отвѣчалъ, что хочетъ отдохнуть, а Вавочкѣ, чтобъ отдѣлаться, обѣщалъ скоро засѣсть за работу. Увы! теперь восторженныя восклицанія Вавочки: «Ахъ, Дима, какой ты талантъ, какой ты огромный талантъ!»—уже поте-

Digitized by Google

ряли прежнюю силу воздѣйствія, и хоть щекотали нервы Овѣрина, но не располагали его къ чтенію начатыхъ рукописей и набросковъ и не вели къ благодарнымъ поцѣлуямъ. Теперь Диніе хотѣлось бы— да еще какъ хотѣлось! — услыхать нѣчто подобное отъ другой женщины.

Не до писанья было ему и не до чтенія своихъ произведеній Вавочкѣ.

Въ эти три недѣли онъ чуть ли не ежедневно ѣздилъ въ Ялту и бывалъ у Маріанны Николаевны. Являлся онъ къ ней и подъ разными предлогами («катался и заѣхалъ» или «въ банкъ нужно было, переводъ получить»), и безъ предлоговъ, и нерѣдко какъ будто нечаянно встрѣчался съ нею во время ея прогулокъ и сопровождалъ ее на своемъ «Красавчикѣ». А то устраивалъ разныя parties de plaisir и экскурсіи, стараясь усадить Вавочку не въ ту коляску, въ которой сидѣла Сирена.

Молодая женщина принимала Овѣрина радушно и привѣтливо и держалась съ нимъ по-пріятельски, стараясь стать въ добрыя товарищескія отношенія, исключающія какія бы то ни было притязанія. Она охотно слушала живой, талантливый разговоръ Овѣрина, его скоропалительныя, огорошивающія сужденія, иногда быстро мѣняющіяся подъ впечатлѣніемъ какой-нибудь бесѣды или прочитанной статьи. Ее подкупало его простосердечіе, доброта и искренность, и она великодушно прощала ему многіе недостатки, которые бросались въ глаза. Нерѣдко она спорила съ нимъ, какъ равный съ равнымъ, не принимая на вѣру, какъ дѣлаютъ многія женщины, всего, что говоритъ писатель, да еще болѣе или менѣе извѣстный.

Къ крайнему удивленію Овѣрина, оказалось, что эта красавица, повидимому, живущая исключительно личными интересами, и начитана, и образована едва ли не больше самого Овѣрина и хорошо усвоила то, что читала. Она могла вести «умный» разговоръ, откровенно сознавалась въ томъ, чего не знаетъ, и нерѣдко, смѣясь, высказывала, что «имѣетъ доблесть не бояться говорить собственныя глупости».

Въ этихъ бесѣдахъ и спорахъ они скоро сошлись, и Маріанна Николаевна видимо старалась сохранить отношенія именно на этой почвѣ и всегда очень ловко и умно отклоняла всякіе разговоры о чувствѣ и похвалы своей особѣ, когда Овѣринъ, случалось, заводилъ бесѣду на эту тему.

— Оставимъ эти разговоры юнымъ мичманамъ и старымъ тайнымъ совѣтникамъ, Дмитрій Сергѣевичъ! Не правда ли?—замѣчала она, если Овѣринъ не хотѣлъ понять ея тонкихъ намековъ.

Digitized by Google

И онъ, сконфуженный, умолкалъ, втайнѣ обиженный и недовольный, что съ нимъ ведутъ только умные разговоры.

И, разумѣется, влюблялся еще болѣе.

Нечего и говорить, что Овѣринъ съ первыхъ же дней знакомства познакомилъ Маріанну Николаевну со своею автобіографіей и притомъ добросовѣстно и мужественно не утаилъ ничего такого, что могло бы показаться не особенно привлекательнымъ и слишкомъ легкомысленнымъ.

Онъ съ подкупающею простотой сознался, какой онъ въ юныхъ годахъ былъ «идіотъ» по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ, похожимъ на юнкерскіе, и какъ онъ прожигалъ жизнь, проводя ее въ кутежахъ и въ ухаживаніи за опереточными актрисами, какъ онъ, окончивъ съ грѣхомъ пополамъ университетъ, поступилъ на службу и мечталъ о блестящей карьерѣ и водилъ знакомство съ хлыщами, и какъ онъ, наконецъ, прозрѣлъ, что все это чепуха, что самъ онъ «болванъ», и сразу порвалъ съ прошлымъ, сталъ читать и думать, отправился пѣшкомъ путешествовать по Россіи и сдѣлался совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Его потянуло къ литературѣ, и онъ началъ писать...

Не скрылъ онъ и своихъ многочисленныхъ романовъ, хотя они и свидѣтельствовали о быстротѣ его увлеченій и легкомыслія. Въ своихъ автобіографическихъ разсказахъ Овѣринъ открывался весь и не драпировался въ мантію героя, какъ часто дѣлаютъ влюбленные мужчины, желая импонировать на женщинъ. Не рисовался онъ и напускною скромностью людей, считающихъ себя необыкновенно хорошими, и съ откровенною наивностью и простодушіемъ ребенка иногда восхищался самъ собой и ждалъ одобренія, и самъ же, ловя себя на этомъ, добродушно хохоталъ.

Разумѣется, онъ поднесъ Маріаннѣ Николаевнѣ всѣ написанныя имъ книги въ изящныхъ переплетахъ и съ восторженными надписями и нерѣдко просилъ позволенія прочитать ей вслухъ что-нибудь изъ своего. И радовался, какъ дитя, если Маріанна Николаевна хвалила. Нечего и говорить, что многія рукописи были имъ прочитаны Сиренѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что ему хотѣлось знать ея мнѣніе. Она улыбалась и слушала. Слушала и планы задуманнаго имъ и часто критиковала и даже вышучивала то, чѣмъ Вавочка восхищалась и за что считала своего Диму «большимъ талантомъ». И Овѣринъ понималъ, что Маріанна Николаевна права, благодарилъ ее, рвалъ рукописи или обѣщалъ ихъ передѣлать. Ахъ, еслибъ онъ могъ раньше пользоваться ея совѣтами!... Сколько бы незрѣлаго, торопливаго не было напечатано!

Digitized by Google

Насколько Овѣринъ былъ на-распашку передъ Сиреной, настолько она была сдержанна во всемъ, что касалось ея личной жизни, ея помысловъ и идеаловъ. Счастлива ли она? Чего ждетъ и чего хочетъ? Объ этомъ она никогда не говорила и, казалось, не любила говорить.

Изъ нѣкоторыхъ разговоровъ Овѣринъ узналъ только, что Маріанна Николаевна изъ небогатой, хорошей семьи, что она обожаетъ отца, который служитъ въ Одессѣ и о которомъ она говоритъ съ гордостью, какъ о замѣчательно хорошемъ и честномъ человѣкѣ, рыцарѣ долга, и мать—добрѣйшее, милое созданіе, что училась въ гимназіи и послѣ поѣхала на курсы въ Петербургъ, бывала въ литературныхъ кружкахъ, вышла замужъ и замужемъ шесть лѣтъ.

— Такъ сколько же вамъ лѣтъ? — однажды спросилъ Овѣринъ.—Вы глядите совсѣмъ молодой и походите на барышню.

— Мнѣ двадцать восемь лѣтъ. Я моложава!—отвѣчала она.

О мужѣ она не говорила ни слова. Молодъ ли онъ, или старъ, что дѣлаетъ, гдѣ служитъ? Объ этомъ она умалчивала, и Овѣринъ не сомнѣвался въ томъ, что она не особенно счастлива въ личной своей жизни.

Любитъ ли она кого-нибудь, любила ли? Или до сихъ поръ сердце ея дремлетъ, ее не захватило страстью и отъ этого она такая холодная и насмѣшливая, такъ скептически относится къ мужчинамъ и, казалось, живетъ только умомъ, не умѣя увлекаться.

Овѣринъ нерѣдко упрекалъ ее въ скрытности.

— Это правда... Я скрытна во всемъ, что касается моей душевной жизни. Не привыкла я изливаться... Видно, такая натура.

— Въ васъ гордыня сидитъ.

— Можетъ быть, и гордыня, кто знаетъ. А быть-можетъ и застѣнчивость обнажать свою душу!—уклончиво отвѣтила она, щуря насмѣшливо свои глаза.

— Васъ трудно разгадать. Вы ничего о себѣ не говорите!

— То-есть не говорю такъ много, какъ вы?

— Я все высказываю, даже то, чего нѣтъ, а что можетъ быть,—разсмѣялся Овѣринъ,—а вы ничего не говорите.

— Къ чему вамъ? Изучать меня?—протянула Сирена.

— Ну, хоть бы для того, чтобъ изучать.

— Такъ на что же вы писатель, да еще считаете себя психологомъ?... Угадывайте творческимъ чутьемъ, если моя особа васъ интересуетъ.

— Еще бы!... Точно вы этого не видите! — воскликнулъ, перебивая, Овѣринъ.

Digitized by Google

— Вижу... Какъ писателя, конечно, увидавшаго хорошенькую женщину, да еще прозванную почему-то Сиреной, неглупую и кое-что читавшую, къ вашему изумленію, и не преклоняющуюся вдобавокъ передъ вашимъ великолѣпіемъ... Сюжетъ, во всякомъ случаѣ, можетъ выйти занимательный... Не правда ли?

— Всегда сарказмъ... всегда насмѣшки!... Ужели вы не можете, Маріанна Николаевна, говорить со мною иначе?... Или я не стою этого?—проговорилъ Овѣринъ порывисто, съ грустнымъ упрекомъ въ голосѣ, и все лицо его омрачилось.

Что-то мягкое и грустное на мгновеніе засвѣтилось въ лицѣ Сирены и тотчасъ же исчезло въ обычномъ, нѣсколько рѣзкомъ блескѣ ея красивыхъ глазъ.

— Не сердитесь... Не обижайтесь, Дмитрій Сергѣичъ! — промолвила она, и въ голосѣ ея звучала ласковая нотка.

Овѣринъ восторженно глядѣлъ на нее и промолвилъ:

— На васъ сердиться?!... На васъ молиться можно!

— Не сотвори себѣ кумира... Помните заповѣдь?... И еще есть заповѣдь: воздерживайся говорить глупости!—засмѣялась Маріанна Николаевна.

— Воздержусь... простите... И, какъ видите, не забываю условія...

— И хорошо дѣлаете... Иначе мнѣ съ вами было бы скучно!—прибавила серьезно Маріанна Николаевна.

— Не подчеркивайте этого, я и такъ понимаю!—грустно проговорилъ Овѣринъ.

— Я только напоминаю вамъ. Вы вѣдь, какъ человѣкъ минуты, забывчивы...

Послѣ такихъ напоминаній Овѣринъ притихалъ.

Однажды онъ, послѣ какого-то спора, воскликнулъ:

— Знаете ли что, Маріанна Николаевна!... Вы не разсердитесь, если я вамъ скажу непріятную вещь?

— Говорите... Мнѣ такъ надоѣло слушать однѣ пріятныя вещи... Говорите... Мнѣ интересно знать, что обо мнѣ думаетъ талантливый писатель.

— Вы—сухой, разсудочный человѣкъ.

— А дальше что?

— И вы, навѣрное, никогда никого беззавѣтно не любили?

— А отца и мать?—засмѣялась молодая женщина.

— Я не о такой любви говорю... Не хитрите. Я говорю о любви къ мужчинѣ.

— Васъ очень это интересуетъ?

Digitized by Google

— Очень.

— Пожалуй, я вамъ скажу... И то, замѣтьте, дѣлаю вамъ уступку, разсчитывая, что облегчу вамъ изученіе моей персоны и что больше вы не будете касаться такихъ вопросовъ... Не будете?

— Не буду.

— Вы не ошиблись... Я не изъ очень любящихъ натуръ.

— Ну, вотъ... Я, значитъ, правъ!—торжествующе воскликнулъ Овѣринъ.

— Еще бы вамъ ошибаться! — съ тонкою ироніей замѣтила Сирена.

— И не любили потому, что не нашли своего героя.

— Быть-можетъ...

— А требованія у васъ отъ героя самыя строгія?

— Ну, еще бы... Ужъ если полюбить, то настоящаго героя... А то стоитъ ли?... А пока я еще не нашла такого героя... И знаете ли что?—ужъ пущусь съ вами въ откровенности... Иной разъ, когда я еще была моложе, подчасъ я готова была увлечься... Меня трогали высокія слова и горячія признанія.

— Ихъ было много?

— Бывали таки... Я слушала и въ то же время какой-то бѣсъ нашептывалъ насмѣшливыя мысли, и чары спадали. Признанья казались мнѣ приподнятыми, любовь—капризомъ самолюбиваго мужчины, и сами влюбленные теряли въ моихъ глазахъ прежнее обаянье... Я подмѣчала въ нихъ смѣшное. Въ ихъ словахъ мнѣ слышалось торжество будущаго деспота-мужа или оскорбительная страсть животнаго... И мое увлеченье пропадало... О, господа! вы не понимаете, какъ часто вы своими признаньями оскорбляете насъ и почему иногда доставляетъ удовольствіе забавляться надъ вами! — прибавила порывисто Маріанна Николаевна.

— Странная вы женщина! — протянулъ Овѣринъ.

— Не легкомысленная и хорошо знаю, что часто кроется подъ очень красивыми фразами мужчинъ... Отъ этого и странная? А женщина, которая нерѣдко ищетъ въ васъ, господа, руководителей и учителей и вмѣсто того находитъ самыхъ обыкновенныхъ ухаживателей, не странная?

— Вы, вѣрно, нападали на нехорошихъ людей?

— Я всякихъ видѣла—и хорошихъ, и дурныхъ, но одно скажу: рѣдко видала мужчинъ, которые безъ тайной оскорбительной мысли относятся къ красивой женщинѣ... Вѣрно человѣкъ—звѣрь въ большинствѣ изъ васъ...

— Въ васъ какой-то бѣсъ анализа сидитъ...

Digitized by Google

— И пусть сидитъ.

— И вы никогда не узнаете настоящаго полнаго счастья... Такія натуры глубоко несчастны...

— Я, кажется, не говорила вамъ, что я несчастна! — вызывающе и рѣзко кинула Маріанна Николаевна.

И, замѣтивъ, что Овѣринъ совсѣмъ смутился отъ этого рѣзкаго тона и виновато, съ выраженіемъ мольбы, смотрѣлъ на нее своими сѣрыми кроткими глазами, она, словно бы пробуя свои чары, дарила его улыбкой, какой-то загадочной и точно ласкающей, и Овѣринъ снова радостно свѣтлѣлъ, какъ прощенный школьникъ, и какія-то смутныя надежды на то, что Сирена можетъ его полюбить, незамѣтно закрадывались въ его голову...

И онъ уходилъ отъ нея, разсчитывая видѣть ее на другой же день...

Быть-можетъ, этотъ день принесетъ что-нибудь новое? Быть-можетъ, его любовь растопитъ холодное сердце загадочной женщины? Во всякомъ случаѣ, она къ нему расположена. И она этого не скрываетъ.

Прощаясь съ Маріанной Николаевной, Овѣринъ заранѣе просилъ позволенія заѣхать къ ней на слѣдующій день.

Обыкновенно Маріанна Николаевна разрѣшала, любезно прибавляя, что всегда рада поговорить съ нимъ и послушать его.

И Овѣринъ уходилъ почти счастливый, крѣпко пожимая ей руку.

Прежде, въ началѣ знакомства, онъ какъ-то при прощаньи крѣпко поцѣловалъ ея руку. Сирена быстро отдернула ее и строго замѣтила, что она этого не любитъ, и сконфуженный Овѣринъ больше никогда не осмѣливался и только украдкой позволялъ себѣ любоваться этой маленькой изящною рукой съ длинными тонкими пальцами и въ мечтахъ осыпать ее горячими поцѣлуями.

Въ послѣдніе дни Маріанна Николаевна отклоняла его посѣщенія подъ разными предлогами и разъ ему прямо высказала:

— Вы стали какой-то нервный и молчаливый. Я не люблю васъ видѣть въ «сантиментальной задумчивости». Это скучно, и къ вамъ совсѣмъ не идетъ.

XI.

Никакихъ объясненій между Вавочкой и Овѣринымъ не было. Повидимому, отношенія ихъ были самыя дружескія. Овѣринъ, ведя свою «политику», былъ внимателенъ къ Вавочкѣ еще болѣе, чѣмъ

Digitized by Google

прежде, и, словно бы благодарный за то, что и она, въ свою очередь, не начинаетъ никакихъ объясненій, не дѣлаетъ ни упрековъ, ни сценъ ревности и, будто бы ничего не подозрѣвая, продолжаетъ относиться съ прежнею, хотя и съ болѣе сдержанною, любовью,— усугубилъ свою внимательность.

Это поведеніе Вавочки, бывало, ставившей Овѣрину каждое лыко въ строку и готовой сдѣлать драматическую сцену съ истерикой и слезами изъ-за каждаго пустяка, рѣшительно ставила въ тупикъ Овѣрина и заставляла предполагать какія-нибудь каверзы съ ея стороны! Но никакихъ «каверзъ», повидимому, не было, и Овѣринъ корилъ себя за несправедливыя обвиненія, приписывая Вавочкѣ тонкую деликатность женщины, понявшей, что любимый человѣкъ разлюбилъ ее, и не желающей стоять у него на пути.

Въ самомъ дѣлѣ, Вавочка, страстная, впечатлительная, рѣшительная Вавочка стала неузнаваема.

Сдержанная, съ тѣмъ, нѣсколько грустнымъ видомъ женщины, которая съ молчаливымъ и гордымъ достоинствомъ переноситъ горе, не афишируя его,—она, казалось, примирилась съ положеніемъ оставленной любовницы и, ничего не требуя отъ Димы, довольствовалась исключительно его дружбой и уваженіемъ, готовая удовлетвориться и этимъ, только бы не лишиться его расположенія и быть около него въ качествѣ заботливой пѣстуньи.

Вавочка играла свою роль съ тою выдержкой отчаянія и страсти, на которую способны не молодыя уже женщины, переживающія осень любви и не останавливающіяся ни передъ чѣмъ, чтобъ удержать любимаго человѣка и вызвать въ немъ хотя бы любовь изъ сожалѣнія. Она не только не искала ласкъ Димы, какъ бывало раньше, но какъ будто избѣгала ихъ сама и вела себя съ деликатной осторожностью, словно бы не предъявляя никакихъ правъ на интимную близость. Она не показывалась передъ Димой въ капотѣ, никогда не звала его къ себѣ по вечерамъ, какъ бывало, поболтать и отодвигалась отъ него, если онъ садился къ ней близко, и интимныя ихъ отношенія ограничивались въ послѣднее время лишь почтительными поцѣлуями Димы холеной и пухлой Вавочкиной руки, сіяющей кольцами.

Но за то Вавочка удвоила свои заботы о комфортѣ и о тѣхъ мелочахъ домашняго обихода, о которыхъ не заботятся никогда сами мужчины. Она сама варила кофе по его вкусу, просила хозяйку пансіона заказывать блюда, какія любилъ Дима, убирала во время его отсутствія письменный столъ, приводила въ порядокъ его бумаги и переписывала его неразборчивыя рукописи, однимъ

Digitized by Google

словомъ ходила за нимъ, какъ самая добросовѣстная и любящая нянька.

И Овѣринъ умилялся.

«Какая, однако, деликатная натура эта Вавочка!»

И, чувствуя себя передъ ней виноватымъ, такъ сказать подавленный ея великодушіемъ, онъ съ восторженностью простофили, обойденнаго хитрою женщиной, нерѣдко умиленно восклицалъ, благоговѣйно цѣлуя Вавочкину руку:

— Вавочка, какая ты святая женщина! И какая я свинья передъ тобой!

Вавочка скромно отвѣчала, глядя на Диму съ материнскою нѣжностью:

— Что ты, Дима? Какая я святая? Я просто искренно преданная тебѣ женщина, и ты рѣшительно ни въ чемъ передо мною не виноватъ... Чувство, вѣдь, свободно,—чуть слышно прибавила она.

И голосъ ея какъ будто измѣнился за послѣднее время. Исчезли рѣзкія, капризныя нотки. Появилась мягкость, ласкающая и въ то же время покорная.

Она не просила больше Диму разсказывать планы будущихъ его произведеній, не совѣтовала ему садиться за работу.

Напротивъ, она рекомендовала ему теперь отдыхать и набираться новыхъ впечатлѣній, встрѣчаться съ людьми, развлекаться и не сидѣть въ своей норѣ.

— Тебѣ, какъ писателю, необходимо наблюдать людей... Ты, вѣдь, Дима большой талантъ... Это признаютъ даже твои литературные враги.

Вавочка никогда теперь не спрашивала до мельчайшихъ подробностей, какъ прежде, гдѣ Дима былъ, кого видѣлъ, о чемъ говорилъ. Она отлично знала, кто тянетъ его въ Ялту, куда онъ ѣздитъ почти каждый день, тотчасъ послѣ ранняго обѣда, и часто возвращается далеко заполночь, не подозрѣвая, что Вавочка, притаившись на своемъ балконѣ, взволнованная, полная мукъ, сторожитъ его возвращеніе и на другое утро за кофе, который они пили вмѣстѣ, пытливо вглядывается въ его лицо, стараясь по выраженію его узнать, какъ идутъ его дѣла съ Сиреной. Надѣется ли онъ на ея взаимность или нѣтъ?

И когда Овѣринъ разсказывалъ, что былъ у Маріанны Николаевны, она нерѣдко замѣчала:

— Славная эта женщина Маріанна Николаевна... Интересна женщина... И ты хорошо дѣлаешь, что навѣщаешь ее.

Овѣринъ смотрѣлъ на Вавочку во всѣ глаза.

Digitized by Google

Та ли это Вавочка?

Но Вавочка, словно бы не замѣчая нѣсколько глупаго, ошалѣлаго вида Димы, продолжала:

— Умница какая!... И со всѣми-то она умѣетъ говорить. Я просто отвожу душу, когда у нея бываю.

— И къ тебѣ она, кажется, расположена?

— Кажется... Мы съ нею сошлись. Она и къ тебѣ, Дима, очень расположена.

— Развѣ говорила?

— Не разъ говорила... Считаетъ тебя такимъ талантливымъ, умнымъ.

— И ты за это не возненавидѣла ее, Вавочка?—смѣясь, говорилъ Дима.

— Возненавидѣть? За что?

— А если я ею увлекусь, этой Сиреной?

«Ты ужъ влюбленъ въ нее, какъ безумный!»—хотѣлось ей бросить ему въ отвѣтъ, но она сдержалась и покорно проговорила:

— Ну такъ что-жъ? Развѣ этому можно помѣшать?... Если бы ты даже и увлекся ею, развѣ я не осталась бы твоимъ преданнымъ другомъ?

— О, Вавочка, конечно!

— Навсегда?

— Навсегда!

— Спасибо, милый!

И, скрывая въ сердцѣ мучительное чувство обиды оскорбленной, отвергнутой женщины, Вавочка благодарно пожимала руку Димы, а Дима такъ же благодарно цѣловалъ Вавочкину руку и восклицалъ:

— Ты совсѣмъ другая стала, Вавочка!...

— Перегорѣла, перестрадала... Поняла, что была неправа, ревнуя тебя.

— О, Вавочка, прости!... Я не стою твоей любви... Я... я...

И Овѣринъ затруднялся, какой выбрать подходящій эпитетъ, чтобы добросовѣстно опредѣлить величину своего свинства.

Этимъ онъ какъ будто расквитывался, чтобы начинать снова.

— Въ чемъ тебя прощать, Дима? Ты впечатлительный, увлекающійся человѣкъ... Сирена такая интересная... А, мы женщины, по крайней мѣрѣ, я принадлежу къ такимъ, умѣемъ любить самоотверженно и только радоваться счастью любимаго человѣка.

О, Вавочка!—снова восклицалъ Овѣринъ въ избыткѣ благихъ чувствъ и безконечно радостный, что событія идутъ сво-

Digitized by Google

имъ правильнымъ порядкомъ и что не предвидится, противъ ожиданія, никакихъ осложненій.

Вавочка такая самоотверженная, такая чудная женщина!

Увѣренный, что Вавочка въ самомъ дѣлѣ рада безкорыстно любоваться на его счастье и, пожалуй, готова даже помочь ему въ этомъ, Овѣринъ, хоть и считался психологомъ, въ одинъ прекрасный день возымѣлъ неодолимое желаніе выболтать Вавочкѣ все, что у него было на душѣ и подѣлиться съ Вавочкой своими горями.

И съ откровенною жестокостью добродушнаго легкомыслія онъ проговорилъ:

— Я совсѣмъ втюрился, Вавочка... Не сердись, великодушная женщина... Сирена меня съ ума свела...

Надо было много воли и самообладанія, чтобы не закричать отъ боли и не бросить въ глаза этому очаровательному эгоисту:

— Пощади! Не говори хотя объ этомъ!

Но Вавочка выдержала испытаніе.

Она только слегка поблѣднѣла и измѣнилась въ лицѣ, когда съ затаенной тревогой въ сердцѣ спросила:

— А она? Сирена?

О, Господи! Какою пыткою показалась ей та долгая секунда, пока онъ отвѣтилъ:

— Ноль вниманія!

— Неужели? — почти вырвался у нея крикъ, звучащій радостью.

— Даю честное слово!

— И даже не кокетничаетъ?

— То-то, кажется, нѣтъ.

— Но, все-таки... Припомни... разскажи, Дима, какъ другу! — съ захватывающимъ любопытствомъ допрашивала Сирена.

Овѣринъ добросовѣстно разсказалъ, какъ иной разъ въ немъ живетъ надежда, что Сирена обратитъ на него хоть малѣйшее вниманіе и какъ надежда эта смѣняется отчаяніемъ. Онъ просто не знаетъ покоя. Эта странная, загадочная женщина совсѣмъ околдовала его.

— Бѣдный, Дима!

И въ то же время мысленно благословляла Сирену и желала ей всевозможныхъ благъ.

— Ты какъ думаешь, Вавочка? Она можетъ увлечься? Мнѣ кажется, что она слишкомъ живетъ умомъ... Холодная натура.

— И мнѣ кажется, Дима!

О злодѣй! Онъ еще съ четверть часа говорилъ о своихъ чув-

Digitized by Google

ствахъ, точно его слушала не любящая Вавочка, а какой-то истуканъ.

И Вавочка поспѣшила оставить Диму и уйти въ свою комнату.

Тамъ она въ послѣднее время плакала и злилась, испытывая муки оскорбленнаго самолюбія и ревности.

Но за то ея планъ удался. Не даромъ она сошлась съ Сиреной и разсказываетъ ей, какъ Дима любитъ ее и какъ нѣженъ съ ней. Пусть Дима клянется Сиренѣ въ любви. Она не повѣритъ ей и, во всякомъ случаѣ, подозрительно отнесется къ человѣку, который въ одно и то же время любитъ двухъ.

Теперь не долго ждать. Еще недѣля, Сирена уѣдетъ, и Дима снова будетъ мой!

И злыя слезы Вавочки смѣнились слезами радости и торжества.

XII.

Среди тишины волшебной крымской ночи донесся протяжный и меланхолическій мужской голосъ, однообразно повторяющій нѣсколько нотъ.

То былъ призывъ правовѣрныхъ вспомнить Аллаха.

Алупкинская мечеть была на значительномъ разстояніи отъ дачи, въ которой жилъ Овѣринъ, и голосъ муэзина, выкрикивавшаго съ минарета, доносился слабыми и необыкновенно мягкими и пріятными звуками.

Черезъ пять минутъ голосъ смолкъ. Снова тишина.

Вблизи послышался сдержанный смѣхъ, и по дорогѣ, ведущей въ паркъ, изъ сосѣдней дачи вышли двѣ фигуры и скоро скрылись. Овѣринъ узналъ въ нихъ сѣдую высокую барыню, всегда одѣтую въ черномъ, одиноко и строго гулявшую въ паркѣ, а въ спутникѣ ея красиваго, молодого и наглаго Али, имѣвшаго шлюпку и катавшаго въ ней барынь. Этотъ Али еще начиналъ свою карьеру, но уже отлично умѣлъ посить на рукѣ дамскія мантильи и, подсажи-
барынь въ шлюпку, скалить ослѣпительно-бѣлые зубы, взгля-
въ упоръ своими большими, черными, волоокими глазами.

на поднялась высоко и залила все серебромъ. Овѣрину казалось онъ видитъ какую-то волшебную декорацію.

сидѣть одному на балконѣ въ такую ночь?

ъ взглянулъ на часы. Скоро десять часовъ. Вавочка, вѣрно, изъ Ялты. Еще не поздно навѣстить Сирену. Она ложится не двухъ часовъ.

Digitized by Google

И Овѣринъ бросился въ комнату и подавилъ пуговку электрическаго звонка.

Вошла «гренадеръ-Маша», какъ Овѣринъ называлъ высокую, здоровенную горничную съ рѣзкимъ, грубоватымъ голосомъ, аккуратную и неутомимую, всегда за какою-нибудь работой и всегда ссорящуюся съ кѣмъ-нибудь изъ прислуги.

Она быстро приходила на звонокъ второго номера. И она и вся прислуга пансіона необыкновенно почитали и любили тароватаго барина, дававшаго на чаи бѣшеныя деньги и болтавшаго со всѣми съ привѣтливостью и никогда не дѣлавшаго никому рѣзкихъ замѣчаній.

Это былъ рѣдкостный постоялецъ, и слава о немъ быстро распространилась по Алупкѣ между татарами.

И потому съ него брали и за первую землянику, и за первыя черешни, и за татарскія полотенца, которыя почему-то покупалъ Овѣринъ, гораздо дороже, чѣмъ съ другихъ.

— Скажите Леонтію, чтобы сбѣгалъ къ Абдурахману и велѣлъ немедленно привести «Красавчика». Да поскорѣй!

Черезъ десять минутъ «Красавчикъ» стоялъ у рѣшетки дачи.

Овѣринъ вынулъ изъ кармана штановъ пачку скомканныхъ бумажекъ, нашелъ рублевую и, сунувъ ее конюху, симпатичному молодому татарину Аби, державшему въ поводу лошадь, ловко и умѣло вскочилъ въ сѣдло, и «Красавчикъ», фыркая и поводя ушами, понесся быстрой иноходью, звонко постукивая копытами своихъ изящныхъ и тонкихъ, словно бы на ходу переплетающихся, ногъ по шоссе, сверкавшему бѣлизной подъ луннымъ свѣтомъ.

Не доѣзжая Оріанды, Овѣринъ встрѣтилъ коляску и еще издали узналъ кучера-татарина.

Онъ припустилъ «Красавчика» и промчался мимо, замѣтивъ въ коляскѣ Вавочку и Родзянскаго.

«Къ Сиренѣ поѣхалъ!»—досадливо подумалъ Александръ Петровичъ, начинавшій уже серьезно завидовать пріятелю, предполагая, что Овѣринъ имѣетъ шансы на успѣхъ у Сирены, тогда какъ самъ онъ уже давно благоразумно оставилъ всякую надежду и, сдѣлавшись добрымъ пріятелемъ Маріанны Николаевны, состоялъ при ней совершенно безкорыстно и безнадежно по особымъ порученіямъ. Онъ сопровождалъ ее на прогулкахъ, ѣздилъ вмѣстѣ верхомъ, исполнялъ ея коммиссіи, любилъ поболтать съ ней и поспорить, поддразнить ее Овѣринымъ, увѣряя, что она слегка имъ увлечена, и тонко, зло и остроумно подсмѣивался надъ нимъ, разсказывая о немъ Маріаннѣ Николаевны анекдоты, свидѣтельствую-

Digitized by Google

щіе о влюбчивости и легкомысліи пріятеля, и испытывая завистливое чувство, когда Маріанна Николаевна заступалась за Овѣрина.

Въ послѣднее время Родзянскій сталъ слегка пріударивать за Вавочкой, пріѣзжалъ къ ней въ Алупку, провожалъ ее изъ Ялты домой, и Вавочка кокетничала съ нимъ, имѣя въ виду черезъ него узнать о Сиренѣ и объ ея отношеніяхъ къ Димѣ.

Но Родзянскій не поддавался въ ловушку. Онъ говорилъ ей комплименты, толковалъ съ ней о Димѣ, подхваливая его въ унисонъ съ ней и подъ видомъ сочувствія, цѣловалъ ея руки, но товарища не выдавалъ, довольно ловко отвертывался отъ Вавочкиныхъ разспросовъ и, не довѣря ея внезапному превращенію, назвалъ Овѣрина простофилей, когда тотъ однажды изливался передъ нимъ въ восторгахъ на счетъ того, какою самоотверженною женщиной оказалась Вавочка.

— Видно Дмитрій Сергѣичъ кататься поѣхалъ.—Насъ-то и не узналъ, должно быть!—промолвила Вавочка, отлично зная куда поѣхалъ Дима и испытывая мучительную тревогу.

Хотя всѣ доказательства были на лицо, что Маріанна Николаевна нисколько не увлечена Димой, и хотя Вавочка только что, будто въ порывѣ неудержимаго счастья, повѣдала Маріаннѣ Николаевнѣ про миѳическую прогулку съ Димой прошлою ночью при лунѣ на лодкѣ,—тѣмъ не менѣе, кто знаетъ?...

Эта волшебная лунная ночь имѣетъ въ себѣ что-то захватывающее и манящее. Она по себѣ это знаетъ, знаетъ, какъ дѣлается томительно-жутко на душѣ, какъ хочется любить и слушать торжествующую пѣснь любви! Въ этакія ночи даже и благоразумныя и холодныя женщины, какъ Сирена, могутъ потерять голову и отдаться обаянію горячихъ признаній...

А Дима такъ обворожителенъ, когда говоритъ о любви.

Нѣчто подобное пронеслось и въ головѣ Родзянскаго.

— Какая ночь!—протянула Вавочка, подавивъ вздохъ, жадно вдыхая ароматъ глицинiй и акацій, въ саду, мимо котораго быстро катилась коляска.

И въ воображеніи ея съ мучительной ясностью представилась сцена изъ «Фауста», перенесенная изъ Маріинскаго театра на террассу, полную цвѣтовъ, дачи Сирены.

— Да, ночь!—отрывисто и будто недовольно, что дѣйствительно такая раздражающая ночь, повторилъ и Родзянскій.

И, тоже подавивъ вздохъ, взглянулъ искоса на хорошенькій и задумчиво-грустный профиль Вавочки, скользнулъ взглядомъ по ея

Digitized by Google

пышному бюсту и втайнѣ подосадовалъ въ эту минуту, что Вавочка такая «дура».

Еще бы не дура! Влюблена, какъ кошка, въ этого безпутнаго Овѣрина, который скачетъ теперь къ Сиренѣ!

Дѣйствительно, послѣднія версты до Ялты Овѣринъ скакалъ, испытывая лихорадочное нетерпѣніе быть скорѣе у Сирены и сказать ей... Что сказать?... Развѣ онъ это зналъ? Онъ только чувствовалъ, что онъ долженъ что-то сказать, долженъ припасть къ ея ногамъ и объяснить, что безъ нея онъ жить не можетъ. Рѣшительно не можетъ. Это такъ же вѣрно, какъ то, что онъ — Овѣринъ.

Она не каменная же въ самомъ дѣлѣ? Она пойметъ, что любовь его не мимолетное увлеченіе, не шутка, а что-то роковое, неодолимое... И, быть можетъ, она не отнесется къ нему съ насмѣшкой... Быть можетъ...

А эта ночь со своимъ нѣжнымъ дыханьемъ словно нашептывала ему о какомъ-то недосягаемомъ счастьи взаимнаго чувства.

И онъ не сдерживалъ «Красавчика» и несся маршъ-маршемъ, воображая, что каждое утерянное мгновеніе—утерянное счастье.

Онъ пронесся мимо Ливадіи и, наконецъ, передъ нимъ забѣлѣли дома Ялты, освященные огоньками. Гулко раздался стукъ копытъ «Красавчика» по мосту. Лошадь понеслась въ гору, и Овѣринъ почти со всего разбѣга остановилъ взмыленнаго коня у воротъ небольшой освѣщенной дачи, потонувшей въ зелени платановъ, лавровъ, глициній и акацій.

Онъ отдалъ выскочившему дворнику лошадь и торопливыми шагами пошелъ по благоухающему саду, звякая по гравію подошвами.

— Маріанна Николаевна дома?—нервно, вздрагивающимъ голосомъ спрашивалъ онъ молодую горничную Ѳеничку, отворившую ему двери подъѣзда,—и, по обыкновенію, суя ей въ руку трехрублевую бумажку.

— Благодарствуйте... Дома... Пожалуйте! — весело съ фамильярной привѣтливостью говорила Ѳеничка, зажимая въ рукѣ деньги.—Да вы идите лучше черезъ садъ, Дмитрій Сергѣичъ. Барыня на террассѣ.

— Есть кто?

— Никого, Дмитрій Сергѣичъ, никого!—ласково и значительно вымолвила она, видимо сочувствуя Овѣрину и понимая его чувства.—Варвара Алексѣевна и господинъ Родзянскій пили у насъ чай и недавно уѣхали.

Digitized by Google

Овѣринъ направился по саду, мимо цвѣтника.

Ѳеничка участливо проводлива его взглядомъ, словно бы желая ему успѣха.

XIII.

Вся въ бѣломъ, точно русалка, какъ ихъ рисуютъ на картинахъ, Маріанна Николаевна сидѣла на залитой луннымъ свѣтомъ терассѣ, уставленной тропическими растеніями, и грустная и задумчивая, глядѣла на море, полная той безотчетной тоски, которая часто нападаетъ на людей, неудовлетворенныхъ жизнью и чувствующихъ душевный разладъ.

Она задумалась о прошломъ, о своей жизни, о томъ, на что она надѣялась, какъ мечтала жить, и какъ далеки теперь эти мечты отъ дѣйствительности.

И ей было жутко. Ей хотѣлось съ кѣмъ-нибудь посовѣтоваться, спросить у добраго, хорошаго человѣка какъ жить, чтобъ не было подчасъ стыдно, чтобы не было этого душевнаго разлада, и она могла бы чѣмъ-нибудь удовлетвориться, имѣть цѣль въ жизни, работу, которая имѣла бы смыслъ. Эти благотворительные подачки, которые она щедро раздаетъ, это участіе въ нѣсколькихъ комитетахъ въ городѣ, гдѣ она живетъ съ мужемъ, давно разочаровали ее. Дѣтей у нея нѣтъ. Одна семейная жизнь, при полномъ семейномъ мирѣ и уваженіи къ мужу, не наполняетъ ея жизни, и она невольно ищетъ развлеченій.

Она обращалась прежде за совѣтами ко многимъ мужчинамъ, но... всѣ эти совѣты оканчивались любовными признаніями. И какъ они оскорбляли ее въ ту пору... И какъ они надоѣли ей потомъ... И какъ они ей противны теперь!... Каждый мужчина смотритъ на ея красоту, какъ на общественное достояніе, и словно считаетъ обязанностью попробовать овладѣть ею, хотя всѣ и знаютъ, что она замужняя женщина... Но, вѣдь, никто не вѣритъ, чтобы красивая замужняя женщина могла быть честна и не захотѣла бы промѣнять свое положеніе на болѣе блестящее.

Вотъ и сегодня утромъ...

И презрительная, почти гадливая усмѣшка, приподнимаетъ уголки ея тонкихъ губъ и щуритъ глаза при воспоминаніи о предложеніи Завистовскаго развестись съ мужемъ, выдти за него замужъ и быть одной изъ блестящихъ дамъ Петербурга и, кто знаетъ, быть можетъ, женой министра.

Она, скрывая чувство отвращенія, дала ему договорить все до конца въ восторженно-канцелярскомъ тонѣ и о томъ, какъ онъ

Digitized by Google

будетъ лелѣять ее, и что она будетъ представлена ко Двору и что у нея можетъ быть салонъ, въ которомъ она будетъ играть роль.

И какъ же онъ удивился, какъ онъ непритворно и искренно удивился, когда въ отвѣтъ на его слова, она расхохоталась и сказала, что за всѣ сокровища міра и за королевскую корону въ придачу она не рѣшилась бы сдѣлаться супругой такого высохшаго и противнаго превосходительства и удивляется, какъ въ его голову могла придти такая невозможная мысль... Развѣ подавала она ему поводъ дѣлать такія оскорбительныя предложенія?... Развѣ...

— Идите вонъ и никогда ко мнѣ не показывайтесь!—крикнула она ему, не сдерживая болѣе своего негодованія.

«А вѣдь не глупый человѣкъ!—мысленно проговорила Маріанна Николаевна, припоминая подробности утренняго визита. — И воображаю, что будетъ обо мнѣ теперь распускать!»

Шаги, раздавшіеся вблизи, вывели молодую женщину изъ задумчивости.

— А это вы, Дмитрій Сергѣевичъ!—мягко и задушевно проговорила Маріанна Николаевна, искренно обрадовавшись неожиданному гостю, съ которымъ можно поговорить.

Она была въ такомъ настроеніи, когда даже скрытному человѣку хочется подѣлиться своими сомнѣніями съ порядочнымъ человѣкомъ. А Овѣринъ былъ какъ разъ подходящимъ.

— Отчего такъ поздно?... Вы вѣрно пріѣхали за Варварой Алексѣевной?... Она съ полчаса, какъ уѣхала отъ меня... Александръ Петровичъ ее провожаетъ... Ну присаживайтесь подлѣ!—говорила она, по-пріятельски пожимая ему руку.—Очень рада васъ видѣть... Надѣюсь, что вы не мрачный сегодня, не будете молчаливо рѣшать судьбы міра и трагически взглядывать на меня...

Но, вмѣсто того, чтобы сѣсть, Овѣринъ, порывисто пожавъ руку Маріаннѣ Николаевнѣ, быстрыми шагами заходилъ по террассѣ и ничего не говорилъ.

— Да что съ вами сегодня? Вы какой-то взволнованный... Ужъ не случилось ли чего - нибудь?—участливо спрашивала Маріанна Николаевна.

Овѣринъ быстро подошелъ къ ней и, не поднимая на нее глазъ, порывисто проговорилъ:

— Что случилось?... А то, что давно уже случилось, но что я не смѣлъ говорить вамъ, но что вы отлично должны были понимать...

— Что такое? Выражайтесь яснѣе, Дмитрій Сергѣевичъ.

— А то, что я люблю васъ... То, что я не могу жить безъ

Digitized by Google

васъ... То, что я все это время не сплю ночей изъ-за васъ... Вотъ что!—воскликнулъ Овѣринъ.

Изъ груди Маріанны Николаевны вырвался грустный, почти скорбный упрекъ:

— И вы, Дмитрій Сергѣевичъ?...

Но онъ не понялъ его и страстнымъ взволнованнымъ голосомъ воскликнулъ:

— И я, и я, какъ много другихъ... Я не виноватъ... Простите, что нарушаю условіе, но, Господи!... Еслибъ вы знали, какъ я васъ люблю...Такъ я никого никогда не любилъ и не буду любить.

И, не замѣчая грустнаго разочарованія на лицѣ Сирены, Овѣринъ продолжалъ горячую импровизацію о любви, восторженный дифирамбъ своей богинѣ и закончилъ словами:

— Я ничего не прошу... ничего не желаю... Позвольте только видѣть васъ, быть тамъ, гдѣ вы... И, быть можетъ, вы тронетесь... Вы поймете, что вся жизнь моя въ вашихъ рукахъ...

— Дмитрій Сергѣевичъ... Какъ вамъ не стыдно, — пробовала она остановить его.—Всего три недѣли, какъ мы знакомы, и вы...

— Развѣ нужны годы, чтобы полюбить...

— О, Дмитрій Сергѣевичъ... И вы, какъ всѣ... Вы даже не понимаете, что оскорбляете меня, говоря о вашей любви? Уѣзжайте скорѣй... Мнѣ стыдно за васъ.

— Я васъ... оскорбить?... Васъ, на которую молюсь и изъ-за которой готовъ жизнь отдать... Испытайте, если хотите.

— Послушайте... Стыдитесь!... Вы, писатель, учитель, который проповѣдуетъ въ своихъ произведеніяхъ о долгѣ, о силѣ характера, о служеніи ближнему, и самъ говоритъ, что готовъ пожертвовать жизнью изъ за того, что на него нашла блажь... Я думала о васъ лучше, Дмитрій Сергѣевичъ... А теперь вижу, что вы самый обыкновенный ухаживатель, обѣщающій каждой смазливой женщинѣ отдать за нее жизнь... Какъ она у васъ дешева!—прибавила она, и засмѣялась злымъ смѣхомъ.

Овѣринъ опѣшилъ. Онъ не ждалъ ничего подобнаго.

— И какое вы имѣете право лѣзть съ вашей любовью?... Или вы мое доброе расположеніе приняли за вызовъ и имѣете дерзость называть свою блажь любовью, расточая въ то же время клятвы въ любви другой женщинѣ.

— Это ложь!—энергично протестовалъ Овѣринъ. — Варвара Алексѣевна знаетъ, что я васъ люблю, и знаетъ, что я ей чужой.

— Съ чѣмъ ее и васъ поздравляю... Прощайте, Дмитрій Сергѣевичъ... И потрудитесь объяснить Варварѣ Алексѣевнѣ, что съ

Digitized by Google

вами я вовсе не была Сиреной. Она такъ боялась этого... Не завлекала я васъ и не думала отнимать отъ нея такое сокровище. А еслибъ хотѣла, то вы давно бы ползали у моихъ ногъ! — презрительно прибавила она и, поднявшись съ кресла, ушла съ террасы.

Овѣринъ, какъ ошпаренный, уѣхалъ съ дачи.

Несмотря на несомнѣнное вѣроломство Вавочки, Овѣринъ, вернувшись въ Алупку и замѣтивъ въ комнатѣ Вавочки огонекъ, зашелъ къ ней, чтобы повѣдать ей свое горе и... и совершенно неожиданно въ ея нѣжномъ горячемъ сочувствіи обрѣлъ нѣкоторое утѣшеніе, благодарно обнимая хорошенькую Вавочку.

На другой день онъ началъ писать Сиренѣ оправдательное письмо, благоразумно на этотъ разъ утаивъ его отъ Вавочки.

Письмо, однако, отослано не было.

Пріѣхавшій въ Алупку дня черезъ два Родзянскій сообщилъ, что къ Сиренѣ пріѣхалъ мужъ—и вообразите, молодой, красивый и очень симпатичный—и они сегодня уѣхали за границу.

Вскорѣ и Вавочка съ Димой покинули Крымъ.

К. Станюковичъ.

Digitized by Google

ПАСТЕЛИ *).

Яна Лады.

Переводъ съ польскаго.

III.

Въ Тиролѣ.

— Да, да, увѣряю васъ, дорогой донъ-Джованни, что эпоха великихъ талантовъ прошла, миновала, кончилась. Вы можете говорить противъ этого что угодно, приводить какіе угодно аргументы, можете убѣдить весь міръ и перетянуть его на свою сторону,— я, Геркулесъ-Помпилій Гриппи, всегда буду стоять на своемъ: эпоха великихъ талантовъ прошла, миновала, кончилась и больше уже не вернется.

— Но, добрый сиръ Эрколе...

— Дорогой донъ-Джованни, я люблю васъ, почитаю, обожаю,— да, да, обожаю,—готовъ въ вашу честь курить ѳиміамы на алтаряхъ, готовъ отдать за васъ сердце, жизнь, пожертвовать спасеніемъ души и даже состояніемъ, не требуйте отъ меня только одного, чтобъ я измѣнилъ свои убѣжденія. Нѣтъ, клянусь Юпитеромъ, не требуйте отъ меня только этого.

— Но что же вамъ говоритъ, что у меня есть такое намѣреніе?

— Вы, вашъ взглядъ, ваши движенія, то, о чемъ вы думаете, что хотите сказать,— все.

— Развѣ только это, потому что я ни однимъ словомъ не выказалъ своего несогласія съ вами.

— Но вы не соглашаетесь со мной въ душѣ.

— Мнѣ и въ голову не приходило.

— Такъ вы, дѣйствительно, придерживаетесь моего мнѣнія, дорогой, уважаемый донъ-Джованни?

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

Digitized by Google

— Дѣйствительно, придерживаюсь, только вы не горячитесь, дорогой маэстро, не вступайте, какъ донъ-Кихотъ, въ борьбу съ вѣтряными мельницами и возвращайтесь къ дѣлу.

Сиръ Эрколе глубоко вздохнулъ и поднялъ взоръ и руки къ небу.

— *E'duro!* — воскликнулъ онъ,— тяжело, очень тяжело жить и служить искусству въ наше время. Неурожай, настоящій неурожай и на таланты, и на цѣнителей. Публика — какъ ледяная. Въ театрѣ Констанци этою зимой апплодировали Тома... изъ вѣжливости. Вы думаете, они поняли его? *Che!* Ихъ привлекаютъ только декораціи и буффонады à la Оффенбахъ. Нѣтъ уже публики, но также нѣтъ и пѣвцовъ.

Сиръ Эрколе, снова глубоко вздохнувъ, открылъ табакерку и, грустно кивая головой, понюхалъ табаку.

— Вы черезчуръ мрачно смотрите на вещи, дорогой маэстро.

— Я, мрачно? *Per bacco!* Вы первый говорите мнѣ это, вы первый можете сказать это и не бояться, чтобы солнце свалилось на землю. А помните вы времена, когда *Muta di Portici,* когда *Un ballo in maschera* по три мѣсяца не сходили съ афиши, да еще на такихъ сценахъ, какъ *La Scala, San Carlo,* какъ *Fenice?* И не потому, что во время самыхъ прекрасныхъ арій разносили апельсины и лимонадъ,— о, нѣтъ! Каждый разъ театръ дрожалъ отъ криковъ, композитора чуть не рвали на куски отъ восторга, когда замѣчали его въ ложѣ, выпрягали лошадей изъ его кареты и изъ каретъ пѣвцовъ. Кто теперь увидитъ это? Помните ли вы тѣ времена,— гдѣ они? — когда изъ-за оперы, изъ-за примадонны составлялись партіи, велись цѣлыя войны! Да, настоящія войны! Города раздѣлялись на два враждебныхъ лагеря, а сколько ударовъ кинжаломъ раздавалось направо и налѣво! О, дорогія воспоминанія! Теперь... *Che!* и удара кулакомъ не добьешься! А кто объединилъ нашу страну? Гарибальди, что ли? *Che diavolo!* Кто же какъ не Верди и его оперы! А теперь... теперь объ этомъ никто не знаетъ и не помнитъ... Положимъ, и теперь было бы не дурно, только нужны силы, артистическія силы, а ихъ-то и нѣтъ.

Разговоръ этотъ происходилъ между мною и моимъ другомъ, сиромъ Эрколе Помпиліо Гриппи, у прибрежья Ахензее, въ одномъ изъ самыхъ красивыхъ уголковъ сѣвернаго Тироля. Мы сидѣли на верандѣ, выходящей на озеро, волны котораго съ тихимъ шумомъ плескались о деревянные столбы, вбитые въ песчаное дно. Заходящее солнце розовымъ отблескомъ заливало лиловыя и голубыя скалы, возвышающіяся надъ лѣсистою цѣпью горъ. По темной по

Digitized by Google

верхности озера скользили, дрожа и разсыпаясь серебристымъ дождемъ, блѣдные лучи свѣта. Отъ времени до времени издалека доносились мѣрные удары веселъ, а по волнамъ плыла звучная, веселая нота тирольскаго іодлера. Сиръ Эрколе прислушивался къ нему съ гнѣвно нахмуреннымъ челомъ.

— *Barbari!* — наконецъ произнесъ онъ сквозь стиснутые зубы.

— Варвары? Почему? — спросилъ я. — Я не спорю съ вами, дорогой маэстро, но мнѣ кажется, что на той лодкѣ поютъ хорошо.

— Хорошо, хорошо, — вотъ судъ профана! Что изъ того, что эта мелодія, переложенная на два или на четыре голоса, да еще издалека, кажется недурною. Но на сценѣ, въ оперѣ, въ аріи *La prima forza* попробуй приказать имъ пѣть! Какіе это голоса! Имъ пѣть въ воскресенье въ приходской церкви, а вечеромъ въ тавернѣ; а для сцены... что сдѣлаешь изъ этихъ голосовъ?

— Для сцены — дѣло совсѣмъ другое; но вы всегда возвращаетесь къ этому, дорогой сиръ Эрколе; недаромъ васъ называютъ Тирольскимъ птицеловомъ.

— Что, вы знаете объ этомъ? Дѣйствительно знаете, слышали?

Лицо сира Эрколе прояснилось, какъ солнце, онъ наклонился, заглянулъ мнѣ въ глаза и смѣясь ждалъ отвѣта.

— Конечно, знаю. Кто не слыхалъ объ васъ, дорогой маэстро, и не знаетъ, сколько силковъ вы разставили на прекрасные, неизвѣстные міру голоса альпійскихъ горцевъ, сколько талантовъ воспитали вы и подарили ихъ искусству, о, наилучшій изъ импрессаріевъ!

Сиръ Эрколе начиналъ сіять все больше и больше.

— Наилучшій... черезчуръ много чести! Иные, правда, называли меня царемъ импрессаріевъ, но *che,* я предоставляю этотъ титулъ тѣмъ, которые выпустили въ свѣтъ Патти, Люкку, Нильсонъ. Правда, кое-что и мнѣ удавалось сдѣлать.

Сиръ Эрколе опускаетъ глаза съ притворною скромностью. Въ эту минуту онъ безподобенъ, хоть картину съ него рисуй.

Я познакомился съ нимъ во время моихъ скитаній по Италіи, очевидно въ театрѣ. Было это, гдѣ-то въ провинціи, кажется, въ Ломбардіи, но уже не помню гдѣ, въ Веронѣ или въ Тревизѣ. Какая-то молодая дебютантка выступала въ роли Розины въ *Цирюльникѣ*. Противъ нея была цѣлая организованная партія, какъ это часто бываетъ въ Италіи, очевидно сторонниками ея соперницы. Кляка плохо дѣйствовала, и чашка вѣсовъ, видимо, склонялась

Digitized by Google

въ сторону противную Розинѣ, которая, однако, пѣла хорошо, играла толково, съ артистическимъ чутьемъ.

Я далъ себѣ слово обезпечить Розинѣ успѣхъ. Я охрипъ, порвалъ свои перчатки, но въ послѣднемъ актѣ весь театръ кричалъ *bis* и *evviva*, и успѣхъ моей протеже былъ полный. Выхожу я изъ театра, насвистываю классическое *Buona sera,* какъ вдругъ, признаюсь, не безъ страха, чувствую, что меня кто-то обхватилъ и начинаетъ душить. «Ой, скверно,—подумалъ я,—надѣлалъ я себѣ хлопотъ, вмѣшался сдуру въ итальянскія театральныя распри... Непріятное приключеніе». Я схватываю обѣими руками палку и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стараюсь въ темнотѣ разсмотрѣть злодѣя. Но что же происходитъ дальше? Злодѣй падаетъ предо мной на колѣни и кричитъ во все горло, въ присутствіи толпы, расходящейся изъ театра: «Спаситель, ангелъ! Божество! Вся моя жизнь принадлежитъ тебѣ! Требуй отъ меня чего хочешь, но прежде дозволь мнѣ облобызать твою руку!»

Таково было мое первое знакомство съ сиромъ Эрколе, который былъ покровителемъ, руководителемъ и импрессаріемъ Розины.

Онъ—импрессаріо не по необходимости, хотя, какъ каждый итальянецъ, весьма чувствителенъ ко всякой матеріальной выгодѣ. Сиръ Эрколе—любитель. У него есть состояніе, онъ живетъ въ Неаполѣ, на улицѣ *Santa Chiara,* дорогой итальянскому сердцу, потому что на ней вѣчный шумъ, толкотня, смрадъ отъ рыбы и испорченнаго масла, пѣніе и крикъ лаццарони. У него гостиная обитая красною матеріей, съ желтыми занавѣсками и зеленой бархатною мебелью, другая гостиная зеленая, съ голубою мебелью, *un appartamento spendido,* по единодушному мнѣнію всего неаполитанскаго литературно-артистическаго міра, собирающагося у маэстро каждый вечеръ и считающаго сира Эрколе образцомъ и законодателемъ хорошаго вкуса. Комната эта представляетъ для маэстро необычайную цѣнность, потому что изъ ея оконъ кромѣ стѣнъ и уличной толпы не видно ни кусочка моря, которое сиръ Эрколе цѣнитъ только какъ резервуаръ для рыбы, но на которое, какъ всякій истинный итальянецъ, смотрѣть не любитъ. Наконецъ, въ Неаполѣ онъ проводитъ только зиму, да и то часто предпринимаетъ артистическія экскурсіи. Осенью его, какъ всѣхъ итальянцевъ, занимаетъ *ucellata*. Въ теченіе шести недѣль, запершись въ тѣсную, круглую башенку, онъ убиваетъ безчисленное количество воробьевъ и жаворонковъ, залетѣвшихъ на негостепріимную почву его отечества, а лѣтомъ ѣдетъ «ставить силки на таланты». Въ этомъ дѣлѣ съ нимъ никто не можетъ сравниться. Онъ обшарилъ

Digitized by Google

всѣ Альпы, знаетъ, гдѣ найти хорошій голосъ, цѣлыми годами ждетъ, пока онъ выработается, подстерегаетъ его какъ охотникъ дичину,—выпроситъ, выкупитъ, насильно похититъ ребенка изъ семейства, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ воспитываетъ, учитъ, сдуваетъ каждую пылинку, шлифуетъ и обглаживаетъ до тѣхъ поръ, пока *star* мужского или женскаго рода будетъ окончательно готова. Притомъ, онъ превышаетъ своихъ коллегъ тактикой и обращеніемъ съ воспитанниками. Онъ бдитъ надъ ними, какъ самая заботливая мать, оберегаетъ ихъ отъ всѣхъ уклоненій, какъ самая суровая дуэнья, потомъ, какъ импрессаріо, эксплуатируетъ ихъ не спѣша, мягко и, сдирая съ нихъ шкуру, надѣваетъ при этой операціи перчатки. Наконецъ, онъ привязывается къ нимъ и къ ихъ артистической дѣятельности, какъ будто они его родныя дѣти. Говоря о знаменитыхъ тенорахъ и контральто, вышедшихъ изъ его рукъ, онъ всегда заливается слезами.

Однако, ошибся бы тотъ, кто подумалъ бы, что побужденіемъ къ такой тактикѣ сиръ-Эрколе является совѣсть въ христіанскомъ смыслѣ этого слова. Правда, онъ счелъ бы величайшею обидой, еслибъ кто-нибудь позволилъ усомниться въ томъ, что онъ, сиръ-Эрколе Помпиліо Гриппи, дѣйствительно *un catolico dà vero* и весьма негодуетъ на нѣмцевъ, которыхъ презираетъ, какъ презирали ихъ предковъ древніе римляне (неблагодарный! сколько артистовъ доставили они ему!) и бросаетъ имъ въ лицо громовое оскорбленіе: *sono eretici!* Правда, онъ ходитъ на богомолье на Monte Vergine и за каждаго завербованнаго ученика обѣщаетъ трехфунтовую восковую свѣчку Паузилиппской Мадоннѣ, — все это не мѣшаетъ ему быть совершеннымъ язычникомъ, какими являются оба его имена. Честность его слагается изъ правильнаго понятія о собственной пользѣ, съ примѣсью нѣкоторой доли врожденнаго добродушія, обусловливается боязнью полиціи, уголовнаго кодекса и всего, что могло бы довести его до конфликта съ закономъ и его представителями, а за нравственностью своихъ воспитанниковъ сиръ Эрколе такъ тщательно наблюдаетъ потому, что считаетъ ее необходимымъ условіемъ для развитія и сохраненія свѣжаго и звучнаго голоса.

Говоря вообще, этотъ человѣкъ не хуже другихъ, а какъ типъ, онъ очень интересенъ, поэтому я охотно провожу въ его обществѣ нѣсколько часовъ, когда встрѣчаюсь съ нимъ во время своихъ лѣтнихъ скитаній по Альпамъ, хотя впечатлительность маэстро и вѣчное предположеніе, что ему противорѣчатъ, придаетъ каждому нашему свиданію немного бурный характеръ.

Digitized by Google

Желая успокоить почтеннаго сира Эрколе и дать его мыслямъ болѣе веселое направленіе, я заговорилъ съ нимъ о нѣкоторыхъ его протеже.

— Охъ!—меланхолически воскликнулъ онъ, поднимая глаза кверху,—ни одинъ изъ нихъ не сравнился съ Тамбурлини! Что это былъ за голосъ, что за дикція, какое *brio*! Никто не могъ взять *la* такъ, какъ онъ. И что же вы скажете, *veneratissimo* донъ-Джованни? Я нашелъ его вотъ какимъ маленькимъ,—тутъ сиръ Эрколе отмѣриваетъ два фута отъ полу,—на высокомъ, высокомъ пастбищѣ.

— Вѣроятно, на одной изъ альпійскихъ альмъ?

— *Siccuro*. Я уже двѣ недѣли былъ въ горахъ, утомился, измучился страшно,—ничего. Прежде всего, эти *tedeschi*—дикіе люди. Человѣкъ цивилизованный отличается отъ первобытнаго тѣмъ, что бережетъ свои ноги. А у нихъ все пѣшкомъ, все пѣшкомъ, ни мула, ни осла, карабкайся въ гору, какъ сумѣешь. *Basta*. Прошелъ я весь Циллерталь (сиръ Эрколе выговариваетъ *Силлертале*) и Пустерталь,—ничего. Въ Пинцгау пара пискливыхъ женскихъ голосковъ. Возлѣ Целля какой-то мальчикъ,—голосъ чудесный,—но что подѣлаешь,—сынъ бургомистра. Отецъ расхохотался мнѣ прямо въ глаза, а украсть мальчика, увы! было трудно. Вы знаете, какъ чутки эти проклятые нѣмцы, да къ тому же и отвѣтственность...

— Еслибъ не то, вы попытались бы похитить и увезти его въ Неаполь, достойный сиръ Эрколе, не правда ли?

— Для его пользы, для его пользы, *per chè no?* Но нельзя было. Понимаете? нельзя. Я люблю искусство, очень люблю, но и шкуру свою также. И вотъ, черезъ двѣ недѣли, я говорю себѣ: кампанія потеряна. Нужно возвращаться. Ужъ и холода начали донимать. Понимаете,—нѣсколько десятковъ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря!

— Но, дорогой маэстро, не продолжили ли вы своей прогулки до Гималайя?

— Нѣтъ, этого отрога Альпъ я не знаю, а нужно будетъ когда-нибудь отправиться туда. Такъ вотъ, я рѣшилъ возвращаться, и, какъ всегда, пѣшкомъ. Мнѣ казалось, что дорогу я знаю, поэтому я и не взялъ проводника. Понимаете, все платить и платить, безъ конца! Иду я, а дорога, вмѣсто того, чтобы спускаться внизъ, поднимается все въ гору и въ гору. Наконецъ, только тропинка вьется надъ пропастью между скалами. Вообразите себѣ *caro mio*, мое положеніе въ этой пустынѣ! Возвращаться назад

Digitized by Google

поздно,—я не дошелъ бы до ночи; кромѣ того, сходя внизъ, я непремѣнно почувствовалъ бы головокруженіе, а тогда *addio*—прямо въ пропасть, головою внизъ, а внизу очутишься или совсѣмъ безъ головы, или съ разбитымъ черепомъ, что совершенно одинаково. Притомъ, отовсюду слышится какое-то рычаніе и вой. Правда, я храбръ, какъ левъ, но встрѣтиться съ медвѣдемъ или съ тигромъ,—согласитесь,— не особенно пріятно даже самому храброму человѣку.

— Но откуда же въ Альпахъ тигры и медвѣди, дорогой сиръ Эрколе? Кто ихъ видалъ здѣсь?

— А вы думаете, ихъ показываютъ путешественникамъ? Нѣмцы, очевидно, не столь глупы. Конечно, начитайтесь ихъ *Бедекеровъ* и вы повѣрите, что въ ихъ горахъ нѣтъ никакого дикаго звѣря, что даже у всѣхъ овчарокъ подпилены зубы, а у коровъ обрѣзаны рога, чтобъ они не бодались. Вѣрьте, вѣрьте этому! Меня спросите, меня, который исходилъ всѣ Альпы вдоль и поперекъ, подвергался тысячи опасностей, спросите меня!

— А вы встрѣчались въ Альпахъ съ какимъ-нибудь дикимъ звѣремъ, дорогой маэстро?

Сиръ Эрколе посмотрѣлъ на меня съ торжествующей улыбкой, покровительственно потрепалъ меня по плечу, потомъ приложилъ палецъ къ губамъ и таинственно прошепталъ:

— Это ужъ мое дѣло, донъ-Джованни, да, да, мое дѣло. Поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ... Такъ вотъ я все лѣзу и лѣзу въ гору. Потъ катится съ меня ручьями, сердце замираетъ отъ страха, потому что подо мною—бездонная пропасть, надо мною скала, достигающая самаго неба,—одинъ невѣрный шагъ—и мнѣ грозитъ неминучая, страшная смерть. Я молюсь Мадоннѣ, обѣщаю ей огромную восковую свѣчу, если она сохранитъ меня, но силы уже оставляютъ меня, я ослабѣваю, падаю и умираю.

— Кто же васъ воскресилъ, дорогой маэстро?

— Кто? Ангелъ. Когда я лежу такимъ образомъ, а душа покидаетъ меня, я вдругъ слышу вдали, надо мною, пѣніе. Что это, херувимы слетѣлись ко мнѣ? Пѣніе такое чудное, чистое серебро, то приближается, то отдаляется, то стихаетъ. Я думаю: еще пропадетъ мой херувимъ,—ищи его потомъ,—а въ немъ сидитъ теноръ *di primo cartello!* Я вскакиваю.

— Вы воскресли?

— Воскресъ. (Въ пылу своего повѣствованія сиръ Эрколе не замѣчаетъ ироніи моего вопроса.) Вскакиваю, карабкаюсь, какъ дикая коза, по каменьямъ, по глетчерамъ. А проклятый голосъ все

Digitized by Google

удаляется и удаляется отъ меня, какъ блуждающій огонекъ, которымъ діаволъ заманиваетъ путниковъ въ трясину.

— А можетъ быть то была какая-нибудь горная русалка?

— Что такое значитъ русалка?

— Славяне такъ называютъ злыхъ духовъ, которые также любятъ наносить вредъ людямъ и сбивать съ дороги путниковъ.

Лицо сира Эрколе омрачилось тучей неудовольствія. Какъ всѣ скептики, въ особенности на югѣ, онъ очень суевѣренъ.

Онъ поспѣшно выставилъ впередъ два пальца, какъ рожки, чтобъ отогнать навожденіе по обычаю неаполитанцевъ.

— Фи, фи, развѣ можно говорить такія вещи? Да еще въ дорогѣ, да еще вечеромъ! *Via, via*! Такъ вотъ я скачу за моимъ сопранистомъ, забываю о страхѣ, объ усталости, кричу, зову,—ничего... Но наконецъ...

— Но, наконецъ, вы поймали его?

— Наконецъ, я его потерялъ. И я горевалъ бы объ этомъ до конца жизни, еслибъ, къ счастью...

— Что же случилось?

— Еслибъ нога моя не поскользнулась и я не упалъ бы въ пропасть.

— И вы это называете счастьемъ?

— Понятно, счастьемъ. Представьте себѣ, я упалъ съ очень большой высоты и потерялъ сознаніе такъ, что на этотъ разъ не только не могъ слышать ангельскаго голоса, но не услыхалъ бы и трубы архангела. Я свихнулъ руку, разбилъ щиколотку, такъ что цѣлый годъ долженъ былъ ходить съ костылемъ, исцарапался весь, но замѣтьте, *che fortuna*! когда пришелъ въ себя, гляжу, надо мной стоитъ мой пастушокъ, мой бежественный пѣвецъ.

— Какъ же вы узнали его, если никогда не видали раньше?

Маэстро вознегодовалъ.

— Да вѣдь заговорилъ же онъ со мною. Ну, по звуку голоса. Спрашиваетъ меня, что ему дѣлать, чтобъ помочь мнѣ, потому что онъ прибѣжалъ, когда услыхалъ мой крикъ. Зова моего онъ не слыхалъ. А я говорю ему: пой, пой, *caro mio!* Онъ думалъ, что я сошелъ съ ума.

— Я не удивляюсь ему.

— Я пробылъ у него въ шалашѣ два дня, прежде чѣмъ меня снесли на носилкахъ въ ближайшую деревню. Пролежалъ я мѣсяцъ, да два мѣсяца не могъ выбраться изъ этой тирольской пустыни, прежде чѣмъ убѣдить моего Андреа сопутствовать мнѣ.

— Такъ это и былъ знаменитый Тамбурлини?

Digitized by Google

— Онъ тогда назывался иначе. Вотъ его прозвище, — я не сумѣю выговорить его.

— Андреасъ Гшназеръ,—прочелъ я по карточкѣ.

— Да. Понятно, нужно было его перекрестить на европейскій ладъ, какъ только онъ попалъ въ мои руки. А онъ, все-таки, попалъ. Я разорился, пожертвовалъ деньги на колоколъ и на органъ, на которые у его общины не хватало средствъ, а такъ какъ онъ былъ сирота, то его на-половину уговорили, на-половину насильно заставили идти со мной. Вѣдь вы слышали его, донъ-Джованни?

— Нѣтъ, когда я былъ въ Италіи, онъ уже сходилъ со сцены. Удивительное дѣло, что его карьера, безпримѣрно блестящая, продолжалась такъ не долго.

На лицѣ маэстро отразилась грусть.

— Что дѣлать? — сказалъ онъ, разводя руками и покачивая головой, — у этихъ нѣмецкихъ горцевъ встрѣчается иногда талантъ, большой талантъ, но головы у нихъ нѣтъ. Они не умѣютъ приспособиться къ новымъ условіямъ жизни, сжиться съ ними. Сами же они говорятъ о себѣ, что всему виною здѣсь сердце, что свое сердце они оставили въ горахъ. Сердце, сердце! и у меня есть сердце, а развѣ это мѣшаетъ мнѣ ѣсть и спать и прилично жить, когда я нахожусь внѣ моей Италіи, хотя бы даже среди этихъ самыхъ дикихъ горцевъ?

— Такъ было и съ Тамбурлини,—продолжалъ, немного погодя, сиръ Эрколе.—Еслибъ вы видѣли его, *caro* донъ-Джованни, когда мы встрѣтились съ нимъ въ первый разъ! Нищета, убожество! Питался онъ сыромъ и молокомъ, мясо—разъ въ годъ, свѣта Божьяго, за исключеніемъ двухъ деревушекъ своей долины, не видалъ. И какова бы была его жизнь? Пасъ бы онъ стадо своего хозяина на горныхъ пастбищахъ, потомъ сдѣлался бы батракомъ, потомъ, можетъ быть, женился бы на такой же нищей, взялъ бы пару грошей приданаго и снова мыкалъ бы горе до гробовой доски. Чудо было бы, еслибъ онъ хоть разъ въ жизни увидалъ бы Инсбрукъ. А у меня ему былъ рай. Жизнь царская, уходъ, удобства. Вы знаете, какъ я забочусь о нихъ. А потомъ выходъ на сцену, успѣхъ, рукоплесканія, настоящее тріумфальное шествіе по Европѣ и Америкѣ. Судьба достойная короля, блестящая изъ самыхъ блестящихъ. И что же вы думаете?—онъ чувствовалъ себя несчастнымъ.

— Тосковалъ по отчизнѣ?

— Да, въ своихъ апартаментахъ, которые я ему убралъ съ княжескою роскошью, на вершинѣ артистической славы и европейской извѣстности, этотъ безумецъ тосковалъ по тѣсной, грязной,

Digitized by Google

закопченой тирольской хижинѣ, по сыру, твердому, какъ пушечное ядро; его тянуло къ этому сыру,—ему, который каждый день могъ ѣсть страсбургскіе пироги и пить шампанское. Ахъ, чего бы я ни далъ этому мальчику! Когда, бывало, онъ сидитъ неподвижный, апатичный, я подсаживаюсь къ нему, беру его за руку и спрашиваю: *Ragazzino mio, figluolo,* чего ты хочешь, чего жаждетъ твоя душа? Скажи, я все сдѣлаю, все тебѣ дамъ. А онъ ничего. Оставь меня,— говоритъ,— padre. Я ничего не хочу, кромѣ уединенія и спокойствія. Но одинъ разъ, когда я сильно настаивалъ, онъ вспыхнулъ, какъ вулканъ:

— Знаете ли вы, чего я хочу, по чемъ тоскую, по чемъ сохну? По моей странѣ, по моимъ Альпамъ, по моему солнцу и снѣгу и скаламъ. Не будетъ радости въ моемъ сердцѣ, покуда я не увижу ихъ, покуда вы меня будете держать въ этихъ омерзительныхъ, позолоченныхъ цѣпяхъ, среди кенкетовъ и буйствъ публики.

— Замѣчаете, *caro mio,* рукоплесканія и биссированія, отъ которыхъ душа артиста радуется даже въ гробу, онъ называлъ буйствомъ! Хорошо же, думаю себѣ. Тебѣ хочется твоихъ скалъ, и тирольскихъ коровъ, и твердаго сыра,— все получишь. И повезъ я его лѣтомъ въ Тироль. Въ этомъ была моя ошибка, капитальная ошибка. Мальчикъ мой взбѣсился. Положимъ, апатія и тоска оставили его, какъ будто бы ихъ рукой сняло, это правда. Вдругъ откуда-то у него взялась жизнь, веселость, огонь. На блѣдныхъ щекахъ выступилъ румянецъ. Однимъ словомъ, не тотъ человѣкъ; нарядился по-тирольски,—настоящій горецъ! Онъ, бывало, въ Неаполѣ или Миланѣ сидитъ безъ движенія цѣлый день и не скажетъ ни слова, кромѣ да или нѣтъ, — онъ, который ни одной ноты не бралъ безъ принужденія, теперь смѣется цѣлый день, прыгаетъ, болтаетъ, а пѣсни его тамъ и плывутъ. Плывутъ, какъ рѣка. Хоть бы, по крайней мѣрѣ, пѣлъ аріи, показалъ бы варварамъ, которые видѣли его ребенкомъ, что можетъ сдѣлать искусство изъ тирольскаго пастуха! Ma che! Съ утра до вечера ничего, кромѣ своихъ тирольскихъ іодлеровъ, такъ что скалы трясутся и мужики изъ сосѣднихъ долинъ сбѣгаются слушать его, какъ равнаго себѣ!

— Ну, во всемъ этомъ я не вижу ничего дурного, ничего страннаго.

— Подождите, подождите, саго донъ-Джованни. До сихъ поръ все было хорошо. А теперь будетъ хуже. Понимаете, проходитъ недѣля, проходитъ двѣ; черезъ десять дней у насъ гастроли въ Барриццѣ,—то были послѣдніе годы второй имперіи. Я говорю ем

Digitized by Google

Carino, пора ѣхать. Ты натѣшился своими горами и козами, я вдоволь скучалъ для твоего удовольствія, теперь пора за работу.

А онъ мнѣ отвѣчаетъ: время еще есть, послѣ завтра, завтра... Чего спѣшить. Затягиваетъ и затягиваетъ. Наконецъ, наступаетъ послѣдній срокъ... Я прижимаю его къ стѣнѣ, а онъ мнѣ тогда... Знаете, что онъ сказалъ мнѣ тогда? Благодарю тебя,—говоритъ,—padre, за все, что ты сдѣлалъ для меня. Противъ моей воли,—говоритъ,—ты хотѣлъ меня осчастливить... Я тебѣ отплатилъ, какъ могъ: издержки твои покрыты, даже съ процентами. За твою доброту и попеченія я признателенъ тебѣ всѣмъ сердцемъ, буду благословлять твое имя до смерти, но теперь пусти меня, пусти. Мнѣ ужъ не возвратиться въ ваши душные города и театральныя залы. Здѣсь мнѣ жить и умирать!

— Замѣчаете? Онъ говоритъ и обнимаетъ меня, и плачетъ,—пусти да пусти. А я ему говорю тогда: а контрактъ? — «Дѣлай,—говоритъ,— что хочешь, считай меня за умершаго. Я и такъ не могу жить съ вами, когда снова вздохнулъ воздухомъ моихъ Альпъ». Такой былъ экзальтированный.

— Ну, очевидно, я не дозволилъ ему убѣдить себя, но повѣрите ли вы? Мнѣ почти силой пришлось его брать, грозить полиціей и процессомъ... Это ему-то, котораго я такъ любилъ!

— И что же вы скажете?—Не прошло мѣсяца, какъ онъ убѣжалъ отъ меня, исчезъ безъ слѣда, а тутъ-то именно и объявлены были наши гастроли въ Копенгагенѣ. Но я зналъ, гдѣ искать его. Онъ прятался отъ меня въ горахъ, въ ущельяхъ... Я искалъ его цѣлый мѣсяцъ, сколько крови испортилъ, сколько денегъ истратилъ! Basta. Наконецъ, схватилъ его, увезъ и съ тѣхъ поръ держалъ подъ стражей, — положимъ, въ клѣткѣ, но въ клѣткѣ густо-позолоченной.

— Какъ будто сталъ немного спокойнѣй, примирился съ судьбой, но что толку? Сдѣлался еще болѣе грустнымъ, поблѣднѣлъ еще болѣе. Только на сценѣ оживлялся. Его охватывалъ святой огонь искусства. Но однажды докторъ, мой близкій другъ, довѣренное лицо, который всегда наблюдалъ за нимъ, приходитъ ко мнѣ и говоритъ:

— Послушай-ка, маэстро, съ Андреа что-то плохое творится. Если такъ дальше пойдетъ, зимы не протянетъ. Чахотка — вотъ-отъ.

Нужно было думать о средствахъ спасенія. Но какія средства могутъ помочь отъ этой болѣзни? Я головой бился объ стѣну,—ничего не придумаешь.

Digitized by Google

— Нужно было опять увезти его въ Тироль,—вставилъ я,—это излѣчило бы его.

Сиръ-Эрколе посмотрѣлъ на меня изподлобья.

— Конечно, конечно, излѣчило бы. Но благодарю, *grazie tante!* Мнѣ достаточно и одного опыта. Наконецъ, я предпочиталъ видѣть его умирающимъ на сценѣ великимъ артистомъ, чѣмъ забытымъ всѣмъ міромъ мужикомъ въ какомъ-нибудь горномъ ущельи.

— Значитъ, вы любили только Тамбурлини, а до Гшназера вамъ не было дѣла?

— Чѣмъ онъ могъ интересовать меня? Дѣло шло не о моей личной выгодѣ, *per Bacco!* дѣло шло о великомъ талантѣ, который нужно было спасти для міра, для искусства. Я пришелъ къ другому рѣшенію... не безъ колебанія, конечно, но иного исхода не было.

Я посмотрѣлъ на него прямо. Онъ опустилъ глаза.

— Не трудитесь разсказывать дальше,—сказалъ я.—Конецъ Тамбурлини я знаю, какъ его знаетъ и вся Италія. Онъ умеръ отъ злоупотребленія спиртными напитками и наслажденіями, а вы, маэстро, придвинули къ нему чашу съ губительнымъ для него напиткомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—перебилъ сэръ Эрколе и сложилъ руки,—я не хотѣлъ этого, не думалъ, не предвидѣлъ. Еслибъ я только зналъ! Но что дѣлать, человѣкъ существо не совершенное, ему свойственно заблуждаться. Мнѣ казалось, что мальчикъ не знаетъ свѣта и знакомъ съ нимъ только по сценѣ; до сихъ поръ я держалъ его подъ контролемъ, да онъ и самъ ни о чемъ не думалъ, какъ только объ искусствѣ и о своихъ горахъ. Пускай же онъ узнаетъ свѣтъ и людей, ну, и вкуситъ немного наслажденій, какъ вы выразились изъ чаши губительнаго напитка. Забудется, перебѣсится и такимъ образомъ я спасу его.

— Люди такъ часто говорятъ и дѣлаютъ,—прошепталъ я:—вмѣсто того, чтобъ лѣчить болѣзнь, прививаютъ смерть.

— Да, да!—плаксиво согласился маэстро,—для него это была смерть. Онъ, какъ безумный, бросился въ вихрь удовольствій. Потомъ я самъ удерживалъ его, умолялъ, уговаривалъ. Такъ мнѣ было его жаль! Я ужъ хотѣлъ было отправить его въ Тироль,—оказалось поздно. «Предоставь меня судьбѣ,—угрюмо отвѣтилъ онъ.—Не поѣду я въ мои Альпы. Я уже не стою ихъ, я не таковъ, какимъ былъ раньше. Ты хотѣлъ обладать мною, возьми же меня. Ты самъ сдѣлалъ это». Да, великій былъ талантъ и угасъ. «Метеоръ», какъ сказалъ о немъ въ некрологѣ мой другъ, Бертини.

Мы молчали съ минуту.

Digitized by Google

— А что же сталось съ той трехфунтовою свѣчой, которую вы обѣщались поставить Паузилиппской Мадоннѣ?—спросилъ я, желая направить разговоръ въ другую сторону.

Хмурое лицо маэстро прояснилось въ одну минуту улыбкой сердечнаго удовольствія.

— Я поставилъ ее,—заговорилъ онъ, потирая руки,—поставилъ тотчасъ же по пріѣздѣ въ Неаполь, но, какъ вы помните, я всегда дѣлаю подобный подарокъ Мадоннѣ, когда мнѣ удается залучить въ свою клѣтку какого-нибудь здѣшняго горнаго соловья. А такъ какъ двѣ свѣчи на одно мѣсто поставить невозможно, то дѣло сошло на одну. Мои обѣщанія слились. Мадонна получила свою свѣчу, я сдержалъ слово, уплатилъ свой долгъ и это не стоило мнѣ не однимъ грошемъ больше.

Изъ воспоминанія сиръ Эрколе въ эту минуту совершенно изчезъ блѣдный образъ Андреа Тамбурлини. Теперь его всецѣло занимала и наполняла весельемъ плутня, устроенная имъ съ Паузилиппской Мадонной.

Двѣ недѣли спустя я былъ въ Этцталѣ.

Я очень люблю эту долину, потому что ее меньше, чѣмъ другія мѣста, заливаетъ волна туристовъ. Эти прелестныя горы, окутанныя лазурью и зеленью, не оскверняетъ нѣмецко-жидовскій говоръ; можно полдня бродить по тропинкамъ, вьющимся у закраины пропасти, и не наткнуться на язву другихъ тирольскихъ долинъ, ни на полосатыхъ и пестрыхъ англичанъ, ни на рыжихъ англичанокъ съ зелеными вуалями, ни на вѣнскихъ и берлинскихъ горцевъ съ альпійскими палками и съ водопадомъ перьевъ на шляпахъ, съ необычайно-тонкими икрами, обнаженными на всеобщее удивленіе, ни съ заостренными носами, отъ которыхъ пахнетъ іорданомъ. По счастью, здѣсь нѣтъ ни старыхъ замковъ, ни развалинъ монастырей на вершинахъ горъ; ни одинъ разорившійся банкиръ, ни одинъ молодой человѣкъ, пресыщенный вѣнскими удовольствіями, не избралъ здѣсь пункта для удовольствія размозжить себѣ голову о скалы. Прогулки по горамъ чудесныя, но лишенныя пріятной перспективы свернуть себѣ шею,—не удивительно, что Этцталь остается до сихъ поръ довольно тихимъ мѣстомъ. Его знаетъ и населяетъ та небольшая горсточка туристовъ, которая бѣжитъ въ горы для того, чтобы среди нихъ дивиться силѣ и мудрости Божіей и искать успокоенія среди умиротворяющей тиши.

Я только-что кончалъ свой ранній обѣдъ и разспрашивалъ о дорогѣ въ Гургль моего хозяина, священника, а вмѣстѣ съ тѣмъ владѣльца единственной въ деревнѣ гостиницы.

Digitized by Google

Одна изъ любопытныхъ особенностей этихъ отдаленныхъ горныхъ уголковъ та, что тамъ гостиницы содержатъ духовныя лица. Бѣдный получаетъ даромъ пріютъ и подкрѣпленіе, богатый можетъ получить спиртнаго напитка въ такомъ количествѣ, насколько это согласуется съ требованіями трезвости. При здѣшнихъ патріархальныхъ нравахъ, среди людей безусловно честныхъ и безхитростныхъ, это представляетъ прекрасную гарантію противъ злоупотребленій, возможныхъ во всякой тавернѣ, а солидности духовнаго лица не наноситъ никакого ущерба.

Нидертальскій священникъ, въ своемъ широкомъ, мѣшковатомъ сюртукѣ, съ лицомъ круглымъ и блестящимъ, какъ помидоръ, облитый масломъ, съ широкой улыбкой на мясистыхъ губахъ, былъ олицетвореніемъ добродушнаго, хотя и не изысканнаго тирольскаго юмора.

Экономка, исполняющая вмѣстѣ съ тѣмъ функціи кельнера и кассира, стояла позади, упершись руками въ бока, высокая, костистая, съ космами черныхъ волосъ, вырывающихся изъ-подъ чепчика, и съ величіемъ, подобающимъ сестрѣ священника.

— Итакъ, вы отъ часовни пойдете направо въ гору, все въ гору,—закончилъ свои поясненія священникъ, рисуя толстымъ пальцемъ по столу,—потомъ возлѣ часовни тропинка раздвоется: одна пойдетъ прямо, къ водопаду, та совсѣмъ торная и безопасная, но вы по ней не пойдете; другая взбирается на гору по скаламъ... собственно по ней ходятъ только козы...

— Но, вѣдь, я не коза, преподобный отецъ.

— Ничего, это только такъ сначала. Если вы не сломаете шеи въ первые четверть часа, то потомъ ужъ навѣрно не сломаете, развѣ только подъ Гурглемъ, въ этомъ головоломномъ ущельи.

— Хорошая перспектива! А если сломаю?

Священникъ громко разсмѣялся.

— Не вѣрьте ему,—сказала сестра-экономка, хмуря брови.

— А за коимъ чортомъ ему нужно карабкаться на Гургль по козьей тропинкѣ? Не лучше ли идти по обыкновенной дорогѣ, черезъ Шландерсъ и Грамсъ, какъ повелѣлъ Господь Богъ?

— А если ему пріятно идти по незнакомой дорогѣ? Мало теперь по ней людей ходятъ? Настоящія процессіи. А ни съ кѣмъ ничего не приключилось.

Священникъ разразился еще болѣе громкимъ смѣхомъ.

— Видите, видите, какъ васъ подбиваетъ моя Якобина, чтоб вы только добрались до Пратцеля и послушали Зеппля, *vulgo* Пе

Digitized by Google

пина. Вонъ оно что, почуяла литератора и хлопочетъ о рекламѣ для него.

Черная барыня разсердилась не на шутку.

— Отъ глупости никакой санъ не охранитъ, даже сутана,— произнесла она на самыхъ высокихъ нотахъ и вышла, хлопнувъ дверью.

Я съ недоумѣніемъ повернулся къ священнику.

— Что это значитъ? Кто это Зепль и какъ я могу его рекламировать?

Прежде, чѣмъ священникъ успѣлъ мнѣ отвѣтить, дверь снова отворилась и въ ней появилось раскраснѣвшееся лицо Якобины, съ чепцомъ, съѣхавшимъ на сторону.

— Твоему преподобію кажется, что въ Этцталѣ никто и пѣть не можетъ, потому что отъ твоего голоса лопаются церковныя стекла, но, несмотря на то, даже въ самомъ Этцѣ есть люди, которые слышали Зеппля и говорятъ, что это дѣло совсѣмъ другого рода. Что онъ не поетъ schnaderhüpfel,—такъ это не значитъ, чтобъ у него голосъ былъ плохой, и хорошо было бы, еслибъ иноземные господа могли бы послушать его и разсказать всѣмъ, даже въ Ландекѣ, даже въ Инсбрукѣ, какая птица поетъ въ Этцталѣ. Тогда бы здѣсь было больше гостей, чѣмъ на Бреннерзѣ.

Священникъ не безъ основанія зажалъ себѣ уши,—мнѣ простая вѣжливость не позволяла послѣдовать его примѣру.

Наконецъ, словесная канонада кончилась, дверь снова содрогнулась съ трескомъ, а священникъ глубоко вздохнулъ и отеръ клѣтчатымъ платкомъ вспотѣвшій лобъ.

— Уфъ!—простоналъ онъ,—ужъ и распустила же язычокъ!

Онъ съ минуту смотрѣлъ на дверь съ видимымъ опасеніемъ, какъ бы она снова не отворилась, потомъ немного успокоился и обратился ко мнѣ.

— Зепль, или вѣрнѣе Пеппо,—началъ онъ, вынимая табакерку и захватывая двумя пальцами огромную щепотку коричневаго порошка,—Зепль или Пеппо очень оригинальное существо.

Въ эту минуту раздалось громоподобное чиханье.

— Правду сказать, въ нашемъ добромъ Этцталѣ онъ представляетъ нѣкоторую аномалію.

Новый раскатъ грома.

— Я даже склоненъ былъ бы предполагать, хотя деканъ сильно противится моему мнѣнію, что во всемъ этомъ видно какое-то вліяніе нечистой силы.

Я насторожился. Въ это время послышались чьи-то тяжелые

Digitized by Google

шаги, дверь стремительно распахнулась, священникъ попятился назадъ, но вмѣсто грозной дѣвицы Якобины предъ нами предсталъ молодой парень въ короткой блузѣ и со шляпой въ рукѣ.

— Машесъ изъ Грунда упалъ по дорогѣ въ Этцъ,—заговорилъ онъ.—Его принесли домой всего въ крови. Онъ стонетъ и проситъ васъ.

Ксендзъ на прощанье только махнулъ рукой и скрылся въ мгновеніе ока. Черезъ минуту послышался голосокъ маленькаго колокольчика, — то священникъ спѣшилъ къ больному со Св. Дарами.

Я спросилъ о Якобинѣ. Она также побѣжала къ больному съ корпіей и домашнею аптечкой.

Исторіи Зеппля такъ мнѣ никто и не могъ окончить.

Немного недовольный я пустился въ дорогу. Солнце палило немилосердно. Прозрачное, кристальное, горячее небо казалось какою-то бездной лазури, повисшей вверху надъ міромъ. Вокругъ меня все хвойный лѣсъ, только изрѣдка покажется золотистая полянка, покрытая травой. Выше поднимаются грозныя, гигантскія гранитныя стѣны, поминутно мѣняющія свои лиловыя полутоны, а еще выше горятъ пятна бѣлаго снѣга.

Дорога до часовни, высѣченная съ грубою, очень реалистичною, но поражающею пластикой великимъ художникомъ, дѣйствительно, становилась утомительной. Нужно было взбираться на скалу, поднимающуюся почти отвѣсно, по тропинкѣ, проложенной по незначительнымъ углубленіямъ въ гранитѣ. Съ остроконечною палкой и при извѣстной снаровкѣ идти было можно, но не безъ труда и не безъ осторожности. Наконецъ, я очутился на горѣ. Тропинка бѣжала вдоль, по хребту, по узкой, наклонной плоскости.

Здѣсь была уже совершенная пустыня. Маленькіе кустики кое-гдѣ цѣплялись за расщелины скалъ и покрывали ихъ зеленью своихъ листьевъ, на лугу, въ травѣ краснѣли послѣднія альпійскія розы, а рядомъ съ ними бѣлые и лиловые цвѣтки, попадающіеся на этихъ высотахъ или на равнинахъ далекаго сѣвера и напоминающіе мнѣ берегъ Балтійскаго моря и окрестности Петербурга. Видъ отсюда былъ однимъ изъ тѣхъ, которые можно встрѣтить только въ Альпахъ. Какъ зубчатый вѣнецъ съ безконечнымъ числомъ зубцовъ, меня окружали вершины горъ, изломанныя, капризныя, повитыя туманомъ, расплывающіяся въ лазурѣ. На нихъ сверкали безпорочно-бѣлыя и чистыя снѣга. На кусочкахъ земли, прилѣпившихся къ скаламъ, бѣлѣли горныя хижины и шалаши. Внизу широкой и зеленой лентой вилась долина Этцъ съ своими

Digitized by Google

деревушками и церковными башнями, далеко въ глубинѣ среди горъ открывался проходъ въ долину Инна.

Я шелъ медленно, не спѣша, отдыхая на камняхъ, поросшихъ мягкимъ мхомъ. Солнечные лучи начинали уже падать искоса изъ-за высокой вершины ближайшей горы. Я посмотрѣлъ на часы. Уже часъ тому назадъ я долженъ былъ дойти до Гургля.

Очевидно, я заблудился.

Мнѣ пришло въ голову приключеніе моего друга Гриппи, но тотчасъ же мнѣ сдѣлалось какъ-то не по себѣ. Правда, въ Альпахъ нѣту ни медвѣдей, ни тигровъ, наивысшія вершины горъ не достигаютъ десятой части размѣровъ, приписываемыхъ имъ пылкимъ воображеніемъ маэстро, но сломать шею здѣсь такъ же легко, какъ и въ Гималайяхъ, а безъ проводника на этомъ горномъ хребтѣ, спускающемся въ долину по обѣ стороны чуть не по отвѣсной линіи, даже очень нетрудно.

Тѣмъ временемъ вечеръ быстро надвигался, а съ нимъ и непріятная перспектива провести долгую ночь на ничѣмъ незащищенномъ мѣстѣ. Я остановился и осмотрѣлся кругомъ, не найду ли гдѣ-нибудь слѣда дороги.

— Эй вы, послушайте!—раздался какой-то голосъ около меня. Это было для меня совершенною неожиданностью. Я оглянулся. Въ десяти шагахъ за мною стояла дѣвушка въ широкой соломенной шляпѣ, въ бѣлой рубашкѣ и въ короткой черной юбкѣ, съ серпомъ въ одной рукѣ и большою связкой горныхъ цвѣтовъ и растеній въ другой.

— Вы, вѣроятно, заблудились?—спросила она.

— Должно быть, но откуда ты явилась?

Она слегка повернула голову и молча кивнула на узенькую расщелину между двумя скалами, гдѣ можно было догадываться о существованіи тропинки.

— Далеко отсюда до Гургля?

— Болѣе двухъ часовъ дороги. Сегодня туда не доберетесь. Теперь ночи темныя. И днемъ безъ проводника трудно. Вы совсѣмъ ошиблись дорогой.

— Что же мнѣ теперь дѣлать?

Она пожала плечами.

— Конечно, не ночевать на вершинѣ горы. Нужно добраться до ближайшаго шалаша, переночевать тамъ, а завтра на восходѣ солнца вы будете въ Гурглѣ.

— Но гдѣ же находится этотъ ближайшій шалашъ?

Она посмотрѣла на меня какъ будто удивленная вопросомъ.

Digitized by Google

— Вы видите, что я возвращаюсь съ луга, я и провожу васъ.

Мы пошли молча. Молодая дѣвушка опередила меня, напѣвая въ полголоса какую-то пѣсню и свободно перескакивая со скалы на скалу, хотя и направо и налѣво открывалась пропасть. Я едва могъ поспѣвать за ней.

Отъ времени до времени она оборачивалась ко мнѣ, чтобы подать мнѣ руку въ затруднительную минуту.

— Трудно вамъ ходить по нашимъ горамъ,—сказала она, наконецъ, поддерживая меня сильною, почти мужскою рукой, въ ту минуту, когда моя нога поскользнулась и я чуть-чуть не упалъ внизъ, какъ сиръ-Эрколе. По ея загорѣлому лицу промелькнула улыбка сожалѣнія къ неловкому горожанину. Она была сильна и красива, настоящая тиролька съ черными, какъ смоль, волосами и глазами, свѣжая, какъ альпійская роза, легкая и ловкая, какъ серна.

— Трудно ходить по этимъ обрывамъ,—простоналъ я, задыхаясь и отирая влажный лобъ.

— Намъ ничего, — отвѣтила она равнодушно, — но городскіе господа не привычны къ горамъ.

— Какъ видно, немного ихъ посѣщаетъ эту сторону, Этцталя.

— Больше, чѣмъ нужно.

Энергичное лицо дѣвушки омрачилось, какъ будто бы мои слова укололи ее, брови угрюмо нахмурились.

— Вамъ непріятно видѣть здѣсь чужихъ?

— О, другимъ очень пріятно.

— А кто это другіе?

Дѣвушка не отвѣтила ничего, только сорвала со скалы какую-то вѣтку и на ходу обрывала листъ за листомъ.

— А этотъ ближайшій шалашъ вашъ? — спросилъ я черезъ нѣсколько минутъ, чтобы прервать молчаніе.

Она утвердительно кивнула головой.

— Кто же тамъ живетъ, кромѣ тебя?

— Отецъ и моя сестра Катринъ, ну... и Зепль...

Она замолчала и ускорила шаги.

Зепль... Я вспомнилъ свой неоконченный разговоръ съ нидертальскимъ священникомъ и его сестрой.

— А кто это Зепль? Твой братъ?

Она отрицательно покачала головой.

— Значитъ работникъ?

Она пожала плечами, но ничего не отвѣтила

— Кто же онъ такой?

Digitized by Google

Молчаніе.

— Можетъ быть, это тотъ самый Зеппль, который такъ хорошо поетъ, что люди со всѣхъ сторонъ сходятся слушать его?

Она повернулась ко мнѣ съ разгорѣвшимся лицомъ и нахмуренными бровями, изъ-подъ которыхъ гнѣвно искрились глаза.

— Зеппль и Зеппль!—рѣзко сказала она.—Все одно и то же. Какое вамъ до него дѣло? Зачѣмъ вы таскаетесь по нашимъ горамъ? Зачѣмъ отнимаете у людей покой и счастье?

— Но, дитя мое, я не принадлежу къ такой категоріи туристовъ. Я спрашивалъ потому, что слышалъ въ Нидерталѣ о какомъ-то здѣшнемъ пѣвцѣ. Собственно говоря, мнѣ до него нѣтъ никакого дѣла.

Она съ минуту угрюмо смотрѣла на меня, потомъ приблизилась на два шага.

— Простите, — сказала она, — у меня сорвалось нехорошее слово... Но, знаете, иногда такъ горько бываетъ въ сердцѣ, такъ горько...

Съ минуту мы шли рядомъ. Ея глаза упорно смотрѣли въ землю, губы были сжаты. Я съ любопытствомъ искоса посматривалъ на нее.

— Да почему бы мнѣ и не сказать вамъ, — наконецъ, проговорила она какъ бы про себя,—вамъ всякій скажетъ о Зеппѣ, а скоро вы и сами услышите его.

— Такъ онъ-то и есть пѣвецъ?

Она утвердительно кивнула головой.

— Онъ живетъ у васъ?

— Мы воспитывались вмѣстѣ, — отвѣтила она, не поднимая глазъ.—Онъ не здѣшній. Отецъ говоритъ, что въ тотъ годъ, когда я родилась, въ нашу сторону въ первый разъ пришли итальянскіе рабочіе. Строили желѣзную дорогу и проводили цезарское шоссе въ горахъ. Потомъ работы окончились. Бѣдняки остались безъ занятій, а у насъ, въ горахъ, рабочія руки всегда нужны, итальянцевъ разобрали между собой. Отецъ мой взялъ двоихъ, мужа съ женой, при ней былъ двухлѣтній ребенокъ. Больше изъ милосердія,—женщина была больная, и, кромѣ того, ослабѣла отъ горя и нужды. Съѣдала она не много, но за то ничего не дѣлала. Пробыли они у насъ, говорятъ, два мѣсяца. Потомъ итальянецъ ушелъ къ себѣ на родину, въ Трентино. Жена идти за нимъ не могла, — совсѣмъ ослабѣла. Моя мать положила ее въ свой уголъ, ухаживала за ней...

— Это было очень хорошо съ вашей стороны.

Digitized by Google

Дѣвушка подняла на меня свои большіе, черные глаза, полные удивленія.

— Почему хорошо? — спросила она. — Это такъ понятно. У насъ говорятъ,—кто пріютилъ бѣднаго у себя въ домѣ, тотъ принимаетъ самого Христа. Бѣдняжка прожила у насъ съ полгода, но уже почти не вставала съ постели, блѣднѣла и угасала. О мужѣ и слухъ пропалъ. Ни письма, ни вѣсточки. Чего-чего не дѣлалъ мой отецъ! И въ Италію писалъ,—Валь-ди-Нона называется ихъ долина,—и въ полицію повѣстки подавалъ. Никакого толку. Никто не видалъ итальянца. Вѣроятно, гдѣ-нибудь въ дорогѣ онъ оступился и упалъ въ пропасть. Видите ли, итальянцы — они хоть и въ горахъ живутъ, но не знаютъ, не понимаютъ ихъ. Ходить, какъ мы, не умѣютъ.

— А съ женой что сталось?

— Отецъ не говорилъ ей ничего, да и зачѣмъ? И такъ уже у нея на лицѣ была написана смерть. Она ждала, тосковала, молилась. Наконецъ, умерла, а ребенка поручила намъ, пока не вернется его отецъ.

— Съ тѣхъ поръ Зепль и остался съ вами?

— А какъ же иначе? Отецъ призналъ его своимъ,—онъ зналъ, что у него никого нѣтъ на свѣтѣ, кромѣ насъ. Вы знаете, великая милость Божія, если въ семьѣ есть сирота. Кромѣ того, у отца и сына не было. Вотъ я, Катринъ и Зепль выросли, какъ родные, и даже...

Она замолчала, опустила глаза и тихо вздохнула. Я посмотрѣлъ на нее и мнѣ сразу бросилось въ глаза серебряное кольцо на ея рукѣ.

— И васъ даже обручили.

Она кивнула головой.

— Отецъ хотѣлъ, чтобы Зепль остался при хозяйствѣ,—онъ любитъ его, какъ сына. Онъ ужъ давно говоритъ: «Зепль и Маріеле,—это будетъ пара».

— А Маріеле была такого же мнѣнія?

Дѣвушка не отвѣчала ничего, но спустя минуту заговорила снова:

— Все было бы хорошо, еслибъ не это пѣніе. И такъ-то Зепль былъ не такимъ, какъ другіе парни. Тѣ идутъ въ таверну, какъ пѣтухи, лѣзутъ одинъ на другого въ драку, а онъ все, бывало, сидитъ въ сторонкѣ, такой тихій, задумчивый и смотритъ куда-то далеко-далеко, какъ будто бы взглядомъ хотѣлъ проникнуть сквозь горы. Бывало, я приду къ нему, спрашиваю, отчего онъ

Digitized by Google

такой грустный, а онъ отвѣчаетъ мнѣ: «Видишь, мнѣ какъ-то тѣсно и душно среди этихъ горъ, какъ бы я хотѣлъ увидать, что тамъ, за ними, въ широкомъ свѣтѣ». Или, бывало, засмотрится на птицъ, которыя осенью цѣлыми тучами тянутъ къ югу, и загруститъ. «Что съ тобой?—спрашиваешь его.—Околдовали, что ли, тебя эти птицы, что ты все смотришь имъ во слѣдъ?»—«Нѣтъ, говоритъ,—только я завидую имъ. Счастливыя... у нихъ крылья... онѣ летятъ, летятъ въ тѣ края, гдѣ солнце и вѣчная зелень, а снѣга никто не видитъ, а я, а я...» А мнѣ какъ будто кто ножомъ по сердцу... Вѣдь, если онъ завидуетъ крыльямъ, такъ только потому, чтобъ улетѣть отъ насъ.

— Все это еще бы ничего. Найдетъ на него, а потомъ онъ опомнится. У всякаго человѣка свои чудачества. Но приступила и большая бѣда. Можетъ быть, я грѣшу, однако мнѣ всегда кажется, что такимъ голосомъ его наградила какая-то нечистая сила.

Мнѣ припомнились слова священника, который говорилъ почти то же самое.

— Значитъ у вашего Зеппля дѣйствительно хорошій голосъ?—спросилъ я.

Маріеле остановилась и посмотрѣла на меня, какъ будто удивленная моимъ вопросомъ.

— Хорошій? Спросите у ангеловъ, лучше ли они поютъ въ небѣ! Попробуйте послушать его и не заплакать... Проявилось это какъ-то сразу. Въ дѣтствѣ у него голосокъ былъ хорошенькій, но небольшой. Помню, мы бывало пѣли съ нимъ въ церкви за обѣдней и за вечерней вмѣстѣ съ другими дѣтьми. Его голосъ всегда отличался отъ другихъ,— такой чистый, звучный, какъ колокольчикъ. Потомъ Зепль охрипъ, нѣсколько лѣтъ не могъ вытянуть ни одной ноты и вдругъ...

Она замолчала и вздохнула.

— Кажется, ты огорчена талантомъ своего жениха, Маріеле,—сказалъ я, называя ее по имени, по тирольскому обычаю, въ этомъ нѣтъ ничего дурного.

— Очень много!—живо отвѣтила она.—Съ тѣхъ поръ онъ пересталъ принадлежать намъ. Дѣло свое онъ дѣлаетъ, по-прежнему добръ, сердеченъ, но какъ улучитъ свободную минуту, то не возвращается по-прежнему домой поболтать, не спрашиваетъ ни о чемъ, не занимается ничѣмъ. Бѣжитъ въ поле, на какую-нибудь скалу, поетъ и поетъ.... И вы думаете, онъ повторяетъ то, что слышалъ: наши этцтальскіе и оберинтальскіе іодлеры и черныя пѣсни? Куда! Откуда у него берутся какія-то чуждыя пѣсни, чуд-

Digitized by Google

ныя и грустныя, то какъ жалоба и плачъ, то какія-то дикія и отчаянныя. Никто у насъ не слыхалъ такихъ. И поетъ, и поетъ—безъ конца. Люди сбѣгаются изъ десяти окрестныхъ деревень, слушаютъ его издали, потому что при чужихъ онъ ни за какія сокровища не возьметъ ни одной ноты. А по горнымъ обрывамъ его пѣсня плыветъ и плыветъ... А потомъ Зепль возвращается домой болѣе грустный, чѣмъ былъ, какой-то чужой и равнодушный ко всему.

Она снова остановилась на минуту.

— Не знаю, почему я разсказываю это вамъ, совершенно чужому человѣку. Такъ уже накипѣло на сердцѣ. Больно, больно... У насъ разсказываютъ сказку о рыцарѣ, который взялъ въ жены водяную царевну, открылъ ея тайну и тотчасъ же долженъ былъ видѣть, какъ его возлюбленная мало-по-малу начала таять и расплываться сырымъ туманомъ, пока совсѣмъ не расплылась. Такъ вотъ и мнѣ кажется, что Зепль точно также мало-по-малу исчезаетъ отъ насъ, расплывается... точно какъ будто онъ не нашъ. А мнѣ это такъ трудно будетъ перенесть... Если бы только чужихъ не было, будь одни наши,—все бы еще ничего. Какъ же! Изъ Ландека, даже изъ Инсбрука бывали здѣсь господа, слушали, хотѣли платить деньги, голову мутили парню. Онъ какъ будто не слушаетъ, бѣжитъ, не хочетъ пѣть, а потомъ все думаетъ и думаетъ,—видно забыть этого не можетъ.

Нѣсколько минутъ мы шли молча. Маріеле уныло поникла головой.

— А какъ мы были счастливы!—глухо шепнула она.—Боже мой, какъ счастливы!...

— Бѣдное дитя!—сказалъ я и хотѣлъ было пожать ея руку, но она быстро вырвала ее и придержала меня за плечо.

— Подождите,—еле слышно шепнула она,—ни слова. Онъ здѣсь, близко, я вижу его. Онъ всегда выходитъ въ эту пору пѣть. Должно быть сейчасъ начнетъ.

Почти уже совсѣмъ смерклось. Розовый блескъ, зажженный на вершинахъ горъ послѣдними лучами заходящаго солнца, угасъ, залитый сѣровато-синею волной ночного тумана. Изъ-за горъ, вырисовывающихся неясно своими фантастическими, странными массами, выходила огромная золотистая луна, окруженная лиловымъ кольцомъ ночного тумана.

Мы стояли молча безъ движенія и ждали. Я испытывалъ чувство, что слѣдующая минута принесетъ мнѣ что-то необыкновенное. Вокругъ царила полная тишина, характеристичное глухое молчаніе ночи на альпійской вершинѣ. И вдругъ въ этой тишинѣ раз

Digitized by Google

дался человѣческій голосъ. Пѣніе было тихое, дрожащее. Въ темнотѣ я не могъ видѣть пѣвца, но онъ былъ близко, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Казалось, онъ пробовалъ силы, потому что поминутно останавливался, обрывался... Наконецъ, волна пѣсни поплыла вдаль, въ пространство, усѣянное звѣздами.

Въ этой пѣснѣ не было ничего похожаго на мелодію, которую я слышалъ или могъ слышать. Душа пѣвца, незнакомая съ чужими мотивами, должна была извлекать изъ себя золотую нить вдохновенія. По временамъ мнѣ казалось, что въ ней чувствуется сладость и мягкость итальянской канцоны, а черезъ минуту отъ пѣсни вѣяло дикою тоской и безумною болью цыганскихъ мелодій. Еще немного—и какой-то ласковый, скорбный, пѣвучій тонъ переносилъ меня на берега моихъ родныхъ рѣкъ Роси и Буга.

Только я не слыхалъ ничего, чтобы напоминало веселую плясовую альпійскую пѣсню.

Все это было странно, не искусно и оригинально въ высшей степени, но вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно прекрасно.

Голосъ пѣвца дрожалъ сначала, колебался, какъ птица, пробующая передъ отлетомъ силу своихъ крыльевъ. То былъ какой-то очень простой мотивъ съ легкими варіяціями. Но что дѣлалъ изъ него пѣвецъ! Мнѣ казалось, что каждую ноту онъ заботливо облекаетъ въ бархатъ и лебяжій пухъ. Такъ она была мягка и деликатна; казалось, онъ позлащаетъ ее солнечнымъ блескомъ.

Въ этой пѣснѣ дрожала какая-то глухая жалоба или тоска, пока еще неясная, но возрастающая съ каждымъ тономъ. Чувствовалось, что черезъ минуту она вырвется изъ груди пѣвца и широко разольется... И вдругъ послышался могучій звукъ металлическій, высокій, все болѣе и болѣе громкій, словно стонъ раненаго титана. И какъ фейерверкеръ, выпустивъ первую большую ракету, сыплетъ вслѣдъ за нею сотни другихъ, мѣшаетъ ихъ, множитъ, полными горстями бросаетъ на черный фонъ ночи разноцвѣтныя искры и снопы молній, такъ изъ груди пѣвца вырывались теперь вихремъ и бурей перемѣшанные тоны—страстные, безумные, полные дикаго могущества. То была пѣснь одного изъ гигантовъ, которые, по преданію, нагромоздили одну на другую альпійскія скалы, чтобы на вершинахъ ихъ соорудить себѣ гранитные замки.

Жалоба души, никѣмъ непонятой и остающейся безъ сочувствія, теперь обратилась въ крикъ борьбы и возмущенія. Теперь изъ тѣсныхъ рамокъ духъ вырывался ничѣмъ неудержимый, могучій, грозный, топча и уничтожая всѣ преграды, какъ бѣшеный весенній потокъ или катящаяся съ альпійскихъ горъ снѣжная лавина.

Digitized by Google

Вдругъ все утихло.

Какъ въ экваторіальной бурѣ небо вдругъ со всѣхъ сторонъ загорится молніями и поминутно мечетъ на землю залпы громовыхъ ударовъ, а потомъ вдругъ, безъ всякаго перехода, какъ бы по мановенію волшебника, тучи расходятся, и послѣдніе удары грома катятся уже по чистой лазури, такъ и бунтующая пѣсня сразу окончилась снопами дикихъ звуковъ, гремящихъ громовыми ударами, и поплыла снова тихой, грустною волной.

Только теперь было совсѣмъ не то. И прежнія пѣсни были грустны, но въ нихъ слышалась жалоба и тоска мягкой, нѣжной души. А въ этой горе струилось волной, насильно втиснутой въ узкіе берега. Было видно, что то горе мужчины, великое, безъ границъ и мѣры, и еслибъ ему дать волю, то оно разлилось бы безбрежнымъ моремъ. Звукъ пѣсни былъ тихій, какой-то подавленный, но въ немъ слышалось дикое, страстное чувство. Невольно я спросилъ себя, достигалъ ли когда-нибудь до моего слуха подобный мотивъ.

Ахъ! еслибъ это могъ слышать мой другъ, тирольскій птицеловъ, сиръ Эрколе Помпиліо Гриппи съ улицы Санта Кіара!

А тѣмъ временемъ пѣсня плыла по воздуху, сдавленная и вмѣстѣ съ тѣмъ широкая, какъ упрямая, неудержимая волна. Она отражалась о гранитныя скалы, точно допытывалась у скалъ и глетчеровъ, зачѣмъ они возвышаются вокругъ пѣвца и заслоняютъ передъ нимъ широкій міръ, точно жаловалась, что не можетъ подняться еще выше, вмѣстѣ съ орлами, къ мѣсяцу и звѣздамъ. И долго еще дрожала она серебристымъ стономъ и плачемъ, теряясь среди горныхъ сосенъ и расщелинъ скалъ.

Я слушалъ, закрывъ глаза и удерживая дыханіе. Когда я очнулся, стояла еще глубокая ночь, надъ вершинами горъ нависла тишина пустыни. Смолкло все. Гранитныя скалы, казалось, прислушивались, не принесетъ ли имъ эхо послѣдняго отзвука пѣсни.

Я посмотрѣлъ на Маріеле. Она стояла неподвижно, прислонившись къ скалѣ головой и закрывъ лицо руками. Отъ времени до времени ея тѣло содрогалось отъ нервныхъ рыданій, сквозь пальцы, одна за другою катились крупныя слезы.

Я слегка дотронулся до ея плеча.

— Онъ будетъ пѣть еще?—шепотомъ спросилъ я.

Она отрицательно покачала головой.

— Онъ никогда не начинаетъ съизнова,—тихо отвѣтила она,—сразу выброситъ изъ груди все, что налегло ему на сердцѣ, а потомъ цѣлый день ходитъ тихій и молчаливый.

Digitized by Google

Шалашъ былъ близко, въ нѣсколькихъ минутахъ ходьбы. Катринъ, крѣпкая, плотная, румяная тиролька, съ веснусчатымъ лицомъ и великолѣпнымъ зачаткомъ зоба на шеѣ, угостила насъ парнымъ молокомъ, густымъ, какъ сливки, отзывающимся горными травами. Старый Люисъ, съ неизбѣжною трубочкой въ зубахъ, подалъ мнѣ свою широкую руку, твердую, какъ дерево, и жестомъ указалъ на большую сковороду дымящейся яичницы. Мы расположились на дворѣ, у двери, ведущей въ шалашъ, за деревяннымъ столомъ, покрытымъ бѣлыми, вышитыми полотенцами. Изъ общей сковороды каждый изъ насъ черпалъ ложкой по очереди и закусывалъ вкуснымъ ржанымъ сухаремъ.

Мы уже кончили ужинать, когда изъ темноты послышался голосъ, знакомый мнѣ по тембру.

— Добрый вечеръ!

Молодой человѣкъ, высокій, стройный, съ легко наброшенной на плечи сѣровато-зеленой куртке, въ шляпѣ надвинутой на лобъ, приблизился къ намъ и молча присѣлъ на углу деревянной скамьи, рядомъ съ дѣвушками. Маріеле тотчасъ поставила передъ нимъ, вѣроятно, нарочно приготовленную для него миску и кувшинъ съ молокомъ.

— Проголодался, Зеппль, а?—спросила его толстая Катринъ, охотница поговорить,—мы не могли отыскать тебя, когда съ Маріеле носили полдникъ,—тебѣ и отцу. Гдѣ ты былъ? Можетъ быть, на лужайкѣ подъ Глаттнеровымъ шпицемъ?

Зеппль молча кивнулъ головой и поднесъ ко рту ложку. Видимо, у него не было никакой охоты разговаривать. Черезъ минуту онъ кончилъ ѣсть, приподнялъ шляпу, отошелъ въ сторону и сѣлъ на закраину скалы.

Въ темнотѣ его трубка свѣтилась, какъ золотистая точка.

Хозяева тоже собирались идти спать. Я поблагодарилъ ихъ за ужинъ и подошелъ къ молодому человѣку.

— Вамъ еще не хочется спать?—спросилъ я, садясь возлѣ него.

— Нѣтъ,—коротко отвѣтилъ онъ.—Лѣтомъ и двухъ часовъ достаточно.

Теперь я могъ разглядѣть его. Мѣсяцъ поднялся и бросалъ снопы дрожащихъ, блѣдныхъ лучей на овальное, тонко и изящно обрисованное лицо Зеппля. Даже и при этомъ невѣрномъ освѣщеніи можно было различить его смуглую, оливковую кожу. Надъ высокимъ, умнымъ лбомъ мягкими локонами вились длинные волоса, вопреки обычаю тирольцевъ; огромные, черные глаза, точно подернутые какой-то дымкой, мечтательные и неимовѣрно грустные,

Digitized by Google

смотрѣли въ даль. Розовыя, свѣжія губы были сжаты, какъ будто Зеппль испытывалъ какое-нибудь страданіе.

— Я слышалъ твое пѣніе сегодня,—сказалъ я, прямо глядя на него.

Онъ слегка пожалъ плечами.

— Я никому не могу помѣшать слушать меня,—отвѣтилъ онъ равнодушно,—хотя и не пою ни для кого, только для самого себя.

— Однако, я убѣдился,—сказалъ я, не смущаясь ничѣмъ,—что въ Нидерталѣ ничего не преувеличивали, когда говорили о твоемъ голосѣ. Недаромъ столько людей приходятъ тебя слушать.

Онъ только махнулъ рукой.

— Что изъ того? Господа всегда потворствуютъ своимъ капризамъ.

— А тебѣ никто не говорилъ, что твой голосъ—это не машинка для собиранія гульденовъ по ярмаркамъ? Не говорили тебѣ о театрахъ, величиною съ королевскій дворецъ, о толпѣ богатыхъ людей, тѣснящихся, чтобъ услыхать хоть одну пѣсню изъ устъ славнаго пѣвца, о рукоплесканіяхъ, о славѣ и о тріумфахъ?

Онъ молчалъ съ минуту, не спуская съ луны своихъ грустныхъ, задумчивыхъ глазъ.

— Что-жъ изъ того?—произнесъ онъ,—говорить-то говорили. Слова подхватываетъ вѣтеръ, несетъ въ горы и разбиваетъ о скалы. Что остается послѣ нихъ? Говорили, кружили голову. Бывало, одно слово взбудоражитъ до конца, нѣсколько ночей спать не даетъ, такъ и сверлитъ, такъ и сверлитъ въ головѣ и въ сердцѣ. И что же изъ того вышло? Слава Богу, не слушаю я теперь такой болтовни, а какъ услышу, стараюсь не думать объ этомъ, забыть... Ахъ, еслибъ не дѣлалось такъ грустно, такъ горько, такъ тяжело.

Зеппль опустилъ голову и уставился въ землю.

Я взялъ его за руку.

— Ты тоскуешь по широкомъ божьемъ мірѣ, мой мальчикъ? Признайся мнѣ. Тоскуешь по другимъ людямъ, по другому солнцу и небу? Тѣсно тебѣ въ этихъ горахъ?

Онъ вскочилъ и обоими руками сжалъ мою руку.

— Не знаю, откуда это вамъ извѣстно,—прошепталъ онъ,—вы точно читаете въ моей душѣ... Правда, все правда. Тяжко мнѣ здѣсь, душно, какъ въ могилѣ, а, однако, я долженъ здѣсь жить и умереть...

— А еслибъ кто-нибудь вывезъ тебя отсюда на просторъ, о которомъ ты мечтаешь, въ померанцевыя и оливковыя рощи, по которымъ ты тоскуешь, самъ того не сознавая? Еслибъ опытны

Digitized by Google

учителя обработали твой чудный голосъ, чтобъ онъ сталъ еще лучше? Еслибъ нашлась рука, которая открыла бы тебѣ двери въ заколдованный дворецъ славы и извѣстности, открыла бы доступъ къ тѣмъ чудесамъ и богатствамъ, которыя, въ безпокойныя безсонныя ночи, словно золотыя видѣнія, проходятъ передъ твоимъ раздраженнымъ воображеніемъ?

Я самъ не зналъ, зачѣмъ говорилъ это. Меня охватила какая-то горячка, неудержимая жажда вырвать изъ глуши, показать свѣту талантъ, съ которымъ ничто не можетъ сравниться. Старая артистическая жилка проснулась и всецѣло охватила меня. Я не спрашивалъ себя, въ состояніи ли я доставить покой и счастье этой безпокойной и тоскующей душѣ, воплощая въ такой широкой мѣрѣ ея неопредѣленныя мечтанія.

Ахъ, должно быть въ эту минуту въ меня вселился духъ моего друга Гриппи!

Зеппль смотрѣлъ на меня горящими глазами. Онъ придвинулся ко мнѣ ближе и стиснулъ мнѣ руку словно клещами.

— Вы знаете человѣка, который бы сдѣлалъ это?— скажите, знаете?

Онъ смотрѣлъ на меня, какъ будто хотѣлъ проникнуть въ глубину моей души. Грудь его сильно волновалась.

Я не отвѣчалъ ему ничего.

Возможенъ былъ только одинъ отвѣтъ,—одинъ, отъ котораго зависѣла бы вся будущность Зеппля. Нужно было только назвать сиръ-Эрколе. Но имѣлъ ли я право дать такой отвѣтъ?

Мальчикъ впился глазами въ мои губы, потомъ медленно отодвинулся и безпомощно поникъ головой на грудь.

— Вы всѣ такъ говорите,—глухо сказалъ онъ:—послушай васъ,—моя дорога устлана цвѣтами и золотомъ. Поѣзжай въ Вѣну, въ Италію, поѣзжай, тамъ тебя научатъ, наставятъ. А какъ это сдѣлать, объ этомъ никто не скажетъ, не подумаетъ! Вы скажете, что я боюсь путешествія за Альпы въ цезарскую столицу или на югъ. Мои ноги и горъ не боятся, не то что долины, руки заработаютъ на кусокъ хлѣба. Я бы и черезъ море переѣхалъ безъ копѣйки денегъ.

Онъ протянулъ передо мною худыя, мускулистыя руки, покрытыя не такою грубою кожей, какъ у горцевъ, но эластичною, какъ сталь. Вся его фигура значительно отличалась отъ типовъ, встрѣчающихся въ сѣверномъ Тиролѣ,—породистая, почти изящная. Преимущество южной цивилизаціи ярко пробивалось въ этомъ молодомъ организмѣ. Въ эту минуту онъ производилъ на

Digitized by Google

меня впечатлѣніе бронзоваго Давида Донателло, изъ флорентинскаго Баргелло, такой онъ былъ легкій, почти филиграновый, дышущій юношескою свѣжестью и уже полный мужественной силы.

А онъ говорилъ дальше:

— Не обо мнѣ дѣло... отецъ, семья! Они такъ сжились со мной, что боятся даже и мысли о моемъ отъѣздѣ. Отецъ старъ, все больше и больше сдаетъ дѣло на мои руки, вѣритъ мнѣ, ему хочется отдохнуть. Мало онъ потрудился на своемъ вѣку? А ужъ для Маріеле это была бы настоящая смерть. Вы, можетъ быть, думаете, что она моя сестра? Нѣтъ. Вы все знаете о насъ? Тѣмъ лучше. Но вы не знаете, что за сердце у этой дѣвушки. Другой, можетъ быть, не распозналъ бы этого, наши парни неотесанные, но я... я какой-то другой. Видно это у меня въ крови... чего другіе не видятъ, я вижу. Но мнѣ сердце не разъ гнететъ то, надъ чѣмъ другой и не остановился бы. Другой пошелъ бы въ свѣтъ, присылалъ бы два раза въ годъ вѣсточки о себѣ, а потомъ и возвратился бы домой, какъ съ прогулки. Моя судьба не такова, мнѣ ни отсюда вырваться нельзя, ни жить здѣсь. Всѣ они... могу ли я ихъ покинуть и пойти на ощупь. Они меня знаютъ. Они знаютъ, что если бы я ушелъ и мнѣ не удалось бы, то я не возвратился бы никогда, никогда. Никто изъ нихъ не увидалъ бы моего стыда.

— А если бы тебѣ удалось?

— Тогда также кончилась бы старая жизнь, старое счастье. Еслибъ я и вернулся, то былъ бы не тѣмъ, что теперь. Я знаю это и они также. Поэтому-то Маріеле и думаетъ о моемъ отъѣздѣ какъ о похоронахъ, поэтому и я... онъ остановился и съ минуту молчалъ, но потомъ опять обратился ко мнѣ:

— Скажите мнѣ, правда ли, что вашъ свѣтъ такой прекрасный, такой чудный? Правда ли, что тамъ, между богатыми и учеными господами, убогій и простой пѣвецъ можетъ прославиться и засіять, какъ солнце? Правда ли то, о чемъ говорятъ люди и пишутъ въ книжкѣ? Правда ли?...

Онъ съ минуту колебался.

— Что тамъ не такъ душно, не такъ тѣсно, не такъ пусто, какъ здѣсь, среди нашихъ горъ и скалъ?—закончилъ онъ тише,— что тамъ за горами счастіе и спокойствіе, и что стоитъ ли для этого...

— Стоитъ ли для этого жертвовать чужимъ счастьемъ и спокойствіемъ ближайшихъ и дорогихъ людей?

— Ты объ этомъ спрашиваешь Пеппино?

Онъ не отвѣтилъ ничего и только закрылъ . лицо руками.

Digitized by Google

Молчалъ и я, да и что я могъ сказать ему? Какъ я могъ взять на свою отвѣтственность будущее этого человѣка и существъ, связанныхъ съ нимъ столь близко? Я легко нашелъ бы совѣтъ, еслибы былъ похожъ на моего друга, страстнаго поклонника искусства, сиръ-Эрколе Помпиліо. Но я былъ другимъ человѣкомъ, а передо мною судьба поставила генія чистѣйшей воды, душу, жаждущую возможности открыть всему свѣту богатство кроющихся въ ней гармоній, зароненныхъ въ нее ангеломъ. Долженъ ли я взять его за руку и толкнуть на дорогу, къ которой онъ такъ тщетно рвался? Предать ли мнѣ это чистое сердце на жертву болѣзненной горячкѣ, которая такъ часто съѣдаетъ жизнь артиста, а жизнь пѣвца почти всегда? И передо мною предстало блѣдное лицо Андреа Тамбурлини, измученное тоской и развратомъ, въ которомъ онъ хотѣлъ утопить эту тоску. Правда, того вырвали изъ горъ почти противъ воли, этотъ могъ бы забыть о нихъ; рукоплесканія, овиціамы, упоеніе, которое доставляютъ минуты творчества и тріумфа, были бы въ состояніи замѣнить свободу родныхъ горъ и тихое счастіе, которое среди нихъ уготовалъ ему Богъ. Наконецъ, для того, чтобы показать людямъ этотъ талантъ во всемъ блескѣ, я долженъ былъ бросить эту душу въ бурный потокъ развратнаго свѣта, а имѣлъ ли я на это право?

А можетъ быть я долженъ сорвать съ этихъ молодыхъ глазъ повязку, скрывающую передъ нами незнакомый міръ, влекущій его къ себѣ обманчивымъ своимъ блескомъ? Можетъ быть, мнѣ нужно ему сказать: Ты рвешься къ блуждающему огоньку, который свѣтится надъ бездонной трясиной и сбиваетъ съ дороги неопытныхъ путниковъ. Тебѣ душно среди твоихъ горъ, такъ близкихъ къ небу, потому что ты не знаешь, къ чему ты рвешься, воображеніе радужными красками рисуетъ передъ тобой идеалъ, въ которомъ столько же правды, сколько въ театральной декораціи. Мнѣ жалко тебя, жалко, что ты изнываешь въ безполезной борьбѣ за горсточку овиіама и листокъ лавра, жалко твое сердце, которому тамъ-то именно и будетъ тяжело и душно. Но нѣтъ, зачѣмъ мнѣ говорить ему это? Онъ не повѣрилъ бы мнѣ. Человѣкъ живетъ своими мечтами, влагаетъ въ нихъ свою мысль, чувство, упованіе. А еслибъ онъ повѣрилъ,—лучше было бы? Мечта, какъ звѣзда, ярко горѣла бы надъ его тихой однообразной жизнью, онъ смотрѣлъ бы на нее, рвался бы къ ней, по временамъ, можетъ быть, искалъ бы крыльевъ, чтобы подняться къ ней, но крылья у него не выростутъ, взбунтовавшійся духъ скоро успокоится, отъ времени мечтаній останется воспоминаніе, и далекая звѣзда будетъ вѣчно проливать

Digitized by Google

свой ясный свѣтъ въ его душу. Зачѣмъ мнѣ гасить эту звѣзду? И я не сказалъ ему ни слова.

На сѣроватой лазури неба рисовалось легкое опаловое облачко съ розовой оторочкой внизу на краю горизонта. Послѣ недолгаго отдыха я шелъ по тропинкѣ, спускающейся внизъ къ Гурглю. Зеппль проводилъ меня до креста на поворотѣ, чтобъ еще разъ показать мнѣ дорогу. Его шляпа была низко надвинута на лобъ, глаза упорно смотрѣли въ землю. У креста я подалъ ему руку на прощаніе.

— Поклонись отъ меня Маріеле,—сказалъ я,—будьте счастливы съ нею въ вашихъ горахъ.

Онъ не отвѣтилъ ничего, только кивнулъ головой еще разъ и быстро и ловко началъ взбираться въ гору. Я слѣдилъ за нимъ, покуда его не закрыла скала.

Черезъ минуту вдали звучала пѣсня и серебристыми тонами плыла по воздуху.

В. Л.

Digitized by Google

Народное образованіе въ Саратовской губерніи *).

I.

При введеніи земскихъ учрежденій народное образованіе въ Россіи повсемѣстно находилось въ самомъ жалкомъ положеніи. Въ то время въ селахъ и деревняхъ существовали школы 5 родовъ: 1) приходскія по положенію 1828 г., 2) школы министерства государственныхъ имуществъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, 3) школы удѣльнаго вѣдомства въ селеніяхъ удѣльныхъ крестьянъ, 4) школы церковно-приходскія принадлежащія духовному вѣдомству и 5) школы крестьянскія, частныя, названныя впослѣдствіи школами грамоты. По благоустройству самыми лучшими изъ перечисленныхъ школъ были приходскія училища; но ихъ было очень мало: къ 1868 году ихъ насчитывалось на всю имперію 1,168 съ 64,944 учащихся. Кромѣ того онѣ находились большею частію въ городахъ и рѣже въ крупныхъ селеніяхъ, такъ что земству почти не пришлось пользоваться этими школами, какъ наслѣдствомъ отъ дореформеннаго строя. Изъ школъ другихъ родовъ наибольшую организованность имѣли школы, бывшія въ селеніяхъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ. Эти школы, имѣли по крайней мѣрѣ, сносныя помѣщенія и опредѣленныя средства содержанія. Положеніе же церковно-приходскихъ и частныхъ школъ отличалось крайнею неопредѣленностью, случайностью: существующая сегодня школа завтра могла прекратить свое существованіе вслѣдствіе матеріальной необезпеченности или какихъ-нибудь другихъ причинъ. Преподавателями дореформенной школы были главнымъ образомъ: духовенство, быв-

*) Статья написана по слѣдующимъ источникамъ:

1. *Труды (саратовской земской) комиссіи по народному образованію*, выпускъ XI. Саратовъ, 1894 г.

2. „Докладъ комиссіи по народному образованію XXVIII очередному саратовскому губернскому земскому собранію".

3. „Докладъ комиссіи по народному образованію саратовскому XXIX очередному губернскому земскому собранію 1895 г.".

4. „Отчетъ саратовскаго епархіальнаго училищнаго совѣта о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты саратовской епархіи за 1893—4 учебный годъ.

Digitized by Google

шіе семинаристы, отставные солдаты, крестьяне, писаря, чернички и проч. Никакой педагогической подготовки учителя не имѣли, а потому и преподаваніе велось по старымъ методамъ, по которымъ ученикъ выучивался читать и писать механически. Школьныя помѣщенія отличались крайнею неприспособленностью къ учебнымъ занятіямъ. Учебныя пособія, даже самыя необходимыя, почти отсутствовали.

Въ такомъ же жалкомъ видѣ находилось народное образованіе и въ Саратовской губерніи. Свѣдѣнія о числѣ начальныхъ школъ, бывшихъ въ 1866 г., имѣются только по 6 уѣздамъ и не полны:

Уѣзды:	Число школъ.	Число учащихся.		Изъ числа шк. были въ вѣдѣн.	
		Мальч.	Дѣвоч.	Мин. г.им.	Удѣловъ.
Балашовскій. . .	49	1,327	156	4	?
Вольскій	31	658	67	8	11
Камышинскій . .	26 *)	681	74	6	3
Петровскій . . .	33	667	23	6	—
Хвалынскій . . .	25	465	23	6	?
Царицынскій. . .	27(16)	502	58	8	1

Изъ всѣхъ этихъ школъ наиболѣе благоустроенными были школы въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ. Онѣ обыкновенно помѣщались въ общественныхъ домахъ; учителя ихъ получали изъ казначейства опредѣленное вознагражденіе (100 р. въ годъ); кромѣ того ежегодно отпускалось на каждую школу по 10 р. на учебныя пособія и по 12 р. на сторожа. На эти расходы былъ установленъ особый общественный сборъ съ государственныхъ крестьянъ, простиравшійся въ 1866 г. въ Саратовской губ. до 24,487 руб. 29 коп. (по 9 к. съ души). Школы, бывшія въ селеніяхъ удѣльныхъ крестьянъ, получали пособіе отъ удѣльной конторы; пособіе это было не постоянное: «по мѣрѣ успѣховъ учащихся». Помимо пособія деньгами удѣлъ высылалъ въ свои школы учебники. Положеніе церковно-приходскихъ и общественныхъ школъ было самое неопредѣленное, необезпеченное. По свидѣтельству тогдашнихъ членовъ училищныхъ совѣтовъ, «иногда въ одинъ годъ закрывалась $^1/_4$ часть всѣхъ существовавшихъ школъ и на ихъ мѣсто возникало столько же новыхъ, чтобы въ слѣдующемъ году уступить мѣсто другимъ».

Помѣщались эти школы «въ церковныхъ сторожкахъ, при волостныхъ правленіяхъ, въ кухнѣ священника, наемной избѣ, часто вмѣстѣ съ хозяиномъ, и очень рѣдко въ особомъ общественномъ домѣ». Классная мебель, учебники и учебныя пособія были въ самомъ жалкомъ состояніи.

Объ этомъ неприглядномъ положеніи школьнаго дѣла говорятъ почти всѣ доклады по народному образованію, представленные первымъ уѣзднымъ земскимъ собраніямъ. Члены училищнаго совѣта въ Балашовскомъ уѣздѣ

*) Кромѣ 83 школъ нѣмецкихъ.

Digitized by Google

нашли, что «во многихъ училищахъ встрѣчается большой недостатокъ въ учебныхъ пособіяхъ какъ для первоначальнаго чтенія и письма, такъ и для обученія катехизису, священной исторіи и ариѳметикѣ; должности учителей въ нѣкоторыхъ училищахъ исправляются малограмотными лицами, большею частью нанятыми отъ штатныхъ учителей (священниковъ), которые сами не имѣютъ досуга заниматься въ училищѣ по другимъ своимъ служебнымъ дѣламъ, и потому успѣховъ въ преподаваніи не замѣтно никакихъ» (Д. 1868 г.). «Большая часть училищъ не имѣютъ особыхъ для своего помѣщенія домовъ, а помѣщаются въ церковныхъ сторожкахъ, или отведенной комнатѣ при волостномъ правленіи, или наемномъ домѣ; почти всѣ эти помѣщенія неудобны, тѣсны и не имѣютъ въ достаточной степени свѣта. Скамеекъ въ классахъ для учащихся, такъ называемыхъ партъ, во многихъ училищахъ очень мало, и ученики размѣщаются кто сидя, а кто стоя» (Д. 1873 г.). Въ Вольскомъ уѣздѣ преподавателями были почти исключительно священнослужители и ихъ жены (въ 23 школахъ), въ 4 школахъ—крестьяне, въ 3—неокончившіе курсъ семинаристы и въ 1—писарь. Собственныхъ отдѣльныхъ помѣщеній школы обыкновенно не имѣли. Школьная обстановка настолько была плоха, что «въ нѣкоторыхъ школахъ школьными столами служили старыя двери, положенныя на кадушки, а ученики помѣщались на доскахъ, утвержденныхъ на обрубкахъ». Въ Петровскомъ уѣздѣ «училищныя пособія школъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ,—до крайности ничтожны. Въ большей части случаевъ каждый учащійся приходитъ въ школу съ своею изорванною и испачканною книжкой, купленной за нѣсколько копѣекъ на базарѣ или у проѣзжаго торговца. Объ учебныхъ припасахъ и говорить нечего: нерѣдко случается мальчикамъ писать на бумагѣ, уже исписанной, поднятой гдѣ-нибудь на улицѣ или отпущенной изъ лавки при покупкѣ какого-нибудь товара... Учителей истинно преданныхъ своему дѣлу, съ любовью и яснымъ сознаніемъ посвятившихъ себя своимъ обязанностямъ, положительно нѣтъ» (Д. 1868 г.). О пріемѣ преподаванія въ тогдашнихъ школахъ членъ училищнаго совѣта, г. Бѣгичевъ, докладывалъ хвалынскому уѣздному собранію 1867 г. слѣдующее: «Сколько я могъ наблюдать, эти пріемы не вышли изъ той рутинной колеи, которая была создана прежнею педагогикой. Буквари проходятся такъ же, какъ и прежде, начиная съ азовъ и складовъ; чтеніе книги сопровождается тѣми же складами и верхами; изученіе ариѳметики предваряется выучиваніемъ изъ книги отвѣтовъ на вопросы: что такое сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе?»...

Такимъ образомъ дореформенное время передало земству школьное дѣло въ такомъ ничтожномъ размѣрѣ и такомъ несовершенномъ видѣ, что земство должно было начинать организацію народной школы съ начала. Какъ же саратовское земство приступило къ дѣлу народнаго образованія и какія оно принимало мѣры для развитія этого дѣла? Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы прежде всего разсмотримъ дѣятельность по народному образованію губернскаго земства и затѣмъ дѣятельность уѣздныхъ земствъ.

Digitized by Google

II.

Вначалѣ саратовское губернское земство совершенно устранялось отъ какого бы то ни было участія въ дѣлѣ развитія народнаго образованія. Это уклоненіе продолжалось до 1874 года. Въ этотъ періодъ времени губернское земство держалось того взгляда, что начальное народное образованіе, какъ дѣло, не имѣющее общегубернскаго значенія, должно быть вполнѣ предоставлено попеченіямъ уѣздныхъ земствъ. Себѣ же губернское земство оставило лишь заботы о среднемъ образованіи. «На губернскіе сборы,—говоритъ въ 1866 г. коммиссія, избранная саратовскимъ губернскимъ земствомъ для разверстанія земскихъ повинностей на губернскія и уѣздныя,—слѣдуетъ отнести удовлетвореніе тѣхъ потребностей, которыя касаются нуждъ цѣлой губерніи, всѣ же остальныя—къ уѣзднымъ; и на этомъ основаніи къ губернскимъ повинностямъ въ сферѣ народнаго образованія слѣдуетъ отнести лишь содержаніе землемѣрно-таксаторскихъ классовъ при гимназіи». Ту же мысль выражаетъ въ 1869 г. земское собраніе, которое, заслушавъ предложеніе г. саратовскаго губернатора о недостаточности средствъ для народнаго образованія и о необходимости «назначенія земствомъ извѣстной платы за выучку по данной программѣ», высказалось такимъ образомъ: «отнесеніе земскихъ повинностей къ разряду губернскихъ или уѣздныхъ зависитъ отъ того значенія, какое онѣ, по важности своей, имѣютъ для губерніи: такъ, низшее образованіе и мѣры благотворительности, за исключеніемъ заведеній, содержимыхъ на счетъ капиталовъ бывшаго приказа общественнаго призрѣнія, и даже мѣры къ обезпеченію продовольствія, насколько онѣ касаются собственно отдѣльныхъ уѣздовъ, съ самаго открытія земскихъ учрежденій были предоставлены исключительному вѣдѣнію уѣздныхъ земствъ». Такимъ образомъ вопросъ о народномъ образованіи постоянно передавался губернскимъ земствомъ въ вѣдѣніе уѣздныхъ земствъ. Такъ губернская управа поступила въ 1867 г., передавъ на обсужденіе уѣздныхъ земствъ вопросъ о содержаніи школъ въ селеніяхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Точно также на усмотрѣніе уѣздныхъ земствъ было передано въ 1868 г. ходатайство саратовскаго братства св. креста объ оказаніи денежнаго пособія на открытіе въ селеніяхъ женскихъ школъ. Также губернское земство поступало и во всѣхъ другихъ случаяхъ, касающихся народнаго образованія.

Съ 1874 г. губернское земство «придерживаясь въ теоріи установившейся ранѣе точки зрѣнія, на практикѣ вслѣдствіе жизненныхъ запросовъ должно было отступить отъ нея и принять участіе въ расходахъ и на низшее образованіе. Отступленіе это совершилось постепенно, незамѣтно Сначала губернское земство признало, что и въ сферѣ начальнаго народнаго образованія есть задачи, имѣющія значеніе для всей губерніи и не посильныя для уѣздныхъ земствъ. Такою задачей являлась подготовк хорошихъ учителей для народныхъ школъ. Подготовку рѣшено было производить въ учительской семинаріи. Но наиболѣе надежныхъ и желате

Digitized by Google

ныхъ воспитанниковъ учительскимъ семинаріямъ могла дать только народная школа, такъ какъ только учителя вышедшіе изъ народа могли составить прочное и здоровое ядро для нарождающагося класса сельскихъ учителей. Высшею по программѣ и объему курса народною школой было двухклассное министерское училище. Такимъ образомъ содѣйствіе устройству такихъ училищъ, какъ подготовительной школы для учительской семинаріи, явилось задачей тѣсно связанной съ первою задачей—устройствомъ и поддержаніемъ семинаріи. Это содѣйствіе было оказано губернскимъ земствомъ въ формѣ безпроцентныхъ ссудъ на постройку зданій для двухклассныхъ училищъ. Но разъ этотъ шагъ былъ сдѣланъ, дальнѣйшій—выдача ссудъ вообще на постройку школьныхъ зданій (и одноклассныхъ)—вытекалъ неизбѣжно изъ крайне медленнаго открытія двухклассныхъ училищъ, вслѣдствіе чего ассигнованный на этотъ предметъ кредитъ оставался безъ употребленія» *).

Отступленіе отъ принятаго въ 1866 г. разверстанія повинностей на уѣздныя и губернскія въ сферѣ народнаго образованія было совершено губернскимъ земствомъ въ принципѣ еще ранѣе 1874 г. Еще съ 1870 г. на обсужденіе губернскаго земскаго собранія отъ гласныхъ начинаютъ поступать разнаго рода проекты, касающіеся народнаго образованія. Проекты эти, хотя не вызывали въ началѣ никакихъ практическихъ мѣропріятій со стороны губернскаго земства, тѣмъ не менѣе они приносили ту пользу, что ставили передъ нимъ на разрѣшеніе школьные вопросы и тѣмъ самымъ подготовляли его къ активной дѣятельности въ той области, по отношенію къ которой оно до сихъ поръ занимало инертное положеніе. Изъ проектовъ заслуживаетъ вниманія проектъ, представленный гласнымъ Ф. И. Абакумовымъ собранію 1871 г. Абакумовъ, указывая въ своемъ проектѣ на крайнее невѣжество русскаго крестьянства и находя, что при настоящемъ положеніи финансовыхъ средствъ ни правительство, ни земство не могутъ ассигновать достаточныхъ суммъ на народное образованіе, видитъ выходъ изъ этого тяжелаго положенія въ участіи высшихъ просвѣщенныхъ слоевъ общества въ распространеніи народнаго образованія и предлагаетъ саратовскому губернскому земству взять на себя иниціативу организаціи въ губерніи комитета для распространенія грамотности.

Для распространенія грамотности въ проектѣ намѣчены слѣдующія средства: 1) «снабженіе народныхъ школъ книгами, 2) открытіе въ центральныхъ пунктахъ Саратовской губ. складовъ книгъ и учебныхъ пособій для продажи ихъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ, 3) организація учительскихъ и ученическихъ библіотекъ, 4) учрежденіе въ Саратовѣ при комитетѣ грамотности центральной педагогической библіотеки, 5) открытіе начальныхъ народныхъ школъ, 6) содержаніе стипендіатовъ при учительскихъ семинаріяхъ и содѣйствіе учрежденію лѣтнихъ педагогическихъ курсовъ, 7) командировка членовъ въ мѣста образцоваго преподаванія съ

*) *Труды комиссіи по народному образованію*, вып. XI, стр. 336.

Digitized by Google

цѣлью ознакомленія съ лучшими пріемами обученія, 8) назначеніе конкурсныхъ премій за составленіе учебниковъ для народныхъ школъ, а также за сочиненія по народной гигіенѣ, этнографіи, статистикѣ и исторіи Саратовской губ., 9) оказаніе матеріальной помощи учителямъ сельскихъ народныхъ училищъ, 10) обсужденіе способовъ и мѣръ распространенія народнаго образованія и учрежденія для этой цѣли постоянныхъ и временныхъ коммиссій». Проектъ г. Абакумова былъ переданъ на разсмотрѣніе тремъ гласнымъ, но практическаго значенія не имѣлъ, т.-е. никакого постановленія по поводу его не состоялось. Было еще нѣсколько проектовъ, касающихся подготовки учителей для народныхъ школъ, но они имѣли ту же судьбу, что и проектъ г. Абакумова.

Вопросъ о подготовкѣ сельскихъ учителей путемъ устройства въ Саратовской губ. учительской семинаріи въ принципѣ былъ рѣшенъ въ положительную сторону еще въ 1870 г., когда саратовскій губернскій училищный совѣтъ просилъ земскую управу доложить собранію о необходимости устроить въ Саратовѣ учительскую школу и лѣтніе педагогическіе курсы для сельскихъ учителей. Затѣмъ въ 1871 г. состоялось Высочайшее повелѣніе объ открытіи въ Россіи 5 новыхъ учительскихъ семинарій, изъ которыхъ одну предположено было устроить въ Сердобскомъ уѣздѣ. Инспекторъ, которому предложено было осмотрѣть пригодные для помѣщенія семинаріи дома въ уѣздѣ, не нашелъ таковыхъ и счелъ наиболѣе удобнымъ открыть семинарію въ г. Вольскѣ, ассигновавшемъ на ея открытіе 1 т. р. Но на этотъ разъ (въ 1872 г.) учительская семинарія вмѣсто Сердобскаго уѣзда была открыта въ селѣ Порѣцкомъ, Алатырскаго уѣзда, Симбирской губ., въ виду того, что симбирское земство на экстренномъ земскомъ собраніи ассигновало на первое обзаведеніе и устройство учительской семинаріи слишкомъ 26,500 р. Въ 1873 г. въ министерствѣ возникло новое предположеніе объ открытіи въ Казанскомъ округѣ еще одной семинаріи. Попечитель округа, находя субсидію г. Вольска недостаточной, предложилъ черезъ инспектора народныхъ училищъ саратовскому земству ассигновать пособіе на открытіе и содержаніе семинаріи въ размѣрѣ отъ 7 до 8 тыс. ежегодно. Экстренное губернское земское собраніе, «сознавая всю необходимость подготовки учителей для народныхъ школъ Саратовской губ. и пользу отъ устройства учительской семинаріи», нашло обременительной для себя требуемую субсидію и, по обыкновенію, поручило управѣ «сдѣлать предложеніе уѣзднымъ земскимъ собраніямъ, не найдутъ ли они возможнымъ изъ ассигнуемыхъ уѣздныхъ суммъ на народное образованіе удѣлить какую-либо долю въ пользу устройства въ Саратовской губ. учительской семинаріи».

Вопросъ о подготовкѣ учителей получилъ практическое осуществлен лишь въ 1874 г., когда губернская управа представила собранію обшн ный докладъ о способахъ содѣйствія народному образованію. Въ чис другихъ мѣръ управа просила: «1) разрѣшить ходатайствовать передъ пр вительствомъ объ открытіи учительской семинаріи въ Саратовской г

Digitized by Google

при условіи земскаго пособія въ размѣрѣ 3 тыс. руб. въ годъ на наемъ помѣщенія; 2) открыть губернской земской управѣ кредитъ въ 27 тыс. руб. на производство ссудъ обществамъ, желающимъ устроить двуклассныя училища, по 3 т. руб. на каждое, съ условіемъ возврата денегъ въ теченіе 10 лѣтъ по равной части безъ процентовъ; 3) назначить въ распоряженіе губернской управы на устройство лѣтнихъ учительскихъ курсовъ по 1,500 руб. въ годъ». Всѣ эти предложенія управы были собраніемъ приняты и впослѣдствіи приведены въ исполненіе.

Вольская учительская семинарія была открыта въ 1875 г. и пользовалась ежегоднымъ пособіемъ губернскаго земства въ размѣрѣ 3 тыс. руб. Это пособіе было сохранено за ней даже и послѣ того, какъ она въ 1878 г. пріобрѣла собственное зданіе. Такъ продолжалось до 1884 г., когда губернское собраніе, отчасти подъ вліяніемъ взглядовъ нѣкоторыхъ гласныхъ, находившихъ полезность семинаріи сомнительною, но главнымъ образомъ, полагая, что матеріальное положеніе семинаріи достаточно обезпечено, постановило съ 1885 г. выдачу пособія прекратить. Пособіе не вносилось послѣ этого постановленія до 1892 года. Но постановленіе было опротестовано губернаторомъ на основаніи закона 1878 г. объ обязательности всякаго пособія, назначеннаго на неопредѣленный срокъ, и указомъ сената земству въ 1891 г. было вмѣнено въ обязанность продолжать выдачу пособія семинаріи; а министерство народнаго просвѣщенія заявило требованіе объ уплатѣ земствомъ 21 тыс. руб. за 7 лѣтъ, въ теченіе которыхъ пособіе семинаріи не выдавалось. Въ 1892 г. земство ходатайствовало о сложеніи съ него недоимки (21 т. р.), но министръ народнаго просвѣщенія нашелъ возможнымъ освободить земство отъ внесенія пособія лишь на одинъ 1893 г., послѣ чего земское собраніе поручило управѣ ходатайствовать о разсрочкѣ числящагося на земствѣ долга на 10 лѣтъ.

Выдачу безпроцентныхъ ссудъ въ началѣ предположено было производить лишь на устройство двуклассныхъ училищъ (по одному на уѣздъ); но съ 1877 г., вслѣдствіе того, что учрежденіе такихъ училищъ подвигалось медленно, было постановлено выдавать ссуды и на постройку одноклассныхъ школъ, не ограничиваясь одною на уѣздъ, но не свыше 1 т. руб. на каждую и при условіи принятія на себя уѣзднымъ земствомъ жалованья учителю не ниже 300 руб. въ годъ. Это послѣднее условіе, несмотря на неоднократныя ходатайства объ его измѣненіи, сохранено губернскимъ земствомъ и до настоящаго времени. Въ 1880 г., вслѣдствіе израсходованія всей назначенной первоначально суммы (27 т. р.), она была увеличена до 30 т. руб., причемъ кредитъ этотъ признанъ былъ подвижнымъ, т.-е. получаемыя въ возвратъ ссудъ деньги разрѣшено было выдавать вновь другимъ обществамъ на тотъ же предметъ. Всего по 1 января 1894 г. выдано ссудъ на постройку школъ 62 обществамъ: на постройку 3 двуклассныхъ и 59 одноклассныхъ сельскихъ училищъ. На каждое двуклассное выдавалось по 3 т. р., на одноклассное—отъ 500 р. до 1 т. р. Всего выдано въ ссуду 63,200 р., изъ которыхъ 37,472 руб.

Digitized by Google

63 к. возвращены земству, а 25,727 руб. 37 коп. остается въ долгу за обществами. По уѣздамъ выданныя ссуды распредѣляются такъ:

Аткарскій	4
Балашовскій	1
Вольскій	1
Камышинскій	2
Кузнецкій	5
Петровскій	11
Саратовскій	—
Сердобскій	1
Хвалынскій	22
Царицынскій	14

Такое неравномѣрное пользованіе ссудами различными уѣздами и скромные размѣры сказанной операціи объясняются отчасти недостаточнымъ размѣромъ открытаго кредита, отчасти же тѣмъ условіемъ, которое поставило земство относительно назначенія учительскаго жалованья. Благодаря этому условію, нѣкоторые уѣзды (Саратовскій) совершенно не пользовались ссудой или же пользовались въ видѣ исключенія (Балашовскій, Сердобскій).

Педагогическіе курсы были организованы лишь въ 1875 г. подъ руководствомъ инспектора народныхъ училищъ г. Золотова и продолжались въ теченіе 6 недѣль (съ 15 іюля по 1 сентября). Всѣхъ учителей на курсы (по назначенію уѣздныхъ управъ и г. Золотова) прибыло 78 человѣкъ; расходы обошлись земству въ 1242 р. 12 коп. Въ слѣдующіе годы лѣтніе курсы въ Саратовской губ. не повторялись. Причиной этого было отчасти «изданіе 5 августа 1875 г. новыхъ правилъ о временныхъ педагогическихъ курсахъ, которыми (правилами) устройство и веденіе курсовъ всецѣло предоставлялось училищнымъ совѣтамъ и дирекціи; земству же предоставлялось лишь право заявлять училищнымъ совѣтомъ о желаніи устроить курсы и принимать на себя расходы» (Ibid., стр. 345).

Другихъ практическихъ мѣръ, кромѣ указанныхъ, въ области народнаго образованія губернское земство не предпринимало до 1888 г. Такое затишье и вся вообще дѣятельность губернскаго земства находились въ связи съ дѣятельностью уѣздныхъ земствъ. Послѣднія, начавъ съ 70 годовъ организацію земской школы, пришли къ вопросу о необходимости подготовки хорошихъ учителей и устройства приспособленныхъ помѣщеній. Этотъ вопросъ, назрѣвъ въ уѣздахъ, предсталъ въ срединѣ 70 годовъ и передъ губернскимъ земствомъ. Но назрѣвшій вопросъ былъ такъ или иначе разрѣшенъ, наступилъ періодъ скромной работы, работы увеличенія числа школъ и учащихся; и губернское земство въ продолженіе 10 лѣтъ не принимаетъ никакихъ новыхъ мѣръ по народному образованію. Въ срединѣ 80 годовъ жизнь начинаетъ выдвигать новые вопросы по народному образованію. Изданное въ 1884 г. положеніе о церковноприходскихъ школахъ заставляетъ земство и литературу подвести итоги всего сдѣланнаго зем

Digitized by Google

ствомъ по народному образованію и вызываетъ критику земской школы. Раздались голоса, что земская школа не принесла населенію никакой пользы, что ученики ея скоро забываютъ пріобрѣтенныя знанія и что земство должно измѣнить свое отношеніе къ народному образованію. Нѣкоторыя уѣздныя земства (Вольское, Хвалынское) передали земскія школы въ вѣдѣніе духовенства; другія же сознали необходимость расширить дѣятельность земства въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія и выдвинули въ этой сферѣ новые вопросы, вопросъ о народныхъ чтеніяхъ, повторительныхъ курсахъ, библіотекахъ, о распространеніи среди народа книгъ для чтенія. Упадокъ народнаго благосостоянія поставилъ на очередь вопросы о распространеніи въ народѣ сельско-хозяйственныхъ и ремесленныхъ знаній, о садоводствѣ, огородничествѣ и проч. Выдвинутые жизнью и уѣздными земствами, перечисленные вопросы предстали въ концѣ 80-хъ годовъ и предъ губернскимъ земствомъ.

Въ 1888 г. въ губернскомъ земствѣ былъ возбужденъ вопросъ объ учрежденіи въ губерніи низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ; для разработки его была избрана особая комиссія. Но еще ранѣе доклада комиссіи на экстренномъ собраніи 1889 г. вопросъ о земледѣльческихъ училищахъ былъ вновь возбужденъ управой, предложившей ознаменовать открытіемъ такихъ училищъ 25-лѣтіе земскихъ учрежденій. Предложеніе управы было принято въ принципѣ и избрана была новая комиссія для разработки проекта; тѣмъ не менѣе вопросъ о сельско-хозяйственныхъ школахъ не получилъ практическаго разрѣшенія «за недостаткомъ нужныхъ свѣдѣній для уясненія типа сельско-хозяйственныхъ школъ». Для доставленія этихъ нужныхъ свѣдѣній на съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію, бывшій въ Петербургѣ въ 1890 г., былъ отправленъ делегатомъ отъ земства гл. Фохтъ.

Возвратясь съ съѣзда, онъ представилъ собранію 1890 г. докладъ, въ которомъ расходится съ мнѣніемъ съѣзда о распространеніи сельско-хозяйственныхъ знаній путемъ элементарной школы, полагая, что «въ элементарной школѣ едва хватаетъ времени и на другія занятія».

Помимо этого Фохтъ думаетъ, что «учителя, получившіе даже спеціальную подготовку, недостаточно свѣдущи въ сельскомъ хозяйствѣ, а вслѣдствіе этого нѣтъ основанія предполагать, что ученики и особенно ихъ родители признаютъ сельско-хозяйственный авторитетъ учителя». Принимая все это во вниманіе, а также имѣя въ виду, что крестьяне отводятъ школѣ землю въ большинствѣ случаевъ плохую и въ маломъ количествѣ и что крестьянскія дѣти лѣтомъ составляютъ рабочую силу, которой крестьяне охотно не пожертвуютъ, Фохтъ рекомендуетъ «отнестись къ вопросу о сельско-хозяйственныхъ школахъ осторожнѣе». Докладъ Фохта былъ переданъ на разсмотрѣніе въ особую комиссію, которая нашла себя некомпетентной въ рѣшеніи вопроса о сельско-хозяйственныхъ школахъ за неимѣніемъ нужныхъ свѣдѣній.

Въ собраніи же 1888 г. на-ряду съ вопросомъ о сельско-хозяйствен-

Digitized by Google

ныхъ школахъ былъ поднятъ вопросъ о болѣе широкомъ участіи губернскаго земства въ дѣлѣ начальнаго образованія. Собраніе передало и этотъ вопросъ въ ту же коммиссію, въ которую поступилъ вопросъ и о сельскохозяйственныхъ школахъ. Коммиссія въ 1889 г. представила собранію докладъ, на который собраніе отвѣтило слѣдующими постановленіями:

1) «Присоединиться къ ходатайству балашовскаго земства передъ правительствомъ о подчиненіи субсидируемыхъ земствомъ школъ грамотности вѣдѣнію мѣстныхъ училищныхъ совѣтовъ». Это постановленіе не было утверждено министромъ, потому что «едва ли удобно по ходатайству земства одной только губерніи измѣнять недавно состоявшійся (4 мая 1891 г.), общій по Имперіи законъ о порядкѣ надзора за школами грамотности.

2) «Поручить губернской управѣ учредить складъ учебныхъ пособій, учебниковъ и книгъ для народнаго чтенія, а уѣзднымъ управамъ рекомендовать пользоваться книгами и пособіями для своихъ училищъ исключительно изъ этого склада, по цѣнѣ дѣйствительной ихъ стоимости; на образованіе склада ассигновать 2 т. руб., въ видѣ основного капитала, изъ губернскаго сбора и, кромѣ того, открыть управѣ кредитъ, на случай недостаточности основного капитала, въ размѣрѣ 5 т. руб. изъ 5%, и срокомъ не болѣе 2 лѣтъ».

Въ 1890 г. собраніе постановило расширить дѣятельность книжнаго склада, предоставивъ управѣ кредитъ на этотъ предметъ до 17 т. руб. и разрѣшивъ брать при продажѣ книгъ извѣстный %, барыша, который могъ бы покрыть всѣ расходы по складу. На очередномъ собраніи 1892 г. предсѣдатель управы, указавъ на развитіе оборотовъ склада, достигшихъ въ послѣднее время 18 т. р., заявилъ, что становится невозможнымъ при завѣдываніи имъ обходиться даровымъ трудомъ, и просилъ собраніе разрѣшить управѣ пригласить отдѣльнаго завѣдующаго складомъ, назначивъ ему ежемѣсячное жалованье (100 руб. въ мѣсяцъ), и ассигновать на мелкіе расходы по складу до 200 руб. въ годъ, отнеся эти суммы на счетъ прибылей склада. Предложеніе предсѣдателя собраніемъ было принято. Въ настоящее время при нѣсколькихъ уѣздныхъ управахъ устроены уже отдѣленія губернскаго склада, а послѣдній по величинѣ своихъ операцій долженъ быть отнесенъ къ числу крупнѣйшихъ въ Россіи земскихъ складовъ (Харьковскій, Тверской).

3) Третье постановленіе было: «оказывать пособія школьнымъ библіотекамъ въ размѣрѣ не болѣе 30% стоимости устройства библіотеки (въ 1893 г. пособіе увеличено до 50%) и чтобы общая сумма пособія не превышала 100 руб. на каждую библіотеку; изъ губернскихъ суммъ назначить на это 1 т. руб.». Очередное собраніе 1892 г. расширило это постановленіе о школьныхъ библіотекахъ, назначивъ на устройство 10 образцовыхъ народныхъ библіотекъ (по одной на уѣздъ) 1,500 р. Въ 1893 г. постановлено было сверхъ ассигнованныхъ въ 1892 г. 1,500 руб. назначить 1,500 р. на пособіе библіотекамъ, учреждаемымъ по мѣстной иниціативѣ. Всѣ эти три постановленія были опротестованы губернаторомъ и исключены

Digitized by Google

изъ смѣты губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствіемъ. Но министръ внутреннихъ дѣлъ протесты губернатора по первымъ двумъ постановленіямъ (пособіе уѣзднымъ земствамъ на устройство школьныхъ библіотекъ 1,000 р. и содержаніе 10 образцовыхъ библіотекъ 1,500 р.) отмѣнилъ; смѣтное же назначеніе (1,500 р.) на народныя библіотеки, учреждаемыя по мѣстной иниціативѣ, призналъ преждевременнымъ, что подтверждено было въ 1894 г. и комитетомъ министровъ.

4) Въ-четвертыхъ постановлено было: «ходатайствовать передъ высшимъ правительствомъ относительно разрѣшенія народныхъ воскресныхъ чтеній въ селеніяхъ по усмотрѣнію и подъ ближайшимъ наблюденіемъ училищнаго совѣта». Въ 1893 г. это постановленіе было вновь подтверждено и на устройство народныхъ чтеній въ селеніяхъ въ помощь уѣзднымъ земствамъ ассигнована 1 т. руб. Ходатайство земства о разрѣшеніи народныхъ чтеній въ селеніяхъ было отклонено министромъ въ виду несоотвѣтствія этого ходатайства правиламъ 24 дек. 1876 г. объ устройствѣ народныхъ чтеній. Ассигновка въ 1 т. р. на народныя чтенія министромъ внутреннихъ дѣлъ и комитетомъ министровъ признана преждевременной.

5) Послѣднимъ постановленіемъ собранія 1889 г. было: «открыть кредитъ управѣ въ 300 руб. на созывъ съѣзда гг. инспекторовъ народныхъ школъ, съ цѣлью выясненія существующаго положенія дѣла народнаго образованія, подъ предсѣдательствомъ г. директора народныхъ училищъ; требуемую на этотъ предметъ сумму (300 р.) внести въ смѣту губернскаго сбора и ходатайствовать о допущеніи на съѣздъ желающихъ губернскихъ гласныхъ съ правомъ совѣщательнаго голоса». Попечитель Казанскаго учебнаго округа не нашелъ «достаточныхъ основаній къ устройству такого съѣзда съ допущеніемъ на оный губернскихъ гласныхъ». На вторичное ходатайство о разрѣшеніи сказаннаго съѣзда г. министръ народнаго просвѣщенія въ 1891 г. сообщилъ, что къ организаціи такого съѣзда, въ видѣ опыта, онъ съ своей стороны препятствій не встрѣчаетъ, но при томъ условіи, если изъ числа гласныхъ будутъ приглашаться лишь тѣ, мнѣнія которыхъ найдетъ нужнымъ выслушать г. директоръ народныхъ училищъ, въ качествѣ предсѣдателя съѣзда. Собраніе на такую постановку дѣла не нашло возможнымъ согласиться, и съѣздъ не состоялся.

Изъ другихъ постановленій губернскаго земства по народному образованію нужно отмѣтить:

1) Постановленіе 1890 г. о назначеніи 500 р. на выдачу премій учителямъ сельскихъ школъ (по 25 р. каждому) за особенно успѣшныя занятія садоводствомъ, огородничествомъ или пчеловодствомъ. Въ 1892 г. эта ассигновка была увеличина съ 500 р. до 1 т. р., причемъ постановлено было изъ этой суммы выдавать не только преміи учителямъ, но и вообще пособія на устройство школьныхъ садовъ и огородовъ. Въ 1893 г. изъ ассигнованной 1 т. р. израсходовано 308 р. 55 к. на выписку сѣмянъ и выдачу премій учителямъ Сердобскаго и Кузнецкаго уѣздовъ.

2) Для лучшаго выясненія настоящаго положенія дѣла народнаго об-

Digitized by Google

разованія въ губерніи, его недостатковъ и нуждъ и для выясненія всей предшествующей дѣятельности по народному образованію какъ губернскаго, такъ и уѣздныхъ земствъ въ 1892 г. собраніемъ избрана была особая коммиссія, въ распоряженіе которой на производство нужныхъ работъ было ассигновано 2 т. р. Въ 1893 г. состоялось постановленіе о продолженіи дѣйствій этой коммиссіи и о новомъ ассигнованіи 2 т. р. Благодаря трудамъ избранной коммиссіи, была выяснена, во 1-хъ, вся предшествующая дѣятельность саратовскихъ земствъ по народному образованію и, во 2-хъ, положеніе народнаго образованія въ послѣдніе годы.

Заканчивая обзоръ дѣятельности саратовскаго губернскаго земства въ сферѣ начальнаго народнаго образованія, подведемъ итогъ всѣмъ расходамъ, которые губ. земство произвело на начальную школу. Итогъ этотъ получается очень скромный. На Вольскую учительскую семинарію по 1-е января 1894 г. земство израсходовало 31,500 р. (не считая долга заведенію въ 21 т. р.). Другіе безвозвратные расходы на низшее образованіе появляются въ смѣтѣ только съ 1889 г. (исключеніе составляютъ лѣтніе учительскіе курсы, бывшіе въ 1875 г.) и въ общей суммѣ за все время равняются 9,798 р. 85 к. Всего безвозвратныхъ расходовъ по 1894 годъ было 41,298 р. 85 к. Расходы на среднее и высшее образованіе выражаются въ болѣе почтенныхъ цифрахъ. Пособія среднимъ учебнымъ заведеніямъ земство начало выдавать съ перваго же очереднаго собранія. Благодаря матеріальной поддержкѣ земства, открыты были старшіе классы Маріинской женской гимназіи и реальнаго училища. Кромѣ того, для реальнаго училища построено земствомъ особое зданіе, на которое затрачено 79,055 р. 32 к. На пособіе Маріинской гимназіи съ 1867 г. по 1893 г. включительно израсходовано 120 т. руб. На наемъ помѣщенія для реальнаго училища съ 1875 г. по 1889 г.—51,451 р. 15 к. Помимо этихъ расходовъ съ 1889 г. земство оказывало помощь параллельнымъ классамъ при классической гимназіи и министерской женской гимназіи, на что израсходовано 8 т. р. Всего такимъ образомъ на поддержку среднихъ учебныхъ заведеній употреблено по 1 января 1894 г. 183,055 р. 24 к., не считая 79 тыс. р., употребленныхъ на постройку зданія для реальнаго училища. Кромѣ того, 34,201 р. израсходованы на взносъ платы за бѣдныхъ учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній и 24,400 р. 18 коп.—на стипендіи. Всего по 1 января 1894 г. израсходовано на среднее и высшее образованіе 320,711 р. 74 к.

По вопросу о высшемъ образованіи въ 1868 г. гласн. Шахматовымъ поданъ былъ очередному земскому собранію докладъ, въ которомъ докладчикъ, находя, что «съ учрежденіемъ учебнаго округа, университета и реальнаго училища въ Саратовѣ послѣдній получилъ бы возможность выйти на точку блестящей будущности», рекомендовалъ собранію ходатайствовать: 1) о преобразованіи существовавшаго тогда уѣзднаго училища въ реальное съ каѳедрами бухгалтеріи и товаровѣдѣнія, 2) объ отдѣленіи отъ Казанскаго университета факультетовъ юридическаго и камеральнаго и пе-

Digitized by Google

реводѣ ихъ въ Саратовъ и 3) объ учрежденіи въ Саратовѣ учебнаго округа. Въ докладѣ же сообщается, что объ учрежденіи въ Саратовѣ университета саратовское дворянство постановило ходатайствовать передъ правительствомъ еще въ декабрѣ 1860 г., «причемъ изъявило согласіе на взносъ по сему предмету по ½ коп. съ удобной десятины земли, находящейся въ дѣйствительномъ владѣніи дворянства». Министръ внутреннихъ дѣлъ, прежде чѣмъ дать проекту дальнѣйшій ходъ, предложилъ статью проекта (объ обложеніи земель Саратовской губ. извѣстнымъ сборомъ) на обсужденіе всѣхъ городскихъ обществъ, которыя, за исключеніемъ хвалынскаго и кузнецкаго, не дали согласія на этотъ налогъ». Тогда губернское правленіе, въ которомъ производилось дѣло объ устройствѣ университета, полагая, что «новые сборы подлежатъ вѣдѣнію земскихъ учрежденій, постановило проектъ саратовскаго дворянства препроводить на усмотрѣніе губернскихъ управъ: саратовской, астраханской (?), пензенской и самарской, на чемъ дѣло и остановилось». Проектъ гг. Шахматова былъ переданъ для разсмотрѣнія въ особую комиссію. Результаты работъ этой комиссіи неизвѣстны; извѣстно только, что въ 1874 г. губернская управа въ своемъ докладѣ земскому собранію, вполнѣ одобряя мысль объ устройствѣ реальнаго училища, къ вопросу объ университетѣ отнеслась отрицательно.

Въ заключеніе всего сказаннаго о саратовскомъ губ. земствѣ, чтобы показать, какое мѣсто оно занимаетъ по расходамъ на образованіе среди другихъ губернскихъ земствъ, приведемъ «Таблицу расходовъ губ. земствъ на образованіе по смѣтамъ на 1892 г., составленную Д. Д. Лобановымъ».

Названіе земствъ.	Общій итогъ расходовъ по смѣтамъ въ тысяч. руб.	Расходы на образованіе въ тыс. руб.	Процентное отношеніе расходовъ на образован. къ общему итогу.
1. Бессарабское . . .	443,3	59,9	13,5
2. Владимірское . . .	381,6	18,5	4,85
3. Вологодское . . .	159,1	15,3	9,6
4. Воронежское . . .	436,5	36,7	8,4
5. Вятское	400,0	61,4	15,35
6. Екатеринославское.	489,0	67,5	13,8
7. Казанское	283,4	61,0	21,5
8. Калужское	320,0	31,4	9,8
9. Костромское . . .	180,3	12,5	6,9
10. Курское	488,7	42,8	8,76
11. Московское . . .	1.149,8	123,7	10,75
12. Нижегородское . .	289,5	32,3	11,15
13. Новгородское. . .	629,5	48,3	7,7
14. Олонецкое	197,0	11,8	6,0
15. Орловское	187,0	2,0	1,07
16. Пензенское. . . .	233,6	11,3	4,8
17. Пермское	346,7	32,0	9,2
18. Полтавское. . . .	747,5	111,4	14,9

Digitized by Google

19. Псковское	225,7	24,8	11,0
20. Рязанское	284,6	31,2	10,96
21. Самарское	327,9	32,4	9,9
22. С.-Петербургское .	321,2	45,0	19,4
23. Саратовское . . .	265,9	15,0	5,6
24. Симбирское. . . .	208,7	18,9	9,05
25. Смоленское. . . .	136,0	45,0	33,0
26. Таврическое . . .	375,1	9,8	2,6
27. Тамбовское. . . .	633,0	45,5	7,2
28. Тверское.	364,1	24,7	6,8
29. Тульское.	208,6	13,1	6,28
30. Уфимское	273,7	19,8	7,23
31. Харьковское . . .	247,0	77,4	31,3
32. Херсонское. . . .	755,7	132,0	17,4
33. Черниговское . . .	252,6	42,3	16,7
34. Ярославское . . .	139,7	22,1	15,8

Изъ этой таблицы видно, что саратовское губ. земство по абсолютной и относительной цифрѣ расходовъ на образованіе стоитъ, такъ сказать, «въ хвостѣ» губернскихъ земствъ: по суммѣ расходовъ на образованіе ниже его стоятъ 6 земствъ, а по процентному отношенію расходовъ на образованіе къ общему итогу расходовъ — только 4 земства. Въ среднемъ въ періодъ съ 1867 г. по 1894 г. %-ное отношеніе годичныхъ расходовъ саратовскаго губ. земства на образованіе ко всей годичной суммѣ расходовъ равняется 8; къ смѣтѣ же на обязательные расходы—18,4.

III.

Ранѣе мы сказали, что дореформенное время не передало земству ничего такого, изъ чего можно было бы строить зданіе народной школы, и что губернское земство на первыхъ порахъ совершенно устранилось отъ участія въ дѣлѣ народнаго образованія. Слѣдовательно, дѣло это всецѣло легло на уѣздныя земства. Земства прежде всего должны были уяснить себѣ, что они принимаютъ въ наслѣдство отъ прошлаго. Такимъ образомъ, первымъ дѣломъ уѣздныхъ земствъ было собрать свѣдѣнія о существовавшихъ уже школахъ и о состояніи въ нихъ учебно-воспитательнаго дѣла. Свѣдѣнія эти сбирались черезъ волостныя правленія и касались числа училищъ и учащихся, фамилій и званія преподавателей, средствъ содержанія, помѣщеній. Волостныя правленія, понятно, не могли выяснить земству всей неприглядности школьнаго дѣла, и земства попрежнему первые годы оставались безъ опредѣленнаго представленія о положеніи народнаго образованія. Этотъ недостатокъ свѣдѣній заставлялъ земства ограничиваться въ первые годы лишь оказаніемъ незначительныхъ пособій существующимъ школамъ. На путь пособій толкало земства и господствовавшее въ то время среди гласныхъ соображеніе, что «затраты земства на народное образова-

Digitized by Google

ніе только тогда и тамъ будутъ производительны, когда и гдѣ есть сочувствіе къ образованію въ средѣ населенія, есть стремленіе къ нему». Сочувствіе крестьянъ измѣрялось обыкновенно готовностью ихъ нести расходы по содержанію школъ. Но такъ какъ тогдашняя школа, по свидѣтельству многихъ лицъ, близко стоящихъ къ школьному дѣлу, «вовсе не пользовалась расположеніемъ крестьянскаго населенія, и послѣднее стремилось при всякомъ удобномъ случаѣ избавиться отъ расходовъ на школы», то въ концѣ-концовъ и получилось, что школы стали закрываться, а число учащихся сокращаться. Подобное отношеніе къ школѣ крестьянскаго населенія привело нѣкоторыя земства къ мысли о введеніи обязательнаго обученія. Объ обязательномъ обученіи возбудило въ 1867 г. ходатайство царицынское земство и ассигновало въ этотъ годъ на постройку цѣлой сѣти училищъ 7,210 руб. Подобное же ходатайство въ 1870 году возбудило аткарское земство; о томъ же ходатайствовало кузнецкое земство; камышинское тоже хотѣло возбудить подобное же ходатайство, но воздержалось отъ этого только потому, что ему сталъ извѣстенъ отрицательный отвѣтъ на ходатайство царицынскаго земства. Введенію обязательнаго обученія земства придавали большое значеніе; это видно изъ того, что царицынское земство, послѣ отказа министерства, внесло въ 1868 г. въ смѣту на народное образованіе только 800 руб.: земство опасалось, что безъ обязательнаго обученія затраты на школы окажутся непроизводительными.

Первоначальныя пособія земствъ существующимъ и вновь возникающимъ школамъ состояли въ высылкѣ учебныхъ пособій и книгъ и въ выдачѣ денежныхъ наградъ учителямъ. Награды иногда соразмѣрялись съ числомъ учащихся, иногда съ успѣшностью преподаванія, а иногда съ содержаніемъ, получаемымъ учителемъ отъ общества. Ограничиваясь выдачей пособій школамъ, земства вполнѣ предоставляли инициативу школьныхъ улучшеній сельскимъ обществамъ, которымъ предоставлялось и приглашать учителя, и строить или нанимать помѣщеніе, и снабжать учащихся книгами и письменными принадлежностями, и завѣдывать отопленіемъ, освѣщеніемъ и ремонтомъ училищныхъ зданій. Такимъ образомъ полное попеченіе и завѣдываніе школой было предоставлено обществу, не видавшему правильно организованной школы, не знающему результатовъ школьнаго опыта и мало компетентному въ выборѣ учителя. При такихъ условіяхъ школьное дѣло не могло улучшаться; улучшеніе могло произойти только въ случаѣ активнаго и болѣе широкаго участія земства въ школьной жизни. Къ этому убѣжденію земства пришли постепенно, опытомъ нѣсколькихъ лѣтъ.

Къ улучшенію школьнаго дѣла уѣздныя земства приступаютъ двумя путями. Одни земства сразу переходятъ къ устройству чисто-земскихъ школъ, содержимыхъ почти исключительно на счетъ земства, не отказываясь, впрочемъ, отъ пособія другимъ школамъ, общественнымъ. Въ дальнѣйшей дѣятельности нѣкоторыя изъ этихъ земствъ стараются сложить часть своихъ расходовъ на общества. Другая группа земствъ, оставаясь

Digitized by Google

при прежней системѣ пособій, постепенно увеличиваетъ ихъ и приходитъ на помощь обществамъ въ удовлетвореніи все новыхъ и новыхъ школьныхъ нуждъ, но за то обусловливаетъ свое пособіе требованіемъ отъ общества извѣстныхъ затратъ и исполненіемъ разныхъ другихъ условій.

Къ первой группѣ относятся земства вольское, петровское и отчасти камышинское.

Вольское земство въ 1871 году рѣшило «въ видѣ опыта производить двумъ училищамъ въ уѣздѣ пособіе въ усиленномъ размѣрѣ съ тѣмъ, чтобы въ нихъ было введено, подъ наблюденіемъ управы, преподаваніе по новымъ методамъ, для чего должны быть приглашены опытные наставники». Опытъ оказался удачнымъ, и слѣдующее очередное собраніе постановило открыть въ 1873 г. еще 8 такихъ же школъ и на содержаніе ихъ назначить по 800 руб. на школу. Вновь открытыя школы все содержаніе получали отъ земства, только школьныя помѣщенія доставлялись или обществами, или частными лицами. Отводимыя обществами помѣщенія не всегда были удобны, вслѣдствіе чего собраніе 1873 г. постановило выдавать обществамъ на постройку школьныхъ зданій ссуду не болѣе 800 руб. на школу на 5—10 лѣтъ изъ 6%, съ тѣмъ условіемъ, чтобы школы строились «непремѣнно по утвержденному нормальному плану». Иногда земству приходилось брать на себя расходы и на постройку школьныхъ зданій. Такимъ образомъ расходы земства на одну школу доходили иногда до 600 р.: жалованье учителю—300 р. или 360 р. (если учениковъ было болѣе 60), законоучителю — 40—60 р., содержаніе помѣщенія — 40—80 р., иногда жалованье помощнику—150 р. (гдѣ учениковъ болѣе 80 ч.), иногда квартирныя учителю — 50 р. (если при училищѣ не было квартиры). Въ 1874 г. земство пришло къ убѣжденію, что «отнесеніе всего содержанія народныхъ школъ на земскій счетъ поведетъ къ непомѣрному увеличенію земскаго бюджета», и потому постановило «открывать школы только въ тѣхъ обществахъ, которыя примутъ на себя постройку или наемъ училищнаго дома, отопленіе, освѣщеніе, ремонтъ, меблированіе, наемъ сторожа и квартиру для учителя. Жалованье же учителю, законоучителю и учебныя пособія должны быть отъ земства. Такимъ образомъ въ Вольскомъ уѣздѣ образовались три рода школъ: 1) земскія училища съ полнымъ содержаніемъ отъ земства, 2) земскія школы, содержимыя совмѣстно обществомъ и земствомъ, и 3) общественныя училища съ пособіемъ отъ земства.

Первыя школы земство старалось подвести ко второму типу путемъ переложенія расходовъ по содержанію училищъ на сельскія общества, чего оно и достигло путемъ соглашеній съ обществами, такъ что къ 1884 г. школъ перваго рода не осталось ни одной.

Школы 3-го рода или преобразованы были въ школы 2-го рода, или же совершенно закрылись вслѣдствіе того, что земство въ 1882 г. прекратило имъ выдачу пособій. Такимъ образомъ къ 1885 г. остались только школы 2-го рода, содержимыя совмѣстно обществомъ и земствомъ. Принятыя на себя обязательства общества не всегда выполняли аккуратно

Digitized by Google

вслѣдствіе чего въ 1883 г. особая коммиссія выработала правила, которыми предлагала невыполненные обществами расходы производить изъ земскихъ суммъ и истраченныя суммы взыскивать съ обществъ «черезъ подлежащія судебныя мѣста». Эти же правила возлагаютъ на общества и расходы на учебники и учебныя пособія.

Правила коммиссіи о взысканіи съ обществъ невыполненныхъ ими расходовъ судебнымъ порядкомъ губернаторомъ и губернскимъ училищнымъ совѣтомъ были отмѣнены. Тѣмъ не менѣе, возложенная на общества часть расходовъ на учебники и учебныя пособія показалась для нѣкоторыхъ обществъ обременительной, и въ 1885 г. сразу закрылось три школы.

Въ томъ же году рѣшено было передать всѣ земскія школы въ вѣдѣніе духовенства. Мотивы передачи приведены были слѣдующія: 1) «министерская программа ставитъ школы въ слишкомъ тѣсныя рамки; 2) новое законоположеніе 13 іюня 1884 г. (о церк.-прих. школахъ) имѣетъ въ виду иную программу, а именно — достиженіе знанія въ тѣхъ же начальныхъ рамкахъ съ преимущественнымъ развитіемъ духовно-нравственнаго житейскаго кругозора; 3) въ массѣ крестьянства имѣется болѣе сочувствія къ этому новому направленію, нежели къ существующему типу земской школы; 4) начальное достиженіе грамотности въ государствѣ не можетъ идти двумя существенно разнящимися путями, и такое раздвоеніе въ принципахъ народнаго образованія можетъ привести только къ нежелательнымъ послѣдствіямъ при удвоенной затратѣ матеріальныхъ средствъ со стороны земства и духовенства; 5) въ сферѣ народнаго образованія имѣется еще цѣлая непочатая область—начальное народное ремесленно-техническое образованіе, куда и слѣдуетъ направить земскія средства. «Передача школъ совершилась только въ 1887 г. Въ первые годы послѣ передачи «многія школы долгое время оставались безъ учителя, другія—шли крайне плохо вслѣдствіе отсутствія особаго учителя, свободнаго отъ другихъ обязанностей, или неопытности вновь назначеннаго учителя. Число учащихся сильно сократилось, и на собраніи 1888 г. были даны очень неблагопріятные отзывы о состояніи бывшихъ земскихъ школъ въ рукахъ духовенства».

Н. Казанскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Digitized by Google

Крестьяне въ Венгріи до реформы Іосифа II.

Мало найдется явленій, которыя были бы столь общи исторіи странъ сѣверо-восточной Европы, какъ повсемѣстное закрѣпощеніе, обезземеленіе и, вообще, ухудшеніе быта крестьянъ въ теченіе XV и XVI вв. Въ эту эпоху въ однихъ странахъ торгово-промышленная дѣятельность была еще только въ зародышѣ, въ другихъ она начала пріобрѣтать то значеніе, когда извѣстное экономическое явленіе становится замѣтнымъ и сильнымъ факторомъ совершенно новыхъ общественныхъ отношеній; въ однихъ монархическая власть была сильнѣе, въ другихъ слабѣе, но при всемъ разнообразіи правовыхъ, экономическихъ и бытовыхъ условій можно отмѣтить, какъ несомнѣнный признакъ времени, общую тенденцію дворянства къ личному веденію сельско-хозяйственныхъ дѣлъ въ принадлежащихъ ему земляхъ, и, какъ параллельно возникающія и развивающіяся явленія,—обѣднѣніе крестьянской массы, превращеніе лицъ земледѣльческаго класса въ крѣпостныхъ, узурпація земель и юридическихъ правъ крестьянъ въ пользу помѣщиковъ,—словомъ, всѣ тѣ обстоятельства, которыми такъ богата фактическая исторія переходнаго времени XV, XVI и XVII вѣковъ.

Задачу настоящей работы составляетъ изложеніе тѣхъ условій, среди которыхъ жило венгерское крестьянство до конца среднихъ вѣковъ,—разсказъ о переворотѣ, происшедшемъ въ его жизни въ началѣ новаго времени, о состояніи крестьянъ въ Венгріи со второй четверти XVI столѣтія, когда ихъ положеніе можетъ считаться вполнѣ опредѣлившимся (по крайней мѣрѣ юридически) до средины прошлаго вѣка, и, наконецъ, очеркъ той части реформаторской дѣятельности Маріи-Терезіи, которая прямо касается крестьянскаго вопроса въ Венгріи.

I.

Можно, не рискуя впасть въ ошибку, утверждать, что крѣпостного пра не существовало въ Венгріи въ средніе вѣка и что въ это время такя рабство, не имѣющее, впрочемъ, ничего общаго ни по своему происхожд нію, ни по другимъ признакамъ съ тѣмъ, что принято называть крѣпо нымъ состояніемъ,—уменьшалось и исчезало. По законодательству св. С

Digitized by Google

фана вся страна раздѣлена была на графства (varmegye, Gespanschaft). Графствомъ назывался округъ съ королевскимъ бургомъ, къ которому онъ относился *). Крестьянское населеніе графствъ было по законамъ св. Стефана лично свободно. Приписанные къ бургу дѣлились на coloni и milites (иначе jobbagyones castri, Burg-Jobbagyen). Кромѣ того, въ графствахъ жили еще слѣдующія категоріи населенія: вольноотпущенные, королевскіе слуги (удворники) и рабы частныхъ лицъ. Jobbagyones castri представляли изъ себя низшее дворянство и были обязаны передъ бургомъ военною службой; политическое значеніе ихъ состояло въ томъ, что они были какъ бы постоянной арміей, готовою въ случаѣ нужды поддержать королевскихъ намѣстниковъ (comites castri seu parochiani). Въ награду за службу они получали отъ короны ленныя помѣстья, possessiones, которыя были на слѣдственны **). Таково было положеніе тѣхъ самыхъ jobbagyones, которыхъ въ XVI уже вѣкѣ мы видимъ крѣпкими землѣ. Что касается до удворниковъ, то они жили по разбросаннымъ въ странѣ помѣстьямъ, лично принадлежавшимъ королю, и несли различныя службы въ сельскомъ хозяйствѣ; въ случаѣ пріѣзда короля въ принадлежавшее ему имѣніе одни изъ нихъ должны были прислуживать въ замкѣ, другіе заботиться о съѣстныхъ припасахъ для свиты, третьи доставлять къ королевскому столу вино и пр. Кромѣ этихъ лицъ, связанныхъ съ бургомъ или короною нѣкоторыми условіями, въ графствѣ находились, какъ сказано, еще безусловно свободные люди, именно отпущенные на волю господиномъ рабы. Такъ какъ послѣ введенія христіанства освобожденіе рабовъ дѣлалось въ видахъ спасенія души отпускающаго, то такіе вольноотпущенники назывались—отъ славянскаго корня — душениками (duschenici). По закону наслѣдники умершаго господина должны были отпустить на свободу раба, если изъ завѣщанія явствуетъ, что такова воля покойнаго ***). При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что законодательство св. Стефана ревниво охраняло свободу христіанскаго населенія страны; конечно, тутъ дѣло идетъ еще объ уводѣ въ рабство слабаго сильнымъ, а не о закрѣпощеніи въ позднѣйшемъ смыслѣ слова; для

*) Въ венгерской исторической литературѣ было много вниманія обращено на изслѣдованіе вопроса о роли и характерѣ графствъ, о населеніи, подчиненномъ въ порядкѣ управленія бургомъ и пр. Историки Botka и Pesty высказали предположеніе, что въ древней Венгріи существовали совмѣстно два вида графствъ: военныя и гражданскія (*Jahresberichte der Geschichtwissenschaft* 1882, II, 420). Pauler признаетъ административною единицей Венгріи исключительно гражданское графство, къ которому приписано все населеніе безъ изъятій. Давнишнія мнѣнія относительно того, что varmegye были самобытно выработаннымъ институтомъ венгерскаго народа,—получили новое подтвержденіе въ изслѣдованіи Stefan Gyarfas, который обнаружилъ существованіе въ XVI вѣкѣ крестьянскихъ varmegye, образованныхъ съ цѣлью сообща отражать разбойническіе набѣги турокъ (Stefan Gyarfas, A parasst varmegye, цитировано по *Jahresberichte*, III, 139).

**) *Horvath*: „Geschichte d. Ungarn". 1 Heft, S. 36.

***) Decret. Sancti Stephani lib. II, c. XVII. Si quis misericordia ductus proprios servos sive ancillas libertate donaverit cum testimonio, decrevimus ut post obitum jeus nemo invidia tactus in servitutem eos audeat inducere etc.

Digitized by Google

стремленій закрѣпостить крестьянъ во времена короля Стефана не было еще подходящей экономической почвы, даровыя рабочія руки еще не были такъ нужны владѣльческому сословію; для насъ важно лишь отмѣтить явную тенденцію закона къ охранѣ личной свободы. Какъ бы ни смотрѣть на мотивы, руководившіе Стефаномъ I, считать ли его вѣрнымъ сыномъ католической церкви, только о ея интересахъ и думавшимъ, или же чисто національнымъ государемъ-хозяиномъ, нельзя не придти къ заключенію, что его царствованіе было для Венгріи большимъ шагомъ впередъ по пути культуры. Кромѣ приведеннаго закона, съ этой точки зрѣнія замѣчательны еще два *), которыми положительно воспрещается подъ страхомъ штрафа и наказанія лишать кого бы то ни было свободы; если же къ суду будетъ привлеченъ человѣкъ, лишившій кого-либо свободы до изданія настоящаго декрета, то виновный штрафу не подвергается, но потерпѣвшій долженъ быть выпущенъ на волю.

Нужно перенестись мыслью въ тѣ времена, когда не только свобода, но и жизнь человѣческая не ставилась зачастую ни во что, когда правомъ, наиболѣе заслуживавшимъ названіе обычнаго, было кулачное право, чтобы понять все воспитательное значеніе подобныхъ законовъ.

Ближайшіе преемники Стефана слѣдуютъ по его пути. При королѣ Андреѣ III за крестьянами законъ подтверждаетъ право по взносѣ подати (Terragium) со всѣмъ своимъ имуществомъ переходить на земли другихъ помѣщиковъ. Огромныя пространства земли лежали въ среднихъ вѣкахъ впустѣ; пештскій ландтагъ освободилъ отъ всякихъ податей и оброковъ тѣхъ земледѣльцевъ, которые селились на этихъ дикихъ и необработанныхъ мѣстахъ **). Такое постановленіе узаконяло лишь то, что много лѣтъ практиковалось до того времени. Самыми льготными условіями пользовались лица, заселявшія земли короны; кромѣ всеобщей тогда полной личной свободы, за ними обезпечивалось обладаніе большимъ участкомъ пахатнаго поля.

Особенно благопріятно было въ этомъ смыслѣ положеніе руссинскаго населенія Венгріи. Венгерскіе руссины до самаго конца среднихъ вѣковъ были совершенно свободными людьми ***), не обязанными барщиной и весьма далекими отъ крѣпостного состоянія. Они составляли и пополняли контингентъ постоянныхъ тѣлохранителей короля; это станетъ понятно, если принять во вниманіе, что по основнымъ чертамъ своей духовной природы руссины стояли высоко, а смышленость, ловкость и хитрость были главными качествами, требовавшимися въ тѣ безпокойныя времена дворцовыхъ переворотовъ и придворныхъ интригъ отъ приближенныхъ короля. Выбирать изъ нихъ королевскихъ лейбъ-гвардейцевъ до того вошло въ обычай, что когда положеніе этого народа уже значительно ухудшилось, когда тѣлохранителей руссинъ не было и въ поминѣ, королевскихъ камергеровъ, все

*) Decret. S. Stephani lib. c. XX, § 1 и 2 (Corpus juris hungarici). Editio 1756 a.
**) Decret. Andreae, III, art. LXX, LXXIII.
***) *Bidermann:* „Die ungarisch. Ruthenen", S. 88.

Digitized by Google

еще по старой памяти, называли руссинами, хотя вербовались они уже изъ природныхъ венгерцевъ. Какъ jobbagyones castri, руссины получали лены за обязательную военную службу и пользовались полною личною свободой; любопытно то, что, по свидѣтельству Regestrum de Varad *) указаніе на руссинское происхожденіе было достаточно для разрѣшенія вопроса о состояніи даннаго лица.

Такъ, нѣкоторые castrenses изъ Карасны объявили своихъ сосѣдей людьми одного съ собою положенія и дѣло разсматривалось комитатскимъ судомъ. «Они сказали, что родомъ они руссины и люди свободные, и привели защитника своей свободы Чедура, родомъ руссина,—jobbagyonem Barnabe, который, утверждая, что они—его родственники, отстоялъ ихъ свободу». Разъ такое утвержденіе имѣло силу рѣшающаго дѣло, безспорнаго довода, то ясно, что никогда не возбуждался въ средніе вѣка даже вопросъ о состояніи руссинъ: они были безусловно и de jure, и de facto свободны. Руссины состояли подъ личнымъ, особымъ покровительствомъ короны въ случаѣ, если находились не на землѣ помѣщика, въ послѣднемъ же случаѣ покровителемъ ихъ становился уже землевладѣлецъ; такъ это было со многими пастухами, старавшимися устроиться на господскихъ земляхъ; тѣ же пастухи, которые основались на королевскихъ угодьяхъ, причислены были къ государственнымъ крестьянамъ (Kronbauer); эти лица, также какъ jobbagyones castri, обязаны защищать, когда нужно, бургъ и принимать участіе въ военныхъ походахъ. За свои заслуги на войнѣ jobbagyo могъ даже быть возведенъ въ рыцарскій санъ. Изслѣдователь вопроса о происхожденіи и положеніи венгерскихъ руссинъ, Bidermann, различаетъ jobbagyones castri отъ не вполнѣ свободныхъ castrenses и, предполагая, что послѣдніе произошли изъ числа военноплѣнныхъ, говоритъ, что въ борьбѣ съ венграми закарпатскіе руссины рѣдко попадали въ плѣнъ и поэтому ряды полусвободныхъ castrenses пополнялись людьми не руссинскаго племени. Въ началѣ венгерской исторіи мы видимъ даже, что военноплѣнные совершенно лишаются свободы и дѣлаются рабами; кромѣ нихъ въ рабство обращались также люди обвиненные по приговору суда въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ, такъ, наприм., этому наказанію подвергались нарушители закона, запрещавшаго вывозить изъ государства скотъ безъ вѣдома пограничнаго смотрителя (comes confinii) и пограничные сторожа **), уличенные въ обходѣ приведеннаго постановленія. Но случаи лишенія свободы по судебному приговору были между руссинами крайне рѣдки. Въ случаѣ посягательства кого-либо на личную свободу руссина, послѣдній имѣлъ право жаловаться непосредственно королю, не нуждаясь для того въ разрѣшеніи ближайшаго начальства, и виновный долженъ былъ держать за то отвѣтъ лично предъ

*) Цитировано по Bidermann'y.

**) Sancti Ladisl. Regis Decret. l. II, c. 15, 16, 17, c. 17, § 1. Custodes ergo confiniorum, qui vulgo effurii vocantur, si absque licentia comitum tale quid commiserint libertatem ammittant.

Digitized by Google

королемъ *). Что касается до суда, то руссины, служившіе при дворѣ, были подчинены въ порядкѣ судопроизводства особому придворному судьѣ, а жившіе на земляхъ короны и частныхъ лицъ—комитатскому намѣстнику (Obergespan); апелляціонною инстанціей служили такъ называемые congregationes generales,—собранія, созывавшіяся въ каждомъ комитатѣ королемъ или его уполномоченнымъ. Эти congregationes были учрежденіемъ, изъ котораго впослѣдствіи развились комитатскія собранія (Landstände), занимавшія въ венгерской конституціи такое важное мѣсто **). Патримоніальная юстація играла немаловажную роль въ дѣлѣ закрѣпощенія крестьянъ, и потому для насъ интересно отмѣтить, что въ теченіе среднихъ вѣковъ судебная компетенція Obergespan'овъ расширилась, и что какъ разъ въ графствахъ, заселенныхъ руссинами, званіе это было связано съ обладаніемъ извѣстныхъ замковъ ***) и потому переходило отъ отца къ сыну; такимъ образомъ крестьяне привыкали видѣть судебную власть остающеюся въ теченіе цѣлыхъ поколѣній въ рукахъ мѣстныхъ помѣщиковъ и взглядъ на государство, какъ на источникъ всякой судебной власти, утвердиться въ народѣ не могъ. По смыслу своихъ обязанностей Obergespan долженъ былъ защищать руссинъ — не солдать и вообще всѣхъ свободныхъ людей именемъ короля отъ всякихъ насилій; для исполненія распоряженій Obergespan'а въ его свитѣ находились такъ называемые пристальды.

Какъ уже сказано, средоточіемъ графства былъ бургъ, и всѣ приписанные къ нему, безъ различій, дѣлились, смотря по роду отправляемыхъ ими обязанностей, на десятки и сотни, находившіеся подъ началомъ у кастелляна ****) замка; это лицо завѣдывало финансовыми дѣлами бурга и его хозяйственными нуждами. Общинное устройство не всюду было одинаково; оно различалось по тому, состояла ли данная община изъ переселившихся иммигрантовъ, или же была основана свободными туземными крестьянами, избиравшими старосту *****). Полусвободное населеніе группировалось не по общинамъ, а по майорствамъ, во главѣ которыхъ стояли майоры, назначаемые кастелляномъ бурга; кастелляномъ же утверждались майоры не прикрѣпленныхъ, но все же не вполнѣ лично свободныхъ общинъ, тогда какъ «гости», т.-е. упомянутые иммигранты, избирали сами своихъ представителей. Званіе старосты было наслѣдственно и потому долго держалось въ однихъ и тѣхъ же семействахъ. Но уже въ концѣ среднихъ вѣковъ, нерѣдко, когда такая семья вымирала, помѣщикъ назначалъ самъ старостой какого-нибудь обѣднѣвшаго дворянина, который, конечно, былъ не представителемъ деревни, а скорѣе хозяйскимъ приказчикомъ; поводомъ къ назначенію помѣщикомъ старосты могъ быть также проступокъ со стороны бывшаго Schulz'a, котораго землевладѣлецъ и смѣщалъ съ должности. Такіе случаи

*) *Bidermann:* „Ung. Ruthenen", S. 91; „Monum. Arp. Endlicher, 342.
**) *Bidermann,* op. cit. 93.
***) Ibidem.
****) *Bidermann,* op. cit.
*****) *Bidermann,* op. cit. 94 и etc.

Digitized by Google

стали учащаться уже въ XIV—XV вв., когда въ судьбахъ крестьянства Венгріи произошелъ переворотъ, лишившій его свободы и всѣхъ прежнихъ правъ.

Этотъ переворотъ случился не въ одной Венгріи, а во всей Европѣ; шелъ онъ изъ общихъ условій но, конечно, въ каждой странѣ принялъ особый оттѣнокъ, смотря по характеру народа и условіямъ, въ которыхъ онъ засталъ страну. Всюду ознаменованъ онъ узурпаторскими стремленіями владѣльческихъ классовъ въ конецъ прикрѣпить крестьянъ къ землѣ и такимъ образомъ обезпечить за собою рабочія руки, всюду эти хищническія поползновенія санкціонируются въ концѣ-концовъ законодательною властью; почти повсемѣстно вспыхиваютъ то мелкія возмущенія, то страшные бунты, которые приводятъ за собою, какъ непремѣнное слѣдствіе, висѣлицы, колесо, кнутъ — и замѣтное ухудшеніе положенія крестьянъ. Надъ большею частью европейскаго человѣчества нависъ въ то время мракъ, которому долго не суждено было разсѣяться. Немногіе благородные протестанты (какъ, напримѣръ, профессоръ Dybvad *) и его сынъ въ Даніи) дорогою цѣной узнали, что въ ихъ эпоху дворяне были—все, а крестьяне и другія сословія—ничто.

Въ Венгріи закрѣпостить и узаконить закрѣпощеніе крестьянъ было легче, чѣмъ гдѣ-либо, потому что въ этой странѣ дворянство дѣйствительно было, по выраженію Horwath'a, истиннымъ «ядромъ націи». Люди, которые могли вынудить у монархической власти санкцію знаменитаго 31 пункта Золотой буллы, легализующаго вооруженное сопротивленіе въ случаѣ нарушенія буллы королемъ,—эти люди легко были въ состояніи провести законодательнымъ путемъ всѣ мѣры, которыя, какъ имъ казалось, были рѣшительно необходимы для процвѣтанія высшаго сословія. Экономическій вопросъ грозно тяготѣлъ надъ дворянствомъ Европы и требовалъ настоятельно своего полнаго и немедленнаго разрѣшенія. Какъ только жизнь поставила свою суровую дилемму, какъ только дворяне силою новаго порядка вещей убѣдились, что имъ остается или разориться, или перестать только потреблять,—участь крестьянскаго класса была рѣшена и его прикрѣпленіе и совершенное лишеніе свободы стало лишь вопросомъ времени.

Всюду и въ Венгріи предстояла борьба; сила для этой борьбы у венгерскаго дворянства нашлась большая, а какъ она образовалась,—я попытаюсь показать въ послѣдующемъ изложеніи.

II.

Какъ высшему, такъ и низшему дворянству Стефанъ св. даровалъ полное право собственности и наслѣдственной передачи тѣхъ земельныхъ участковъ, которые дворяне получали въ видѣ леновъ. Земли эти могли быть конфискованы только лишь въ случаѣ государственной измѣны владѣльца **).

*) См. *И. В. Лучицкій*: „Крестьяне и крестьянская реформа въ Даніи" (*Сѣверный Вѣстникъ* 1892 г.).

**) Decret. Sancti Steph. l. II, c. 5 и 35. (Corpus juris hungarici, t. 1).

Digitized by Google

Только съ этого времени мы вправѣ до извѣстной степени соединять понятіе о магнатахъ (magnates poceres) съ понятіемъ о низшемъ дворянствѣ (servientes regis, seu ordo equestris nobilium). Судьбы высшаго духовенства и дворянства далеко не были тогда такъ слиты съ судьбами низшаго дворянства, какъ мы это видимъ впослѣдствіи. До св. Стефана servientes regis не принимали никакого участія въ конституціонной жизни страны *), а высшіе прелаты и магнаты образовали въ Венгріи полновластную олигархію **). Магнаты управляли страною безконтрольно при малолѣтнихъ короляхъ въ XI и XII вв.; они играли первенствующую роль на рейхстагахъ, принимали дѣятельное и властное участіе въ безконечныхъ спорахъ и войнахъ за престолонаслѣдіе. Золотая булла короля Андрея II уравняла все венгерское дворянство въ правахъ, и съ тѣхъ поръ мы вправѣ разсматривать его какъ нѣчто цѣльное, какъ сословіе, члены котораго ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга по комплексу своихъ правъ.

Золотая булла—венгерская Magna Charta, по мнѣнію Pauler'a и Virozsil'я, ясно и положительно упрочиваетъ за дворянствомъ первенствующее положеніе въ странѣ, утверждаетъ за нимъ всѣ старыя привилегіи и даруетъ новыя. За нимъ подтверждаются всѣ права, пожалованныя св. Стефаномъ ***); ежегодно въ день св. Стефана servientes regis имѣютъ право сходиться на дворянскія собранія ****), созывавшіяся въ этотъ день; имуществомъ своимъ каждый членъ дворянскаго сословія могъ, за ничтожными исключеніями, распорядиться въ духовномъ завѣщаніи по усмотрѣнію *****); владѣнія, данныя когда-либо за службу, объявлены были полной собственностью ******). Цѣлымъ рядомъ другихъ пунктовъ Золотая булла установляла положеніе дворянства, какъ высшаго сословія въ государствѣ. На рейхстагѣ, при дворѣ всюду дворянамъ принадлежитъ первое мѣсто, вездѣ они являются господами положенія. На засѣданія рейхстаговъ, напримѣръ, они приходятъ въ такомъ огромномъ количествѣ, что шумъ, безпорядки и всякаго рода безчинства рыцарей вызываютъ декретъ Белы IV, воспрещающій постороннимъ дворянамъ (кромѣ 3 депутатовъ отъ каждаго графства) являться на засѣданія *******). Какъ характеристическую черту средневѣковаго законодательства Венгріи нужно отмѣтить стремленіе къ полному уравненію высшаго и низшаго дворянства; кромѣ раньше уже приведенныхъ законовъ въ этомъ смыслѣ, интересенъ декретъ Людовика Великаго, которымъ была подтверждена свобода всѣхъ дворянъ отъ налоговъ какъ правительственныхъ,

---

*) *Pray*: „Hist. Reg.", p. I, Nob. praev. p. LIV, цитир. у *Fessler'a*: „Geschichte d. Ungern u. ihr. Landsassen".

**) *Virozsil*: das Staatsrecht d. k. Ungarn", II B., 353, „zwei höhern Ständen, die zunächst um den König eine Klasse von Oligarchen bildeten".

***) Decretum anni 1222, §§ 2 и 3.

****) Decretum anni 1222, artic. 1.

*****) Decretum an. 1222, artic. IV § 1.

******) Decretum an. 1222, artic. 17.

*******) Decretum Belae IV, de an. 1267, artic. VIII.

Digitized by Google

такъ и частныхъ, установленныхъ магнатами въ ихъ огромныхъ помѣстьяхъ *). Къ царствованію Людовика Великаго придется еще вернуться вслѣдствіе выдающейся роли его въ дѣлѣ закрѣпощенія крестьянъ, а пока прибавлю, что уравненіе дворянъ Венгерскаго королевства шло въ это время не только вглубь, но и вширь: Людовикъ приравнялъ въ вольностяхъ и привилегіяхъ дворянство Славоніи, Кроаціи и Далмаціи къ дворянамъ собственно Венгріи; сдѣлано это было въ 1351 году **). Въ законодательствѣ, въ управленіи, въ судѣ дворянство стояло компактною массой; ко всему сказанному нужно еще присовокупить, что въ Венгріи дворянство не было, какъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ государствахъ сѣверо-восточной Европы, чѣмъ-то пришлымъ, наноснымъ, такимъ, чего могли и не припомнить крестьяне-аборигены мѣстности; напротивъ, всѣ тѣ элементы, которые затѣмъ вошли въ плоть и кровь дворянства, какъ сословія, существовали еще въ тѣ времена, когда венгерская орда впервые разсыпалась по полямъ и пескамъ Паннонія. Характеръ венгерскаго народа, сильно развитое чувство собственнаго достоинства, отличавшее всегда каждаго кровнаго венгерца, долгая и упорная борьба, которую пришлось имъ выдержать и до и послѣ занятія своей территоріи, — всѣ эти обстоятельства способствовали выработкѣ въ Венгріи дворянскаго класса, какъ важнѣйшей для политической жизни страны категоріи населенія, сильной и матеріально—постановленіями закона, и нравственно—воззрѣніями окружающаго общества. Дворянство было въ полномъ смыслѣ слова «душою и ядромъ націи» (слова Horwath'a), — зерномъ народа венгерскаго въ конституціонномъ отношеніи, по выраженію другого ученаго ***). Постоянныя междоусобія, когда каждый претендентъ сулилъ всякія выгоды могущественному сословію, если оно пожелаетъ стать подъ его знамена, погоня за чужими коронами, причемъ всѣ блага земныя обѣщались тѣмъ, чье содѣйствіе было существенно необходимо для осуществленія завоевательныхъ плановъ, вѣчныя смуты и интриги, раждавшіяся въ глубинѣ королевскаго дворца и нерѣдко бросавшія всю страну въ пламя,—такого рода обстоятельства, конечно, сильно содѣйствовали возвышенію дворянства въ ущербъ монархической власти и на счетъ другихъ сословій. Значеніе дворянства росло и росло, и въ разрѣшеніи жгучаго экономическаго вопроса, предложеннаго владѣльческому классу самою жизнью, нашлось содержаніе для примѣненія огромной политической силы, скопившейся въ его рукахъ. Впослѣдствіи

*) Ludovici I Regis Decretum Unicum 1351, art. 8 et 15. Nobiles ad loca tributorum ire non compellantur. § 1. Sed per portus quo voluerint, libero transitu; absque iquali impedimento patiantur.

**) Ludovici Regis Decretum Unicum an. 1351, artic 11, 12. Ad eorundem etiam Nobilium petitionem annuimus; ut universi viri nobiles inter terminos Regni nostri constituti etiam in tenutis Ducalibus sub inclusione terminorum ipsius Regni nostri existentes, sub una et eadem libertate gratulentur. Lucrum etiam Camerae nostrae Nobiles inter fluvios Drava, Sava ac de Posega et Valco cum aliis viris Nobilibus Regni nostri unanimiter solvere teneantur.

***) *Virozsil*: „das Staatsrecht des Königreichs Ungarn", II B., S. 352.

Digitized by Google

юристы, повинуясь закону своей природы, который, по выраженію Сентъ-Бёва, повелѣваетъ имъ быть апологетами дѣйствительности, потратили очень много остроумія на пріисканіе доказательствъ полнѣйшей законности, нравственной и исторической, современнаго имъ крѣпостного права, но едва ли ошибочно будетъ сказать, что переходной періодъ XV и XVI вв. былъ временемъ всевозможныхъ насилій, освящаемыхъ тотчасъ по ихъ учиненіи законодательствомъ, насилій, гдѣ активнымъ лицомъ является дворянство, а страждущимъ—крестьяне.

Одинъ замѣчательный историкъ западно-европейскаго крестьянства (Sugenheim) ведетъ начало закрѣпощенія венгерскихъ крестьянъ отъ царствованія Анжуйскаго дома. Дѣйствительно, король этой династіи, Людовикъ Великій (1342—1382 г.), въ значительной степени содѣйствовалъ превращенію крестьянъ въ крѣпкихъ землѣ, подвластныхъ волѣ господина людей. Всѣ мѣры, касающіяся интересующаго насъ предмета, обсуждались и были приняты на рейхстагѣ 1351 года. Этотъ рейхстагъ былъ созванъ королемъ Людовикомъ послѣ первыхъ тревожныхъ девяти лѣтъ правленія, проведенныхъ въ почти безпрерывныхъ войнахъ. Въ этихъ походахъ дворянство служило вѣрой и правдой; долгіе годы приходилось жить вдали отъ родины, тратить силы и деньги,—и король, человѣкъ по-своему великодушный, готовился достойно возблагодарить своихъ servientes. Нужно было, кромѣ того, подумать еще и о прогрессирующемъ обѣднѣніи дворянъ, о томъ, что каждый новый походъ разстраиваетъ дѣла дворянина, заставляетъ его продавать или вымѣнивать свое имѣніе и дѣлаетъ на будущее время невозможнымъ появленіе его въ армію съ достаточно сильнымъ отрядомъ *); что, наконецъ, послѣднія завоевательныя прогулки въ Италію сдѣлали необходимою рѣшительную реформу.

Такимъ образомъ, въ 1351 году потребность дать исходъ своему благодарному чувству находилась въ сердцѣ короля Людовика въ полной гармоніи съ желаніемъ сообщить бандеріальной системѣ устойчивость и твердость. Въ этихъ видахъ Людовикъ призналъ необходимымъ ввести налогъ въ $^1/_9$ часть со всѣхъ виноградныхъ и нѣкоторыхъ полевыхъ продуктовъ, которую крестьяне должны были выплачивать какъ дворянамъ-помѣщикамъ, такъ и духовнымъ лицамъ, на земляхъ которыхъ они жили **). Sugenheim видитъ въ этой мѣрѣ желаніе оградить крестьянское населеніе отъ беззаконныхъ поборовъ землевладѣльцевъ установленіемъ нормы,—желаніе, остав-

*) Слѣдуетъ замѣтить, что въ половинѣ XIV столѣтія организація войска была уже не та, что въ былое время: уже не obergespan являлся въ назначенное время во главѣ милиціи графства, jobbagyonum castri: тогда царила система бандерій; дворяне должны были доставить въ лагерь отрядъ вооруженныхъ людей въ урочный срокъ.

**) Decret. Unicum an. 1351, art. 6. Praeterea ab omnibus Jobbagyonibus nostri et vineas habentibus... nonam partem omnium frugum suarum et vinorum suorum exigi faciemus... § 1. Praelati quoque et viri Ecclesiastici jobbagyones habentes, prim decimas post haec similiter nonam partem omnium frugum exigant. § 3. *Ut per h honor noster augeatur et ipsi Regnicolae nostri nobis fidelius possint famulari.*

Digitized by Google

шееся неисполненнымъ и противъ воли короля ухудшившее положеніе крестьянъ. Съ такимъ мнѣніемъ трудно согласиться; послѣдній пунктъ этого закона, общее направленіе законодательной дѣятельности рейхстага и короля въ 1351 году, кажется, довольно ясно показываютъ, что о крестьянскомъ благѣ тутъ думалось меньше всего и что главною цѣлью этого постановленія (какъ и другихъ, современныхъ ему) было вознаградить служилое дворянское сословіе за уже понесенные труды и расходы, побудить его къ перенесенію дальнѣйшихъ матеріальныхъ жертвъ, сопряженныхъ съ представленіемъ значительныхъ бандерій *) и дать ему для этого достаточно средствъ. Эта мѣра страшно тяжело отозвалась на крестьянахъ и была одной изъ причинъ постояннаго угнетенія и закабаленія ихъ помѣщиками, такъ какъ хотя подобная подать практиковалась и раньше, но санкціонирована не была, и преслѣдовать за невзносъ ея было труднѣе, нежели теперь, когда она получила силу государственнаго закона.

Мѣропріятіемъ первостепенной важности было также ограниченіе права собственности дворянства надъ земельными угодьями; установлена была неотчуждаемость земли, и дворяне лишились возможности продавать свои имѣнія даже для уплаты долговъ. Этимъ подрывался въ странѣ частный кредитъ, но за то обезпечивалась до нѣкоторой степени въ будущемъ возможность затѣвать и осуществлять военныя предпріятія, къ которымъ король Людовикъ во всю свою жизнь чувствовалъ великую склонность. По просьбѣ членовъ рейхстага, онъ отмѣнилъ 4-й пунктъ Золотой буллы, который утверждалъ неограниченное право собственности надъ землями дворянъ-владѣльцевъ **), и положительно запретилъ отчуждать имѣнія ***). Въ случаѣ же, еслибъ дворянское семейство вымерло, имѣніе его нераздѣльно поступало въ собственность короны; этотъ послѣдній пунктъ закона ****) былъ направленъ къ тому, чтобъ улучшить состояніе королевской казны, опустошенной веселыми и тароватыми предшественниками Людовика. Но два закона этого года положили самое прочное основаніе крѣпостному праву Венгріи, именно: введеніе патримоніальной юстиціи и запрещеніе крестьянамъ переходить съ земли безъ разрѣшенія помѣщика на другую землю.

---

*) А бандерія выставлялись огромныя; это явствуетъ изъ того, что Людовикъ не разъ собиралъ армію въ 200,000 чел. (*Horwath:* „Gesch. d. Ung.“, S. 205).

**) Текстъ § 4-го Золотой буллы (Decr. Andreae II, an. 1222, art. IV). Si quis serviens sine filio decesserit, quartam partem possessionis filia obtineat; de residuo, *sicut ipse voluerit disponat.*

***) Ludovici R. Decret. an. 1351, § 11 Conclusio... excepto solummodo uno articulo praenotato de eodem privilegio excluso eo videlicet: quod nobiles homines sine herede decedentes, possint et queant Ecclesis vel aliis quibus volunt in vita, vel in morte dare et legare, possessiones eorum vendere, vel alienare. Imo ad ista facienda nullam penitus habeant facultatem, sed inter fratres proximos et in generationes eorundem, ipsorum possessiones de jure, legitime, pure, simpliciter absque contradictione aliquali devolvantur.

****) *Horwath,* S. 204.

Digitized by Google

Патримоніальная юстиція *), какъ и вездѣ, отдавала крестьянское населеніе въ безотчетное распоряженіе помѣщика; для всевозможныхъ превышеній власти и произвольнаго расширенія компетенціи былъ открытъ широкій просторъ; многіе помѣщики, въ особенности облеченные званіемъ Obergespan'а, въ награду за свою службу получали нерѣдко право творить судъ по серьезнымъ уголовнымъ дѣламъ **) въ своихъ имѣніяхъ; быстрому и рѣшительному захвату и расширенію судебныхъ полномочій способствовало то, что на помѣщиковъ вообще привыкли смотрѣть какъ на Obergespan'овъ и переносить на нихъ понятіе о всѣхъ правахъ, которыми пользовались послѣдніе. Своего человѣка, старосты, деревня уже не имѣла; сношенія съ высшею властью, вскорѣ сдѣлавшіяся, впрочемъ, почти ненужными, за сосредоточеніемъ всѣхъ дѣлъ крестьянскаго населенія въ рукахъ помѣщика,— сношенія эти могли происходить только черезъ того же самаго помѣщика.

Что же касается до запрещенія свободнаго перехода, то этимъ отмѣнялось старое постановленіе ракоцкаго рейхстага (1298 г.), гласившее, что крестьянинъ имѣетъ полное и неограниченное право по усмотрѣнію покидать земли помѣщиковъ. О важности такого запрещенія распространяться не зачѣмъ, достаточно припомнить, что оно есть главный признакъ, входящій въ понятіе о крѣпостномъ правѣ.

Правда, при Сигизмундѣ, въ 1397 году, право свободнаго перехода возвращено крестьянству, но черезъ 62 года снова взято назадъ (въ 1459 г.). XV вѣкъ, какъ въ первую, такъ и во вторую свою половину, переполненъ всяческими насиліями, поминутно встрѣчаешься съ вопіющими случаями произвольнаго удержанія крестьянъ членами владѣльческаго сословія. Obergespan'ы постоянно и повсемѣстно держатъ руку всемогущаго дворянства, что особенно рельефно сказывается въ ихъ поведеніи относительно руссинъ: насилія, чинимыя надъ руссинскимъ крестьянствомъ, остаются совершенно безнаказанными, такъ что это слишкомъ явное нарушеніе закона, по которому Obergespan'ы должны защищать руссинъ отъ всякихъ посягательствъ, вызываетъ эдиктъ 1471 г. (короля Матвѣя Корвина); въ силу этого эдикта Obergespan'амъ грозитъ отрѣшеніе отъ должности въ случаѣ бездѣйствія власти.

Приводя законъ 1471 года, Bidermann оттѣняетъ то обстоятельство, что на крестьянъ уже смотрятъ рѣшительно какъ на имущество помѣщика, что явствуетъ изъ текста. Положены были также штрафы въ 25 марокъ серебромъ за насильственное задержаніе крестьянъ, но, конечно, и это не помогло, уже прежде всего потому, что взысканія производить никто не отваживался: всѣ суды были наполнены дворянами, всѣ власти безъ исключенія стояли на ихъ сторонѣ. Легальнымъ образомъ добиться облегченія своей участи крестьяне не могли; они прибѣгли какъ къ единственному и

*) Ludovici R. Decret. Unic. an. 1351, art. 16 et 18.

**) *Bidermann:* „Die Ung. Ruth.", S. 107.

Digitized by Google

послѣднему средству—къ страшному бунту, имѣвшему своимъ послѣдствіемъ, кромѣ безчисленныхъ казней, полное, рѣшительное закрѣпощеніе венгерскаго крестьянства.

Это возстаніе (1514 г.) не было первымъ: глухое недовольство своимъ положеніемъ, раздраженіе за варварски строгое взысканіе 9-й части, за удержаніе крестьянъ по 5—6 дней на барщинѣ, негодованіе противъ возмутительныхъ проявленій произвола помѣщиковъ,—эти причины не разъ и до рокового 1514 года приводили дѣло къ вспышкамъ и вооруженнымъ сопротивленіямъ.

Такъ въ 1437 году *) крестьяне возстали въ Седмиградіи и лѣтомъ этого года подвергли дворянскія имѣнія опустошенію. Никласъ Чакъ, воевода седмиградскій, призвавъ на помощь дворянству чеклеровъ и саксонцевъ, двинулся во главѣ соединеннаго войска противъ возставшихъ; но людей, у которыхъ все отнято, испугать трудно: произошла кровавая битва, крестьяне сражались съ мужествомъ отчаянія, и исходъ битвы оказался нерѣшительнымъ; прибѣгли къ соглашенію, по которому 9-я часть должна была взиматься справедливо, по правильному расчету земли и имущества; крестьянинъ долженъ былъ отбывать барщину (Robotten) лишь три раза въ недѣлю и законъ 1298 года долженъ былъ исполняться въ точности, т.-е. помѣщикъ ни подъ какимъ видомъ не долженъ препятствовать свободному переходу. Конечно, когда волненіе утихло и опасность миновала, соглашеніе это потеряло всякую силу и значеніе, а право перехода, какъ уже было упомянуто,—вскорѣ (1459 г.) было уничтожено. Вообще въ это время полнаго паденія королевскаго авторитета и безсилія городовъ, мы вправѣ признать въ Венгріи одну лишь реальную власть, именно власть помѣстнаго сословія, для котораго всѣ органы государства служатъ угодливыми и безпрекословными орудіями. Нѣтъ того нравственнаго или матеріальнаго насилія, на которое не отважился бы помѣщикъ, и нѣтъ той обиды, которой крестьянинъ не долженъ былъ бы опасаться со стороны господина. Не слѣдуетъ забывать, что въ XV столѣтіи весьма популярнымъ и любимымъ занятіемъ дворянъ былъ разбой **), въ точномъ смыслѣ слова; можно себѣ представить, какъ мало различали крестьянскую собственность отъ своей люди, грабившіе на большихъ дорогахъ проѣзжихъ и знавшіе, что то же самое они могутъ дѣлать съ собственными крестьянами совсѣмъ уже безъ риска. Неоднократно подтверждаемое и отмѣняемое право перехода на другія земли было фактически совершенно утрачено благодаря главнымъ образомъ патримоніальному судопроизводству ***), которое дѣлало въ спорныхъ случаяхъ помѣщиковъ судьями въ собственномъ дѣлѣ, въ рѣдкихъ случаяхъ жалобъ крестьяне получали формальное приказаніе повиноваться волѣ господина, да и самыя-то жалобы стали дѣломъ далеко небезопаснымъ.

*) *Thurocsy:* IV, cap. 22. *Horvath*: „Gesch. d. Ung." 276.

**) *Fessler*; „Geschichte der Unger und ihrer Landsassen" 1843, T. IV, s. 978.

***) *Horvath*, 440.

Digitized by Google

Неудивительно, что на такой почвѣ могло подготовиться страшное возстаніе, превзошедшее своими размѣрами всѣ частичныя вспышки 15 столѣтія. То была такъ называемая война куруцовъ (Kuruzenkrieg), разразившаяся въ 1514 году. Помѣщичье землевладѣніе, эта почти исключительно тогда господствовавшая форма капитала, по выраженію Лоренца Штейна *), подверглась сильному нападенію,—но дворяне вышли изъ столкновенія побѣдителями и возставшіе жестоко поплатились за неудачную попытку избавиться отъ своего невыносимаго положенія.

Благопріятныя внѣшнія обстоятельства, всегда необходимыя (помимо, конечно, глубоко лежащихъ внутреннихъ причинъ) для интенсивности массовыхъ движеній,—представились въ 1514 году. Въ этомъ году неудачно баллотировался на папскій престолъ кардиналъ венгерецъ Томасъ Бакачъ (Thomas Bacacz). Въ вознагражденіе за понесенную неудачу его назначили папскимъ легатомъ для всѣхъ христіанскихъ странъ восточной и сѣверной Европы. Еще будучи въ Римѣ, онъ получилъ изъ Венгріи извѣстіе, что султанъ Селимъ началъ снова опустошительные набѣги, временно было прекратившіеся. Тогда Бакачъ испросилъ у папы разрѣшеніе проповѣдывать крестовый походъ противъ турокъ въ тѣхъ краяхъ, на которые простирались его легатскія полномочія. Папа согласился, и Бакачъ вернулся въ Венгрію уже съ буллою о крестовомъ походѣ. Пока все это происходило въ Римѣ, съ султаномъ было заключено трехлѣтнее перемиріе. Король Владиславъ очутился въ очень затруднительномъ положеніи: не хотѣлось нарушать только что заключенное перемиріе съ такимъ противникомъ, какъ султанъ; съ другой стороны, являлся вопросъ, что дѣлать съ кардиналомъ, который горячо настаиваетъ на необходимости начать крестовый походъ и для пропаганды употребляетъ все свое огромное вліяніе въ странѣ?—Король собралъ государственный совѣтъ, гдѣ большинство дворянства сразу подало голосъ за предложеніе Бакача; лишь очень ограниченное меньшинство поняло, какую тучу собираютъ ихъ товарищи на свою голову. Предводитель этого меньшинства Стефанъ Телегди (Stephan Telegdy) произнесъ рѣчь, которая, по счастью, сохранилась и имѣетъ большую важность по отношенію къ интересующему насъ вопросу, какъ свидѣтельство современника. Она приведена у Фесслера, и нѣкоторыя части ея я позволю себѣ напомнить **). «Изъ кого будетъ состоять крестное ополченіе?»—между прочимъ сказалъ Телегди:—«изъ бездомныхъ бродягъ, преступниковъ, кормящихся преступленіями и безчинствами... Не хочу я также отрицать, что крестьяне и сельскіе люди (Bauernvolk und Landleute) соберутся въ огромномъ количествѣ подъ знамена креста, но, конечно, лишь тѣ изъ нихъ, кто хочетъ уклониться отъ работы, избѣжать наказанія или же отомстить господамъ за ихъ жестокое обращеніе. А что, если затѣмъ

*) *Lorenz Stein*: „Innere Verwaltungslehre, drit. Hauptgebiet", VII Theil, S. 1 (1868, Stuttgart).

**) *Fessler*: „Geschichte der Ungern" (1849, Leipzig), B. V, S. 893, etc., за. Fess изъ Isthuanffy l. V, p. 40.

Digitized by Google

дворяне, вслѣдствіе уклоненія крестьянъ отъ должныхъ трудовъ, вслѣдствіе оставленія полевыхъ работъ станутъ жаловаться, тяготиться уменьшеніемъ или даже исчезновеніемъ доходности своихъ земельныхъ помѣстій, потребуютъ назадъ своихъ ушедшихъ людей? Что, если помѣщики, чтобъ уже не умолчать ни объ одной мѣрѣ, на которую способна ихъ корысть и жестокость, что если помѣщики ввергнутъ въ узы и оковы оставшихся дома женъ, дѣтей и родственниковъ ушедшихъ? Если заставятъ ихъ изнывать въ тюрьмѣ? Кто будетъ такъ наивенъ, чтобы ручаться, что при подобныхъ обстоятельствахъ крестьяне позволятъ себя укротить, что возбужденныя и вооруженныя толпы не бросятся на дворянъ съ цѣлью спасти своихъ близкихъ? Мечъ, наточенный противъ невѣрныхъ, обратится на венгровъ, ихъ женъ, дѣтей—и оросится благородною кровью, отъ чего да сохранитъ ихъ Господь». Эта выдержка даетъ намъ нѣсколько любопытныхъ указаній на тогдашнія обстоятельства. Во-первыхъ, ясно, что сельское хозяйство въ помѣщичьихъ имѣніяхъ держалось исключительно крестьянскими принудительными работами, безъ которыхъ помѣщикамъ грозило, по словамъ Телегди, «уменьшеніе или даже исчезновеніе доходности земли». Во-вторыхъ, съ культурно-бытовой точки зрѣнія, интересно, что помѣщики еще до 1514 года, съ котораго обыкновенно считаютъ начало самаго мрачнаго періода исторіи венгерскихъ крестьянъ,—практиковали въ случаѣ надобности такія мѣры, какъ сажаніе подданныхъ въ оковы и тюрьмы (притомъ безъ различія пола и возраста). Въ-третьихъ, многознаменательно то обстоятельство, что среди самого дворянскаго сословія раздавались предостерегающіе голоса, шла рѣчь объ опасности вооружать для похода крестьянъ. Такія возстанія, какъ бунтъ 1514 года, подготовляются не конспиративно; недовольство, подавленная злоба—носятся въ воздухѣ, становятся ощутительными для многихъ. Но для того, чтобы такъ ясно и вѣрно предсказать событіе, нужно, чтобы взрывъ казался совершенно необходимымъ для всѣхъ хоть немного проницательныхъ людей, чтобы броженіе въ низшемъ слоѣ стало замѣтно для членовъ другихъ сословій. О немъ, этомъ броженіи и его возможныхъ результатахъ, стали задумываться задолго до возстанія—и этимъ только можно объяснить, что Телегди говорилъ о немъ какъ о событіи завтрашняго дня, рѣшался даже предсказывать второстепенныя подробности (наприм., въ томъ мѣстѣ рѣчи *), гдѣ онъ говоритъ о соединеніи возставшихъ съ польскою и чешскою чернью—Volkshaufen aus Pohlen und Böhmen).

Пророчество Телегди сбылось: много «благородной и неблагородной крови было пролито въ слѣдующіе мѣсяцы въ Венгріи, но во время засѣданія совѣта, долженствовавшаго рѣшить вопросъ о войнѣ съ султаномъ, никто не обратилъ вниманія на слова оратора и, въ концѣ-концовъ, былъ объявленъ крестовый походъ противъ турокъ въ апрѣлѣ 1514 года.

Для крестьянъ, изнывавшихъ подъ тяжкимъ крѣпостнымъ игомъ, воз-

*) *Fessler:* B. V, S. 899 etc.

Digitized by Google

званіе къ крестовому походу было равносильно неожиданному позволенію сбросить съ себя этотъ страшный гнетъ, — и надежда на освобожденіе увлекла крестьянъ, какъ замѣчаетъ Horwath, гораздо болѣе, нежели обѣщанное отпущеніе грѣховъ. Скоро въ Пештѣ собралось около 40,000 человѣкъ, въ Гроссвардинѣ, Вейссенбургѣ, Калоцѣ — еще 30,000 крестьянъ, называвшихъ себя куруцами, производя это слово отъ латинскаго crux, которое они постоянно въ послѣднее время слышали и съ которымъ привыкли соединять представленіе о походѣ *). Георгъ Доца (Georg Dozsa) былъ назначенъ начальникомъ крестоносцевъ. Какъ разъ ко времени горячей полевой работы крестьяне толпами стали покидать имѣнія и уходить въ лагерь Доцы. Случилось то, о чемъ говорилъ Телегди, и дворяне въ точности исполнили все, на что онъ ихъ считалъ способными. Кого помѣщикъ не успѣлъ удержать силою, того заставляли вернуться домой слухи о жестокихъ истязаніяхъ, которымъ дома подвергается семья; кто приводился назадъ съ дороги — платился самъ варварскими наказаніями. Въ лагерѣ Доцы все болѣе и болѣе назрѣвало рѣшеніе начать борьбу не съ турками, а съ домашними тиранами. Нужно къ этому прибавить, что, кромѣ вѣстей о помѣщичьихъ надругательствахъ и насиліяхъ, народныя толпы возбуждались еще пламенными рѣчами проповѣдника Лаврентія Мессароса, обличавшаго дворянство во всевозможныхъ порокахъ и преступленіяхъ, въ томъ числѣ и «въ сопротивленіи святому дѣлу борьбы съ невѣрными». На-лицо было все для доведенія до крайнихъ предѣловъ народной ярости; куруцамъ казалось, что самъ Богъ устами Лаврентія и другихъ духовныхъ лицъ, бывшихъ, конечно, на сторонѣ кардинала Бакача, повелѣваетъ имъ идти противъ своихъ угнетателей, освободить несчастныя семьи отъ преслѣдованій и отомстить дворянству за всѣ его прегрѣшенія. Не доставало лишь въ первое время предводителя, но и предводитель скоро нашелся.

Замѣчательною личностью былъ Доца; это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, про которыхъ говорится, что въ какомъ бы они сословіи ни родились, все равно попадутъ въ концѣ-концовъ на висѣлицу. Онъ былъ ловокъ, уменъ, безумно храбръ, способенъ на быстрыя рѣшенія, на отчаянный рискъ. Слава о его невѣроятной храбрости давно уже шла въ народѣ; теперь она приковала къ нему взоры всѣхъ собравшихся подъ его знамена куруцовъ. Доца рѣшилъ, что настало время освободить страну отъ угнетенія ея дворянствомъ и привести въ исполненіе нѣкоторые личные свои замыслы, — и объявилъ себя на сторонѣ возстанія. Началась страшная война. Народъ разорялъ помѣщичьи усадьбы, избивалъ ихъ самихъ, пощады не было никому. Дворяне сначала въ нѣсколькихъ стычкахъ одержали верхъ надъ нестройными массами куруцовъ, но Доца съ ядромъ арміи возставшихъ атакѣ пока не подвергался. Онъ остановился на мысли занять какой-нибудь укрѣпленный пунктъ, который бы сдѣлался операці-

*) Очеркъ хода возстанія 1514 года сдѣланъ полнѣе всего у Фесслера (B. V, S. 897—917) и Горвата (S. 440 и сл.).

Digitized by Google

оннымъ базисомъ для возстанія, и произвелъ съ этою цѣлью нападеніе на Чегединъ, но безуспѣшно; затѣмъ двинулся къ Чанаду, разбилъ стоявшихъ тамъ графа Баторія и епископа и взялъ крѣпость. Отсюда онъ разослалъ по странѣ прокламаціи, въ которыхъ объявлялъ, что дворянство должно быть истреблено совершенно; рисовалъ при этомъ яркими красками всѣ проявленія той страшной тираніи, которою ознаменовали себя помѣщики въ своихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ; наконецъ, провозглашалъ отмѣну королевскаго достоинства *). Послѣ этого куруцы стали свирѣпствовать еще болѣе; всѣ дворянскія имѣнія вокругъ Чанада были подвергнуты опустошенію, а владѣльцы ихъ перебиты. Едва спасшійся Баторій кое-какъ укрѣпилъ Темешваръ, какъ туда дѣйствительно вскорѣ двинулись и куруцы. Осажденный Баторій просилъ помощи у графа Заполья; для положенія тогдашнихъ дѣлъ характеристично, что онъ долженъ былъ умолять Іоанна Заполья забыть семейную вражду и помочь ему, точно будто это было милостью, а не обязанностью Заполья, какъ генерала той же арміи, въ которой служилъ и Баторій. На второй мѣсяцъ осады Заполья явился на выручку; произошла битва, въ которой куруцы потерпѣли пораженіе и большая часть ихъ была перебита преслѣдовавшими побѣдителями во время бѣгства. Самъ Доца былъ взятъ въ плѣнъ и варварски замученъ вмѣстѣ съ массою своихъ товарищей; среди страшныхъ терзаній онъ не испустилъ ни одного стона и умеръ, возбудивъ невольное удивленіе своихъ палачей **). Въ лагерѣ побѣжденныхъ были найдены и преданы голодной смерти жены и дѣти куруцовъ; колесованія, пытки, казни длились безъ конца. Испробовано было все, что только могла сдѣлать человѣческая изобрѣтательность въ области истязаній и пытокъ. Вскорѣ были уничтожены и мелкія, бродившія тамъ и сямъ, шайки куруцовъ, и въ концѣ того же страшнаго 1514 года королемъ былъ созванъ въ Офенѣ рейхстагъ. Этотъ рейхстагъ поистинѣ можетъ быть названъ, — если употребить выраженіе болѣе близкаго къ намъ времени,—chambre introuvable для дворянства, далеко еще не утолившаго жажды мести, несмотря на всѣ страшныя кары, постигшія возставшихъ. Вотъ мѣры, санкціонированныя этимъ собраніемъ: каждый крестьянинъ, обладающій дворомъ, который приноситъ три дуката дохода, долженъ одинъ дукатъ отдавать помѣщику; взносъ 9-й части распространяется уже на всѣ произведенія земли ***); барщина увеличивается на одинъ день противъ прежняго ****); назначаются штрафы за убытки, понесенные дворянскими имѣніями во время бунта, и общая сумма штрафныхъ денегъ была распредѣлена между всѣми деревнями, принимавшими хотя какое-нибудь участіе въ бунтѣ. Рейхстагъ былъ, очевидно, того мнѣ-

*) *Pray*: „Epist. procer."; *Horvath*, 442.

**) Подробности, касающіяся казни, см. у Fessler'a, op. c. V, 965.

***) Vladislai II Regis Decret. an. 1514, artic. 18... Item de omnibus terrae nascentiis, sive metantur, sive falcentur praeterea de vinis, dominis ipsorum nonas, seu nonam partem ultra decimas praelatis eorum debitas, solvere teneantur.

****) Vladislai II Regis Decret. an. 1514, artic. 16.

Digitized by Google

нія, что не все крестьянство повинно въ страшныхъ событіяхъ 1514 года это явствуетъ изъ той статьи декрета, гдѣ говорится о наказаніи виновныхъ *); однако на дѣлѣ различіе это очень часто упускалось изъ виду исполнителями.

Впрочемъ, изъ другихъ пунктовъ того же самаго декрета ясно, что законодатели вели себя такъ, какъ обыкновенно ведетъ себя политическая партія или соціальная группа на другой день послѣ побѣды, если она къ тому же ожесточена упорнымъ сопротивленіемъ. Декретъ 1514 года продиктованъ былъ страстью, и логика поэтому въ немъ совершенно отсутствуетъ: мы вездѣ видѣли по 13-й статьѣ, что между крестьянами предполагаются и невинные люди, что рекомендуется оставлять послѣднихъ въ покоѣ. Между тѣмъ въ слѣдующей же статьѣ говорится **), что за свои преступленія *всѣ* крестьяне въ государствѣ теряютъ ту свободу, которую еще признавалъ за ними законъ, и остаются у своихъ помѣщиковъ въ вѣчномъ, наслѣдственномъ рабствѣ.

Другія статьи также сильно ограничиваютъ гражданскія права *всего* крестьянства. Этотъ примѣръ непослѣдовательности законодателей интересенъ для характеристики ихъ настроенія, отъ котораго зависѣла судьба венгерскаго земледѣльческаго класса въ эти дни. Право свободнаго перехода, много разъ отнимаемое, подтверждаемое и нарушаемое въ предыдущемъ столѣтіи,—было окончательно уничтожено; земледѣлецъ сталъ надолго крѣпкимъ землѣ, рабомъ помѣщика, его вещью, скотомъ, по выраженію Горвата. Крестьяне вскорѣ были даже выключены изъ понятія о венгерской націи, несмотря на то, что какъ разъ къ этому времени на нихъ были возложены, какъ увидимъ, новыя, общегосударственныя тяготы.

Закрѣпощеніе было окончательно приведено въ систему въ знаменитомъ Tripartitum'ѣ, уложеніи, составленномъ королевскимъ протонотаріусомъ Стефаномъ Вербеции. Это уложеніе было обсуждено и принято законодательнымъ собраніемъ и утверждено королемъ Владиславомъ. Tripartitum,—говоритъ Бидерманъ,—нанесло смертельный ударъ національному существованію венгерскихъ руссинъ, а по признанію сербскихъ историковъ Бранковича и Рапча, появленіе этого уложенія имѣло тѣ же послѣдствія по от-

*) Decretum Vladislai R. de anno 1514, artic. 13: Et quod sub hoc colore publici malefactores non evadant, sed prout limitatum et conclusum est, ubique puniantur. *Sed providendum semper est: ne innocentes condemnentur.*

**) Законъ этотъ любопытенъ по своей редакціи, которая скорѣе напоминаетъ обвинительный приговоръ по уголовному дѣлу, нежели законодательный актъ: Quonquam omnes rustici, qui adversus Dominos eorum naturales insurrexerunt, tanquam proditores capitali poena essent plectendi. Ne tamen tanti sanguinis effusio adhuc sequatur et omnes rusticitas (*sine qua Nobilitas parum valet*) deleatur. Statuum est quod... universi homicidae omni gratia semota occidantur et ubilibet extirpentur. Attamen... ut hujusde modi proditionis eorum memoria ac poena ad posteros transeat.. amissa libertate eorum quo de loco in locum recedendi habebant facultatem, Domin ipsorum terrestribus mera et perpetua rusticitate sint subjecti, neque de caetero cont voluntatem et consessum Dominorum suorum de loco in locum... habeant facultatem.

Digitized by Google

ношенію и къ венгерскимъ сербамъ. Главною причиной популярности и быстраго распространенія Tripartitum'a были нѣкоторыя характеристическія его особенности. Tripartitum выдѣляетъ изъ населенія Венгерскаго королевства собственно націю, подъ которою понимаются *исключительно дворяне*,—отъ остальныхъ классовъ (Plebeja, какъ они тамъ названы). Что касается до руссинъ, то знатнѣйшіе изъ нихъ вошли въ составъ дворянства, остальная масса раздѣлила участь всѣхъ венгерскихъ крестьянъ, т.-е. была обращена въ безгласныхъ и безправныхъ крѣпостныхъ людей. Пастухамъ же руссинскимъ оставалось либо выселиться изъ страны, либо сдѣлаться крѣпостными дворянъ, къ которымъ уже перешла въ это время лично принадлежавшая прежде королю выгонная земля, и образовать, по примѣру своихъ собратьевъ, «крестьянскія общины». Впрочемъ, они продолжали пользоваться однимъ преимуществомъ, котораго не было у закрѣпощенныхъ въ это время членовъ осѣдлыхъ скультеціальныхъ общинъ, именно,—они удержали за собою свой особый, автономный судъ (конечно, по спеціальнымъ дѣламъ своего сословія); эти суды—Hirtengedinge—держались довольно долго; еще въ 1733 году руссинскіе пастухи творили свой судъ въ Попрадѣ *); Hirtengedinge обладали также и нѣкоторою долей полицейской власти.

Итакъ, всѣ руссинскія вольности и привилегіи исчезли и были позабыты такъ же, какъ и остатокъ свободы, которою пользовалось прежде и остальное крестьянство Венгріи. Что касается спеціальной роли Tripartitum'a въ дѣлѣ закрѣпощенія крестьянъ, то мнѣ кажется, что твореніе Вербецци сдѣлало въ исторіи венгерскаго крестьянства то же, что сдѣлали Bauernordnungen XVI и XVII вв. въ Германіи, т.-е. осуществило (вмѣстѣ съ декретомъ 1514 г.) и окончательно кодифицировало ту теорію, которая давно уже была властительницею дворянскихъ думъ,—теорію, по которой всѣ Hörige и другія категоріи земледѣльческаго класса должны были стать крѣпостными помѣстнаго сословія. Не даромъ Tripartitum пришелся такъ по вкусу всемогущему дворянству, не даромъ такъ усердно переводился и пропагандировался. Статьи **) Tripartitum'a о крестьянскомъ состояніи надолго сдѣлались государственными законами, регулировавшими отношенія между крестьянами и помѣщиками, если только тутъ умѣстно слово—регулировать. Эти отношенія получили совершенно опредѣленный характеръ; крестьянинъ есть вещь (res) помѣщика и обязанъ предъ нимъ безусловнымъ повиновеніемъ и выполненіемъ всѣхъ своихъ безчисленныхъ повинностей. Въ случаѣ ослушанія онъ подвергается самымъ суровымъ наказаніямъ.

«Со стонами и слезами» ***) обрабатывалъ крестьянинъ поле своего господина; возрастающая роскошь магнатовъ и вообще владѣльческаго

*) Gedenkenbuch d. Stadt Kniesen, 99, *Bidermann.*

**) *Tripartitum*, partis III, titulus 25: „De villanorum quos jobbagyones", etc., § 1, 2, 3, 4, 5, 6 и сл. (*Corpus juris hungarici*, t. 2).

***) Fessler: „*Geschichte der Ungern*", B. V. *Verfall der Landescultur*, S. 193.

Digitized by Google

класса страшнымъ бременемъ ложилась на единственнаго производителя-земледѣльца; даже мелкія помѣстья исчезали, такъ какъ въ тѣ времена имущество далеко не было обезпечено отъ любостяжательныхъ и всемогущихъ магнатовъ; все болѣе и болѣе распространявшаяся подкупность и угодливость судей и администраторовъ немедленно легализировали всякое правонарушеніе, разъ оно было учинено богатымъ и знатнымъ магнатомъ или прелатомъ. Въ виду этого мелкіе землевладѣльцы старались избавиться отъ своихъ участковъ путемъ продажи и переѣзжали въ города, иные закладывали помѣстья и съ полученными деньгами являлись ко двору. Насколько можно судить по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, земля сильно упала въ цѣнѣ, а предметы первой необходимости—повысились. Такъ, наприм., четверть овса стоила въ девяностыхъ годахъ XV вѣка всего 5 пфениговъ серебромъ, а въ 1526 году уже 25 пф. сер. При такомъ страшно быстромъ возрастаніи цѣнъ на предметы первой необходимости понятны и безчисленные случаи насильственнаго удержанія крестьянъ на землѣ, когда еще существовало право свободнаго перехода, и истинный характеръ постановленій 1514 года, которыя были разомъ—и уголовнымъ наказаніемъ, и экономическими мѣрами. Ясно, что не могъ помѣщикъ испугаться штрафа въ 25 мар. сер., положеннаго за незаконное удержаніе крестьянъ, потому что очутиться лѣтомъ безъ рабочихъ рукъ для него значило не 25-ю марками поплатиться, а остаться на зиму безъ хлѣба и денегъ; ясно и то, что закрѣпощеніе—glebae adscriptio—есть первое мѣропріятіе, за которое ухватились законодатели офенскаго рейхстага, поставленные судьбою въ рѣдкоблагопріятное двойное положеніе—карателей крестьянскаго сословія и, eo ipso, устроителей благосостоянія того класса, къ которому сами принадлежали. А Стефанъ Вербеции сообщилъ всему дѣлу внѣшній колоритъ непререкаемой юридической правоты и тѣмъ увѣнчалъ зданіе, постройка котораго началась за много лѣтъ до него и которому суждено было просуществовать еще больше въ будущемъ.

Е. Тарле.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Digitized by Google

Новое изданіе книги Маурера *).

Насколько послѣднее десятилѣтіе озабочено было мыслью о критической провѣркѣ путемъ историческаго анализа тѣхъ теорій о происхожденіи *кровныхъ и сосѣдскихъ союзовъ* общиннаго владѣнія и частной собственности, родоначальникомъ которыхъ надо считать Маурера, настолько современная намъ литература, преимущественно въ Англіи и Германіи, представляетъ счастливый поворотъ въ сторону историко-сравнительнаго изученія этихъ же самыхъ проблемъ.

Передъ нами два сочиненія, изъ которыхъ каждое на самостоятельномъ матеріалѣ устанавливаетъ приблизительно одни и тѣ же выводы, и, скажемъ сразу, выводы радикально противоположные тѣмъ, которые, благодаря популярности Фюстель де-Куланжа и готовности его учениковъ jurare in verba magistri, одно время, повидимому, овладѣли всѣми умами. Я разумѣю утвержденіе, что установленная Маурером теорія первоначальнаго мірского владѣнія, изъ котораго только медленно и постепенно развивается частно-семейная собственность, — не болѣе какъ роковое заблужденіе, результатъ невѣрнаго чтенія текстовъ и возведенія въ общее правило того, что на самомъ дѣлѣ было позднѣйшимъ по времени исключеніемъ и находитъ себѣ мѣстное и временное объясненіе.

Въ Германіи работы Фюстель-де-Куланжа далеко не получили того признанія, которое сразу дано было имъ не только на ихъ родинѣ, но и въ Англіи и Америкѣ, гдѣ Ашлэ, напримѣръ, поспѣшилъ ухватиться за нихъ, какъ за послѣднее слово науки, которое цѣликомъ можетъ быть примѣнено къ толкованію столь разнохарактерныхъ и разновременныхъ явленій, какъ поземельное устройство первыхъ европейскихъ колонистовъ на новомъ материкѣ и *обычный порядокъ землевладѣнія* въ Индіи въ эпоху непосредственно предшествовавшую англійскому завоеванію. Взгляды Мена, отразившаго на себѣ вліяніе Маурерровскихъ теорій и впервые давшаго исто-

*) „Einleitung zur Geschichte der Mark-Hof-Dorf und Stadt-Verfassung und der öffentlichen Gewalt, von Georg Ludwig von Maurer. Zweite Auflage mit einleitenden Vorwort von Heinrich Cunow. Wien, 1896. „Die sociale Verfassung des Inkareichs", von Heinrich Cunow. 1896.

Digitized by Google

рико-сравнительное обоснованіе тому ученію, которое видитъ въ частной собственности продуктъ разложенія общиннаго землевладѣнія, подверглись не скажу—критикѣ, а систематическому отрицанію, и даже въ самой Индіи отказывались видѣть слѣды исконнаго существованія сельскихъ общинъ *).

Хотя въ слабѣйшей степени, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы, и въ Германіи сказалось вліяніе новыхъ теорій, враждебныхъ признанію исконности маркъ и коллективнаго принципа *землевладѣнія*. Инама-Штернекъ выступилъ съ ученіемъ о дворовыхъ поселеніяхъ, какъ о древнѣйшемъ типѣ постоянныхъ отношеній народа къ землѣ, а профессоръ Даргунъ поспѣшилъ примѣнить ту же точку зрѣнія и къ этнографическому матеріалу, стараясь доказать большую архаичность частной собственности и возможность положить ее въ основу всего послѣдующаго развитія.

И вотъ замѣтенъ снова поворотъ въ пользу еще недавно отвергнутыхъ воззрѣній,—поворотъ, который, подобно всякой реставраціи стараго, вноситъ и элементъ новизны, доказывающій, что и сама критика не была безплодной и что то здоровое, что̀ заключали въ себѣ нападки противниковъ, принято въ расчетъ при аргументаціи въ защиту старыхъ положеній.

Самую слабую сторону Маурерровской теоріи представляла та неизвѣстность, въ какой авторъ оставлялъ насъ на счетъ того, *въ какой мѣрѣ* древнѣйшія поселенія commarcani и co-vicini *стоятъ къ родовой организаціи*.

Подобно тому, какъ въ Россіи сторонники общинныхъ теорій считали своимъ долгомъ отрицать происхожденіе сосѣдскихъ союзовъ изъ родовыхъ, такъ точно послѣдователи Маурера въ Германіи, даже въ большей степени, чѣмъ онъ самъ, старались обособить марку, *помѣстье* и сельскую общину отъ тѣхъ родовыхъ поселеній, какія Цезарь и Тацитъ находили въ древней Германіи и которыя на ихъ языкѣ передавались словами gentes, cognationes hominum, qui una coierunt и propinquitates.

Уже Менъ, объявляя себя сторонникомъ Маурерровской теоріи, вносилъ въ нее ту существенную поправку, что древнѣйшею формой *сосѣдскихъ поселеній* онъ признавалъ *кровную общину*, родъ и нераздѣльную семью, отвѣчающую понятію сербской задруги; онъ находилъ эти родовыя общины и въ Индіи, и въ Ирландіи, и только незнаніе славянскихъ языковъ помѣшало ему примѣнить ту же точку зрѣнія и къ моимъ соплеменникамъ.

Въ этомъ отношеніи за его ученіями можно признать рѣшительную побѣду. Все, что Дарбуа де-Жюбенвиль и въ послѣднее время Сибомъ говорятъ намъ о характерѣ древнѣйшихъ кельтическихъ поселеній, только упрочиваетъ теорію, кладущую кровные союзы въ основу позднѣйшихъ сосѣдскихъ.

И приведенный Даргуномъ матеріалъ въ пользу мысли о пріоритетѣ частной собственности въ дѣйствительности говоритъ только о принадлеж

*) *American Review of economics* 1894 г.

Digitized by Google

ности недвижимыхъ имуществъ искони группамъ лицъ, живущихъ однимъ очагомъ или признающихъ себя потомствомъ общаго родоначальника. Сочиненіе Генриха Кунова объ общественной организаціи царства инковъ еще болѣе опредѣленно высказываетъ тотъ же взглядъ, ставя коммунистическіе порядки древняго Перу въ генетическую связь съ родами и семейными общинами. На родовомъ началѣ построена также *сосѣдская община* на Кавказѣ и Закавказьи, какъ старался показать это я самъ въ двухъ моихъ сочиненіяхъ объ обычномъ правѣ горцевъ *) и въ монографіи, посвященной судьбамъ армянской общины и вызванной изслѣдованіями г. Егіазарова объ общинномъ землевладѣніи въ Закавказьи. Нужно ли напоминать, что и въ работахъ Моргана, этого лучшаго знатока бытовыхъ условій сѣверо-американскихъ краснокожихъ, наглядно выступаетъ родовой характеръ первыхъ поселеній.

Но если такимъ образомъ всѣ этнографы согласны въ томъ, что *отношеніямъ сосѣдства* и порождаемымъ имъ правамъ и обязанностямъ предшествовали отношенія родовыя, то далеко не всѣ мы согласны въ томъ, чѣмъ именно вызывались эти послѣднія.

Большинство признаетъ еще или подразумѣваетъ происхожденіе отъ общаго родоначальника, невзирая на то, что самое ученіе о *материнскомъ родствѣ*, какъ предшествующемъ по времени агнотизму, въ корнѣ подрываетъ такую точку зрѣнія. Для меня неоспоримымъ является только существованіе между членами рода общаго культа и общихъ преданій; я отнюдь не рѣшусь утверждать, что его члены связаны единствомъ происхожденія, тѣмъ болѣе, что этнографія, народная миѳологія и преданія историческихъ народностей въ одно слово говорятъ о выдающейся роли богатырей въ собираніи *разнокровныхъ* массъ и образованіи изъ нихъ этимъ путемъ своего рода ордъ или союзовъ, которые только въ ближайшихъ поколѣніяхъ, подъ вліяніемъ общаго культа, центромъ котораго является этотъ болѣе или менѣе миѳическій собиратель, начинаютъ считать себя родственниками, т.-е. единокровными.

Прибавимъ къ этому, что рѣдкій родъ обошелся безъ включенія въ свою среду отщепенцевъ другихъ родовъ, то уступаемыхъ ему взамѣнъ убитыхъ членовъ въ моментъ прекращенія родовыхъ усобицъ, то въ силу усыновленія и *молочнаго родства*, то въ силу, наконецъ, включенія путемъ *побратимства* не только частныхъ индивидовъ, но и цѣлыхъ группъ менѣе многочисленныхъ и потому ищущихъ или принуждаемыхъ къ союзу. Мои изслѣдованія въ области обычнаго права горцевъ Кавказа и въ особенности у многочисленныхъ племенъ, населяющихъ Дагестанъ, привели меня къ заключенію о смѣшанномъ составѣ родовыхъ группъ, извѣстныхъ въ данной мѣстности подъ наименованіемъ «тухумовъ». И къ такимъ же, повидимому, выводамъ пришелъ и Скинъ, изучая генезисъ клановой организаціи горцевъ Шотландіи **).

*) *La Coutume moderne et l'ancien droit-sacon i obichai na Kavkaze.*

**) The highlanders of Scotland. History of the Kingdom of St.-Alban by skene.

Digitized by Google

Если бы я позволилъ себѣ сдѣлать какой-либо упрекъ по адресу новаго изслѣдователя общественнаго устройства древняго Перу, то развѣ тотъ, что авторъ ничего не говоритъ намъ о самомъ источникѣ той *кровной организаціи*, которая, какъ онъ вѣрно замѣчаетъ, возникла у туземныхъ племенъ еще до прихода инковъ и повела къ образованію такъ называемыхъ Ayllu—терминъ, который испанскіе писатели переводятъ словами Tribu, linaje, genealogia (стр. 32).

Авторъ, повидимому, склоненъ видѣть въ членахъ этихъ союзовъ потомковъ общаго родоначальника, но какъ связать это съ уцѣлѣвшими слѣдами материнскаго родства (смотри стр. 36, гдѣ говорится о Muttergens)? Если бы г. Куновъ, подобно намъ, склоненъ былъ допустить смѣшанный составъ рода, онъ бы не призналъ совершенно невѣроятнымъ свидѣтельство *Гарциліасо де-ла-Вега* о включеніи въ родъ инковъ цѣлаго ряда лицъ даже низкаго общественнаго положенія въ память объ услугахъ, ими оказанныхъ *).

Но если г. Куновъ, вѣроятно, по причинѣ недостаточности матеріала, оставляетъ насъ въ неизвѣстности насчетъ генезиса родовой организаціи въ Царствѣ Инковъ, то, съ другой стороны, имъ какъ нельзя лучше указано и совпаденіе сельской общины съ *мѣстнымъ союзомъ* дѣйствительныхъ или мнимыхъ родственниковъ, и коллективный характеръ этого древнѣйшаго сельско-родового землевладѣнія, и то положеніе, какое жители рода-села занимали въ военной и, по ея образцу, административной организаціи государства.

Ayllu или родъ, какъ сельская община, владѣющая частью передѣляемыми землями, частью нераздѣленными угодьями, извѣстна подъ наименованіемъ marca **). Оба термина взаимно покрываютъ другъ друга и присоединеніе къ слову marca то родовыхъ прозвищъ, то именъ тѣхъ или другихъ животныхъ, служившихъ тотемомъ рода, вполнѣ подтверждаетъ основную мысль изслѣдователя. Но ayllu не только совпадаетъ съ marca, но и съ такъ называемой pachaca, что на языкѣ инковъ означаетъ сотню или подраздѣленіе войска, такъ что и по отношенію къ племенамъ, вошедшимъ въ составъ древне-перуанскаго царства, можно повторить то, что Цезарь и Тацитъ говорятъ о военномъ строѣ древнихъ германцевъ, объявляя, что въ бояхъ они сражаются generatim и что ихъ войско составлено изъ propinquitates.

Автору дорога мысль о совпаденіи рода, села и сотни (стр. 31 и 32), такъ какъ она служитъ косвеннымъ подтвержденіемъ того, что̀ по отношенію къ древне-германской волости или markѣ высказано было сперва Тудихумомъ, а затѣмъ Лампрехтомъ. Вотъ почему онъ возвращается къ тому же вопросу и въ своемъ вступленіи къ новому изданію *Einleitung zu Geschichte der Mark-Hof-Dorf und Stadt-Verfassung* (стр. XII и слѣд.)

*) См. стр. 9 и 10.
**) Ibid., стр. 39 и 41.

Digitized by Google

Но центръ вопроса лежитъ, по-моему, не въ томъ, можно ли считать, что «каждая сотня нѣкогда была маркой», а въ томъ, что родовая организація отложила свой отпечатокъ на всѣ сферы общественной жизни, а потому и на войско, и на администрацію. Въ древнемъ русскомъ правѣ, напримѣръ, хотя и встрѣчается упоминаніе о десятскихъ, сотскихъ и тысяцкихъ, но нѣтъ возможности доказать совпаденіе волости и сотни. А, между тѣмъ, свидѣтельство нашего древнѣйшаго лѣтописца: «сидяху кыждо съ родомъ своимъ», позволяетъ думать, что и въ военной организаціи должно было сказаться вліяніе этого господствующаго родового принципа, если не въ рядахъ дружины, составленной изъ ближайшей свиты князя, то въ составѣ народнаго ополченія. О такой же родовой организаціи римскихъ и греческихъ ополченій говорятъ намъ древнѣйшіе аналисты и все то, что извѣстно намъ о строѣ филъ, фратрій и генъ.

Хотя въ своемъ изложеніи общественнаго быта древнихъ инковъ г. Куновъ не только не чуждается аналогій, но, наоборотъ, постоянно прибѣгаетъ къ нимъ и, скажемъ прямо, всегда удачно, онъ въ то же время дѣлаетъ мнѣ упрекъ въ томъ, что въ моемъ *Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriété* я искусственно сближаю русскіе земельные порядки съ тѣми, которые нѣкогда держались въ его родинѣ («Einleitendes Vorwort zur zweiten Auflage der Maurerischen W.», стр. XIX). Упрекъ былъ бы справедливъ, еслибъ я позволилъ себѣ сопоставленіе германской марки съ господствующимъ *нынѣ* въ Великороссіи типомъ мірского владѣнія, характеристикой котораго служатъ періодическіе передѣлы. Но оригинальность моей теоріи именно состоитъ въ доказательствѣ той мысли, что эти порядки великорусскаго землевладѣнія далеко не могутъ считаться древнѣйшими или наиболѣе распространенными во всей имперіи, что имъ предшествовали другія, болѣе близкія къ извѣстнымъ въ средневѣковой Германіи типамъ, формы какъ родового, такъ и *сосѣдскаго землевладѣнія*.

Спрашивается какія же именно? Самъ г. Куновъ ставитъ мнѣ въ заслугу указаніе на родовой характеръ древнѣйшихъ славянскихъ поселеній, но этотъ характеръ выступаетъ не изъ одного только обозначенія ихъ терминомъ вервь, служившемъ еще въ XIV и XV вѣкѣ у южныхъ славянъ синонимомъ большой семьи или нераздѣльной семейной общины, но и изъ того, что писцовыя книги говорятъ намъ о печищахъ или собранныхъ вокругъ одного очага родственникахъ-совладѣльцахъ, а акты XVII и XVIII в., относящіеся къ сѣверной Россіи,—объ однохарактерныхъ союзахъ, извѣстныхъ подъ именемъ «огнищъ».

Особенно любопытенъ для насъ фактъ разложенія послѣднихъ, такъ какъ онъ ведетъ непосредственно къ возникновенію цѣлыхъ селъ родственниковъ, владѣющихъ не частною собственностью, а домами въ общихъ земляхъ. Частое обозначеніе селъ именами съ окончаніемъ «ичи» всегда указывающимъ на генетическую связь, говоритъ въ пользу распространенности такихъ родовыхъ селеній. Неравенство долей и зависимость ихъ отъ хо-

Digitized by Google

зяйственныхъ способностей отдѣльныхъ дворовъ, которые въ свою очередь стоятъ въ близкой связи съ числомъ работниковъ въ каждомъ, наглядно выступаетъ изъ распространеннаго на всемъ сѣверѣ, не исключая и Сибири, а также у донскихъ казаковъ обычая выходить всѣмъ селеніемъ въ поле въ моментъ оранки и покоса съ тѣмъ, чтобы сохой или соотвѣтственно косой опахать или обкосить границы присвоеваемыхъ на годъ каждымъ дворомъ долей. Это тотъ *способъ владѣнія* и пользованія, который нашимъ сельско-хозяйственнымъ писателямъ и статистикамъ извѣстенъ подъ наименованіемъ *захватнаго*.

Если принимать во вниманіе эти факты, то не покажется страннымъ, что къ толкованію словъ Тацита: agri pro numero cultorum ab universis in vices occupantur quos mox inter se secundum dignationem partiuntur, я привлекаю обычаи и порядки, еще держащіеся во многихъ частяхъ Россіи и нѣкогда общераспространенные въ ней; тѣмъ болѣе, что періоду захватнаго пользованія, какъ показываетъ примѣръ архангельскихъ крестьянъ XVII и XVIII столѣтій, предшествовалъ такой, когда доля каждаго двора въ общихъ поляхъ зависѣла отъ большей или меньшей близости его крови съ семьею, послужившей корнемъ всего родового поселка, другими словами, ея родовою честью, ея dignatio, выражаясь языкомъ Тацита. Сходство обоихъ порядковъ, древне-германскаго и славянскаго, не имѣетъ другой причины, кромѣ сходства условій. Оба вызываются въ частности многоземельемъ и слабою густотой населенія, о которыхъ и говоритъ Тацитъ, замѣчая, что легкость раздѣловъ обусловливается обширностью пространствъ, которая позволяетъ arva per annos mutare, т.-е. переносить ежегодно пашни съ мѣста на мѣсто, послѣ чего все же остается еще не тронутая плугомъ земля (et super est ager).

И въ позднѣйшую эпоху основанія феодальныхъ помѣстій и возникновенія надѣльной системы или такъ-называемой Hufenverfassung зависимость долей отдѣльныхъ дворовъ въ общихъ поляхъ отъ рабочихъ способностей семей—черта, характеризующая собою наше захватное пользованіе, продолжаетъ выступать и въ Германіи въ существованіи рядомъ съ Ganze Huffen и Halbe Huffen; и въ Англіи, гдѣ кромѣ virgatae или полныхъ долей двора, владѣющаго парой быковъ, встрѣчаются bovatae или надѣлы двора, владѣющаго всего однимъ быкомъ; и во Франціи, и Италіи, гдѣ рядомъ съ mansi integri извѣстны и mansi dimidi.

Сказаннаго достаточно, чтобъ оправдать постоянное обращеніе къ аналогіямъ, къ которому, впрочемъ, никто не прибѣгалъ чаще, какъ самъ родоначальникъ теоріи происхожденія марокъ, мірскихъ земель и частной собственности—Георгъ Людвигъ фонъ-Мауреръ. Перечитывая въ новомъ, ни въ чемъ не измѣненномъ изданіи его знаменитую *Einleitung*, на каждомъ шагу убѣждаешься въ томъ, что примѣръ не только скандинавскихъ державъ или Англіи, но и разноплеменныхъ съ германцами жителей Шотландіи или Россіи, казался ему не безразличнымъ. Никто меньше Маурера не можетъ быть заподозрѣнъ въ пристрастіи находить экономическимъ явле

Digitized by Google

ніямъ объясненія въ національномъ духѣ; никто въ большей степени изъ писателей середины текущаго столѣтія не вправѣ считаться сторонникомъ того ученія, которое видитъ въ общности переживаемыхъ народами стадій развитія причину временной общности ихъ экономическихъ и юридическихъ порядковъ. Вотъ почему труды Маурера не устарѣли, несмотря на то, что нашъ фактическій матеріалъ значительно увеличился и критикѣ удалось поколебать нѣкоторыя изъ его положеній; онъ все же остается учителемъ подрастающихъ поколѣній экономистовъ-историковъ, и мы не можемъ не привѣтствовать съ радостью новаго изданія его безсмертнаго труда.

Максимъ Ковалевскій.

Digitized by Google

Робертъ Бэрнсъ.

Мы намѣрены цести рѣчь о шотландскомъ поэтѣ по случаю столѣтней годовщины его кончины—21 іюля (10-го). Достаточно одного этого заявленія, чтобы заранѣе предрѣшить характеръ и тонъ нашей бесѣды. Вѣдь извѣстно, какъ и о чемъ говорятъ на разныхъ годовщинахъ и юбилеяхъ! Герой *дня* неизбѣжно превращается въ героя *quand même*—вообще и безусловно,—и самые отважные ораторы обыкновенно сильно нуждаются въ снисхожденіи къ «искренности» и правдоподобію своихъ «словъ». Таковъ порядокъ, и все равно какъ въ средніе вѣка, на «праздникѣ шутовъ», позволялось говорить и дѣлать всевозможныя глупости, такъ на юбилейныхъ торжествахъ не возбраняется всуе хвалить и вотще торжествовать.

И вотъ предъ нами одно изъ такихъ торжествъ и притомъ будто нарочно разсчитанное на сильныя чувства и патетическія рѣчи. Герой въ русской публикѣ сравнительно мало извѣстенъ и никогда не былъ популярнымъ: у автора статьи, слѣдовательно, можетъ явиться невольное стремленіе приподнять и прикрасить недостойно пренебрегаемое имя. Потомъ герой-крестьянинъ, простой бѣдный землепашецъ: опять искушеніе—поддаться увлеченію во славу скромнаго труда и демократическаго принципа. Наконецъ, на Западѣ, особенно на родинѣ поэта, готовятся блистательно ознаменовать годовщину—празднествами, изданіями новыхъ матеріаловъ и ужъ, конечно, подобающими рѣчами и статьями... Какъ же при такихъ обстоятельствахъ поступить русскому человѣку, до сихъ поръ никогда не отставававшему отъ иностранцевъ въ изъявленіи чувствъ по поводу культурныхъ событій? Напротивъ, въ порывѣ нѣсколько наивнаго идеалистическаго восторга, ему подчасъ случалось даже оставлять за собой европейца, болѣе скептическаго и болѣе привычнаго къ явленіямъ умственной жизни.

Итакъ, всѣ данныя—впасть въ юбилейное пастроеніе и увѣнчать Бэрнса исключительно-праздничными лаврами. Опасность для насъ особенно нежелательная, и мы первѣе всего сочли нужнымъ оградить себя и своихъ читателей. Дѣло въ томъ, что намъ предстоитъ дѣйствительно не совсѣмъ обыкновенная задача.

Мы будемъ разсказывать совершенно подлинную, фактическую исторію

Digitized by Google

изображать реальную, до послѣдней черты достовѣрную личность—и на каждомъ шагу рискуемъ вызвать у иного положительнаго читателя такіе вопросы: да правда ли все это? Ужъ не перестарался ли авторъ ради эффекта и благодарнаго случая? Факты-то, можетъ быть, и были подобные, но зачѣмъ же придавать имъ столь драматическую окраску и біографическіе эпизоды представлять въ видѣ сенсаціонныхъ отрывковъ изъ романовъ и пьесъ? Жизнь всегда проста, и въ нашемъ мірѣ чудесъ не бываетъ.

Драгоцѣнныя истины! Но какъ часто именно жизнь, повидимому самая простая,—въ нашемъ случаѣ даже болѣе чѣмъ простая, ниспровергаетъ трезвую философію и оказывается вдругъ такимъ поэтомъ и романтикомъ, что и самому изобрѣтательному драматургу не подъ силу угоняться за ней!... Положительнымъ все, повидимому, предусмотрѣвшимъ мудрецамъ приходится разыгрывать ту самую безнадежную и неумную роль, какая, напримѣръ, у Шекспира или у Мольера выпадаетъ на долю ученымъ резонерамъ и самонадѣяннымъ старцамъ рядомъ съ легкомысленной, но неизмѣнно отважной и находчивой молодостью.

Такъ и здѣсь. Предъ нами все время будетъ именно только молодость. Правда, Бэрнсъ умретъ на тридцать восьмомъ году, а къ этому возрасту людямъ обыкновенно удается постарѣть во всѣхъ отношеніяхъ,—прежде всего «мудрымъ познаніемъ жизни» и умѣньемъ получать проценты съ этого капитала. Нашъ бѣдный поэтъ не достигнетъ подобнаго идеала, и разные нравоучительные господа, вродѣ безпощадно-мудраго Карлейля, пріобрѣтутъ въ жизни и личности Бэрнса богатѣйшій матеріалъ для самыхъ величественныхъ и основательныхъ сентенцій *). Да, очень дурно не жить по правиламъ строгой морали, не поставить себѣ одной опредѣленной практической цѣли, — и хуже всего «витать во мракѣ и тѣни сомнѣній». О, счастливые господа Карлейли! Все ихъ нравственное бытіе будто проповѣдь, написанная на догматическій текстъ, и всѣ ихъ жизненныя задачи—прогулка «по солнечной сторонѣ» отлично вымощеннаго переулка, украшеннаго вывѣсками съ назидательными изреченіями... Нѣтъ, не этого суда достоинъ нашъ «грѣшникъ» и его захватившая всю жизнь «легкомысленная» молодость. Мы должны помириться съ самымъ «неосновательнымъ» фактомъ: въ дѣйствительности подчасъ больше поэзіи и правды, чѣмъ въ тончайшихъ узорахъ искусныхъ поэтовъ и въ мудрѣйшихъ соображеніяхъ добродѣтельныхъ проповѣдниковъ. И что особенно любопытно: *поэзія* достигается изумительно прозаическими, незамысловатыми средствами, самой заурядной *правдой*. Естествоиспытатели безпрестанно изумляются, изъ какихъ простыхъ матеріаловъ природа создаетъ роскошнѣйшія явленія. Такъ и человѣческая жизнь, органически-сильная и свободно-творческая, вызываетъ на свѣтъ Божій самыя захватывающія драмы, путемъ одной и той же крайне не хитрой комбинаціи, чуть ли не ежедневно у каждаго проходящей предъ глазами. Обращаютъ на нее вниманіе только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда

*) *Critical and Miscellaneous Essays.* I. London, 1847. pp. 310—312.

Digitized by Google

внѣшніе эпизоды знаменуютъ борьбу или когда у героя окажется достаточно краснорѣчія разсказать о ней. Иначе толпа будетъ безъ конца восторгаться и ужасаться надъ вымыслами поэтическаго воображенія и не почуетъ здѣсь же рядомъ трепета дѣйствительныхъ страданій человѣческой души.

У Бэрнса не мало и сильныхъ эпизодовъ, и увлекательныхъ разсказовъ, и врядъ ли у какого еще героя была такая эффектная *сцена*! Исторія поэта неразрывно, отъ начала до конца, связана съ ней и часто является только одной изъ блестящихъ декорацій. Мы и обратимся предварительно къ сценѣ и вглядимся въ обстановку, гдѣ развивалась оригинальнѣйшая поэтическая жизнь, какую только знаетъ европейская литература.

I.

Въ былое время среди разочарованныхъ молодыхъ людей вѣрнѣйшимъ средствомъ отъ идеальной тоски и просто житейской скуки считалось путешествіе въ далекія страны. И гдѣ только не перебывали Чайльдъ-Гарольды, Ренэ и даже Онѣгины! Въ чудныхъ стихахъ были воспѣты классическія руины Эллады и Рима, принесена обильнѣйшая дань изъ сонетовъ и романовъ красавицамъ всѣхъ экзотическихъ странъ, отъ Кастиліи до Албаніи, а неукротимо-отчаянный Ренэ умудрился продѣлать нѣсколько гримасъ даже среди скалъ и лѣсовъ Сѣверной Америки и воспроизвести нѣкоторыя «безумства» ломанческаго рыцаря въ пустыняхъ Палестины... Такъ иногда неутомимъ и замысловатъ бывалъ этотъ демонъ безнадежной душевной остуды!

Но ни одной изъ своихъ жертвъ онъ не внушилъ мысли побывать въ краю неизмѣримо болѣе поучительномъ и поэтическомъ, чѣмъ Албанія и даже становища ирокезовъ, и мы въ географической литературѣ демонизма не встрѣчаемъ ни единаго слова о *Шотландіи*. А между тѣмъ если дѣйствительно для усталыхъ душъ высшее утѣшеніе—контрастъ впечатлѣній,—въ странѣ Оссіана и Маріи Стюартъ, они могли бы затеряться въ этомъ счастьѣ.

Въ горахъ раннею весной приходится видѣть такую картину. На вершинахъ еще лежитъ снѣгъ, кое-гдѣ чернѣетъ мерзлая обнаженная земля, клубится густой туманъ и еще выше висятъ тяжелыя тучи, ежечасно готовыя пролиться мелкимъ осеннимъ дождемъ... Внизу, у подошвы, совсѣмъ другой міръ. Здѣсь каждый камень, будто драгоцѣнность, окруженъ цвѣточнымъ вѣнкомъ, по холмамъ стелется темная красноватая зелень, отовсюду, съ земли, съ окрестныхъ кустовъ и невидимыхъ овраговъ, властны ъ шумомъ и ароматомъ дышетъ могучая жизнь, и надо всѣмъ живущимъ :)- кое солнце неуклонно совершаетъ свое творческое дѣло... И въ этомъ)- единеніи контрастовъ на одномъ пейзажѣ заключается едва ли не ин)- реснѣйшій художественный мотивъ, какой только можетъ представить г)- рода. Шотландія—неистощимая сокровищница подобныхъ контрастовъ ъ исторіи и въ жизни.

Digitized by Google

Страна бѣдная, трудно-доступная, отрѣзанная отъ остальнаго міра горами и моремъ, воспитала нравы суровые до жестокости, воинственныя до кровожадности, и надолго обезпечила ихъ отъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ вліяній. Замкнутые въ горахъ, будто въ желѣзномъ кольцѣ, шотландцы, по крайней мѣрѣ, до XVIII вѣка считали чуть ли не преступленіемъ переходить за предѣлы родины,—и Карлу-Эдуарду, послѣднему претенденту изъ дома Стюартовъ, только ночью обманомъ удалось провести горцевъ за пограничный столбъ, на англійскую почву. Здѣсь они обнаружили полное незнакомство съ самыми обыденными явленіями европейской культурной жизни.

Однажды послѣ битвы горецъ изъ арміи принца нашелъ на полѣ очень дорогіе часы и поспѣшилъ промѣнять ихъ на какую-то бездѣлку. «Когда я нашелъ этого звѣрка,—разсказывалъ горецъ товарищамъ,—онъ былъ еще живъ, но потомъ скоро умеръ». Это и вынудило воина поскорѣе отдѣлаться отъ находки: часы остановились, и онъ ихъ счелъ ни на что негоднымъ «трупомъ».

Такіе люди цѣлыми поколѣніями росли въ ущельяхъ и долинахъ, наполняя свою страну неутомимой страшной дѣятельностью. Кипѣла безпрестанная и безпощадная война между кланами, горцами и обитателями долинъ, владѣльцами замковъ и населеніемъ деревень и городовъ, королями и баронами. Рѣдкій Стюартъ спокойно кончалъ свои дни на тронѣ и рѣдкій кланъ во всякое время не велъ кровавыхъ счетовъ съ сосѣдями. Это по-истинѣ исторія «коршуновъ и вороновъ»,—исторія, неизгладимыми чертами записанная народной памятью, въ безчисленныхъ балладахъ и легендахъ, въ названіяхъ урочищъ, равнинъ, часто отдѣльныхъ скалъ. И эти естественныя лѣтописи до сихъ поръ читаются на развалинахъ башенъ, замковъ, крѣпостей, усѣивающихъ вершины и обрывы горъ. Здѣсь когда-то обитали достойные родичи викинговъ, носившіе въ гербахъ луну и звѣзды,—при этихъ свѣтилахъ совершались ихъ подвиги мести, междоусобной брани, а то и просто грабежа. Какой богатѣйшій запасъ грандіозныхъ поэтическихъ мотивовъ завѣщали они позднѣйшимъ поколѣніямъ и сколькихъ поэтовъ, съ Бернсомъ и Вальтеръ Скоттомъ во главѣ, воспитали эти единственныя въ мірѣ преданія!

Да, единственныя, по своеобразному сплетенію жестокости и романтизма, борьбы и любви, преступленій и поэзіи.

Перечитайте шотландскія баллады,—вы будете поражены именно тѣмъ контрастомъ, какимъ чаруетъ васъ горная природа. Здѣсь женщины и дѣвушки не уступаютъ мужьямъ и витязямъ ни энергіей, ни мужествомъ, ни вѣрностью руки. Иная красавица не задумывается отдѣлаться отъ соперницы кинжаломъ или ядомъ, женщина, покидаемая возлюбленнымъ, вмѣстѣ съ прощальнымъ поцѣлуемъ, убиваетъ наповалъ измѣнника, сестра съ неукротимою суровостью осуществляетъ месть на сестрѣ, похитившей сердце милаго... Чтобъ уяснить себѣ весь дѣйствительный смыслъ германской Валгаллы и ея Валькирій, надо только ближе подойти къ шотландской поэзіи,—

Digitized by Google

отнюдь не игрѣ свободной фантазіи, а точной исторіи семейныхъ и племенныхъ правовъ цѣлаго народа.

И что̀ удивительнѣе всего,—жесточайшая по содержанію баллада не забудетъ отмѣтить тончайшіе признаки женской красоты. Она сообщитъ вамъ, что смертоносный кинжалъ былъ выхваченъ изъ блестящей пышной косы, что ноги героини стройны и бѣлы какъ горный снѣгъ, что руки ея, напоминающія молоко, бросались въ глаза изяществомъ и нѣжностью пальцевъ. Потрясающую трагедію двухъ сестеръ баллада закончитъ разсказомъ, какъ нѣкій пѣвецъ изъ золотыхъ волосъ убитой надѣлалъ струнъ, и онѣ заговорили о злодѣйствѣ.

Но въ балладахъ только проблески, мимолетныя вспышки романтическихъ чувствъ,—на полной свободѣ они развернутся въ пѣсняхъ. Кто бы могъ ожидать, что въ сѣверныхъ ущельяхъ, въ болотистыхъ туманныхъ долинахъ не меньше цвѣтовъ любовной поэзіи, чѣмъ въ вѣчно-солнечномъ Провансѣ? И какой поэзіи! Вальтеръ Скоттъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ объѣздить бѣдныя хижины горцевъ, тщательно собрать вѣковое творчество простого народа и на немъ основать свою первую поэтическую славу. И это творчество могло бы напитать вдохновеніемъ не одного *Министреля*.

Начиная съ короля и кончая послѣднимъ пастухомъ въ Шотландіи всѣ сословія и состоянія внесли блестящія имена въ исторію поэзіи. Въ семьѣ Стюартовъ, несчастнѣйшей изъ европейскихъ династій, одинъ поэтъ слѣдуетъ за другимъ: Іаковъ I — трубадуръ, авторъ популярнѣйшихъ народныхъ поэмъ, его преемники или сами обладаютъ поэтическимъ даромъ, — такова Марія Стюартъ, — или покровительствуютъ поэтамъ, — даже Іаковъ англійскій, фанатикъ и педантъ. Рядомъ съ королями — ремесленники, пастухи, мелкіе фермеры, школьные учителя. И именно низшій классъ создаетъ талантливѣйшихъ пѣсенниковъ. Гдѣ-нибудь въ едва доступномъ ущельѣ, будто альпійская роза, расцвѣтаетъ свѣжій и сильный поэтическій геній въ лицѣ молодого пастуха съ ясными, почти дѣтскими глазами, съ длинными волосами горца, столь же дикаго и извнѣ грубаго, какъ его родныя скалы. Но впослѣдствіи имя «дикаря» станетъ однимъ изъ украшеній англійской литературы. Въ другомъ мѣстѣ, почти одновременно, еще болѣе могучій талантъ внушитъ чудныя пѣсни столь же бѣдному землепашцу, на этотъ разъ бурному и страстному, но тѣмъ болѣе плодовитому и славному. Къ нимъ присоединится городской труженикъ, по ремеслу парикмахеръ, по натурѣ—бардъ. И всѣ эти Бэрнсы, Гогги, Рамсэи, Лейдены—не исключенія, не единичные примѣры, а только наиболѣе пышные цвѣты изъ громаднаго букета народнаго шотландскаго творчества. Да, народнаго больше, чѣмъ гдѣ-либо, потому что Бэрнсы будутъ обильно черпать перлы своей поэзіи изъ разсказовъ старыхъ служанокъ на фермахъ своихъ отцовъ, а ихъ собственныя пѣсни будутъ повторяться молодыми дѣвушками долинъ и горъ, ихъ сборники будутъ распродаваться среди рабочихъ, на трудовые гроши, и читаться въ темныхъ ма-

Digitized by Google

занкахъ, при свѣтѣ вонючаго торфа. И никто не прививалъ извнѣ и искусственно этимъ бѣднякамъ такой любви къ родной поэзіи: она выросла подъ неумолкаемый шумъ борьбы и битвъ, привилась на почвѣ, пропитанной кровью, созрѣла среди ужасовъ и призраковъ смерти.

Дальше, въ новую эпоху, новая тягота нависла надъ Шотландіей. Суровая страна изъ протестантства создала вѣру и церковь по образу своихъ преданій и нравовъ,— вѣру, исполненную мрака и отчаянія,— церковь безпощадную, нетерпимую и мелочно-жестокую. Вѣра изгнала всякую красоту и жизнь изъ богослуженія, молитву превратила въ аскетическій искусъ, проповѣдь — въ небесные громы надъ земнымъ свѣтомъ и счастьемъ. Въ шотландскихъ храмахъ священники принялись изощряться въ изображеніи ужасовъ ада, козней сатаны, свой зловѣщій экстазъ доводили до галлюцинацій, ученіе о Богѣ милосердномъ и милующемъ объявляли ересью, готовы были даже Новый Завѣтъ устранить изъ нравственнаго обихода вѣрующихъ. Церковь превратилась въ самое деспотическое учрежденіе, какое только могла изобрѣсти подобная вѣра. Впослѣдствіи англійскіе историки будутъ отдавать преимущество даже испанской и неаполитанской инквизиціи сравнительно съ шотландскими пресвитерами.

Общественная и частная жизнь перешла подъ самый пристальный и придирчивый контроль духовенства. Страна покрылась сѣтью «церковныхъ совѣтовъ», они призвали себѣ на помощь изумительную организацію шпіонства и доносовъ, вмѣшивались въ личныя и семейныя дѣла прихожанъ, слѣдили даже за размѣрами аппетита, слишкомъ рѣзкими выраженіями и энергическими жестами отцовъ и матерей. Проступокъ влекъ немедленно кару, мучительную и позорную,—публичное покаяніе при совершенно инквизиціонной обстановкѣ.

Преступникъ отлучался отъ церкви, и легко представить, что это означало тамъ, гдѣ о «почтеннѣйшемъ» гражданинѣ выражались: «онъ по воскресеньямъ три раза бываетъ въ церкви!» Отлученіе снималось послѣ особаго обряда, тѣмъ болѣе любопытнаго, что ему подвергся и нашъ поэтъ.

Въ церкви, въ присутствіи всего народа, преступникъ долженъ былъ облечься въ особое платье и взойти, нерѣдко съ обритою головой и босыми ногами, на особое возвышеніе, вродѣ позорнаго столба, и выслушать строжайшее внушеніе священника. Эта казнь могла повторяться въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, по воскреснымъ днямъ, не менѣе трехъ разъ, а въ исключительныхъ случаяхъ доходила до пятидесяти двухъ.

Такъ карались преимущественно грѣхи молодости, и пощады не полагалось ни полу, ни возрасту. Дѣвушки вмѣстѣ съ парнями всходили на пафосъ, и такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ стали было закрывать лица плащами, церковь издала приказъ—отнимать у женщинъ плащи передъ казнью. А грѣхи трудно было скрыть. На службѣ у совѣтовъ состояли повивальныя бабки и обязаны были доносить власти о всѣхъ незаконныхъ рожденіяхъ...

И такой порядокъ вещей въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Шотландіи про-

Digitized by Google

должался до половины нынѣшняго столѣтія! И онъ вполнѣ естественно могъ вырости на той почвѣ, гдѣ народная и политическая исторія хранила столько кровавыхъ дѣлъ и стихійныхъ неукротимыхъ чувствъ.

Но это опять только тѣни и холодъ вершинъ, кровь и ужасъ баллады, а рядомъ — самый подлинный свѣтъ и тепло долинъ и чарующая поэзія пѣсенъ.

У пресвитеріанской инквизиціи былъ, повидимому, самый надежный союзникъ—бѣдность шотландскаго народа. Врядъ ли гдѣ труднѣе достается земледѣльцу насущный хлѣбъ, чѣмъ на скалахъ и болотахъ этого живописнаго, но неблагодарнаго края. Пахатная земля разбросана на пространствѣ узкими полосками, между ними камни и тощія сорныя травы. Каждая изъ полосокъ выпахивается до полнаго истощенія, потомъ земледѣлецъ переходитъ на другое поле, пока выпаханная земля снова не пріобрѣтетъ силу. Естественно, при такихъ условіяхъ хозяйство подвержено вѣчнымъ опасностямъ прійти въ полное разстройство. Неурожай одного года можетъ надолго подорвать благосостояніе семьи... Такъ было въ эпоху Бэрнса, и поэту пришлось до конца выпить чашу обычныхъ лишеній шотландскаго фермера.

Можно бы ожидать,—здѣсь церковный гнетъ не встрѣтитъ серьезнаго отпора: вѣдь, бѣдность — исконная спутница невѣжества и нравственнаго рабства! Въ дѣйствительности оказалось совершенно обратное, для жителей иныхъ странъ едва возможное и даже не вѣроятное.

Шотландскіе горцы могли во всю жизнь не видать карманныхъ часовъ, но это не мѣшало имъ быть просвѣщеннѣе и образованнѣе всѣхъ европейскихъ націй задолго до изобрѣтенія самыхъ необходимыхъ принадлежностей комфорта. И во главѣ образованія шло именно духовенство, столь нетерпимое въ вопросахъ нравственности и внѣшней жизни. Въ 1560 году была объявлена *необходимость всеобщаго образованія,* по весьма оригинальному соображенію: «Въ виду того, что люди явились на свѣтъ невѣжественными и Богъ пересталъ просвѣщать ихъ путемъ чудесъ, система всеобщаго образованія стала необходимостью».

При каждой церкви учреждались школы, и дѣти бѣдняковъ обучались на церковный счетъ.

Это только начало. Постановленія повторялись въ теченіе слѣдующаго столѣтія и, наконецъ, окончательно были узаконены школы по всѣмъ приходамъ, рѣшенъ вопросъ о вознагражденіи и жилищѣ сельскаго учителя въ возможно благопріятномъ смыслѣ. Съ тѣхъ поръ «образованіе—страсть въ Шотландіи», по выраженію англійскаго историка. Можно сказать, болѣе чѣмъ страсть—скорѣе подвигъ.

Для шотландскаго крестьянина не выучить грамотѣ дѣтей было бы величайшимъ *лишеніемъ,* буквально—личнымъ несчастіемъ. Онъ готовъ пойти на какія угодно жертвы, не отступитъ ни предъ какими трудностями, чтобы стать учителя, если его ферма заброшена въ захолустьи, вдали отъ школы, наконецъ, самъ, между дѣломъ и даже во время работъ, станетъ учить

Digitized by Google

тей и ради нихъ примется снова возобновлять въ своей памяти школьную науку, засядетъ за учебники, превратится въ школьника.

Мы ни единымъ словомъ не прикрашиваемъ дѣйствительности,—все это до послѣдней черты можно найти въ біографіи того или другого шотландскаго поэта и ученаго крестьянскаго происхожденія. Здѣсь часто исторія первой грамоты въ высшей степени трогательна, своего рода поэма и—на какіе же мотивы?—азбуки, дѣтской книжки, раннихъ странствій въ школу,—всего, что для многихъ дѣтей остается столь тягостнымъ и смутнымъ воспоминаніемъ.

Но, можетъ быть, трогательность—удѣлъ только даровитыхъ, исключительныхъ дѣтей? Оказывается, нѣтъ.

Гдѣ, помимо Шотландіи, можно встрѣтить, такія, напримѣръ, сцены?

Въ одномъ изъ самыхъ несчастныхъ горныхъ захолустій толпа едва одѣтыхъ, босыхъ дѣтей собирается на гору: тамъ школа, гдѣ они учатся латинскому и даже греческому языку, читаютъ Виргилія и Гомера. Недалеко, въ полѣ, пастухъ устроилъ изъ плаща защиту отъ вѣтра и читаетъ книгу, пока пасется его стадо. Еще дальше—маленькой дѣвочкѣ путешественникъ даритъ шесть пенсовъ, и она торжественно заявляетъ, что немедленно купитъ себѣ книжку...

Всѣ эти сцены относятся къ началу нашего столѣтія, т.-е. почти современны Бэрнсу. И разсказчикъ—англичанинъ, не заинтересованный въ чувствительномъ шотландскомъ патріотизмѣ. Да еслибъ у насъ и не было подобныхъ разсказовъ, знаменитые шотландцы — дѣти крестьянъ и ремесленниковъ — однимъ своимъ появленіемъ и дѣятельностью въ извѣстной средѣ достаточно краснорѣчиво подтвердили бы высокую культурность духовной почвы бѣдныхъ и «дикихъ» горцевъ.

Но въ образованіи участвовала и церковь. Въ силу протестантскаго принципа она должна была изъ своихъ дѣтей создать, прежде всего, чтецовъ и даже толкователей Св. Писанія, и подъ ея вліяніемъ шотландскія хижины превращались по субботамъ въ богословскія аудиторіи... Не всегда, конечно, изъ этихъ аудиторій выходили толкователи въ духѣ Ноксовъ и церковныхъ совѣтовъ: проповѣдникамъ безпрестанно приходилось гремѣть противъ «инакомыслія»,—и Бэрнсъ на своей судьбѣ изучилъ предѣлы пресвитеріанской *умственной* свободы. Но еще существеннѣе вопросъ о *нравственной* терпимости. Вышеописанная казнь постигала не ереси, а то, что церковь считала беззаконіемъ и развратомъ. Горчайшій позоръ и невыносимое общественное положеніе обрушивались на нравственныхъ преступниковъ, и шотландецъ на каждомъ шагу рисковалъ запутаться въ тенетахъ церковной дисциплины—не какъ послѣдователь церкви, а какъ членъ семьи и общества.

И вотъ противъ этой опасности школа, призванная къ жизни духовенствомъ, не могла имѣть достаточно средствъ и поводовъ для борьбы. Напротивъ, предоставленная себѣ и церкви, она превратилась бы въ орудіе той же церковной дисциплины и пресвитеріанство грозило основать *свою*

Digitized by Google

схоластику, какъ этого достигло раньше католичество съ своими школами. На помощь *грамотѣ* и *образованію* должна прійти *жизнь* и *народные нравы* и поддерживать свѣжую естественно-могучую струю въ атмосферѣ формализма и нетерпимости.

И жизнь пришла,—та самая поэтическая, радостная и кипучая, какая искони била неумирающимъ ключомъ въ народномъ творчествѣ Шотландіи.

Все равно, какъ въ старину, сквозь оглушительный трескъ оружія и дикій вой насилія и мести, въ шотландскихъ горахъ звучалъ задушевный голосъ романтическихъ настроеній и нѣжнаго то меланхолическаго, то торжествующаго чувства, такъ и теперь будто въ насмѣшку надъ безнадежно-мрачными изображеніями ада и дьявольскихъ умысловъ, надъ неустанными грозными поученіями, надъ бдительнѣйшими очами шпіона и палача не замолкаютъ пѣсни, національная музыка, не прекращаются сборища молодежи для пѣсенъ и танцевъ... И такова безумная отвага жизни—общественное мнѣніе освящаетъ именно тѣ «случайности» молодыхъ увлеченій какія церковь клеймитъ публичнымъ позоромъ.

Да, оказывается, та самая Шотландія, которая явила міру Нокса, воспитала музыкальнѣйшій народъ въ мірѣ. Правда, церковь и здѣсь внесла нѣкоторую лепту. Каждый прихожанинъ обязанъ участвовать въ общественномъ церковномъ пѣснопѣніи, и пѣніе вошло обязательнымъ предметомъ въ программы шотландскихъ школъ. Трудно найти крестьянина, незнакомаго съ нимъ такъ же, какъ и съ грамотой. Но церковь ограничила музыку крайне тѣсными предѣлами, отняла всякую художественную красоту у поэтичнѣйшаго изъ искусствъ, вытравила жизнь и радость изъ благочестивыхъ напѣвовъ.

Народъ подчинился преобразованію, но только въ церкви и ради церкви, а внѣ ея остался вѣренъ своей легкомысленной старинѣ.

И въ результатѣ, по зимнимъ вечерамъ, въ шотландскихъ деревняхъ происходятъ рядомъ сцены совершенно различнаго характера. Въ школахъ подъ руководствомъ учителя дѣти изучаютъ искусство пѣть псалмы на такой манеръ, чтобъ у слушателей дѣйствительно не оставалось иного чувства, кромѣ отвращенія къ жизни, а здѣсь же рядомъ, въ какомъ-нибудь амбарѣ, при скудномъ освѣщеніи, на земляномъ полу, происходятъ одушевленнѣйшіе танцы подъ звуки національной музыки, и никакія дневныя изнурительныя работы не могутъ удержать молодежь совершать часто довольно значительныя путешествія ради подобныхъ ассамблей. И всякая церковная и домашняя дисциплина безсильна здѣсь, тѣмъ болѣе, что зимнія собранія парней и дѣвицъ — необходимое продолженіе лѣтнихъ свиданій..

При Возрожденіи существовалъ одинъ обычай, несомнѣнно много способствовавшій блеску и веселью общества. Дама и кавалеръ, за обѣдомъ обязаны были ѣсть изъ одного блюда и пить изъ одного бокала. Бесѣда невольно становилась свободнѣе и сердечнѣе,—едва лишь тлѣвшая симпатія могла быстро разгорѣться въ огонь увлеченія, столь желанный для временниковъ счастливой эпохи.

Digitized by Google

И вотъ нѣчто вродѣ этого обычая изобрѣли шотландскіе крестьяне, можетъ быть, наравнѣ съ пріятнымъ имѣя въ виду и полезное. Во время лѣтней страды парни и дѣвушки работаютъ попарно... Практическая мудрость здѣсь разсчитываетъ на соревнованіе кавалеровъ и дамъ, но для нихъ самихъ существенный вопросъ, конечно, не въ «мудрости». Въ чемъ именно—прекрасно объяснилъ нашъ поэтъ. Первымъ вдохновеніемъ онъ обязанъ именно первой совмѣстной работѣ во время жатвы съ юной подругой...

Но развѣ можно обо всемъ переговорить въ полѣ, на виду у толпы? Неизбѣжны свиданія, и они распространены среди шотландскихъ крестьянъ не менѣе, чѣмъ среди самыхъ томныхъ и страстныхъ обитателей береговъ Гвадалквивира. Русскій поэтъ написалъ очаровательный романсъ на *испанскую* тему,— онъ могъ бы съ еще бо́льшимъ правомъ воспѣть юнаго шотландскаго рыцаря и поэта. Именно поэта, потому что свиданія влюбленныхъ—одинъ изъ любимѣйшихъ мотивовъ шотландской народной и художественной поэзіи. И сколькими минутами счастья, вдохновенія, а также раскаянія и горя обязанъ Бэрнсъ этому національному романтизму своей родины!

Раскаяніе и горе—вѣчные спутники романтизма и поэтическихъ увлеченій, особенно тамъ, гдѣ жизнь такъ сурова и бѣдна, гдѣ вопросъ о существованіи ежеминутно представляется въ досаднѣйшей и прозаичнѣйшей формѣ. Для шотландскаго рыцаря столько поводовъ влюбиться и такъ мало возможности быть обезпеченнымъ мужемъ и отцомъ. Это, несомнѣнно, одна изъ жесточайшихъ дилеммъ, и мы видѣли, какъ ее разрѣшило шотландское духовенство.

Оно мимо всякихъ смягчающихъ обстоятельствъ, частныхъ и общихъ, разъ навсегда опредѣлило отлученіе и публичную нравственную казнь. И оно, по-своему, было право: необходимы же какія-нибудь сильныя средства противъ повальнаго головокружительнаго увлеченія молодежи пѣснями, танцами, любовными интригами!... Но на сторонѣ *жизни* оказалось также свое право.

Она сочла незаконнымъ и врядъ ли возможнымъ судить молодость по кодексу внѣземной святости и сверхчеловѣческой добродѣтели. Она *поняла* и *простила*. Церковные совѣты упорно взводили на эшафотъ отцовъ и матерей, не получившихъ на свой союзъ священническаго благословенія, а дѣтей выбрасывали за предѣлы благоустроеннаго общества. Гражданскій порядокъ рѣшалъ вопросъ совершенно иначе. Со стороны «грѣшника» достаточно заявленія въ присутствіи свидѣтелей, что онъ свою «грѣшницу» считаетъ женой, и дѣти ихъ становились законными и всякій позоръ снимался съ дѣвушки. Такой рѣшительный законъ не только ограждалъ миръ и спокойствіе согрѣшившихъ, но и въ сильнѣйшей степени подрывалъ нравственное значеніе церковной грозы. Такъ, отъ внѣшнихъ и второстепенныхъ до самыхъ существенныхъ и общихъ явленій—естественныя благородныя силы, здоровая національная природа боролись за жизнь и свободу, и въ борьбѣ обнаружили не менѣе энергіи и стойкости, чѣмъ

Digitized by Google

было на сторонѣ врага. Потому что всѣ они—отпрыски единаго корня, и свѣтъ и тѣни принадлежатъ одному и тому же національному типу. Свѣтъ и тѣни мы должны понимать отнюдь не въ смыслѣ безусловнаго восторга предъ «свѣтомъ» и рѣшительнаго приговора надъ «тѣнями».

Кровавая старина Шотландіи и пресвитеріанскій фанатизмъ — явленія сами по себѣ отрицательныя, но въ основѣ ихъ лежитъ по-истинѣ желѣзная и несокрушимая энергія націи, вѣковой закалъ нравственныхъ силъ. Романтизмъ и неистощимая игра воображенія и творчества въ высшей степени увлекательны, когда они воплощаются въ народной поэзіи, но сами по себѣ, безъ твердыхъ жизненныхъ устоевъ и практическаго генія, они не создадутъ великой національной культуры. Такимъ образомъ, противоположности дополняютъ другъ друга и, гармонически сливаясь въ избранныхъ личностяхъ, образуютъ совершеннѣйшихъ представителей столь богато и разнообразно одаренной націи.

Одинъ изъ нихъ—нашъ поэтъ. Его жизнь и личный характеръ—исторія тѣхъ же исконныхъ контрастовъ. Они то вступаютъ въ междоусобную борьбу, то сливаются въ одно ясное, могучее теченіе, и поэтъ переживаетъ то жесточайшую драму внутреннихъ и внѣшнихъ противорѣчій, то, побѣдоносный и ясный, раскрываетъ во всемъ блескѣ великія сокровища своей природы. Онъ умираетъ слишкомъ рано, чтобы достигнуть невозмутимой душевной гармоніи и спокойной самоувѣренной мудрости,—умираетъ въ самый разгаръ нравственной и житейской борьбы... Но тѣмъ ближе онъ нашему человѣческому сочувствію и тѣмъ болѣе поучительныхъ уроковъ заключаетъ въ себѣ эта неустанно-мятежная жизнь, — уроковъ не для сентенцій по адресу поэта, а *для насъ*, для человѣческаго общества, которому изрѣдка выпадаетъ отвѣтственная, но почти никогда достойно не выполняемая роль цѣнителя и оберегателя своихъ лучшихъ дѣтей.

II.

Намъ забавно слышать, когда какой-нибудь самодѣльный великій человѣкъ или просто фанфаронъ приметъ открывать въ своемъ существованіи нарочитое вмѣшательство сверхъестественныхъ силъ, и на похвальбу Ренэ Шатобріана бурей и другими чудесами, сопровождавшими будто бы спеціально его появленіе на свѣтъ, мы готовы отвѣтить убійственной рѣчью шекспировскаго насмѣшника по адресу подобнаго же героя:

> Да вѣдь она, земля, тряслась бы и тогда,
> Когда бы кошка матери твоей
> Въ то время окотилась, а ты
> И не рождался вовсе.

Но намъ не смѣшно, когда Бэрнсъ на верху славы вспоминаетъ объ обстоятельствахъ своего рожденія. Такъ же свирѣпствовала буря и почти разрушила домъ его отца. Послѣдній фактъ несравненно краснорѣчивѣе досужихъ фанфаронадъ Ренэ. Онъ показываетъ, что «земныя странствія» нача

Digitized by Google

лись для нашего поэта необычайно рано. Мать съ новорожденнымъ должны были перенести въ домъ сосѣда, и это дѣйствительно будто знаменовало нескончаемый рядъ переселеній и поисковъ за укромною кровлей, наполнившихъ всю жизнь Бэрнса.

Отецъ—сначала садовникъ у лорда, потомъ фермеръ-арендаторъ—всю волю свою положилъ на созиданіе благополучія весьма многочисленной семьи. У него вполнѣ достаточно и физическихъ силъ, и нравственной энергіи, и житейской опытности, и особенно страстной любви къ дѣтямъ, но приходилось камни превращать въ хлѣбъ и стихіямъ противоставлять собственноручно сбитыя изъ глины стѣны. Естественно, нужда слишкомъ часто гостила въ жалкой мазанкѣ, а стихіи, случалось, уничтожали и самыя стѣны.

Здѣсь нѣтъ ни единаго праздная человѣка. Сыновья принимаются за работу чуть не съ дѣтства, старшій тринадцатилѣтній Робертъ уже молотитъ, пятнадцати лѣтъ онъ считается главною рабочею силой на фермѣ, и вся первая молодость проходитъ у него будто у «каторжника». Это его собственное выраженіе, отнюдь не преувеличенное, поясняемое удивительными подробностями въ разсказѣ его брата. Отцу 50 лѣтъ, у него семеро дѣтей, почти все малютокъ, такъ какъ онъ женился очень поздно, вся семья ютится въ темнотѣ и тѣснотѣ, по цѣлымъ годамъ не видитъ мяса, питается овсяною мукой, приготовленной во всевозможныхъ видахъ, и изрѣдка капустой съ свинымъ жиромъ.

Но не всегда и на эти блюда хватаетъ урожая. Необходимо безпрестанно нѣнять землю, переѣзжать съ одной фермы на другую и вѣчно начинать жизнь съ начала. Отцу поэта приходится выносить эти мытарства уже въ преклонномъ возрастѣ, давно истомленному непосильною работой, и всякое лишеніе неминуемо падаетъ на единственную поддержку семьи—старшаго сына. Легко представить, какой запасъ впечатлѣній остается въ его памяти отъ подобнаго «незабвеннаго дѣтства!»

Но исторія нужды, однообразныхъ удручающихъ бѣдствій идетъ рядомъ съ другой, повидимому, совершенно здѣсь неумѣстной. Овсяная похлебка, каторжный трудъ и въ хижинѣ старика Бэрнса уживаются рядомъ съ мѣстной шотландской «страстью». Отецъ изъ силъ выбивается научить грамотѣ своихъ дѣтей. Онъ вмѣстѣ съ сосѣдями вскладчину нанимаетъ учителя, тотъ попеременно живетъ въ каждой семьѣ, усердно напитываетъ юнцовъ не только грамотой, но и всякими другими науками. Учитель получаетъ мѣсто и уѣзжаетъ, тогда самъ старикъ Бэрнсъ принимается за занятія съ дѣтьми, во время работъ сообщаетъ имъ все, чему самъ когда-то выучился и что недавно ради нихъ вычиталъ изъ учебныхъ руководствъ по исторіи, географіи, астрономіи, естествознанію. Эти бесѣды прекращаются только со смертью наставника: въ послѣдніе часы онъ все еще вѣрный и лучшій другъ и учитель своихъ дѣтей.

И дѣти шли за отцомъ.

Послѣ начальной грамоты Робертъ ухитряется отрываться отъ работъ

Digitized by Google

ради англійскаго и французскаго языка, гостить у учителя, пока не наступаетъ время страды. Потомъ ради той же науки, на этотъ разъ геометріи и землемѣрнаго искусства, онъ отправляется въ отдаленную деревню. Когда положеніе семьи становится отчаяннымъ, онъ усердно выискиваетъ новыя средства помочь ей, переселяется въ городъ для изученія льняного ремесла.

Все это происходитъ до двадцатитрехлѣтняго возраста и составляетъ только каплю въ морѣ пережитаго и передуманнаго будущимъ поэтомъ. Нужда и матеріальная житейская борьба вездѣ и всегда по существу однѣ и тѣ же, и разсказъ о нихъ неизбѣжно выходитъ однотоннымъ и будто давно знакомымъ. Бэрнсъ особенно и не распространялся о нихъ: кто самъ не стоялъ подъ грозой голода и безпріютныхъ скитаній, тому не понять во всей полнотѣ чужой трагедіи.

Но есть одна сторона въ этой сѣрой исторіи, болѣе яркая и даже подчасъ эффектная. Она, пожалуй, можетъ заинтересовать даже любителей исключительнаго жанра и романтическихъ мотивовъ.

Темная, душная мазанка, грубый физическій трудъ, непрерывная забота о самомъ скудномъ хлѣбѣ насущномъ—такова внѣшняя жизнь Бэрнса, сына крестьянина и рабочаго. Но за ней сѣрывается другая, совсѣмъ на нее непохожая и она подчасъ—будто солнце сквозь тучи—прорывается среди окружающей прозы и бѣдноты. Бэрнсъ въ своей погонѣ за грамотой и образованіемъ ничѣмъ не отличается отъ самыхъ обыкновенныхъ своихъ земляковъ, но результаты оказываются совсѣмъ особенными.

Въ шестнадцать лѣтъ—онъ интереснѣйшій молодой человѣкъ во всей округѣ, блестящій спорщикъ въ богословскихъ бесѣдахъ, остроумный разсказчикъ въ кругу парней, опасный покоритель женскихъ сердецъ. Онъ видитъ свои успѣхи, невольно убѣждается въ своемъ превосходствѣ надъ другими, его молодое сердце замираетъ подъ восторженный шепотъ дѣвушекъ и горячія привѣтствія пріятелей. Онъ усвоиваетъ особую манеру носить щегольской плащъ, и, естественно, пускаетъ въ ходъ все искусство—прослыть неотразимымъ донъ-жуаномъ. А что же могущественнѣе можетъ подѣйствовать на сердце шотландской красавицы, какъ не ловко сложенная пѣсня, да еще съ ея именемъ?

И Бэрнсъ становится поэтомъ—невольно, незамѣтно для себя. Онъ услышалъ пѣсню изъ устъ четырнадцатилѣтней дѣвочки, работавшей на одной полосѣ съ нимъ, узналъ, что эту пѣсню сочинилъ нѣкій влюбленный въ честь своей дамы,—отчего же и ему, Роберту, не попробовать счастья?

И вотъ рядомъ съ учебниками французскаго и англійскаго языка является сборникъ народныхъ шотландскихъ пѣсенъ,—Бэрнсъ съ нимъ не разстается, и богъ вдохновенія растетъ въ немъ съ каждымъ новымъ впечатлѣніемъ, новымъ знакомствомъ и въ особенности—новымъ сердечнымъ волненіемъ.

А эти впечатлѣнія и волненія Бэрнсъ воспринимаетъ со всею чут-

Digitized by Google

костью поэтической натуры. Для него ничто не проходитъ безслѣдно,—впослѣдствіи онъ мельчайшіе случаи деревенскихъ будней положитъ въ основу своихъ вдохновеннѣйшихъ пѣсенъ. Теперь онъ жадно присматривается къ людямъ, которые ему, захолустному «дикарю», кажутся новинкой, изучаетъ чужую жизнь не холоднымъ разсудкомъ, а страстью сердца, не щадя нервовъ и крови, съ неудержимою стремительностью отзывается на все невиданное и оригинальное.

Геометрія не мѣшаетъ ему попасть въ общество контрабандистовъ, привыкнуть съ самоувѣренностью опытнаго человѣка смотрѣть на бѣшеный кутежъ и посягать на неопытныя души дѣвицъ, но въ то же время онъ переживаетъ отчасти безсознательный внутренній процессъ—познанія людей, свойственный всякому прирожденному художнику.

Но это только первая и сравнительно поверхностная школа,—несравненно серьезнѣе и рѣшительнѣе пребываніе въ городѣ ради льняного промысла. Городъ приморскій, переполненный матросами, еще болѣе отчаянными прожигателями денегъ, чѣмъ деревенскіе контрабандисты, и неизмѣримо болѣе опытными въ жизненныхъ удовольствіяхъ. Или смертная опасность, или разгулъ до самозабвенія,—и тамъ и здѣсь полнѣйшее презрѣніе къ самой жизни, ея серьезнымъ задачамъ...

Какое впечатлѣніе подобный героизмъ долженъ произвести на юнаго поэта! Съ какимъ изумленіемъ и тайною завистью онъ выслушивалъ разсказни одного изъ компаніи удальцовъ, своего рода Робинзона! Какой трепетъ охватывалъ его грудь, когда предъ нимъ, послѣ грязной работы въ пыльной и затхлой мастерской, — развертывалась сказочная перспектива всевозможныхъ приключеній! Трудно и вообразить болѣе поразительный и для нашего героя болѣе мучительный контрастъ: безграничная, захватывающая духъ воля и неблагодарный изнуряющій трудъ въ темнотѣ и грязи.

Естественно, у Бэрнса впервые просыпается жгучее чувство обиды на свою судьбу. Онъ впервые ясно и нестерпимо болѣзненно сознаетъ, въ какую тѣсную клѣтку засадила его неотвязная бѣдность и неизбѣжный «каторжный» трудъ. Онъ, вѣдь, уже давно убѣдился, что онъ лично гораздо выше своей тюрьмы, умственно сильнѣе и даровитѣе своей среды. Еще до знакомства съ городскими пріятелями, онъ производилъ эффектъ въ родной деревнѣ, обольщенный своими ораторскими подвигами, основалъ даже нѣчто вродѣ клуба и тамъ предлагалъ на разрѣшеніе такіе, напримѣръ, вопросы: «Молодой человѣкъ низкаго происхожденія будетъ ли счастливѣе, получивъ хорошее образованіе и развивъ свой умъ наукой,—или оставшись въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и его среда?»

Характерный вопросъ! Только личныя настроенія могли подсказать его Бэрнсу. Какой же высоты они должны достигнуть послѣ новыхъ угнетеній бѣдности и невѣдомыхъ раньше соблазнительныхъ приманокъ свободы и счастья?

Мастерская, гдѣ работалъ Бэрнсъ, сгорѣла, и попрежнему остался онъ безъ денегъ и предъ тѣмъ же страшнымъ вопросомъ, какъ помочь семьѣ.

Digitized by Google

Въ двадцать три года не переносятъ равнодушно подобныхъ положеній,—и Бэрнсъ возвращается домой переполненный горькихъ, безнадежныхъ чувствъ... Но въ тѣ же годы не долго висятъ тяжелыя тучи надъ человѣкомъ, и отчаянный пессимизмъ естественно переходитъ въ страстный вопль: «Я напрасно гонялся за счастьемъ... Мои надежды разбивались именно въ тѣ минуты, когда я болѣе всего надѣялся... Я усталъ отъ обмановъ судьбы, я отказался отъ своихъ стремленій, какъ отъ пустыхъ словъ, и рѣшилъ: будущее печально, прошлое неизвѣстно... но летящій часъ—мой, и я имъ воспользуюсь!»

И вотъ труженика смѣняетъ поэтъ, истомленнаго пахаря—неутомимый пѣсенникъ, мрачнаго обитателя закоптѣлаго коттэджа—легкомысленнѣйшій донъ-жуанъ шотландскихъ горъ и долинъ... Да, картина будто измѣняется, но только на одномъ планѣ: фонъ останется все тотъ же мрачный, убійственно-прозаическій, и радости поэта окажутся только болѣе яркими, но за то и болѣе отвѣтственными отступленіями отъ предустановленнаго порядка жизни.

Смерть отца Бэрнса отъ чахотки совпадаетъ съ самымъ шумнымъ романтическимъ приключеніемъ сына. Оно не первое и пересчитать ихъ не взялся бы самый прилежный и строгій біографъ поэта, вѣроятно и самъ поэтъ не поручился бы за точность собственнаго счета.

Летящій часъ дѣйствительно былъ встрѣченъ съ честью и удостоился самыхъ обильныхъ и разнообразныхъ жертвъ. Легко повѣрить,—страданія поэта, направленныя на деревенскихъ красавицъ, не могли быть ни безнадежны, ни особенно продолжительны. Черные, изумительно блестящіе глаза, впослѣдствіи поразившіе Вальтеръ Скотта и смущавшіе даже эдинбургскихъ аристократокъ,—жгли и невозбранно губили всякую намѣченную жертву. А при этомъ еще чудный, даже въ шотландскихъ горахъ,—неслыханный даръ пѣсенъ,—и въ результатѣ исторію Бэрнса можно бы изобразить на подобіе исторіи Геродота, называя каждую главу особымъ именемъ—возлюбленной и въ то же время музы... Мы обязаны будемъ послѣдовать за поэтомъ въ эту «страну цвѣтовъ», но пока насъ интересуетъ другой вопросъ—судьба самого поэта, отважно бросившаго вызовъ житейской прозѣ и безвыходной нуждѣ.

По смерти отца онъ сталъ главой семьи, нанялъ новую ферму, раскрылъ было даже книжки по сельскому хозяйству, но первый же неурожай, какъ и всегда, ниспровергъ всѣ расчеты. Да и не до нихъ было двадцатишестилѣтнему хозяину, въ сущности только номинально стоявшему во главѣ дома. У него оказались свои отнюдь не хозяйственныя дѣла и настолько сложныя, что и конца имъ не видѣлось.

Сначала сѣть завязала простая служанка на фермѣ Бэрнса. Любовь не прошла безслѣдно,—и церковный совѣтъ немедленно призвалъ грѣшницу къ отвѣту, на сцену выступилъ неизбѣжный эшафотъ, и Бэрнсъ счелъ долгомъ явиться и занять мѣсто рядомъ съ своей Бетси... Картина вышла несомнѣнно, очень эффектная, и поэтъ достойно воспѣлъ ее. Но этимъ

Digitized by Google

кончилось. Бэрнсъ, избалованный деревенскою славой и уже не разъ царапавшій своимъ краснорѣчіемъ святыхъ блюстителей чужой нравственности, теперь напалъ на духовенство съ неукротимою энергіей.

Не трудно было изъ мѣстной хроники выудить нѣсколько пикантныхъ фактовъ на счетъ добродѣтелей святошъ, поднять на смѣхъ ихъ пристрастіе къ малеванію чорта и ада и въ особенности разоблачить ихъ вѣчныя богословскія междоусобицы... Одна сатира слѣдуетъ за другой. Поэтъ будто пользуется случаемъ излить накипѣвшую горечь отъ разныхъ лишеній и разочарованій, и гнѣвъ на свою неволю возмѣщаетъ на завѣдомыхъ врагахъ всякой свободы. Любовная интрига вдругъ пріобрѣтаетъ важный нравственный смыслъ: поэтъ выходитъ за предѣлы личнаго оскорбленія, начинаетъ поражать ханжество, мелочность и пошлость оффиціальныхъ хранителей добродѣтели, и произноситъ пламенную защиту гуманности, истинно-христіанской терпимости и прощенія.

Служанку смѣняетъ болѣе серьезная героиня, дочь фермера. Результатъ тотъ же и послѣдствія ждутъ тѣ же, тогда поэтъ рѣшается заключить бракъ, объявляетъ дѣвушку своею женой. Но солидному практическому отцу не улыбается союзъ его дочери съ легкомысленнымъ стихотворцемъ, уже разъ побывавшимъ у церковнаго позорнаго столба и вступившимъ въ войну съ самимъ совѣтомъ. Старикъ требуетъ безсчестія, предъявляетъ искъ, и бѣдный счастливый любовникъ попадаетъ въ положеніе травленаго волка. Возлюбленная разыграла роль Офеліи, безусловно подчинилась волѣ отца и отказалась отъ свиданій съ поэтомъ. Бэрнсъ впалъ въ отчаяніе, угроза арестомъ превратила его въ бродягу, малодушіе матери его ребенка—въ жалкаго отвергнутаго соблазнителя, и письма и пѣсни поэта звучатъ безысходною тоской, ядовитѣйшими укоризнами судьбѣ и людямъ. Повидимому, предъ нами полный разгромъ человѣческой души и нравственныхъ силъ... Въ дѣйствительности вовсе нѣтъ.

Измѣна Джэнъ только придастъ прелести другимъ дѣвушкамъ, а бѣдственное одиночество породитъ новые планы постигнуть, наконецъ, счастье и утвердить свою звѣзду на зенитѣ.

Джэни умерла, да здравствуетъ Мэри! Родина оказалась могилой,—ну, такъ пути открыты на весь міръ, хотя бы для перваго случая на Ямайку.

И Бэрнсъ серьезно носится съ мыслью уѣхать за океанъ, разбогатѣть тамъ и вернуться предъ очи несговорчиваго и строгаго старика съ полнымъ кошелькомъ денегъ и повергнуть въ краску и раскаяніе послушную дочь... Такова натура поэтовъ! Вмѣстѣ съ звуками они дѣйствительно будто «отрываютъ муки отъ сердца» и, изобразивъ свои страданія на бумагѣ, перестаютъ испытывать ихъ въ груди. А нашъ поэтъ, кромѣ того, достойный сынъ своей страны,—и онъ, подобно своему англійскому современнику, готовъ бросить роднымъ берегамъ прощальную рѣчь, исполненную мужества и достоинства...

Какъ,—спросите вы,—вѣдь, Байронъ, отметая свое отечество, успѣлъ испытать обиду и какъ поэтъ, и эта обида не исчезнетъ до конца, а бу-

Digitized by Google

деть расти и обновляться? Что же Бэрнсъ дѣлалъ съ своимъ талантомъ? Неужели довольствовался истомой разныхъ Джэнъ и Мэри, завистливымъ ропотомъ пріятелей и бѣшенствомъ святошъ? Ему, такому самоувѣренному и уже вкусившему соблазновъ славы,—такъ естественно стремиться на болѣе обширную сцену.

Конечно. И Бэрнсъ не былъ бы истиннымъ талантомъ, еслибъ не сознавалъ своихъ поэтическихъ силъ. Но только помыслы о громкой *городской* славѣ не безпокоили его воображенія: такой далекой и врядъ ли возможной казалась эта слава горному поэту! Это не значило, будто городъ въ его глазахъ являлся исключительнымъ, недоступнымъ царствомъ, а горожане высшею расой. Совершенно напротивъ. Бэрнсъ скоро докажетъ свой трезвый взглядъ на просвѣщенныхъ и культурно-изящныхъ господъ. Просто ему достаточно было побѣдъ надъ божествами горъ и долинъ: это для идеальнаго удовлетворенія, а о матеріальномъ, о деньгахъ за стихи Бэрнсъ не думалъ даже въ разгаръ своей великобританской извѣстности.

Все дѣло рѣшилъ злосчастный романъ. На путешествіе денегъ, конечно, не находилось, и одинъ пріятель посовѣтовалъ издать стихи.

Такимъ образомъ *третья* муза довершила внушеніе первыхъ двухъ: одна вдохновила первую пѣсню, другая—вызвала у поэта страстную лихорадочную энергію творчества, а теперь самый неудачный и чреватый послѣдствіями романъ заставилъ поэта выйти на большой свѣтъ изъ мрака своихъ горъ. Въ то время, когда поэтъ бродилъ по ущельямъ, ища пристанища у друзей и знакомыхъ, питался гдѣ попало и чѣмъ Богъ послалъ,—въ сосѣднемъ городкѣ набиралась книжка въ двѣсти страницъ «преимущественно на шотландскомъ нарѣчіи», и авторъ по нѣсколько разъ въ недѣлю отправлялся пѣшкомъ наблюдать за нарожденіемъ своего дѣтища.

Оно было единственною надеждой поэта даже въ матеріальномъ смыслѣ, а потомъ первая печатная книга—какого автора не волнуетъ до глубины души! И въ особенности поэта, крестьянина и юношу, столь заинтересованнаго въ славѣ уже ради своихъ романическихъ успѣховъ.

Бэрнса всѣ эти соображенія, повидимому, нисколько не занимали. Страстность безразсудная, ничѣмъ не охлаждаемая и неисправимая отнюдь не мѣшала самообладанію и самосознанію въ такой степени, что этому поэту могъ бы позавидовать любой мудрецъ и дипломатъ. Ни на одну минуту не потерять почвы подъ ногами, не дать закружиться головѣ—до потери личнаго достоинства и яснаго, твердаго взгляда на людей и обстоятельства—по истинѣ рѣдкій, исключительный талантъ для художественной, столь непосредственно вдохновенной и увлекающейся натуры. Обратите вниманіе: *личнаго достоинства* и *яснаго взгляда*—эти понятія такія же неизмѣнныя *стихійныя* основы личности Бэрнса, какъ и его способность загорѣться во мгновеніе ока отъ взгляда первой встрѣчной красавицы и отвѣтить на него восторженнымъ гимномъ любви, часто не с всѣмъ даже и соотвѣтствующимъ дѣйствительнымъ достоинствамъ крас

Digitized by Google

вицы. Бэрнсу очень пригодится такая разносторонность натуры въ эдинбургскихъ салонахъ, но и теперь мы слышимъ отъ него не совсѣмъ обыкновенныя рѣчи.

Оказывается, онъ давно и слишкомъ хорошо изучалъ себя, свое дарованіе и слишкомъ безпристрастно оцѣнивалъ и выбиралъ свои произведенія, чтобы сомнѣваться въ ихъ успѣхѣ. Можно подумать, поэтъ нѣсколько обольщается, приписывая себѣ высшую степень мудрости, но онъ это скоро докажетъ на дѣлѣ съ необычайною тонкостью и тактомъ. И мы не можемъ сомнѣваться, — предъ нами совсѣмъ исключительный случай: поэтъ скромно безъ излишества и правильно безъ педантизма оцѣнилъ свое дарованіе и съ перваго же шага вполнѣ сознательно занялъ подобающее мѣсто не только въ литературѣ...

Это звучитъ уже совсѣмъ странно. Человѣкъ, до сихъ поръ не поднимавшійся выше компаніи контрабандистовъ, матросовъ и сельскихъ рабочихъ, имѣвшій дѣло съ психологіей служанокъ и дочерей мелкихъ фермеровъ, и самое большее — вступавшій въ бесѣду съ деревенскими учителями и священниками,—вдругъ очутится въ одномъ изъ самыхъ блестящихъ, аристократическихъ и культурныхъ обществъ Европы XVIII вѣка. Зрѣлище поучительное, хотя и напередъ извѣстное—по другимъ примѣрамъ. Бэрнсъ совершенно измѣнитъ его исконный характеръ.

Великому событію Бэрнсъ будетъ обязанъ, конечно, своимъ стихамъ. Книжечка такъ быстро разойдется, завоюетъ такой успѣхъ—у свѣтской и деревенской публики, что поэта примутся прославлять въ столичныхъ журналахъ, вызовутъ въ столицу, предложатъ выпустить второе изданіе его пѣсенъ и, конечно, окончательно устранятъ мысль о Ямайкѣ.

Все это въ порядкѣ вещей, и въ общихъ чертахъ подобное мы найдемъ въ біографіи Кольцова и всякаго другого доровитаго самоучки. Въ городахъ никогда не отказываются привѣтствовать захолустную дяковинку съ художественнымъ талантомъ и особенно — въ самыхъ тонкихъ и просвѣщенныхъ гостиныхъ, искони проявляющихъ склонность къ «аромату полей». Вопросъ только, чего стоитъ эта склонность и въ чемъ смыслъ этихъ привѣтствій.

Нигдѣ и никогда такъ реально и интересно не разрѣшался вопросъ, какъ въ жизни Бэрнса.

Предъ нами множество вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній о томъ, какъ подвизался нашъ герой среди эдинбургскихъ ученыхъ и аристократовъ.

Ему предстояло двѣ крайнихъ опасности, одинаково естественныхъ въ его положеніи: онъ могъ потеряться и разыграть жалкую роль вороны, залетѣвшей не въ свои хоромы, или—напустить на себя вызывающую смѣлость плебейскаго таланта. И друзья Бэрнса сильно боялись за него. Но страхъ оказался напраснымъ.

Очевидцы—въ числѣ ихъ былъ, между прочимъ, и пятнадцатилѣтній Вальтеръ Скоттъ—единодушно изумлены тактомъ, находчивостью, простотой и достоинствомъ, какіе не покидали Бэрнса въ его странствіяхъ по

Digitized by Google

свѣтскимъ и литературнымъ гостинымъ. Краснорѣчіе, столь роковое для деревенскихъ красавицъ, явилось не менѣе чарующею силой среди изящныхъ городскихъ дамъ. Салонное остроуміе нашло достойнаго соперника въ природномъ юморѣ, въ необычайно блестящей оригинальности, въ сдержанномъ, но неотразимомъ пафосѣ этого удивительнаго «сына природы». Женщины, всегда чуткія къ силѣ и даровитости, немедленно оцѣнили преимущества новаго гостя надъ обыкновенными острословами и франтами. Самыя модныя аристократки сознавались, что бесѣда съ этимъ человѣкомъ можетъ вскружить голову. И—что еще удивительнѣе—поэтъ такъ же умѣлъ слушать, какъ и говорить, всегда кстати вставить свое слово, неизмѣнно дышавшее новизной, искренностью и той авторитетностью, какая свойственна всякой дѣйствительной нравственной силѣ.

Бэрнсъ сталъ злобой дня, героемъ сезона. Его забросали приглашеніями, любезностями, лестью и восторгами. Искреннѣйшимъ почитателямъ его таланта становилось жутко, и нѣкоторые отечески намекали ему насчетъ мудраго самообладанія и скромности. Но и теперь намеки было совершенно безцѣльны,—Бэрнсъ отлично понималъ психологію своихъ поклонниковъ и поклонницъ и свою внезапную популярность.

Сильнѣйшая опасность ему угрожала именно со стороны поклонницъ: онъ долго не могъ забыть перваго впечатлѣнія, какое произвели на него тонко-просвѣщенныя, идеально изящныя красавицы. Ничего подобнаго онъ не видалъ въ родныхъ горахъ,—и сердце и кровь прирожденнаго рыцаря громко и мучительно заговорили. Здѣсь философіи пока пришлось замолчать и предоставить поле дѣйствія непосредственному личному опыту. Когда этотъ опытъ осуществится, Бэрнсъ и о салонныхъ музахъ и граціяхъ станетъ судить не менѣе благоразумно и положительно, чѣмъ судилъ теперь о свѣтскихъ и культурныхъ господахъ.

Во-первыхъ, его нисколько не ослѣпила ни свѣтскость, ни культура, и онъ, по возвращеніи изъ столицы, отдавалъ справедливость «наблюдательности и уму» простыхъ людей, совершенно не тронутыхъ модой. Потомъ,—онъ съ истинно-художественнымъ чутьемъ и крестьянскимъ здравымъ смысломъ проникъ въ тайны этой самой моды, и свою популярность призналъ однимъ изъ ея капризовъ. Онъ—поэтъ, совсѣмъ не похожій на обыкновенныхъ поэтовъ и писателей, своего рода—unicum, новость,—естественно къ нему прилила волна вниманія,—но она также быстро и тѣмъ дальше отольетъ отъ него. И отольетъ не потому—объяснялъ Бэрнсъ,—что у него нѣтъ на самомъ дѣлѣ никакихъ заслугъ. Напротивъ,—заслуги есть и талантъ тоже, но только все это преувеличено, благодаря исключительно внѣшнимъ обстоятельствамъ и приподнято на высоту, не соотвѣтствующую дѣйствительности. Тѣмъ горше будетъ паденіе!

Такъ думалъ и писалъ Бэрнсъ въ водоворотѣ свѣтскихъ успѣховъ и славы, способныхъ другого свести съ ума.

Литература не знаетъ еще подобнаго примѣра здравомыслія и стойко-

Digitized by Google

сти въ положеніи самомъ рискованномъ, какое только можетъ выпасть на долю талантливаго человѣка.

И Бэрнсъ, конечно, оказался правъ. Въ столицѣ были, несомнѣнно, вполнѣ серьезные цѣнители его дарованія, но большинство, *толпа* видѣла въ немъ преимущественно «рѣдкаго звѣря»,—одни спѣшили показать его своимъ знакомымъ, другіе—посмотрѣть и поразсказать.

Сезонъ такимъ образомъ выходилъ съ «гвоздемъ», что и требовалось доказать. Появись другая «диковинка»,—Бэрнсъ немедленно былъ бы принесенъ въ жертву. Вѣдь, былъ же такой случай въ Парижѣ, въ самый разгаръ философскаго просвѣщенія. На одной изъ бульварныхъ сценъ появился артистъ Жанно—и немедленно его бюсты и портреты оказались на каминахъ и туалетныхъ столикахъ парижскихъ дамъ рядомъ съ изображеніями Вольтера!... Чѣмъ же эдинбургскія аристократки хуже французскихъ «просвѣтительницъ»!...

Бэрнсъ даже имѣлъ удовольствіе во очію убѣдиться, что ничѣмъ не хуже. При всемъ тактѣ и благоразумія онъ едва не устроилъ крайне непріятной сцены въ одномъ дружескомъ салонѣ, когда хозяева обнаружили, по его мнѣнію, недостойную угодливость нѣкоему привилегированному ничтожеству. И поэту пришлось видѣть, какъ малоцѣненъ въ сущности весь его геній, его благороднѣйшій пафосъ предъ какой-нибудь титулованной куклой! И не только въ Шотландіи и во времена Бэрнса талантъ и личное достоинство не могли разрушить окончательно преградъ между *canaille* и *le monde vrai*, но и теперь въ иной на видъ безусловно демократической республикѣ—*un vieux nom* звучитъ много громче самыхъ геніальныхъ стиховъ и рѣчей...

Предсказаніе Бэрнса на счетъ отлива исполнилось и довольно скоро.

Поэтъ зналъ свою участь; но развѣ легко мириться съ такими «переворотами» въ двадцать восемь лѣтъ?—И Бэрнсъ невольно попадаетъ на стезю всѣхъ разочарованныхъ и оскорбленныхъ, пускается въ путешествіе, посѣщаетъ мѣстности, ознаменованныя величайшими событіями и именами родной исторіи, борьбой Валласа и Брюса за шотландскую свободу, трагедіей Маріи Стюартъ. И предъ отправленіемъ онъ также пишетъ свой «прощальный привѣтъ»—не родинѣ, а Эдинбургу, точнѣе—благороднымъ и ученымъ любителямъ литературы. Это предисловіе ко второму изданію стиховъ—посвященіе книги шотландской аристократіи—одно изъ любопытнѣйшихъ посвященій, когда-либо написанныхъ.

Можно подумать, поэтъ обратился къ «лордамъ и джентльменамъ» съ единственною цѣлью—заявить имъ о своей неприкосновенной независимости, о равноправіи своего имени съ знатнѣйшими именами Шотландіи и съ полнѣйшимъ сознаніемъ своего личнаго авторскаго достоинства выразить удовольствіе, что кровь шотландскихъ героевъ сохранила свою чистоту до послѣднихъ поколѣній,—чистоту не въ смыслѣ «голубого цвѣта», а патріотической преданности родинѣ. Бэрнсъ даже предупреждалъ благородныхъ читателей, что онъ отнюдь не намѣренъ вступать на обычный путь

Digitized by Google

льстивыхъ посвященій, избитый позорящими себя педантами: честная крестьянская натура стыдится этого пути. Въ результатѣ выходило скорѣе благосклонное одобреніе со стороны поэта публикѣ, оказавшейся на высотѣ призванія,—и надежда, что она и впредь останется вѣрной просвѣщенію и свободѣ.

Легко повѣрить, лорды и джентльмены не могли извлечь особеннаго наслажденія изъ своего меценатства съ подобнымъ авторомъ, и меценатство миновало Бэрнса. Поэту и теперь, послѣ столичной славы, предстояло лично считаться все съ тѣми же задачами бѣдности и лишеній.

Пока онъ путешествуетъ по долинамъ и горамъ, переполненнымъ легендарными и историческими воспоминаніями,—тамъ, гдѣ ключомъ била народная поэзія и вызывала къ жизни вдохновенныхъ бардовъ до самой эпохи Бэрнса. Нѣсколько лѣтъ спустя здѣсь появится Вальтеръ Скоттъ и примется усердно собирать баллады и пѣсни горцевъ, воспитывая свой собственный геній на этомъ творчествѣ. Потомъ Бэрнсъ совершитъ настоящее пилигримство на поля битвы, увѣковѣченныя борьбой шотландцевъ за независимость. Еще въ дѣтствѣ онъ восторженно читалъ сказанія о Валласѣ и Брюсѣ,—теперь онъ переживетъ глубочайшія волненія на «классической почвѣ Каледоніи». Дальше—кровавая и часто въ высшей степени романтическая исторія національной династіи. Стюарты дали міру не только ограниченныхъ буквоѣдовъ и фанатиковъ,—въ ихъ лѣтописяхъ не мало настоящихъ рыцарей и поэтовъ, умѣвшихъ любить и воспѣвать любовь не хуже самихъ министрелей. Въ концѣ стоятъ имена Маріи и Карла-Эдуарда—и врядъ ли чье романтическое воображеніе въ состояніи изобрѣсти болѣе потрясающую поэзію, чѣмъ подлинныя драмы этихъ Стюартовъ! Бэрнсъ видитъ замокъ, гдѣ королева жила въ полномъ расцвѣтѣ красоты и надеждъ, проходитъ по полю, гдѣ навсегда разбились мечты принца о тронѣ и власти. Со всею страстностью шотландца и поэта онъ отзовется на трагическіе образы, неотвязно сопровождающіе здѣсь самаго равнодушнаго путника.

Минутами поэтъ не можетъ сдержать бури впечатлѣній и, случается, на стеклахъ гостиницъ чертитъ кольцомъ негодующіе стихи на враговъ шотландскихъ королей. А впослѣдствіи онъ въ своихъ пѣсняхъ безпрестанно будетъ припоминать то или другое имя изъ славнаго и печальнаго прошлаго своей страны, и горькое чувство къ Англіи, особенно къ ея государямъ, не исчезнетъ у него до могилы.

И оно важно не только для характеристики Бэрнса патріота, для его высшихъ поэтическихъ настроеній. Оно примѣшалось къ его будничнымъ интересамъ, внесло лишнюю отраву въ его насущную нужду, въ его борьбу за кусокъ хлѣба. Эта искренняя и цѣльная натура никогда и нигдѣ не могла отдѣлить жизни отъ вдохновенія, пѣсни отъ прозы, чувства отъ политики. А, между тѣмъ, для Бэрнса настаетъ время, когда проза и политика становятся настоятельнымъ долгомъ, единственнымъ условіемъ существованія. Онъ прекрасно справился съ необычайно трудною задачей—

Digitized by Google

спасти авторскую честь и свободу среди аристократіи и искушеній богатаго покровительства. Но когда же на землѣ даромъ доставались людямъ такіе успѣхи и когда безнаказанно личность завоевывала свои права! Заявляя объ авторской независимости и крестьянской честности, Бэрнсъ произносилъ себѣ приговоръ—и притомъ длящійся, только постепенно обнаруживающій всю свою сущность. Поэтъ врядъ ли вполнѣ ясно представлялъ свое недалекое будущее, когда въ разгарѣ славы съ затаеннымъ смущеніемъ говорилъ о «бездонной пропасти».

Въ дѣйствительности, не произошло никакой трагедіи, ничего чрезвычайнаго. Бэрнсу только пришлось снова вернуться назадъ къ сохѣ и скотному двору, снова разыскивать по ущельямъ и болотамъ удобную землю, каждое лѣто и осень дрожать за плоды своихъ трудовъ, а зимой изнывать въ темнотѣ и полуголодѣ. Какъ бы разсудительно ни относился поэтъ къ «свѣту», онъ врядъ ли могъ съ легкимъ сердцемъ послѣ эдинбургскихъ опытовъ войдти въ мазанку все тѣмъ же «каторжнымъ», снова завязать нескончаемую междоусобицу съ лѣнивыми работницами и неумѣлыми работниками, и разсчитывать порціи овса и картофеля по всѣмъ правиламъ нищенской экономіи. Дилемма цѣлой жизни на этотъ разъ становилась особенно рѣшительной, невыносимой. Требовалось по-истинѣ мужество отчаянія, чтобы преодолѣть всѣ противорѣчія и успокоиться на одномъ исходѣ

Ив. Ивановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Digitized by Google

Ассирійскія заклинанія и русскіе народные заговоры.

Въ прошломъ году въ Лейпцигѣ вышелъ въ свѣтъ капитальный трудъ молодого ассиріолога д-ра Кнута Таллквиста, доцента Гельсингфорсскаго университета, подъ заглавіемъ: *Ассирійская заклинательная серія Maqlû, изданная по оригиналамъ Британскаго музея* (Die Assyrische Beschwörungsserie Maqlû, nach den Originalen im British Museum herausgegeben von D-r Knut L. Tallquist). Работа гельсингфорсскаго ассиріолога, уже раньше извѣстнаго спеціалистамъ изслѣдованіемъ о языкѣ контрактовъ Набунаида [1]), представляетъ одно изъ тѣхъ блестящихъ завоеваній европейской науки, которыя время отъ времени направляютъ лучи свѣта въ отдаленное прошлое человѣчества, дѣлая намъ доступными подлинные письменные документы, начертанные людьми, жившими за нѣсколько тысячелѣтій до нашего времени. Такіе документы представляютъ десятки тысячъ покрытыхъ клинописью глиняныхъ таблицъ, составлявшихъ часть дворцовой библіотеки ассирійскаго царя Ашурбанипала (VII в. до Р. Хр.), хранящіеся въ богатыхъ собраніяхъ по ассиріологіи Британскаго музея. Во время пребыванія въ Лондонѣ въ началѣ 90-хъ годовъ г. Таллквисту удалось, при помощи превосходнаго каталога, составленнаго ассиріологомъ Бецольдомъ [2]) подобрать разрозненныя таблицы, составлявшія одну полную серію заклинательныхъ молитвъ, носящую ассирійское названіе Maqlû, что, по объясненію Таллквиста, значитъ «сожженіе» [3]).

Самая тщательная филологическая обработка этого впервые издаваемаго матеріала и составляетъ содержаніе обширнаго труда молодого ассиріолога. Первая часть открывается обширнымъ введеніемъ, разъясняющимъ редакціи и содержаніе серіи Maqlû, затѣмъ слѣдуютъ ассирійскіе тексты въ латинской транскрипціи съ нѣмецкимъ переводомъ, комментаріемъ, глос

---

[1]) *Die Sprache der Contracte Nabûna'ids*. Helsingfors, 1890.

[2]) C. Bezold: „Catalogue of the cuneiform tablets in the Kouyundjik collecti of the British Museum. Vol. I—III, London, 1889, 91—94.

[3]) O. c., p. 23.

Digitized by Google

саріемъ и указателемъ именъ. Вторая часть содержитъ возстановленные издателемъ клинописные тексты всѣхъ восьми таблицъ серіи и тѣ же тексты въ томъ фрагментарномъ видѣ, въ которомъ они дошли до насъ. Такое двойное изданіе текстовъ даетъ возможность спеціалистамъ провѣрить основательность произведенной г. Талльквистомъ реставраціи памятника.

Въ виду интереса, представляемаго ассирійскими заговорами для исторіи заговоровъ вообще, въ томъ числѣ и нашихъ, я считаю полезнымъ познакомить наше общество съ характеромъ и содержаніемъ этихъ древнихъ семитскихъ заклинаній по труду Талльквиста, но остановлюсь предварительно на геніальной работѣ французскаго ассиріолога покойнаго Франсуа Ленормана, проложившей еще 20 лѣтъ тому назадъ путь къ уясненію халдейской магіи вообще. Самъ Талльквистъ въ слѣдующихъ словахъ говоритъ о своемъ предшественникѣ: «Все, что объ этомъ предметѣ (т.-е. магіи халдеевъ) было написано спеціалистами ассиріологами, почти исчерпывается, если мы назовемъ геніальную, въ главномъ еще весьма цѣнную, хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ уже устарѣвшую и неудовлетворительную работу Ленормана «о магіи и искусствѣ предсказаній халдеевъ» [1]). Уже Ленорманъ ясно и убѣдительно доказалъ, что магія вавилонянъ и ассирійцевъ, по крайней мѣрѣ въ своей основѣ, представляетъ наслѣдіе, полученное отъ первобытнаго несемитскаго населенія долинъ Тигра и Евфрата и въ своей системѣ силилась сочетать и слить сумерійско-семитскія воззрѣнія. Характеристика сущности и содержанія ассирійскихъ магическихъ текстовъ, равно какъ изложеніе главнѣйшихъ явленій ассирійскаго народнаго суевѣрія по отношенію къ злымъ духамъ, вѣдьмамъ, вѣдунамъ, талисманамъ, магическимъ амулетамъ, обрядамъ и проч., также по крайней мѣрѣ in nuce, находится въ трудѣ Ленормана. Исчерпывающее изложеніе этихъ явленій не входитъ (продолжаетъ авторъ) въ планъ нашей работы, да и вообще не можетъ быть дано раньше изданія многихъ относящихся къ этому вопросу текстовъ и раньше многихъ отдѣльныхъ изслѣдованій» [2]).

Монографія Ленормана основана главнымъ образомъ на разборѣ тѣхъ клинописныхъ табличекъ, которыя вошли въ 4-й томъ капитальнаго изданія Генри Роллинзона и Норриса «Клинообразныя надписи Западной Азіи» (Cuneiform Inscriptions of Western Asia). Уже во второмъ томѣ названнаго изданія, вышедшемъ въ 1866 г., былъ обнародованъ обширный текстъ изъ дворцовой ниневійской библіотеки, содержащій 28 заклинаній, предназначавшихся къ отвращенію вліянія злыхъ духовъ, колдуновъ, болѣзней и другихъ бѣдствій, которымъ подверженъ человѣкъ. Но болѣе обильный, хотя фрагментарный, матеріалъ для познанія халдейскихъ заклинаній далъ

[1]) *Die Magie und Wahrsagekunst der Chaldäer*. Iena, 1878. Это просмотрѣнный авторомъ и исправленный переводъ двухъ работъ 1874 и 1875 гг.: *La magie chez les Chaldéens et les origines accadiennes* и *La Divination et la science des présages chez les Chaldéens*.

[2]) O. c., p. 15.

Digitized by Google

4-й томъ клинообразныхъ надписей, вышедшій затѣмъ (по смерти Ленормана) уже 2-мъ изданіемъ. Ленорманъ высказывалъ предположеніе, что среди глиняныхъ таблицъ, привезенныхъ въ Англію изъ развалинъ дворца Ашурбанипала, находятся фрагменты обширнаго сочиненія магическаго содержанія, заключавшаго въ цѣломъ не менѣе 200 таблицъ и представлявшаго для древней Халдеи то же самое, что древніе индійцы имѣли въ своей ведѣ заклинаній — Атхарва-ведѣ [1]). Конечно, мы не можемъ быть увѣрены, что магическіе фрагменты, изслѣдованные Ленорманомъ, Талькивистомъ, Іенсеномъ и другими ассиріологами, входили въ составъ одного обширнаго сочиненія или сборника, но во всякомъ случаѣ обиліе уже извѣстныхъ текстовъ доказываетъ, что магическая литература Ассиріи и Вавилоніи очень богата, и что не даромъ халдеи, какъ маги, колдуны, гадатели, пользовались широкою извѣстностью въ древнемъ мірѣ. Въ древней Халдеѣ они составляли богатыя и вліятельныя коллегіи и представляли такую общественную силу, съ которой приходилось считаться позднѣйшимъ завоевателямъ Вавилона. Вліяніе маговъ на народъ во времена владычества въ Вавилонѣ династіи Ахеменидовъ не рѣдко вызывало возстанія противъ правительства. Даже Александръ Македонскій, завоевавъ Вавилонъ, пользовался изъ политическихъ разсчетовъ или изъ суевѣрія совѣтами и указаніями маговъ. Извѣстно далѣе, что въ періодъ упадка Римской имперіи маги, колдуны и астрологи, подъ именемъ халдеевъ, бродили по городамъ и селамъ, удовлетворяя народному суевѣрію, и хотя, конечно, между ними лишь немногіе были потомками халдеевъ, но нѣкоторыя тайны черной магіи среди нихъ свято хранились по преданію, и халдейскія формулы переходили отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Сознаніе древняго населенія Халдеи и Ассиріи было подавлено страхомъ козней безчисленныхъ злыхъ духовъ, колдуновъ, людей съ дурнымъ глазомъ, вѣдьмъ, упырей и прочей нечисти. Ему приходилось постоянно бороться за свое существованіе и отвращать посредствомъ заклинаній и извѣстныхъ обрядовъ таинственныя опасности, его окружавшія. Не всегда можно было прибѣгнуть къ помощи мага, который обладалъ самыми дѣйствительными средствами противъ бѣсовъ и зналъ самыя сильныя заклинанія: нужно было и самому помнить нѣкоторыя необходимыя формулы, чтобы быть постоянно на-готовѣ, въ случаѣ опасности, носить надлежащіе амулеты, соблюдать извѣстные обряды. Но систематическая борьба со всѣмъ этимъ зломъ велась спеціалистами магами.

Познакомимся съ характеромъ ихъ заговоровъ и таинственныхъ пріемовъ

Заклинанія маговъ направлены, во-первыхъ, противъ всякаго рода болѣзней, особенно противъ лихорадокъ, которыя были сильно распространены вслѣдствіе вредныхъ испареній, исходившихъ изъ почвы послѣ разливовъ Евфрата, а также противъ чумы, — этого наиболѣе опаснаго бича Востока. Заклинательныя формулы очень однообразны: онѣ содержатъ обы

[1]) Die Magie etc., p. 13.

Digitized by Google

повенно перечень болѣзней и бѣсовъ, насылающихъ ихъ, и кончаются воззваніемъ къ духамъ благимъ. Назвавъ злыхъ духовъ, заклинатель говоритъ: «Да не войдутъ они никогда въ мое тѣло, да не творятъ они зла впереди меня, да не слѣдуютъ они сзади за мной, да не войдутъ они въ домъ мой, ни въ строеніе мое... Духъ неба, закляни ихъ! Духъ земли закляни ихъ!» (Слѣдуетъ длинный перечень боговъ халдейскаго пантеона). Одинъ изъ заговоровъ противъ лихорадки имѣетъ такую форму: «Болѣзненная лихорадка, сильная лихорадка, лихорадка упорно мучащая человѣка, лихорадка, его неоставляющая, лихорадка не исчезающая, лихорадка злокозненная, Духъ неба закляни ее! Духъ земли закляни ее!» [1]). Иногда болѣзнь высылается изъ больного на небо или въ воздушное пространство: «Болѣзни головы и недуги да улетятъ, какъ саранча, на небо, да унесутся, какъ птицы, въ пространство!» Мѣстопребываніемъ злыхъ духовъ, насылавшихъ болѣзни и всякое зло, какъ видно изъ одной молитвы, считались пустыни, вершины горъ, зараженныя болота и моря. Отсюда они распространяются по городамъ и селамъ и, какъ говоритъ одно заклятіе, «проникаютъ изъ страны въ страну, вытѣсняютъ домохозяина изъ отцовскаго жилища, изгоняютъ сына изъ родного дома и проч.» [1]). Когда человѣку не помогаютъ никакія средства, ему помогаетъ, какъ читаемъ въ обширномъ заклинаніи, богъ посредникъ между людьми и верховными богами, благой Силигъ-Мулухи (древнее сумерійское божество, которое ассирійцы отождествляли съ своимъ Мардукомъ). «Силигъ-Мулухи вступилъ въ жилище отца своего бога Эа и сказалъ ему: «Отецъ! Болѣзнь головы вышла наружу изъ преисподней. Что дѣлать противъ нея, того не знаетъ этотъ человѣкъ: какъ онъ превозможетъ ее?» Эа отвѣчалъ своему сыну Силигъ-Мулухи: «Сынъ мой, отчего ты этого не знаешь? Зачѣмъ долженъ я научить тебя? Вѣдь, что знаю я, знаешь и ты. Но поди сюда, мой Силигъ-Мулухи: возьми ведро, зачерпни воды съ поверхности рѣки, вдохни въ воду свою высокую магическую силу, даруй ей чарами своими блескъ чистоты, ороси ею человѣка, сына своего бога (т.-е. благочестиваго), чтобы помѣшательство (прошло), чтобы болѣзнь головы разсѣялась, какъ бѣглый ночной дождь» [1])... Въ другомъ заклинаніи, представляющемъ ту же интересную діалогическую форму, находимъ сначала описаніе бѣдствій, причиняемыхъ духомъ чумы (Намтаромъ) и лихорадки (Идпа). «Злой Намтаръ сожигаетъ страну, какъ огонь; Намтаръ нападаетъ на человѣка, такъ же какъ Идпа; Намтаръ простирается по равнинѣ, какъ цѣпь, Намтаръ ловитъ человѣка, какъ врагъ... Намтаръ, безъ рукъ и ногъ, набрасывается на человѣка, какъ арканъ и проч.». Затѣмъ, когда ничто не помогаетъ человѣку, Силигъ-Мулухи идетъ къ отцу Эа и, разсказавъ о дѣйствіи Намтара, спрашиваетъ совѣта. Богъ Эа, повторяя обычныя слова: «что знаю я,

---

[1]) O. c. p. 7.
[1]) O. c., p. 83.
[1]) O. c., p. 22.

Digitized by Google

знаешь и ты»,—указываетъ средство противъ чумы. Слѣпи изъ тины морской образъ Намтара, уложи человѣка и очисти его, положи фигурку Намтара на животъ больному, сообщи чародѣйную силу и поверни лицо (больного?) на западъ, дабы злой Намтаръ, поселившійся въ его тѣлѣ, ушелъ въ другую сторону!...» Здѣсь, какъ мы видимъ, заклинаніе сопровождается таинственнымъ обрядомъ, изготовленіемъ фигурки того существа, которое должно быть осилено, и совершеніемъ надъ этою фигуркой разныхъ чаръ. Извѣстно, какъ широко распространено подобное вѣрованіе въ средне-вѣковой магіи и современномъ простонародномъ колдовствѣ. Нигдѣ ли гдѣ-нибудь оно было такъ повсемѣстно укоренено, какъ въ Халдеѣ и Ассиріи: въ клинописныхъ заклинаніяхъ упоминаются люди «поддѣлывающіе подобіе», противъ которыхъ слѣдуетъ принимать мѣры. Таинственныя операціи надъ фигурками людей были въ употребленіи, по свидѣтельству арабскаго писателя Ибнъ-Халдуна, еще въ XIV в. въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ ихъ упоминаютъ древніе халдейскіе тексты. Арабскій писатель, какъ очевидецъ, разсказываетъ о чарахъ, производимыхъ набатейскими колдунами надъ человѣкообразными фигурками [1]).

Ассиріологамъ, кажется, еще не удалось разобраться въ значительномъ количествѣ злыхъ духовъ различнаго порядка, упоминаемыхъ въ магическихъ и другихъ клинописныхъ памятникахъ. Ясно только, что маги ввели ихъ въ стройную классификацію и точно знали свойства того или другого бѣса и благого духа. На систему указываетъ одинъ любопытный, приведенный Ленорманомъ, фактъ. Божества Халдеи имѣли, каждое, священное число, ему посвященное. Такія же числа, но не цѣлыя, а дроби, принадлежали, повидимому, и злымъ духамъ. Такъ демоны utuq выражаются дробью $^1/_2$, т.-е. по сексагезимальной системѣ халдеевъ $^{30}/_{60}$, демоны gigim дробью $^{40}/_{60}$, демоны maskim числомъ $^{50}/_{60}$. На чемъ основана эта оригинальная черта халдейской системы, Ленорманъ уяснить не могъ, но изъ чиселъ можно вывести заключеніе, что чѣмъ крупнѣе числитель дроби, тѣмъ сильнѣе духъ ею обозначаемый.

Согласно съ мистическимъ планетарнымъ числомъ 7, злые духи, какъ

---

[1]) „Мы видѣли собственными глазами,—говоритъ Ибнъ Халдунъ,—какъ одинъ изъ этихъ чернокнижниковъ изготовилъ фигурку лица, которое онъ хотѣлъ околдовать. Эти фигурки состоятъ изъ разныхъ матеріаловъ, которыхъ качество сообразуется съ намѣреніями колдуна и конхъ символическое значеніе соотвѣтствуетъ въ извѣстной степени имени и состоянію жертвы колдовства. Поставивъ передъ собой изображеніе, представляющее фактически или символически извѣстное лицо и проговоривъ надъ нимъ какія-то слова, колдунъ плюетъ на него, произнося при этомъ таинственную формулу, затѣмъ кладетъ на фигуру снуровку и завязываетъ на ней узелъ, обозначая тѣмъ, что онъ поступаетъ съ рѣшительностью и твердостью, и заключаетъ союзъ съ бѣсомъ, помогавшимъ его дѣйствію при плеваніи, что имѣетъ намѣреніе сдѣлать свое колдовство неразрушимымъ. Злой духъ, исшедшій изо рта колдуна съ плевкомъ, участвуетъ въ его пагубныхъ дѣйствіяхъ и словахъ, а затѣмъ послѣдовательно къ нему присоединяются и другіе бѣсы, такъ что колдунъ вполнѣ состоянія причинить своей жертвѣ то зло, которое пожелаетъ. O. c., p. 74, со ссылкой на „Prolegomènes d'Ibn Khaldun, par Slane,", т. I, p. 177.

Digitized by Google

и боги, составляютъ группы изъ семи. Вотъ какъ характеризуетъ одно заклинаніе тѣхъ семерыхъ злыхъ духовъ, которые носятъ имя *maskim:*

«Ихъ семеро! Ихъ семеро! Ихъ семеро въ глубинахъ моря! Ихъ семеро разрушителей неба; они возникли изъ глубинъ моря изъ (сокрытыхъ) убѣжищъ. Они ни мужского, ни женскаго пола, они распространяются какъ цѣпи. Нѣтъ у нихъ женъ, не родятъ они дѣтей; благочестія и добра не знаютъ они; молитвѣ и мольбѣ не внемлютъ они. Они нечисть, порожденная горами, враги бога Эа, они орудія гнѣва боговъ. Они облегаютъ дороги и пути, они враги, враги. Ихъ семь, семь, семь. Духъ неба, заклянн ихъ! Духъ земли заклянн ихъ!» [1]). Противъ такихъ духовъ, вредящихъ своими кознями не только людямъ, но и всей природѣ, единственнымъ оплотомъ служитъ помощь бога Силигъ-Мулухи, который обращается къ верховному отцу своему Эа, знающему всѣ тайны природы. Эа сообщаетъ сыну магическую формулу и открываетъ ему самое сильное орудіе противъ демоновъ, свое «могущественное тайное имя». Боги, по представленію халдеевъ, носили кромѣ общеизвѣстныхъ еще тайныя имена, которыхъ знаніе давало власть надъ всею природой. Въ извѣстной поэмѣ о нисхожденіи богини Иштары въ преисподнюю разсказывается, что когда ее хотѣли удержать въ аду, богъ Эа послалъ своего служителя открыть богинѣ ада (Ахлатъ) «имя великихъ боговъ» и тѣмъ побудить ее отпустить Иштару на свободу. Аналогію этимъ вѣрованіямъ халдеевъ можно найти у талмудистовъ іудеевъ, у индійцевъ и другихъ народовъ древности. У индійцевъ ребенокъ послѣ перваго кормленія получалъ тайное имя (guhyam nâma), извѣстное только его отцу и матери, а на десятый день ему давалось общественное имя брахманами. Тайное имя скрывалось въ томъ убѣжденіи, что тотъ, кто узнаетъ его, получитъ власть надъ жизнью человѣка. Тоже представленіе переносилось индійцами въ міръ боговъ: такъ тайное имя бога громовника Индры было Арджуна. Подобно тому и у грековъ тайныя, извѣстныя лишь посвященнымъ, имена боговъ не выходили за предѣлы религіозныхъ обществъ. Вспомнимъ, какъ старательно Геродотъ избѣгаетъ произносить имена божествъ, хранимыя въ мистеріяхъ не только греческихъ, но египетскихъ. «Великое имя» остается навсегда тайною Эа, ибо еслибъ кто-нибудь изъ людей узналъ его, то получилъ бы могущество, опасное для самихъ боговъ. Поэтому имя это не произносится въ самихъ заговорахъ, а только разсказывается, что богъ Эа сообщилъ его своему сыну, чтобы дать ему силу противъ демоновъ [2]). Такую же таинственную силу приписывали халдеи нѣкоторымъ мистическимъ числамъ (особенно числу семь). Знаніе мистическаго числа могло дать успѣхъ въ какомъ-либо предпріятіи. Не менѣе была распространена вѣра въ силу узловъ или повязокъ (наузовъ), привѣшиваемыхъ при произнесеніи установленныхъ формулъ. Завязывая узелъ и сопровождая это дѣйствіе наговоромъ, колдуны

---

[1]) О. с., стр. 18.
[2]) О. с., стр. 44.

Digitized by Google

и колдуньи Ассиріи и Вавилона наводили на людей порчу, болѣзни, даже причиняли имъ смерть. Поэтому въ заговорахъ сообщаются средства къ разрѣшенію такихъ гибельныхъ узловъ. Высшая помощь и здѣсь дается богомъ Силигъ-Мулухи. Такъ въ одномъ сумерійскомъ заклинаніи находимъ обращеніе именно къ нему: Силигъ-Мулухи, сынъ Эриту (т.-е. божество города Эриту), разрѣшь узелъ своею чистой и святою рукой! [1]).

Колдуны и вѣдьмы могли вредить людямъ не только узлами или колдовствомъ надъ изображеніями,—достаточно было одного дурного глаза, чтобъ сглазить человѣка и наслать на него болѣзнь. Поэтому маги въ своихъ заговорахъ нерѣдко упоминаютъ о дѣйствіи дурного глаза и даютъ средство для его предотвращенія. Такимъ обиходнымъ средствомъ у халдеевъ, какъ и у другихъ народовъ, были амулеты, постоянно носимые на тѣлѣ или изготовляемые спеціально для какихъ-нибудь цѣлей. Это были кусочки матеріи, кожи, камня, стекла, металла и проч., снабженные какими-нибудь надписями или символическими знаками. Масса ассирійскихъ и вавилонскихъ амулетовъ, сохраняющихся въ европейскихъ музеяхъ, свидѣтельствуетъ о широкомъ распространеніи ношенія филактерій населеніемъ этихъ странъ.

Охарактеризовавъ въ краткихъ чертахъ халдейскую магію, переходимъ къ тѣмъ новымъ свѣдѣніямъ о ней, которыя даетъ матеріалъ, открытый г. Талькви́стомъ. Серія maqlû представляла въ цѣльномъ видѣ собраніе по крайней мѣрѣ 80-ти заклинаній, направленныхъ противъ козней колдуновъ и вѣдьмъ. Въ нихъ постоянно говорится объ этихъ людяхъ, какъ виновникахъ всякихъ бѣдствій, болѣзней, дурныхъ сновъ, но на первомъ планѣ стоитъ не колдунъ, а вѣдьма, и заговоры содержатъ весьма полный матеріалъ для ея характистики. Она представляется страшнымъ существомъ, надѣленнымъ всѣми средствами творить зло. Глаза ея пронзительны, ноги быстры, руки гибки. Она съ быстротой и легкостью переносится съ мѣста на мѣсто и всюду ловитъ свою добычу. Она бродитъ по улицамъ и площадямъ, вкрадывается въ дома, выжидаетъ людей въ засадѣ, набрасываетъ на нихъ свою сѣть, спутываетъ имъ ноги и проч. Эти дѣйствія она производитъ обыкновенно ночью, почему называется «ловительницей ночи». Никто не знаетъ, гдѣ она живетъ, не знаетъ и ея имени. Поэтому заклинатель иногда спрашиваетъ ее: «кто ты, вѣдьма?» Она можетъ околдовывать и тѣло и душу человѣка: она разрываетъ его одежду, втираетъ въ тѣло вредныя мази, напихиваетъ ему ротъ волшебными узлами и зельями, отравляетъ ему питье и пищу, наконецъ, въ видѣ недуга, поселяется внутри человѣка и причиняетъ ему душевныя страданія. Ея козни простираются на жизнь семейную и общественную. Она вызываетъ любовь и ненависть, раздраженіе и клевету, ссоритъ друзей, поселяетъ непріязнь между близкими родственниками. Съ особеннымъ рвеніемъ нарушаетъ она брачныя отношенія между супругами. Обладая сверхъестественными силами, она не

[1]) О. с., стр. 74.

Digitized by Google

только подчиняетъ людей злымъ духамъ, но сама пользуется услугами демоновъ для своихъ гибельныхъ цѣлей. Цѣли же эти достигаются ею разнообразными средствами: злымъ глазомъ, злымъ языкомъ, злымъ ртомъ, затѣмъ волшебными узлами, зельями, питьями и особенно чарами, производимыми ею надъ фигурками людей. Заговоры довольно полно характеризуютъ эту послѣднюю дѣятельность. Мы узнаемъ, что фигуры изготовлялись изъ сала, глины, смолы, меда, тѣста, гипса, дерева, даже изъ металла, и колдунья, нашептавъ надъ ними чары, зарывала ихъ на кладбищахъ, въ потайныхъ мѣстахъ, подъ порогомъ дома, на дорогахъ, или бросала ихъ въ пруды и колодцы, иногда посвящала ихъ бѣсамъ или сожигала ихъ. Все это продѣлывалось въ томъ убѣжденіи, что судьба фигурки будетъ судьбою оригинала.

Съ этимъ опаснымъ врагомъ приходилось бороться человѣку посредствомъ заклинаній и нѣкоторыхъ обрядовъ. Основная идея заклинаній—платить вѣдьмѣ тою же монетой, обращать противъ нея то зло, которое она причиняетъ. Какъ въ заговорахъ и колдовствѣ вѣдьмъ мы видимъ черную магію, такъ, напротивъ, заклинанія противъ вѣдьмъ, содержащія молитвы къ божествамъ, относятся къ области бѣлой или благотворной магіи, самому могущественному орудію маговъ для борьбы со всякой нечистью. Какія же данныя объ этихъ заклятіяхъ мы находимъ въ серіи maqlû? Во-первыхъ, любопытно указаніе, что заговоры (shiptu) должны произноситься шепотомъ. Время удобное для произнесенія преимущественно ночь, такъ какъ ночью и вѣдьма, главнымъ образомъ, строитъ свои козни. «Я взываю къ вамъ, боги ночи,—говоритъ первый заговоръ [1]), взываю вечеромъ, въ полночь и утромъ». Упоминается также, что заклинатель поджидаетъ появленія утренней зари. По характеру заговоры были трехъ видовъ: прямыя приказанія, угрозы или молитвы. Въ заговорахъ перваго типа, чрезвычайно сильныхъ, преобладаетъ категорическое повелѣніе злому существу: *уйди!*—причемъ онъ заклинается именемъ разныхъ боговъ. Чтобъ получить понятіе объ этомъ типѣ, приведемъ одинъ заговоръ изъ 5-й таблицы:

Снимитесь, снимитесь! Уйдите далеко, уйдите далеко!
Устыдитесь, устыдитесь, бѣгите, бѣгите!
Отверзитесь, ступайте, сгиньте!
Ваша злоба да уйдетъ, какъ дымъ на небо!
Изъ моего тѣла удалитесь!
Изъ моего тѣла уйдите!
Изъ моего тѣла съ позоромъ выйдите!
Изъ моего тѣла убѣгите!
Въ мое тѣло не возвращайтесь!
Къ моему тѣлу не подходите!
Къ моему тѣлу не приближайтесь!
Мое тѣло не угнетайте!
Шамашомъ (богомъ Солнца) могучимъ будьте заклятыі

[1]) Стр. 33.

Digitized by Google

Эа, господомъ вселенной, будьте закляты!
Мардукомъ, великимъ магомъ боговъ, будьте заклятыі
Богомъ огня, вашимъ сожигателемъ, будьте заклятыі [1])...

Другой видъ заговоровъ содержитъ главнымъ образомъ угрозы. Заклинатель ссылается на дарованное ему богами высшее знаніе существа и происхожденія вѣдьмъ и зла и заявляетъ о своей силѣ противустать имъ. Онъ угрожаетъ обратить чары вѣдьмы противъ ея самой, сжечь ея изображеніе, разрѣшить ея узлы и уничтожить всѣ ея козни. Вотъ нѣкоторые примѣры:

„Что сдѣлали вы (вѣдьмы), это знаю я,
Что дѣлаю я, того не знаете вы.
Всѣ козни, содѣянныя вѣдьмами, сокрушены, разрѣшены, сгинули" [2]).

Или:

Я свяжу ихъ какъ веревки,
Какъ тенета я превозмогу ихъ,
Какъ петля я изловлю ихъ [3])...

Или:

Какъ эти изображенія (вѣдьмъ) трепещутъ, растопляются и распускаются, такъ колдуны и вѣдьмы да трепещутъ, растопятся и распустятся [4]).

Или:

Твои чары злыя, твои козни да разрушитъ Мардукъ, великій магъ боговъ. Твой злой ротъ да наполнится прахомъ, твой пагубный языкъ да будетъ связанъ веревками по повелѣнію Мардука, господа жизни [5]).

Третій видъ заклинаній, наиболѣе распространенный, носитъ характеръ молитвенныхъ обращеній къ свѣтлымъ божествамъ, причемъ человѣкъ проситъ ихъ дать силу средствамъ, употребленнымъ имъ противъ вѣдьмъ, разстроить ихъ козни, отразить ихъ отъ него и направить противъ ихъ самихъ. Обычная формула, встрѣчающаяся въ этихъ заговорахъ-молитвахъ, гласитъ: «колдовство вѣдьмы да не постигнетъ меня, да исчезнетъ съ очистительной водой моихъ рукъ!» [6]) Заклинатель проситъ бога отрубить вѣдьмѣ пальцы, наполнить ей уста пылью, связать языкъ, отнять ея собственность, сжечь ее или убить. Заговоры кончаются нерѣдко формулой: «да погибнетъ она, а я да буду живъ!

Заговоры ассирійцевъ, какъ и другихъ народовъ, сопровождались символическими дѣйствіями и употребленіемъ разныхъ снадобьевъ, о которыхъ, впрочемъ, свѣдѣнія ассиріологовъ еще крайне скудны. Во всѣхъ дѣйствіяхъ заклинателя главную роль играла символика: такъ въ одномъ заговорѣ есть намекъ на символическія операціи съ какой-то лодочкой, изготовлен-

---

[1]) Стр. 83.
[2]) Стр. 35.
[3]) Стр. 51.
[4]) Стр. 49.
[5]) Стр. 97.
[6]) Стр. 21.

Digitized by Google

ной богомъ мѣсяца (Шинъ) [1]); въ другомъ говорится о дѣйствіяхъ съ какою-то травою, разрушающею чары вѣдьмъ [2]); но всего распространеннѣе былъ символическій обрядъ сожженія фигуры вѣдьмы, колдуна или демоновъ, наславшихъ бѣдствіе или недугъ. Именно потому, что сожженіе фигуръ или другихъ символическихъ предметовъ играетъ главную роль въ серіи заговоровъ, вся серія носитъ названіе maqlû, что̀ несомнѣнно (для г. Талькквиста) значитъ *сожженіе* [3])..

Въ своей борьбѣ со злыми духами, чудесниками и колдуньями ассирійскіе маги прибѣгаютъ къ помощи свѣтлыхъ боговъ. Серія заговоровъ maqlû даетъ поэтому обильный матеріалъ для характеристики тѣхъ божествъ, которыя призывались на помощь человѣку. Главное мѣсто въ молитвахъ занимаетъ богъ Эа, господь вселенной, владѣтель судебъ, верховный обладатель всѣми средствами противъ болѣзней и колдовства. Посредникомъ между нимъ и людьми служитъ божество, ближе стоящее къ людямъ Мардугъ (сумерійскій Силигмулухи), который въ заклинаніяхъ называется сыномъ Эа, властителемъ жизни, господиномъ науки заклинаній и верховнымъ магомъ боговъ. Большое значеніе имѣютъ и другіе боги свѣта, прогоняющіе тьму и всѣхъ гнѣздящихся въ ней злыхъ духовъ. Таковы богъ солнца Шамашъ, богъ луны Синъ и огня Гибиль. Сожигая изображеніе демона, заклинатель въ одномъ заговорѣ [4]) восклицаетъ: «трепещите, тайте, исчезните! Вашъ дымъ да взойдетъ къ небесамъ; ваши члены да уничтожитъ богъ Шамашъ». Въ другомъ заговорѣ, заклиная колдунью, ея роть, языкъ, безпокойные глаза и проч., заклинатель продолжаетъ: «Да истребитъ богъ Синъ твое тѣло, да броситъ его въ бездну воды и огня!» [5]) Оба бога—солнца и мѣсяца—являются верховными судьями надъ духами и людьми, но гораздо чаще, чѣмъ они, упоминается въ заклинаніяхъ богъ огня Гибиль, благодаря очистительнымъ свойствамъ, приписываемымъ этой стихіи. Гибиль или Нуску носитъ въ заговорахъ множество эпитетовъ: онъ первородный сынъ верховнаго бога Ану, сынъ океана, надѣленъ нетлѣнной славою, совѣтникъ великихъ боговъ, онъ повелитель небесныхъ духовъ, блистательный, одѣтый пламенемъ, властитель металловъ и проч. Возносясь въ дымѣ сожигаемой жертвы дары людей къ богамъ, Гибиль, подобно индійскому Агни, является посредникомъ между людьми и богами и называется, какъ полѣдній, *посломъ* боговъ. Разгоняя ночью тьму на землѣ, онъ охраняетъ самымъ существеннымъ образомъ людей отъ всѣхъ силъ тьмы физической и всякаго зла. Поэтому заклинанія изображаютъ его самымъ неутомимымъ и доблестнымъ борцомъ со всякой нечистью и безпрестанно прибѣгаютъ къ его помощи. Приведемъ одно заклинаніе, обращенное къ богу огня:

---

1) Стр. 61.
2) Стр. 69.
3) Стр. 23.
4) Стр. 81.
5) Стр. 59.

Digitized by Google

„О богъ огня, могучій первородный сынъ Ану,
Блистательный, возвышенный отпрыскъ богини Шалашъ,
Могучій, новоблещущій, нетлѣнное имя, слава боговъ,
Ты возносящій жертвы богамъ, небеснымъ духамъ,
Ты творящій свѣтъ великимъ богамъ Анунаки,
Могущественный богъ огня, уничтожающій...
Сильный Гибиль, сокрушающій коварныхъ и преступниковъ,
Сожигатель злодѣевъ, сѣмени колдуна и колдуньи...

«Нынѣ защити меня, заступись за меня и схвати злого, возставшаго на меня и противящагося мнѣ!

«Какъ эти изображенія трепещутъ, распускаются и исчезаютъ, такъ колдунъ и колдунья да трепещутъ, распустятся, исчезнутъ» [1])!

Вообще, можно сказать, что среди всѣхъ боговъ, которыхъ немало упоминается въ заговорахъ, богъ огня, какъ праведный судья и самый доступный помощникъ людей, пользуется наибольшей популярностью, такъ что многіе заговоры скорѣе напоминаютъ гимны, сложенные для его прославленія.

Изъ предыдущаго изложенія видно, какой капитальный интересъ представляютъ матеріалы, впервые обнародованные г. Талльквистомъ для исторіи культуры. Они вводятъ насъ прямо въ кругъ вѣрованій ассирійскихъ маговъ, знакомятъ съ содержаніемъ и характеромъ ихъ заклинаній, открываютъ таинственные пріемы, ими употреблявшіеся. Мы видимъ у древняго населенія территоріи Тигра и Евфрата обширную литературу по магіи, наслѣдованную семитами отъ древнѣйшаго несемитскаго населенія, развивавшуюся въ теченіе многихъ вѣковъ, и понимаемъ, почему вся древность приписывала магамъ необыкновенныя познанія въ тайнахъ природы и почему имя этническое *халдей* стало синонимомъ волхва, мага. Подъ вліяніемъ высокой и древней культуры Вавилоніи и Ассиріи искусство магіи, вмѣстѣ съ клинописью, проникло къ иранскимъ племенамъ — мидянамъ и персамъ—и въ связи съ мѣстнымъ національнымъ колдовствомъ пустило въ религіи иранцевъ столь глубокіе корни, что мидійскіе маги во всей передней Азіи пользовались не меньшею славой, чѣмъ халдейскіе. Когда завоеванія грековъ въ эпоху Александра Македонскаго связали европейскую Грецію съ Востокомъ и позже, когда многія области передней Азіи вошли въ предѣлы Римской имперіи, таинственная наука Востока вышла далеко за предѣлы древней Халдеи, распространилась по Малой Азіи, перешла въ Европу, свила себѣ гнѣздо въ городахъ обширной имперіи [2]). То подвер-

---

[1]) Стр. 49.

[2]) „Надежда найти, — говоритъ Мори,—у халдеевъ науку болѣе безошибочную, чѣмъ у своихъ аруспиковъ, доставила имъ гостепріимство въ Вѣчномъ городѣ". Ихъ ученіе распространилось въ Римѣ; о немъ писались трактаты, ихъ астрономическія соображенія популяризировались и постепенно видоизмѣнялись вмѣстѣ съ успѣхами астрономіи. Судьба халдейскихъ маговъ и астрологовъ въ Римской имперіи вкратцѣ изложена въ извѣстной книгѣ *Maury*: „La Magie et l'Astrologie dans l'antiquité et

Digitized by Google

гаясь гоненіямъ и сожженіямъ, то пользуясь покровительствомъ римскихъ императоровъ, маги дожили до оффиціальнаго признанія христіанства государственною религіей и въ теченіе долгихъ вѣковъ народнаго двоевѣрія приспособляли свои старинныя языческія формулы заклинаній и свои древнія символическія операціи къ христіанскимъ понятіямъ и обрядамъ. Изъ этого смѣшенія произошли тѣ многочисленныя «лживыя молитвы» (orationes falsae) и заговоры (exercismi et incantationes), которые въ безчисленныхъ спискахъ распространялись въ средніе вѣка, въ греко-романскомъ мірѣ и вмѣстѣ съ христіанствомъ переходили къ новообращаемымъ народамъ германскимъ и славянскимъ. Традицію халдейской магіи можно прослѣдить и въ средневѣковомъ черноннижіи. Достаточно вспомнить апокрифъ, извѣстный въ средневѣковой обработкѣ подъ именемъ *Завѣщаніе Соломона* (*Testamentum Solomonis*), котораго халдейское происхожденіе вполнѣ очевидно. Это—трактатъ, основанный на халдейской магіи и астрологіи. Многочисленные злые духи, вызываемые Соломономъ и подчиняющіеся его магической печати, носятъ восточныя имена, находятся въ связи со знаками зодіака и астральной халдейскою системой. Обычный вопросъ Соломона къ каждому являющемуся духу—какъ его имя, въ какомъ знакѣ зодіака или въ какой звѣздѣ онъ имѣетъ свое мѣстопребываніе и какому ангелу подчиняется. Какъ халдейскіе демоны подчиняются мистическому числу, такъ въ *Testamentum Solomonis* одинъ духъ Λεοντόφορος объявляетъ, что теряетъ силу отъ числа 644 или имени Эммануила [1]). Другой женскій демонъ Овизуть, убивающій новорожденныхъ дѣтей и родильницъ, бѣжитъ отъ написаннаго надъ родильницей имени Афарофъ, истолковываемаго какъ Рафаилъ, коего число есть 640 [2]). Демонъ Асмодей, опасный для новобрачныхъ, трепещетъ отъ какой-то чудесной рыбы, живущей въ рѣкахъ Ассиріи [3]). Словомъ, халдейская традиція въ этомъ средневѣковомъ магическомъ трактатѣ, какъ указалъ уже И. Д. Мансветовъ [4]), несмотря на переработку, сквозитъ во всемъ содержаніи. Упоминаемая здѣсь печать Соломона это магическая пентограмма для вызыванія духовъ, извѣстная всякому средневѣковому черноннижнику. Наконецъ, однимъ изъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ халдейской традиціи служитъ любопытный фактъ, что популярныя у средневѣковыхъ чародѣевъ таинственныя слова: *химка, химка, бешш, бешш*—оказываются, по объясненію ассиріологовъ, чисто ас-

---

au moyen age (Paris, 1860), стр. 72—85. См. также статью *Франсуа Ленормана*: „Chaldaei", въ *Dictionnaire des Antiquités grecques et romaines*, подъ ред. Daremberg et Saglio, VII fascicule, стр. 1094—1098. Paris, 1880.

[1]) *Testamentum Solomonis* издан. у Миня—*Patrologiae cursus completus*. Томъ CXXII, стр. 1331.

[2]) Тамъ же, стр. 1335.

[3]) Тамъ же, стр. 1323.

[4]) См. его изслѣдованіе: *Византійскій матеріалъ для сказанія о двенадцати пресвитерахъ*, напеч. въ *Древностяхъ* Имп. Моск. Археол. Общ., т. VIII, 1881 г. Отд. оттискъ, стр. 4—6.

Digitized by Google

сирійскими и значатъ: бѣгите, бѣгите, устыдитесь, устыдитесь [1]). Тѣ же слова читаются въ заговорахъ, изданныхъ г. Тальквистомъ, и составляютъ формулу изгнанія злыхъ духовъ.

Эта вѣра въ магическую силу непонятныхъ восточныхъ формулъ существовала уже въ греко-римскомъ мірѣ. Такъ вѣра въ магію поддерживалась въ Греціи вліяніемъ, которое оказывали на греческій политеизмъ культы Фригіи, Лидіи, Египта, сопровождавшіеся таинственными обрядами и заклинательными формулами. Грекамъ были извѣстны заклинанія, написанныя эфесскими и милетскими письменами. Употребленіе первыхъ (Ἐφέσια) играло роль въ культѣ Артемиды или Діаны Ефесской [2]). Такія, заимствованныя съ Востока, молитвы и заклинанія съ непонятными словами казались грекамъ надѣленными сверхъестественной таинственною силой [3]). Авторъ сочиненія *Мистеріи египтянъ*, приписаннаго Ямблиху, утверждаетъ, что варварскія имена, заимствованныя изъ языка ассирійцевъ и египтянъ, имѣютъ мистическую силу, зависящую отъ глубокой древности этихъ языковъ и отъ божественнаго происхожденія религіи этихъ народовъ [4]). Съ другой стороны, Порфирій, цитируемый Евсевіемъ (263—340) въ его *Приготовленіи къ Евангелію* (V, 10), не раздѣляя суевѣрія своего времени, восклицаетъ: «что значатъ эти лишенныя смысла слова, и зачѣмъ предпочитать варварство ничего не значащихъ звуковъ языку родному?» Нѣсколько далѣе тотъ же философъ жалуется на то, что употребляемый (въ заклинательныхъ формулахъ) языкъ, выдаваемый за египетскій, не есть даже человѣческая рѣчь [5]). Однако, скептики, вродѣ Порфирія, были рѣдки. Глубокая вѣра въ силу непонятныхъ, странно звучащихъ словъ, передаваемыхъ притомъ съ таинственными обрядами и подъ условіемъ тайны, перешла изъ древнихъ временъ въ средневѣковую магію и дожила въ нѣкоторыхъ слояхъ европейскаго общества до нашихъ дней. Отмѣтимъ, что во множествѣ европейскихъ заговоровъ встрѣчаются заклинательныя непонятныя слова, которымъ приписываютъ силу именно по ихъ таинственности. Вѣроятно, многія изъ такихъ словъ—простой наборъ странныхъ звуковъ, но не менѣе вѣроятно и то, что они являются послѣдовательнымъ искаженіемъ какихъ-нибудь наслѣдованныхъ традиціей восточныхъ словъ—египетскихъ, халдейскихъ или персидскихъ. Такъ одна лживая молитва, изданная проф. М. И. Соколовымъ, начинается таинственными словами: *еламъ селамъ, фарновиваре* [6]), въ которыхъ звучатъ звуки семитскіе (селам-араб. *миръ*) и иранскіе (фарн—по осетински *миръ*). Въ греческихъ заговорахъ, изданныхъ по рукописямъ XV и XVI вв. покойнымъ А. Ва-

---

1) *Tallquist*, о. с., стр. 142; ср. стр. 82.

2) См. *Maury*: „Histoire des religions de la Grèce antique", t. III, p. 159 и слѣд.

3) *Maury*: „La Magie et l'astrologie dans l'antiquité et au moyen age", p. 54.

4) *Maury*, наз. соч., стр. 42.

5) *Maury*, наз. соч., стр. 65.

6) Изъ серб. сборника Сречковича, см. *Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ*, I—V, стр. 48.

Digitized by Google

сильевымъ, находимъ нерѣдко такой же наборъ странно звучащихъ словъ; наприм., для излѣченія бѣсноватаго на его ухо слѣдуетъ шептать: χρίσε, ἀβρίσδε, δεούρ, δεδεούρ, σούρ [1]). Намъ кажется, что стоило бы оріенталистамъ, особенно ассиріологамъ, заняться подобными заговорными словами, такъ какъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ могли бы оказаться ассирійскими, какъ знаменитыя: chilqa, chilqa, besha, besha.

Въ виду указаннаго отраженія халдейскихъ традицій въ средневѣковомъ черновникіи, открытія ассиріологовъ получаютъ высокій интересъ и для уясненія исторіи современныхъ народныхъ заговоровъ. Изслѣдованіе русскихъ заговоровъ, едва начатое научно, уже обнаружило существованіе традиціи въ этой области фольклора. Да оно и понятно по самымъ условіямъ употребленія заклинаній. Входя въ область народной медицины, заговоры тщательно хранятся нашими знахарями, какъ средство ихъ существованія. Они передаются либо въ извѣстномъ родѣ отъ отца сыну, либо однимъ профессіональнымъ знахаремъ другому передъ смертью, причемъ существуетъ повѣрье, что непереданное знахаремъ таинственное искусство тяготитъ его душу въ загробномъ мірѣ, заставляетъ ее блуждать по землѣ. Для большей сохранности и точности, отъ которой зависитъ дѣйствіе заговора, они уже рано стали записываться на Руси, иногда тайной азбукой [2]), и входятъ въ зелейники, лѣчебники вмѣстѣ съ рецептами отъ разныхъ болѣзней. При всемъ разнообразіи дѣйствительно въ нашихъ заклинаніяхъ видна извѣстная устойчивость въ формахъ, свидѣтельствующая о болѣе или менѣе точной традиціи. Многіе изъ типовъ нашихъ заговоровъ, какъ оказалось, совпадаютъ съ византійскими, а въ нѣкоторыхъ, какъ, напримѣръ, въ заговорахъ противъ лихорадокъ находимъ очевидную передѣлку византійскихъ оригиналовъ, какъ доказали изслѣдованія акад. А. Н. Веселовскаго, И. Д. Мансветова, М. И. Соколова и друг. [3]). Въ свою очередь византійскія заклинанія и лживыя молитвы, перешедшія къ намъ и развившіяся на русской почвѣ, могутъ быть наслѣдіемъ или, по крайней мѣрѣ, содержать наслѣдіе, полученное византійцами отъ Востока, всегда славившагося тайными науками. Въ виду этихъ соображеній, я попытаюсь въ дальнѣйшемъ отмѣтить нѣкоторыя подмѣченныя мною аналогіи между ассирійско-вавилонскими заговорами и колдовскими пріемами и нашими, исключительно съ цѣлью обратить вниманіе будущихъ изслѣдователей нашихъ заговоровъ на этотъ вопросъ. Я знаю, что между нашими народными заклинаніями, записанными въ наши дни, и халдейскими лежитъ такой громадный про-

---

[1]) *A. Vassiliev—Anecdota Graeco byzantina.* Pars prior. M., 1893, p. 335. Другіе примѣры см. на стр. 336—заговоръ φ' и 339 заговоръ ζ'.

[2]) См. *Лѣтописи Русс. Литер. и Древн.*, т. IV, отд. III, стр. 75.

[3]) *А. Н. Веселовскій:* „Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха", VI—X въ Сборн. Отд. р. яз. и словесн. Им. Ак. Наукъ, т. 32, стр. 40—52; „Замѣтки по литер. и народ. словесности", вып. I, стр. 87—92; *И. Д. Мансветовъ:* „Византт. матеріалъ для сказанія о 12 трасавицахъ". М., 1881; *М. И. Соколовъ:* Матеріалы и замѣтки", II, стр. 28—51.

Digitized by Google

межутокъ времени, который пока представляется tabula rasa по отсутствію достаточнаго количества матеріаловъ для ея наполненія письменами исторіи. Но все же думаю, что нѣкоторые отголоски глубокой старины Востока могли путемъ традиціи пробраться и въ область нашего народнаго чернокнижія, смѣшавшись своеобразно съ христіанскою молитвой и символикой, съ національнымъ русскимъ суевѣріемъ и, быть можетъ, съ финскимъ колдовствомъ. Можно надѣяться, что впослѣдствіи наукѣ удастся разобраться точнѣе во всѣхъ вопросахъ, связанныхъ съ изученіемъ нашихъ заговоровъ и средневѣковой магіи вообще. Но въ настоящее время мы ограничиваемъ нашу работу только указаніемъ сходства нашихъ заговоровъ съ халдейскими, не предрѣшая вопроса о причинахъ его, т.-е. объясняется ли оно древнею традиціей или общностью законовъ человѣческой психики. И въ томъ и въ другомъ случаѣ такое сопоставленіе заклинаній двухъ народовъ представляется мнѣ небезполезнымъ.

Начнемъ съ внѣшняго пріема, соблюдаемаго при произнесеніи заговоровъ. Ассирійскія заклинанія (shiptu), согласно предписанію 2-й таблицы Маклу, произносились *шепотомъ* [1]). Того же требуетъ и обычай нашихъ знахарей. Наши наговоры нашептываются. Такъ, наговаривая воду для сбрызгиванья, съ солью, золою и углемъ, знахарь произноситъ: «Соль солена, зола горька, уголь черенъ. *Нашепчите*, наговорите мою воду въ мисѣ для такого-то дѣла» [2]). У малороссовъ заговоры носятъ названіе *шептанія* [3]). «Не я то шептала,—говорится въ одномъ заговорѣ отъ урока,—Пречиста у головахъ стояла, уроки, урочища *шептала, вдшептувала*, водъ хрещеного, рожденого молитвяного раба Божого N.» [4]). У великороссовъ колдунъ, наговаривающій лихо, называется *шептуномъ*: одинъ заговоръ, произносимый на свадьбѣ, въ предупрежденіе козней такого шептуна, между прочимъ, говоритъ: «будьте мои слова крѣпки и сердиты на то мое дѣло, крѣпче ножа булатнаго, вострѣе сабли булатной; засѣкайте, мои слова, отъ колдуна, отъ колдуньи, *отъ шептуна, отъ шептуньи*, который мой сопостатъ и сопостатица на меня, раба Божія, зло думаетъ и на моихъ поѣзжанъ» и проч. [5]).

Временемъ благопріятнымъ для заговоровъ у насъ, какъ у ассирійцевъ, считается ночь и время передъ разсвѣтомъ. Во многихъ заговорахъ мы находимъ предписаніе произносить ихъ въ зарю утреннюю или вечернюю или въ самую полночь. Послѣднее указывается при заговорахъ приворотныхъ [6]) (присушкахъ) и отъ зубной боли. Но болѣе обычное время опредѣляется стереотипнымъ началомъ заклинаній: «встану я рабъ Б. (имя рекъ)

---

1) *Tallquist*, стр. 20 и 43. Предписаніе произносить шепотомъ повторяется при многихъ заговорахъ, см. стр. 45, 51, 53 и проч.

2) *Сахаровъ*: „Сказанія русскаго народа", т. I. Русск. чернокнижіе, стр. 50.

3) *Ефименко*: „Сборникъ малороссійск. заклинаній". М., 1874 г., стр. III.

4) Тамъ же, стр. 27.

5) *Майковъ*: „Великор. заклинанія", № 44.

6) *Майковъ*, № 28.

Digitized by Google

на зарѣ, на утренней, на восходѣ солнышка, на закатѣ мѣсяца и на покрытіе звѣздъ» [1]).

Далѣе мы видимъ, какую важную роль играетъ въ ассирійско-вавилонскихъ заклинаніяхъ символика *чиселъ*, причемъ особенное значеніе придавалось числу 3, планетарному числу 7 и зодіакальному 12. Отголоски этой символики находимъ въ греческихъ и русскихъ заговорахъ. Покойный И. Д. Мансветовъ возводилъ правдоподобно число 12-ти трясавицъ къ халдейскому ученію о 12-ти астральныхъ духахъ. Число 7 и 77 такъ же обычно нашимъ заговорамъ, какъ халдейскимъ. Какъ тамъ мы находимъ группы божествъ и духовъ по *семи*, такъ наши заговоры упоминаютъ *семь* злыхъ духовъ, *семь* братьевъ вѣтровъ. Заговоръ отъ лихого человѣка начинается такими словами: «Иду я по чистому полю, на встрѣчу бѣгутъ семь духовъ съ полудухами, все черные, все злые, все нелюдимые» [2]). Въ одномъ приворотномъ наговорѣ, послѣ обычнаго начала («Встану я, рабъ Б.») читаемъ: «На встрѣчу мнѣ семь братьевъ, семь вѣтровъ буйныхъ. Откуда вы, семь братьевъ, семь вѣтровъ буйныхъ, идете?» [3]) Едва ли эти семь духовъ, живо напоминающіе 7 страшныхъ духовъ, извѣстныхъ халдейской миѳологіи, не попали въ наши заговоры изъ восточной традиціи.

Таинственное значеніе, придававшееся халдеями узламъ, знакомо и нашему домашнему народному суевѣрію. Вспомнимъ, какой страхъ нагоняетъ до сихъ поръ на крестьянъ замѣченный ими во ржи заломъ или узелъ изъ колосьевъ, завязанный лихимъ человѣкомъ съ цѣлью порчи кого-нибудь. Извѣстно, что, чтобъ испортить кого-либо, необходимо взять шерстяную нитку и нанизать на ней узлы. Эту нитку нужно бросить гдѣ-либо въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ могъ бы наступить на нее тотъ, кого нужно испортить. Какъ у халдеевъ завязыванье узловъ для порчи сопровождалось извѣстными словами, такъ и наши крестьяне при завязкѣ восьми двойныхъ узловъ говорятъ слѣдующія слова: 1) выйду я на улицу, 2) брошу въ чисто поле, 3) въ розстанье, 4) межъ дворы, 5) въ луга, 6) въ моря, 7) въ лѣса, 8) въ зыбучія болота [4]). На такомъ завязываньи узловъ основано малорусское лѣченіе отъ пьянства. Одна запись рекомендуетъ слѣдующій способъ: «Найти на пути верёвку, завъязавши концями въ середину, палить на сковородѣ, и якъ верёвка загориться, говоря трижды: «Такъ якъ ся верёвка завъязана, такъ бы мѣнѣ, рабу Божому, завъязало водъ всякаго пьянства мысленого! Якъ та верёвка згорить, то давати пить въ чёмъ ни будь» [5]).

---

[1]) *Майковъ*, № 28.

[2]) *Сахаровъ*, стр. 30, № 47.

[3]) *Майковъ*, № 2.

[4]) *Ефименко*: „Матеріалы по этнографіи русск. населенія Архангельск. губ.“. Ч. 2-я. М., 1878 г., стр. 220.

[5]) *Ефименко*: „Сборникъ малорусск. заклинаній“, № 67. На той же символикѣ узловъ основано малорусское лѣченіе отъ лихорадокъ. Больному вѣшаютъ на шею нитку, на которой, во время чтенія „страстей“, завязаны узелки послѣ каждаго изъ 12 Евангелій. См. *Этнографическое Обозрѣніе*, кн. XI, стр. 181, въ статьѣ г. Коваленко: *Къ народной медицинѣ малорусовъ*.

Digitized by Google

Какъ волшебные узлы символически закрѣпляютъ слова заклинателя, такъ и другія орудія, сходныя по назначенію, — запоры, замки. Оберегая человѣка отъ дѣйствій нечистой силы, одинъ изъ заговоровъ *маклу* выражается такъ: «На двери и засовѣ лежитъ клятъ, лежитъ заклятіе богини Сирисъ и богини Нингишзиды» [1]). Согласно съ этимъ, въ нашихъ заговорахъ безпрестанно встрѣчается упоминаніе о замкахъ и тынахъ. Извѣстно, что многіе изъ нихъ кончаются формулой: «и этимъ моимъ словамъ ключъ и замокъ». Въ «свадебныхъ отпускахъ», имѣющихъ цѣлью оберечь поѣздъ отъ порчи, находимъ самыя сильныя мѣры противъ колдуновъ: «Михаилъ архистратигъ, святой Петръ и Павелъ, верховніи апостоли, ставьте тридесять тыновъ мѣдныхъ отъ земли подошвы и до небесной (высоты?), до морской глубины, отъ восточныя и до западныя, отъ лѣта до сѣвера, отъ земли и до небеси и со всѣхъ четырехъ сторонъ стоитъ около меня раба Божія (имя рекъ); у тѣхъ же у тридесяти тыновъ есть тридесять воротъ, у тѣхъ же у тридесять воротъ есть тридесять замковъ, у тѣхъ же у тридесять замковъ есть тридесять ключей. Прійду я, рабъ Божій (имя рекъ), и затворю тѣ тридесять замковъ и брошу тѣ тридесять ключей во святое Хвалынское море, и прійдетъ щука золотая, челюстью ухватитъ тѣ ключи и понесетъ въ глубину морскую, въ пуповину, подъ колоду бѣлодубовую. И тѣмъ словамъ ключевыя слова—аминь, аминь, аминь!» [2]).

Выше мы видѣли, что однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ пріемовъ халдейскаго колдовства было изготовленіе фигурокъ или символическихъ изображеній заклинаемыхъ лицъ и различныя операціи (сожженіе, зарываніе въ землю, потопленіе), совершавшіяся надъ подобными фигурками. Подобныя символическія дѣйствія хорошо извѣстны нашимъ колдунамъ и знахарямъ. Такъ, напримѣръ, чтобъ угадать лицо, наславшее на больного *переполохъ* (болѣзнь отъ испуга), знахарь надъ обручальною свѣчей растапливаетъ олово и выливаетъ его въ воду. Какъ скоро начнутъ отдѣляться изъ воды пары, онъ говоритъ окружающимъ: «смотрите, вотъ бѣжитъ нечистая сила!» Затѣмъ, показывая на фигуру остывшаго олова, при тусклой свѣчѣ, говоритъ: «вотъ кто испугалъ вашего больного» [3]). Роль ассирійско-вавилонскихъ фигуръ и изображеній въ нашемъ колдовствѣ всего чаще исполняютъ части дѣйствительныя или воображаемыя лица, на котораго должно произвести таинственное дѣйствіе. Такъ, лучшимъ средствомъ отъ оговора или дурного глаза считается лоскутъ отъ одежи или

---

1) *Tallquist*, p. 93.

2) *Ефименко:* „Арханг. губ.“, стр. 146. Срав. *Майковъ*, № 42; *Сахаровъ*, № 61.

3) *Сахаровъ*: „Рус. чернокнижіе“, стр. 51. Какъ „переживаніе“ символическихъ фигуръ, нѣкогда изготовлявшихся съ цѣлью колдовства, можно указать на широкораспространенный обычай печь изъ тѣста жаворонковъ при наступленіи весны. Въ Оренбургской губ., напримѣръ, чтобы скорѣе лѣто было, въ день памяти 40 мучениковъ пекутъ изъ сдобнаго тѣста жаворонковъ; съ ними дѣти залѣзаютъ на повѣти и крыши и кричатъ: „Жаворонки, прилетите, красно лѣто принесите!“ См. *Майковъ* „Великор. заклинанія“ № 361.

Digitized by Google

клочокъ волосъ, принадлежащихъ лицу, служившему причиной болѣзни. Какъ ассирійскіе маги сожигали изображенія вѣдьмъ, наславшихъ болѣзнь, такъ наши знахари предписываютъ, добывъ эти вещи (лоскуты, волосы), старшему или младшему въ семействѣ больного сжечь ихъ на раскаленныхъ углѣхъ. Дѣйствіе сопровождается обрядовыми словами. Больной спрашиваетъ: «что куришь?» и ему отвѣчаютъ: «курю уроки, призоры, лихи оговоры, отъ мужика русáка, отъ бабы черноволосой, отъ дѣвки простоволосой». Больной опять говоритъ: «кури горазне, чтобы въ вѣкъ не было» [1]).

Въ Малороссіи старыя дѣвушки, желающія возбудить къ себѣ любовь мужчинъ, стараются наскоблить подошву сапога чаруемаго, или утащить изъ шапки его нитку, или что-нибудь другое, и все это, залѣпивши въ комокъ воску, бросаютъ въ огонь, приговаривая: «Шчобъ тебе за мною такъ пекло, якъ пече вôгонь той вôскъ! Щобъ твое серце за мною такъ топылось, якъ топыця той вôскъ, и щобъ ты мене тогда покинувъ, коли найдешъ тои вôскъ!» [2]). Къ этому же разряду символическихъ дѣйствій относится выкапываньe земли изъ-подъ слѣда человѣка, котораго нужно заколдовать, и сожиганіе или сушеніе съ разными заклинательными словами. Колдуны, по словамъ Сахарова, такъ искусно отдѣляютъ слѣдъ, что онъ представляетъ какъ бы слѣпокъ со ступни. Надъ снятымъ слѣпкомъ читаютъ тайно заговоры. Когда обиженный требуетъ только нанесенія тоски обидчику, тогда колдуны прячутъ слѣпокъ слѣда или подъ матицу, или подъ князекъ; когда же обиженный требуетъ смертельнаго отмщенія, тогда колдунъ въ глухую полночь сжигаетъ слѣдъ въ банѣ [3]).

Изъ многихъ относящихся къ этой символикѣ обрядовъ другихъ народовъ отмѣтимъ любопытный способъ изгнанія болѣзни у грузинъ. Призванныя къ больному *девять* женщинъ пекутъ изъ муки такъ назыв. *зерани*, представляющія собою одну человѣческую фигурку и три-четыре маленькихъ ватрушки. Надъ *зерани* совершаются разные обряды и нашептыванья, послѣ чего ихъ уносятъ изъ дому и кладутъ гдѣ-нибудь на землѣ съ злымъ умысломъ, чтобъ ихъ кто-либо взялъ и тѣмъ привлекъ къ себѣ болѣзнь [4]).

Мы видѣли, что халдейская магія придавала капитальное значеніе тайному имени боговъ и что значеніе имени давало заклинателю силу противъ духовъ зла. Важно было также знать имя нечистыхъ духовъ, насылающихъ болѣзни, и ассирійскія заклинанія допытываются у вѣдьмы, кто она. Ту же идею находимъ въ русскихъ заговорахъ отъ трясавицъ (лихорадокъ) и въ византійскихъ, послужившихъ отчасти источникомъ нашихъ. Такъ, въ одномъ заговорѣ, списанномъ П. С. Ефименкомъ со старинной рукописи и содержащемъ извѣстную легенду о Сисиніи и трясавицѣ, разсказывается, какъ по молитвѣ Сисинія архангелъ Михаилъ ухватилъ *бьсицу* и сказалъ ей: «аще ми не кленешися, не отъидешь отъ руки моея»; она же клятся

[1]) *Ефименко*: „Арханг. губ.“, стр. 217.
[2]) *Ефименко*: „Малоросс. заклинанія“, № 1, стр. 1.
[3]) *Сахаровъ*, о. с., стр. 27.
[4]) *Сборн. матер. по опис. мѣстн. и племенъ Кавказа*. XVIII, отд. II, стр. 321.

Digitized by Google

ему и рече тако: «мышца великаго Бога и не поколеблемая, яко не имать ти солгати, *да еще кто можетъ изчитати дванадесять именъ моихъ*, не имамъ приближитись къ тому человѣку, ни къ дому его, а имена моя: Вящица, Бѣсица, Преображница... (слѣдуетъ перечень 12-ти именъ) [1]).

Здѣсь мы видимъ то представленіе, что для излѣченія лихорадки нужно знать всѣ 12 именъ женскаго демона, ее населяющаго. По другимъ повѣріямъ, этотъ демонъ самъ убѣгаетъ, если видитъ на амулетѣ у человѣка имена высшихъ силъ. Такъ, въ одномъ русскомъ заговорѣ отъ трясавицы, гдѣ архангелъ Рафаилъ узнаетъ имена 12-ти дщерей царя Ирода и нещадно бьетъ ихъ жезломъ, «онѣ, окаяннія, рекоша ему: аще гдѣ будетъ твое имя написано, и мы къ тому человѣку не прикоснемся» [2]). Какъ здѣсь трясавица бѣжитъ отъ имени архангела Рафаила, такъ въ знаменитомъ апокрифическомъ завѣщаніи Соломона (Testamentum Solomonis), носящемъ яркіе слѣды восточной магіи и астрологіи и пользовавшемся большимъ уваженіемъ у средневѣковыхъ чернокнижниковъ, демонъ Мардѣро (*Мардѣρω*), насылающій лихорадку, объявляетъ Соломону, что онъ не смѣетъ подступить къ человѣку, если у послѣдняго прикрѣплена къ шеѣ бумажка къ написаніемъ: Σφηνήρ, Ῥαφαήλ... σορον, δούρον (очевидно, какія-то таинственныя слова съ именемъ архангела Рафаила) [3]).

Переходимъ теперь къ характеристикѣ тѣхъ благихъ силъ, у которыхъ наши заклинатели ищутъ помощи противъ недуговъ и всякаго злого наважденія. Извѣстно, что наши заговоры представляютъ дикое смѣшеніе именъ Бога, Богородицы и святыхъ съ именами миѳическихъ силъ, олицетвореній природы и какихъ-то иноземныхъ нечистыхъ духовъ [4]). Вотъ, для образчика, одинъ малорусскій заговоръ для охраны скотины отъ звѣря: «Господу Богу помолюся и Святому Духу, и святому Миколаю, святому Михаилу и Святой Пречистой, святому Вознесенію, святой Покровѣ и святому Юрью, и тебе прошу, красное сонце, и тебе прошу, ясный мѣсяцъ, и васъ прошу, зори зорениці, Божіи помощници, и тебе прошу, галочко, и одверни злыхъ собакъ одъ мого скота, и тебе прошу царя Давыда и кротости твоей: стань ты мѣнѣ въ помощи!» [5]).

---

1) *Ефименко*: „Арханг. губ.", стр. 206. Другіе перечни именъ лихорадокъ см. у акад. Веселовскаго: „Разысканія", о. с., стр. 50; *М. Соколовъ*: „Матеріалы", стр. 29 и слѣд.

2) См. *Лѣтоп. русск. литер. и древности*. Т. IV, отд. III, стр. 80.

3) См. *Testamentum Solomonis*, изд. у Migne'я въ *Patrologiae cursus completus*, t. 122, стр. 1343.

4) Такъ, въ одномъ любовномъ заклинаніи изъ слѣдственнаго дѣла 1769 года заклинатель, между прочимъ, говоритъ: „Гой еси ты государь Сатана! Пошли ко мнѣ на помощь рабу своему часть бѣсовъ и дьяволовъ—Зеседеръ, Порластонъ, Коржанъ, Ардунъ, Купалолака съ огнями горящими и съ пламенемъ палящимъ и съ ключами кипучими, и чтобъ они шли къ рабицѣ дѣвицѣ или молодицѣ и зажигали бы они по моему молодецкому слову ея душу и тѣло и буйную голову" и проч. См. *Лѣтопись русской литер. и древности*, т. III, отд. III, стр. 92.

5) *Ефименко*: „Малор. заклин.", № 155.

Digitized by Google

Нерѣдко въ заговорахъ явленія природы представляются живыми существами и получаютъ человѣческія имена. Такъ, въ обращеніи къ зорямъ за помощью отъ болѣзней и скорбей заклинатель прямо видитъ въ нихъ какихъ-то богинь: «Матушка заря вечерняя Дарья, утренняя Марѣя, полуночная Макрида, какъ вы потухаете, поблекаете, денныя и ночныя, такъ бы и болѣзни и скорби въ рабѣ Божіемъ (имя рекъ) человѣкѣ потухли и поблекли денныя, ночныя и полуночныя» [1]).

Наравнѣ со святыми заговоры обращаются къ царю водяному, царю земляному и небесному [2]), а въ наговорѣ, произносимомъ съ цѣлью испортить человѣка, обративъ его въ пьяницу, упоминается «морской глубины царь», именемъ котораго *начитываютъ* вино, чтобъ опоить человѣка [3]). Конечно, въ этой смѣси миѳическихъ именъ трудно разобраться: въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, быть можетъ, сохранились слѣды національныхъ вѣрованій языческаго періода, но возможно и предположеніе, что кое-что въ миѳологіи заговоровъ является сохранившимся по традиціи отголоскомъ иноземныхъ вѣрованій, восходящимъ къ халдейской религіозной системѣ. Не предрѣшая ничего въ этомъ сложномъ вопросѣ, отмѣтимъ только, что олицетвореніе огня играетъ уже по свойству этой стихіи не меньшую роль въ нашемъ колдовствѣ, чѣмъ въ ассирійскомъ. Заговоры Макку, какъ мы упоминали выше, представляются иногда какъ бы гимнами, прославляющими бога огня—Гибиля. Вотъ одинъ русскій заговоръ, живо напоминающій эти ассирійскія молитвы-заклинанія, обращенныя къ Гибилю: «Батюшко ты, царь огонь, всѣмя ты царями царь, всѣми ты огнями огонь, будь ты кротокъ, будь ты милостивъ; какъ ты жарокъ и пылокъ, какъ ты жгешь и палишь въ чистомъ полѣ травы и муравы, чашши и трушобы, у сырого дуба подземельныя коренья, семьдесятъ семь кореньевъ, семьдесятъ семь отраслей, тако же я молюся и корюся тебѣ-ка, батюшка, царь огонь, жги и спали съ раба Божія (имя рекъ) всяки скорби и болѣзни, уроки и призоры, страхи и переполохи, нутренны родимсы, костяны родимсы и суставчаты, одувны и заболонны, бросучи и ломучи, съ ретиваго сердца, съ крови горячи, съ бѣлаго легкаго, съ черныя печени и съ 77 суставовъ и съ 77 жилъ, и съ становой, и съ перстовой, и съ бѣлаго лица, и съ ясныхъ очей, и съ черныхъ бровей, со всего человѣческаго стану; со всѣмъ святымъ нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ. Аминь» [4]). Если въ этомъ заговорѣ замѣнить эпитетъ огня *царь* эпитетомъ *богъ*, отъ сложенія его не отказался бы какой-нибудь халдейскій магъ, чтитель бога Гибиля.

Богъ луны Синъ, являющійся, какъ и Гибиль, самымъ сильнымъ защитникомъ человѣка, такъ какъ разгоняетъ мракъ ночи и демоновъ тьмы, находитъ себѣ нѣкоторое соотвѣтствіе въ нашихъ заговорахъ, произноси-

---

[1]) *Майковъ*, назв. соч., № 236. Срав. № 57, гдѣ 6 именъ зорь.
[2]) *Майковъ*, № 248.
[3]) *Майковъ*, № 245.
[4]) *Майковъ*, № 239.

Digitized by Google

мыхъ ночью и обращенныхъ къ мѣсяцу, получающему иногда имя Адама или Архангела Михаила [1]) и друг.

Извѣстно, что мѣсяцъ, молодикъ, считается у нашихъ знахарей и ворожей спеціальнымъ цѣлителемъ зубной боли. Но любопытно, что въ этихъ заговорахъ къ мѣсяцу обращаются иногда съ просьбой не только исцѣленія, но и дарованія человѣку другихъ благъ—счастья и богатства: «тоби—золоти рогы, а мыни—волы та коровы, тоби—рай на неби, мыни—рай на земли»,—говорится въ одномъ малорусскомъ заговорѣ. Эти молитвы къ мѣсяцу, по предположенію г. Коваленка, имѣли когда-то болѣе широкое значеніе и только потомъ сузились до заговора отъ зубовъ [2]). Замѣтимъ къ этому, что въ одномъ заговорѣ у Сахарова (№ 40) заклинатель проситъ, чтобы мѣсяцъ расплавилъ пули, притупилъ ножи, измочалилъ дубины, напустилъ страхъ на звѣря, человѣка и гадовъ [3]).

Если отъ содержанія заклинаній перейти къ ихъ формѣ, то и здѣсь можно найти нѣкоторыя интересныя аналогіи между восточными заговорами и нашими. Я не буду сопоставлять формы обращенія къ благимъ силамъ съ просьбой о помощи или формы повелѣнія злымъ силамъ исчезнуть, сгинуть, такъ какъ эти формы вытекаютъ естественно изъ самаго существа заклинаній. Но есть въ халдейскихъ и нашихъ заговорахъ одна характерная форма, въ которой, быть-можетъ, слѣдуетъ видѣть традиціонный пріемъ. Это — разсказъ о какомъ-нибудь событіи, вводящій затѣмъ діалогъ между нѣкоторыми миѳическими лицами. Я уже привелъ образчикъ разговоровъ бога Силигмулухи съ его отцомъ Эа. Вотъ другой не менѣе типическій примѣръ драматической формы халдейскихъ заговоровъ. Одно обширное заклинаніе сначала изображаетъ страшныя опустошенія, произведенныя семью злыми духами (маскимъ). Самъ богъ огня не можетъ съ ними совладѣть. Поэтому заклинатель, обращаясь къ нему, молитъ его обратиться къ богу Силигмулухи (иначе Силигрибана) и просить у него помощи. Затѣмъ заклинаніе продолжаетъ: «богъ огня приблизился къ Силигрибану и сказалъ ему о своемъ желаніи; тотъ внялъ его просьбѣ на ложѣ своего ночного покоя. Онъ вступилъ въ жилище своего отца Эа и сказалъ ему: «Отецъ мой, богъ огня поспѣшилъ на востокъ и сказалъ мнѣ свое желаніе. Ты вѣдь знаешь дѣла семи (духовъ), такъ укажи намъ мѣсто, гдѣ они живутъ, внемли намъ (собственно: открой свое ухо) сынъ Эриту» [4]). Эа молвилъ сыну своему Силигмулухи: «Сынъ мой, эти семеро живутъ внутри земли; эти семеро выходятъ изъ земли; эти семеро родятся въ утробѣ земной; эти семеро возрастаютъ внутри земли; своимъ натискомъ колеблютъ они стѣны бездны водной. Пойди сюда, сынъ мой Силигмулухи. Кедръ есть дерево, сокрушающее гибельную

---

1) *Ефименко*: „Малор. заклин.“, №№ 14—25.

2) *Этнографическое Обозрѣніе*, XI, стр. 180, статья г. Коваленка: *Къ народной медицинѣ малороссовъ*.

3) Къ мѣсяцу же обращаются дѣвичьи приговоры для привлеченія жениховъ См. *Майковъ*: „Великорусскія заклинанія“, № 34.

4) Эпитетъ бога Эа по городу Эриту, въ которомъ былъ древнѣйшій его культъ.

Digitized by Google

мощь духовъ *маскимъ*» [1]). Далѣе Эа указываетъ средство для подчиненія злыхъ духовъ.

Въ ассирійской серіи заговоровъ *маклу* встрѣчаемъ подобную же форму разсказа, переходящаго въ діалогъ. Вотъ начало одного фрагментарнаго заклинанія: «Обѣ дочери Ану (бога неба) идутъ и спускаются съ неба... Куда идете вы?—Мы идемъ опутать колдуна и колдунью такого-то, сына такого-то» [2]). Другой заговоръ начинается разсказомъ о дѣйствіяхъ вѣдьмы: «Колдунья чаровница сидитъ въ тѣни стѣны; сидитъ она и готовитъ чары на меня, дѣлаетъ мои изображенія» [3]). Далѣе слѣдуютъ угрозы колдуньѣ со стороны заклинателя. Въ полную аналогію съ халдейскими и ассирійскими нѣкоторые греческіе заговоры начинаются также разсказомъ, переходящимъ въ діалогъ. Ограничусь однимъ примѣромъ изъ многихъ. Заговоръ, произносимый для облегченія родовъ, открывается слѣдующими словами: «Шумъ произошелъ на небесахъ, побѣжали ангелы и архангелы и Христосъ вопросилъ: «Что за шумъ на небесахъ?» — Господи, жена страдаетъ и не можетъ разрѣшиться. Молвитъ имъ Господь: «Ступайте, скажите ей въ правое ухо: роди, жена, какъ Марія Христа, какъ Елисавета Предтечу» и проч. [4]).

Византійская молитва отъ злого духа, послужившая основой нашихъ заговоровъ на трясавицъ, какъ извѣстно, открывается легендой о св. Сисиніи и его сестрѣ и содержитъ далѣе разговоръ святого съ злымъ духомъ и перечень именъ послѣдняго. Въ данномъ случаѣ литературная традиція въ нашихъ заговорахъ не подлежитъ сомнѣнію. Но тотъ же литературный пріемъ,—соединеніе эпическаго элемента съ драматическимъ,—наблюдается во множествѣ другихъ заговоровъ, которыхъ источники намъ неизвѣстны. Можно назвать почти стереотипнымъ такое начало въ заговорахъ, когда рабъ Божій (имя рекъ) выходитъ изъ избы въ двери, изъ дверей въ ворота, въ чистое поле и здѣсь встрѣчаетъ какое-нибудь существо, съ которымъ завязываетъ разговоръ. Приведу нѣсколько примѣровъ. Такъ, въ *приворожномъ* заговорѣ на любовь, заклинатель разсказываетъ, что вышелъ въ поле: «на встрѣчу мнѣ семь братьевъ, семь вѣтровъ буйныхъ. «Откуда вы, семь братьевъ, семь вѣтровъ буяныхъ, идете? Куда пошли?» — «Пошли мы въ чистыя поля, въ широкія раздолья сушить травы скошенныя, лѣса порубленные, земли вспаханныя». — «Подите вы, семь вѣтровъ буйныхъ, соберите тоски тоскучія со вдовъ, сиротъ и маленькихъ ребятъ, со всего свѣта бѣлаго, понесите къ красной дѣвицѣ (имя рекъ) въ ретивое сердце;

---

[1]) *Lenormant:* „Die Magie", стр. 31.

[2]) *Tallquist*, о. с., стр. 57. Примѣры прямыхъ обращеній заклинателя къ вѣдьмѣ см. на стр. 53, 59, 65.

[3]) Тамъ же, стр. 73.

[4]) *Vassilieff*, о. с., стр. 339. Соединеніе *легенды* съ заговоромъ см. въ статьѣ акад. Ѳ. И. Буслаева—*О сродствѣ одного русскаго заклятія съ нѣмецкимъ*. *Очерки*, т. I, стр. 251, 254. Также у Н. Крушевскаго — *Заговоры, какъ видъ русской народной поэзіи*. *Варшавскія Университетскія Извѣстія* 1876 г., № 8, стр. 56—58.

Digitized by Google

просѣките булатнымъ топоромъ ретивое ея сердце, насадите въ него тоску тоскучую» и проч. [1]). Не напоминаетъ ли это вышеприведенный ассирійскій заговоръ, въ которомъ заклинатель говоритъ о сошедшихъ съ неба двухъ дочеряхъ бога Ану и обращается къ нимъ съ вопросомъ, куда онѣ идутъ? Другой заговоръ, произносимый, чтобы не заблудиться въ лѣсу, послѣ обычнаго начала (выхода въ чистое поле) говоритъ о встрѣчѣ заклинателя въ густомъ лѣсу со старцемъ сѣдымъ какъ лунь: «поклонюсь ему низехонько и скажу: «Гой еси, старецъ, какъ лунь сѣдой! Скажи ты мнѣ всю правду-истину, гдѣ живетъ царь Зміуланъ?»—Поди ты въ правую сторону къ царю Зміулану: что, не дубъ стоитъ, Зміуланъ сидитъ, что не вѣтеръ шумитъ, Зміуланъ говоритъ» [2]) и проч. Вспомнимъ для параллели вышеприведенный халдейскій заговоръ, въ которомъ Силигмулухи спрашиваетъ отца своего Эа, гдѣ живутъ семь злыхъ духовъ.

Обыченъ и такой пріемъ, что о своей встрѣчѣ съ какимъ-нибудь миѳическимъ существомъ разсказываетъ не самъ заклинатель въ первомъ лицѣ, но заговоръ говоритъ о встрѣчѣ и разговорѣ другихъ лицъ. Такъ въ бѣлорусскомъ заговорѣ отъ *уроку* выводится встрѣча Богородицы съ Господомъ и апостолами: «Ишла маць прачистая по калиновомъ мосту, сярэбраной тросьциной попиралася. Сустракая (т.-е. встрѣчаетъ) яе самъ Господзь Богъ исъ Пятромъ съ Павломъ. «Куды йдзешъ, маць прачистая?»—«Иду къ рабу божаму (имя рекъ) уроки замовляць и заговараваць!»—и проч. [3]).

Я ограничусь этими примѣрами, такъ какъ всякій нѣсколько знакомый съ нашими заговорами легко припомнитъ, какъ широко распространенъ этотъ пріемъ сочетанія разсказа съ діалогомъ.

Резюмируя вышеприведенныя сопоставленія халдейскихъ и ассирійскихъ заклинаній съ нашими народными, мы припомнимъ, что указали аналогіи въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ пріемахъ магическихъ дѣйствій и словъ, въ содержаніи заклинаній и въ изложеніи. И тамъ и здѣсь заклинательныя формулы произносятся шепотомъ, въ благопріятное время, главнымъ образомъ, ночью или предъ разсвѣтомъ. И здѣсь и тамъ таинственное значеніе придается нѣкоторымъ числамъ (3, 7, 12, 77) и знанію именъ миѳическихъ силъ. И халдейскіе маги, и наши колдуны и знахари производятъ чары посредствомъ волшебныхъ узловъ и разныхъ операцій надъ символическими

---

[1]) *Майковъ*, № 3. Подобное же соединеніе разсказа съ діалогомъ находимъ въ заговорѣ, *какъ испортить дѣвку*: „На морѣ на кіянѣ, на островѣ на Буянѣ, стояло древо; на томъ древѣ сидѣло семьдесятъ какъ одна птица; эти птицы щипали вѣти (вѣтви), эти вѣти бросали на землю; эти вѣти подбирали бѣси и приносили къ Сатанѣ Сатановичу. Ужъ ты, худъ бѣсъ! и кланяюсь я тебѣ и поклапаюсь,—сослужи ты мнѣ службу и сдѣлай дружбу: зажги сердце (имярекъ) по мнѣ (имярекъ) и зажги всѣ печеньи и легкое и всѣ суставы по мнѣ (имярекъ). Будь мое слово крѣпко, крѣпче трехъ булатовъ во вѣки!“ См. *Лѣтописи русской литературы и древности*, т. IV, отд. III, стр. 75.

[2]) *Майковъ*, № 261. Сравн. *Романовъ*, № 149.

[3]) *Е. Романовъ*: „Бѣлорусскій сборникъ“. Вып. V, стр. 13 № 34.

Digitized by Google

предметами, представляющими лицо, подлежащее волхованію (изображеніями, волосами, лоскутами одежды, вырѣзанными слѣдами). И здѣсь и тамъ содержаніе заклинаній состоитъ изъ категорическихъ повелѣній нечистой силѣ уйти, сгинуть, сопровождаемыхъ угрозами, и изъ молитвенныхъ обращеній къ благимъ силамъ заступникамъ, причемъ въ нашихъ заговорахъ, кромѣ христіанскихъ силъ, помощниками призываются олицетворенія силъ природы—солнце, мѣсяцъ, зори, вѣтры и особенно царь огонь, играющій такую видную роль въ халдейскихъ и ассирійскихъ заговорахъ-молитвахъ. Наконецъ, со стороны изложенія мы отмѣтили аналогію между нашими и восточными заговорами въ типическомъ сочетаніи вступительнаго разсказа съ драматическимъ элементомъ, съ діалогомъ, завязывающимся между выводимыми миѳическими личностями.

Къ чему же приводятъ указанныя параллели? Должны ли мы только ограничиться выводомъ, что ничто не ново подъ луной, что одни и тѣ же психологическіе законы проявляются въ человѣчествѣ поразительно одинаково даже въ деталяхъ, въ народахъ различныхъ расъ, живущихъ подъ различными широтами при самыхъ различныхъ жизненныхъ условіяхъ—климатическихъ, географическихъ, историческихъ, экономическихъ? Или разсмотрѣнныя совпаденія хоть отчасти объясняются существованіемъ древней культурной традиціи, донесшей еще не извѣданными наукой путями нѣкоторыя черты восточной магіи въ наше и средневѣковое европейское колдовство? Мнѣ лично возможность отголосковъ такой традиціи представляется, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ чертахъ вѣроятной. Но для уясненія объема этой традиціи и ея путей мы въ настоящее время не располагаемъ достаточнымъ матеріаломъ. Будемъ надѣяться, что дальнѣйшіе поиски въ восточной и средневѣковой старинѣ прольютъ свѣтъ и въ эту интересную и темную область, которой мы рѣшились коснуться (не болѣе какъ primis labris), только чтобъ указать на значеніе, которое могутъ имѣть открытія ассиріологовъ для культурной исторіи не только передней Азіи, но и средневѣковой Европы.

Всев. Миллеръ.

Digitized by Google

Къ вопросу о верховномъ тайномъ совѣтѣ *).

(По поводу *Легенды объ олигархическихъ тенденціяхъ верховнаго тайнаго совѣта въ царствованіе Екатерины I*, проф. А. С. Алексѣева).

IV.

Проф. Алексѣевъ оспариваетъ мое положеніе, что именныхъ указовъ въ собственномъ смыслѣ въ царствованіе Екатерины I было мало и что совѣтъ ни въ личной дѣятельности императрицы, ни въ подчиненныхъ ей непосредственно учрежденіяхъ (кромѣ отчасти военной коллегіи) не встрѣчалъ никакихъ серьезныхъ препятствій въ ограниченію своего властвованія. Оспаривая это мое положеніе, онъ, между прочимъ, говоритъ, что «если и допустить (что врядъ ли допустимо), что *количество* именныхъ указовъ служитъ *показателемъ* личной дѣятельности монарха, то и тогда количество именныхъ указовъ, изданныхъ Екатериною I отъ 8 февраля 1726 по 6 мая 1727 г., не можетъ служить доводомъ» въ мою пользу. Доводъ этотъ будто бы былъ убѣдителенъ лишь въ томъ случаѣ, когда императрица *послѣ* учрежденія верховнаго тайнаго совѣта стала бы издавать *меньше* именныхъ указовъ, чѣмъ она издавала ихъ *до* учрежденія совѣта. По мнѣнію же проф. Алексѣева, должно констатировать совершенно обратное явленіе: *до учрежденія верховнаго тайнаго совѣта императрица рѣже издавала именные указы, чѣмъ послѣ учрежденія верховнаго тайнаго совѣта*, а именно въ первый періодъ будто бы издано *всего 10* именныхъ указовъ (т.-е. такихъ, которые не объявлены изъ сената), а во второй—*39* именныхъ указовъ въ собственномъ смыслѣ (т.-е. такихъ, которые *не* объявлены изъ верховнаго тайнаго совѣта) **). Но, не говоря уже о томъ, что именныхъ указовъ Екатерины I, данныхъ *до* и *послѣ* учрежденія совѣта, извѣстно гораздо больше, чѣмъ думаетъ проф. Алексѣевъ (почему и выводъ, основанный на счетѣ *только нѣкоторыхъ, а не всѣхъ* извѣстныхъ именныхъ указовъ, теряетъ свое значеніе),

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

**) Стр. 62 и сл.

Digitized by Google

замѣтимъ прежде всего, что здѣсь (какъ и въ другихъ мѣстахъ своей рецензіи) проф. Алексѣевъ довольно произвольно толкуетъ мои положенія. Именно я вовсе не думаю характеризовать дѣятельность Екатерины I однимъ только *количествомъ* ея именныхъ указовъ, а принимаю во вниманіе также ихъ *содержаніе* и *происхожденіе* *); проф. Алексѣеву не слѣдовало бы раздѣлять всѣхъ указанныхъ мною признаковъ другъ отъ друга; тогда бы и не получилось страннаго вывода, что будто бы одно *количество* именныхъ указовъ служитъ для меня показателемъ *личной* дѣятельности императрицы. Что же касается подсчета именныхъ указовъ, дѣлаемаго проф. Алексѣевымъ, то какъ указано выше, въ дѣйствительности, количество *именныхъ* указовъ Екатерины I, извѣстныхъ нынѣ (частію въ подлинникахъ) *гораздо больше*, чѣмъ думаетъ проф. Алексѣевъ. Именно, почтенный ученый производитъ подсчетъ этимъ указамъ по Полному Собранію законовъ; ни для кого, однако, не представляетъ тайны, что въ это Собраніе вошла лишь самая незначительная часть указовъ вообще и *именныхъ*—въ частности. Поэтому считать эти указы по Полному Собранію законовъ въ настоящее время, когда извѣстны еще другіе указы, не помѣщенные въ Собраніи, и когда притомъ имѣется весьма полная «Опись» высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ С.-Петербургскомъ сенатскомъ архивѣ за XVIII вѣкъ **),—значитъ оперировать съ совершенно недостаточными данными. Въ подтвержденіе сказаннаго довольно указать, наприм., на тотъ фактъ, что въ то время, какъ по названной «Описи» число высочайшихъ указовъ и повелѣній за 1725 г. равняется 83, въ Полное Собраніе законовъ ихъ вошло всего 7; или за 1726 г. ихъ считается 394, а въ Полномъ Собраніи законовъ ихъ всего—78; за 1727 г. ихъ 789, въ Полномъ же Собраніи законовъ всего 168 и т. д. Поэтому, для болѣе точнаго опредѣленія числа именныхъ указовъ въ собственномъ смыслѣ *до* и *послѣ* учрежденія совѣта при Екатеринѣ I, проф. Алексѣеву слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, обратиться къ указанной выше «Описи» и на основаніи ея данныхъ сдѣлать свой выводъ. Впрочемъ, представляется совершенно непонятнымъ, *зачѣмъ* для опроверженія моего положенія, что *именныхъ* указовъ Екатерины (со времени учрежденія совѣта, конечно) было мало, надо подсчитывать ихъ число *до* и *послѣ* учрежденія совѣта, какъ дѣлаетъ это г. Алексѣевъ. Въ моей книгѣ я вовсе не касался вопроса о томъ, какова была дѣятельность Екатерины I *до* учреж-

*) Именно я говорю въ моей книгѣ слѣдующее: „именныхъ указовъ въ собственномъ смыслѣ, т.-е. указовъ состоявшихся, по крайней мѣрѣ, формально лишь по волѣ самой императрицы, *безъ упоминанія* о томъ, что указъ „данъ въ нашемъ совѣтѣ",—во-1-хъ, весьма немного, во-2-хъ, они большею частію касаются довольно узкой сферы *личной* дѣятельности самой императрицы и, въ-3-хъ, то подсказываются ей тѣми же членами совѣта, наприм., Меншиковымъ и другими лицами, то, наконецъ, въ дѣйствительности, также какъ и другіе указы, проходятъ черезъ обсужденіе совѣта, хотя въ нихъ объ этомъ и не упоминается" (стр. 59 и сл.).

**) Опись эта составлена П. Барановымъ (Петербургъ, 1875 г., т. II).

Digitized by Google

денія совѣта, а пытался дать ея характеристику (по тѣмъ или инымъ признакамъ) лишь *со времени* его учрежденія, и притомъ *сравнительно* съ указною дѣятельностью совѣта. Поэтому, чтобы опровергнуть мой выводъ о незначительности, количественно и качественно, именныхъ указовъ самой Екатерины, слѣдовало бы сравнить ихъ *съ указами прошедшими черезъ совѣтъ*. Но именно этого-то и не дѣлаетъ г. Алексѣевъ, хотя для такого сравненія въ моей же книгѣ сведены всѣ необходимыя данныя. Такъ, что касается прежде всего *количества* именныхъ указовъ въ собственномъ смыслѣ (т.-е. указовъ, *не прошедшихъ* черезъ совѣтъ), сравнительно съ указами прошедшими *черезъ* совѣтъ, то по указанной выше «Описи» съ 9 февраля 1726 г. (т.-е. со дня *перваго* собранія совѣта) по 6 мая 1727 г. (т.-е. по день кончины Екатерины I) именныхъ указовъ въ собственномъ смыслѣ было дано 87, высочайшихъ повелѣній («объявленныхъ» или «сообщенныхъ»), т.-е. *словесныхъ* указовъ, 92; указовъ же прошедшихъ *черезъ* совѣтъ было 372; всего же было дано 551 указъ (мы не считаемъ 7 высочайшихъ резолюцій на прошеніяхъ, такъ какъ онѣ не подходятъ вполнѣ подъ понятіе именныхъ указовъ). Если считать именные указы подписанные и словесные вмѣстѣ, то ихъ число будетъ равно 179 указамъ и будетъ составлять менѣе $^1/_3$ всего числа указовъ (551); если же считать только *первые* указы, то они составляютъ менѣе $^1/_4$ всѣхъ указовъ, прошедшихъ *черезъ* совѣтъ. Имѣя въ виду отношеніе числа первыхъ (87) къ числу вторыхъ (372) и сославшись въ моей книгѣ какъ на Полное Собраніе законовъ, такъ и на «Опись», въ которой помѣщенъ наиболѣе полный списокъ этихъ указовъ *), я счелъ себя вполнѣ въ правѣ утверждать, что именныхъ указовъ,—*по сравненію*, конечно, съ числомъ указовъ прошедшихъ *черезъ* совѣтъ,—было мало; проф. Алексѣевъ, не соглашаясь съ этимъ моимъ выводомъ, ничѣмъ, однако, его не опровергнулъ, а потому онъ и остается въ полной своей силѣ.

Но, можетъ быть, именные указы въ собственномъ смыслѣ, не будучи многочисленны, за то важны и разнообразны вообще по своему содержанію—сравнительно съ указами, прошедшими *черезъ* совѣтъ, конечно? Изучая внимательно ихъ содержаніе, я прихожу къ тому выводу, что эти указы *по большей части* касались узкой сферы *личной* дѣятельности самой императрицы и въ доказательство этого положенія разсматриваю содержаніе *всѣхъ* извѣстныхъ *именныхъ* (какъ подписанныхъ, такъ и словесныхъ) указовъ Екатерины I (ихъ извѣстно, какъ показано выше, 179 указовъ). Беру я тѣ и другіе указы **) потому, что *вся* ихъ совокупность можетъ служить къ наиболѣе полному опредѣленію сферы *личной* дѣятельности Екатерины I. Проф. Алексѣевъ, не соглашаясь и съ этимъ моимъ выводомъ и приведя въ его опроверженіе только *32* именныхъ указа Екатерины, въ заключеніе восклицаетъ: «неужели всѣ эти распоряженія, касающіяся столь

*) Стр. 59, прим. 54 моей книги.

**) Ibid, стр. 61, прим. 57 и 58.

Digitized by Google

разнообразныхъ и столь существенныхъ сторонъ государственной жизни, *можно*, какъ это дѣлаетъ г. Филипповъ, относить къ довольно узкой сферѣ *личной* дѣятельности императрицы» (стр. 64 и сл.). Какъ увидимъ ниже, дѣлать это не только *можно*, но и *должно*, разъ мы беремъ для характеристики дѣятельности императрицы всѣ извѣстные намъ нынѣ 179 указовъ. Г. Алексѣевъ основываетъ свою характеристику дѣятельности Екатерины лишь на 32 именныхъ ея указахъ, нарушая этимъ основное правило критики—опровергать доводъ противника прежде всего на разборѣ *тѣхъ* данныхъ, на основаніи коихъ онъ его строитъ. Достаточно пересмотрѣть всѣ эти 179 указовъ, чтобъ убѣдиться въ вѣрности нашего вывода. Но прежде, чѣмъ сдѣлать это, просмотримъ тѣ 32 указа Екатерины I, на которыхъ строитъ самъ г. Алексѣевъ свое опроверженіе, и докажемъ, что и ихъ содержаніе мало подтверждаетъ его собственный выводъ. Несомнѣнно, что и между перечисляемыми проф. Алексѣевымъ указами есть *весьма важные*, и я первый въ своей книгѣ неоднократно отмѣчаю, что они выдѣляются изъ всѣхъ остальныхъ и что ихъ нельзя поставить на счетъ дѣятельности совѣта *). Тѣмъ не менѣе, въ свою очередь, этихъ важныхъ указовъ нельзя, по большей части, отнести также и на счетъ *личной* дѣятельности императрицы. Что это за указы? Между ними первое мѣсто занимаетъ «должность сената» 7 марта 1726 г., которая, однако, въ цѣломъ, какъ это мною доказано въ своемъ мѣстѣ (стр. 157 и сл.), лишь *повторяетъ* постановленія петровской «должности» сената отъ 1722 г., да и дана она была вскорѣ послѣ учрежденія совѣта, который только лишь начиналъ свою дѣятельность. Между этими указами идетъ далѣе рядъ важныхъ указовъ, касающихся дѣлъ военной коллегіи, изъятой, по именному указу, изъ компетенціи совѣта. Но, какъ извѣстно, президентомъ ея, со вступленія Екатерины I на престолъ, вновь сдѣлался кн. Меншиковъ, который получилъ теперь «такую большую власть, какую только подданный можетъ имѣть», какъ выражаются иностранные дипломаты, и есть неоспоримыя данныя утверждать, что военное дѣло цѣликомъ велось Меншиковымъ, и всѣ важные указы, относящіеся къ нему, даны по иниціативѣ или по настоянію Меншикова **). Есть далѣе именные указы, относящіеся къ св. синоду,

*) *Исторія Сената*, стр. 61 и сл., стр. 156 и сл. и др. Говоря объ именныхъ указахъ Екатерины I, касавшихся дѣлъ военной коллегіи, я замѣчаю, что эти указы, конечно, могли быть *очень важны* по своему содержанію, но едва ли ошибочно будетъ сказать, что это являлось скорѣе результатомъ дѣятельности и характера лица, стоявшаго во главѣ учрежденія, чѣмъ самой императрицы.

**) Въ своемъ разборѣ моей книги г. Алексѣевъ приводитъ свидѣтельства иностранцевъ, которыя идутъ гораздо дальше того, что я говорю о вліяніи Меншикова на императрицу и противъ вѣрности которыхъ онъ ничего не возражаетъ. Такъ, наприм., по Лефорту, „князь (Меншиковъ) то и дѣло *отъ имени царицы* разсылаетъ указъ за указомъ, о которыхъ она и *не знаетъ*“; по Мардефельду, Меншиковъ „завелъ такіе порядки въ гражданскомъ и *военномъ* вѣдомствахъ и началъ уже ихъ приводить въ дѣйствіе, которые сдѣлали бы его дѣйствительнымъ правителемъ, а царицѣ оставили *одно имя*“ (ibid., стр. 71 и сл.); по Кампредону, „Меншиковъ присво-

Digitized by Google

но изъ нихъ наиболѣе важный *) — о раздѣленіи синода на два департамента и пр. (указъ 15 іюля 1726 г.) — вовсе не принадлежитъ къ числу именныхъ указовъ въ собственномъ смыслѣ (т.-е. указовъ *не прошедшихъ* черезъ совѣтъ), такъ какъ былъ «данъ въ нашемъ верховномъ тайномъ совѣтѣ» **), да притомъ указъ этотъ въ своемъ главномъ основаніи (какъ это, между прочимъ, видно и изъ его текста) *повторяетъ* то, что хотѣлъ еще сдѣлать Петръ Великій, но «то его имп. величества соизволеніе *ко исполненію* не достигло причиною его смерти», почему и нельзя этотъ указъ, какъ дѣлаетъ проф. Алексѣевъ, причислять къ именнымъ указамъ *перваго* рода, какъ и нельзя ставить его на счетъ *личной* дѣятельности Екатерины I. Не принадлежитъ къ такимъ указамъ, вопреки мнѣнію того же автора, и *декларація* о свободной торговлѣ въ Россіи англійскихъ купцовъ, такъ какъ «декларація» эта прошла черезъ совѣтъ (*Исторія сената*, стр. 60). Если исключить всѣ перечисленные (какъ и нѣкоторые другіе) указы изъ списка, даваемаго г. Алексѣевымъ, то всѣ *остальные* именные указы въ собственномъ смыслѣ, какъ называемые, такъ и не называемые въ указанномъ спискѣ, но имѣвшіеся, однако, мною въ виду, вполнѣ подтвердятъ *общее* мое положеніе, что эти указы бо́льшею частію касаются довольно узкой сферы *личной* дѣятельности императрицы. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ самый полный списокъ изъ извѣстныхъ въ печати списковъ этихъ указовъ, помѣщенный въ *Описи* Баранова. Что это за указы, каково ихъ содержаніе? Какъ всякій легко можетъ убѣдиться изъ просмотра списка ***),

---

илъ себѣ одному право назначенія и производства *офицеровъ*" и проч. (Ibid., стр. 74; срав. также стр. 21). Почему же въ такомъ случаѣ, вопреки ясныхъ свидѣтельствамъ источниковъ, можно было бы поставить указъ объ изъятіи военной коллегіи изъ компетенціи совѣта (какъ и рядъ другихъ указовъ по военному вѣдомству) насчетъ *личной* дѣятельности самой Екатерины I! А, вѣдь, этихъ указовъ было не мало.

*) Два другихъ касаются опредѣленія жалованья синодальнымъ членамъ и подачи императрицѣ ежемѣсячныхъ доношеній изъ синода, равно какъ и представленія ей кандидатовъ въ архіереи (VII, № 5011, 4987), да и то первый изъ нихъ *повторяетъ* петровскій еще указъ 18 января 1721 г.

**) См. мою *Исторію Сената*, стр. 60, прим. 56; срав. также текстъ этого указа въ *Полн. Собран. постанов. и распоряж. по вѣдомству православ. исповѣданія*, т. V (Спб., 1881 г.), стр. 393 и сл.

***) Опись высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ и пр., №№ 1642—1644, 1648, 1649; 1652—1659, 1662, 1663, 1666, 1667, 1669, 1672—1677, за исключеніемъ № 1674, 1679, 1680, 1683, 1686, 1688, 1691, 1692, 1705, 1706, 1708, 1713, 1714, 1720, 1723, 1724, 1727 — 1731, 1735—1738, 1741 — 1744, 1754, 1757, 1758, 1768 — 1770, 1774, 1780, 1781, 1787, 1788, 1790 и многіе другіе, помѣщенные въ спискѣ, между указами верховнаго тайнаго совѣта, вплоть до № 2199. При этомъ замѣтимъ еще разъ, что, разсматривая *содержаніе* перечисленныхъ указовъ, мы брали не только именные указы въ собственномъ смыслѣ, но и такъ называемыя „объявленныя" или „сообщенныя" тѣмъ или инымъ сановникамъ Высочайшія повелѣнія, т.-е., иначе говоря, *словесные* именные указы. Вся совокупность этихъ указовъ даетъ полное представленіе о характерѣ *указной* дѣятельности Екатерины I, вполнѣ подтверждая наше положеніе: что *большею частію* эти указы относятся къ довольно узкой сферѣ личной дѣятельности императрицы.

Digitized by Google

наибольшее число указовъ касается пожалованій чинами, деревнями, дворами, назначеній на службу, увольненій въ отпуски, выдачи денегъ (наприм., заслуженнаго жалованія), пріема товаровъ, слѣдуемыхъ въ кабинетъ, и т. п.; повелѣній императрицы по благоустройству города Петербурга; распоряженій, имѣвшихъ то или иное отношеніе къ вотчинной канцеляріи ея величества, тайной канцеляріи и личному кабинету императрицы (мы не касаемся здѣсь, по указанному выше основанію, именныхъ указовъ военной коллегіи, гдѣ все находилось въ рукахъ всесильнаго ея президента кн. Меншикова), т.-е. къ учрежденіямъ, непосредственно подчиненнымъ императрицѣ. Неужели можно утверждать, что эти указы касались «разнообразныхъ и существенныхъ сторонъ государственной жизни», въ особенности, конечно, *по сравненію* съ именными указами, прошедшими *черезъ* совѣтъ (а именно въ этомъ сравненіи вся и важность),—указами дѣйствительно касавшимися всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ внѣшней и внутренней политики, указовъ, въ коихъ, такъ или иначе, разрѣшались труднѣйшіе вопросы, поставленные эпохою преобразованія, переустраивались учрежденія и т. д., и т. д.?

Далѣе проф. Алексѣевъ говоритъ еще: «увѣреніе г. Филиппова, что именные указы подсказываются императрицѣ членами верховнаго тайнаго совѣта (у меня добавлено «и другими лицами») мы проходимъ молчаніемъ, ибо *авторъ не приводитъ, и, конечно, не можетъ привести никакихъ данныхъ*, которыя подтвердили бы это *болѣе чѣмъ странное* и совершенно произвольное утвержденіе» (стр. 65, курсивъ нашъ). Прежде всего по поводу сказаннаго замѣчу, что я не только могу привести, но и *привелъ* *), въ дѣйствительности, въ моей книгѣ рядъ указовъ (то въ ссылкахъ, то въ подлинникѣ), подтверждающихъ вполнѣ мое положеніе; поэтому утвержденіе проф. Алексѣева совершенно невѣрно. Затѣмъ трудно понять, почему бы это мое положеніе было «болѣе, чѣмъ странно». Вездѣ и во всѣ времена государи бывали окружены совѣтниками, которые такъ или иначе, больше или меньше, но вліяли на ихъ законодательную дѣятельность, почему и именные указы, какъ и всякіе другіе, могли отражать на себѣ это вліяніе. Самъ проф. Алексѣевъ признаетъ *совѣщательное* значеніе верховнаго тайнаго совѣта; почему бы послѣднему не только *in corpore*, но и въ лицѣ отдѣльныхъ членовъ (наприм., Меншикова), не вліять на Екатерину I и не подсказывать ей тѣхъ или иныхъ рѣшеній? Вѣдь, у Екатерины, какъ, наприм., ее характеризуетъ знатокъ дѣла, тотъ же С. М. Соловьевъ, «не было ни должнаго вниманія къ дѣламъ, особенно внутреннимъ, и ихъ подробностямъ, *ни спо-*

*) Сказавши, между прочимъ, что „именные указы подсказываются *частію* (Екатеринѣ I) тѣми же членами совѣта, наприм., Меншиковымъ и другими лицами", я *тотчасъ же*, въ подтвержденіе этого, сдѣлалъ ссылку на 13 указовъ, помѣщенныхъ въ *Полн. собран. закон.* (стр. 60, прим. 55); прочтя внимательно ихъ содержаніе, легко было бы убѣдиться въ справедливости сказаннаго. Затѣмъ и въ другихъ мѣстахъ моей книги я не разъ привожу, по разнымъ поводамъ, примѣры такихъ указовъ, см., наприм., стр. 269, прим. 61. Для большей наглядности я сдѣлаю теперь разборъ нѣкоторыхъ изъ названныхъ въ моей книгѣ указовъ.

Digitized by Google

собности почина и направленія», да и сама она откровенно признавалась что «мы сей совѣтъ учинили верховнымъ и *при боку нашемъ* не для чего иного, только дабы *въ семъ тяжкомъ бремени* правительства во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ важными своими *совѣтами* и безпристрастнымъ объявленіемъ *мнѣній* своихъ *намъ споможеніе и облегченіе учинилъ* (*Исторія Россіи*, т. XVIII, стр. 276 и сл., 285 и сл.)? Почему бы въ такомъ случаѣ не допустить, что именные указы *частію*, какъ я говорю, подсказываются ей членами совѣта, или другими лицами, не принадлежащими къ составу совѣта?... Впрочемъ, не только эти общія соображенія, но и свидѣтельства самихъ первоисточниковъ, при внимательномъ ихъ чтеніи, дозволяли мнѣ придти къ такому предположенію. Какъ извѣстно, бо́льшая часть именныхъ указовъ изучаемой эпохи является въ видѣ указовъ «данныхъ» письменно, или «объявленныхъ» словесно, тому или иному лицу, или учрежденію. Такъ, наприм., указы Екатерины I по военнымъ дѣламъ объявляются Меншиковымъ, президентомъ военной коллегіи, дѣла по благоустройству и благочинію гр. Девіеромъ, генералъ-полицеймейстеромъ, и т. д. Что же это значитъ? Это значитъ, что данное лицо, стоящее во главѣ того или иного учрежденія, или исполняющее то или иное порученіе, доложило императрицѣ дѣло по предмету *своего* порученія или вѣдомства, а затѣмъ императрица повелѣла ему же объявить свой словесный указъ или повелѣніе, или же на имя его дала свой именной, подписанный собственноручно, указъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда докладъ касался какихъ-либо спеціальныхъ вопросовъ даннаго дѣла или вѣдомства, можно безошибочно предположить, что если не всегда, то *частію*, какъ я утверждаю въ своей книгѣ, рѣшеніе по данному вопросу подсказывается докладчикомъ, а затѣмъ и воспроизводится въ данномъ именномъ указѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это до того очевидно, что самъ указъ не содержитъ въ себѣ ничего иного, какъ только *изложеніе* доклада, утвержденнаго затѣмъ Екатериною. Таковъ, наприм., первый изъ цитируемыхъ нами указовъ о жалованьѣ товарищу герольдмейстера гр. Сантію, объявленный гр. Толстымъ. Изъ указа видно, что гр. Сантій просилъ еще Петра Великаго объ опредѣленіи ему жалованія; Петръ повелѣлъ давать ему жалованье, найти домъ для квартиры и взимать съ каждаго герба по 2 р., причемъ при объявленіи этого повелѣнія Сантію былъ гр. Толстой, а также Остерманъ и Степановъ. Больше въ указѣ ничего не говорится и даже не упоминается объ императрицѣ ни однимъ словомъ, хотя указъ и называется именнымъ, объявленнымъ д. т. с. гр. Толстымъ» (*Полное Собраніе законовъ*, т. VII, № 4831). Ясно, что гр. Толстой, бывшій при разсмотрѣніи прошенія Сантія Петромъ, доложилъ государынѣ, что дѣло было уже разрѣшено ранѣе и разрѣшено такъ-то, а императрица дала свое согласіе на утвержденіе доклада, давшаго содержаніе указу, что и засвидѣтельствовала своею подписью *).

*) Интересно, что вопросъ о жалованьѣ гр. Сантію пересматривался затѣмъ въ совѣтѣ и рѣшенъ былъ иначе (*Сб. Ист. Общ.*, т. 55, стр. 66, 278, 287 и сл.).

Digitized by Google

Читая другіе указы по спеціальнымъ вопросамъ, надо также думать, что они, по крайней мѣрѣ, *иногда* произошли тѣмъ же путемъ. Едва ли, наприм., Екатерина, выслушавши докладъ Меншикова о необходимости послать указъ, «чтобы полки экзерцировать съ пушками, а потомъ стрѣльбою чаще и приводить въ доброе состояніе» (ibid., № 4874), или доношеніе извѣстнаго Геннинга о мѣрахъ «къ умноженію мѣди» (ibid., № 5019) и т. п., всегда могла этимъ знатокамъ дѣла отдавать приказы, не согласные съ ихъ докладами. Сами указы, впрочемъ, сохранили намъ непререкаемыя свидѣтельства въ пользу нашего предположенія. Таковъ, наприм., «именной указъ данный» извѣстному Геннингу, гдѣ Екатерина сама говоритъ, что она частію исполнитъ, а частію уже исполнила его требованія относительно «умноженія мѣди» и ея отправки *). Таковъ далѣе, напримѣръ, одинъ найденный нами въ архивѣ министерства юстиціи именной указъ, данный гр. Девіеру, изъ котораго видно ясно, что Екатерина повелѣла сдѣлать то, что предложилъ ей Девіеръ. Именно, указъ (словесный) гласилъ слѣдующее, какъ видно изъ письма Девіера къ Бибикову (оберъ-прокурору сената): «Государь мой Иванъ Ивановичъ, *просилъ* я у Ея Импер. Величества, чтобы изволила пожаловать приказать: Сенатъ, коллегіи и канцеляріи и прочіе статскіе чины уволить на 2 недѣли, на что Ея Имп. Величество милостиво приказать изволила всѣхъ уволить на 2 недѣли, *понеже наступили уже тѣ дни, что называются каникулы*. Того ради, извольте учинить по сему Ея Импер. Величества указу» (*Исторія сената*, стр. 269, пр. 61). Изъ указа ясно видно, что наступило уже время «каникулъ», но о нихъ почему-то никто не напоминалъ императрицѣ; гр. Девіеръ, какъ сенаторъ, докладываетъ ей объ этомъ, прося объ отпускѣ сенаторовъ и другихъ «статскихъ членовъ»; Екатерина соглашается, и ея словесный именной указъ объявляется сенату тѣмъ же Девіеромъ. Названный указъ не представляетъ, конечно, чего-либо важнаго по своему содержанію. Но можно указать и болѣе значительныя повелѣнія, прошедшія тѣмъ же путемъ. Наприм., 30 декабря 1726 г. былъ данъ сенату *именной* указъ, дозволявшій производить русскимъ купцамъ за китайскою границею торговлю всѣми товарами, кромѣ мягкой рухляди. *Самъ* указъ свидѣтельствуетъ, что по обстоятельствамъ этого вопроса было сдѣлано «доношеніе» императрицѣ ея посланникомъ въ Китаѣ, гр. Саввою Владиславичемъ (экстрактъ этого донесенія *приложенъ* къ указу) и вотъ «мы противъ того доношенія (т.-е. согласно этому доношенію) указали» предпринять такія-то мѣры. Достаточно сличить содер-

*) Въ именномъ указѣ, данномъ генералъ-майору Геннингу, управлявшему екатериненбургскими заводами, между прочимъ, говорятся буквально слѣдующее: „Господинъ генералъ-майоръ! доношеніе ваше, отправленное отъ екатериненбургскихъ заводовъ отъ 24 числа января и притомъ *мнѣніе*, что потребно учинить для умноженія мѣди, до насъ дошло и *что принадлежитъ по мнѣнію вашему, то впредь мы повелимъ исполнить*, а нынѣ старайтесь во отправленіи въ Москву мѣди по прежнему вашему указу..., *такожъ по требованію вашему* для отправленія мѣди и сержантъ Головинъ къ вамъ отправленъ" (ib., № 5019).

Digitized by Google

жаніе этихъ мѣръ съ требованіями «реляціи» гр. Владиславича, чтобы видѣть, что именной указъ *только повторяетъ* почти буквально содержаніе послѣдней (VII, № 4992), что, конечно, было вполнѣ понятно, такъ какъ рѣшать дѣла по китайской торговлѣ изъ Петербурга,—въ то время, когда пути сообщенія были иные, чѣмъ теперь, и проч.,—было нельзя, а надо было поступать прямо «противъ того доношенія». А проф. Алексѣевъ, цитируя этотъ указъ, между другими, въ доказательство разнообразія *личной* дѣятельности Екатерины I и пр., говоритъ, что «такими же *именными* указами *императрица регулируетъ* торговыя отношенія» (стр. 64). Два другихъ указа, цитируемыхъ проф. Алексѣевымъ въ доказательство сказаннаго, являются «декларацією» императрицы о позволеніи великобританскимъ купцамъ производить въ Россіи свободную торговлю (VII, № 4910, 5060). Но въ моей книгѣ доказано, что и эта декларація, хотя и имѣетъ видъ *именного* указа въ собственномъ смыслѣ, однако, въ дѣйствительности, разсматривалась въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, въ журналѣ коего отъ 17 іюля 1726 г. читаемъ: «потомъ представлено мнѣніе вице-канцлера барона Остермана о учиненіи декларація и о изданіи въ печать о свободной коммерціи въ Россіи англинскихъ купцовъ; и по имѣвшемся совѣтѣ всѣ запотребно разсудили о томъ мнѣніе свое донести ея импер. величеству и для примѣру отдана (кабинетъ-секретарю Макарову) копія, съ выданной напредъ сего такой же декларація объ англинскихъ купцахъ въ 1719 г.»; а затѣмъ эта «декларація, сочиненная *отъ лица* Ея Имп. Величества», была утверждена императрицею (*Исторія сената*, стр. 60). Какъ же можно названные (какъ и другіе, имъ подобные) указы ставить на счетъ *личной* дѣятельности Екатерины I, и не правъ ли я былъ поэтому, когда утверждалъ въ моей книгѣ, что *именные* указы въ собственномъ смыслѣ то подсказываются ей тѣми же членами совѣта, наприм., Меншиковымъ и другими лицами, то проходятъ, какъ и другіе указы, *черезъ* обсужденіе совѣта, хотя въ нихъ объ этомъ и не упоминается?

Замѣчу еще кстати слѣдующее. Возражая противъ указанныхъ выше моихъ выводовъ, г. Алексѣевъ въ заключеніе утверждаетъ, что «черезъ все изложеніе», мое «посвященное вопросу объ отношеніи императрицы къ совѣту, очень ясно проглядываетъ воззрѣніе, по которому Екатерина была *слабою* правительницею, *безропотно* переносившею самовластительство россійскихъ олигарховъ» (стр. 65, прим.). Ничего бы не имѣлъ я противъ такого заключенія, еслибъ оно, дѣйствительно, соотвѣтствовало моему воззрѣнію на отношеніе Екатерины къ совѣту. Но дѣло въ томъ, что моя точка зрѣнія на вопросъ нѣсколько иная. Именно, изучивъ подробно относящіяся сюда данныя, я пришелъ къ выводу, что Екатерина сама вообще охотно *мирилась* съ этимъ властвованіемъ совѣта, пытаясь лишь придать ему болѣе порядка и опредѣленности (стр. 68 моей книги). Однако, отмѣчая такое отношеніе Екатерины къ совѣту, я нигдѣ не утверждаю, что она *безропотно* переносила самовластительство совѣта, но, наоборотъ,—вездѣ, гдѣ только позволяютъ первоисточники,—старательно отмѣчаю тѣ

Digitized by Google

случаи, когда Екатерина *не соглашалась* съ планами или постановленіями совѣта, когда она пыталась измѣнить тѣ или иные порядки его дѣлопроизводства и т. п. *). Если я при этомъ долженъ былъ также отмѣтить, что Екатерина, видя недостатки того же, наприм., совѣтскаго дѣлопроизводства, не имѣла достаточно твердости настоять на ихъ искорененіи, то на это я имѣлъ серьезныя данныя **), которыхъ мой критикъ вовсе и не коснулся. Если, далѣе, проф. Алексѣевъ вывелъ изъ моего очерка отношеній Екатерины къ совѣту, что Екатерина была «слабою правительницею», то я не вижу основаній отказаться отъ такой характеристики, тѣмъ болѣе, что самъ авторъ рецензіи уклоняется высказать свое мнѣніе по вопросу, а цѣлый рядъ фактовъ, приведенныхъ въ моей книгѣ, вполнѣ подтверждаетъ подобную характеристику. Такая характеристика, основанная на изученіи первоисточниковъ, не представляетъ притомъ ничего неожиданнаго. Тотъ же Соловьевъ говоритъ, наприм., слѣдующее: *«вельможи хотѣли управлять при женщинѣ и теперь, дѣйствительно, управляли...* Оставляя въ сторонѣ желаніе сторонниковъ Екатерины превознести ея достоинства, мы должны замѣтить, что знаменитая ливонская плѣнница принадлежала къ числу тѣхъ людей, которые кажутся способными къ правленію, пока не принимаютъ правленія» и т. п. (т. XVIII, стр. 277 и сл.; сравн. также свидѣтельства иностранцевъ, приведенныя и у г. Алексѣева, о самовластіи Меншикова). Несомнѣнно, у автора рецензіи нѣтъ на-лицо научныхъ данныхъ, чтобы объективно опровергнуть взгляды, подобные вышеизложеннымъ; онъ самъ сознается въ этомъ, говоря, что «мы не беремся высказывать здѣсь своего взгляда на личныя качества императрицы» (ibid.). Но я-то считалъ себя обязаннымъ высказать свой взглядъ на эти качества, разъ мнѣ приходилось касаться отношеній Екатерины къ совѣту...

V.

Касаясь дѣятельности совѣта, я прихожу, на основаніи очень многихъ данныхъ, къ тому выводу, что совѣтъ, какъ учрежденіе не юридическаго характера, въ своемъ стремленіи къ самовластію, склоненъ былъ придавать мало значенія *формальнымъ* ограниченіямъ своихъ дѣйствій. Провѣряя мое изображеніе дѣлопроизводства совѣта по изданнымъ документамъ, г. Алексѣевъ находитъ, что «обвиненіе верховнаго тайнаго совѣта въ нарушеніи тѣхъ или другихъ правилъ въ большинствѣ случаевъ объясняется недостаточнымъ знакомствомъ» моимъ «съ формами дѣятельности верховнаго тайнаго совѣта, какъ онѣ засвидѣтельствованы его протоколами и журналами, и при этомъ утверждаетъ, что «наиболѣе существенныя неточности» мои по этому вопросу «можно свести къ одному главному недосмотру», именно

*) *Исторія сената*, стр. 31 и сл., 35 и сл., 56 и сл.; 59, прим. 52; стр. 71, прим. 78; 114 и сл., 181 сл.

**) Ibidem, стр. 36, 57 и сл.

Digitized by Google

я будто бы не умѣю «отличить протокола отъ указа, а между тѣмъ на этомъ различеніи построено *все* дѣлопроизводство верховнаго тайнаго совѣта, такъ какъ въ этихъ формахъ, строго различавшихся, проявлялась, какъ покажетъ послѣдующее изложеніе, *вся* дѣятельность верховнаго тайнаго совѣта» (стр. 75; срав. ibid., прим. 2). Готовъ согласиться, что «на различеніи» протоколовъ отъ указовъ построено если не все, то значительная часть дѣлопроизводства совѣта, какъ и готовъ признать, что неумѣнье различать эти двѣ «формы» дѣятельности совѣта могло бы повести къ невѣрному пониманію тѣхъ или иныхъ дѣйствій совѣта. Можно ли, однако, съ достаточнымъ основаніемъ утверждать,—какъ это дѣлаетъ г. Алексѣевъ,—что для меня «очевидно, протоколъ и указъ одно и то же» и что будто бы тамъ, гдѣ передо мною «протоколъ», *я* считаю «возможнымъ говорить объ указѣ и наоборотъ» (ibid., прим. 2)? Въ доказательство моего *неумѣнья* отличать протоколъ отъ указа, г. Алексѣевъ беретъ изъ моей книги рядъ ссылокъ на первоисточники; но эти ссылки, въ связи съ тѣми объясненіями, какія имъ у меня предшествуютъ и на которыя почтенный ученый обращаетъ мало вниманія, *нисколько* не подтверждаютъ его утвержденія, почему нельзя не удивляться той рѣшительности, съ которою оно имъ выставляется и затѣмъ защищается. Но, прежде чѣмъ мы коснемся упомянутыхъ выше ссылокъ моей книги по существу, необходимо отмѣтить слѣдующее: 4-й пунктъ указа 8 февраля 1726 г., коимъ учреждался в. т. совѣтъ, предписывалъ «въ в. т. совѣтѣ, хотя при присутствіи Ея Имп. Величества, хотя и въ отсутствіи, *крѣпить*, что о чемъ опредѣлено будетъ, *протоколы, резолюціи всѣмъ назначеннымъ особамъ в. т. совѣта*. А *съ того* надлежащіе куда *указы* посылать *за закрѣпою* въ в. тайномъ же совѣтѣ обрѣтающагося члена иностранной коллегіи, д. с. с Василія Степанова» (П. С. З., VII, № 4830). Затѣмъ относительно подписи указовъ однимъ Степановымъ было дано подтвержденіе въ указѣ 28 марта того же года (ib., № 4862), а пунктомъ 6-мъ «мнѣнія не въ указъ» было опредѣлено, что «въ тайномъ совѣтѣ надобно два протокола держать, одинъ образомъ *журнала*, который подписывать *не* подлежитъ, другой же о учиненныхъ въ т. совѣтѣ резолюціяхъ и опредѣленіяхъ, который *тайному совѣту закрѣплять*» (*Сб. И. Об.*, т. LV, стр. 94). Итакъ, какъ видно изъ этихъ *основныхъ* постановленій, дѣйствовавшихъ до указа 4 августа 1726 г. (о немъ скажемъ особо), журналы совѣта (т.-е. то, что теперь называется протоколомъ) *никѣмъ* не подписываются, протоколы же подписываются *всѣми* его членами, а «съ того надлежащіе куда *указы*» посылаются «за закрѣпою» *одного* только Степанова. Таковы были внѣшнія, формальныя *различія* между протоколомъ и указомъ,—различія, кои и я долженъ былъ необходимо принимать во вниманіе, толкуя соотвѣтствующіе акты совѣтскаго дѣлопроизводства. Г. Алексѣевъ, разбирая мои ссылки на эти акты, увѣряетъ, какъ уже сказано выше, что всѣ онѣ обнаруживаютъ «смѣшеніе» мною «протокола съ указомъ». Такъ, когда я привожу примѣры въ подтвержденіе того обстоятельства, что *прото-*

Digitized by Google

колы иногда посылались для подписи членамъ в. т. совѣта на домъ, или доказываю, что *протоколы* подписывались иногда на одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій, или же, наконецъ, замѣчаю, что члены совѣта отказывались подписывать *протоколы*, состоявшіеся на засѣданіи, на которомъ они не присутствовали, г. Алексѣевъ не отрицая, въ дальнѣйшемъ изложеніи, всѣхъ указанныхъ случаевъ съ протоколами *), категорически утверждаетъ, однако, что въ приводимыхъ у меня ссылкахъ дѣло идетъ вездѣ *не о протоколѣ*, а объ *указѣ*. Съ перваго взгляда эти примѣры, взятые изъ моей же книги, говорятъ какъ будто бы противъ меня, такъ какъ въ нихъ дѣйствительно говорится вездѣ *объ указахъ*, подписанныхъ или посланныхъ на домъ для подписи тѣмъ или инымъ членамъ совѣта **), тѣмъ не менѣе, совершенно очевидно, что въ этихъ примѣрахъ идетъ дѣло *не объ указахъ*, а именно — «о протоколахъ указовъ» или «о протоколахъ, содержавшихъ указы», какъ я ихъ называлъ въ своей книгѣ (стр. 42 и сл.), такъ какъ *только* протоколы должны были подписываться членами совѣта, указы же посылались «за закрѣпою» *одного* Степанова. Если допустить, что проф. Алексѣевъ правъ и что здѣсь вездѣ идетъ рѣчь *объ указахъ, а не о протоколахъ* (какъ думаю я), то является совершенно естественнымъ вопросъ, зачѣмъ же эти указы идутъ къ подписи членовъ совѣта, когда законъ ***) этого вовсе не требовалъ (указъ 8 февраля гласилъ, что надо «*крѣпить*... протоколы, резолюціи *всѣмъ* назначеннымъ особамъ в. т. совѣта»)? Самъ авторъ рецензіи, въ другомъ ея мѣстѣ, говоритъ, что «указы, изготовляемые по протоколамъ, подписаннымъ членами в. т. совѣта и апробованнымъ

*) См., наприм., стр. 86 и сл.

**) Такъ въ подтвержденіе того, что *протоколы* посылались иногда для подписи членамъ совѣта на домъ, я ссылаюсь на стр. 25, LV, *Сб. И. Об.*, гдѣ сказано, что „вышеписанный *указъ* въ сенатъ противъ того слово въ слово написанъ, который всѣ опредѣленныя въ в. т. совѣтѣ особы подписали и которыя не присутствовали тѣ на дворахъ подписали"; въ доказательство того, что *протоколы* подписываются иногда на одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій, я ссылаюсь, между прочимъ, на стр. 267, т. LVI того же *Сборника*, гдѣ говорится, что „свѣтлѣйшему князю объявленъ написанный *указъ*, о которомъ разсуждено въ прошедшее собраніе... который *указъ* его свѣтлость, выслушавъ, закрѣпили, а къ прочимъ для закрѣпы посланъ секретарь Топильскій"; наконецъ, въ подтвержденіе того, что члены совѣта иногда отказывались отъ подписи *протокола* и проч., приводится такая ссылка: „секретарь Топильскій объявилъ, что онъ *для закрѣпы того же указа* былъ у его королевскаго высочества, да у д. т. с. гр. Толстого, которые того *указа* закрѣпить не изволили, а объявили его королевское высочество, что когда о томъ указѣ разсуждено было, тогда же въ в. т. совѣтѣ въ присутствіи (его) не было"...

***) Правда, былъ еще указъ 4 августа 1726 г., который запрещалъ вѣрить „объявленіямъ, словеснымъ или письменнымъ, *безъ подписанія* нашея собственныя руки или *всего* нашего в. т. совѣта"; но, по толкованію самого же г. Алексѣева, „этотъ указъ ничего не говоритъ о формѣ указовъ, объявляемыхъ изъ в. т. совѣта. Эта форма, очевидно, оставалась *прежняя* (иначе—та, которая была установлена приведенными выше постановленіями,—добавимъ мы въ поясненіе), т.-е. *указы*, изготовляемые по протоколамъ, подписаннымъ членами в. т. совѣта и апробованными императрицей, контрасигновались д. с. с. Степановымъ" (стр. 73).

Digitized by Google

императрицею, контрасигнировались д. с. с. Степановымъ» (стр. 73). Какимъ же образомъ здѣсь, не вступая въ противорѣчіе съ самимъ собою, онъ можетъ утверждать, что въ цитируемыхъ имъ изъ моей книгѣ ссылкахъ дѣло идетъ *объ указахъ*, которые вовсе и не должны были подписываться членами совѣта? Еслибы мы допустили *вообще* (исключенія могли быть, конечно) правильность утвержденія проф. Алексѣева, что здѣсь вездѣ дѣло идетъ объ указахъ, отдававшихся для подписи членамъ *совѣта*, то не послужило ли бы это утвержденіе лишнимъ доказательствомъ нашей мысли, что совѣтъ мало стѣснялся въ своихъ дѣйствіяхъ формальными правилами, установленными закономъ? Но допустить правильности такого сужденія нельзя, такъ какъ во всѣхъ почти приведеннымъ цитатахъ дѣло идетъ *о протоколахъ*, отдаваемыхъ для подписи членамъ совѣта. Вотъ почему я, обсуждая въ своей книгѣ вопросъ о примѣненіи въ дѣлопроизводствѣ совѣта правила *о крѣпленіи* протоколовъ (а не указовъ), говорю «о протоколахъ, содержащихъ указы» или «о протоколахъ указовъ», т.-е., иначе говоря, не только не смѣшиваю (какъ ясно уже изъ приведенныхъ возраженій) указовъ съ протоколами, но прямо различаю протоколы, содержавшіе въ себѣ указы, уже готовые къ отправленію въ тѣ или иныя учрежденія, и протоколы, содержавшіе въ себѣ постановленія совѣта, не выливавшіяся затѣмъ въ форму указовъ. На такое различіе наводитъ необходимо практика совѣтскаго дѣлопроизводства, по правиламъ которой, какъ утверждаетъ и самъ проф. Алексѣевъ, «указъ составляется съ протокола или, какъ выражается оффиціальный языкъ того времени, «противу протоколу», а самъ указъ не есть протоколъ, а лишь *одно* изъ возможныхъ его послѣдствій» (стр. 91). То обстоятельство, что указъ составлялся «противу протоколу», подписанному членами совѣта,— или, иначе говоря, *текстъ* указа содержался въ протоколѣ въ окончательной его редакціи,—и давало, повидимому, журналамъ совѣта право говорить *объ указѣ* тамъ, гдѣ былъ лишь *протоколъ*, содержащій въ себѣ текстъ подлежавшаго разсылкѣ указа, что и имѣло именно мѣсто во всѣхъ разбираемыхъ г. Алексѣевымъ ссылкахъ моей книги. Но если журналы и говорятъ объ указахъ, мы ихъ не можемъ называть указами (какъ дѣлаетъ г. Алексѣевъ), и не можемъ по той простой причинѣ, что дѣло идетъ здѣсь не объ указахъ, а лишь о протоколахъ, содержащихъ тексты указовъ (или, какъ говорятъ еще позднѣйшіе источники, «о протоколахъ на указы»). Что это такъ, не трудно доказать актами самого совѣта.

Г. Алексѣевъ, наприм., утверждаетъ, что я, въ доказательство того, что *протоколы* подписывались иногда въ одно изъ слѣдующихъ засѣданій, ссылаюсь на стр. 267, LVI тома *Сб. И. Об.*, гдѣ, однако, говорится *не о протоколѣ*, а *объ указѣ* (ib); какъ замѣчено выше, я, однако, приводя указанную, какъ и рядъ другихъ ссылокъ, говорю «о протоколахъ указовъ» (стр. 42 моей книги). Акты совѣтскаго дѣлопроизводства вполнѣ подтверждаютъ мои слова. Изъ сопоставленія журнала совѣта, содержащаго разбираемую г. Алексѣевымъ ссылку, съ протоколомъ совѣта, въ которомъ

Digitized by Google

заключается текстъ указа, упоминаемаго въ этой ссылкѣ *), вполнѣ ясно, что журналъ, говоря объ указѣ, подписанномъ Меншиковымъ, а затѣмъ отправленномъ «для закрѣпы» другимъ членамъ совѣта на домъ, имѣлъ въ виду не что иное, какъ *протоколъ* текста указа, отправленнаго для подписи, а вовсе *не самый указъ*, какъ думаетъ проф. Алексѣевъ.

Какъ отмѣчено выше, по мнѣнію г. Алексѣева, я не только говорю о протоколахъ тамъ, гдѣ совѣтскіе акты говорятъ объ указахъ, но и нахожу *указы* тамъ, гдѣ ихъ будто бы вовсе нѣтъ: «что г. Филипповъ отожествляетъ протоколы съ указами»,—говоритъ проф. Алексѣевъ,—и какъ будто даже и не подозрѣваетъ, что между ними можетъ существовать какое-нибудь различіе, всего ярче выступаетъ въ томъ мѣстѣ его изслѣдованія (стр. 43, 44), гдѣ онъ констатируетъ грубое, будто бы, нарушеніе верховнымъ тайнымъ совѣтомъ установленныхъ законами правилъ, состоявшее, по его словамъ, въ томъ, что указы, которые должны были подписываться всѣми членами верховнаго тайнаго совѣта, подписываются лишь присутствующими, и въ подтвержденіе этого своего утвержденія приводитъ цѣлый

*) На стр. 267 LVI тома находимъ слѣдующій журналъ совѣта, который и приводимъ буквально: „Журналъ верховнаго тайнаго совѣта. 14 октября 1726 г. 1726 г. октября въ 14-й день въ верховномъ тайномъ совѣтѣ рейхсъ-маршалу и генералу-фельдмаршалу свѣтлѣйшему князю объявленъ написанный указъ, о которомъ разсуждено въ прошедшее собраніе, то-есть въ понедѣльникъ, о взятьѣ изъ военной, да изъ каморъ-коллегіи вѣдомостей, о сборѣ и о расходѣ подушныхъ денегъ, и что оныхъ въ домкѣ, который указъ его свѣтлость выслушавъ закрѣпилъ, а къ прочимъ для закрѣпы посланъ въ домы секретарь Иванъ Топильской". Черезъ нѣсколько страницъ, именно на стр. 282 и сл., мы находимъ прямое доказательство, что именно *протоколъ*, содержащій въ себѣ текстъ *указа*, упомянутаго въ предыдущемъ журналѣ, а не самый *указъ*, былъ подписанъ членами совѣта, во главѣ съ Меншиковымъ (которому, какъ видно изъ того же журнала, онъ *первому* былъ предложенъ къ подписи); слѣдовательно, мы имѣли право видѣть въ этомъ журналѣ указаніе *на протоколъ* указа, посылаемаго для подписи, а *не указъ*, какъ думаетъ проф. Алексѣевъ. Вотъ самый *протоколъ*, содержащій упомянутый выше текстъ указа и приводимый нами буквально: „Протоколъ верховнаго тайнаго совѣта. 19 октября 1726 г. 1726 г. октября въ „ " день Ея Императорское Величество указала верховный тайный совѣтъ взять изъ военной и изъ каморъ-колегей вѣдомости: 1) сколько на прошлые 1724-й и 1725-й годы і нынѣшняго 1726-го году на прошедшие двѣ трети в сборѣ подушныхъ денегъ, которые собираются по семи гривен на полки, поровнь по годамъ; такожъ что і сверхъ того положенныхъ на государственныхъ крестьянъ четырехъ гривенныхъ; 2) на сколько по цѣнѣ взачотъ подушныхъ денегъ втѣхъ городѣхъ провианта и фуража скрестьянъ взято натурою; 3) что тѣхъ денегъ на которой годъ осталось вдомкѣ по провинціямъ поровнь, и о тѣхъ домочныхъ денгах ввоенную колегію свѣчныхъ квартир сенцѣры, а вкаморъ-колегію земские комисары что репортуютъ; 4) сначала сбору подушныхъ денегъ, а имянно съ 1724-го году сколко наличного провианта на магазиновъ заготовленія каморъ-колегіи принято, и что сверхъ подушныхъ денегъ на другихъ сборовъ изштатсъ-канторы вправианскую канцелярию дано; 5) изъ военной колегіи взять вѣдомость же, что ис тѣхъ семигривенныхъ денегъ куды росход употреблено, і что за расходы востатке на лицо. Подлинный подписали: Александръ Меншиковъ. Канцлеръ графъ Головкинъ. Князь Дмитрей Галицынъ. Андрей Остерманъ. Василей Степановъ. Подписан въ 19 день 1726 г.".

Digitized by Google

рядъ страницъ изъ *Сборника Дубровина* (т. LVI, 82, 92, 126, 131 и др.; т. LXIII, стр. 33, 56, 99 и мн. др.). Раскрывая же эти страницы, мы не находимъ на нихъ *ни одного указа*» (стр. 75, прим. 2). Раскрывая въ свою очередь эти страницы *), а равно и объясненіе къ нимъ, данное мною въ указанномъ г. Алексѣевымъ мѣстѣ моей книги, легко видѣть, что я говорю вездѣ «о протоколахъ, содержащихъ указы». Всѣ ссылки на *Сборникъ* совершенно однообразны и вполнѣ подтверждаютъ мое объясненіе къ нимъ, гласящее буквально слѣдующее: «сообразно съ яснымъ стремленіемъ совѣта» *крѣпить протоколы, содержащіе указы, не всѣмъ* членамъ,—какъ того требовалъ п. 4-й указа 8 февраля (приведенный уже нами выше), а также и указъ 4 августа 1726 г. (послѣдній запрещалъ вѣрить указамъ безъ подписанія нашея собственныя руки и *всего* верховнаго тайнаго совѣта), а лишь *присутствующимъ* въ верховномъ тайномъ совѣтѣ особамъ, мы и встрѣчаемъ указы совѣта, подписанные почти постоянно только нѣсколькими членами, а не полнымъ составомъ верховнаго тайнаго совѣта» (стр. 43 и сл.). Здѣсь видно ясно, что я говорю «о протоколахъ, содержащихъ указы», или, какъ выражались позднѣе, о «протоколахъ на указы»**), которые должны были подписываться всѣми членами совѣта. Впрочемъ, если держаться буквальнаго смысла указа 4 августа 1726 г., какъ это

*) Такъ, напримѣръ, на стр. 82 т. LVI читаемъ слѣдующее: „Протоколъ верховнаго тайнаго совѣта, 16 сентября 1726 г. 1726 года сентября въ 16 день Ея Императорское Величество по челобитью штатсъ-конторы прокурора Алексѣя Жолобова указала для нуждъ ево отпустить въ деревни ево на годъ и о томъ въ сенатъ послать указъ. Подлинный подписали: Александръ Меншиковъ. Канцлеръ графъ Головкинъ. Графъ Петръ Толстой, Андрей Остерманъ, Василій Степановъ; Подписанъ того жъ числа". На стр. 92 того же тома читаемъ: протоколъ верховнаго тайнаго совѣта 21 сентября 1726 г. 1726 года сентября въ 21 день Ея Императорское Величество указала по прошенію прибывшаго всанктпетербурхъ Христофора митрополита сантаврійскаго, для ево скудости, на пропитаніе, покамѣсть о удовольствіи ево и протчихъ прибывшихъ грузинскихъ духовныхъ персонъ генеральное опредѣленіе учинено будетъ, выдать ему нынѣ взачотъ впредь опредѣленнаго жалованья сто рублевъ искаморъ-конторы синодской и о томъ всятѣйшій синодъ послать указъ. Подлинный подписали: Карлъ Фридерихъ, Александръ Меншиковъ, Канцлеръ графъ Головкинъ, Графъ Петръ Толстой, Князь Дмитрій Голицынъ, Андрей Остерманъ, Василій Степановъ. Подписанъ въ 26 день сентября 1726 г.". Въ примѣчаніи къ только-что приведенному протоколу сказано, что „указъ состоялся 28 сентября и составляетъ дословное повтореніе протокола", т.-е., иначе говоря, здѣсь мы имѣемъ (какъ, впрочемъ, и во всѣхъ прочихъ ссылкахъ, приводимыхъ противъ насъ г. Алексѣевымъ) протоколъ, содержащій указъ, или „протоколъ на указъ"; этотъ указъ затѣмъ дословно бралъ изъ протокола, такъ какъ указы изготовлялись, какъ справедливо замѣчено и самимъ г. Алексѣевымъ, *по протоколамъ*, подписаннымъ членами совѣта.

**) Въ такъ-называемыхъ „дѣлахъ бывшаго кабинета" Анны Іоанновны, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, есть тетради, носящія такое наименованіе: „*копіи съ протоколовъ на указы* изъ кабинета ко внутреннимъ кабинетнымъ дѣламъ въ синодъ, сенатъ, коллегіи и канцеляріи" („дѣла быв. кабинета", 1737 г., № 69; тоже 1738, № 5). Вверху каждаго листа, содержащаго такой указъ, стоитъ слово *протоколъ*; въ связкахъ, содержащихъ *отпуски* этихъ указовъ, такого слова *нѣтъ*; и въ этомъ все различіе однихъ отъ другихъ.

Digitized by Google

дѣлаемъ мы въ нашей книгѣ, то-надо сказать, что съ этого времени какъ «протоколы на указы», такъ и самые указы должны были подписываться всѣмъ совѣтомъ чего, однако, не было въ дѣйствительности. Во всякомъ случаѣ, если проф. Алексѣевъ, раскрывъ указанныя выше страницы «протоколовъ, журналовъ и указовъ» совѣта, не нашелъ тамъ *ни одного* указа, а только протоколы и на этомъ обстоятельствѣ хотѣлъ доказать смѣшеніе мною указа и протокола, то едва ли онъ этого достигъ, такъ какъ на этихъ страницахъ заключаются «протоколы, содержащіе указы», или «протоколы указовъ», какъ я ихъ называю въ своей книгѣ (стр. 42, 43), и называю сознательно, имѣя въ виду отличить ихъ отъ протоколовъ, содержавшихъ не одни только тексты указовъ, но и другія постановленія и опредѣленія совѣта (см. примѣры этого рода протоколовъ *Сб. Ист. Общ.*, т. LV, стр. 145 сл., 372 сл.; т. LVI, стр. 25 сл., 46 сл., и мн. др.). Что же касается главнаго вопроса: нарушалъ ли совѣтъ требованіе закона о подписаніи протоколовъ «*всѣми* назначенными особами верховнаго тайнаго совѣта», а не только *присутствующими*, — то даже изъ рецензіи самого г. Алексѣева видно, что нарушалъ (стр. 88 и сл.), какъ это доказывалось и мною.

VI.

Чтобы покончить съ вопросомъ «о недостаточномъ ознакомленіи» моемъ съ формами совѣтскаго дѣлопроизводства, коснусь еще моего толкованія указа 4 августа 1726 г., подавшаго поводъ г. Алексѣеву «пожалѣть» какъ «о той поспѣшности», съ которою я дѣлаю свои выводы, такъ «и о той опрометчивости», съ которою я будто бы группирую «отрывочныя выписки изъ документовъ и, не беря на себя труда серьезно вдуматься въ нихъ», пользуюсь, однако, ими, «чтобъ обвинить цѣлое учрежденіе въ безнравственныхъ поступкахъ и очернить его въ глазахъ потомства» (стр. 77, прим. 3). Рѣшительность такого приговора надъ моимъ толкованіемъ указа 4 августа заставляетъ думать, что по крайней мѣрѣ самъ проф. Алексѣевъ, опровергая его, «серьезно вдумался» въ разбираемые мною документы и вполнѣ удовлетворительно объяснилъ ихъ. Къ сожалѣнію, этого нѣтъ въ дѣйствительности, такъ какъ частію толкованіе г. Алексѣева противорѣчитъ мною указаннымъ фактамъ, частію же вовсе оставляетъ безъ разрѣшенія относящіеся сюда вопросы. Чтобы сдѣлать вполнѣ яснымъ для читателя, въ чемъ заключается здѣсь дѣло, коснемся прежде всего толкованія указа 4 августа, даваемаго какъ мною, такъ и г. Алексѣевымъ. Какъ уже извѣстно, указы 8 февраля и 28 марта 1726 г.,— противъ чего не споритъ и г. Алексѣевъ,—требовали, чтобъ изъ верховнаго тайнаго совѣта указы посылались «за закрѣпою» *одного* только В. Степанова. Но, затѣмъ, когда обнаружилось, что «какъ въ сенатѣ, такъ въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ объявляютъ нѣкоторые, какъ письменно, такъ и словесно, нашими именными указами *о важныхъ дѣлахъ* (примѣры

Digitized by Google

такихъ «объявленій», на основаніи архивныхъ данныхъ, указаны мною на стр. 183 моего изслѣдованія), императрица повелѣла «такимъ объявленіямъ словеснымъ или письменнымъ, безъ подписанія нашея собственной руки, или *всего нашего верховнаго тайнаго совѣта*, не вѣрить» (*П. С. З.*, VII, № 4945). Разбирая всѣ эти постановленія, я говорю, что до указа 4 августа всѣ указы изъ совѣта отправлялись за подписью лишь *одного* Степанова, теперь же въ важныхъ случаяхъ они должны были отправляться за подписью «*всего* верховнаго тайнаго совѣта» (стр. 185 моего изслѣдованія). Проф. Алексѣевъ, приведя указъ 4 августа, замѣчаетъ, что «этотъ указъ *ничего* не говоритъ о формѣ указовъ, объявляемыхъ изъ верховнаго тайнаго совѣта. Эта форма, очевидно, оставалась *прежняя*, т.-е. эти указы, изготовляемые по протоколамъ, подписаннымъ членами верховнаго тайнаго совѣта и апробованнымъ императрицею, контрасигновались д. т. с. Степановымъ» (стр. 73). Я бы ничего не имѣлъ противъ такого толкованія указа 4 августа и охотно бы согласился съ нимъ, еслибъ противъ его правильности не говорили, между прочимъ, слѣдующіе факты, приведенные и въ моей книгѣ, но почему-то оставленные безъ разсмотрѣнія г. Алексѣевымъ, хотя именно въ нихъ-то и заключается основаніе моего вывода. Именно, не кто иной, какъ сенатъ полагалъ, что указъ 4 августа *измѣняетъ* форму указовъ, отправляемыхъ изъ совѣта, и измѣняетъ ее въ томъ смыслѣ, что если до этого указа было достаточно, чтобъ совѣтскіе указы отправлялись за подписью *одного* Степанова, то теперь была нужна для ихъ законности подпись *всего* совѣта *). Если такимъ образомъ современники указа 4 августа понимали его такъ, какъ онъ толкуется мною, то г. Алексѣеву, опровергая это толкованіе, слѣдовало бы привести въ его пользу какія-либо данныя, показывающія, что сенатъ, какъ и я, толкуетъ указъ этотъ невѣрно. Но, что толкованіе указа 4 августа, какъ акта, устанавливающаго *новую* форму указовъ, отправляемыхъ изъ совѣта, однако, правильно, видно еще изъ того, что совѣтъ долженъ былъ однажды, хотя временно, признать необходимость подписывать указы особамъ «*всего* вер-

*) Именно, когда совѣтъ обратился къ сенату съ запросомъ, почему онъ „умедлилъ“ рѣшеніемъ дѣла по указу совѣта объ отдачѣ земли Остерману, то, какъ видно изъ журнала совѣта отъ 16 сентября 1726 г., сенаторы совѣту „отвѣтствовали, что *сомнѣніе* они прежде имѣли, что тотъ указъ присланъ *не за всѣхъ руками верховнаго тайнаго совѣта*, и не будетъ ли отъ того противности состоявшемуся указу августа 4 дня сего году? На что имъ въ разсужденіе предложено, что о томъ *протоколъ* записанъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ и закрѣпленъ руками *всѣхъ присутствующихъ особъ*, а указъ присланъ за рукою одного дѣйствительнаго статскаго совѣтника Василья Степанова, и то по силѣ указу Ея Императорскаго Величества, каковъ за собственноручнымъ Ея Величества подписаніемъ въ сенатъ присланъ *прежде* о томъ, что какимъ образомъ изъ верховнаго тайнаго совѣта указы отправляемы быть имѣютъ, и господа сенаторы объявили, что они о томъ уже сомнѣнія не имѣютъ и по присланному указу исполненіе учинятъ, о чемъ верховному тайному совѣту донесено того-жъ числа“ (*Сб. Ист. Общ.*, LVI, стр. 81 и сл.). Срави. мое изслѣдованіе, стр. 44 184 и сл.

Digitized by Google

ховнаго тайнаго совѣта» *), а затѣмъ, едва умираетъ Екатерина, отмѣняетъ примѣненіе этого указа. Именно, 12 мая 1727 г., едва проходитъ недѣля послѣ кончины Екатерины, какъ въ совѣтѣ ставится вновь вопросъ о томъ, должны ли отправляемые изъ совѣта указы подписывать *всѣ* присутствующіе, или «по прежнему учрежденію» лишь *одинъ* Степановъ, и рѣшаютъ послѣднее (стр. 190 моего изслѣдованія). Спрашивается, зачѣмъ же въ совѣтѣ неоднократно ставился вопросъ о томъ, отправлять ли указы за подписью *одного* Степанова (какъ было прежде) или за подписью *всего* верховнаго тайнаго совѣта (какъ требовалъ указъ 4 августа), если,—какъ утверждаетъ г. Алексѣевъ,—указъ 4 августа «ничего не говоритъ о формѣ указовъ, объявляемыхъ изъ верховнаго тайнаго совѣта» и «эта форма, очевидно, оставалась *прежняя*»? И зачѣмъ же самъ совѣтъ, когда къ тому представилась возможность, поспѣшилъ отмѣнить эту форму указовъ, установленную 4 августа, когда,—если опять-таки вѣрить проф. Алексѣеву,—она «оставалась *прежняя*» **). Мы, повторяемъ, охотно бы приняли толкованіе указа 4 августа, предложенное г. Алексѣевымъ, еслибъ оно представлялось намъ согласимымъ какъ съ вышеприведенными, такъ и съ другими, имъ аналогичными, фактами; но такъ какъ этого нѣтъ, то и наше объясненіе указа 4 августа можетъ пока остаться, какъ намъ кажется, въ полной силѣ, съ чѣмъ и согласится каждый нелицепріятный читатель.

Перехожу теперь къ утвержденію г. Алексѣева, что я не только обвиняю верховный тайный совѣтъ «въ беззаконныхъ дѣйствіяхъ», но «хочу изобличить совѣтъ и въ безнравственныхъ поступкахъ». «Примѣромъ та-

*) Такъ, когда позднѣе совѣтъ послалъ сенату указъ о назначеніи М. Воейкова оберъ-прокуроромъ сената за подписью *одного* Степанова, „а *не всего* верховнаго тайнаго совѣта, какъ *указъ* повелѣваетъ", сенаторы „предложили" объ этомъ совѣту „и потому предложенію оный указъ велѣно принять и, переписавъ, *верхов. тайнаго совѣта у всего собранія подписать* и потомъ въ сенатъ отослать" (*Сб. Ист. Общ.*, LXIII, стр. 231). Такое рѣшеніе совѣта записано въ журналѣ его отъ 9 марта 1827 г.; но уже въ журналѣ 13 марта того же года читаемъ вновь слѣдующее: „*о переписанномъ* (согласно съ предшествующимъ рѣшеніемъ, конечно) въ сенатѣ указѣ объ оберъ-прокурорѣ М. Воейковѣ для подписанія верховнаго тайнаго совѣта особамъ докладовано, на которое разсуждено, что *всѣмъ особамъ онаго указа подписывать не надлежитъ*, а отослать прежній подписанный рукою д. ст. с. В. Степанова, который того же числа съ экзекуторомъ Елагинымъ и посланъ въ сенатъ" (ib., стр. 241 и сл.).

**) Въ журналѣ совѣта отъ 12 мая 1727 г. (императрица, какъ извѣстно, скончалась 6 мая) читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: „при закрѣпѣ вышеописанныхъ протоколовъ докладывано объ отправляемыхъ изъ верховнаго тайнаго совѣта *указахъ, всѣ ли* присутствующія изволятъ оные подписывать, или *по прежнему учрежденію* дѣйствительному статскому совѣтнику Степанову. Повелѣли по состоявшимся въ верховномъ тайномъ совѣтѣ протоколамъ надлежащіе указы отправлять *по прежнему* за рукою его, дѣйствительнаго статскаго совѣтника" (*Сб. Ист. Общ.*, LXIII, стр. 481). Здѣсь ясно, что различались двѣ формы указовъ: *одна*, которую должны были подписывать *всѣ* присутствующія особы (вѣрнѣе—весь совѣтъ), и *другая*, созданная „по прежнему учрежденію" и требовавшая подписи только *одного* Степанова. „Прежнее учрежденіе", очевидно, указы 8 февраля и 28 марта 1726 г., новое—указъ 4 августа того же года.

Digitized by Google

кимъ безнравственныхъ поступковъ,—какъ утверждаетъ авторъ рецензіи,—долженъ служить случай», разсказанный мною на стр. 186 моего изслѣдованія. «Случай этотъ,—продолжаетъ пр. Алексѣевъ,—заключается будто бы въ томъ, что верховный тайный совѣтъ намѣренно, въ интересахъ своего политическаго верховенства, *исказилъ* именной указъ императрицы 4 августа, собственноручно ею подписанный,—другими словами, совершилъ *подлогъ*. Въ этомъ указѣ было сказано, что не должно вѣрить объявленіямъ словеснымъ или письменнымъ «безъ подписанія нашея собственныя руки или *всего* верховнаго тайнаго совѣта». Это слово «всего» не понравилось будто бы членамъ верховнаго тайнаго совѣта. «Совѣтъ, находя для себя болѣе удобнымъ, чтобъ указы его подписывались лишь присутствующими, а не всѣми членами», разослалъ указъ 4 августа безъ слова «всего» и только, когда объ этомъ дошло до свѣдѣнія императрицы (можетъ быть вслѣдствіе указаннаго возраженія сената *), указъ возстановлялся въ его первоначальномъ видѣ,—случай, рѣзко характеризующій самовластіе совѣта» (ibid., 3-е прим. къ 75 стр.). По обыкновенію, проф. Алексѣевъ, передавая мой выводъ, довольно свободно относится къ моимъ словамъ. Я, дѣйствительно,—на основаніи данныхъ, оставшихся (какъ увидимъ ниже) неопровергнутыми г. Алексѣевымъ,—утверждалъ и нынѣ еще утверждаю, что «указъ 4 августа разсылался совѣтомъ въ той редакціи, въ какой онъ его находилъ для себя болѣе удобнымъ (т.-е. безъ слова *всего*) и только тогда, когда объ этомъ дошло до свѣдѣнія императрицы, указъ былъ возстановленъ въ его первоначальномъ видѣ», почему и нахожу, что это есть «случай, рѣзко характеризующій самовластіе совѣта» (стр. 186 и сл.). Но я вовсе не хочу вообще «изобличать совѣтъ въ безнравственныхъ поступкахъ», вовсе не вижу въ разсказанномъ случаѣ «примѣра такихъ безнравственныхъ поступковъ» (что могло бы подать поводъ думать, что такихъ случаевъ было много) или «подлога», какъ выражается г. Алексѣевъ, а лишь замѣчаю, что, толкуя по-своему указъ 4 августа, «совѣтъ готовъ былъ, *повидимому,* идти даже на неблаговидные поступки, а именно, *на измѣненіе,* при разсылкѣ, текста именного указа 4 августа» (ibid.). Я, такимъ образомъ, несмотря на полную очевидность для меня *измѣненія* текста указа 4 августа, оставляю пока вопросъ подъ сомнѣніемъ, говорю, что совѣтъ «повидимому» былъ готовъ идти на неблаговидные поступки. Зачѣмъ же понадобилось г. Алексѣеву въ оцѣнкѣ даннаго случая идти *дальше* меня, выдавая при этомъ свое собственное вольное изложеніе моего вывода за самый выводъ?

Но обратимся теперь къ самому случаю, бывшему при примѣненіи совѣтомъ на практикѣ указа 4 августа, и посмотримъ, на основаніи какихъ доводовъ можетъ г. Алексѣевъ столь рѣзко оспаривать мое утвержденіе *объ измѣненіи* совѣтомъ текста указа 4 августа. Приведемъ, прежде всего, цѣликомъ самое

*) Это возраженіе сената приведено нами выше, въ примѣчаніи 1-мъ послѣдняго отдѣла.

Digitized by Google

возраженіе г. Алексѣева. По автору, мое обвиненіе совѣта въ неблаговидномъ поступкѣ «построено, прежде всего, на невѣрномъ пониманіи смысла указа 4 августа. Указъ этотъ, какъ мы показали выше,—говоритъ г. Алексѣевъ,—изданный въ отсутствіе Меншикова, вовсе не былъ направленъ противъ формы указовъ, объявляемыхъ изъ верховнаго тайнаго совѣта, а противъ словесныхъ повелѣній, объявляемыхъ остальными сильными персонами *) и, главнымъ образомъ, противъ повелѣній, объявляемыхъ отъ имени императрицы Меншиковымъ. Члены совѣта, поспѣшившіе воспользоваться отсутствіемъ Меншикова, чтобы провести этотъ направленный противъ него указъ, не только не имѣли никакого интереса пропускать слово «всего», а, напротивъ, могли только сочувствовать редакціи указа, въ которой это слово заключалось; это слово «всего» подчеркивало ту тенденцію указа, которой всего болѣе дорожили оставшіеся въ Петербургѣ члены верховнаго тайнаго совѣта и которая своимъ остріемъ была направлена противъ Меншикова **). Обвиненіе г. Филипповымъ верховнаго тайнаго совѣта въ искаженіи текста указа 4 августа противорѣчитъ и ходу событій, засвидѣтельствованному журналами и протоколами. *Указъ 4 августа,* который является не указомъ *изъ* верховнаго тайнаго совѣта, а *указомъ верховному тайному совѣту,* былъ полученъ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ 5

*) Что ближайшимъ поводомъ къ изданію указа 4 августа послужили именные *словесные* указы, объявляемые „отъ разныхъ персонъ“ (главнымъ образомъ Меншиковымъ),— это не подлежитъ спору, конечно, и въ моей книгѣ отмѣчено значеніе этого повода, съ указаніемъ на примѣры подобныхъ указовъ (см., наприм., стр. 182 и сл.); однако, не только сенатъ, но частью и совѣтъ видѣли въ немъ, какъ указано нами выше, повелѣніе, направленное вообще противъ *прежней* формы указовъ, объявляемыхъ изъ совѣта, причемъ совѣтъ хотѣлъ держаться въ своей практикѣ этой прежней, а не новой формы указовъ. Кромѣ того, „сильные персоны“ сидѣли и въ совѣтѣ и могли объявлять отъ имени императрицы „словесно и письменно“ указы, почему и предписывалось „не вѣрить такимъ объявленіямъ, безъ подписанія нашея собственныя руки или *всего* нашего верховнаго тайнаго совѣта“.

**) Что указъ этотъ былъ направленъ, главнымъ образомъ, противъ словесныхъ повелѣній, объявленныхъ отъ имени Екатерины Меншиковымъ, отмѣчено и у меня въ книгѣ; неизвѣстно, однако, на какихъ данныхъ основываетъ свое соображеніе г. Алексѣевъ о сочувствіи оставшихся членовъ совѣта редакціи указа со словомъ „всего“; передъ нами, „Записка верховнаго тайнаго совѣта“, поданная Екатеринѣ вмѣстѣ съ доношеніемъ сената о словесныхъ указахъ, объявляемыхъ разными персонами, гдѣ этого слова *всего* не имѣется; неизвѣстно также, когда была подана эта „Записка“ (на ней нѣтъ даты), сенатъ же подалъ свое доношеніе еще въ апрѣлѣ (*Сб. И. Об.,* т. LVI, стр. 15 и сл.), такъ что не видно, спѣшилъ ли совѣтъ или нѣтъ, въ лицѣ оставшихся членовъ, подать ее въ отсутствіе Меншикова. Едва ли также тенденція указа 4 августа, заключавшаяся въ словѣ „всего“, была направлена своимъ остріемъ *только* противъ Меншикова; въ совѣтѣ засѣдали и другія „сильныя персоны“, которыя также могли имѣть случай объявлять гдѣ-либо словесные указы императрицы, и „Записка“ направлена не противъ этихъ указовъ, а противъ того, чтобъ ихъ объявляли „мимо верховнаго тайнаго совѣта“, который самъ предполагалъ ихъ разсылать въ сенатъ и коллегіи. Во всякомъ случаѣ, редакція указа 4 августа со словомъ „всего“ могла стѣснять совѣтъ уже просто потому, что требовала подписи совѣта *in corpore,* между тѣмъ какъ совѣтъ рѣдко собирался въ полномъ составѣ.

Digitized by Google

августа, съ предписаніемъ послать съ него указы въ сенатъ, синодъ и первые 3 коллегіи (см. протоколъ 5 августа, стр. 17, т. LVI) *). Но послѣ того, какъ императрица сдѣлала это распоряженіе, она *почему-то* приказываетъ взять изъ верховнаго тайнаго совѣта и вернуть его ей въ Петергофъ («представленъ имъ Ея И. Величества указъ, выданный въ 4 день августа за собственною Ея И. Величества рукою, который *бранъ былъ въ Петергофъ*»,—стр. 85 т. LVI). Въ виду этого, 13 августа, верховный тайный совѣтъ, который уже успѣлъ послать указъ въ сенатъ, дѣлаетъ распоряженіе, чтобъ *остановить публикацію указа,* взятую императрицею обратно (т. LVI, стр. 36, 37). Только черезъ мѣсяцъ, а именно 16 сентября, императрица взятый ею обратно указъ возвращаетъ черезъ своего кабинетъ-секретаря въ верховный тайный совѣтъ въ исправленномъ видѣ («и показано, что въ оном учинена только добавка *всего* верховнаго тайнаго совѣта, а въ посланныхъ тогда указахъ изъ верховнаго тайнаго совѣта того слова *всего* не было писано»); верховный тайный совѣтъ, усмотрѣвъ эту добавку, сдѣланную императрицею, рѣшаетъ взять тѣ указы, которые были разосланы имъ до 13 августа, обратно и «слово прибавочное приправить и паки отдать» (т. LVI, стр. 85). Очевидно, такимъ образомъ, что указъ 4 августа верховнымъ тайнымъ совѣтомъ *никогда* не исказжался, что въ первоначальномъ текстѣ слова «всего» не было и что *это слово было вставлено императрицею въ Петергофѣ*» (стр. 75 и сл., прим. 3). Какъ видно изъ приведеннаго возраженія, оно распадается на 2 части, причемъ въ одной г. Алексѣевъ упрекаетъ меня «въ невѣрномъ пониманіи текста указа 4 августа», въ другой—оспариваетъ мое утвержденіе, что совѣтъ *измѣнилъ* текстъ этого указа, выбросивъ изъ него слово «всего». Мы выдѣлили уже эту первую часть возраженія и отвѣтили на нее выше частью въ текстѣ, частью въ примѣчаніяхъ, чтобы съ большей ясностью отвѣтить теперь отдѣльно на *вторую,* притомъ главную, часть указаннаго возраженія. Не соглашаясь съ моимъ утвержденіемъ, что совѣтъ *измѣнилъ* при разсылкѣ текстъ указа 4 августа, выпустивъ изъ него слово «всего», г. Алексѣевъ ссылается, во-первыхъ, на протоколъ 5 августа 1726 г., изъ котораго видно, что совѣтомъ былъ полученъ для разсылки въ подлежащія учрежденія разбираемый именной указъ Екатерины **); затѣмъ, во-вторыхъ,—на

*) Эти слова проф. Алексѣева могутъ подать кому-либо поводъ думать, что я считаю указъ 4 августа „указомъ изъ верховнаго тайнаго совѣта", а не „указомъ верховному тайному совѣту", чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности; но у меня въ книгѣ прямо отмѣчено, что этотъ указъ „былъ данъ совѣту" и уже имъ совѣта былъ 5 августа „объявленъ" сенату (стр. 184, прим. 44).

**) Вотъ его буквальный текстъ: „вышеписанной Ея И. Величества указъ полученъ сего августа 5 дня и чтобъ по оному какъ въ сенатѣ, такъ въ синодѣ и во всѣхъ колегіяхъ и канцеляріяхъ исполняли, о томъ въ сенатъ и въ синодъ и въ первыя три колегіи—въ иностранную и обѣ военныя—послать Ея И. Величества указы изъ верховного тайного совѣта. А въ протчие колегіи и канцеляріи о томъ же послать указы изъ сената, и чтобъ по тому указу въ кабинетъ и въ верховной тайной совѣтъ безъ всякого замедления репорты прислали" (т. LVI, стр. 17).

Digitized by Google

журналъ совѣта отъ 17 сентября того же года, изъ котораго видно, что императрица «почему-то», какъ выражается г. Алексѣевъ, взяла этотъ указъ обратно въ Петергофъ *), и, наконецъ, на журналъ совѣта отъ 13 августа, изъ котораго, будто бы, видно, что совѣтъ сдѣлалъ распоряженіе о пріостановкѣ публикаціи указа, взятаго императрицею обратно **). Всѣ эти ссылки теперь передъ нами на-лицо и ихъ легко подвергнуть разбору, чтобъ убѣдиться въ вѣрности или невѣрности нашего вывода; жаль только, что г. Алексѣевъ не прибавилъ къ нимъ еще двухъ, указанныхъ мною въ моей книгѣ,—самаго текста указа 4 августа въ первоначальномъ видѣ и ссылки моей на журналъ 16 сентября, приводившейся уже нами выше, такъ какъ объ эти ссылки весьма важны для подтвержденія нашего вывода объ измѣненіи редакціи указа 4 августа совѣтомъ ***). Но даже и оставляя ихъ въ сторонѣ пока и разбирая лишь тѣ ссылки, на которыхъ основываетъ свое возраженіе самъ проф. Алексѣевъ, что мы видимъ? Изъ журнала 17 сентября видно, что въ посланныхъ *изъ совѣта* указахъ «слова *всего* не было написано»; а изъ журнала 13 августа видно, что это слово *всего*, вопреки мнѣнію г. Алексѣева, *было* въ первоначальномъ текстѣ указа 4 августа, ибо иначе совѣтъ не могъ бы задать секретарю Моисееву того вопроса, какой онъ ему задалъ, а именно,—«по посланному изъ верховнаго тайнаго совѣта въ сенатъ указу объ именныхъ указахъ, чтобъ безъ подписанія собственной Ея И. Величества руки и *всего* верховнаго тайнаго совѣта не вѣрить, что учинено?» Что слово «всего»—опять-таки вопреки мнѣнію г. Алексѣева—*было* въ первоначальномъ текстѣ указа 4 августа (до его отсылки въ Петергофъ къ императрицѣ), видно не только изъ того текста, напечатаннаго въ *Сборникѣ*

---

*) Приведемъ и этотъ журналъ цѣликомъ: „1726 г., въ 17 день сентября, въ верховномъ тайномъ совѣтѣ были рейсъ-канцлеръ и ген.-фельдмаршалъ, св. кн. *Меншиковъ*, канцлеръ гр. Головинъ, д. т. с.: графъ Толстой, баронъ Остерманъ; предъявленъ имъ Ея И. Величества указъ, виданный въ 4-й день августа за собственною Ея И. Величества рукою, который бранъ былъ въ Петергофъ, а *вчерашняго* дня паки отданъ отъ тайнаго кабинетъ-секретаря господина Макарова, и показано, что въ оном учинена только добавка *всего* верховнаго тайнаго совѣта, *а въ посланныхъ тогда указахъ изъ верховнаго тайнаго совета того слова всего не было написано;* нынѣ повелятъ ли то слово прибавочное въ тѣ указы вписать, и приказали, чтобъ тѣ указы взявъ, то слово прибавочное приправить и паки отдать“ (ibid., стр. 85).

**) Въ журналѣ этомъ сказано: „въ верховный тайный совѣтъ призванъ былъ изъ сената секретарь Семенъ Моисеевъ и спрашиванъ: по посланному изъ верховнаго тайнаго совѣта въ сенатъ указу, о именныхъ указѣхъ, чтобъ, безъ подписанія собственной Ея И. Величества руки и *всего* верховнаго тайнаго совѣта, не вѣрить, что̀ учинено? На что онъ отвѣтствовалъ, что, по силѣ помянутаго присланнаго указу, посланы изъ сената указы о томъ *только* въ коллегіи и канцеляріи, а въ прочія мѣста не послано и не публиковано и не печатано, и печатать не велѣно; и сверхъ того ему Моисееву приказано съ подтвержденіемъ, чтобъ по тому указу для посылки въ прочія мѣста указовъ не печатали и никуда не посылали и въ народъ публикацій-съ не чинили-съ“ (ibid., стр. 86 и сл.).

***) Они указаны въ примѣчаніи 47, стр. 187 моей книги.

Digitized by Google

Ист. Общ. и помѣченнаго 4 августа Екатериною *), но и изъ журнала 16 сентября, приведеннаго нами выше. Въ этомъ журналѣ отмѣчено «сомнѣніе» сенаторовъ о томъ, можно ли исполнить совѣтскій указъ, присланный *«не за всѣхъ* руками верховнаго тайнаго совѣта и не будетъ ли отъ того *противности* состоявшемуся указу августа 4 дня сего года?» Если мы повѣримъ на минуту утвержденію г. Алексѣева, что «указъ 4 августа верховнымъ тайнымъ совѣтомъ никогда не искажался, что въ первоначальномъ текстѣ слова *всего* не было и что *это слово было вставлено императрицею въ Петергофѣ*», то спрашивается, какимъ же образомъ сенаторы нашли *его* въ указѣ 4 августа, когда петергофская «добавка» слова *всего* была сдѣлана не ранѣе 16 сентября, а найдя его долго сомнѣвались **), можно ли имъ исполнить совѣтскій указъ, присланный не по формѣ этого указа 4 августа? Такимъ образомъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это слово *всего* было въ первоначальномъ текстѣ указа 4 августа, а затѣмъ изъ него исчезло, и «въ посланныхъ тогда *изъ верховнаго тайнаго совѣта* того слова *всего* не было написано», какъ категорически увѣряетъ журналъ совѣта отъ 17 сентября. Спрашивается, кто же его изъ этихъ указовъ выкинулъ? Такъ какъ указы эти, составлявшіе копію указа 4 августа, даннаго самою Екатериною, разсылались *изъ* совѣта, то я и нашелъ возможнымъ это *измѣненіе* текста приписать совѣту. «Не почему-то», какъ выражается г. Алексѣевъ, но именно вслѣдствіе того, что это слово «всего» исчезло изъ указа 4 августа, Екатерина, надо думать, и взяла его текстъ въ Петергофъ, гдѣ и была «въ ономъ учинена только *добавка* «всего» верховнаго тайнаго совѣта». Авторъ рецензіи замѣчаетъ, что «въ виду этого» (т.-е. въ виду взятія указа 4 августа въ Петергофъ) «13 августа верховный тайный совѣтъ, который уже успѣлъ послать указъ въ сенатъ, дѣлаетъ распоряженіе, чтобъ остановить публикацію указа, взятаго императрицею обратно», и ссылается при этомъ, какъ указано выше, на журналъ совѣта отъ 13 августа. Мы привели эту ссылку буквально (въ примѣчаніи выше); изъ нея ясно, что сенатъ исполнилъ то, что было предписано ему совѣтомъ (послалъ указъ въ коллегіи и канцеляріи), «а въ прочія мѣста», по заявленію секретаря сената, указа 4 августа «не послано и не публиковано, и не печатано, и печатать не велѣно». Совѣтъ, выслушавъ это, лишь подтвердилъ это распоряженіе сената, а вовсе не остановилъ «публикацію указа, взятаго императрицею обратно», такъ какъ такой публикаціи совсѣмъ и не предполагалось, какъ

*) Томъ LVI, стр. 14. „Указъ верховному тайному совѣту—„4 августа" (дальше идетъ извѣстный текстъ указа, содержащій и спорное слово „всего"). Подписано: „Екатерина". Въ Санктъ-Петербургѣ августа въ 4-й день 1726 г.".

**) Протоколъ совѣта о посылкѣ въ сенатъ этого указа, возбудившаго „сомнѣніе" сената (объ отдачѣ земли во владѣніе бар. Остерману), былъ подписанъ его 24 августа (LVI, стр. 50, 52) и вскорѣ же, вѣроятно, былъ отправленъ въ сенатъ; послѣдній, однако, несмотря на то, что дѣло касалось столь сильной „особы", какъ Остерманъ, медлилъ рѣшеніемъ до 16 сентября.

Digitized by Google

это видно изъ посланнаго совѣтомъ указа, содержаніе коего передано въ протоколѣ совѣта отъ 5 августа (приведенъ выше въ примѣчаніи). Да и откуда проф. Алексѣевъ узналъ, что еще до 13 августа императрица взяла свой указъ отъ 4 августа въ Петергофъ? Любопытно бы имѣть подтвержденіе этого факта, такъ какъ на немъ проф. Алексѣевъ, между прочимъ, основываетъ свой выводъ, что слова «всего» не было въ первоначальномъ текстѣ разбираемаго указа 4 августа.

Возражая мнѣ, проф. Алексѣевъ находитъ, что «обвиненіе верховнаго тайнаго совѣта въ нарушеніи тѣхъ или другихъ правилъ (дѣлопроизводства) объясняется» лишь моимъ «недостаточнымъ знакомствомъ съ *формами* дѣятельности верховнаго тайнаго совѣта, какъ онѣ засвидѣтельствованы его протоколами и журналами». Факты, однако, на-лицо, и значительная часть ихъ признана и самимъ проф. Алексѣевымъ. Именно указъ 8 февраля 1726 г. требовалъ, чтобы «протоколы, резолюціи» крѣпились «*всѣми* назначенными особами верховнаго тайнаго совѣта», но они, однако, крѣпились, какъ я доказываю, въ большинствѣ случаевъ, лишь *присутствующими* *); указъ 4 августа говорилъ, что не надо вѣрить «объявленіямъ безъ подписанія нашея собственныя руки и *всего* нашего верховнаго тайнаго совѣта», но совѣтъ разослалъ первоначально, куда надлежало, указъ безъ этого слова «всего», а затѣмъ и позднѣе посылалъ указы за подписью одного Степанова. Эти, какъ и другія, указанныя нами отступленія отъ *формы* дѣлопроизводства вполнѣ подтверждаютъ нашъ общій выводъ, что совѣтъ склоненъ былъ придавать мало значенія подобнымъ *формальнымъ* ограниченіямъ своихъ дѣйствій и легко вообще нарушалъ ихъ. Едва ли, поэтому, только однимъ недостаточнымъ знакомствомъ моимъ объясняется, какъ думаетъ г. Алексѣевъ, этотъ мой выводъ. Какъ

*) См. стр. 42 моего изслѣдованія. Проф. Алексѣевъ также говоритъ, что „подписывали протоколы *только члены верховнаго тайнаго совѣта*, такъ или иначе принимавшіе участіе въ составленіи резолюціи, т.-е. или присутствовавшіе на засѣданіяхъ, на которыхъ обсуждался вопросъ, или на засѣданіяхъ, на которыхъ слушался или закрѣплялся состоявшійся по данному вопросу протоколъ... *Члены же совѣта, не присутствовавшіе ни на засѣданіи, на которомъ обсуждался вопросъ, ни на засѣданіи, на которомъ слушался протоколъ, протокола этого не подписывали*“ (стр. 88 и сл.). Впрочемъ, двумя страницами раньше, г. Алексѣевъ говоритъ нѣчто,—на нашъ взглядъ, по крайней мѣрѣ, какъ будто не вполнѣ совпадающее съ только что указаннымъ выводомъ: *отсутствовавшіе члены подписывали протоколы, которые включали резолюціи, состоявшіяся въ ихъ присутствіи на одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій, или имъ эти протоколы посылались на домъ;* но ежели подписать та персона за какимъ сумнительствомъ не соизволитъ, о томъ предложить, чтобы на другой день благоволилъ прислать письменное на тое резолюцію за своею рукою мнѣніе. Буде на другой такого мнѣнія прислано не будетъ и по той резолюціи, хотя одна или двѣ персоны *не подписали* токмо отправлять указы, чтобы въ дѣлахъ Ея Имп. Вел. остановки ни малой не было“ (ibid., стр. 86). Во всякомъ случаѣ изъ того и другого вывода явствуетъ, что протоколы совѣта могли подписываться *не всѣми* его членами, какъ того категорически требовалъ указъ 8 февраля 1726 г., т.-е., иначе говоря, совѣтъ не исполнялъ точно предписаній закона.

Digitized by Google

раньше при Петрѣ В. сенатъ, такъ позднѣе совѣтъ и сенатъ не соблюдали всегда предписанныхъ формъ дѣлопроизводства. Еще Петръ В. боролся противъ стремленія рѣшать дѣла въ сенатѣ «въ одиночку», или только двумъ или тремъ сенаторамъ; «должность» сената Екатерины I также требовала «закрѣплять протоколы *всему* сенату», но сенатъ того и другого царствованія, какъ и *совѣтъ*, плохо исполнялъ эту важную формальность, имѣвшую своею цѣлью гарантировать рѣшеніе дѣлъ не отдѣльными личностями, а учрежденіемъ *in corpore* (борьба противъ нарушенія учрежденіями этой формальности идетъ весь почти XVIII вѣкъ). Я долженъ былъ поэтому отмѣтить несоблюденіе совѣтомъ указанной весьма важной формальности, и мой выводъ остается непоколебленнымъ и послѣ разсужденія о немъ г. Алексѣева *)...

VII.

Какъ это понятно само собою, исторія преобразованія петровскаго сената, а равно и характеристика отношеній верховнаго тайнаго совѣта къ сенату и обратно должны были прежде всего остановить вниманіе всякаго изслѣдователя, взявшагося за изображеніе судебъ сената въ правленіе новаго верховнаго учрежденія. Поэтому я и посвящаю указаннымъ вопросамъ особую главу, подробно изслѣдуя всѣ тѣ перемѣны, какія послѣдовательно, тотчасъ же послѣ учрежденія совѣта, началъ испытывать на себѣ сенатъ, причемъ, въ интересахъ цѣльности моего очерка, разсматриваю узаконенія, исходившія какъ отъ Екатерины и ея личнаго кабинета, такъ и отъ совѣта, отмѣчая всякій разъ, къ какой именно группѣ относится то или другое изъ нихъ. Затѣмъ, давая характеристику первымъ (по времени)

---

*) Какъ нѣкотораго рода курьезъ, отмѣчу слѣдующее: на моемъ докторскомъ диспутѣ, говоря о моемъ утвержденіи, что совѣтъ на практикѣ обнаружилъ стремленіе крѣпить протоколы *не всѣмъ* членамъ, а лишь *присутствующимъ*, тогда какъ указъ 8 февраля требовалъ „крѣпить протоколы, резолюціи *всѣмъ* назначеннымъ особамъ верховнаго тайнаго совѣта“, проф. Алексѣевъ, между прочимъ, задалъ мнѣ, въ видѣ возраженія, вопросъ: „гдѣ же найдете вы коллегіальное *учрежденіе*, дѣлопроизводство котораго обязывало бы членовъ *подписывать протоколы* засѣданій, на которыхъ они *не* присутствовали?“ (см. *Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній*, т. VI, хроника, стр. 65). Теперь, какъ ясно всякому, такое *учрежденіе* (въ лицѣ того же верховнаго тайнаго совѣта) нашлось не только для меня, но и для проф. Алексѣева, который говоритъ, что „*отсутствовавшіе члены подписывали протоколы*, которые включали резолюціи, состоявшіяся *внѣ* ихъ присутствія, на одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій, или имъ эти протоколы посылались на домъ“ и проч. Слѣдуя манерѣ самого проф. Алексѣева, можно было бы обратиться къ нему съ вопросомъ, когда же „достаточно ознакомился“ почтенный ученый съ формами дѣятельности совѣта,—тогда ли, когда онъ задавалъ мнѣ указанный выше вопросъ, или нынѣ? И зачѣмъ же отсутствовавшіе члены подписывали протоколы засѣданій, когда это для нихъ не было обязательно? Не вѣрнѣе ли будетъ сказать, что по современнымъ коллегіальнымъ учрежденіямъ нельзя судить о прежнихъ, и прежде всего о в. совѣтѣ?

Digitized by Google

и притомъ самымъ важнымъ указамъ, касавшимся отношеній совѣта и сената, я замѣчаю, что всѣ эти указы (именно, указъ 8 февраля, 14 марта и 28 марта, равно какъ явившійся въ промежутокъ между этими указами указъ «о должности» сената) и «мнѣніе не въ указъ» составляютъ вмѣстѣ цѣлый циклъ мѣропріятій, направленныхъ *противъ сената* почти одновременно» (стр. 156 моей книги). Это мое замѣчаніе привело «въ недоумѣніе» проф. Алексѣева и относительно перваго изъ названныхъ указовъ (8 февраля 1726 г.) онъ говоритъ слѣдующее: «намъ указываютъ на указъ 8 февраля, какъ на первое мѣропріятіе, направленное противъ сената *верховнымъ тайнымъ совѣтомъ*, а между тѣмъ это мѣропріятіе было принято, когда еще не существовало верх. тайн. совѣта», а относительно «должности» сената замѣчаетъ, что это не указъ, объявленный верховн. тайн. совѣтомъ, это—непосредственное повелѣніе государыни, состоявшееся безъ всякаго участія верховн. тайн. совѣта. Болѣе чѣмъ странно приводить его среди указовъ, долженствующихъ охарактеризовать политику захватовъ верховнаго тайн. совѣта, направленную противъ сената» (стр. 99 и сл.). Удивляюсь, почему мой почтенный рецензентъ приписываетъ мнѣ столь странные выводы, когда мой взглядъ на эти указы, какъ видно изъ приведенной уже выдержки, вполнѣ ясенъ: приведенные указы направлены *противъ сената*, но направлены *не верховнымъ тайнымъ совѣтомъ*, а императрицей. Въ моей книгѣ я прямо указываю, что какъ разбираемыя, такъ и нѣкоторыя другія узаконенія даны *изъ* кабинета императрицы, и при этомъ говорю, что Екатерина «вообще—потому ли, что члены совѣта не хотѣли брать на себя всей отвѣтственности (по крайней мѣрѣ вначалѣ) за приниженіе сената, потому ли, что сама находила необходимымъ лично регулировать отношенія совѣта къ сенату, но нерѣдко *вмѣшивалась* въ возникавшіе при этомъ вначалѣ вопросы» (ibid.). Такимъ образомъ, недоумѣніе г. Алексѣева легко разрѣшается объясненіемъ, даннымъ уже въ моей книгѣ. Что же касается другихъ указовъ, перечисленныхъ выше и направленныхъ *противъ* сената, то ихъ, несомнѣнно, можно приписать самому совѣту, хотя бы, прежде всего, по формальнымъ основаніямъ: указъ 14 марта былъ указомъ, объявленнымъ *изъ* совѣта; «мнѣніе не въ указъ», составленное герцогомъ Голштинскимъ, было принято совѣтомъ *единогласно* (послѣ какихъ-то, оставшихся, впрочемъ, неизвѣстными, замѣчаній Остермана,—*Сб. Ист. Общ.*, т. LV, стр. 68) и было принято, надо полагать, потому, что удовлетворяло своимъ содержаніемъ членовъ совѣта; указъ же 28 марта, какъ вѣрно замѣчено и самимъ г. Алексѣевымъ, былъ списанъ съ «мнѣнія не въ указъ» (стр. 107). Утверждая всѣ эти узаконенія, Екатерина давала лишь «аппробацію» тому, что прошло въ совѣтѣ (ею только былъ измѣненъ 3-й пунктъ, да были сдѣланы нѣкоторыя замѣчанія на два другихъ пункта «мнѣнія»,—см. ibid., стр. 103). Поэтому, для меня представлялось совершенно допустимымъ, разбирая отдѣльныя постановленія этихъ узаконеній, придти къ тому выводу, что верх. тайн. совѣтъ въ приведенныхъ указахъ (т.-е. указахъ 14 и 28 марта, но не указахъ 8 февраля,

Digitized by Google

7 и 14 марта, какъ думаетъ проф. Алексѣевъ *) и «мнѣнія» либо пытается слиться воедино съ личностью императрицы, либо стать съ нею рядомъ, какъ величина ей равная, а «мнѣніе не въ указъ»—назвать самымъ рѣзкимъ выраженіемъ стремленій совѣта, такъ какъ въ немъ (особенно въ первоначальной редакціи 3-го пункта **) весьма ярко выступаетъ наружу то, что съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности (какъ и позднѣе) верховный тайный совѣтъ ставилъ своею задачей—сосредоточіе въ себѣ политическаго руководительства страною и «генеральнаго управленія и надзиранія надъ всѣми коллегіями» и пр. (п. 13 «мнѣнія»), прямое и непосредственное отношеніе къ верховной власти, съ попыткою полнаго представительства этой власти передъ страною (стр. 31 моей книги). Этому утвержденію нашему, основанному на нѣкоторыхъ изъ указовъ и отдѣльныхъ пунктахъ «мнѣнія не въ указъ», проф. Алексѣевъ противополагаетъ слѣдующее, и мнѣ, конечно, отлично извѣстное обстоятельство: «мнѣніе не въ указъ» было-де «составлено не кѣмъ инымъ, какъ герцогомъ Голштинскимъ, зятемъ императрицы и самымъ близкимъ ей человѣкомъ, и имъ же внесено въ в. т. совѣтъ» (стр. 101 и сл. рецензіи). Это, конечно, несомнѣнно, но важно то, что герцогъ Голштинскій, желая подорвать самовластіе Меншикова, хочетъ противопоставить ему власть и значеніе *совѣта*, что эта мысль находитъ себѣ яркое выраженіе въ «мнѣніи не въ указъ», которое принимается членами совѣта *единогласно*, такъ какъ и они, по разсказу самого же г. Алексѣева, могли только сочувствовать ограниченію Меншикова *учрежденіемъ*, членами коего они сами состояли. Пусть даже вѣрно, что герцогъ Голштинскій «провелъ учрежденіе верх. тайн. совѣта», какъ утверждаетъ проф. Алексѣевъ, изъ желанія сломить власть Меншикова; пусть совершенно справедливо, что Екатерина указала герцогу въ этомъ совѣтѣ первое мѣсто и не жалѣла средствъ, чтобы поддержать его здѣсь престижъ (ib., стр. 116 и сл.), съ цѣлью «создать изъ него силу, которая уравновѣсила бы вѣсъ и вліяніе Меншикова». Но характерно, что это ограниченіе могло быть сдѣлано *черезъ учрежденіе* только, хотя бы потому, что герцогъ по своимъ качествамъ и проч. «не могъ стать въ одинъ уровень съ Меншиковымъ». Но въ учрежденіи, гдѣ засѣдалъ герцогъ и гдѣ онъ только и могъ бороться

*) Проф. Алексѣевъ, приведя цитату моей книги: „стремясь на первыхъ же порахъ оставить за собою политическое руководительство, верх. тайн. совѣтъ *въ приведенныхъ указахъ* и мнѣніи“ и пр. (стр. 101), вставляетъ послѣ словъ „въ приведенныхъ указахъ“ указы 8 февраля, 7 и 14 марта. Эта вставка основана на недоразумѣніи: изъ текста стр. 31 и сл. моей книги видно, какъ мнѣ кажется, ясно, что я разумѣлъ здѣсь указъ 14 марта (именной указъ, объявленный изъ верх. тайн. совѣта), затѣмъ указъ 28 марта (тоже объявленный изъ совѣта), „мнѣніе не въ указъ“ (тоже прошедшее черезъ совѣтъ), причемъ сослался и „на должность“ сената, не скрывая, что она была дана именнымъ указомъ самой Екатерины; сослался потому, что хоть „должность“ и ставила совѣтъ, какъ верховное учрежденіе надъ сенатомъ, но въ разсматриваемыхъ узаконеніяхъ совѣтъ пошелъ гораздо дальше „должности“ и представлялось важнымъ сопоставить ихъ съ „должностью“.

**) Этотъ пунктъ приводится нами ниже.

Digitized by Google

съ Меншиковымъ, были и другіе члены, шедшіе охотно на ту же борьбу. Такъ, тамъ засѣдалъ кн. Д. М. Голицынъ, который давно думалъ, что «надо дать вельможеству *самостоятельное* значеніе, при которомъ оно могло бы не обращать вниманія *на фаворитовъ*» (Соловьевъ); тамъ засѣдалъ «вѣрный союзникъ» въ борьбѣ съ Меншиковымъ герцога — гр. Толстой; тамъ былъ еще Остерманъ, мысли коего не легко раскрываются передъ нами, но который, однако, умѣлъ служить и Меншикову, и герцогу Голштинскому (остальные — «старики Головкинъ и Апраксинъ не занимали въ совѣтѣ вліятельнаго положенія»,—ib., стр. 120 и сл.). Стремленія герцога (даже если держаться изображенія отношеній между отдѣльными членами, даваемаго г. Алексѣевымъ) находили отличную почву въ совѣтѣ, такъ какъ укрѣпляли значеніе послѣдняго, какъ цѣлаго; оставалось идти дальше, и совѣтъ пошелъ дальше, особенно въ царствованіе Петра II и при избраніи Анны Іоанновны на царство.

Особенно важно отмѣтить, что все, чего только добивались отдѣльные члены совѣта, они добивались *черезъ* совѣтъ; даже самъ Меншиковъ не всегда находилъ удобнымъ обходить совѣтъ (не касаемся здѣсь дѣлъ военной коллегіи). Такъ сама собою сказалась сила совѣта, какъ учрежденія. Проф. Алексѣевъ, говоря о значеніи «сильныхъ персонъ» въ совѣтѣ, приходитъ къ заключенію (довольно, впрочемъ, неожиданному въ устахъ автора, признающаго *только* совѣщательное значеніе совѣта и оспаривающаго мое утвержденіе, что совѣтъ не удовлетворялся этою ролью), что «если верховный тайный совѣтъ въ это время проявлялъ какія-нибудь стремленія, *выходившія* за тѣ рамки его дѣятельности, которыя были ему указаны императрицей, то эти стремленія могли исходить отъ герцога Голштинскаго и отъ Меншикова» *) (стр. 124 и сл.). Еслибъ это такъ и было въ дѣйствительности, еслибы мы и допустили даже, что въ этихъ стремленіяхъ прочіе члены совѣта не играли никакой роли (что едва ли возможно), то и въ такомъ случаѣ важно здѣсь главнымъ образомъ то обстоятельство, что эти стремленія прикрывались *именемъ* совѣта и что даже такой «полудержавный властелинъ», какъ Меншиковъ, или даже такой

*) Къ этимъ словамъ г. Алексѣевъ добавляетъ еще слѣдующее: „но мы не думаемъ, чтобы наши ученые, не исключая и гг. Милюкова и Филиппова, считали бы ихъ (т.-е. герцога Голштинскаго и Меншикова) способными быть носителями какихъ бы то ни было политическихъ идеаловъ и могли бы приписывать имъ намѣренія измѣнить нашу форму правленія на подобіе шведской или даже англійской“ (стр. 125). Отвѣтъ на это частью ужъ данъ въ моей книгѣ: на стр. 26 я говорю, что „для даннаго времени (т.-е. для времени Екатерины) звучитъ *нѣсколько странно* предположеніе Кампредона о проектѣ новой формы правленія, устроеннаго *на подобіе англійскаго*“; но позднѣе замыселъ „верховниковъ“, съ Д. М. Голицынымъ во главѣ, по крайней мѣрѣ на время, оправдываетъ это предположеніе. Дѣло, впрочемъ, не въ томъ, были ли у названныхъ лицъ какіе-либо политическіе идеалы, но въ томъ, что они, даже по разсказу г. Алексѣева, способствовали созданію, а затѣмъ и развитію значенія *учрежденія*. Начавъ съ ограниченія „временщика“, это учрежденіе попыталось закончить свои „стремленія“ знаменитыми „кондиціями“.

Digitized by Google

близкій къ императрицѣ человѣкъ, какъ герцогъ Голштинскій, находили для себя необходимымъ дѣйствовать *черезъ совѣтъ*. Кто бы и въ силу какихъ бы то ни было соображеній ни задумалъ созданія совѣта, кто бы въ немъ ни игралъ наиболѣе важную роль, совѣтъ являлся затѣмъ — съ вольнаго или невольнаго согласія государей—силою самъ по себѣ: противополагая совѣтъ, какъ таковой, властолюбію Меншикова, снабжая его средствами для развитія своего значенія и т. д., тѣмъ самымъ укрѣпляя его власть и положеніе. Но разъ то и другое за нимъ укрѣпилось, совѣтъ могъ дѣйствовать въ своихъ собственныхъ дѣлахъ и интересахъ. Въ исторіи политическихъ учрежденій вообще не рѣдки случаи, что учрежденіе, созданное для одной цѣли, служитъ затѣмъ другимъ. И вотъ учрежденіе, имѣвшее своею первоначальною цѣлью «ограниченіе» власти временщика, являлось затѣмъ «ограничительнымъ» вообще. Неудивительно, что уже при Екатеринѣ совѣтъ фактически выходилъ за рамки, указанныя ему Екатериной, что и отмѣчено въ моей книгѣ *), хотя и оставлено почтеннымъ ученымъ безъ вниманія, несмотря на то, что имъ оспаривается мое положеніе, что совѣтъ не былъ только совѣщательнымъ учрежденіемъ, а пытался уже при Екатеринѣ (не говоря уже о послѣдующемъ времени) идти и дальше. Впрочемъ, проф. Алексѣевъ весьма рѣзко оспариваетъ еще одинъ мой выводъ, относящійся къ дѣятельности совѣта въ области верховнаго финансоваго управленія, а именно мой выводъ, что совѣтъ очень ревниво относился къ сохраненію своего верховенства въ области этого управленія (стр. 89 моей книги), несмотря на то, что самъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ своей рецензіи, что къ области непосредственной дѣятельности, а, слѣдовательно, *и къ вѣдѣнію в. т. совѣта* относятся... дѣла *верховнаго* финансоваго управленія (установленіе новыхъ податей и налоговъ, чрезвычайные расходы, неоплатныя дачи и т. д. стр. 68). «Обладать верховенствомъ въ области финансоваго управленія значитъ обладать высшею, т.-е. самостоятельною, независимою властью установлять подати и налоги и распоряжаться государственными суммами», возражаетъ г. Алексѣевъ (стр. 109 рецензіи). Это, конечно, вполнѣ вѣрно; но что же говорятъ его собственныя слова, только что приведенныя выше и что же гласятъ узаконенія екатерининскаго времени, относящіяся къ вопросу? А вотъ что: именной указъ 20 іюня 1727 г., объявленный *изъ* верховнаго тайнаго совѣта, гласилъ, что «указали мы изъ сената, изъ синода и изъ коллегій *никакихъ дачъ* изъ казны *денегъ* на прошлые годы *безъ указу верховнаго тайнаго совѣта* не чинить» (*Полн. собран. закон.*, № 5105). Что же это, какъ не право совѣта распоряжаться государственными суммами, предоставленное ему Екатериной **) ?

*) Примѣры указаны ниже.

**) Проф. Алексѣевъ видитъ почему-то опроверженіе моего вывода въ указѣ 15 іюля 1726 г., который, по толкованію его, признаетъ „это верховенство только за суверенным органомъ, за государыней“ и пр. (стр. 109). Вотъ текстъ этого указа, даннаго штатсъ-конторѣ: „отъ сего времени, какъ денегъ, такъ товаровъ и другихъ вещей, безъ нашего указа, за собственноручнымъ нашимъ или всего верх-

Digitized by Google

Или именной указъ 4 января того же года, объявленный также *изъ* верховнаго тайнаго совѣта, гласилъ, что «указали мы, для всегдашняго въ нашемъ верховномъ тайномъ совѣтѣ *извѣстія* подавать въ сенатъ вѣдомости изъ синода, и изо всѣхъ коллегій и канцелярій, кромѣ двухъ воинскихъ и иностранной, сколько, гдѣ въ приходѣ и расходѣ денежной казны будетъ и что за расходы на лицо, въ сенатѣ, чтя изъ всѣхъ тѣхъ вѣдомостей перечневыя, *подавати въ верховный тайный совѣтъ въ каждый* понедѣльникъ неотмѣнно» (ibid., № 4998); что же это за указъ, если не видѣть въ немъ облегченіе для совѣта внимательнаго *контроля* *) надъ приходами и расходами казенныхъ денегъ, какъ думаю я? Или, наприм., что же означаетъ постановленіе пункта 10-го «мнѣнія не въ указъ», какъ не право установленія податей и налоговъ (съ утвержденія императрицы, конечно), прямо гласящее, что «*новыя подати* или иныя какія новыя учрежденія имѣютъ быть опредѣлены въ верховномъ тайномъ совѣтѣ» (*Сб. Ист. Общ.*, LV, стр. 95)? Намъ представлялось, въ виду означенныхъ узаконеній, совершенно возможнымъ говорить о верховенствѣ совѣта въ области финансоваго управленія, нисколько, конечно, не умаляя державныхъ правъ самой государыни. А, между тѣмъ, проф. Алексѣевъ, несмотря на указъ 20 іюня 1727 г., находитъ возможнымъ утверждать, что совѣтъ безъ аппробаціи императрицы не имѣлъ права «распорядиться хоть одною копейкою изъ государственной казны» (ibid., стр. 109).

наго тайнаго совѣта подписаніемъ, кромѣ опредѣленныхъ окладныхъ дачъ, ни на какіе чрезвычайные расходы отнюдь не отпускать" (VII, № 4930). Здѣсь, думается намъ, совѣтъ поставленъ императрицею рядомъ съ собою; деньги выдаются „по нашему указу", *именному* въ собственномъ смыслѣ слова (т.-е. подписанному императрицею и не проведенному *черезъ* совѣтъ), *или* по *именному* ею не подписанному, а подписанному совѣтомъ (иначе говоря, именному, объявленному *изъ* верховнаго тайнаго совѣта). Замѣчу еще, что г. Алексѣевъ почему-то думаетъ, что я скрываю отъ читателей, что этотъ указъ *именной* въ собственномъ смыслѣ (т.-е. не прошедшій *черезъ* совѣтъ), но на стр. 88 моей книги этотъ указъ такъ и названъ *именнымъ*.

*) Цѣлью контроля совѣта надъ приходомъ и расходомъ суммъ должно было служить и возстановленіе ревизіонъ-коллегіи съ подчиненіемъ ее *сенату* (п. 9, указъ 24 февраля 1727 г.—VII, № 5017). Касаясь моего вывода по этому вопросу, проф. Алексѣевъ говоритъ, что „возстановленіе ревизіонъ-коллегіи не только не было *самовластнымъ актомъ* верховнаго тайнаго совѣта, направленнымъ *противъ сената*, а совершенно наоборотъ,—было узаконеніемъ, состоявшимся *по иниціативѣ самого сената*" (стр. 112). Да, сенатъ, дѣйствительно, представлялъ совѣту о необходимости возстановленія ревизіонъ-коллегіи, но предлагалъ при этомъ оставить эту коллегію (или ковтору), согласно „должности" сената, въ вѣдомствѣ *самого сената* (на это указывается ссылка сената на 13 пунктъ „должности", гдѣ повелѣвалось „ревизіонъ-конторѣ имѣть счетомъ *въ полномъ отдѣленіи въ сенатѣ*"). Совѣтъ же подчинилъ ее *себѣ*, нарушивъ при этомъ указанный пунктъ „должности". Какимъ же образомъ можно говорить, что возстановленіе этой коллегіи въ томъ видѣ, какъ это предлагалось сенатомъ, было, дѣйствительно, сдѣлано совѣтомъ? Вѣдь, совѣтъ измѣнилъ самое важное, на что указывалъ сенатъ,—*отдѣленіе контроля*,—и измѣнилъ въ пользу собственнаго развитія компетенціи (подробности всего этого см. въ моей книгѣ стр. 168 и сл.)?

Digitized by Google

Уже приводившіеся выше, при случаѣ, примѣры дѣятельности совѣта показываютъ ясно, что изображеніе г. Алексѣевымъ совѣта, *какъ учрежденія совѣщательнаго, дѣйствовавшаго по указамъ и подъ руководствомъ суверенная органа*» (стр. 115), далеко не отвѣчаетъ дѣйствительности. Еще менѣе мирится съ этимъ изображеніемъ то обстоятельство, что совѣтъ уже при Екатеринѣ проявлялъ весьма широкую *инициативу* дѣйствій, а «руководство» и «указанія» императрицы совѣту не всегда имѣли мѣсто въ его дѣятельности. Но мало этого: въ моей книгѣ указаны факты, которые невольно заставляютъ придти къ выводу, что и въ тѣхъ случаяхъ, когда такія указанія и даже прямыя повелѣнія совѣту дѣйствительно давались императрицей, совѣтъ довольно-таки свободно относился къ нимъ, что едва ли было бы къ лицу такому скромному совѣщательному учрежденію, какимъ изображается совѣтъ г. Алексѣевымъ. Указъ 9 января 1727 г. повелѣвалъ, наприм., между прочимъ, «какъ для сихъ (т.-е. для дѣлъ по организаціи государственнаго контроля), такъ и прочихъ случающихся важныхъ дѣлъ *призывать* въ совѣтъ *по однова или по дважды въ недѣлю для совѣту сенаторей*»; однако, въ теченіе 4-хъ почти мѣсяцевъ, протекшихъ со времени этого указа до кончины Екатерины, совѣтъ едва ли два или три раза приглашалъ сенаторовъ къ себѣ на совѣщанія (*Исторія сената*, стр. 208 и сл.)! Или, наприм., еще въ началѣ 1726 г., обсуждая 5-й пунктъ «мнѣнія не въ указъ», касавшійся раздѣленія самого совѣта на департаменты, Екатерина повелѣла совѣту «учинить особое мнѣніе со изъясненіемъ» по этому вопросу; прошелъ весь этотъ годъ, а въ январѣ 1727 г. императрица жаловалась, что, несмотря на это повелѣніе, «сіе *до сего времени* не учинено», и приказала «*немедленно* учинить проектъ... и намъ *доложить*; прошло, однако, еще 4 мѣсяца, государыня скончалась, не получивъ этого проекта отъ совѣта (Ib., стр. 36, 56 и сл.), хотя вопросъ этотъ представлялъ высокую важность. Да и вообще весь только что упомянутый январьскій указъ Екатерины (точной даты его неизвѣстно) развѣ не служитъ указаніемъ на то, какъ мало иногда склоненъ былъ совѣтъ исполнять отдаваемыя ему приказанія? Или, наприм., 4-й пунктъ *тестамента* Екатерины категорически повелѣвалъ ввести въ совѣтъ цесаревенъ Анну и Елизавету («во время малолѣтства императора имѣютъ администрацію вести *наши обѣ цесаревны*, герцогъ и прочіе члены в. совѣта, который *обще* изъ 8 персонъ состоять имѣютъ»); однако, совѣтъ, почти на первыхъ же порахъ послѣ кончины Екатерины, счелъ возможнымъ совершенно игнорировать этотъ весьма, конечно, *важный* пунктъ*), и цесаревенъ въ засѣданія свои *не* приглашалъ, какъ и вообще отмѣнялъ вскорѣ затѣмъ тѣ постановленія императрицы, какія находилъ для себя почему-либо неудобными (Ib., стр. 63 и сл.; стр. 191 и сл.). Можно, разу-

*) Еслибы цесаревны, согласно завѣщанію Екатерины, участвовали постоянно въ администраціи „совѣта“, то, не говоря уже о томъ, что само учрежденіе могло получить другой характеръ, едва ли явилось бы возможнымъ приглашеніе Анны Іоанновны на ...ство, а также, можетъ быть, и предложеніе ей извѣстныхъ „кондицій“.

Digitized by Google

мѣется, возразить на только что приведенные примѣры, что они имѣли мѣсто уже *послѣ* кончины государыни. Но какъ же, однако, могло случиться, что едва закрыла глаза императрица, какъ это столь скромное *совѣщательное* учрежденіе, привыкшее всегда жить и дѣйствовать «по указаніямъ и по руководствамъ суверенной власти», вдругъ измѣнило (будучи притомъ въ прежнемъ составѣ) своему девизу? Вѣдь, «указанія» были налицо, стоило имъ только слѣдовать?... Не вѣрнѣе ли будетъ поэтому предположить, что совѣтъ уже раньше пріобрѣлъ нѣкоторый навыкъ поступать сообразно своимъ цѣлямъ или, выражаясь словами самого же г. Алексѣева, «*проявлять... стремленія, выходившія за тѣ рамки его дѣятельности, которыя были ему указаны императрицей*» (стр. 124 рецензіи)? Г. Алексѣевъ отрицаетъ (въ прямое противорѣчіе съ признаніемъ только что указанныхъ стремленій, относимыхъ имъ, впрочемъ, только къ лицу Меншикова и герцога Голштинскаго), «какія бы то ни было политическія тенденціи» и «захваты» совѣта. Однако, вотъ передъ нами *третій пунктъ* «мнѣнія не въ указъ», въ его первоначальной, *отвергнутой* Екатериной редакціи, и въ новой, *одобренной* ею редакціи *). Или, вотъ, передъ нами докладъ совѣта государынѣ, въ которомъ содержится его предложеніе (также *не принятое* ею), что если *словесныя* повелѣнія императрицы будутъ касаться сената и коллегій, то «чтобы о томъ тѣ люди (которые ихъ получатъ) *прежде объявляли въ в. т. совѣтѣ*, откуда о томъ указы посыланы будутъ, *а мимо в. т. совѣту* и въ коллегіяхъ словесныхъ вашего величества указовъ не объявляли бы» (*Исторія сената*, стр. 185, прим. 45). Неужели эти предложенія, исходившія отъ совѣта, не заключали въ себѣ политической тенденціи, по меньшей мѣрѣ, направленной къ тому, чтобы сдѣлать совѣтъ средоточіемъ *всего* правленія? И почему же эти предложенія были не приняты Екатериной? Можно, разумѣется, относиться къ этимъ и имъ подобнымъ стремленіямъ совѣта такъ или иначе, но совершенно невозможно утверждать, что совѣтъ былъ только совѣщательнымъ учрежденіемъ и не пытался, какъ доказываю я, выйти изъ той роли, какая ему была указана...

---

*) Приведемъ, для наглядности, этотъ 3-й пунктъ въ обѣихъ редакціяхъ, первоначальной, *отвергнутой* императрицею, и новой, ею *принятою*:

Первоначальная редакція:

„*Никакимъ указамъ прежде не выходить, пока отъ въ тайномъ совѣтѣ совершенно не состоялось*, протоколы не закрѣплены и ея величеству для всеминостивѣйшей апробаціи прочтены не будутъ, и потомъ, могутъ оные, по учиненному здѣсь опредѣленію, отъ д. ст. сов. Степанова закрѣплены и отправлены быть“...

Принятая редакція:

„Чтобы о важныхъ дѣлахъ, поставя протоколы и на мѣрѣ, *и не подписавъ напередъ для апробаціи* къ ея имп. величеству *вносить*,—одной, по случаю смотря, по важности дѣла и двумъ персонамъ присутствующимъ отъ того верховнаго тайнаго совѣта,—*и какъ уже Ея имп. величество изволитъ апробовать, тогда подписать и въ дѣйство производить*“ (*Сборн. Русск. Ист. Общ.*, т. LV, стр. 94, 96 изд.).

Digitized by Google

Затѣмъ, чѣмъ же, какъ не захватомъ, наприм., являлось отношеніе совѣта къ сенатской «должности», этому уставу сената, который долженъ былъ обезпечить за нимъ извѣстныя права и положеніе въ государствѣ? Вѣдь, совѣтъ постоянно нарушалъ эту «высочайше утвержденную должность» (*Исторія сената*, стр. 158 и сл.) и нарушалъ въ интересахъ развитія собственной власти?

Странно, что проф. Алексѣевъ, такъ подробно разбирающій вскользь брошенныя мною замѣчанія о партіяхъ и т. п., оставляетъ почти безъ всякаго объясненія факты, подобные выше указаннымъ, хотя на нихъ-то, по преимуществу, я и основываю свой выводъ о роли совѣта.

Нашъ отвѣтъ довольно затянулся, хотя мы и не могли дать, какъ хотѣли бы, подробныхъ объясненій *) на всѣ возраженія г. Алексѣева.

---

*) Отвѣтимъ теперь, хотя кратко, на тѣ немногія, впрочемъ, возраженія г. Алексѣева, которыя были оставлены выше безъ объясненій. Г. Алексѣевъ утверждаетъ, наприм., вопреки моему выводу, что „переименованіе сената (какъ и синода) состоялось *по непосредственному повелѣнію императрицы*“ (стр. 100, 113). А вотъ что гласитъ одинъ изъ протоколовъ совѣта: „понеже верховному тайному совѣту извѣстно учинилось, что въ сенатъ изъ первыхъ 3 коллегій промеморій не принимаютъ затѣмъ, что въ оныхъ не пишутъ (сенатъ) правительствующимъ, такожъ и изъ другихъ коллегій не знаютъ какимъ образомъ титуловать сенатъ, отъ чего въ дѣлахъ есть остановка, того ради *отъ* верховнаго тайнаго совѣта... *ходилъ докладывать ея имп. величеству* т. к. секретарь А. Макаровъ, и пришедъ объявилъ, что *ея императ. величество, по представленію верховнаго тайнаго совѣта* указала сенату съ нынѣшняго времени именоваться и писаться высокій сенатъ, *а не правительствующій*“ (*Опись сен. арх.*, т. II, стр. III; о переименованіи синода см. въ моей книгѣ стр. 71, прим. 78, гдѣ видно ясно, что и здѣсь инициатива шла *отъ* совѣта). Какъ же можно, въ виду подобныхъ данныхъ, не прегрѣшая передъ правдою, говорить *о непосредственномъ повелѣніи императрицы?* По поводу моего утвержденія, что совѣтъ *нѣсколько разъ* обсуждалъ вопросъ о положеніи синода, о его составѣ и компетенціи, пока не представилъ императрицѣ проектъ указа *о раздѣленіи синода на два департамента и другихъ вопросахъ*, который и былъ ею принятъ“, авторъ рецензіи увѣряетъ, что верховный тайный совѣтъ *не представлялъ* проекта этого указа императрицѣ, а, наоборотъ, императрица 1 іюня уже готовый проектъ внесла въ совѣтъ. *До 1-го же іюня совѣтъ ни разу* не обсуждалъ вопроса о раздѣленіи синода на два департамента“ (стр. 114). При этомъ проф. Алексѣевъ не обратилъ вниманія на то, что сама Екатерина еще 16 марта поручила совѣту „о синодѣ впредь особое учрежденіе учинить“, а совѣтъ въ тотъ же день постановилъ „*о синодѣ* сочинить мнѣніе *ради донесенія ея имп. величеству, для ея всемилостивѣйшей апробаціи*“ (*Сб. Ист. Общ.*, т. LV, стр. 96). Это-то постановленіе совѣта и давало мнѣ право предположить, что „новосочиненный указъ“ о синодѣ, который „слушать и апробовать изволила“ Екатерина, былъ составленъ кѣмъ-либо изъ членовъ совѣта, причемъ прежде, чѣмъ дойти до императрицы, былъ выслушанъ еще самимъ совѣтомъ (ibid., стр. 318). Отрицая, что проектъ этого указа (какъ утверждаю я) *нѣсколько разъ* обсуждался совѣтомъ, г. Алексѣевъ упустилъ изъ виду, что проектъ этотъ (давшій содержаніе указу 15 іюля 1726 г.) состоялъ не изъ одного только вопроса о раздѣленіи синода на два департамента, но касался и *состава* синода и пр. Если первая часть указа (о департаментахъ) была утверждена императрицею 3 іюня и слушалась въ совѣтѣ всего 2 раза (31 мая и 1 іюня), то вторая, по отношенію къ *составу*, обсуждалась и послѣ 3 іюня (*Исторія сената*, стр. 72 и сл., прим. 80). Если даже и признать (на осно-

Digitized by Google

Надѣясь, впрочемъ, что для этого найдется еще время и возможность и въ другой разъ, позволяемъ себѣ вкратцѣ резюмировать наше общее заключеніе. Какъ намъ кажется, можно оспаривать тѣ или иныя частности нашего взгляда на роль и значеніе совѣта въ то или другое царствованіе, но нельзя, однако, отвергать всякой связи между отдѣльными моментами непродолжительной жизни этого учрежденія, нельзя раздѣлять совершенно совѣта Екатерины I отъ совѣта послѣдующаго времени, на чемъ построена значительная часть возраженій проф. Алексѣева. Затѣмъ, несомнѣнно, много темнаго и неяснаго остается какъ въ исторіи *происхожденія* учрежденія (кстати сказать, затрогиваемой нами въ нашей книгѣ лишь совершенно мимоходомъ и въ немногихъ словахъ), такъ и въ той роли, какую играли отдѣльные члены совѣта и особенно кабинетъ императрицы въ установленіи тѣхъ или иныхъ сторонъ организаціи учрежденія. Однако, уже современники отмѣтили ту тенденцію учрежденія, которая сопровождала его во всю его недолговѣчную жизнь—«подъ видомъ желанія укрѣпить власть и пра-

---

вами довольно неясной записи 1 іюня), какъ допускаетъ г. Алексѣевъ, что первая часть проекта о департаментахъ была внесена *готовою* самою Екатериною въ совѣтъ, то весь проектъ въ цѣломъ, давъ содержаніе указу 15 іюля, вышелъ изъ совѣта. Мой выводъ, какъ видно изъ приведенной цитаты, касается *всего* указа 15 іюля, а не первой только его части (о раздѣленіи на департаменты). Отрицаетъ далѣе г. Алексѣевъ и мое положеніе, что дѣла въ совѣтѣ распредѣлялись по вѣдомствамъ отдѣльныхъ членовъ—министровъ, забывая, однако, при этомъ объяснить, почему же въ такомъ случаѣ *откладывались* дѣла до прибытія даннаго лица, а затѣмъ и отмѣтить, что я самъ не отрицаю, что такое распредѣленіе или раздѣленіе было весьма несовершенно и не могло всегда и во всемъ проводиться строго и неукоснно и т. д. (стр. 36—42 моей книги; стр. 76—78 рецензіи); не соглашается также авторъ рецензіи и съ моимъ утвержденіемъ, что въ дѣлахъ совѣта мы постоянно находимъ донесенія отдѣльныхъ членовъ по тѣмъ вопросамъ, которые находились въ ихъ завѣдываніи, замѣчая, что они, наоборотъ, представляютъ исключеніе (стр. 78 и сл.). Просмотрѣвъ внимательно документы совѣтскаго дѣлопроизводства за *оба* царствованія, легко видѣть, на чьей сторонѣ истина. Весьма много, наконецъ, говоритъ, почтенный авторъ о томъ, что указъ 28 марта 1726 г. былъ „списанъ“ съ „мнѣнія не въ указъ“ и что я не долженъ бы былъ „ставить этихъ двухъ разнородныхъ и несоизмѣримыхъ акта рядомъ, приводя ихъ въ цикѣ мѣропріятій, направленныхъ *противъ* сената“ и пр. (стр. 104—107). Однако, легко замѣтить, что разъ я считалъ (какъ указывалось уже выше) „мнѣніе не въ указъ“ актомъ, выражающимъ тенденціи самого совѣта, было совершенно логично ставить въ связь съ этимъ актомъ и указъ 28 марта, съ него „списанный“.

Кажется, мы отвѣтили теперь на всѣ возраженія г. Алексѣева *по существу*. Мы считали себя, однако, вправѣ не отвѣчать на всѣ тѣ выходки, которыми изобилуетъ „Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ верховнаго тайнаго совѣта“ проф. А. С. Алексѣева (вродѣ, наприм., его утвержденія, что мое „объясненіе историческаго явленія, несомнѣнно, имѣетъ всѣ шансы на то, чтобъ имѣть успѣхъ и доставить истинное удовольствіе многимъ читателямъ и читательницамъ ученыхъ историческихъ сочиненій; тутъ есть все: и интрига злодѣя пьесы, властолюбиваго Меншикова, и коварные замыслы иностранца Бассевича, и, наконецъ, какъ вѣнецъ всего—конституціонный планъ“ (стр. 25 и сл.), предоставляя оцѣнить ихъ самимъ читателямъ моей книги.

Digitized by Google

вительство царицы», говоритъ Кампредонъ («почему оно», по его же словамъ, «нынѣ чрезвычайно пріятно для честолюбія и власти царицы»), «оно, кажется, кладетъ новый камень того зданія, которое русскіе вельможи замыслили воздвигнуть незамѣтно, т.-е. усиленіе ихъ власти и ихъ настоящаго и будущаго широкаго участія въ управленіи дѣлами здѣшней страны». Мнѣ кажется, этой тенденціи не опровергло разсужденіе проф. Алексѣева, какъ не опровергло и того, что это «участіе» вельможъ въ дѣлѣ управленія страною имѣло олигархическую окраску. Можно, разумѣется, считать эту окраску,—при комбинаціи извѣстныхъ условій—явленіемъ преходящимъ, но, несомнѣнно, что не «легенда» только это правленіе, олицетворявшееся «въ толь маломъ числѣ владѣющихъ», а фактъ прошлаго, не легко, по нашему крайнему убѣжденію, опровергаемый, ввиду свидѣтельствъ первоисточниковъ этого прошлаго.

Александръ Филипповъ.

Digitized by Google

Т. Н. Грановскій.

(Западники и славянофилы въ 1844—45 гг.).

Четвертаго октября прошлаго года исполнилось сорокъ лѣтъ со дня кончины Т. Н. Грановскаго. Въ общихъ чертахъ значеніе этой замѣчательной личности для исторіи русскаго общественнаго развитія выяснено уже болѣе или менѣе опредѣленно. Извѣстна дѣятельность его, какъ замѣчательнаго профессора исторіи въ Московскомъ университетѣ, живымъ и правдивымъ словомъ возбуждавшаго умы и сердца юношей въ ту пору (1839—1855 г.), когда, по горестному признанію *цензора* Никитенка, назначеніемъ человѣка признавалось быть не человѣкомъ, а солдатомъ. Извѣстна видная роль Грановскаго въ созданіи для университета нѣкоторыхъ прочныхъ традицій, разнесенныхъ его учениками и въ другіе университеты,—традицій близости университета и общества, профессоровъ и студентовъ. Извѣстны и личныя черты его характера, чистаго и обаятельнаго, заставлявшаго людей «нравственно охорашиваться», но томившагося и страдавшаго отъ избытка силъ, которыхъ не могла поглотить одна профессорская дѣятельность, да бесѣды въ болѣе или менѣе тѣсномъ дружескомъ кругу. Извѣстно, наконецъ, что это былъ западникъ, самый близкій другъ Бѣлинскаго и Герцена.

Однако, послѣ біографіи Грановскаго, составленной А. Станкевичемъ и вышедшей въ 1869 г., разработка біографическихъ свѣдѣній о Грановскомъ почти прекратилась. Только въ 1880 г. П. Анненковъ, въ статьѣ *Замѣчательное десятилѣтіе*, указалъ на нѣкоторыя весьма существенныя черты роли Грановскаго въ развитіи западническихъ идей. За то очень сильно разросся матеріалъ для характеристики вообще сороковыхъ годовъ, и въ связи съ этимъ измѣняется и освѣщеніе личности Грановскаго. «Гуманность» его, такъ исключительно превознесенная благодарными учениками, въ томъ числѣ и А. Станкевичемъ, не можетъ исключительно привлекать наше вниманіе, и Грановскій, какъ представитель нѣкотораго исторически важнаго міровоззрѣнія, долженъ получить болѣе обстоятельную оцѣнку.

Западничество, конечно, не исчерпывалось голымъ пристрастіемъ къ западно-европейскимъ жизненнымъ формамъ,—пристрастіемъ, которое такъ

Digitized by Google

часто было комически-уродливо. Какъ міровоззрѣніе, западничество сороковыхъ годовъ захватывало глубь и общественныхъ и въ особенности нравственно-философскихъ вопросовъ, что и объясняетъ ту ярость, какую оно вызывало со стороны болѣе дальновидныхъ защитниковъ оффиціальной народности, тогда какъ менѣе дальновидные обрушивались на славянофиловъ. Грановскій былъ западникомъ не только потому, что получилъ образованіе за границей, но и потому, что усвоилъ,—хотя и не такъ полно и послѣдовательно, какъ другіе,—сущность міровоззрѣнія, сложившагося на развалинахъ гегелевской философіи. Внимательное изученіе сочиненій Грановскаго доказываетъ это какъ нельзя лучше.

Центральная идея западничества — идея живой конкретной личности, стоящей въ извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ, ея достоинство и право. Грановскій, который «учился исторіей, думалъ исторіей и исторіей же проповѣдывалъ обществу», въ ней же находилъ оправданіе своему идеалу: «нравственная просвѣщенная личность и сообразное требованіямъ такой личности общество» (*Грановскій*, соч. т. II, стр. 220). Историческій процессъ сводился для него на «разложеніе массъ мыслью», т.-е. на постепенное освобожденіе массъ, въ силу дѣятельности индивидуальной мысли, отъ коснаго пребыванія въ однихъ и тѣхъ же природныхъ и общественныхъ условіяхъ и традиціонныхъ взглядахъ на жизнь. Отсюда же и теплая вѣра Грановскаго въ прогрессъ,—не фаталистическій, а достигаемый цѣной индивидуальныхъ усилій личностей, изъ которыхъ состоитъ человѣчество.

Нужды нѣтъ, что въ этихъ взглядахъ своихъ Грановскій не всегда былъ строго послѣдователенъ. Въ первую половину сороковыхъ годовъ дѣло шло лишь о выясненіи этой сути міровоззрѣнія, и друзья сходились совершенно, тѣмъ болѣе, что всѣ непосредственныя впечатлѣнія тогдашней дѣйствительности и отрицательное отношеніе къ этому міровоззрѣнію со стороны славянофиловъ и оффиціальной народности заставляли друзей смыкаться тѣснѣе и тѣснѣе.

Извѣстно, что въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ кругъ московскихъ западниковъ еще довольно мирно сходился съ противниками въ блестящихъ тогдашнихъ салонахъ А. П. Елагиной, Свербеевыхъ, Чаадаева, у Аксаковыхъ. Грановскій при самомъ пріѣздѣ изъ-за границы возмутился всѣми странностями выводовъ славянофиловъ, вторившихъ во многомъ, часто того не замѣчая, защитникамъ оффиціальной народности и status quo, какими были, наприм., Погодинъ и Шевыревъ. Послѣдній и провозгласилъ въ *Москвитянинѣ* о пресловутомъ «гніеніи Запада» въ 1841 г. Герценъ, поселившійся въ Москвѣ съ 1842 г. и быстро и тѣсно сблизившійся съ Грановскимъ, и статьи Бѣлинскаго въ *Отечественныхъ Запискахъ*, дружно нападая съ разныхъ сторонъ на логическіе промахи и преувеличенія славянофиловъ (подъ которыми разумѣли одинаково и Кирѣевскихъ съ Хомяковымъ и К. Аксаковымъ, и Погодиныхъ съ Шевыревыми), вызвали мало-по-малу охлажденіе, а потомъ и рѣзкую вражду между представителями различныхъ воззрѣній,

Digitized by Google

Мягкая артистическая натура Грановскаго, художника-созерцателя по преимуществу, не была боевою. Острая, неистощимая діалектика Герцена, по справедливости заслуживающая названія «haar spaltende» — разсѣкающая волосъ,—или страстный пафосъ Бѣлинскаго были Грановскому чужды. Благодаря терпимости къ людямъ, тому, какъ вдумчиво относился онъ къ нимъ, онъ сумѣлъ раньше другихъ оцѣнить въ своихъ «друзьяхъ-врагахъ» многое, не только то, что касалось ихъ личной искренности, правдивости и убѣжденности, но и то, что въ ихъ воззрѣніяхъ было связано съ этими качествами, именно нравственную сторону идеи народности, какъ ее понимали славянофилы, въ отличіе отъ народности оффиціальной.

Благодаря этому, немедленно послѣ разгара самой ожесточенной распри, на обѣихъ сторонахъ произошелъ взаимный обмѣнъ и углубленіе идей. Западники признали кое-что въ чистомъ славянофильствѣ существенно важнымъ; сами славянофилы отдѣлились отъ оффиціальной народности, и обѣ стороны увидѣли другъ въ другѣ такія точки соприкосновенія, что впослѣдствіи могли рядомъ и дружно работать при проведеніи въ жизнь въ 60-е годы реформъ, возникшихъ на почвѣ умственнаго движенія сороковыхъ годовъ.

Предполагаемый очеркъ и передастъ подробности наиболѣе жгучихъ моментовъ распри, которая привела къ столь важнымъ результатамъ. Все въ ней живо и поучительно. Хотя ей минуло уже пятьдесятъ лѣтъ, но пріемы теперешнихъ защитниковъ status quo остались такими же, какъ пріемы тогдашнихъ охранителей. И можно только пожелать, чтобы въ средѣ людей, искренне желающихъ общественнаго совершенствованія, несмотря на различіе мнѣній, всегда сохранялись лишь тѣ рыцарскія отношенія, какихъ желали Грановскій съ друзьями и лучшіе изъ славянофиловъ.

I.

Публичный курсъ по исторіи среднихъ вѣковъ, прочитанный Грановскимъ зимой 1843—1844 гг. въ стѣнахъ университета и окончившійся никода еще здѣсь не виданною и не слыханною восторженною овацією лектору, былъ, по выраженію Герцена, «камнемъ въ голову узкимъ націоналистамъ», а косвенно и славянофиламъ. Тѣмъ не менѣе, впечатлѣніе, произведенное на общество лекціями Грановскаго, заставило противниковъ забыть свою вражду на нѣкоторое время. Славянофилы, усердно посѣщавшіе лекціи и дружно хлопавшіе лектору наравнѣ съ другими, изъявили желаніе участвовать въ обѣдѣ, который друзья Грановскаго устроили ему по окончаніи курса, и уговорили Погодина и Шевырева присутствовать также, несмотря на статью Шевырева въ *Москвитянинѣ*, противъ ядовитыхъ намековъ которой Грановскій оправдывался предъ публикой. Со стороны славянофиловъ распорядителемъ былъ дѣловитый и сдержанный Юрій Самаринъ; со стороны западниковъ—Герценъ. Примиреніе съ обѣихъ сторонъ, казалось, было искренно и безъ заднихъ мыслей. Пиршество быстро утра-

Digitized by Google

тило чопорный оффиціальный характеръ. На восторженно встрѣченный тостъ за Грановскаго послѣдній отвѣтилъ тостомъ за Шевырева, котораго усадили рядомъ съ виновникомъ торжества. Пили за университетъ. К. Аксаковъ съ энергически сжатымъ кулакомъ и сверкающими глазами, громкимъ торжественнымъ голосомъ, ударивъ кулакомъ по столу, провозгласилъ тостъ за Москву... и въ эту самую минуту раздался звонъ колоколовъ къ вечернѣ. Шевыревъ, воспользовавшись этимъ, произнесъ своимъ пѣвучимъ и тоненькимъ голосомъ: «Слышите ли, господа, московскіе колокола отвѣтствуютъ на этотъ тостъ!» Эта эффектная выходка съ одной стороны возбудила улыбку, съ другой—восторгъ. Аксаковъ подошелъ къ Шевыреву, и они бросились въ объятія другъ другу... Въ пику Шевыреву западники хотѣли было пить за всю Россію, не исключая Петербурга, и только Грановскій смягчилъ ихъ своимъ кроткимъ и умоляющимъ взглядомъ, да и сами они поняли, что Грановскому было бы крайне непріятно, еслибы на обѣдѣ въ честь его раздѣлились на два враждебныхъ лагеря. По окончаніи обѣда тосты продолжались. По предложенію Хомякова, молча и стоя пили за «великаго отсутствующаго славянскаго поэта», т.-е. Мицкевича. То было строго запретное имя. Славянофилы въ заключеніе обѣда обнимались съ западниками. И. Кирѣевскій просилъ у Герцена одного, чтобъ онъ вставилъ въ свою фамилію «ы» вмѣсто «е» и черезъ это сдѣлалъ ее болѣе русской для уха. Но Шевыревъ и этого не требовалъ, а обнимая Герцена, увѣрялъ своимъ сопрано: «Онъ и безъ «ы» хорошъ, онъ и безъ «ы» русскій».

«Дѣти, дѣти!—подсмѣивался совершенно резонно Бѣлинскій надъ этимъ минутнымъ примиреніемъ и надъ Грановскимъ съ Кетчеромъ, которые готовы были, повидимому, въ серьезъ принять подобныя изліянія за бокаломъ шампанскаго: имъ только придраться къ какому бы то ни было случаю, чтобы лишній разъ выпить и поболтать... Какое это примиреніе? И неужели Грановскій серьезно вѣритъ въ него? Быть не можетъ!... Сколько ни пей, ни чокайся, это не послужитъ ни къ чему, если нѣтъ въ людяхъ никакой точки соприкосновенія, никакой возможности къ уступкѣ ни съ той, ни съ другой стороны.

Грановскій, полагавшій, что худой миръ все же лучше доброй ссоры, не совсѣмъ доволенъ былъ враждебнымъ отношеніемъ Бѣлинскаго къ попыткамъ примиренія. Въ письмахъ Бѣлинскій изъяснялся еще рѣзче и крайне негодовалъ, что московскіе западники не становятся на военную ногу со славянофилами, къ которымъ онъ причислялъ и защитниковъ оффиціальной народности,—ошибка, въ виду того, что и Шевырева считали славянофиломъ, совершенно съ его стороны понятная. Бѣлинскій не принималъ въ разсчетъ, что Грановскому, какъ профессору, такъ или иначе приходилось держаться «тонкой галантерейности» съ издателями *Москвитянина*. Уступая ихъ настояніямъ, онъ помѣстилъ въ ихъ журналѣ около этого времени небольшую статью (*Начало Прусскаго государства*, соч. II стр. 281) содержанія самаго безобиднаго.

«Неистовый Виссаріонъ» сердито писалъ по этому поводу Герцену: «Г

Digitized by Google

жидъ по натурѣ и съ филистимлянами за однимъ столомъ ѣсть не могу... Грановскій хочетъ знать, читалъ ли я его статью въ *Москвитянинѣ*. Нѣтъ, и не буду читать; скажи ему, что я не люблю ни видѣться съ друзьями въ неприличныхъ мѣстахъ, ни назначать имъ тамъ свиданья». Понятно, что при такомъ отношеніи Бѣлинскаго къ славянофиламъ его невозможно было, по выраженію Герцена, «заарканить» и въ *Отечественныхъ Запискахъ*. И предположенія Бѣлинскаго о непрочности мира оправдались очень скоро: отношенія въ непродолжительномъ времени обострились до нельзя, такъ что сталъ необходимъ разрывъ личныхъ сношеній.

Прежде чѣмъ перейти къ рѣзкимъ проявленіямъ вражды, обострившейся благодаря друзьямъ славянофиловъ, надо сказать, что въ это время западники были очень заняты предположеніями объ изданіи въ Москвѣ журнала, затѣяннаго снова Грановскимъ, а славянофилы—толками и переговорами о переходѣ *Москвитянина* въ ихъ руки: въ управленіи Погодина и Шевырева журналъ влачилъ свое существованіе, грозя совершенно упасть. Грановскій съ друзьями собрали на изданіе своего журнала капиталъ на акціяхъ. Къ несчастью его не хватало на пріобрѣтеніе одного изъ существующихъ мелкихъ журналовъ—*Галатеи* Ранча, *Русскаго Вѣстника* Глинки, не говоря о болѣе крупной *Библіотекѣ для Чтенія* Сенковскаго. Нужно было просить о разрѣшеніи издавать новый журналъ, а подобныя разрѣшенія въ это время получались съ немалымъ трудомъ. Въ іюнѣ 1844 г. Грановскій подалъ чрезъ попечителя прошеніе объ изданіи журнала *Московское Обозрѣніе*; редакторомъ, по общему желанію, долженъ былъ стать Е. Коршъ. Журналу предполагалось дать характеръ историческій и критическій по преимуществу. Готовились статьи, приглашали Бѣлинскаго; въ тѣсное тогда, образованное общество проникъ слухъ, что новый журналъ обѣщаетъ стать новыми *Отечественными Записками*, по крайней мѣрѣ Гоголь высказывался въ этомъ смыслѣ въ письмѣ къ Языкову (*Ж. и тр. Погодина*, т. VII, стр. 440—441).

Съ мыслью и заботами о новой своей дѣятельности Грановскій лѣтомъ поѣхалъ, одинъ—безъ жены, въ Орловскую губернію къ осиротѣлому и больному отцу. Къ этой поѣздкѣ относится его тоскливое письмо къ женѣ, навѣянное всею печальною домашнею обстановкой,—письмо, гдѣ онъ говоритъ, что Станкевичъ и сестры умираютъ для него ежедневно снова. Дѣла по имѣнію по-прежнему были плохи и причиняли только непріятности. Пришлось ѣхать въ Полтавскую губернію для продажи имѣнія, оставшагося послѣ матери: этимъ онъ предполагалъ покрыть долги по орловскому имѣнію, которое отецъ соглашался передать ему во владѣніе. Покупщика онъ не нашелъ, а по возвращеніи оказалось, что отецъ поздоровѣлъ, и къ нему вернулись прежняя безпечность и упрямство. Грановскій ни съ чѣмъ вернулся въ Москву; онъ только усталъ отъ хлопотъ и разъѣздовъ по скернымъ дорогамъ и въ скверную погоду; лѣто какъ на зло было необыкновенно холодно и дождливо.

Плохой хозяинъ, Грановскій вообще менѣе всего чувствовалъ себя

Digitized by Google

способнымъ къ деревенской жизни, а между тѣмъ возможность быть обреченнымъ на жизнь въ деревнѣ, въ виду не прекращавшихся университетскихъ интригъ противъ него, часто была весьма вѣроятна. «Я люблю деревню,—писалъ онъ изъ своей поѣздки,—но люблю эту жизнь какъ отдыхъ. Я привыкъ къ дѣятельности, и моя настоящая дѣятельность дорога мнѣ,—я не могу отъ нея отказаться. Ты скажешь, что я могу работать, писать и въ деревнѣ, но я еще не знаю, есть ли у меня литературный талантъ, а какъ профессоръ я сознаю въ себѣ призваніе къ этому дѣлу и способность... Мы можемъ каждое лѣто проводить въ деревнѣ, но постоянная жизнь въ деревнѣ не для меня до тѣхъ поръ, пока мнѣ можно будетъ оставаться при университетѣ... Я не могу принять незаслуженнаго отдыха, покоя прежде усталости. Это несогласно съ моими взглядами на жизнь... Мнѣ нуженъ трудъ, люди и,—скажу правду,—вліяніе на людей, то-есть возможность дѣлиться съ ними моими учеными и другими мнѣніями. Все это даетъ мнѣ университетъ»...

Журналъ, о судьбѣ котораго онъ постоянно освѣдомлялся въ письмахъ изъ провинціи, представлялся дополненіемъ къ университетской дѣятельности. Славянофилы, конечно, знали это стремленіе Грановскаго и горячо уговаривали его присоединиться къ *Москвитянину* подъ новою редакціей. Объ этомъ, повидимому, говоритъ записка Ю. Ѳ. Самарина къ Аксакову, писанная въ началѣ 1844 г.: «Я собираюсь,—пишетъ Самаринъ,—нынче послѣ обѣда къ Грановскому часовъ въ пять и пробуду до 8. Хорошо будетъ, если ты тоже къ Грановскому поѣдешь. Нападемъ на него вдвоемъ, врасплохъ; этотъ человѣкъ видимо колеблется». Около того же времени Хомяковъ, по увѣренію Герцена (Дневникъ, 12 мая 1844 г.), убѣждая И. В. Кирѣевскаго принять въ свои руки *Москвитянина*, стращалъ его тѣмъ, что въ противномъ случаѣ журналъ, единственный гдѣ сотрудничали славянофилы, перейдетъ въ руки противниковъ. И. В. отклонялъ сперва это предложеніе и спрашивалъ, кто противники, не Грановскій ли съ друзьями? что, въ такомъ случаѣ, онъ къ нимъ чувствуетъ болѣе симпатіи, чѣмъ ко всѣмъ славянофиламъ. Грановскій лѣтомъ заѣзжалъ къ Кирѣевскому, и между ними снова была рѣчь о журналѣ. «Я прожилъ два хорошіе дня съ Иваномъ Васильевичемъ,—писалъ Грановскій женѣ.—Всякій день мы сидѣли съ нимъ до трехъ часовъ ночи и говорили о многомъ. Онъ почти рѣшился взять *Москвитянина* и радъ, что у насъ можетъ быть свой журналъ. Онъ очень хорошо понимаетъ, что намъ невозможно быть постоянными сотрудниками въ журналѣ, которому онъ хочетъ дать одинъ характеръ. А съ нимъ сойтись не трудно, но друзья его!»

Друзья эти скоро дали себя знать. Въ 7-й книжкѣ *Москвитянина* была еще напечатана статья Герцена о лекціяхъ Грановскаго. Послѣдній вернулся въ Москву въ половинѣ августа, и тутъ же произошли какія-то столкновенія, заставившія Герцена записать въ дневникѣ по адресу славянофиловъ: «Бѣлинскій правъ. Нѣтъ мира и свѣта съ людьми до тог разными». Особенно тяжело поражало Герцена и его друзей, что у пр

Digitized by Google

тивниковъ, вслѣдствіе близости къ элементамъ, принципіально чуждавшимся самостоятельнаго взгляда на вещи, развивалась замашка переносить споры на такую почву, гдѣ они сами были въ полной безопасности, связывая въ то же время западниковъ по рукамъ и ногамъ. Еще въ концѣ 1842 г. Герценъ съ горечью жаловался на то, что людямъ его круга приходится защищать возможность существованія своихъ идей даже отъ славянофильства. «Славянофильство приноситъ ежедневно пышные плоды,—писалъ онъ:—открытая ненависть къ Западу есть открытая ненависть ко всему процессу развитія рода человѣческаго, ибо Западъ, какъ преемникъ древняго міра, какъ результатъ всего движенія и всѣхъ движеній—все прошлое и настоящее человѣчества (ибо не ариѳметическая цифра, счетъ племенъ или людей—человѣчество). Вмѣстѣ съ ненавистью и пренебреженіемъ къ Западу—ненависть и пренебреженіе къ свободѣ мысли, къ праву, ко всѣмъ гарантіямъ, ко всей цивилизаціи. Такимъ образомъ, славянофилы, само собою, становятся на сторонѣ внѣшняго давленія... Нѣтъ настолько образованныхъ шпіоновъ, чтобъ указывать всякую мысль, сказанную изъ свободной души, чтобы понимать въ ученой статьѣ направленіе и проч. Славянофилы взялись за это. Отвратительные доносы Булгарина не оскорбляли, потому что отъ Булгарина нечего ждать другого, но доносы *Москвитянина* повергаютъ въ тоску. Булгаринъ работаетъ изъ одного гроша, а эти господа? Изъ убѣжденія! Каково убѣжденіе, дозволяющее прямо дѣлать доносы на лица, повергая ихъ всѣмъ бѣдствіямъ». «То, что въ *Отечественныхъ Запискахъ* печатается,—то здѣсь страшно говорить при многихъ. Слава Петру, отрекшемуся отъ Москвы! Онъ видѣлъ въ ней зимующіе корни узкой народности, которая будетъ противодѣйствовать европеизму и стараться снова отторгнуть Русь отъ человѣчества».

Щекотливыя столкновенія съ противниками, тревожное настроеніе вслѣдствіе отсутствія извѣстій быть или не быть *Московскому Обозрѣнію*—подавляюще дѣйствовали на друзей. 17 октября 1844 г. у Герцена записаны тоскливыя строки: «Оттого, что мы глубоко, непримиримо распались съ существующимъ, оттого ни у кого нѣтъ собственнаго практическаго дѣла, которое было бы принимаемо за дѣло истинное, вовлекающее въ себя всѣ силы души. Отсюда—небрежность, nonchalence, долею эгоизмъ, лѣнь и бездѣйствіе! Чѣмъ больше, чѣмъ внимательнѣе всматриваешься въ лучшихъ людей, благороднѣйшихъ людей, тѣмъ яснѣе видишь, что это неестественное распаденіе съ жизнью ведетъ къ идіосинкразіямъ, ко всякимъ субъективнымъ блажнямъ. Beatus ille, qui procul negotiis можетъ съ головою погрузиться въ частную жизнь или теорію. Не всякій можетъ. И ги-то немогущіе вянутъ въ монотонной длинной агоніи, плачевной и, главное, убійственно скучной. Въ юности все еще кажется, что будущее принесетъ удовлетвореніе всему, лишь бы добраться поскорѣе до него, но nel mezzo del camin di nostra vita нельзя себя тѣшить,—будущее намъ лично ничего не предвѣщаетъ, развѣ гоненія сугубыя... Жизнь безъ сильныхъ искушеній, несчастій такъ же неполна, какъ безпрестанно подавляемая

Digitized by Google

несчастіемъ». Эти строки вполнѣ гармонируютъ съ тѣмъ, что писалъ самъ Грановскій Фролову въ концѣ октября, когда о журналѣ все еще не было ни слуху, ни духу. «Эта задержка насъ очень разстроила. Если разрѣшеніе придетъ въ ноябрѣ, то придется отложить изданіе журнала до 1846 года, потому что въ ноябрѣ поздно набирать подписчиковъ, а наши денежныя средства невелики, и издавать журналъ на свой счетъ мы не въ состояніи... Придется прождать еще годъ. Когда подумаешь, сколько годовъ прошло уже въ безплодныхъ сборахъ и надеждахъ, то станетъ тяжело на сердцѣ. Мы всѣ перешагнули за 30 лѣтъ; у всѣхъ у насъ были надежды, желаніе труда, силы. Что же изъ всего вышло? Назади мало, впереди темно, неопредѣленно... Еслибъ, по крайней мѣрѣ, открылась для насъ возможность общей успѣшной дѣятельности года на два, на три. Это немного, но можно бы оставить по себѣ слѣдъ, вліяніе, благородный примѣръ усерднаго труда, который у насъ на Руси такъ рѣдокъ. До дѣльныхъ книгъ публика наша еще не доросла. Ей нужны пока журналы, и журналомъ можно принести много пользы,—болѣе, чѣмъ цѣлою библіотекой ученыхъ сочиненій, которыхъ никто читать не станетъ».

Какъ подозрѣвалъ Герценъ, журнала не разрѣшали, благодаря происканъ противниковъ западничества. Славянофилы, какъ бы то ни было, продолжали убѣждать западниковъ—отложить въ сторону «мечты о собственномъ журналѣ и поддержать *Москвитянинъ*», но переговоры кончались чуть не явною ссорой. Хомяковъ, по разсказу Герцена, какъ-то заявилъ, что ни за что не далъ бы статьи въ журналъ Грановскаго, на что Герценъ, не оставаясь въ долгу, возразилъ, что «приводя ту же консеквентность, Грановскій не взялъ бы и не помѣстилъ ее» (Дневникъ, 9 ноября 1844 г.).

Въ это самое время, чтобы до нѣкоторой степени сгладить впечатлѣніе, произведенное на общество первымъ публичнымъ курсомъ Грановскаго, славянофилы выдвинули не совсѣмъ неразсчетливо Шевырева. Послѣдній, по выраженію біографа Погодина, «имѣлъ дерзновеніе» открыть въ Москвѣ публичный курсъ объ «Исторіи русской словесности, преимущественно древней», т.-е. преимущественно того времени, когда ничего не писали, какъ мѣтко сострилъ Герценъ. Панегирики Шевырева древнему періоду русской литературы, на тему, какъ литература «искони была сосудомъ вѣры», были, конечно, вполнѣ въ духѣ оффиціальной народности и теологической стороны славянофильства. Естественно, что западники и славянофилы не сошлись въ оцѣнкѣ лекцій. Публика посѣщала ихъ почти столь же усердно, какъ прошлый годъ лекціи Грановскаго. Мода на посѣщеніе публичныхъ университетскихъ курсовъ, созданная Грановскимъ, еще не прошла, и Шевырева слушали удовольствіемъ многія изъ тѣхъ дамъ, которыя восхищались Грановскимъ: «comme c'est joli! c'est dommage que je n'aie rien entendu!» Подобные слушательницы и слушатели, конечно, столь же наслаждались риторическими возгласами и пышными метафорами Шевырева, сколько и простымъ и о разнымъ, прозрачнымъ языкомъ Грановскаго, а до содержанія имъ, к

Digitized by Google

нечно, еще меньше было дѣла. Даже Хомяковъ, объявлявшій, что «успѣхъ Шевырева—успѣхъ мысли, достояніе общее, шагъ впередъ въ наукѣ», призналъ, что особой цѣны успѣхъ этотъ не имѣетъ, нечаянно проговорившись въ письмѣ къ Самарину: «Ряды нашихъ друзей оказались необычайно рѣдкими и дружина ничтожною. Весь университетъ, или почти весь, держится другой стороны... Покуда большинство публики глядитъ къ Западу» (*Ж. и тр. Погод.*, т. VII, стр. 459). «Вѣсти о лекціяхъ Шевырева,—писалъ съ своей стороны Бѣлинскій въ началѣ 1845 г.,—о фурорѣ, который онѣ произвели въ зернистой московской публикѣ, о рукоплесканіяхъ, которыми прерывается каждое слово этого скверноуста,—все это меня не удивило нисколько: я увидѣлъ въ этомъ повтореніе исторіи съ лекціями Грановскаго. Наша публика—мѣщанинъ въ дворянствѣ,—продолжаетъ желчно Бѣлинскій, бичуя ея равнодушіе и косность.—Лучшимъ она всегда считаетъ того, кто читалъ послѣдній... По моему мнѣнію,—добавляетъ онъ,—стыдно хвалить то, чего не имѣешь право ругать: вотъ отчего мнѣ не понравились статьи (Герцена) о лекціяхъ Грановскаго».

Въ данномъ случаѣ славянофилы не выказали пониманія этого простого правила приличія. Тогда какъ западники не въ силахъ были вести съ ними полемику о содержаніи лекцій Шевырева, они трубили о своей побѣдѣ, причемъ самъ виновникъ торжества скромно приписывалъ свой успѣхъ особому благословенію Божію. Поэтъ Н. М. Языковъ, на сестрѣ котораго былъ женатъ Хомяковъ, воспѣлъ въ стихахъ побѣду «науки жреца и правды воина» и приглашалъ не смущаться молвою враговъ, потому что

... они чужбинѣ
Отцами преданы съ пелонъ:
Русь не угодна ихъ гордынѣ,
Имъ чуждъ и дикъ родной законъ,
Родной языкъ имъ неповятенъ,
Имъ безотвѣтна и смѣшна
Своя земля, ихъ умъ развратенъ
И совѣсть ихъ прокажена.

Понятно, что, при возможности такого нетерпимаго отношенія къ западникамъ, обѣ стороны не могли чувствовать другъ къ другу особой симпатіи; впрочемъ, со стороны Языкова эти стихи были пока только цвѣточками.

Исторія съ диссертаціей Грановскаго и новые стихи Языкова, «со струнъ лиры котораго,—говоря словами Шевырева,—сильнѣе чѣмъ когда-нибудь раздались высокія пѣсни», съ тѣхъ поръ, какъ онъ, полуумирающій, поселился въ Москвѣ,—окончательно поссорили обѣ партіи.

Обращаясь нынѣ къ магистерской диссертаціи Грановскаго, можно только подивиться, какъ она могла вызвать столько толковъ, ожесточенныхъ нападокъ и вообще стать яблокомъ раздора. Содержаніе ея безобидный и очень спеціальный вопросикъ. Грановскій, всегда считавшій себя болѣе профессоромъ, преподавателемъ, чѣмъ ученымъ, не думая о цѣнныхъ вкладахъ

Digitized by Google

въ науку, чтобы на чемъ-нибудь остановиться, остановился на сказаніи о славянскомъ городѣ Винетѣ, «сѣверной Венеціи», будто бы поглощенной моремъ. Разбирая лѣтописныя извѣстія, Грановскій приходитъ къ заключенію, что никогда такого города не существовало, а просто ученые, смѣшавъ норманское поселеніе Іомсбургъ со славянскимъ городомъ Волиномъ, пользуясь народными преданіями, сочинили красивый миѳъ. Казалось бы, какое дѣло русскому обществу до незначительной частности исторіи XI вѣка? Но сказаніе о славянской Венеціи, какъ видно, показалось многимъ очень лестнымъ, «возвышающимъ обманомъ», который дороже «тьмы низкихъ истинъ». Грановскій въ своей диссертаціи давалъ примѣръ разрушенія подобнаго «возвышающаго обмана», и пугливому воображенію это могло показаться опаснымъ прецедентомъ. Иначе трудно объяснить переполохъ, который вызвала диссертація. Заключительныя слова ея: «Найдутся и кромѣ Дамеровскихъ рыбаковъ люди, которые еще не отступятся отъ Винеты, которымъ предъ лицомъ сухой, критикою добытой истины станетъ жаль изящнаго вымысла; но противъ ихъ возраженій наукѣ говорить нечего»,— эти слова были, очевидно, приняты за какой-то дерзкій вызовъ.

Профессора Давыдовъ и Шевыревъ, съ участіемъ слависта О. Бодянскаго, хотѣли съ позоромъ вернуть диссертацію Грановскому, подъ предлогомъ недостаточной ученой основательности ея. Грановскій наотрѣзъ отказался взять ее для исправленія и потребовалъ письменнаго изложенія причинъ, по которымъ ее признаютъ неудовлетворительною. Строгіе критики, очевидно, не чувствовали подъ собою никакой твердой почвы и уступили. Эта исторія быстро разнеслась по Москвѣ, и общее сочувствіе было, конечно, на сторонѣ Грановскаго.

Страсти разгарались, проявляясь иногда даже въ печати выходками, которыя теперь не могутъ не возбудить улыбки. Такъ, Герцену случилось написать шуточную рекламу персидскому порошку для своего пріятеля, старика нѣмца Зонненберга; реклама появилась въ *Отечествен. Запискахъ*, въ 1844 г., съ предупрежденіемъ, что съ чудодѣйственнымъ порошкомъ отъ насѣкомыхъ надо обращаться поосторожнѣе: однажды въ комнатѣ, гдѣ употребляли порошокъ, забыли книжку *Москвитянина*, и на утро она безслѣдно исчезла.

«Болѣе и болѣе расхожусь со славянами,—записалъ Герценъ 20 ноября,— кажется, ихъ удивилъ прямой языкъ, мой тонъ у Свербеева. Потому думаю, что меня всѣ спрашиваютъ, какъ было, что было, главное—какъ я рѣшился сказать поэту-лауреату береговъ Неглинной (т.-е. Хомякову), что не помѣстятъ его статьи въ нашъ журналъ. И. Аксаковъ становится скученъ отъ фанатизма московщины; мой разговоръ недѣлю назадъ озлобилъ и удивилъ многихъ. Когда люди начинаютъ сердиться, они дозволяютъ всплыть многому, что лежитъ на днѣ души и въ чемъ неохотно себѣ сознаются. Изъ манеры славянофиловъ видно, что если бы матеріальная власть была ихъ, то намъ пришлось бы жариться гдѣ-нибудь на лобномъ мѣстѣ». Стихи Языкова, приведенные нами, совершенно оправдываютъ такое предположеніе. Герценъ невольно распространялъ его на всю партію.

Digitized by Google

Нѣсколько позднѣе онъ писалъ: «Исторія съ диссертаціей послужила на пользу, всѣ сняли перчатки и показали настоящій цвѣтъ кожи. Грановскій отказался отъ всякаго участія въ *Москвитянинѣ*. Послѣдняго обстоятельства касается письмо Грановскаго къ И. Кирѣевскому, обрисовывающее взаимныя отношенія, но носящее слѣды совершенно исключительнаго раздраженія. Грановскій писалъ, «что предлагалъ услуги Кирѣевскому лично, а не *Москвитянину* и не его сотрудникамъ, и просилъ не выставлять своего имени среди послѣднихъ, пока Кирѣевскій не станетъ оффиціально редакторомъ. Письмо, какъ передаетъ его содержаніе біографъ, говоритъ о неважности различія мнѣній и направленій, когда они не имѣютъ практическаго значенія, но что Грановскій не хочетъ стать на ряду съ большею частію сотрудниковъ *Москвитянина* не потому, что они славяне и православные христіане, а онъ, отчасти по ихъ милости, ославленъ врагомъ церкви и Россіи, а потому, что нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ не уважаетъ лично. «Повѣрьте,— писалъ Грановскій о письмѣ своемъ,— что въ немъ очень мало участвовало раздраженіе (конечно, законное), произведенное во мнѣ недавнею исторіей съ моею диссертаціей. Эта исторія только подкрѣпила давнишнія предположенія мои относительно прямоты и честности моихъ противниковъ... За мнѣнія свои,—говоритъ Грановскій въ заключеніе письма,—я принимаю на себя полную отвѣтственность, тѣмъ болѣе, что я еще не попалъ ни въ профессоры (Грановскій былъ тогда преподавателемъ), ни въ литераторы, которымъ однимъ позволяется говорить безнаказанно дерзости и творить гадости, нетерпимыя ни въ какомъ другомъ кругу».

Послѣднія слова не слишкомъ рѣзкая характеристика стиховъ, которые въ половинѣ декабря распространялись не безъ комментаріевъ досужими людьми въ московскихъ гостиныхъ. Принадлежали они перу Языкова и озаглавлены были *Къ некашимъ*. Они такъ краснорѣчивы, такъ характеризуютъ пріемы людей, которымъ порою вторили славянофилы, что не можемъ ни себѣ, ни читателямъ отказать въ удовольствіи полюбоваться этими стихами во всей ихъ откровенной обнаженности.

О вы, которые хотите
Преобразить, испортить насъ
И обѣмочить Русь! внемлите
Простосердечный мой возгласъ.
Кто-бъ ни былъ ты, одноплеменникъ
И братъ мой—малкій ли старикъ
Ея торжественный изѣнникъ;

Иль ты, сладкорѣчивый книжникъ,
Оракулъ юношей, невѣждъ,
Ты, легкомысленный сподвижникъ
Безпутныхъ мыслей и надеждъ;

Иль ты, невинный и любезный,
Поклонникъ темныхъ книгъ и словъ,
Воспріемникъ слезный
Чужихъ сужденій и грѣховъ:

по адресу Чаадаева.

по адресу Грановскаго.

по адресу Герцена.

Digitized by Google

Вы, людъ заносчивый и дерзкій,
Вы, опрометчивый оплотъ
Ученья школы богомерзкой,
Вы всѣ — не русскій вы народъ!

И далѣе поэтъ обвинялъ «не нашихъ» въ отсутствіи любви къ родинѣ, въ отсутствіи стремленія къ истинѣ и благу, въ неуваженіи къ лучшимъ преданіямъ старины, увѣрялъ, что, въ виду столь явнаго вреднаго направленія ихъ, Русская земля отъ нихъ не приметъ просвѣщенья и предсказывалъ:

Хулой и лестію своею
Не вамъ ее преобразить,
И не умѣете вы съ нею
Ни жить, ни пѣть, ни говорить.

Умолкнетъ ваша злость пустая,
Замретъ проклятый вашъ языкъ;
Крѣпка, надежна Русь святая,
И русскій Богъ еще великъ!

По поводу этого стихотворенія Гоголь, писалъ Языкову: «Самъ Богъ внушилъ тебѣ прекрасные и чудные стихи *Къ не нашимъ*. Душа твоя была органъ, а бряцали по немъ другіе персты. Они лучше самого *Землетрясенія* *) и сильнѣе всего, что у насъ было написано доселѣ на Руси». И не одинъ Гоголь былъ такого же мнѣнія...

Въ то же время Чаадаеву Языковъ посвятилъ особое стихотвореніе, не менѣе сильное, гдѣ, называя его отступникомъ, удивлялся:

И ты еще не сокрушенъ...
Ты все стоишь, красивый идолъ
Строптивыхъ душъ и слабыхъ женъ!
Ты цѣлъ еще?

Въ третьемъ стихотвореніи, одобряя поведеніе, надежды и мечты К. Аксакова, Языковъ выражалъ ему и свое порицаніе за то, что онъ подаетъ дружелюбно руку Герцену,—

Тому, кто гордую науку
И торжествующую ложь
Глубокомысленно становитъ
Превыше Истины Святой;
Тому, кто нашу Русь злословитъ
И ненавидитъ всей душой,
И кто Нѣметчины лукавой
Передался.—И вслѣдъ за ней,
За госпожею величавой,
Идетъ блистательный лакей...
А православную царицу,
А матерь Русскихъ городовъ,
Смѣнить на пышную блудницу
На Вавилонскую готовъ!...

*) Стихи Языкова, помѣщаемые во всѣхъ хрестоматіяхъ: „Всевышній граду Константина“ и т. д.

Digitized by Google

Понятно, какое впечатлѣніе произвели въ московскомъ обществѣ эти безпорно звучные стихи съ ихъ специфическимъ ароматомъ. Даже миролюбиваго Грановскаго они не могли не взорвать. «Я каюсь въ своемъ глупомъ заблужденіи,—говорилъ онъ, по словамъ Панаева,—Бѣлинскій тысячу разъ правъ. Примиреніе съ господами, дѣйствующими противъ насъ такими средствами, глупо и нелѣпо».

Какъ бы отвѣтомъ Языкову въ печати явилась статья Бѣлинскаго въ ближайшей книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ*, гдѣ въ обзорѣ литературы за 1844 годъ, онъ подвергъ суровой и вполнѣ справедливой критической оцѣнкѣ риторическія стихотворенія Хомякова и Языкова. Герценъ въ свою очередь, ѣдко разбирая январьскій номеръ *Москвитянина* за 1845 г., сдѣлалъ слѣдующую замѣтку о напечатанныхъ тамъ стихахъ Языкова: «Разсказъ г. Языкова о капитанѣ Суминѣ—трогателенъ и наставителенъ; кажется, успокоившаяся отъ суетъ муза г. Языкова рѣшительно посвящаетъ нѣкогда забубенное перо свое поэзіи исправительной и обличительной. Это истинная цѣль искусства, пора поэзіи сдѣлаться трибуналомъ de la poésie correctionelle. Мы имѣли случай читать еще поэтическія произведенія того же исправительнаго направленія, ждемъ ихъ въ печати, это громъ и молнія; озлобленный поэтъ не остается въ абстракціяхъ; онъ указуетъ негодующимъ перстомъ *лица*,—при полномъ изданіи можно приложить адресы!... Исправлять нравы! Что можетъ быть выше этой цѣли? Развѣ не ее имѣлъ въ виду самоотверженный Коцебу и авторъ *Выжигинныхъ* и другихъ нравственно-сатирическихъ романовъ?» Въ числѣ другихъ негодующихъ откликовъ на стихи Языкова слѣдуетъ упомянуть объ отвѣтѣ, также въ стихахъ, Каролины Павловой; отвѣтъ живо рисуетъ то подавленное настроеніе, которое произвелъ безсмысленно злобный поступокъ Языкова во всѣхъ, кто серьезно относился къ борьбѣ литературно-общественныхъ мнѣній:

Во мнѣ нѣтъ чувства, кромѣ горя,
Когда знакомый гласъ пѣвца,
Слѣпымъ страстямъ безбожно вторя,
Вливаетъ ненависть въ сердца.
И я глубоко негодую,
Что тотъ, чья пѣснь была чиста,
На площадь музу шлетъ святую,
Вложивъ ругательства ей въ уста.
Мнѣ тяжко знать и безотрадно,
Какъ дышетъ страстной онъ враждой,
Чужую мысль карая жадно
И роясь въ совѣсти чужой.
Мнѣ стыдно за него и больно
И вмѣсто пѣсенъ, какъ сперва,
Лишь вырываются невольно
Изъ сердца горькія слова.

Стихи Языкова переполнили чашу терпѣнія западниковъ. Такое выраженіе нисколько не представляется преувеличеннымъ: именно московскіе западники, съ Грановскимъ во главѣ, выказали наиболѣе терпимости къ

Digitized by Google

искреннему убѣжденію противниковъ. Вся накопившаяся непріязнь вышла теперь наружу; грязь, поднятая Языковымъ, конечно, обрушилась на него самого съ тѣми, кто восхищался его стихами, но дальнѣйшія совмѣстныя встрѣчи и мирное дебатированіе отвлеченныхъ вопросовъ стали теперь совершенно невозможными. Вдобавокъ стихи Языкова повели къ объясненіямъ, которыя въ подобныхъ случахъ только сильнѣе запутываютъ дѣло. Произошло столкновеніе между Грановскимъ и младшимъ Кирѣевскимъ; оно быстро приняло такой острый характеръ, что лишь съ большимъ трудомъ удалось устранить дуэль.

Первый шагъ къ разрыву сношеній сдѣлалъ пылкій «Бѣлинскій славянофильства», К. Аксаковъ. Лично онъ до глубины души былъ возмущенъ выходкою Языкова и въ горячемъ обращеніи «Къ союзникамъ» пытался провести границу между своими друзьями и единомышленниками и между ближайшими своими сосѣдями, прикрывавшимися ихъ флагомъ.

Не съединитъ насъ буква мнѣнья,

— восклицалъ Аксаковъ,—

Во всемъ мы разны межъ собой,
И ваше злобное шипѣнье
Не голосъ чистый и простой...
На битвы выходя святыя,
Да будемъ чисты межъ собой!
Вы прочь, союзники гнилые,
А вы, противники, на бой!...

Глубокаго интереса полны разсказы о томъ, какъ разошлись друзья-враги: ради отвлеченныхъ убѣжденій расходились люди, связанные самою задушевною дружбой, возникшею въ юности и развившеюся при совмѣстной работѣ мысли и чувства, а такая дружба крѣпче самыхъ тѣсныхъ семейныхъ и другихъ обычныхъ узъ, гдѣ такую роль играетъ привычка. «Наши личныя отношенія,—писалъ по этому поводу Герценъ въ *Дневникѣ*,—много вредятъ характерности и прямотѣ мнѣній. Мы, уважая прекрасныя качества лицъ, жертвуемъ для нихъ разностью мысли. Много надобно имѣть силы, чтобы плакать и все-таки умѣть подписать приговоръ Камилла де-Мулена!» Такой силы для разлуки хватило у противниковъ.

«Въ 1844 г., когда наши споры дошли до того, что ни «славяне», ни мы не хотѣли больше встрѣчаться,—вспоминаетъ Герценъ,—я какъ-то шелъ по улицѣ, К. Аксаковъ ѣхалъ въ саняхъ. Я дружески поклонился ему. Онъ было проѣхалъ, но вдругъ остановилъ кучера, вышелъ изъ саней и подошелъ ко мнѣ. «Мнѣ было слишкомъ больно,—сказалъ онъ,—проѣхать мимо васъ и не проститься съ вами. Вы понимаете, что послѣ всего, что было между вашими друзьями и моими, я не буду къ вамъ ѣздить; жаль, жаль, но дѣлать нечего. Я хотѣлъ пожать вамъ руку и проститься». Онъ быстро пошелъ къ санямъ, но вдругъ воротился; я стоялъ на томъ же мѣстѣ, мнѣ было грустно; онъ бросился ко мнѣ, обнялъ меня и крѣпко поцѣловалъ. У меня были слезы на глазахъ. Какъ я люблю его въ э

Digitized by Google

минуту ссоры».—Разлука Аксакова съ Грановскимъ была еще знаменательнѣе. Аксаковъ явился къ Грановскому ночью, разбудилъ его, бросился къ нему на шею и, крѣпко сжимая въ своихъ объятіяхъ, объявилъ, что пріѣхалъ къ нему исполнить одну изъ самыхъ горестныхъ и тяжелыхъ обязанностей своихъ—разорвать съ нимъ связи и въ послѣдній разъ проститься съ нимъ, какъ съ потеряннымъ другомъ, несмотря на глубокое уваженіе и любовь, какія онъ питаетъ къ его характеру и личности. Напрасно Грановскій убѣждалъ его смотрѣть хладнокровнѣе на ихъ разномыслія, говорилъ, что кромѣ идей славянства и народности, между ними есть еще другія связи и нравственныя убѣжденія, которыя не подвержены опасности разрыва,—К. С. Аксаковъ остался непреклоненъ и уѣхалъ отъ него сильно взволнованный и въ слезахъ (разсказъ Грановскаго, передаваемый Анненковымъ въ *Замѣчательномъ десятилѣтіи*).

«Онъ и, можетъ, оба Кирѣевскіе уносятъ личное,—записано у Герцена подъ 10 янв. 1845 г.,—а остальные чортъ съ ними. Самаринъ, не думаю, чтобъ ихъ былъ». Въ скоромъ времени онъ убѣдился, что послѣднее его предположеніе было несправедливо.

«Что сказать тебѣ о твоей размолвкѣ съ Герценомъ и Грановскимъ?—писалъ по поводу этого разрыва К. Аксакову Ю. Самаринъ.—Рано или поздно это должно было случиться. Такъ! Неприступная черта межъ нами есть, и наше согласіе никогда не было искренно, то-есть не было прочнымъ жизненнымъ согласіемъ. Вспомни, какими искусственными средствами оно поддерживалось. Многое, очень многое насъ разлучаетъ и въ особенности то, что для насъ многое осталось святынею, въ чемъ они видятъ безжизненныхъ идоловъ. Но вотъ что мнѣ кажется: не замѣшалось ли много страсти, много личности и съ той и съ другой стороны; разрывъ былъ необходимъ, но, можетъ быть, въ иномъ видѣ». Какъ бы то ни было, онъ совершился окончательно и безповоротно.

Въ разгаръ этихъ происшествій было получено извѣстіе о судьбѣ журнала Грановскаго. Государь на представленіе о разрѣшеніи положилъ лаконическую резолюцію: «не нужно», и Грановскому столь же коротко было сообщено въ концѣ декабря 1844 г., что «Государь не соизволилъ разрѣшить господину Грановскому издавать журналъ».

Магистерскій диспутъ Грановскаго былъ, наконецъ, назначенъ на 21 февраля. Этотъ день оказался, по выраженію Герцена, «публичнымъ и торжественнымъ пораженіемъ славянофиловъ и публичною овацією Грановскаго». Ему были извѣстны интриги противъ него, и публика постаралась выразить ему свое полное сочувствіе. Университетскій залъ былъ биткомъ набитъ публикой и студентами, стоявшими сзади на стульяхъ, на подоконникахъ, другъ на дружкѣ. Грановскій, встрѣченный рукоплесканіями, тихо и сдержанно, со спокойною улыбкой отвѣчалъ на придирчивыя и рѣзкія нападки оффиціальныхъ оппонентовъ. Изъ нихъ всегда рѣзкій О. М. Бодянскій напрямикъ заявилъ, что диссертація такъ недостаточна и такъ плохо составлена, что отъ студенческаго сочиненія можно бы было требо-

Digitized by Google

вать больше. Шиканье и свистъ были отвѣтомъ на эти слова; каждое слово Грановскаго сопровождалось аплодисментами, а нападки на него горячимъ протестомъ. Рѣдкинъ, защищая Грановскаго, вступилъ въ горячій споръ съ Шевыревымъ по поводу философскихъ идей блаж. Августина, которому Шевыревъ приписывалъ декартовское «cogito ergo sum». Трудно себѣ и представить, какъ спорящіе могли отъ предмета диссертаціи уклониться до Августина. «Вы сказали—и вамъ аплодировали»,—началъ одно изъ своихъ возраженій Степанъ Петровичъ.—«Вы сказали—и вамъ шикали»,—началъ свой отвѣтъ не оставшійся въ долгу Рѣдкинъ. Бодянскій и Шевыревъ нѣсколько разъ обращались къ студентамъ со словами: «здѣсь не театръ», но выговоры были безполезны. Инспекторъ Нахимовъ былъ въ совершенномъ отчаяніи, такъ какъ резонно опасался, что проявленіе сочувствія студентовъ Грановскому будетъ представлено въ видѣ бунта; онъ только просилъ потихоньку студентовъ шипѣть потише. Графъ Строгановъ былъ на диспутѣ и выдержалъ себя съ отличнымъ равнодушіемъ: онъ ни разу даже не оглянулся на мѣсто, гдѣ шумѣли студенты. По окончаніи диспута, когда попечитель поздравилъ Грановскаго, раздались нескончаемые аплодисменты и крики: браво! vivat! На лѣстницѣ снова увидѣли Грановскаго, и раздались новыя рукоплесканія. Даже предъ университетомъ собралась толпа студентовъ, ожидавшая его отъѣзда, но ее уговорили разойтись.

Диссертація Грановскаго появилась въ изданіи молодого, рано скончавшагося славянофила Д. Валуева: *Сборникъ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи и народахъ ей единовѣрныхъ и иноплеменныхъ*. Авторъ изслѣдованія о мѣстничествѣ, Д. Валуевъ издавалъ сверхъ того *Симбирскій сборникъ* и *Библіотеку для воспитанія* и умѣлъ привлекать своими трудами къ себѣ и славянофиловъ, и западниковъ, хотя къ первымъ принадлежалъ не только по убѣжденіямъ, но и по родственнымъ связямъ: племянникъ Хомякова, онъ съ дѣтства жилъ въ его домѣ. Фактъ появленія статьи въ это время ожесточенной вражды обѣихъ сторонъ въ сборникѣ рѣшительно славянофильскаго характера достаточно говоритъ объ отношеніяхъ Валуева и Грановскаго. Послѣдній очень высоко цѣнилъ Валуева и говорилъ о немъ, по замѣчанію Анненкова, не иначе, какъ съ умиленіемъ.

Защита диссертаціи, конечно, стала злобою дня. И университетъ, и публика показали, что симпатіи ихъ не на сторонѣ узкаго національнизма. «Славяне огорчились и какъ-то не находятся,— писалъ Герценъ въ дневникѣ,—au reste, благородные изъ нихъ были противъ всѣхъ продѣлокъ, а подлые выдумываютъ въ свое оправданіе несбыточныя мерзости, что это— интрига и проч., и по своимъ котеріямъ будутъ насъ вдвое ругать». Пока что, эти нападки грозили обрушиться на студентовъ Московскаго университета, за здоровье которыхъ, во время обѣда Грановскому въ тѣсномъ дружескомъ кругу, на другой день послѣ диспута, Герценъ провозгласилъ первый тостъ. Къ счастью, графъ Строгановъ не позволилъ раздуть дѣло. Послѣ диспута онъ для очистки совѣсти сдѣлалъ выговоръ студентамъ

Digitized by Google

представителямъ факультетовъ, указывая, какъ правительство дурно смотритъ на подобныя манифестаціи. «Больше ничего и не было,— замѣчаетъ современникъ,—а чѣмъ бы могла разыграться эта исторія при другомъ попечителѣ—страшно и подумать!» (Воспоминанія Аванасьева). Позднѣе министръ графъ Уваровъ завелъ было со Строгановымъ рѣчь по поводу распущенности студентовъ, проявившейся тутъ. Попечитель съ достоинствомъ отвѣтилъ коротко: «я самъ былъ на диспутѣ!» Тогда же было объявлено запрещеніе аплодировать въ стѣнахъ университета, а на диспуты стали допускать только студентовъ двухъ старшихъ курсовъ *).

Грановскій, съ своей стороны, сумѣлъ предупредить всѣ непріятности для слушателей рѣчью къ нимъ, замѣчательною по такту, умѣнью говорить со студентами и убѣждать ихъ, дѣйствуя на лучшія стороны ихъ характера. Она такъ полно дорисовываетъ портретъ Грановскаго, какъ преподавателя, что нельзя не привести ее цѣликомъ. «Мм. гг.!—сказалъ Грановскій 24 февраля предъ началомъ обычной своей лекціи,—благодарю васъ за тотъ пріемъ, которымъ вы почтили меня 21 февраля. Онъ меня еще болѣе привязалъ къ университету и къ вамъ, мм. гг. Въ этотъ день я получилъ самую благородную и самую драгоцѣнную награду, какую только могъ ожидать преподаватель. Теперь отношенія наши уяснились; поэтому я думаю, мм. гг., что впередъ внѣшнія изліянія вашихъ чувствъ будутъ излишни, точно такъ, какъ между двумя старинными, испытанными друзьями излишни новыя увѣренія въ дружбѣ. Теперь эти рукоплесканія могутъ только обратить на насъ вниманіе. Я прошу васъ, мм. гг., не перетолковывайте этихъ словъ въ дурную сторону. Я говорю ихъ не изъ страха за себя, даже не изъ страха за васъ,—я знаю, что страхомъ васъ нельзя остановить. Меня заставляютъ говорить причины болѣе разумныя, болѣе достойныя и меня, и васъ. Мы, равно и вы и я, принадлежимъ къ молодому поколѣнію,—тому поколѣнію, въ рукахъ котораго жизнь и будущность. И вамъ и мнѣ предстоитъ благородное и, надѣюсь, долгое служеніе нашей великой Россіи,— Россіи, преобразованной Петромъ, Россіи, идущей впередъ и съ равнымъ презрѣніемъ внимающей и клеветамъ иноземцевъ, которые видятъ въ насъ только легкомысленныхъ подражателей западнымъ формамъ, безъ всякаго собственнаго содержанія, и старческимъ жалобамъ людей, которые любятъ не живую Русь, а ветхій призракъ, вызванный ими изъ могилы, и нечестиво преклоняются предъ кумиромъ, созданнымъ ихъ воображеніемъ. Побережемъ же себя на великое служеніе. Въ заключеніе скажу вамъ, мм. гг., что гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было, если кто-нибудь изъ васъ придетъ ко мнѣ во имя 21 февраля, тотъ найдетъ во мнѣ признательнаго и благодарнаго брата». Студенты, конечно, не аплодировали, но въ благоговѣйномъ молчаніи выслушали эти слова. Врядъ ли

*) При попечителѣ Назимовѣ еще были усилены эти строгости: студентъ, желавшій быть на диспутѣ, записывалъ свое имя въ университетскомъ правленіи и получалъ оттуда билетъ на право входа за подписью ректора.

Digitized by Google

можно было проще и любовнѣе убѣдить слушателей; и впослѣдствіи, во времена болѣе близкія къ нашему, профессорамъ случалось просить слушателей по подобнымъ же поводамъ воздерживаться отъ аплодисментовъ, но съ увѣренностью можно сказать, что врядъ ли кто-нибудь изъ нихъ могъ прибавить что-либо къ этимъ словамъ Грановскаго, которыя рисуютъ его отношеніе къ слушателямъ лучше любого длиннаго панегирика ему. «Во всемъ, что дѣлаетъ Грановскій, есть какая-то стройная грація,—восхищенно замѣчаетъ относительно этой рѣчи Герценъ,—какое удивительное благородство и умѣнье притомъ остаться въ необходимыхъ предѣлахъ!» Шевырева (по сообщенію Герцена же) студенты собирались встрѣтить шиканьемъ и свистками, еслибъ онъ вздумалъ говорить по поводу диспута, т.-е. прочитать нотацію; у него, очевидно, хватило такта воздержаться на этотъ разъ.

За то ни онъ, ни другіе недоброжелатели Грановскаго не сдерживали своихъ языковъ въ обществѣ. Рѣчь послужила новымъ поводомъ къ обвиненіямъ: при добромъ желаніи и усердіи ее удобно было выдать за заискиваніе дешевой популярности или за что угодно. «Обо мнѣ кричатъ, что я интриганъ и тайный виновникъ всѣхъ оскорбленій, которыя наносятся славянству»,—такъ жаловался Грановскій въ мартѣ 1845 года Н. Х. Кетчеру и писалъ, что подобныя обвиненія распространяются и на друзей его, что, между прочимъ, особенно обвиняютъ Бѣлинскаго въ подрываніи народности, нравственности и православія; упоминаетъ также и о своихъ рѣзкихъ личныхъ объясненіяхъ съ противниками. Въ одномъ письмѣ начала 1846 года онъ говоритъ: «Мнѣ посчастливилось имѣть враговъ, которые откровенно сознаются въ своемъ желаніи сбыть меня. Въ прошедшемъ году на меня дѣлали три раза доносы, какъ на человѣка вреднаго для государства и религіи. Теперь не касаются болѣе моей религіи, но нападаютъ на мои политическія идеи». Такимъ образомъ, можно утвердительно сказать, что противники Грановскаго приняли къ сердцу совѣтъ Герцена, данный Языкову, «прилагать и адресъ» къ изліянію своихъ чувствъ. Словомъ, положеніе Грановскаго становилось тѣмъ болѣе шатко, чѣмъ сильнѣе становились и вліяніе его на общество и студентовъ, и его популярность.

II.

Распря славянофиловъ и западниковъ, изображенная нами съ тѣми побочными элементами, которые примѣшались къ ней, имѣла, однако, важныя послѣдствія для развитія идей обѣихъ враждующихъ сторонъ. Какъ всегда, вліяніе ожесточенныхъ споровъ, дошедшихъ до личныхъ столкновеній, сказались не немедленно. Обыкновенно спорящіе остаются каждый при своемъ мнѣніи въ ту минуту, какъ оканчивается споръ; когда минуетъ первый пылъ и жаръ борьбы, противники оказываются часто согласившимися другъ съ другомъ во многомъ. 1845 годъ въ исторіи развитія славянофильства и западничества тѣмъ и замѣчателенъ: выяснилось опредѣленно, что сла-

Digitized by Google

вянофилы въ собственномъ смыслѣ слова, К. Аксаковъ, Хомяковъ, Кирѣевскіе, Самаринъ, существенно расходятся съ представителями оффиціальной народности; они дѣлали этимъ огромную уступку западничеству, одна изъ основныхъ заслугъ котораго—именно выясненіе несостоятельности точки зрѣнія Погодиныхъ и Шевыревыхъ и на Европу, и на Россію; съ другой стороны, западники, и на первомъ мѣстѣ Герценъ и Грановскій, дѣлали заимствованіе у славянофиловъ огромной важности: признавая въ славянофильскомъ воззрѣніи существенное зерно истины, расходясь даже съ Бѣлинскимъ, они были первыми виновниками разложенія чистаго безусловнаго западничества; оно преобразовалось и въ новомъ видѣ приближалось къ вѣяніямъ позднѣйшей эпохи.

Вполнѣ справедливую оцѣнку чистаго западничества сороковыхъ годовъ, того вида, какъ оно существовало до момента нашего разсказа, даетъ въ біографіи Кошелева Колюпановъ. «Кружокъ западниковъ, — пишетъ онъ (Біогр., томъ II, стр. 54),—состоялъ изъ людей, которые усвоили себѣ не одинъ внѣшній лоскъ, но внутреннюю сущность европейскаго просвѣщенія,—послѣдніе результаты его научныхъ изслѣдованій, его стремленіе ко всему истинному, честному и прекрасному, развитіе личнаго достоинства, возведеннаго на степень нравственнаго долга, стремленіе къ свободѣ и равноправности. Но, кромѣ того, лица, составлявшія кружокъ, были артистическія натуры, одаренныя тонкимъ и сильнымъ артистическимъ чутьемъ. Кромѣ любви къ литературѣ и ея представителямъ, общей всѣмъ, Станкевичъ и Боткинъ страстно любили музыку, Бѣлинскій увлекался театромъ, Грановскій былъ художникъ въ душѣ... То гуманно-эстетическое направленіе, которое выработано было ихъ дѣятельностью, было необходимымъ и важнымъ, послѣднимъ фазисомъ воспитанія для русскаго общества предъ вступленіемъ его на самостоятельный путь. Но, несмотря на свои возвышенныя стремленія, на нравственное значеніе лицъ его составлявшихъ, кружокъ западниковъ—въ смыслѣ движенія впередъ—для русской жизни не принесъ съ собою ничего *). Кружокъ относился къ послѣдней только *отрицательно*, какъ заѣзжій европеецъ или русскій, долго прожившій за границею и потерявшій связь съ землей. Между тѣмъ подвигъ отрицанія со стороны меньшинства, усвоившаго, для собственнаго комфорта, только внѣшній лоскъ европейскаго просвѣщенія и не сдѣлавшаго ничего для народа, былъ уже совершенъ Чаадаевымъ, и въ этомъ заключалась его великая заслуга. Оставался другой болѣе серьезный и трудный подвигъ, требовавшій значительныхъ умственныхъ силъ,—подвигъ отрицанія европейской догматики, принимаемой на вѣру и обращаемой рабски на житейскій канонъ. Подвигъ этотъ,—поворотъ русской мысли, какъ совершенно справедливо и мѣтко назвалъ Герценъ,— совершили славянофилы, и въ этомъ все ихъ значеніе. Гуманное отношеніе къ обществу, основанное на широ-

*) Сейчасъ укажемъ, какъ слѣдуетъ понимать это замѣчаніе Колюпанова, ошибочно приписывающаго положительную роль въ развитіи русской общественной мысли только славянофиламъ.

Digitized by Google

комъ распространеніи европейскаго просвѣщенія, обусловленное свободой мысли и слова; конституціонализмъ, основанный на интеллигентномъ меньшинствѣ въ смыслѣ англійскаго gentry, съ его парламентаризмомъ и централизаціей, что выражалось въ господствующей тогда теоріи государственности; но вмѣстѣ съ тѣмъ отрицательное отношеніе къ русской жизни и исторіи и платоническая жалость къ закрѣпощенному народу, съ которымъ порвана была всякая связь, таковъ былъ уставъ, выработанный въ кружкѣ западниковъ сороковыхъ годовъ».

Уставъ этотъ, однако, никѣмъ никогда не формулировался въ такомъ застывшемъ видѣ и можетъ быть указанъ лишь какъ стадія развитія западничества, и тѣ, кто останавливался на ней, раньше или позже оставались внѣ общественнаго движенія, какъ это случилось, наприм., съ В. П. Боткинымъ, незамѣтно очутившимся въ рядахъ крайнихъ реакціонеровъ. Въ данный періодъ западничество, какъ общественно-двигательное міровоззрѣніе, обняло въ себѣ интересы, стремленія и пожеланія образованнѣйшей части общества, преимущественно дворянскаго въ то время. Но движеніе идей въ этой средѣ не могло остановиться на этомъ и должно было рано или поздно захватить въ свой кругъ интересы и стремленія народныхъ массъ, обнаруживавшихъ свою внутреннюю жизнь лишь глухимъ недовольствомъ противъ крѣпостного права. Справедливо, что славянофилы указывали на эти массы, но ошибочно утверждать, что западники тогда же не оцѣнили ихъ указаній. Западники тогда же приходили къ отрицанію «европейской догматики», носившей характеръ буржуазно-государственнаго либерализма, и потому мнѣніе Колюпанова по меньшей мѣрѣ одностороннее.

Къ сожалѣнію, благодаря условіямъ тогдашней печати, это движеніе идей отразилось въ журналистикѣ далеко не такъ полно, чтобы цѣльную картину его можно было рисовать съ увѣренностью. Приходится ограничиваться лишь болѣе или менѣе общими указаніями на перемѣны, происходившія во взглядахъ обѣихъ сторонъ. Къ этому и переходимъ, замѣтивъ еще, что изображеніе этого момента въ исторіи кружковъ сороковыхъ годовъ важно особенно потому, что здѣсь мы находимъ нѣкоторую преемственную связь, при самомъ ея зарожденіи, между сороковыми и шестидесятыми годами.

И. Кирѣевскій, не дождавшись оффиціальнаго утвержденія своего въ званіи редактора *Москвитянина*, принялъ фактическое завѣдываніе журналомъ. Журналъ оживился сразу. «Насъ немного,—писалъ Хомяковъ, приглашая Самарина къ сотрудничеству, — и каждый обязанъ сказать хоть слово». Но то, что успѣли сказать они, ихъ укоры столько же по адресу западниковъ, сколько и узкихъ націоналистовъ, такъ не понравилось Погодину и Шевыреву, что они поспѣшили взять журналъ снова въ свои руки уже на четвертой книжкѣ. Да и раньше Погодинъ крайне неаккуратнымъ веденіемъ всего издательскаго дѣла точно нарочно тормазилъ работу Кирѣевскаго.

Мы упомянули о заявленномъ Шевыревымъ въ 1841 г. въ томъ же

Digitized by Google

журналѣ взглядѣ на европейское образованіе. Въ своемъ «обозрѣніи современнаго состоянія словесности» Кирѣевскій объявлялъ теперь совершенно нелѣпымъ подобный взглядъ, отрицалъ даже исключительное преобладаніе въ западно-европейской жизни принципа эгоизма, допускалъ, что «общее стремленіе умовъ къ событіямъ дѣйствительности, къ интересамъ дня, имѣетъ источникомъ своимъ не одни личныя выгоды или корыстныя цѣли, какъ думаютъ нѣкоторые. По большей части это просто интересъ сочувствія. Умъ разбуженъ и направленъ въ эту сторону. Мысль человѣка срослась съ мыслью о человѣчествѣ—это стремленіе любви, а не выгоды». Во второй статьѣ обвиненія западниковъ въ женоподобномъ увлеченіи Европой сопровождались признаніемъ, что совершенно ложно и иное направленіе, которое пришло неизбѣжнымъ образомъ къ ожиданію чуда, именно воскресенія мертваго прошлаго. Онъ прямо называлъ великимъ бѣдствіемъ то отчужденіе отъ Европы, къ которому стремились сторонники оффиціальной народности. Отличая двѣ образованности: «внутреннее устроеніе духа силою извѣщающейся въ немъ истины» и «формальное — разума и внѣшнихъ познаній», изъ коихъ первая открыта славянскому міру и его религіи, Кирѣевскій заключалъ, что «любовь къ образованности европейской, равно какъ и любовь къ нашей—обѣ совпадаютъ въ послѣдней точкѣ своего развитія въ одну любовь, въ одно стремленіе къ живому, полному, всечеловѣческому и истинно-христіанскому просвѣщенію». Хомяковъ, также старательно ограждая себя отъ подозрѣній въ потворствѣ противникамъ, восклицалъ по адресу старовѣровъ: «Не думайте, что, подъ предлогомъ сохранить цѣлостность жизни и избѣжать европейскаго раздвоенія, вы имѣете право отвергать какое-либо умственное или вещественное усовершенствованіе Европы» (статья о желѣзныхъ дорогахъ, надобность которыхъ серьезно оспаривалась иными). «Есть что-то смѣшное,—резонно замѣчаетъ онъ,— и даже что-то безнравственное въ этомъ фанатизмѣ неподвижности». Даже П. В. Кирѣевскій выступилъ теперь, оторвавшись отъ своихъ работъ по собиранію пѣсенъ, на журнальную арену и протестовалъ противъ приписываемаго русскому народу свойства податливости и мягкости, какъ противъ унизительной черты. Онъ пытался дать иное объясненіе тѣмъ историческимъ фактамъ, въ силу которыхъ Погодинъ доказывалъ, что покорность и смиреніе—основная черта всей русской исторіи. Значеніе, которое придавали этому пункту, объясняетъ, сказать мимоходомъ, нескончаемые и безплодные споры по вопросу о происхожденіи Руси. Въ то же время *Москвитянинъ*, порою удостоивавшійся одобреній Булгарина, теперь помѣщалъ у себя такія эпиграммы по поводу его воспоминаній:

Къ усопшимъ льнетъ, какъ червь, Фигларинъ неотвязный,
Въ живыхъ ни одного онъ друга не найдетъ.
За то когда изъ лицъ почетныхъ кто умретъ,
Клеймитъ онъ прахъ его своею дружбой грязной.
— Такъ что же? Тутъ разсчетъ: онъ съ прибылью двойной,

Digitized by Google

Презрѣнье отъ живыхъ на мертвыхъ вымѣщаетъ,
И чтобъ нажить друзей, какъ Чичиковъ другой,
Онъ души мертвыя скупаетъ.

Такимъ образомъ славянофилы до нѣкоторой степени посчитались съ защитниками оффиціальной народности, по примѣру К. Аксакова, стихи котораго мы уже цитировали.

Въ обзорѣ литературы за 1845 г., Бѣлинскій писалъ: «главная заслуга 1845 г., состоитъ въ томъ, что въ немъ замѣтно опредѣленнѣе выказалась дѣйствительность *дѣльнаго* направленія литературы», что, между прочимъ, выразилось въ признаніи славянофильствомъ собственнаго безсилія. Дѣйствительно, такъ западники и посмотрѣли на поворотъ въ славянофильствѣ отъ оффиціальной народности. Въ самомъ дѣлѣ, разъ славянофилы переставали отрицать результаты умственнаго западно-европейскаго развитія, разъ они допускали необходимость всечеловѣческаго, всехристіанскаго просвѣщенія, то этимъ они подкапывались сами подъ себя и формально совершенно сходились со взглядомъ такого западника, какъ Герценъ, формулированнымъ по поводу лекцій Грановскаго: «мы вступаемъ въ общеніе съ Европой не во имя ея частныхъ и прошедшихъ интересовъ, а во имя великой общечеловѣческой среды, къ которой стремится она и мы». При этомъ для западниковъ уже легко было разобраться въ той демократической сущности славянофильства, которую теперь славянофилы и выставили на первый планъ. Западники нашли, что славянофильство частью не заслуживаетъ прежняго ожесточеннаго преслѣдованія, потому что несостоятельность его, какъ несомнѣнной утопіи, черезчуръ очевидна. Такъ, Герценъ, говоря о первой статьѣ Кирѣевскаго, нашелъ возможнымъ похоронить ее одною остротой. «Даровитость автора никому не нова,—писалъ онъ.—Мы узнали бы его статью безъ подписи по благородной рѣчи, по поэтическому складу ея; конечно, во всемъ *Москвитянинѣ* не было такой статьи. Согласиться съ ней, однако же, невозможно. Послѣ живого, энергическаго разсказа современнаго состоянія умовъ въ Европѣ, послѣ картины, набросанной смѣлою кистью таланта, мѣстами страшно вѣрной, мѣстами слишкомъ отражающей личныя мнѣнія — выводъ бѣдный, странный и ни откуда не слѣдующій. Европа поняла, что она далѣе идти не можетъ, сохраняя германо-романскій бытъ,—слѣдовательно, она не имѣетъ другого выхода, какъ принятіе въ себя основъ жизни словено-русской? Это въ самомъ дѣлѣ такъ по исторической ариѳметикѣ г. Погодина» *). Грановскій въ это же время высказываетъ мнѣніе (въ письмѣ Кетчеру въ мартѣ 1845 г.), что печатная полемика со славянофилами вредна потому, что придаетъ имъ важность, какой они не имѣютъ. Бѣлинскій также склоненъ сталъ смотрѣть на славянофиловъ, какъ на противниковъ несерьезныхъ и, имѣя въ виду романтиче-

*) Не задолго до того Погодинъ въ своемъ журналѣ перепуталъ время жизни Коперника, Галилея и Ньютона, пославъ перваго „по стопамъ послѣднихъ".

Digitized by Google

скую сторону увлеченія ихъ славянствомъ, писалъ въ обзорѣ литературы за 1845 г. насмѣшливо о романтикахъ: «Нѣкоторые, говорятъ, не шутя надѣли на себя тюлякъ, охабень и шапку-мурмолку; болѣе благоразумные довольствуются только тѣмъ, что ходятъ дома въ татарской ермолкѣ, татарскомъ халатѣ и желтыхъ сафьянныхъ сапожкахъ,—все же историческій костюмъ! Назвались они «партіями» и думаютъ, что дѣлать значитъ—разсуждать на пріятельскихъ вечерахъ о томъ, что только они—удивительные люди, и что кто думаетъ не по нихъ, тотъ бродитъ во тьмѣ» (Соч. т. X).

Теперь, когда западники убѣждались, что лучшіе представители славянофильства существенно расходятся съ оффиціальною народностью и представляются сами по себѣ болѣе всего романтиками на особый ладъ, они могли спокойнѣе отнестись къ противникамъ. И москвичи опередили даже Бѣлинскаго въ томъ отношеніи, что раньше его оцѣнили демократическую сторону славянофильскаго пониманія «народности».

Анненковъ въ «Замѣчательномъ десятилѣтіи» на основаніи личныхъ воспоминаній возсоздаетъ тѣ споры въ московскомъ кругу западниковъ, которые возникли лѣтомъ 1845 года и выяснили, что въ ихъ воззрѣніяхъ произошелъ важный шагъ впередъ. Это лѣто и слѣдующее съ необыкновенною живостью описано Анненковымъ, а также Панаевымъ и отчасти Герценомъ.

Герценъ, Кетчеръ, М. С. Щепкинъ поселились въ селѣ Соколовѣ, въ 20—25 верстахъ отъ Москвы по петербургской дорогѣ, въ старинной барской усадьбѣ, когда-то принадлежавшей Румянцевымъ. Въ живописной мѣстности, въ великолѣпномъ липовомъ и дубовомъ паркѣ было расположено нѣсколько дачъ, сдававшихся въ наймы помѣщикомъ Дивовымъ. Послѣдній въ рѣдкіе свои наѣзды весьма оригинально заявлялъ свои помѣщичьи права. Онъ *приказывалъ* крестьянамъ и крестьянкамъ *свободно* гулять по своему парку, проходя вереницами мимо оконъ большого дома. Какъ ни легка была, повидимому, такая барщина, она возбуждала сильный ропотъ въ приговоренныхъ къ ней.

Никогда Соколово не видало такой блестящей аристократіи ума и въ такомъ количествѣ, какъ въ это лѣто и слѣдующее. Около Герцена, Щепкина, Кетчера образовалось къ серединѣ лѣта нѣчто вродѣ подвижнаго конгресса наѣзжавшихъ и пропадавшихъ литераторовъ, профессоровъ, актеровъ, художниковъ и просто интеллигентныхъ людей. Жизнь кипѣла здѣсь богатымъ ключомъ, разливавшимся по всей интеллигентной Руси. Грановскій, Е. Коршъ, Боткинъ и др. пріѣзжали каждую субботу, оставаясь на воскресенье до утра понедѣльника. Тургеневъ, Некрасовъ, Панаевъ, Кавелинъ, Коршъ, Рѣдкинъ, Анненковъ наѣзжали сюда, смѣняя другъ друга. Политическихъ разговоровъ, въ собственномъ смыслѣ слова, здѣсь не бывало, какъ не бывало ихъ и въ московскихъ салонахъ: въ ходу были только юмористическіе анекдоты на эти темы. За то художественные, литературные и научно-философскіе вопросы, вопросы западноевропейской

Digitized by Google

общественной жизни занимали всѣхъ одинаково, всякій жаждалъ услышать мнѣніе друзей, высказываясь самъ безъ остатка.

Хозяйка, Н. А. Герценъ, Грановская, окруженныя ихъ московскими пріятельницами, принимали близкое участіе во всѣхъ бесѣдахъ, были здѣсь умѣряющимъ эстетическимъ элементомъ.

«Время, проведенное мною въ Соколовѣ, я никогда не забуду,— говоритъ Панаевъ.—Оно принадлежитъ къ самымъ лучшимъ моимъ воспоминаніямъ. Чудные дни, великолѣпные теплые вечера, этотъ паркъ при закатѣ солнца и въ лунныя ночи, наши прогулки, наши обѣды на широкой лужайкѣ передъ домомъ, послѣобѣденное far niente на верхнемъ балконѣ, встрѣча утреннихъ зорь, всегда оживленная бесѣда, иногда горячіе споры, никогда не доходившіе до непріятнаго раздраженія, увлекательная рѣчь Грановскаго, блестящее остроуміе Герцена, колкія замѣтки Корша — все это вмѣстѣ было такъ хорошо, такъ полно жизни и поэзіи! Въ этомъ поэтическомъ чаду, вѣроятно, никому не приходило въ голову, что это послѣдніе пиры молодости, проводы лучшей половины жизни, что каждый изъ насъ стоитъ уже на той чертѣ, за которой ожидаютъ его разочарованія, разногласія съ друзьями, неизбѣжныя охлажденія, слѣдующія за этимъ, разъединеніе, долгія, непредвидѣнныя разлуки и близкія преждевременныя могилы...»

Разсвѣтъ часто заставалъ всю компанію за неоконченною бесѣдою и незаконченною бутылкою шампанскаго. Гулянья и dolce far niente совершались въ виду крѣпостного населенія Соколова, копошившагося на поляхъ. Принципіально вопросъ о крѣпостномъ правѣ давно былъ рѣшенъ въ этомъ кругѣ интеллигенціи, но мало кого поражалъ съ непосредственно эмоціональной стороны контрастъ между блестящею и жизнерадостною жизнью этого кружка интеллигенціи и между крестьянскимъ подневольнымъ трудомъ, неустанно шедшимъ тутъ же. Но этотъ контрастъ видимо тревожилъ уже давно болѣе чуткихъ и воспріимчивыхъ представителей кружка и, наконецъ, привелъ къ ожесточенному спору; послѣдній долго назрѣвалъ и, наконецъ, прорвался, иначе была бы нарушена основная черта жизни дружескаго круга—полная откровенность. Нотка разногласія чувствовалась и въ ироническихъ выходкахъ Герцена, и въ нервномъ хохотѣ Кетчера, и въ полусерьезной физіономіи Грановскаго, которая то разглаживалась, то снова темнѣла.

Въ самый день пріѣзда Анненкова (въ концѣ іюня) устроилась прогулка въ поля, окружавшія Соколово. Жнитво было раннее, и вездѣ кипѣла муравьиная дѣятельность; крестьяне и крестьянки убирали поля въ костюмахъ самыхъ примитивныхъ. Это подало поводъ кому-то изъ гулявшихъ замѣтить, что изъ всѣхъ женщинъ одна русская ни передъ кѣмъ не стыдится и одна, передъ которою никто и ни за что не стыдится. Это замѣчаніе вызвало серьезный и рѣзкій отпоръ со стороны Грановскаго, возраженіе, которое удивительно идетъ къ его рыцарственной натурѣ. «Надо прибавить,— сказалъ онъ, — что фактъ этотъ составляетъ позоръ не да

Digitized by Google

русской женщины изъ народа, а для тѣхъ, кто довелъ ее до того, и для тѣхъ, кто привыкъ относиться къ ней цинически. Большой грѣхъ за послѣднее лежитъ на нашей русской литературѣ. Я никакъ не могу согласиться, чтобы она хорошо дѣлала, потворствуя косвенно этого рода цинизму распространеніемъ презрительнаго взгляда на народность».

На сторонѣ Грановскаго оказался Герценъ. Этотъ человѣкъ отличался удивительною способностью проникать въ суть мысли противника и быстро оцѣнивать и усвоивать себѣ все заслуживающее вниманія. Уже черезъ годъ по переѣздѣ въ Москву онъ умѣлъ отнестись къ славянофиламъ, не увлекаясь враждою къ мистической сторонѣ ихъ идеаловъ; а Бѣлинскому, напримѣръ, она заслоняла собою почти все остальное. Очень рано въ Герценѣ становится замѣтна та черта, которую называли «руссофильствомъ» и которая представлялась иностранцамъ часто мало понятною *). 17 мая 1844 г. записано чрезвычайно выразительно: «Бѣлинскій пишетъ: «я жидъ по натурѣ и съ филистимлянами за однимъ столомъ ѣсть не могу»; онъ страдаетъ и за свои страданія хочетъ ненавидѣть и ругать филистимлянъ, которые вовсе не виноваты въ его страданіяхъ. Филистимляне для него славянофилы; я самъ несогласенъ съ ними, но Бѣлинскій не хочетъ понять истину въ fatras ихъ нелѣпостей. Онъ не понимаетъ славянскій міръ; онъ смотритъ на него съ отчаяніемъ и неправъ; онъ не умѣетъ чаять жизни будущаго вѣка, а это чаяніе есть начало возникновенія будущаго. Отчаяніе—есть умерщвленіе плода въ чревѣ матери.» Собираясь отвѣчать на письмо Бѣлинскаго, Герценъ добавляетъ: «Странное положеніе мое, какое-то невольное juste milieu въ славянскомъ вопросѣ: передъ ними я человѣкъ Запада, предъ ихъ врагами я человѣкъ Востока. Изъ этого слѣдуетъ, что для нашего времени эти односторонніе опредѣленія не годятся». Послѣднее замѣчаніе поражаетъ своею мѣткостью. Дѣйствительно, западничество начинало терять свой безусловный, выше отмѣченный, временный характеръ, разъ оно принимало въ кругъ своего міровоззрѣнія тѣ или иныя стихіи народной жизни, указанныя славянофильствомъ, и измѣняло свое отношеніе къ народнымъ массамъ. Герценъ приходилъ къ этому преимущественно діалектическимъ путемъ, Грановскій болѣе инстинктивно, подъ вліяніемъ близкихъ отношеній къ славянофиламъ и чувства гуманности; во всякомъ случаѣ споръ показалъ, что развитіе ихъ литературно-общественныхъ взглядовъ шло пока въ одномъ направленіи рука объ руку.

Противъ Грановскаго возсталъ было съ обычною рѣзкостью и защищая Бѣлинскаго Кетчеръ, проживши предъ тѣмъ два года въ Петербургѣ; онъ протестовалъ противъ обобщенія частнаго и случайнаго замѣчанія и спрашивалъ, не участвовалъ ли самъ народъ въ составленіи нашихъ дурныхъ привычекъ. Грановскій остановилъ Кетчера. «Ты говоришь: не слѣдуетъ

*) Мало понятна она и тѣмъ, кто, какъ Колюпановъ, рѣшается „утверждать“, что Герценъ „физіологическую любовь“ къ родному совершенно утратилъ (Біогр. Кошелева, т. II, стр. 57).

Digitized by Google

обобщать всякую случайную замѣтку,—сказалъ онъ:—во первыхъ, любезный другъ, случайныя замѣтки состоятъ въ близкомъ родствѣ съ тайной нашей мыслію, а во-вторыхъ, собраніе такихъ замѣтокъ составляетъ иногда цѣлое ученіе, какъ, напримѣръ, у Бѣлинскаго.—А я тебѣ долженъ сказать прямо,—добавилъ Грановскій съ особымъ удареніемъ въ словахъ,—что во взглядѣ на русскую національность и по многимъ другимъ литературнымъ и нравственнымъ вопросамъ я сочувствую гораздо болѣе славянофиламъ, чѣмъ Бѣлинскому, *Отечественнымъ Запискамъ* и западникамъ».

Понятно то впечатлѣніе, какое произвели эти слова Грановскаго. Герценъ съ своей стороны поддержалъ его, указавши на нравственную обязательность для интеллигенціи извѣстнаго уважительнаго отношенія къ народу, хотя бы и не видѣть въ немъ уже осуществленнаго идеала. «Мы должны,—говорилъ онъ,—вести себя прилично по отношенію къ низшимъ сословіямъ, которыя работаютъ, но не отвѣчаютъ намъ. Всякая выходка противъ нихъ, вольная или невольная, похожа на оскорбленіе ребенка. Кто же будетъ за нихъ говорить, если не мы же сами? Оффиціальныхъ адвокатовъ у нихъ нѣтъ,—понимаешь, что всѣ тогда должны сдѣлаться ихъ адвокатами. Это особенно не мѣшаетъ понять теперь (1845 г.), когда мы хлопочемъ объ упраздненіи всякихъ управъ благочинія. Не для того же нужно намъ увольненіе въ отставку видимыхъ и невидимыхъ исправниковъ, чтобы развязать самимъ себѣ руки на всякую потѣху».

Въ жизни и дѣятельности Грановскаго тѣ идеи, которыя нашли себѣ выраженіе въ этомъ многознаменательномъ спорѣ, не играли дальнѣйшей сколько-нибудь значительной роли. У него было свое профессорское дѣло, которое не давало почвы для непосредственнаго развитія или приложенія ихъ. За то онѣ на лету были подхвачены болѣе молодыми изъ западниковъ. Высказанныя разъ въ кругу такими авторитетными лицами, какъ Грановскій и Герценъ, эти мысли не могли ни въ какомъ случаѣ заглохнуть безплодно. Все направленіе литературы со второй половины сороковыхъ годовъ, когда для нея неожиданно открылся невѣдомый крѣпостной людъ, было осуществленіемъ этихъ идей. *Записки Охотника* были наиболѣе крупнымъ литературнымъ выраженіемъ взгляда, формулированнаго Герценомъ, что обязанность интеллигенціи явиться адвокатомъ и заступникомъ народа. Тургеневъ, не разъ толковавшій съ Грановскимъ о крѣпостномъ правѣ, Кавелинъ, жадно ловившій всякое слово Грановскаго, и др. разнесли во всѣ прочіе литературные и интеллигентные кружки результаты, къ которымъ пришли московскіе западники послѣ ожесточенныхъ стычекъ со славянофилами. Одною изъ темныхъ сторонъ западничества или, вѣрнѣе, той части интеллигенціи, которая считала себя западническою, была именно кичливость образованностью, справедливо осмѣиваемая славянофилами, напримѣръ, К. Аксаковымъ. Достаточно сопоставить нѣсколько глумливые очерки Даля изъ народнаго быта, не говоря уже о взглядахъ на крѣпостныхъ—Гоголя, сопоставить съ *Записками Охотника*, чтобъ понять, какая произошла перемѣна и какъ сгладилась эта кичливость.

Digitized by Google

Споръ между Грановскимъ и Герценомъ съ одной и Кетчеромъ съ другой стороны показалъ, что западники зорко слѣдятъ за собою и, какъ жизнеспособная общественная группа, способны заимствовать у противниковъ все дѣльное. Герценъ не разъ повторялъ, что западники только тогда могутъ разсчитывать на торжество своихъ воззрѣній, если они сумѣютъ овладѣть темами славянофиловъ. Соколовскіе споры 1845 г. показали, что западники сознали это и до извѣстной степени осуществили въ скоромъ времени, явившись въ беллетристикѣ адвокатами народа и оттѣснивши совершенно на задній планъ славянофиловъ. Послѣднее было совершенно понятно: идеализація народа славянофилами была мало умѣстна при крѣпостномъ правѣ, и сочувственное, жалостливое отношеніе къ нему было, конечно, съ исторической точки зрѣнія болѣе разумно.

Огромный нравственный авторитетъ Грановскаго въ средѣ московскаго общества придалъ важное значеніе тѣмъ мыслямъ, которыя онъ высказалъ въ вышепереданномъ спорѣ и которыя онъ, конечно, повторялъ и при другихъ случаяхъ. Анненковъ утверждаетъ положительно, что онѣ высказаны были Грановскимъ ранѣе, чѣмъ Герценомъ, но вопросъ о первенствѣ при полной общности умственныхъ и нравственныхъ интересовъ, соединявшей друзей, не можетъ имѣть особаго значенія. Важно только то, что эти мысли были высказаны.

Къ Грановскому примѣнимы слова его самого о Нибурѣ: «Высказанная и уясненная въ разговорѣ мысль теряла для него прелесть новизны. Онъ переставалъ считать ее своею собственностью и былъ доволенъ тѣмъ, что изустно передалъ ее другимъ, способнымъ ею воспользоваться» (Сочин. Гран., т. II, стр. 40). Были примѣнимы къ Грановскому и слова его о значеніи неразвитыхъ предположеній и указаній, брошенныхъ мимоходомъ замѣчательными умами,—слова, сказанныя также по поводу Нибура: «Не доказанныя имъ предположенія, ихъ бѣглые намеки составляютъ обильное наслѣдіе для послѣдующихъ поколѣній и опредѣляютъ надолго въ ту или другую сторону дѣятельность этихъ поколѣній» (Ibid., стр. 58).

Такимъ же образомъ подхватили и пустили въ оборотъ мысль, заявленную здѣсь Грановскимъ, и споры въ тѣсномъ кружкѣ, собиравшемся на соколовской дачѣ, получили значеніе не маловажнаго момента въ исторіи развитія нашихъ общественныхъ воззрѣній.

Ч. Вѣтринскій.

Digitized by Google

Джонъ Мильтонъ *).

I.

По мнѣнію біографовъ Мильтона, происхожденіе этой фамиліи относится еще ко времени царствованія королевы Елизаветы. Достовѣрно извѣстно, что дѣдъ геніальнаго поэта, весьма зажиточный по тогдашнему времени человѣкъ, постоянно проживалъ въ своемъ помѣстьѣ, находившемся въ пяти миляхъ отъ Оксфорда. Его сынъ, Джонъ (отецъ поэта) воспитывался въ Оксфордѣ; по всей вѣроятности, здѣсь онъ и примкнулъ къ *Established Church*, вслѣдствіе чего отецъ отказался отъ него и лишилъ его наслѣдства. Лишенный матеріальной поддержки отца, онъ вынужденъ былъ оставить Оксфордъ и отправиться въ Лондонъ. Здѣсь одинъ изъ его пріятелей далъ ему мѣсто маклера; вскорѣ онъ уже былъ на пути къ богатству. Къ этому періоду его жизни относится рожденіе его впослѣдствіи знаменитаго сына (9 декабря 1608 г.), который былъ также названъ Джономъ. Отецъ прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы дать молодому Джону приличное образованіе: по достиженіи школьнаго возраста онъ былъ отданъ въ сосѣднюю школу св. Павла, но, кромѣ того, бралъ дома уроки у лучшихъ учителей того времени. Въ домѣ его отца всегда было замѣтно стремленіе къ возвышенному. Глава дома, въ сущности, простой маклеръ, былъ не только любителемъ музыки, но и весьма недурнымъ композиторомъ; его музыкальныя произведенія занимали не послѣднее мѣсто среди сочиненій современныхъ ему композиторовъ. Учителя Мильтона были также людьми болѣе или менѣе выдающимися въ то время: старшимъ преподавателемъ школы св. Павла былъ Александръ Джилль, котораго «всѣ почитали за его умѣнье поучать юношество лучше всѣхъ другихъ современныхъ ему педагоговъ»; домашнимъ учителемъ молодого Мильтона былъ не менѣе извѣстный въ то время Томасъ Юнгъ.

Мильтонъ отличался необыкновеннымъ прилежаніемъ; какъ онъ самъ сознавался впослѣдствіи, онъ съ такимъ рвеніемъ, еще будучи юношей, предавался научнымъ занятіямъ, что рѣдкій день ложился спать раньше

*) *Milton* by Mark Pattison (*English Men of Letters*, edited by John Morley).

Digitized by Google

полуночи. Шестнадцати лѣтъ отъ роду онъ уже былъ настолько подготовленъ, что отецъ рѣшилъ отправить его въ Кэмбриджъ. Предпочтеніе Кэмбриджа Оксфорду біографы объясняютъ желаніемъ отца Мильтона охранить сына отъ тогдашняго увлеченія арминіанизмомъ. Разсчеты отца не оправдались: наставникъ Вилліамъ Чаппелль, которому поручили молодого Мильтона, былъ послѣдователемъ именно этого ученія.

Молодой Мильтонъ былъ, однако, не изъ тѣхъ людей, на которыхъ можно было легко повліять, наоборотъ, въ немъ сидѣлъ духъ противорѣчія, и онъ всегда многое дѣлалъ какъ будто наперекоръ всему тому, что ему внушали. Чаппелль хотѣлъ сдѣлать изъ него схоластика, и это ему, не удалось. Мильтонъ не признавалъ ни существовавшихъ въ Кэмбриджѣ обычаевъ, ни дисциплины, установленной въ немъ, за что и бывалъ неоднократно наказанъ. Обрей утверждаетъ даже, что однажды его за неповиновеніе высѣкли; другіе біографы, впрочемъ, умалчиваютъ объ этомъ. Какъ бы то ни было, по такимъ или инымъ причинамъ первоначальное пребываніе Мильтона въ колледжѣ было непродолжительно: спустя два года по поступленіи въ колледжъ, именно въ 1627 году, онъ уже былъ временно исключенъ изъ него. Это не помѣшало, однако, ему получить въ свое время обычныя ученыя степени баккалавра и магистра наукъ. Когда Мильтонъ получилъ степень баккалавра, дававшую право на занятіе каѳедры, то въ колледжѣ открылась свободная вакансія, и онъ поставилъ свою кандидатуру; получить каѳедры ему не удалось, быть-можетъ, потому, впрочемъ, что, по уставу этого учрежденія, въ немъ не могли одновременно читать лекціи больше двухъ уроженцевъ одной и той же провинціи. Вскорѣ послѣ этого снова открылась въ колледжѣ вакансія, но она уже не имѣла въ себѣ ничего для него привлекательнаго; въ это время невѣжественное духовенство успѣло запрудить весь колледжъ, и Мильтону пришлось бы имѣть дѣло съ нимъ на каждомъ шагу, къ чему онъ совсѣмъ не питалъ склонности.

Ко времени пребыванія Мильтона въ колледжѣ относится, между прочимъ, одна важная реформа въ составѣ его преподавателей, повлекшая за собой вытѣсненіе профессоровъ,—людей науки и знанія,—невѣжественными туторами; эта система имѣла своимъ послѣдствіемъ сильное пониженіе образовательнаго ценза преподавателей, такъ какъ она требовала отъ нихъ не знаній, а лишь соблюденія извѣстныхъ, заранѣе установленныхъ, формъ. «Кэмбриджъ не восхищалъ меня въ дни моей молодости», писалъ впослѣдствіи знаменитый поэтъ въ своемъ *Reason of Church Government*.

II.

Двадцати четырехъ лѣтъ Мильтонъ окончилъ колледжъ и вернулся домой хотя и съ большими знаніями, но безъ всякой профессіи. Отецъ предназначалъ было его раньше къ духовному званію, но молодой Джонъ не питалъ никакого влеченія къ этому, и отецъ не счелъ возможнымъ настаивать на осуществленіи своихъ прежнихъ желаній.

Digitized by Google

Джонъ остался до поры до времени въ родительскомъ домѣ. Отсутствіе опредѣленныхъ занятій и плановъ, сидѣнье на отцовскихъ хлѣбахъ очень скоро начало его тяготить. Наконецъ, онъ удалился въ имѣніе своего отца, Хортонъ, гдѣ и прожилъ безвыѣздно пять лѣтъ подрядъ; здѣсь-то, въ полномъ уединеніи, на лонѣ природы, онъ могъ отдаться своимъ любимымъ занятіямъ, между которыми главное мѣсто занимала поэзія.

Всю жизнь Мильтона,— говоритъ Куперъ, — можно назвать драмой въ трехъ актахъ: первый актъ обнимаетъ собою періодъ его уединенія въ убѣжищѣ Хортонъ, второй актъ обнимаетъ періодъ его сомнѣній и, наконецъ, третій — опять его одиночество и величіе Прометея, когда онъ, уже слѣпой, покинутый своими друзьями, диктуетъ свой *Потерянный рай* и *Возвращенный*.

Мильтонъ чрезвычайно серьезно относился къ своему призванію поэта. Онъ работалъ всегда очень много, но изучалъ науки не для наукъ, стремился къ полной гармоніи моральнаго и интеллектуальнаго развитія. Душа поэта, по его мнѣнію, «должна быть вмѣстилищемъ добра, мудрости и справедливости».

Первый актъ жизненной драмы Мильтона до сихъ поръ остается темною страницей для его біографовъ, благодаря тому, что великій поэтъ, въ противоположность многимъ другимъ, не имѣлъ обычая составлять дневника, въ который онъ заносилъ бы мысли и замѣтки. Кое-какія свѣдѣнія о томъ, что онъ дѣлалъ въ этотъ періодъ его жизни, можно найти въ его письмахъ къ Діодатти. «Вы спрашиваете меня, что я подѣлываю и о чемъ думаю? — съ Божьей помощью — о безсмертіи! Простите мнѣ это слово, я шепчу его только вамъ на ухо. Да, я распустилъ свои крылья для полета!» Это писалъ онъ въ послѣдніе годы своего пребыванія въ Хортонѣ. Нѣкоторый свѣтъ на то, чѣмъ, вѣроятно, питалъ Мильтонъ свой умъ, проливаетъ найденная въ архивахъ Неттерби (только въ 1874 г.) памятная книжка Мильтона, въ которой записаны въ извѣстномъ порядкѣ названія произведеній восьмидесяти авторовъ—греческихъ, латинскихъ, французскихъ, итальянскихъ и англійскихъ, съ замѣтнымъ преобладаніемъ первыхъ. Извѣстно также, что онъ свободно владѣлъ французскимъ, итальянскимъ и еврейскимъ языками. Читалъ онъ, повидимому, не урывками, а весь отдавался заинтересовавшей его книгѣ. Въ одномъ изъ писемъ къ Діодатти онъ говоритъ: «Когда я берусь за какую-нибудь книгу, то я никогда не останавливаюсь, не прерываю ея чтенія и ничѣмъ не отвлекаюсь отъ нея до тѣхъ поръ, пока не достигаю намѣченной цѣли». Сколько извѣстно, впрочемъ, онъ прерывалъ свои занятія для поѣздокъ въ Лондонъ, куда онъ отлучался какъ для того, чтобы навѣщать родныхъ и знакомыхъ, такъ и для того, чтобы покупать книги, брать уроки математики, посѣщать театры и концерты. Любовь къ музыкѣ онъ унаслѣдовалъ отъ своего отца; благодаря ей, между прочимъ, онъ пріобрѣлъ знакомство съ Генри Лауэсомъ, самымъ знаменитымъ англійскимъ композиторомъ того времени. Оригинально то обстоятельство, что по просьбѣ того же Генри Лауэса будущій тво

Digitized by Google

рецъ пуританскаго эпоса написалъ текстъ къ сочиненной Лауесомъ музыкальной пьесѣ, предназначенной для увеселенія придворныхъ. Соотвѣтственно самой пьесѣ и господствовавшимъ въ то время при дворѣ вкусамъ и требованіямъ, текстъ, написанный Мильтономъ, былъ весьма легкомысленнаго и даже фривольнаго свойства. Къ этому же періоду относятся самыя раннія его поэтическія произведенія: *L'Allegro, Il Penseroso* и *Lycidas*. Въ произведеніяхъ этого періода замѣтно, по словамъ одного изъ его біографовъ, полнѣйшее незнакомство поэта съ природой. Это былъ не художникъ, самъ наблюдающій природу, не ученый, ее непосредственно изучающій. Онъ зналъ о ней только изъ книгъ и изъ поэтическихъ произведеній, въ которыхъ, какъ водится, не мало неточностей и преувеличеній. Тѣмъ не менѣе, онъ относился къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ и весьма часто заимствовалъ изъ нихъ эпитеты и цѣлыя выраженія, не провѣряя ихъ согласія съ дѣйствительностью. Такое отношеніе къ природѣ объясняется, впрочемъ, его міросозерцаніемъ. Для Мильтона выше всего—человѣкъ, которому повинуется вся природа.

III.

Весною 1638 года Мильтонъ рѣзко измѣняетъ прежній образъ жизни; онъ покидаетъ Хортонъ, разстается со своимъ уединеніемъ и уѣзжаетъ путешествовать по Европѣ. Его привлекала къ себѣ, главнымъ образомъ, родина Данте, Петрарки, Тассо и Аріосто — Италія, эта классическая страна поэтовъ, художниковъ и музыкантовъ. Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Парижѣ, онъ посѣщаетъ Ниццу, Геную, Римъ, Флоренцію и Неаполь; онъ предполагалъ даже отправиться въ Сицилію и Грецію, но событія, происходившія въ то время на его родинѣ, удержали его отъ этой поѣздки, такъ какъ онъ считалъ безчестнымъ «жить въ свое удовольствіе» въ то время какъ его соотечественники вели на родинѣ упорную борьбу за свою свободу,— и онъ возвратился въ Англію, посѣтивъ по пути Венецію и Женеву.

Это путешествіе оказало большое вліяніе на Мильтона и дало ему возможность сблизиться съ выдающимися людьми Италіи и непосредственно познакомиться съ тѣми теченіями, которыя господствовали тогда на Аппенинскомъ полуостровѣ.

Во Флоренціи Мильтонъ попалъ въ кружокъ ученыхъ и литераторовъ. Онъ пріѣхалъ сюда въ самый разгаръ основанія всевозможныхъ обществъ и академій, очень мало напоминавшихъ, впрочемъ, общества блестящей эпохи Медичи, которымъ они стремились подражать. Тѣмъ не менѣе, Мильтонъ очень заинтересовался этимъ движеніемъ и даже два раза принималъ непосредственное участіе въ засѣданіяхъ одной изъ этихъ академій. Тамъ же, между прочимъ, прочиталъ онъ впервые свои юношескія произведенія, написанныя на латинскомъ языкѣ.

Въ Неаполѣ Мильтонъ познакомился съ престарѣлымъ итальянскимъ ме-

Digitized by Google

ценатомъ, Джіовани Баттиста Манзо, маркизомъ Вилла, покровительствовавшимъ нѣкогда великому Тассо, Марини и двумъ поколѣніямъ ихъ послѣдователей. Но самымъ выдающимся событіемъ этого періода его жизни было знакомство съ Галилеемъ. Мученика науки только-что выпустили тогда изъ стѣнъ инквизиціи (весною 1639 года) и разрѣшили вернуться на принадлежавшую ему виллу Джіоелло, гдѣ Мильтонъ и посѣтилъ тогда этого уже слабаго, слѣпого старика, все еще сохранявшаго въ свѣжести свои умственныя способности.

Когда, спустя пятнадцать мѣсяцевъ, Мильтонъ возвратился на родину, то онъ уже не пожелалъ жить въ прежнемъ уединеніи въ Хортонѣ и поселился въ Лондонѣ. Онъ все еще былъ человѣкомъ безъ опредѣленныхъ занятій, и это не мало тяготило его; но его отецъ уже началъ гордиться своимъ сыномъ и радъ былъ доставить ему средства, позволявшія ему продолжать свой прежній эксцентричный, по тогдашнимъ понятіямъ, образъ жизни. Отецъ предоставилъ въ его распоряженіе небольшой домъ въ одномъ изъ малозаселенныхъ столичныхъ кварталовъ, и онъ поселился здѣсь, окруженный своей обширной библіотекою. Онъ жилъ недолго одинъ; вскорѣ къ нему переѣхали его племянники, сыновья его единственной сестры, и онъ занялся ихъ воспитаніемъ. Спустя нѣкоторое время онъ уже началъ брать къ себѣ другихъ воспитанниковъ изъ среды своихъ близкихъ знакомыхъ. Этому новому дѣлу онъ отдался съ такою же энергіей, какую онъ вообще проявлялъ во всемъ томъ, за что онъ брался. Цѣлые дни посвящалъ онъ усерднымъ занятіямъ со своими многочисленными учениками; даже праздники не составляли исключенія. Къ сожалѣнію, о методѣ его преподаванія нельзя ничего опредѣленнаго сказать, такъ какъ единственный его ученикъ, коснувшійся въ своихъ воспоминаніяхъ этого періода жизни Мильтона, говоритъ только о количествѣ занятій, но не объ ихъ качествѣ и характерѣ его преподаванія.

Въ 1643 г., тридцати пяти лѣтъ отъ роду, Мильтонъ женился. Съ этого момента жизнь его вступаетъ въ новую фазу: прежнее спокойствіе, беззаботность покидаютъ его; начинается рядъ неудачъ и тяжелыхъ дней; сначала семейныя свары и неурядицы, затѣмъ матеріальныя заботы и, наконецъ, болѣзнь глазъ, окончившаяся слѣпотой. Его жена была слишкомъ молода, къ тому же она мало знала его и совсѣмъ его не понимала. Уже спустя мѣсяцъ послѣ свадьбы, она, подъ благовиднымъ предлогомъ, уѣхала къ своимъ родителямъ и отказалась возвратиться къ нему, вслѣдствіе чего Мильтонъ возбудилъ вопросъ о разводѣ; на этомъ пути онъ встрѣтилъ, однако же, серьезныя препятствія, и все это, вмѣстѣ взятое, такъ возмутило его, что онъ написалъ *The doctrine and discipline of divorce,* въ которой подвергъ рѣзкой и очень свободной оцѣнкѣ институтъ брака. Въ этомъ памфлетѣ, произведшемъ большую сенсацію въ лондонскомъ обществѣ, онъ, между прочимъ, апеллировалъ къ парламенту, прося его «облегчить участь всѣхъ мужей, страдающихъ отъ непокорства женъ, сдѣлавъ болѣе доступнымъ разводъ». Спустя два года его жена внезапно возвра

Digitized by Google

тилась къ нему; проживъ съ нимъ семь лѣтъ, она умерла (1652 г.), оставивъ ему въ живыхъ трехъ дочерей.

Все это время Мильтонъ значительную часть своего времени посвящалъ занятіямъ политикой и религіозными вопросами, волновавшими въ то время умы англичанъ. Какъ онъ самъ говорилъ, онъ никогда не простилъ бы себѣ, «если бы, въ такое критическое время, когда Божья церковь оскорбляется ея врагами, онъ не воспользовался бы для защиты ея своими огромными знаніями».

Нѣкоторые изъ его политическихъ памфлетовъ носятъ односторонній и слишкомъ личный характеръ. Справедливость требуетъ, однако, сказать, что всѣ они проникнуты одной общей идеей,—идеей свободы и независимости: онъ защищаетъ въ нихъ свободу религіи отъ гнета прелатовъ, свободу гражданскую, свободу печати, свободу совѣсти—отъ давленія пресвитеріанцевъ, свободу домашняго очага — отъ тиранніи семейнаго права. На всѣхъ памфлетахъ Мильтона,— говоритъ Куперъ,— можно было бы написать въ видѣ эпиграфа то, что на каждой изъ своихъ книгъ писалъ Сельденъ: «свобода—прежде всего»!

Въ этихъ памфлетахъ, къ слову сказать, обращаетъ на себя вниманіе читателя особенность пера Мильтона и, главнымъ образомъ, оригинальное построеніе фразъ. Мильтонъ не дѣлаетъ большихъ періодовъ, а пишетъ отрывистыми фразами; онъ какъ будто не ждетъ окончанія предложенія, онъ словно даже не пишетъ, а говоритъ, ведетъ оживленную бесѣду, прерывая теченіе своихъ мыслей на каждомъ шагу. Этой особенностью отличаются, впрочемъ, всѣ его прозаическія произведенія и ея, повидимому, нельзя даже объяснить тѣмъ, что онъ писалъ свои памфлеты подъ впечатлѣніемъ минуты. «The History of Britain» отличается, какъ извѣстно, такими же особенностями, а, между тѣмъ, онъ писалъ ее около сорока лѣтъ. Но хотя Мильтонъ и не такъ логиченъ и послѣдователенъ, какъ его предшественникъ, Куперъ, и рѣчь его не такъ цвѣтиста, какъ рѣчь его современника Іереміи Тэйлора, за то ни одинъ изъ этихъ двухъ писателей не обладаетъ такимъ мощнымъ языкомъ, вполнѣ овладѣвающимъ читателемъ, какой былъ у него. Въ то время какъ прозу Тэйлора можно назвать «поэтической прозой», прозу Мильтона нужно назвать «прозой поэта»; первая обладаетъ лишь внѣшними украшеніями, отличающими ее отъ обыкновенной прозы, вторая—освѣщается внутреннимъ огнемъ.

IV.

Въ 1646 г. умираетъ отецъ Мильтона. Матеріальное положеніе знаменитаго поэта значительно улучшается, благодаря полученному наслѣдству, и онъ уже не вынужденъ брать къ себѣ воспитанниковъ для увеличенія тѣхъ незначительныхъ средствъ, которыя выдавалъ ему до сихъ поръ отецъ.

Въ продолженіе длиннаго періода времени, съ 1639 по 1649 г., пока Мильтонъ былъ всецѣло поглощенъ политической борьбой, онъ не написалъ

Digitized by Google

ни одного поэтическаго произведенія, исключая нѣкоторыхъ парафразъ псалмовъ, «которые, впрочемъ,—говоритъ Pattison,—имѣютъ отношеніе къ исторіи псалмопѣнія, но не къ исторіи поэзіи».

30 января 1649 г. въ Англіи была уничтожена королевская власть, а въ февралѣ того же года была упразднена палата лордовъ, и верховная власть перешла въ руки Долгаго парламента, но главнымъ центромъ власти былъ, какъ извѣстно, государственный совѣтъ (Council of State), дѣйствовавшій черезъ посредство особыхъ комитетовъ. Комитетъ иностранныхъ дѣлъ, на обязанности котораго лежало «поддержаніе чести республики передъ иностранными дворами», былъ уже почти весь составленъ, но не могъ приступить къ отправленію своихъ функцій за отсутствіемъ человѣка, пригоднаго для исполненія секретарскихъ обязанностей, заключавшихся, главнымъ образомъ, въ переводѣ получаемыхъ и отправляемыхъ депешъ. Въ этомъ затруднительномъ положеніи выборъ палъ на Мильтона, свободно владѣвшаго нѣсколькими европейскими языками и извѣстнаго уже тогда въ качествѣ ученаго знатока латинскаго языка. Мильтонъ охотно согласился принять эту, въ сущности не важную и не особенно почетную, должность «секретаря иностранныхъ языковъ», мечтая «послужить родинѣ», хотя бы на этомъ ничтожномъ посту; кромѣ того, онъ имѣлъ въ виду познакомиться и близко сойтись со всѣми тѣми людьми, которые стояли тогда во главѣ патріотической партіи и окружены были въ его глазахъ ореоломъ величія и героизма.

На первыхъ же порахъ ему было заявлено, что «его время принадлежитъ государству» и ему предложено было перебраться ближе къ зданію государственнаго совѣта, такъ какъ изъ своей квартиры, находившейся на окраинѣ Лондона, онъ не могъ бы поспѣвать къ семи часамъ утра въ комитетъ. Вскорѣ ему отведены были комнаты въ Уайтголлѣ, откуда, спустя нѣкоторое время, онъ переселился на виллу Petty France въ Вестминстерѣ, недалеко отъ Сентъ-Джемскаго парка *).

Со времени поступленія Мильтона на службу въ комитетъ, жизнь его стала еще болѣе дѣятельной, чѣмъ прежде, хотя оффиціальныя обязанности его сводились къ роли простого клерка.

Такъ, онъ часто долженъ былъ служить переводчикомъ на аудіенціяхъ, даваемыхъ иностраннымъ посольствамъ, долженъ былъ руководить полуоффиціальнымъ органомъ печати *Mercurius Politicus*, долженъ былъ отвѣчать на манифесты ирландскихъ пресвитеріанцевъ, писать по чужимъ указаніямъ «замѣтки» о разныхъ событіяхъ. Ему поручено было написать возраженіе на *Eikon Basiliké*, написанную однимъ изъ роялистовъ Гауденомъ который, какъ говорятъ, воспользовался, при составленіи этой книги, замѣтками покойнаго короля (иные называютъ даже авторомъ этой книги самого Карла I). *Eikon Basiliké* произвела сильное впечатлѣніе на тогдашнее общество и въ короткое время разошлась въ сорока семи изданіяхъ

*) Эта вилла просуществовала до 1877 года.

Digitized by Google

Государственный совѣтъ испугался столь быстро возросшей популярности ея и рѣшилъ бороться тѣмъ же оружіемъ. Первоначально предположили было поручить написать возраженіе на эту книгу самому ученому человѣку Англіи—Сельдену, но затѣмъ выборъ остановился на Мильтонѣ, который и написалъ *The Eikonoklastes*. Вскорѣ послѣ этого Сальмазій возразилъ ему книгой, подъ заглавіемъ: *Defensio Regni*. Мильтону снова поручено было отвѣчать, что онъ и сдѣлалъ, написавъ *Pro populo Anglicano defensio*.

За «защиту» Мильтонъ не получилъ никакого вознагражденія: онъ былъ слишкомъ гордъ для того, чтобы «брать плату за услугу, оказанную родинѣ».

Личность Сальмазія сильно пострадала въ этой полемикѣ, но за то и Мильтонъ жестоко поплатился за свои послѣдніе труды. У него и раньше всегда было слабое зрѣніе, и его усиленныя занятія приносили ему не мало вреда; но, несмотря на предостереженія врачей, онъ продолжалъ заниматься, такъ какъ рѣшилъ «принести на пользу отечеству всѣ свои силы». Послѣднія занятія окончательно погубили его больные глаза, и онъ навсегда потерялъ зрѣніе.

V.

«Имя Мильтона связано съ представленіемъ о величіи,—говоритъ одинъ изъ его біографовъ:—онъ подарилъ намъ самую возвышенную и благородную поэму и въ то же время этотъ человѣкъ любилъ говорить и писать по поводу каждаго пустяка, любилъ говорить о своей личной непріязни къ такимъ людямъ, которые должны были бы считать для себя за великую честь одно то, что онъ упоминаетъ о нихъ».

Въ качествѣ «латинскаго секретаря» Мильтонъ не имѣлъ вліянія на ходъ политическихъ дѣлъ того времени. Мильтонъ сталъ приверженцемъ Оливера Кромвеля и такъ восхищался его характеромъ и управленіемъ, что выразилъ свой восторгъ въ сонетѣ. Между тѣмъ лордъ-протекторъ, какъ полагаютъ, даже не зналъ о существованіи Мильтона. Это указываетъ, между прочимъ, на то, что великій поэтъ былъ совершенно безкорыстенъ въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ; даже враги его,—а ихъ у него было не мало,—никогда не рѣшались его обвинить въ неискренности.

Умственное одиночество, въ которомъ всегда жилъ поэтъ, является одною изъ замѣчательныхъ чертъ Мильтона, находящею себѣ объясненіе какъ въ его гордомъ, необщительномъ и сдержанномъ характерѣ, такъ и въ томъ, что онъ всегда былъ поглощенъ своими собственными идеями. Онъ обладалъ чувствительностью, свойственной всякой поэтической натурѣ, и у него была потребность любить и быть любимымъ; но между нимъ и окружающими его людьми всегда становились его убѣжденія. Благодаря всему этому, Мильтонъ не сходился съ своими современниками, но охотно проводилъ время съ молодежью, въ средѣ которой у него были послѣдователи. По словамъ его дочери Доротеи, Мильтонъ очень оживлялся въ этомъ кругу и

Digitized by Google

даже считался въ немъ «душою общества». За то ни среди выдающихся писателей того времени, ни среди общественныхъ и политическихъ дѣятелей Мильтонъ не имѣлъ близкихъ людей. Исключеніемъ являлся лишь Andrew Marvel, который въ теченіе двѣнадцати лѣтъ былъ его вѣрнымъ товарищемъ.

Въ 1652 г., когда Мильтонъ окончательно ослѣпъ, Marvel даже занялъ мѣсто его секретаря. Изъ друзей Мильтона также извѣстна Lady Ranelagh (урожденная Boyle). Не забывали его также его бывшіе воспитанники: жившіе въ Лондонѣ посѣщали его, иногородніе же поддерживали съ нимъ оживленную переписку. Но съ нѣкоторыми изъ нихъ, въ томъ числѣ и со своими племянниками Филипсами, его бывшими воспитанниками, у него порвались всякія отношенія благодаря тому, что они перешли въ противоположный лагерь. Въ обществѣ чувствовались тогда уже другія вѣянія. Правда, вліяніе пуританизма было еще довольно сильно, театры все еще продолжали быть закрытыми, но тамъ и сямъ начали уже возникать литературно-музыкальные кружки. Вскорѣ на книжномъ рынкѣ начали появляться различныя изданія юмористическаго содержанія. Первая книга въ этомъ родѣ была написана племянникомъ и ученикомъ Мильтона, Филипсомъ младшимъ; его старшій братъ также вскорѣ написалъ книгу такого же содержанія.

VI.

Послѣдствія реставраціи были крайне неблагопріятны для Мильтона: его партія не только потеряла свое значеніе, но и вовсе перестала существовать, и онъ навсегда лишился своего секретарскаго мѣста; кромѣ того Мильтонъ потерялъ значительную сумму, положенную имъ на храненіе въ государственную кассу, которой новое правительство ему не выдало на томъ основаніи, что оно не отвѣтственно за прежніе порядки. Всѣ свои цѣнныя книги онъ еще раньше распродалъ одну за другой и теперь былъ совершенно разоренъ. Послѣ этого быстраго государственнаго переворота, Мильтонъ впервые почувствовалъ себя глубоко несчастнымъ: въ нѣсколько дней былъ уничтоженъ безъ слѣда весь его двадцатилѣтній трудъ. Это было не только политическое пораженіе его партіи, это былъ настоящій разгромъ тѣхъ принциповъ, соціальныхъ и религіозныхъ, съ которыми была неразрывно связана вся его жизнь. Прочіе единомышленники его, впрочемъ, поспѣшили примириться съ новыми вѣяніями; но смиреніе было не въ характерѣ Мильтона.

Оставшись, такимъ образомъ, совершенно одинокимъ, онъ отвернулся отъ политической дѣятельности и отдался исключительно своимъ поэтическимъ наклонностямъ и служенію своей музѣ, которой онъ такъ долго измѣнялъ. Принявъ это рѣшеніе, онъ почувствовалъ потребность опять углубиться въ латинскія, греческія и древне-еврейскія книги; но онъ былъ слѣпъ и не могъ самъ читать ихъ. Правда, у него было три дочери, но

Digitized by Google

старшая страдала косноязычіемъ и поэтому совсѣмъ не годилась въ чтицы, а обѣ младшія были слишкомъ заняты домашними работами и слишкомъ мало подготовлены для того, чтобы помочь ему.

Еще когда его дочери были малы, Мильтонъ пришелъ къ тому убѣжденію, что ему необходимъ постоянный уходъ женщины. Теперь онъ рѣшилъ жениться въ третій разъ *) на Елизаветѣ Миншуль. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, она была ему очень хорошею женой и надежною подругой; по другимъ свѣдѣніямъ, это была вспыльчивая женщина и плохая мачиха. Падчерицы были ею въ концѣ-концовъ отданы учиться шитью золотомъ, чтобы этимъ поддерживать свое дальнѣйшее существованіе. Съ этихъ поръ поэтъ долженъ былъ прибѣгать къ случайной помощи своихъ молодыхъ друзей, и каждый изъ нихъ, посѣщая его, читалъ ему по его просьбѣ, или записывалъ то, что онъ диктовалъ. Такимъ именно образомъ были написаны его послѣднія произведенія, причемъ, каждая страница была написана другимъ почеркомъ.

VII.

Послѣдняя квартира, въ которой Мильтонъ окончилъ свой *Потерянный Рай* и гдѣ онъ умеръ, находилась въ мѣстности, извѣстной теперь подъ именемъ «Bunhill Row». Теперь этого дома и въ поминѣ нѣтъ, онъ давно уничтоженъ и только прилегающая къ этой мѣстности улица сохранила свое названіе (Milton street), данное ей когда-то въ память поэта. Здѣсь Мильтонъ тихо и мирно проводилъ свои послѣдніе годы. Онъ велъ очень правильный образъ жизни, рано вставалъ, рано ложился, заставлялъ читать себѣ вслухъ и диктовалъ свой *Потерянный Рай*. Въ промежуткахъ онъ игралъ на органѣ или слушалъ пѣніе своей жены. Все это дѣлалось въ заранѣе опредѣленные часы. Стихи онъ составлялъ обыкновенно ночью, на-единѣ, и диктовалъ ихъ только на другой день, причемъ сокращалъ ихъ иногда на половину.

Благочестіе Мильтона признавалось даже его врагами. Послѣднія изреченія его о религіи были написаны имъ за годъ до смерти. Онъ писалъ ихъ подъ общимъ заглавіемъ: *Объ истинной религіи, ереси, расколѣ и терпимости*. Эти замѣтки Мильтонъ писалъ какъ бы для себя, и онѣ, поэтому, вполнѣ раскрываютъ передъ нами душу поэта. Изъ нихъ видно, что и въ 65 лѣтъ онъ остался при своихъ прежнихъ убѣжденіяхъ: онъ по-прежнему проповѣдываетъ въ нихъ терпимость ко всѣмъ сектамъ и по-прежнему же отрицательно относится къ католицизму. Отсюда видно, что пущенный послѣ его смерти слухъ, что онъ умеръ католикомъ—простая выдумка.

---

*) Второй разъ онъ женился спустя четыре года послѣ смерти своей первой жены, на Екатеринѣ Вудкокъ, о которой сохранилось очень мало свѣдѣній. Черезъ 15 мѣсяцевъ послѣ свадьбы она умерла, давъ жизнь дочери, пережившей ее лишь нѣсколькими мѣсяцами.

Digitized by Google

Сочиненіе *Объ истинной религіи* и т. д. было послѣднимъ произведеніемъ, опубликованнымъ имъ при жизни. Онъ готовилъ къ печати еще одно сочиненіе, но успѣлъ написать только третью часть всего труда; смерть прервала его работу. Этотъ отрывокъ появился въ свѣтъ только черезъ полтораста лѣтъ послѣ смерти Мильтона и представляетъ начало мало интереснаго руководства для учителей.

Потерянный Рай Мильтонъ началъ писать въ 1642 г. Работа шла у него сначала довольно медленно и только съ 1658 г. онъ начинаетъ непрерывно заниматься *Потеряннымъ Раемъ*. Спустя пять лѣтъ онъ уже окончилъ поэму, а еще спустя два года (въ 1665 г.) онъ выпустилъ ее въ свѣтъ. Это было какъ разъ въ годъ свирѣпствовавшей въ Англіи чумы, которая разогнала тогда всѣхъ жителей изъ городовъ. Опасаясь эпидеміи, Мильтонъ попросилъ своего молодого друга Эльвуда, жившаго въ качествѣ воспитателя у Пеннингтоновъ, нанять ему гдѣ-нибудь за городомъ коттэджъ. Исполняя его просьбу, Эльвудъ нанялъ ему дачу въ Чальфонтѣ. Здѣсь-то слѣпой поэтъ и вручилъ Эльвуду рукопись *Потеряннаго Рая*, прося его надосугѣ прочесть ее и сказать ему свое мнѣніе объ этомъ произведеніи. Когда Эльвудъ возвратилъ ему рукопись, то сказалъ ему: «Ты много говоришь о *Потерянномъ Раѣ*, почему же ты ничего не говоришь о найденномъ?» Мильтонъ пишетъ, что именно эти слова и подали ему мысль написать *Возвращенный Рай*.

Возвратившись въ Лондонъ, Мильтонъ занялся тщательною отдѣлкой *Потеряннаго Рая*; въ то же время онъ началъ писать *Возвращенный Рай*. За свой *Потерянный Рай* Мильтонъ получилъ отъ издателя баснословно низкій, по теперешнимъ понятіямъ, гонораръ: при началѣ печатанія онъ получилъ 5 ф. стер., затѣмъ по продажѣ перваго и каждаго изъ послѣдующихъ изданій, онъ, по условію, также долженъ былъ получать по пяти фунтовъ. Мильтонъ не дожилъ до второго изданія; такимъ образомъ онъ при жизни получилъ за *Потерянный Рай* всего только 10 ф. ст.

Послѣдніе четыре года своей жизни Мильтонъ исключительно занялся отдѣлкой своихъ прежнихъ юношескихъ произведеній, давно уже имъ заброшенныхъ (*Конспектъ по богословію*, *Исторія Британіи*, *Логика по методу Рама* и т. д.).

Въ 1673 г. онъ выпустилъ новое изданіе своихъ поэмъ, дополненное всѣми сонетами, написанными имъ въ двадцатилѣтній промежутокъ, т.-е. со времени выпуска перваго тома поэмъ.

Въ то же время онъ передалъ одному изъ своихъ издателей сохранившіяся у него копіи со всѣхъ писемъ, которыя онъ когда-либо писалъ с имъ друзьямъ, и предоставилъ ему право напечатать ихъ въ одномъ то.

Послѣ смерти Мильтона, среди его бумагъ нашли не мало начаты трудовъ, относившихся большею частью къ тому времени, когда по занимался воспитаніемъ юношества. Это были начатые конспекты по торіи и географіи, составленные имъ для занятій съ учениками. Мел

Digitized by Google

прочимъ, среди этихъ бумагъ найдена была *Краткая исторія Московіи*, составленная по лучшимъ тогдашнимъ источникамъ.

Мильтонъ умеръ въ субботу, 8 ноября 1674 г. отъ подагры,—его застарѣлой болѣзни, которая съ каждымъ годомъ все больше и больше обострялась. Онъ похороненъ возлѣ своего отца, въ церкви St.-Gill's.

VIII.

Мильтонъ, «латинскій секретарь» и памфлетистъ, къ сорока годамъ, казалось, умеръ для поэзіи. На самомъ дѣлѣ, это было не такъ: несмотря на всю его полную превратностей жизнь, онъ готовилъ себя исключительно въ поэты. Его научныя занятія, путешествія, общественная дѣятельность,—все это, въ сущности, служило для него, какъ поэта, лишь школой. Еще въ 1638 г. у него зародилась мысль написать большое произведеніе, въ которомъ онъ мечталъ выразить все, что его волновало; однако, какъ говоритъ Паттисонъ, онъ вынужденъ былъ отложить осуществленіе своей мечты до того времени, «когда страна освободится, наконецъ, отъ назойливаго ига прелатовъ, подъ инквизиторскимъ и тираническимъ невѣжествомъ которыхъ не можетъ процвѣтать ни одна благородная мысль».

Потерянный Рай задуманъ былъ, когда Мильтону было тридцать два года (написанъ же онъ былъ, когда поэту было уже за пятьдесятъ). Этимъ, главнымъ образомъ, и объясняется изумительная законченность и зрѣлость его произведенія. Маколей справедливо выражался, что Мильтонъ—лирическій, а не драматическій поэтъ, и что поэтому у него не было способности создавать правдоподобные типы и образы. Мильтонъ не любилъ всего обыкновеннаго общежитейскаго. Поэтому-то онъ не придавалъ своимъ героямъ обыкновенныхъ человѣческихъ чертъ и слабостей.

Потерянный Рай отличается многими погрѣшностями и ошибками, о которыхъ нельзя не упомянуть, говоря о Мильтонѣ: историческія событія въ немъ большею частью перепутаны; хронологическія данныя не отличаются достовѣрностью; географическія свѣдѣнія изложены крайне сбивчиво и неясно, тѣмъ не менѣе всѣ эти погрѣшности не вредятъ цѣльности великаго произведенія. Другая особенность *Потерянаго Рая*,—это отсутствіе картинныхъ описаній. Кольриджъ справедливо называетъ Мильтона поэтомъ музыкальнымъ, а не художественнымъ.

Мильтонъ не похожъ на Данте и Тассо, а походитъ скорѣе на древнихъ пророковъ: лично себѣ онъ ничего не приписываетъ; по его словамъ, онъ служитъ только проводникомъ высшихъ идей. Даже стиль его не имъ выбранъ, а его «небесной покровительницей» Уранiей, которая «является къ нему въ ночной тишинѣ и диктуетъ, и внушаетъ ему, спящему, всѣ тѣ музыкальныя строфы, которыя потомъ выходятъ изъ-подъ его пера».

Есть художники,—говоритъ Паттисонъ,—произведенія которыхъ доступны только художникамъ же, но отнюдь не публикѣ. Мильтонъ относится, именно, къ писателямъ этого рода. Вотъ почему критическіе отзывы

Digitized by Google

поэтовъ оказываются болѣе благопріятными для Мильтона, чѣмъ отзывы публики. Вордсвортъ считаетъ, напримѣръ, *Возвращенный Рай*, «наилучшимъ по своей законченности изъ всего того, что когда-либо написалъ Мильтонъ», а Кольриджъ отзывается объ этой же поэмѣ, какъ о «наилучшей изъ существующихъ поэмъ».

Въ наше время,—говоритъ Паттисонъ,—мы имѣемъ возможность, болѣе чѣмъ кто и когда-либо, судить объ этомъ произведеніи и мы, конечно, цѣнимъ его за силу выраженія и за гармонію, но въ то же время мы не можемъ скрыть отъ себя, что оно не владѣетъ нашимъ воображеніемъ и что мы въ немъ не находимъ ничего жизненнаго и близкаго намъ. Единственнымъ памятникомъ поэзіи, созданной Мильтономъ, навсегда останется только *Потерянный Рай*. Это произведеніе, дѣйствительно, переживетъ вѣка.

М. Ш.

Digitized by Google

Черты изъ исторіи просвѣщенія въ Западной Европѣ.

Интеллектуальное развитіе личности, будучи могущественнымъ факторомъ культуры вообще, находится и само въ зависимости отъ многообразныхъ условій. Каждая эпоха въ жизни западно-европейскихъ обществъ, какъ, впрочемъ, всюду и въ другихъ краяхъ, характеризуется извѣстнымъ вліяніемъ на нее интеллектуальнаго фактора и въ свою очередь, подъ совокупнымъ воздѣйствіемъ всѣхъ остальныхъ факторовъ и условій соціальной жизни, налагаетъ опредѣленный отпечатокъ на умственную жизнь общества. Оставляя здѣсь въ сторонѣ раскрытіе послѣдовательнаго вліянія интеллектуальнаго фактора на общественную культуру, мы имѣемъ въ виду лишь припомнить наиболѣе характерныя явленія изъ исторіи просвѣщенія въ Западной Европѣ, указать тѣ наиболѣе крупные факторы общественной жизни, которые въ разные періоды существованія западно-европейскихъ обществъ обнаруживали могущественное вліяніе на умственную жизнь общества и въ частности на характеръ народнаго образованія.

I.

Начальный періодъ въ исторіи ново-европейскихъ государствъ является періодомъ внѣшней борьбы, когда еще только формировались основные государственные элементы возникавшихъ политическихъ организацій. Подобное состояніе общественной жизни не могло быть благопріятнымъ для интеллектуальнаго развитія. Постоянная борьба, происходившая между различными народностями и племенами, естественно должна была вызывать стремленіе къ развитію не интеллектуальныхъ силъ, но физическихъ, къ развитію физическаго организма, военныхъ способностей, къ пріобрѣтенію вообще тѣхъ знаній, которыя необходимы для военнаго класса. Поэтому главными предметами образованія въ этотъ начальный періодъ исторіи ново-европейскихъ обществъ являются прежде всего—гимнастика, военныя игры, умѣнье владѣть оружіемъ, плаваніе и т. п. *). Однако, даже

*) *L. Stein:* „Die Verwaltungslehre", V, 24. *Шмидтъ:* „Исторія педагогики". II, стр. 123.

Digitized by Google

такое, чисто-физическое, воспитаніе не было удѣломъ всѣхъ; оно распространялось лишь на свободныхъ, на высшіе классы, низшіе же классы и рабы были его лишены *).

Непосредственныя заботы объ интеллектуальномъ развитіи обнаруживаются лишь съ возникновеніемъ христіанства; вліяніе послѣдняго на образованіе дѣлается замѣтнымъ уже въ послѣдніе вѣка существованія западной Римской имперіи. Первоначально христіане, для сохраненія своей религіи и ученія Христа, должны были обратить вниманіе на воспитаніе и образованіе своего юношества; для этой цѣли учреждались школы, въ которыхъ христіанскія дѣти ознакомлялись съ новымъ ученіемъ, а равно и язычники подготовлялись къ обращенію въ христіанство. Такія школы, значительно распространившіяся уже въ III вѣкѣ, получили названіе катехетическихъ **). Въ нихъ, кромѣ обученія христіанству, преподавалось чтеніе, письмо и церковное пѣніе ***). Пока христіанство не достаточно окрѣпло и распространилось, рядомъ съ христіанскими школами существовали и языческія, въ которыхъ обучались не только язычники, но и христіане. Но чѣмъ болѣе распространялось христіанство, тѣмъ болѣе развивалась и его дѣятельность въ сферѣ духовной жизни. Начала, проводимыя христіанствомъ, породили совершенно новыя стремленія къ аскетизму и послужили причиной образованія монастырей; при каждомъ изъ такихъ монастырей учреждались школы для приготовленія духовенства, въ которыхъ, однако, могли получать образованіе и свѣтскія лица. Главными предметами обученія и здѣсь были: чтеніе, письмо и пѣніе псалмовъ. Рядомъ съ монастырскими школами существовали соборныя, учреждавшіяся при соборныхъ церквахъ, и фундушевыя школы, учреждавшіяся при другихъ церквахъ, называвшихся фундушами или коллегіальными церквами. Кромѣ того, нѣкоторые государи, какъ, напримѣръ, Карлъ Великій и Альфредъ Великій, также содѣйствовали учрежденію школъ и распространенію образованія. Въ высшихъ школахъ, которыя также кое-гдѣ уже существовали, предметами преподаванія являлись такъ называемыя семь свободныхъ искусствъ: грамматика, діалектика, риторика, составлявшія trivium, и музыка, ариѳметика, геометрія и астрономія, составлявшія quadrivium. Все преподаваніе, находясь въ рукахъ духовенства, носило религіозно-схоластическій характеръ, обнаруживая въ то же время слѣды вліянія греко-римской культуры.

По мѣрѣ дальнѣйшаго развитія средневѣкового строя, образованіе и забота о немъ начинаютъ отражать на себѣ всѣ отличительныя черты этого строя. Это былъ періодъ господства частнаго начала и въ то же время

---

*) „О классахъ у древнихъ германцевъ“ см. *Vaitz*: „Die deutsche Verfassungsgeschichte“.

**) Катехумены — оглашенные, т.-е. обучавшіеся сущности христіанской вѣры. Катехетика—обученіе оглашенныхъ.

***) *Окольскій*: „Объ отношеніи государства къ народному образованію“. Спб., 1872 г., стр. 53. *Шмидтъ*: „Исторія педагогики“ 1887 г., т. I, стр. 20; 1879 г., т. II, стр. 25 и слѣд.

Digitized by Google

періодъ борьбы между различными соціальными элементами изъ-за политическаго преобладанія. Такими элементами являлись: духовенство съ папою во главѣ, феодальные землевладѣльцы и городскія общины. Если въ предшествовавшій періодъ дѣло образованія находилось почти исключительно въ рукахъ духовенства, то теперь, съ развитіемъ отличительныхъ чертъ средневѣковаго строя, каждая изъ указанныхъ соціальныхъ сферъ начинаетъ оказывать на него свое вліяніе; духовенство, феодалы и города ставятъ себѣ задачей, между прочимъ, и заботы объ интеллектуальномъ развитіи своихъ членовъ. Характеристическія черты каждой изъ этихъ соціальныхъ сферъ всецѣло отражаются и на образованіи.

Католическое духовенство, исключительно господствовавшее въ этой сферѣ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, сохранило это господство и въ періодъ феодализма, хотя его вліяніе на образованіе оказывается въ этотъ періодъ гораздо менѣе благодѣтельнымъ, нежели въ первыя времена существованія христіанской церкви. Это объясняется упадкомъ нравовъ въ средѣ самого духовенства. Въ первые вѣка христіанства, подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ новой религіи, духовенство было дѣйствительнымъ представительствомъ евангельскаго ученія; оно не только словомъ, но и дѣломъ, собственными примѣрами, показывало, каковы должны быть истинные христіане. Но, по мѣрѣ того, какъ христіанство распространялось, по мѣрѣ сосредоточенія въ рукахъ духовенства значительныхъ богатствъ и увеличенія его власти надъ народомъ, измѣнялись и нравственныя достоинства самого духовенства. Въ періодъ феодализма упадокъ нравовъ духовенства былъ уже весьма значительнымъ; несмотря на это, духовенство стремилось сохранить за собою вліяніе на народное образованіе, желая удержать послѣднее въ извѣстныхъ предѣлахъ. Истинное просвѣщеніе народныхъ массъ, въ сущности говоря, не было въ интересахъ католическаго духовенства, такъ какъ грозило весьма серьезными опасностями его авторитету и власти. Считая устройство школъ и организацію преподаванія своимъ исключительнымъ правомъ, духовенство всѣми силами противилось основанію школъ со стороны свѣтскихъ лицъ; если же такія школы и учреждались, то контроль надъ ними принадлежалъ духовенству, причемъ послѣднее стремилось ограничить преподаваніе въ такихъ школахъ чтеніемъ и письмомъ; свѣтскимъ лицамъ иногда воспрещалось даже учиться писать *). Мало того, сколько-нибудь значительныя знанія преслѣдовались какъ дѣло не богоугодное. При такихъ воззрѣніяхъ школы не могли, конечно, процвѣтать; напротивъ, какъ соборныя и монастырскія, такъ и другія школы, находившіяся въ рукахъ духовенства, пришли въ совершенный упадокъ. Вмѣстѣ съ этимъ и католическая церковь вообще постепенно теряла свое могущество. Упадку духовенства и его школъ, кромѣ причинъ, лежавшихъ въ жизни самого духовенства, значительно способствовали и крестовые походы, познакомившіе западноевропейское общество съ жизнью иновѣрныхъ народовъ и внесшіе въ

*) *Онольскій*, стр. 91.

Digitized by Google

Европу нѣкоторый духъ свободомыслія; помимо того, развитіе самостоятельности городскихъ общинъ, съ своей стороны, также способствовало нѣкоторому ослабленію власти духовенства. Феодальные землевладѣльцы и города начинаютъ самостоятельно заботиться объ интеллектуальномъ развитіи лицъ, принадлежащихъ къ ихъ средѣ. Но такъ какъ характеръ всего строя городской жизни былъ совершенно иной, нежели феодально-землевладѣльческой, то и образованіе въ той и другой сферѣ отличается своими особыми чертами.

Образованіе въ сферѣ феодально-землевладѣльческой аристократіи представляло во многихъ отношеніяхъ прямую противоположность образованію духовенства. Связь между тѣмъ и другимъ, благодаря этому, однако, не упрочивалась. Вліяніе духовенства было настолько сильно, что мысль и все міросозерцаніе средневѣкового европейца на долгое время получили почти исключительно религіозное направленіе. Поэтому, какою бы противоположностью ни являлась, сравнительно съ духовенствомъ, жизнь свѣтскихъ феодаловъ, она въ значительной степени сохраняла на себѣ печать теологіи. Въ этомъ обнаруживалось, слѣдовательно, вліяніе одной соціальной сферы на другую. Но жизнь феодальныхъ землевладѣльцевъ представляла вполнѣ своеобразное явленіе, характеризовалась такими чертами, которыя были присущи исключительно только ей; она имѣла свое особое направленіе и свой особый смыслъ. Соотвѣтственно съ этимъ самостоятельнымъ характеромъ феодальной жизни организовалось въ этой сферѣ и образованіе. Строй жизни свѣтскихъ феодаловъ носилъ, по преимуществу, военный характеръ. Мы уже сказали, что весь средневѣковой періодъ исторіи европейскихъ народовъ представляетъ собою, въ соціально-политическомъ отношеніи, внутреннюю борьбу между различными соціальными элементами за политическое преобладаніе, и если въ этой борьбѣ католическая церковь имѣла въ своихъ рукахъ оружіе духовное, то свѣтская аристократія, свѣтскіе феодальные владѣльцы были настоящими воинами, боролись при помощи оружія въ собственномъ смыслѣ этого слова. И какъ церковь стремилась при помощи своихъ школъ образовать людей вѣрующихъ, — людей, слѣдовательно, вполнѣ ей преданныхъ, такъ и свѣтская феодальная аристократія стремилась, при помощи своего особеннаго образованія, сдѣлать изъ лицъ своего круга воиновъ. Какъ католическому духовенству не было нужно истинное развитіе, въ которомъ оно видѣло для себя даже опасность, такъ оно не было нужно и для свѣтскихъ феодаловъ. Но чтобы понять истинный характеръ образованія послѣднихъ, необходимо обратить вниманіе на совершенно своеобразное явленіе, выработавшееся въ этотъ историческій періодъ въ сферѣ феодальной аристократіи. Отчасти подъ вліяніемъ христіанства, отчасти подъ вліяніемъ воинственнаго духа эпохи, развилась совершенно особая организація феодальной жизни, и извѣстная въ исторіи подъ именемъ рыцарства. Съ понятіемъ рыцаря соединяется нѣчто гораздо болѣе обширное, нежели съ понятіемъ воина. Рыцарство—это идеализмъ средневѣковаго германскаго духа, говоритъ Шмидъ

Digitized by Google

Рыцарство—это сочетаніе идей и подвиговъ, религіи и геройства, поэзіи и жизни, женской любви и ратнаго искусства, говоритъ Фальке. Религія, честь, любовь и ратное дѣло—вотъ что наполняло жизнь рыцаря. Поэтому и образованіе въ сферѣ феодальной аристократіи было не только военнымъ, но и рыцарскимъ. Все, что составляло сущность рыцарства, преподавалось молодому поколѣнію съ раннихъ лѣтъ; но самое преподаваніе не было школьнымъ, а по преимуществу практическимъ, хотя рыцари и посѣщали иногда монастырскія и соборныя школы. Если въ школахъ духовенства преподавались, какъ мы видѣли, семь свободныхъ искусствъ (trivium и quadrivium), то въ образованіи рыцарства на первомъ планѣ стояли семь такъ называемыхъ благородныхъ пристрастій дворянства, или семь совершенствъ рыцаря; сюда относились: верховая ѣзда, плаванье, стрѣльба изъ лука, фехтованье, охота, игра въ шахматы и стихотворство. Отсюда видно, что образованіе было направлено къ развитію не интеллектуальныхъ силъ и способностей, но, главнымъ образомъ, физическихъ. Школами для такого развитія были рыцарскіе за́мки. Интеллектуальное развитіе хотя и не было окончательно игнорировано, однако, говоря вообще, находилось на слишкомъ низкой ступени. Научное преподаваніе, когда оно имѣло мѣсто, состояло, по преимуществу, въ библейской исторіи, сказаніяхъ, сагахъ и т. п. Умѣнье читать и писать было доступно далеко не всѣмъ; мало того, оно считалось даже недостойнымъ рыцаря, въ силу чего выдаваемыя рыцарями грамоты они давали подписывать за себя священникамъ и писарямъ съ оговоркой—«за незнаніемъ грамоты по рыцарскому сану». Таково образованіе рыцарства. Оно исчезло вмѣстѣ съ исчезновеніемъ самого рыцарства подъ вліяніемъ новыхъ факторовъ, болѣе сильныхъ, нежели тѣ, которые поддерживали его существованіе.

Городскія общины, образованію и развитію которыхъ много способствовали феодальныя притѣсненія, представляли собою третью соціальную сферу средневѣковаго строя, въ которой, подобно тому, какъ и въ двухъ первыхъ, организовалась самостоятельная система образованія. Основанія, смыслъ и цѣль этого образованія вполнѣ соотвѣтствовали всему строю и направленію городской жизни. Если основнымъ началомъ, проникавшимъ жизнь духовенства и руководившимъ всею его дѣятельностью, была вѣра, если таковымъ же началомъ въ сферѣ феодализма было рыцарство съ его геройскими подвигами и съ его романтизмомъ, то въ сферѣ городской жизни такимъ господствовавшимъ началомъ былъ трудъ. Города являлись центрами промышленной жизни; ихъ благосостояніе обусловливалось успѣхами торговли и промышленности; въ виду этого и образованіе въ городскихъ общинахъ, въ противоположность образованію духовенства и феодаловъ, получило практическій характеръ; оно являлось, по преимуществу, образованіемъ реальнымъ; но такъ какъ здѣсь же, на ряду съ практическими промышленными знаніями, развились также, благодаря университетамъ, различныя отрасли наукъ и искусствъ, то въ городахъ слѣдуетъ искать и зародышъ вообще профессіональнаго образованія. Городское образованіе

Digitized by Google

имѣло практическій характеръ и въ другомъ смыслѣ: оно пріобрѣталось не въ спеціально назначенныхъ для этой цѣли профессіональныхъ школахъ, но давалось практически самою жизнью. Подобно тому какъ въ духовной сферѣ школами не рѣдко являлись монастыри, въ сферѣ свѣтскаго феодализма—рыцарскіе замки, и въ городскихъ общинахъ онѣ замѣнялись различнаго рода корпораціями, цехами и гильдіями. Здѣсь тѣ или другія промышленныя знанія пріобрѣтались практически, причемъ извѣстной степени этихъ знаній соотвѣтствовало и извѣстное положеніе въ корпораціи; такъ существовали званія мастера, подмастерья и ученика. Кромѣ такого профессіональнаго практическаго обученія существовали, однако, и общія школы, въ которыхъ преподавались какъ элементарныя знанія — чтеніе, письмо, счетъ, такъ и нѣкоторыя науки, наприм. исторія и географія. Это были, такъ называемыя, «писарскія школы». Какъ бы высшую ступень представляли латинскія школы; въ нихъ преобладала латынь; грамматика была главнымъ предметомъ преподаванія, хотя здѣсь же обучали чтенію, письму и священной исторіи *). Всѣ эти школы долгое время находились подъ контролемъ духовенства, относившагося къ нимъ вообще съ крайнимъ недовѣріемъ и стремившагося присвоить исключительно себѣ право устройства училищъ. Организація городскихъ школъ, дававшихъ общее и научное образованіе, все же вполнѣ соотвѣтствовала цеховымъ и ремесленнымъ уставамъ; школьное преподаваніе считалось ремесломъ. Между городскимъ управленіемъ и учителями заключались условія на извѣстный срокъ, на основаніи которыхъ послѣдніе, за извѣстную, въ большинствѣ случаевъ ничтожную, плату обязывались обучать дѣтей. О прекращеніи найма та и другая сторона должна была заявлять заранѣе. Вслѣдствіе такого срочнаго характера преподаванія образовался особый классъ странствующихъ учителей, нанимавшихся въ школы и отправлявшихся въ другія мѣста, когда имъ отказывали, или когда они отказывались сами. Вмѣстѣ съ учителями не рѣдко странствовали и ученики. Какъ ни слабо было преподаваніе въ этихъ странствующихъ школахъ, какъ ни низко иногда падали нравственно учителя и ученики, все же, выражаясь картиннымъ языкомъ Шмидта, эти школы были уже «знаменіемъ того, что юный порывъ средневѣковыхъ народовъ сокрушилъ тѣсныя монастырскія кельи, что суровость, съ какою монастырское воспитаніе подавило было умы, теперь смягчилась на просторѣ, что въ наукѣ пробудилась потребность ознакомиться съ жизнью. Странствованія школьниковъ были главнымъ средствомъ для того, чтобы пользоваться преподаваніемъ многихъ и разныхъ извѣстныхъ учителей. Они были слѣдствіемъ новаго духовнаго порыва жизни, продуктомъ возникш любознательности». Такимъ образомъ, городскія общины, съ различны видами ихъ образованія, являются мѣстами, гдѣ впервые мысль нов европейскаго человѣка пробуждается и освобождается отъ исключител наго теологическаго вліянія. Но въ этомъ еще болѣе насъ убѣждаетъ по

*) *Шмидтъ*, т. II, стр. 290.

Digitized by Google

явленіе университетовъ. Хотя университеты и не были обязаны своимъ возникновеніемъ исключительно городскимъ общинамъ, все же города, благодаря характеру ихъ строя, въ значительной степени чуждаго какъ религіознаго піэтизма, такъ и рыцарскаго романтизма, были наиболѣе удобными мѣстами для возникновенія университетовъ. Надлежащее развитіе университетовъ и науки принадлежитъ, конечно, послѣдующимъ эпохамъ; но и самое ихъ возникновеніе, относящееся къ разсматриваемому періоду, является доказательствомъ, что мысль ново-европейскаго человѣка, несмотря на всю свою слабость, даже въ эту раннюю пору, не могла быть ограничена тѣми узкими рамками, въ которыя ставила ее теологическая доктрина католической церкви. Въ университетахъ впервые возникла наука, которой суждено было впослѣдствіи окончательно ослабить слѣпую вѣру въ авторитетъ. Конечно, первые университеты были въ научномъ отношеніи очень слабы; какъ возникновеніе ихъ, такъ и самое преподаваніе въ нихъ зависѣли въ значительной степени отъ папской власти; организація представляла мало правильности и устойчивости; въ нихъ, какъ и въ другихъ учрежденіяхъ, господствовалъ неспокойный и страстный духъ эпохи, исключительность, нетерпимость и грубость нравовъ, плохо мирившія съ требованіями истинной науки; но, несмотря на все это, первые университеты были колыбелью науки, ея убѣжищами, гдѣ впервые родилась критическая мысль, подорвавшая значеніе и силу авторитета. Въ этомъ заключается ихъ великое значеніе во всемірной исторіи.

Припоминая все вышеизложенное о просвѣщеніи въ средневѣковый періодъ европейской жизни, мы должны признать, что оно вполнѣ отражало на себѣ характеръ всего соціальнаго строя того времени. Господствовавшими началами, проникавшими собою народное образованіе, были начала—религіозное, военное и трудовое; образовательными органами были: церковь, рыцарскіе замки и города. Какъ вообще между соціальными элементами этого періода преобладающее значеніе принадлежало духовенству, такъ и интеллектуальное развитіе находилось, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ религіознаго начала. Лишь къ концу этого періода и, въ особенности, въ теченіе слѣдующаго, авторитетъ церкви въ дѣлѣ умственнаго развитія народа былъ поколебленъ.

II.

Съ разрушеніемъ средневѣковаго феодальнаго строя, съ постепеннымъ объединеніемъ политической власти въ рукахъ абсолютныхъ монарховъ, интеллектуальное развитіе европейскихъ обществъ дѣлаетъ значительный шагъ впередъ, подъ вліяніемъ новыхъ, ранѣе не существовавшихъ, факторовъ. Къ числу такихъ факторовъ слѣдуетъ, прежде всего, отнести новую форму политической организаціи общества, при которой верховная власть сосредоточилась въ рукахъ абсолютныхъ государей. Эти послѣдніе берутъ дѣло народнаго образованія исключительно въ свое вѣдѣніе. Уничтожая по-

Digitized by Google

степенно политическую самостоятельность церкви, городовъ и феодаловъ, они начинаютъ обнаруживать въ дѣлѣ просвѣщенія прежде всего свою регулирующую дѣятельность; регламентируютъ все образованіе при помощи законодательства, подчиняютъ его своему верховному надзору, создаютъ для содѣйствія ему различныя образовательныя учрежденія и административные органы *). Школьные уставы наполняются постановленіями относительно устройства школъ въ городахъ, экзаменовъ и присяги учителей, содержанія школъ и школьной платы, числа и названія классовъ и т. п. **). Эта регламентирующая дѣятельность касается какъ элементарнаго и общаго, такъ и профессіональнаго образованія. Обученіе въ элементарныхъ школахъ ограничивалось попрежнему чтеніемъ, письмомъ и религіей; въ такъ называемыхъ ученыхъ школахъ, являвшихся средними учебными заведеніями, главное вниманіе обращалось на латинскій языкъ. Университеты, постепенно освобождавшіеся отъ папской зависимости и подчинявшіеся свѣтскимъ государямъ, значительно измѣнили свой первоначальный характеръ. Они сдѣлались учрежденіями государственными и количество ихъ значительно возросло; университетское образованіе сдѣлалось условіемъ для занятія тѣхъ или другихъ государственныхъ должностей; университетское преподаваніе постепенно утратило свой прежній схоластическій характеръ, хотя, съ другой стороны, свобода преподаванія была значительно стѣснена правительственною регламентаціей. Въ этомъ отражался духъ полицейской эпохи ***). Такимъ образомъ, если образованіе не было свободнымъ въ предшествовавшій періодъ, находясь въ зависимости отъ духовенства и кастовой организаціи этой отрасли, то и теперь, освободившись отъ прежней зависимости, оно впало въ новую, источникомъ которой явилось полицейское государство. Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что абсолютные монархи, въ сферѣ попеченія о народномъ образованіи, гораздо менѣе проявляли свою дѣятельность, нежели въ другихъ отрасляхъ народной жизни, и это, конечно, потому, что не сознавалась еще вся важность образованія, правители не усматривали въ немъ для себя никакой пользы. Главная цѣль ихъ въ этомъ случаѣ не шла далѣе желанія имѣть свѣдущихъ чиновниковъ. Не только правительство, но и представители науки находили, что слишкомъ большое распространеніе научнаго образованія совершенно излишне и вредно какъ для самихъ гражданъ, такъ и для всего государства. Въ виду этого считалось необходимымъ препятствовать распространенію высшаго образованія. Въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ лицамъ изъ низшихъ классовъ вовсе воспрещалось полученіе высшаго об-

---

*) *L. Stein:* „Die Verwaltungslehre". V, 30. См. также его обширное сочиненіе: „Das Bildungswesen", въ трехъ томахъ; изд. 2-е. 1883—84 г.

**) *Firnhaber:* „Errichtung und Erhaltung der Schulen"; въ *Schmid's* Encyklopädie. Band. II, S. 284; 2-te Aufl.

***) *Fried. Lübker:* „Gelehrtenschulwesen. Schmid's Encyklopädie", Band. II, S. 841 flg. Ср. также *Wohlfarth:* „Geschichte des gesammten Erziehungs- und Schulwesens". 1855, Band. II, S. 515—519; *Raumer:* „Geschichte der Pädagogik", 1846, I, S. 276 flg.

Digitized by Google

разованія и только высшіе классы могли помѣщать своихъ дѣтей въ университеты или другія высшія учебныя заведенія безъ разрѣшенія правительства *). Интеллектуальное развитіе низшихъ слоевъ населенія считалось не только вреднымъ, но и опаснымъ; «господствующій классъ пришелъ къ убѣжденію, что невѣжество массъ составляетъ самую вѣрную опору его владычества, что простой народъ не нуждается въ образованіи, что даже было бы желательнымъ устранить отъ него всѣ средства образованія изъ опасенія, что народъ, пріобрѣвъ образованіе, сдѣлается недовольнымъ своимъ положеніемъ» **). При такихъ воззрѣніяхъ на образованіе и заботы о немъ отступали на задній планъ, въ силу чего и самая регламентація въ этой сферѣ не была такъ велика, какъ въ другихъ сферахъ. Но если политическая организація общества, съ ея дѣятельностью въ сферѣ народнаго образованія, не оказала, съ своей стороны, какого-либо значительнаго вліянія на интеллектуальное развитіе народа въ періодъ существованія такъ называемаго абсолютнаго государства, то она являлась лишь однимъ изъ факторовъ этого развитія; другіе факторы были болѣе могущественны и вліяли болѣе сильно на интеллектуальное развитіе, хотя они были не только положительнаго, но и отрицательнаго характера, т.-е. не только содѣйствовали интеллектуальному развитію, но и препятствовали ему. Остановимся на важнѣйшихъ изъ этихъ факторовъ. Къ ихъ числу принадлежитъ прежде всего явленіе, извѣстное подъ именемъ возрожденія классическихъ наукъ.

Возрожденіе классическихъ наукъ, предшествовавшее духовной реформаціи и въ значительной степени ее подготовившее, оказало громадное вліяніе на интеллектуальное развитіе европейскихъ обществъ. Изученіе писателей и ученыхъ классической древности, начавшееся въ Италіи и распространившееся затѣмъ по всей Западной Европѣ, послужило дѣлу развитія прежде всего своею борьбой противъ господствовавшаго схоластико-теологическаго направленія мышленія; оно возбудило затѣмъ духъ изслѣдованія, вызвало стремленіе къ научнымъ занятіямъ, даже къ естествовѣдѣнію, отвлекло человѣческій умъ отъ безплоднаго формальнаго мышленія. Гуманисты всѣми силами ратовали противъ пороковъ и развращенности католическаго духовенства, разоблачая ихъ предъ обществомъ, чѣмъ, конечно, и возбуждали противъ себя ненависть и гоненія. Въ своихъ сочиненіяхъ они требуютъ свободы и самостоятельности человѣческаго духа, высвобожденія личности отъ подавлявшихъ ее средневѣковыхъ корпорацій, въ которыхъ имѣли наибольшее значеніе лишь массы, сословія и общества, а не особи. Многіе изъ нихъ являются воспитателями и педагогами, проводившими какъ въ своихъ сочиненіяхъ, такъ, по возможности, и на практикѣ вполнѣ правильныя и разумныя начала воспитанія, выступавшими въ защиту человѣческой личности и ея самостоятельности; воспитаніе и обра-

*) *Berg:* „Handbuch des deutschen Rechts". II, S. 324—330.

**) *Окольскій:* „Объ отношеніи государства къ народному образованію", стр. 127 и друг.

Digitized by Google

зованіе, по ихъ воззрѣніямъ, не должны были подавлять индивидуальныхъ способностей и стремленій, приноравливаясь къ природнымъ дарованіямъ *). Правда, примѣненіе этихъ началъ воспитанія и образованія было достижимо лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ; но гуманисты дѣйствительно имѣли въ виду высшія сословія, высшую аристократію, и сами являлись воспитателями при дворахъ государей; образованіе же низшихъ классовъ народа не обращало на себя ихъ вниманія. На-ряду съ интеллектуальнымъ развитіемъ они ратовали и за развитіе физическое, рекомендуя для этой цѣли гимнастическія упражненія; но при этомъ ими имѣлось уже въ виду не удовлетвореніе какимъ-либо сословнымъ воззрѣніямъ и потребностямъ, какъ это имѣло мѣсто въ воспитаніи и образованіи, напримѣръ, рыцарства, но физическое развитіе, по воззрѣніямъ гуманистовъ, является условіемъ человѣческаго здоровья, оно необходимо также и для успѣшнаго развитія силъ и способностей духовныхъ. Такимъ образомъ, гуманисты, болѣе 400 лѣтъ тому назадъ, высказывали уже такія требованія въ дѣлѣ образованія, надлежащее осуществленіе которыхъ даже и въ настоящее время далеко не вполнѣ достигнуто. Дѣятельность гуманистовъ неминуемо должна была отразиться и на учебныхъ заведеніяхъ, — по крайней мѣрѣ, высшихъ и среднихъ. Въ нихъ вводится болѣе правильное преподаваніе латинскаго языка, исправляются латинскіе учебники, въ особенности грамматики и словари, начинается изученіе римскихъ классиковъ, улучшается составъ преподавателей и т. д. **). Конечно, все это дѣлается лишь постепенно; гуманизмъ въ этомъ направленіи далъ лишь сильный толчокъ, и только впослѣдствіи, въ связи съ религіозною реформаціей, онъ оказалъ болѣе могущественное вліяніе на образованіе. Весьма мѣтко и картинно характеризуетъ значеніе гуманистической дѣятельности для интеллектуальнаго развитія Шмидтъ въ своей исторіи педагогики: «Всеобщее одушевленіе,—говоритъ онъ,—охватило лучшіе умы и напутствовало ихъ въ Аѳины и Римъ, дабы духомъ древнихъ они воспитали свой собственный. Хотя на этомъ пути и не избѣгли крайностей, хотя время часто проводилось въ отвѣтахъ на безполезные и нелѣпые вопросы, хотя слѣплялись фоліанты и квартанты о греческихъ древностяхъ,—однако, эти вновь пробуждающіяся знанія все-таки были знаменіемъ побѣды пробивающагося впередъ духа, такъ какъ съ ними все человѣчное и образованіе человѣка стало почетнымъ, и благодаря имъ западные умы освоились съ истиннымъ и вѣчнымъ въ человѣческихъ дѣлахъ. Классическая древность, съ ея замкнутымъ и законченнымъ міромъ, въ которомъ не существовало косной противополож-

*) Такія требованія высказывали въ своихъ сочиненіяхъ: въ Италіи—Петрарка, Витторино, Верджеріо, Мафеусъ Вегій; въ Испаніи — Раймундъ де-Сабунда, Людовикъ Вивесъ, Хуанъ Гуарте; въ Германіи—Яковъ Вильфелингъ, Эразмъ и друг.

**) *Raumer:* „Geschichte der Pädagogik". I, 9 — 126; *Wohlfarth:* „Geschichte d. Erziehungs - und Schulwesens". II, 396 — 433; *Schmidt:* „Encyclopädie des Erziehungswesens". II, 825 — 830; *Окольскій:* „Объ отношеніи государства къ народному образованію", стр. 74—76.

Digitized by Google

ности между духомъ и природой, расторгла формальное образованіе схоластики... Подвизаясь въ античномъ мірѣ, на свободномъ отъ всякаго внѣшняго авторитета и церковными уставами не тронутомъ поприщѣ, духъ позналъ въ этой свободѣ свою настоящую стихію, она сдѣлалась его потребностью и онъ почуялъ въ ней свою верховную... власть». Таково было вліяніе возрожденія классическихъ наукъ на интеллектуальное развитіе европейскихъ обществъ, но вся сила этого вліянія обнаружилась лишь въ связи съ церковною реформаціей.

Вліяніе реформаціи проявляется прежде всего, конечно, въ сферѣ религіи. Католическая церковь, ограничивавшая въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ развитіе человѣческой мысли, потрясается до основанія; авторитетъ папской власти падаетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ освобождается человѣческая совѣсть, и слѣпое довѣріе замѣняется внутреннимъ убѣжденіемъ. Это было, конечно, весьма важно; но еще большее значеніе имѣетъ то обстоятельство, что вмѣстѣ съ освобожденіемъ совѣсти освобождается и мысль; разумъ вступаетъ въ свои права; онъ стремится къ объясненію не только явленій внѣшней жизни, но и проникаетъ въ область религіи; догматы вѣры, обряды, ученія подвергаются его критикѣ; въ этомъ случаѣ онъ является отчасти уже подготовленнымъ, благодаря возрожденію классическихъ наукъ. Для человѣческой мысли является, такимъ образомъ, возможность изучать и познавать міръ, открывать законы, управляющіе міровою жизнью, и стремиться подчинить себѣ природу, заставить ее служить благу человѣчества,—однимъ словомъ, возникаетъ возможность появленія и развитія науки. Въ этомъ заключается великое значеніе реформаціи для интеллектуальнаго развитія европейскихъ обществъ. Но вліяніе реформаціи является болѣе непосредственнымъ въ отношеніи образованія и образовательныхъ учрежденій. Реформація церкви и религіи находилась въ самой тѣсной связи съ реформаціей школы, и это потому, что послѣдняя составляла необходимое условіе для успѣха первой. Чтобы новая религія была понята народомъ, необходима была, во-первыхъ, реформа школы въ смыслѣ освобожденія ея отъ прежняго монастырскаго вліянія и сообщенія ей истинно христіанскаго направленія; во-вторыхъ необходимо было возможно большее распространеніе образованія среди народа. Такимъ образомъ, реформаторы имѣютъ въ виду уже народную массу, и реформація впервые вызываетъ къ жизни народную школу въ истинномъ смыслѣ слова. Уже первые дѣятели реформаціи—Лютеръ, Меланхтонъ, Цвингли—обращали большое вниманіе на образованіе и устройство училищъ; въ своихъ сочиненіяхъ и проповѣдяхъ они указывали на цѣль воспитанія, обнаруживали недостатки современнаго имъ образованія, указывали на предметы, которымъ должно было обучать въ школахъ, сами переводили учебники и священныя книги на народный языкъ, который послѣ реформаціи постепенно дѣлается господствующимъ въ школахъ. Однако, въ высшихъ школахъ и даже среднихъ преобладалъ попрежнему латинскій языкъ; на немъ говорили и на немъ велось преподаваніе. Въ этомъ надо видѣть могущественное вліяніе

Digitized by Google

гуманизма, противостоять которому не были въ силахъ, да и не считали еще необходимымъ реформаторы. Латинскій языкъ былъ, кромѣ того, необходимъ реформаторамъ для ихъ богословской борьбы съ католическимъ духовенствомъ. Изученіе классическихъ языковъ являлось въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, уже не цѣлью, но средствомъ. Лютеръ, Меланхтонъ, Цвингли были, кромѣ того, сами педагогами; въ своихъ сочиненіяхъ они предлагали цѣлыя системы воспитанія. Весьма многое, что они высказывали въ этомъ отношеніи,—говоритъ Вольфартъ,— останется справедливымъ на вѣчныя времена. Реформація, какъ извѣстно, была принята не вездѣ; нѣкоторыя государства Европы остались католическими, таковы: Франція, Испанія, Италія, Польша; въ этихъ государствахъ не могло, слѣдовательно, обнаружиться непосредственнаго вліянія реформаціи на образованіе, но оно обнаружилось здѣсь посредственно. Католическое духовенство не могло, конечно, равнодушно относиться къ побѣдамъ реформаціи въ области человѣческаго духа. Если реформація стремилась распространить образованіе, необходимое, какъ мы сказали, для правильнаго пониманія новаго ученія, то и католичество должно было бороться съ протестантствомъ тѣмъ же оружіемъ. Реформаторской школѣ и реформаторскому образованію и воспитанію оно должно было противоставить свою школу и свое воспитаніе; но прежняя католическая школа не могла уже удовлетворить: она была разсчитана на мирныя времена, а теперь приходилось вести борьбу; ранѣе стремленія католическаго духовенства ограничивались въ этой сферѣ тѣмъ, чтобы дать общественной мысли строго-религіозное направленіе, теперь этого стало недостаточно,—теперь стало необходимымъ отстаивать старую религію, понадобилось, слѣдовательно, и особое образованіе, направленное къ этой цѣли. И дѣйствительно, въ католическомъ духовенствѣ обнаруживается энергичная образовательная дѣятельность, представителями и проводниками которой явились іезуиты.

Дѣятельность іезуитовъ замѣчательна по своимъ успѣхамъ. Число членовъ іезуитскаго ордена быстро возрастало. Іезуитскія училища распространялись по всѣмъ католическимъ странамъ. Іезуиты захватывали образованіе въ свои руки вездѣ, гдѣ только было возможно. Хотя образованіе и было религіозно-классическимъ, но въ виду того, что оно являлось орудіемъ въ борьбѣ съ протестантизмомъ, оно заключало въ себѣ много темныхъ сторонъ. Іезуиты старались развить въ своихъ ученикахъ фанатизмъ, воспитывали ихъ въ убѣжденіи, что для достиженія хорошей цѣли дозволительны всякія средства, старались вообще сдѣлать изъ учениковъ покорныхъ слугъ ордена. На-ряду съ этими и многими другими темными сторонами іезуитскаго образованія, оно представляло и нѣкоторыя улучш сравнительно съ прежними монастырскими школами. Такъ, іезуиты вы болѣе соотвѣтствующій цѣли методъ изученія классическихъ языковъ, б лѣе свободную организацію училищъ, отличавшуюся отъ строго-монашеск прежняго времени, болѣе мягкую дисциплину, вводя въ нее элементъ с ревнованія; наконецъ, они имѣли въ виду, хотя и не въ значительн

Digitized by Google

степени, требованія свѣтской науки и свѣтскаго образованія. Всѣ, однако, эти улучшенія не вознаграждали за тотъ вредъ, который наносился іезуитскими школами нравственности молодого поколѣнія, а образованіе въ католическихъ странахъ, несмотря на эти школы, все же стояло на низшей ступени, нежели въ протестантскихъ *).

Къ числу факторовъ, содѣйствовавшихъ въ разсматриваемый періодъ интеллектуальному развитію вообще и образованію въ частности, принадлежитъ также дѣятельность педагоговъ. Мы видѣли, что еще между гуманистами были лица, занимавшіяся педагогикой и считавшія дѣло воспитанія одною изъ трудныхъ, но въ то же время и чрезвычайно важныхъ отраслей человѣческой дѣятельности. Педагоги XV, XVI и XVII столѣтій являются отчасти продолжателями педагоговъ-гуманистовъ, отчасти самостоятельно разрабатываютъ вопросы воспитанія и образованія, дѣлая въ этой области значительный шагъ впередъ. Не входя въ подробное описаніе сочиненій и воспитательной дѣятельности педагоговъ различныхъ странъ, остановимся только на существенномъ.

Большинство педагоговъ даннаго періода стремилось положить конецъ все еще господствовавшему въ школахъ схоластико-теологическому направленію. Замѣтное исключеніе представлялъ собою Спенеръ (1635—1705 гг.), по мнѣнію котораго, все воспитаніе и образованіе должны были покоиться на строго-религіозныхъ основахъ; библія, катехизисъ, молитвенникъ — вотъ, по его мнѣнію, единственные предметы, достойные изученія. Ученіе Спенера не находило, однако, большого сочувствія и, какъ явленіе единичное въ этой сферѣ, не могло оказать сильнаго вліянія на воспитаніе и образованіе. Въ качествѣ послѣдователей гуманистовъ, что касается собственно предметовъ школьнаго обученія, являются германскіе педагоги: Штурмъ, Троцендорфъ, Гессусъ, Неандеръ. Главными предметами изученія, по ихъ мнѣнію, должны были служить древніе языки; французскіе педагоги требуютъ, напротивъ, изученія роднаго языка и на изученіе языковъ древнихъ смотрятъ не какъ на цѣль, но лишь какъ на средство образованія; въ этомъ смыслѣ, наприм., прямо высказывался Ролленъ; вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно сознается необходимость реальнаго образованія, о чемъ ратовали педагоги разныхъ странъ; таковы: Коменскій, Франке, Монтень, Беконъ Веруламскій, Джонъ Локкъ и другіе. Фенелонъ указывалъ уже на необходимость и женскаго образованія. Методъ обученія и дисциплина также обращали на себя вниманіе педагоговъ разсматриваемаго періода; большинство изъ нихъ настаиваетъ на наглядномъ и опытномъ обученіи; кромѣ того, занятія, по ихъ мнѣнію, должны приспособляться къ естественному развитію человѣческихъ способностей; такъ, Коменскій, между прочимъ, заявлялъ, что прежде всего необходимо развивать органы чувствъ, потомъ память, затѣмъ смыслъ и потомъ уже сужденіе. Такимъ образомъ, харак-

*) *Wohlfarth*, II, 459, 489—490, 514; *Raumer*, I, 291 flg. *Schmidt*: „Encyklopädie". II, 575—577; *Оконскій*, 113—123; *L. Stein*: „Das Bildungswesen". III, 34—234.

Digitized by Google

теристическими чертами педагогической дѣятельности разсматриваемаго періода являются: признаніе необходимости обученія родному языку, введеніе въ систему преподаванія реальныхъ знаній, опытный и наглядный методъ обученія; но, можетъ быть, еще болѣе характернымъ оказывается то обстоятельство, что всѣ эти образовательныя и воспитательныя теоріи касались лишь средняго и высшаго образованія,—создавались, слѣдовательно, для высшихъ классовъ; народъ и народная школа попрежнему не обращали на себя вниманія педагоговъ *).

Къ числу факторовъ, вліявшихъ на интеллектуальное развитіе европейскихъ обществъ въ разсматриваемый періодъ ихъ жизни слѣдуетъ, конечно, отнести и различнаго рода открытія и изобрѣтенія. Эти явленія, служа, съ одной стороны, доказательствомъ, что человѣческая мысль успѣла уже сдѣлать значительные успѣхи, способствовали, съ другой стороны, ея дальнѣйшему развитію. Въ числѣ изобрѣтеній, содѣйствовавшихъ интеллектуальному развитію и образованію, первое мѣсто, несомнѣнно, должно быть отведено книгопечатанію; но затѣмъ извѣстное вліяніе въ этомъ отношеніи должно быть признано, конечно, и за изобрѣтеніями огнестрѣльнаго пороха, компаса, за открытіями Америки, восточныхъ Индій и проч. Само собою понятно, что до изобрѣтенія книгопечатанія не могло быть сколько-нибудь быстраго распространенія знаній; всѣ сочиненія были рукописными, а переписка стоила большихъ денегъ; слѣдовательно, рукописи могли вращаться лишь въ ограниченномъ кругу достаточныхъ классовъ общества. Книгопечатанію суждено было произвести въ этой сферѣ цѣлый переворотъ. Благодаря ему, знанія получили возможность всеобщаго распространенія; возникла ежедневная и періодическая пресса; облегчилось преподаваніе въ школахъ. Съ начала книгопечатанія,—говоритъ Л. Штейнъ,—возникаетъ новый порядокъ вещей: элементарное обученіе становится общимъ; духовная жизнь изъ отдѣльныхъ сословій стремится въ народъ, выравнивая и покрывая всѣ различія **). Книгопечатаніе, благодаря своему вліянію на прессу, сдѣлалось всемірно-историческимъ фактомъ; изъ него возникъ тотъ процессъ, въ которомъ совершенствуется общее развитіе путемъ постояннаго взаимодѣйствія индивидуума на общество и общества на индивидуума ***).

Не столь сильное вліяніе на интеллектуальное развитіе европейскихъ обществъ оказали другія изобрѣтенія. Здѣсь можно говорить развѣ лишь о вліяніи посредственномъ. Такъ, изобрѣтеніе огнестрѣльнаго пороха способствовало объединенію европейскихъ государствъ и появленію во главѣ ихъ представителей абсолютной государственной власти. Слѣдовательно значеніе этого изобрѣтенія для интеллектуальнаго развитія и образова-

*) *L. Stein*: „Das Bildungswesen". III, 200—208. *Raumer*: „Geschichte". I, 12-99, 112 — 374. *Wohlfarth*: „Geschichte". II, 495—584. *Schmidt*: „Encyklopädie". 343—355, 942—951; II, 540—554 и др.; IV, 1094—1097; V, 199—213.

**) *L. Stein*: „Die Verwaltungslehre". VI, 9.

***) Ibid., VI, 45.

Digitized by Google

обнаруживается лишь постольку, поскольку благотворной въ этомъ отношеніи являлась дѣятельность абсолютныхъ правительствъ. Изобрѣтеніе компаса дало возможность пускаться въ далекія морскія путешествія,—слѣдовательно, облегчило знакомство и изученіе различныхъ странъ земного шара и въ дѣйствительности обогатило европейскія общества многими ранѣе не существовавшими знаніями. Оно шевелило мысль, возбуждало къ предпріимчивости; благодаря ему произошло открытіе Америки, которое, въ свою очередь, послужило новымъ толчкомъ въ развитіи мысли европейскаго общества. Мы не будемъ говорить о другихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ; несомнѣнно, что всѣ они, по самой своей сущности, какъ явленія новыя, должны были содѣйствовать интеллектуальному развитію и образованію, возбуждая мысль и направляя ее къ пріобрѣтенію новыхъ, болѣе обширныхъ знаній.

Таковы положительные факторы, обусловливавшіе интеллектуальное развитіе европейскихъ обществъ въ разсматриваемый періодъ вообще и распространеніе образованія въ частности. Конечно, мысль ново-европейскаго человѣка, находясь исключительно подъ вліяніемъ этихъ факторовъ, сдѣлала бы несомнѣнно гораздо бо́льшіе успѣхи, нежели какіе она сдѣлала на самомъ дѣлѣ. Плодотворное вліяніе указанныхъ факторовъ ослаблялось въ значительной степени тѣмъ, что на-ряду съ ними дѣйствовали другіе факторы, враждебные дѣлу развитія, не только уменьшавшіе значеніе первыхъ, но иногда и прямо уничтожавшіе ихъ результаты. Свойство этихъ отрицательныхъ факторовъ опредѣляется тѣми отношеніями, въ которыя стали между собою представители стараго и новаго порядка вещей, т.-е. представители схоластико-теологическаго направленія и раціонализма. Многовѣковое подчиненіе теологіи всего міросозерцанія ново-европейскаго человѣка не могло быть уничтожено безъ борьбы. Реформація раздѣлила Европу на двѣ части, на два, такъ сказать, враждебные лагеря; между тѣмъ и другимъ не замедлила вспыхнуть борьба,—и не только борьба духовная, но и физическая,—длившаяся цѣлые десятки лѣтъ съ одинаковымъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ. Таковыя религіозныя войны во Франціи, инквизиція въ Испаніи, тридцатилѣтняя война въ Германіи, религіозныя распри въ Англіи и другихъ государствахъ.

Что касается религіозныхъ войнъ, наполнявшихъ собою всю вторую половину XVI вѣка, то достаточно сказать, что, благодаря имъ, въ государствѣ какъ бы снова водворилась средневѣковая анархія. Фанатизмъ какъ католиковъ, такъ и протестантовъ, способствовалъ истребленію цѣлыхъ массъ народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ деморализація правительствъ достигла своего апогея; народъ же находился въ самомъ жалкомъ положеніи, будучи истощенъ непосильными поборами. Земледѣліе пришло въ упадокъ; торговля и промышленность не могли развиваться *). При такихъ услові-

*) *Лучицкій*: „Феодальная аристократія и кальвинисты во Франціи", т. I. Ср. *Шлоссеръ*: „Всемірная исторія", т. V, стр. 20—32, 44—50, 77—81, 79—113.

Digitized by Google

ихъ интеллектуальная жизнь не могла, конечно, дѣлать успѣховъ, а образованіе и школы приходили въ совершенный упадокъ. Таковы же были послѣдствія и тридцатилѣтней войны въ Германіи. «Не достаетъ словъ,— говоритъ Окольскій въ своей монографіи о народномъ образованіи,—чтобъ описать всѣ бѣдствія, которыя всѣ эти войны навели на Европу. Города опустѣли, народонаселеніе уменьшилось, нравы одичали, жестокость, пожары, грабежи воцарились. Разумѣется, что въ это время нельзя было и думать о процвѣтаніи училищъ. Одни изъ нихъ были уничтожены, сожжены, въ другихъ учителя и ученики разогнаны, въ иныхъ обѣднѣвшее народонаселеніе не было въ состояніи содержать учителя. Страшный упадокъ образованія проявляется не только въ среднихъ и ставшихъ возникать начальныхъ училищахъ, но и въ высшихъ, въ университетахъ. Средневѣковая жизнь приняла тогда самый дикій и бурный видъ. Тогда не было училищъ, учителей, учениковъ; все требовалось создавать сызнова *). Еще болѣе живыми красками обрисовываютъ эти войны и ихъ разрушающее вліяніе на образованіе Вольфартъ **), Шварцъ, Раумеръ ***). Если религіозныя распри въ Англіи и другихъ государствахъ не сопровождались такими же плачевными послѣдствіями, то все же вліяніе ихъ на образованіе было, во всякомъ случаѣ, отрицательнымъ. Наконецъ, испанская инквизиція, представлявшая собою, по словамъ Шмидта ****), самый ужасный изъ всѣхъ союзовъ, какіе когда-либо заключались между церковью и государствомъ, могла дѣйствовать на интеллектуальное развитіе, конечно, только подавляющимъ образомъ. Реформація, а вмѣстѣ съ нею и всякая пытливость мысли, всякое стремленіе ея къ свободѣ были изгнаны изъ Испаніи пытками и кострами. Таковы отрицательные факторы, имѣвшіе въ своемъ основаніи религіозное начало. Нельзя, однако, пройти молчаніемъ еще одинъ изъ такихъ же отрицательныхъ факторовъ, въ основѣ котораго уже лежало начало соціально-политическое. Мы говоримъ о крѣпостномъ состояніи, препятствовавшемъ распространенію образованія среди простого народа.

Въ разсматриваемый періодъ «привилегированныя сословія, духовенство, дворянство и даже городское сословіе привели къ совершенному ничтожеству крестьянъ, т.-е. массу народа; съ лишеніемъ же крестьянскаго сословія всякаго значенія и начальное училище не могло развиваться, такъ какъ оно остается въ самой тѣсной связи съ этимъ сословіемъ, такъ какъ начальное училище составляетъ, такъ сказать, мѣру заботы государства о простомъ народѣ и значеніе, которое ему придается. Крѣпостное состояніе

---

*) *Объ отношеніи государства къ народному образованію*, стр. 125—126.

**) *Geschichte der Pädagogik*, II, 519—541.

***) *Geschichte der Pädagogik*, II, 45—49. *Schmidt*: „Encyklopädie", II, 848 9. *Шлоссеръ*: „Всемірная исторія", т. V, стр. 279—366, 414—455.

****) *Шмидтъ*: „Исторія педагогики", т. II, стр. 404.

Digitized by Google

приняло особенно рѣзкія формы въ XVII столѣтіи; крѣпостной glebae adscriptus въ это время былъ лишенъ всѣхъ правъ въ отношеніи къ господину; онъ не могъ безъ его дозволенія ни заключать брака, ни договора, ни даже оставить земли. Разумѣется, что при такомъ состояніи не могло быть и рѣчи объ образованіи народа» *). «Неудивительно,—продолжаетъ тотъ же авторъ,—что за такимъ состояніемъ послѣдовало вездѣ всеобщее невѣжество, одичаніе, суевѣріе, проявлявшіяся въ преслѣдованіи колдовства и въ строгихъ наказаніяхъ всѣхъ подозрѣваемыхъ въ связи съ нечистою силой, въ которыхъ даже протестанты соперничали съ католиками».

Изъ сказаннаго, такимъ образомъ, становится вполнѣ понятнымъ, что отрицательные факторы образованія и интеллектуальнаго развитія вообще въ разсматриваемый періодъ были, дѣйствительно, настолько серьезны и могущественны, что имѣли полную возможность парализовать въ достаточной степени вліяніе факторовъ положительныхъ. Въ виду, однако, того, что послѣдніе были болѣе живучи и могущественны, нежели первые, и что, кромѣ того, отрицательные факторы имѣли перемѣнчивый характеръ, т.-е. дѣйствовали далеко не всегда съ одинаковою силой, развитіе и образованіе въ европейскихъ обществахъ неуклонно пролагало себѣ путь впередъ. Въ XIX ст. вліяніе положительныхъ факторовъ беретъ окончательный перевѣсъ, и европейское общество вступаетъ въ новую эру своего развитія.

III.

Если до XIX вѣка успѣхъ интеллектуальнаго развитія европейскаго общества обусловливался не только дѣятельностью, непосредственно направленною къ этой цѣли, сколько другими факторами, то съ XIX вѣка образовательная дѣятельность представителей государственной власти, общества и частныхъ лицъ принимаетъ обширные размѣры и становится однимъ изъ главныхъ факторовъ общественной образованности. Если ранѣе образованіе зачастую было только средствомъ, то теперь оно само по себѣ дѣлается цѣлью, какъ высшее благо человѣка. Съ измѣненіемъ государственнаго и соціальнаго строя, характеръ государственной дѣятельности въ сферѣ народнаго образованія долженъ былъ значительно измѣниться. Представители власти, въ противоположность прежнему времени, стремятся сдѣлать образованіе доступнымъ всѣмъ и каждому. Но такъ какъ главнымъ препятствіемъ къ равномѣрному распространенію образованія служитъ здѣсь, какъ и въ другихъ сферахъ жизни, неравенство экономическаго благосостоянія, то представители государственной власти ставятъ себѣ цѣлью, насколько возможно, парализовать вліяніе такого неравенства. Сдѣлать въ этомъ отношеніи что-либо существенное,

*) *Окольскій*, стр. 127.

Digitized by Google

однако, до сихъ поръ не удается; самое большее, что достигнуто въ настоящее время усиліями политической власти въ отношеніи равномѣрности распространенія образованія, такъ это доступность всѣмъ классамъ общества элементарнаго образованія. Что же касается средняго и высшаго образованія, то то и другое попрежнему достаются въ удѣлъ лишь классамъ обезпеченнымъ экономически. Правда, здѣсь уничтожены уже всѣ юридическія препятствія, такъ что въ настоящее время каждый имѣетъ право получить среднее и высшее образованіе, однако, не каждый можетъ. Признавая народное образованіе одною изъ главныхъ задачъ государственной дѣятельности, современные правители и законодатели стремятся установить и регулировать и самую систему образованія. Еще въ предшествующій періодъ сознавалась уже необходимость въ устройствѣ троякаго рода учебныхъ заведеній—элементарныхъ, среднихъ или подготовительныхъ и высшихъ, и всѣ они дѣйствительно существовали; но 1) между ними не было проведено строгаго разграниченія, и 2) не было установлено и тѣсной органической связи. Съ XIX вѣка, и въ особенности въ настоящее время устанавливается система образованія на болѣе прочныхъ началахъ. За каждымъ изъ указанныхъ родовъ образованія признается самостоятельная цѣль, хотя, съ другой стороны, вся система образованія представляетъ собою единое цѣлое, свободно и систематически развивающееся. Эти—свобода, систематичность и единство на каждой изъ ступеней образованія не одинаковы; они обусловливаются характеромъ и особенными задачами элементарнаго, средняго и высшаго образованія. Свобода въ элементарномъ образованіи выражается въ правѣ свободнаго обученія, въ свободномъ устройствѣ народныхъ школъ и самостоятельномъ завѣдываніи ими; свобода въ подготовительномъ и высшемъ образованіи выражается, главнымъ образомъ, въ сферѣ преподаванія и ученія (Lern und Lehrfreiheit); принципъ этотъ въ полной своей силѣ примѣняется лишь въ высшемъ образованіи. Систематичность въ начальномъ образованіи проявляется прежде всего въ классной системѣ, а затѣмъ въ устройствѣ разнообразныхъ школъ, преслѣдующихъ спеціальныя цѣли въ сферѣ начальнаго образованія, таковы: воскресныя школы, школы для глухонѣмыхъ, слѣпыхъ и т. п. Систематичность въ подготовительномъ образованіи выражается, во-1-хъ, также въ классной системѣ; во-2-хъ, въ раздѣленіи подготовительнаго образованія на классическое и реальное; систематичность въ высшемъ образованіи обнаруживается въ спеціализаціи этого образованія и въ установленіи для каждой спеціальности извѣстной группы наукъ. Наконецъ, единство въ образованіи является, во-1-хъ, такъ внутреннее, выражающееся въ единой идеѣ образованія; во-2-хъ, внѣшнее, состоящее въ единствѣ организаціи.

Помимо этихъ общихъ началъ, характеризующихъ все образованіе вообще, въ текущемъ столѣтіи для каждаго рода образованія выработались особые принципы. Такъ, въ основу элементарнаго образованія кладется

Digitized by Google

принципъ его обязательности. Возникновенію этого принципа и приложенію его къ элементарному образованію содѣйствовало сознаніе, что начальное образованіе составляетъ основу индивидуальнаго развитія вообще, является необходимымъ условіемъ дальнѣйшаго образованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще условіемъ духовнаго развитія цѣлаго общества. Такимъ образомъ, дѣятельность элементарнаго образованія вызывается соображеніями политическаго и соціальнаго свойства; но, кромѣ того, она обусловливается необходимостью гарантировать права и интересы малолѣтнихъ и обезпечить для нихъ въ будущемъ возможность самостоятельнаго развитія. Принципъ обязательности образованія не идетъ далѣе элементарнаго; высшіе виды образованія остаются свободными. Въ основу средняго образованія полагаются: во-первыхъ, принципъ общеобразовательности; во-вторыхъ, идея подготовленія къ высшему спеціальному образованію. Въ виду того, что высшее образованіе является ученымъ и хозяйственнымъ, и подготовительное образованіе раздѣляется, какъ извѣстно, на два типа—классическое и реальное; стремленіе въ то же время удержать начало общеобразовательности сохраняется въ томъ и другомъ, такъ что благодаря этому между классическимъ и реальнымъ образованіемъ установляется тѣсная связь. Наконецъ, въ основу высшаго образованія полагается: во-первыхъ, принципъ спеціализаціи знаній, благодаря которому высшее образованіе даетъ знанія, необходимыя въ той или другой профессіи; во-вторыхъ, подобно тому какъ и въ среднемъ образованіи, принципъ общаго образованія. Первый принципъ вызываетъ, въ свою очередь, требованіе удостовѣренія въ пріобрѣтеніи спеціальныхъ знаній, осуществляемое при посредствѣ установленныхъ испытаній вообще и государственныхъ экзаменовъ въ частности.

Таковы, въ самыхъ общихъ чертахъ, начала государственной образовательной дѣятельности, постепенно вырабатывавшіяся съ начала настоящаго столѣтія. Если дѣятельность, направленная къ образованію народа и заключающаяся въ устройствѣ разнаго рода учебныхъ заведеній и организаціи всей вообще учебной части, является самымъ главнымъ факторомъ интеллектуальнаго развитія въ настоящемъ столѣтіи, то все же нельзя умолчать и о нѣкоторыхъ другихъ факторахъ, хотя бы они и имѣли второстепенное значеніе. Здѣсь намъ приходится опять остановиться на дѣятельности педагоговъ конца XVIII и начала XIX столѣтія. Она несомнѣнно стоитъ въ тѣсной связи съ государственной образовательною дѣятельностью, проявляясь въ той или другой степени во всей системѣ образованія и образовательныхъ учрежденій.

Къ числу педагоговъ, оказавшихъ вліяніе на образованіе и въ особенности на методы образовательной дѣятельности, относятся, прежде всего, педагоги XVIII столѣтія и затѣмъ начала XIX. Къ нимъ принадлежатъ: Руссо, Базедовъ, Песталоцци, Дистервегъ, Роховъ, Фребель, Ланкастеръ, Фелленбергъ, Бенеке, Кузенъ и весьма многіе другіе. Большинство этихъ педагоговъ обращали свое вниманіе, главнымъ образомъ, на элементарное

Digitized by Google

образованіе и воспитаніе дѣтей низшаго возраста; однако, нѣкоторые изъ нихъ не упускали изъ виду и другихъ высшихъ степеней образованія. Главнѣйшая заслуга ихъ заключается въ улучшеніи системы и метода образованія и воспитанія. По характеру своей дѣятельности и своихъ основныхъ воззрѣній всѣ педагоги разсматриваемаго періода времени могутъ быть раздѣлены на нѣсколько школъ. 1) *Школа религіознаго воспитанія.* Основателями ея являются еще педагоги XVII вѣка, каковы Спенеръ, Франке и другіе. По воззрѣніямъ этой школы, все образованіе и воспитаніе должно быть строго религіознымъ; но если эта религіозность не шла ранѣе далѣе монастырскаго піэтизма, то новѣйшіе представители этого направленія стремятся лишь провести принципъ христіанскаго воспитанія. Значеніе этой школы заключается, слѣдовательно, въ томъ, чтобъ она представляла и поддерживала во всей системѣ образованія и воспитанія, въ особенности же въ народной школѣ, элементъ религіозный. 2) *Школа гуманистическая,* возникновеніе которой относится еще ко времени возрожденія классическихъ наукъ. Въ основѣ образованія, по воззрѣніямъ представителей этой школы, должно лежать изученіе классическихъ языковъ и классической литературы. Число послѣдователей этой школы, какъ и первой, весьма велико; но если принципы, проводимые школой религіознаго воспитанія, нашли примѣненіе, главнымъ образомъ, въ сферѣ низшаго образованія, то начала гуманистической школы до сихъ поръ во многихъ государствахъ составляютъ основу средняго подготовительнаго образованія. 3) *Школа филантропинизма,* первыми представителями которой были еще Локкъ, Коменскій, Беконъ Веруламскій и друг. Къ числу позднѣйшихъ, наиболѣе видныхъ, представителей этой школы принадлежатъ: Руссо, Базедовъ, Песталоцци и другіе. Главное вниманіе представителей этой школы обращалось на воспитаніе и образованіе дѣтей низшаго возраста. Принципы, ими проводимые, въ общихъ чертахъ, слѣдующіе: въ основѣ дѣтскаго воспитанія и образованія должны лежать мягкость, гуманность, филантропія, отъ чего получила названіе и самая школа; цѣль воспитанія заключается въ развитіи всѣхъ силъ и способностей человѣка, причемъ процессъ этого развитія долженъ находиться въ соотвѣтствіи съ природой человѣка; естественная свобода личности никогда не должна быть подавляема. Главнымъ предметомъ общаго образованія должны быть реальныя науки; обученіе языкамъ представляется важнымъ лишь какъ средство, но не какъ цѣль образованія. Всякое воспитаніе и образованіе должно стремиться сдѣлать изъ воспитанниковъ прежде всего людей, а затѣмъ уже членовъ того или другого класса или сословія; преподаваніе религіи, конечно, важно, но оно должно отличаться наивозможною простотой и быть чуждо вѣроисповѣдныхъ различій; болѣе подробное и основательное знакомство съ религіей должно быть сообщаемо въ болѣе или менѣе зрѣломъ возрастѣ. Физическое развитіе также не должно быть игнорируемо. Главная заслуга этой школы заключается въ ея вліяніи на улучшеніе элементарнаго образованія и на приспособленіе народной школы къ потребностямъ низшихъ классовъ.

Digitized by Google

4) *Школа реализма*, содѣйствовавшая спеціально устройству и распространенію реальныхъ училищъ. По мнѣніямъ представителей этой школы, болѣе всего необходимо учить тому, что важно знать въ ежедневной практической жизни. 5) *Школа національной педагогики*, ставившая цѣлью образованія и воспитанія развитіе любви къ отечеству. Все образованіе должно быть, по мнѣнію представителей этой школы, по преимуществу, публичнымъ, т.-е. государственнымъ, такъ какъ домашнее воспитаніе не достигаетъ цѣли. Во всякомъ случаѣ требуется подчиненіе послѣдняго первому. Право на образованіе принадлежитъ одинаково всѣмъ и каждому, въ виду чего сословныя различія не должны имѣть мѣста. Представителями этого направленія были Фихте, Гофмейстеръ и другіе. 6) *Школа философской педагогики*, возникшая какъ реакція противъ матеріалистическаго и утилитарнаго направленія образованія. Представителями этой школы являются: Кантъ, Шеллингъ, Нимейеръ, Стефани, Вагнеръ, Газеръ, въ особенности Гербартъ, считающійся основателемъ, такъ называемой, спекулятивной педагогики, и нѣкоторые другіе. Педагогическія и образовательныя воззрѣнія этой школы находятся въ тѣсной связи съ общими философскими воззрѣніями ея представителей. Наконецъ, 7) *школа педагогическаго эклектизма*. Она не выработала никакихъ самостоятельныхъ принциповъ воспитанія и образованія, но является, какъ показываетъ и самое ея названіе, примирительною, старается воспользоваться всѣмъ тѣмъ, что, по ея мнѣнію, представляетъ хорошаго каждая изъ вышеупомянутыхъ школъ. Не прибѣгая къ крайностямъ, она, такимъ образомъ, примиряетъ противоположности. Благодаря этой школѣ, европейское общество XIX вѣка получило возможность безъ особеннаго труда знакомиться съ господствовавшими педагогическими системами; благодаря ей же, многія учебныя заведенія, пришедшія въ упадокъ, снова поднялись; стали учреждаться новыя школы — военныя, воскресныя, женскія и т. п. Она содѣйствовала также устройству педагогическихъ архивовъ, магазиновъ, библіотекъ и проч. Представителями этого эклектическаго направленія были: Вейзе, Бушъ, Федеръ, Гурлиттъ, Шварцъ и другіе *).

Каждая изъ указанныхъ школъ и въ особенности всѣ онѣ въ совокупности оказали большое вліяніе на успѣхи народнаго просвѣщенія въ европейскомъ обществѣ. Благодаря ихъ дѣятельности, представители политической власти и самое общество стали обращать гораздо большее вниманіе на вопросы образованія, нежели ранѣе. Система и методъ образованія получили большое значеніе. Въ частности, дѣятельность педагоговъ способствовала: появленію лучшихъ учебниковъ, устройству учительскихъ семинарій и нормальныхъ школъ, установленію связи между различными ступенями образованія, а также между воспитаніемъ и обученіемъ, реформѣ средняго и высшаго образованія, устройству школъ для бѣдныхъ и мно-

*) Подробности объ указанныхъ педагогическихъ школахъ см. у *Wohlfarth'a* „Geschichte des gesammten Erziehungs-und Unterrichtswesens". II, 846—860.

Digitized by Google

гому другому. Въ общемъ вліяніе педагоговъ конца XVIII и начала XIX столѣтія на успѣхи просвѣщенія въ европейскомъ обществѣ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Не останавливаясь подробно на другихъ факторахъ просвѣщенія, обнаруживавшихъ свою силу въ текущемъ столѣтіи, скажемъ только, что между ними едва ли не самое почетное мѣсто должно быть отведено прессѣ вообще и періодической въ особенности. Благодаря доступности, небывалой дешевизнѣ изданій періодической прессы, они сдѣлались общераспространенными; каждый грамотный членъ европейскаго общества имѣетъ полную возможность быть освѣдомленнымъ въ каждый данный моментъ времени о всѣхъ сколько-нибудь крупныхъ явленіяхъ и событіяхъ, совершающихся на всемъ земномъ шарѣ; каждый такой членъ общества, безъ всякихъ съ своей стороны пожертвованій, имѣетъ полную возможность обогащать свой умъ и воспитывать его мыслями великихъ писателей. Интересъ къ вопросамъ общественной и государственной жизни возвысился благодаря той же печати, въ особенности періодической. Небывалое развитіе спеціальной періодической прессы даетъ возможность всѣмъ и каждому слѣдить за успѣхами спеціальныхъ знаній. Такимъ образомъ, пресса настоящаго времени является дѣйствительно великимъ орудіемъ просвѣщенія; благодаря ей не только возвышается уровень общаго образованія и общихъ знаній, но послѣднія становятся все болѣе и болѣе достояніемъ всѣхъ и каждаго; такимъ образомъ, пресса постепенно уничтожаетъ общественныя различія, происходящія отъ неравномѣрнаго распространенія интеллектуальнаго развитія и знаній.

Детальное разсмотрѣніе характера и свойствъ факторовъ, обусловливающихъ успѣхи образованности въ современномъ европейскомъ обществѣ, не входитъ въ рамки настоящаго очерка.

В. В. Ивановскій.

Digitized by Google

Очерки провинціальной жизни.

Хозяйственный департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ недавно выпустилъ въ свѣтъ интересный *Сводъ свѣдѣній о земскихъ доходахъ и расходахъ за 1893 годъ*. Знакомство съ этою книгой весьма поучительно для правильной оцѣнки дѣятельности нашихъ земствъ. Данныя, заключающіяся въ ней, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что земство, взятое въ цѣломъ, несмотря на свое трудное финансовое положеніе, идетъ твердо по тому пути, который имъ избранъ давно и заключается, главнѣйшимъ образомъ, въ удовлетвореніи запросовъ массы населенія въ народномъ образованіи, народномъ здравіи, въ сельскохозяйственныхъ и нѣкоторыхъ другихъ экономическихъ нуждахъ. И только недостатокъ денежныхъ средствъ не позволяетъ ему развить свою дѣятельность до размѣровъ, требуемыхъ жизнью. Эта недостаточность въ денежныхъ средствахъ обусловливается, прежде всего, ограниченностью источниковъ обложенія, предоставленныхъ земству. Земское обложеніе падаетъ почти исключительно на землю. Поэтому процентъ обложенія высокъ. Въ десяти губерніяхъ земское обложеніе достигло 10—20% доходности земель, въ пяти губерніяхъ оно превышало 20%, а въ Пермской губерніи поднялось до 38,1% доходности. Уже одна эта причина порождаетъ огромную величину недоимокъ земству. До какихъ размѣровъ достигаютъ недопоступленія земскихъ сборовъ, можно видѣть изъ того, что въ Бессарабской губерніи не поступило 36,2% всего земскаго оклада, въ Курской—30,3%, въ Тверской—28,7%, въ Рязанской—25,7% и т. д. Были уѣзды, въ которыхъ недопоступило 83% всего годового оклада. Такое состояніе источниковъ земскихъ доходовъ, не исключая возможности весьма частаго невыполненія земскими управами постановленій земскихъ собраній, по которымъ опредѣлены расходы, вмѣстѣ съ тѣмъ вынуждало земства, съ одной стороны, къ пользованію на неотложныя нужды образованными раньше капиталами, а съ другой—къ заключенію займовъ. Земскіе капиталы, достигшіе въ 1887 году 73,186 т. р., уменьшились въ 1893 г. почти до 57½ мил. руб., причемъ одинъ пожарно-страховой капиталъ уменьшился съ 20 мил. р. до 15 мил. р. Продовольственный капиталъ, исчислявшійся въ 1890 г. въ 10½ мил., понизился въ 1893 г. до 8,900 т. р. Благотво-

Digitized by Google

рительный равнялся въ 1890 г. 9½ мил. р., а въ 1893 г. уже 7,570 т. р. и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваются долги земствъ. Общая сумма долговъ земствъ простиралась въ 1893 году до 47 мил. р. При указанномъ состояніи земскихъ доходовъ, эту сумму надо признать весьма значительной.

Таково тяжелое положеніе земскихъ финансовъ. Земскія учрежденія принимаютъ, съ своей стороны, всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ уменьшенію наименѣе производительныхъ расходовъ. Такъ, несмотря на увеличеніе личнаго состава земскаго управленія, расходы по этой статьѣ, въ противоположность расходамъ на содержаніе администраціи, постепенно уменьшаются: въ 1887 г. по этой статьѣ земства израсходовали 4,077 т. р., въ 1888 г.—4,012 т. р., въ 1889 г.—3,965 т. р., въ 1890 г.—3,981 т. р., а въ 1893 г.—3,923 т. р. Но, несмотря на это, новыя потребности растутъ и на каждомъ шагу заявляютъ о своей неотложности. Земство не можетъ не считаться съ настойчивою необходимостью во всеобщемъ обученіи грамотѣ, въ развитіи мѣръ по призрѣнію, хотя бы только по отношенію къ тѣмъ людямъ, которымъ грозитъ голодная смерть, въ расширеніи медицинской дѣятельности и т. д. Волей-неволей оно вынуждено удовлетворять этимъ потребностямъ, хотя бы для этого требовалось крайнее напряженіе платежныхъ силъ населенія. Но всякому напряженію есть предѣлъ. Чтобъ избѣжать полнаго разстройства земскихъ финансовъ, необходимы новые, предоставленные земству закономъ, источники обложенія, которые позволили бы снять непомѣрную тяготу земскихъ сборовъ съ земель и дали бы возможность увеличить земскіе расходы на неотложныя народныя потребности. Безъ новыхъ источниковъ земская дѣятельность еще надолго останется связанной, а земскіе финансы придутъ въ полное истощеніе.

Зная скудость земскихъ финансовъ, удивляешься, какъ много съ ними успѣло сдѣлать земство въ достиженіи своихъ культурныхъ задачъ, какъ умѣло оно распоряжалось этими средствами. Что земство создало народную школу, организовало въ деревнѣ медицинскую помощь, устроило сельское страхованіе,—это знаетъ каждый. Менѣе извѣстна экономическая дѣятельность земства. Между тѣмъ и здѣсь земствомъ сдѣлано не мало, несмотря на то, что только одни расходы на народное здравіе и народное образованіе поглощаютъ болѣе половины всѣхъ его необязательныхъ расходовъ. Прежде всего, въ этой области, надо указать на организацію земствами экономическихъ изслѣдованій своихъ районовъ, создавшихъ такую подробную и точную хозяйственную статистику, какой не имѣется даже ни въ одномъ государствѣ Западной Европы. Статистика эта служитъ незамѣнимой помощью не только для экономической дѣятельности земства, но также и для правительства. Далѣе земствами созданы органы экономической дѣятельности и агрономическія организаціи. Дѣятельность земствъ была направлена на расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, на облегченіе для крестьянъ арендованія земель и на упорядоченіе переселенческаго движенія. Въ области земельныхъ улучшеній земства заботились объ осушеніи болотъ, объ обводненіи и орошеніи земель и боролись съ летучими песками.

Digitized by Google

Для развитія земледѣлія они заботились о распространеніи усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій и машинъ, о введеніи травосѣянія и улучшенныхъ способовъ удобренія полей. Въ значительной степени земская дѣятельность коснулась также коневодства, скотоводства, овцеводства и пчеловодства. Далѣе земства заботились объ улучшеніи техническихъ производствъ, связанныхъ съ земледѣліемъ, о поднятіи кустарныхъ промысловъ и объ организаціи доступнаго для населенія кредита. Для распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній въ народѣ земствами основывались среднія и низшія земледѣльческія училища, заводились школьныя хозяйства, устраивались сельско-хозяйственные курсы, бесѣды, выставки и музеи, учреждались сельско-хозяйственныя опытныя станціи, фермы, опытныя и показательныя поля, образцовыя крестьянскія хозяйства и распространялись популярныя изданія по различнымъ отраслямъ хозяйства.

Обозрѣвая экономическую дѣятельность земства можно сказать, что не осталось ни одной хозяйственной нужды русской деревни, которой не коснулось бы земство въ своемъ искреннемъ и серьезномъ стремленіи улучшить матеріальное положеніе народа. И если земская работа въ этой области имѣетъ болѣе характеръ *почина*, если земству удалось сдѣлать здѣсь лишь небольшую часть того, что оно желало сдѣлать и что требуется настоятельными нуждами деревни, то въ этомъ вина не его, а тѣхъ скудныхъ средствъ, которыя ему предоставлены.

Плодотворность земскаго принципа, плодотворность самоуправленія всего лучше выясняется изъ сравненія положенія мѣстныхъ дѣлъ въ земскихъ и не-земскихъ губерніяхъ. Какъ въ дѣлѣ народной школы, такъ и въ дѣлѣ народнаго здравія не-земскія губерніи сильно отстали отъ земскихъ. О крайне неудовлетворительномъ, можно сказать совершенно неорганизованномъ, дѣлѣ сельской медицинской помощи въ не-земскихъ губерніяхъ много говорилось на Пироговскомъ съѣздѣ врачей, состоявшемся въ Кіевѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Всѣ докладчики по этому предмету сходились на томъ пунктѣ, что сельское населеніе не-земскихъ губерній почти совершенно лишено медицинской помощи. Настоящій съѣздъ,—говорилъ одинъ изъ докладчиковъ, врачъ Левицкій,—собрался на рубежѣ между земской и не-земской половиной нашего отечества; интересно и весьма важно представить вниманію съѣзда сравнительное состояніе медицинской помощи въ обѣихъ этихъ половинахъ. Земскія учрежденія,—продолжалъ докладчикъ,—введены лишь въ 38 губерніяхъ и, слѣдовательно, попеченіе о народномъ здравіи большей половины Россіи лежитъ, какъ это было тридцать лѣтъ тому назадъ повсюду, на административныхъ органахъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ—на губернскихъ правленіяхъ и приказѣ общественнаго призрѣнія. Въ отношеніи организаціи медицинской помощи г. Левицкій дѣлитъ всѣ не-земскія губерніи на три категоріи. Къ первой группѣ относитъ онъ губерніи западныя и юго-западныя, гдѣ каждый уѣздъ раздѣленъ на два врачебныхъ участка и на сельскаго врача приходится отъ 40 до 220 тысячъ населенія. Еще хуже поставлено дѣло въ губерніяхъ Астраханской,

Digitized by Google

Енисейской, Тобольской, Томской, въ Закавказьѣ и Самаркандской области, гдѣ на одного врача приходится отъ 30 до 280 тысячъ населенія. Что касается третьей группы не-земскихъ губерній, которая заключаетъ въ себѣ и значительную часть Сибири, то въ нихъ врачей для сельскаго населенія фактически совсѣмъ не существуетъ. Далѣе, постановка врачебнаго дѣла въ не-земскихъ губерніяхъ является вполнѣ шаблонной: 1 или 2 врача на уѣздъ, безъ всякаго отношенія къ пространству и густотѣ населенія. Выходитъ, что въ такомъ живомъ дѣлѣ, какъ сельская медицина, подтягиваются подъ одну норму совершенно различныя мѣстности. Слѣдствіемъ этого является обширность врачебныхъ участковъ, которые по своему пространству нерѣдко превосходятъ нѣкоторыя западно-европейскія государства. Потомъ г. Левицкій перешелъ къ характеристикѣ общаго духа всей неземской медицины,—духа сугубо безжизненнаго. Онъ говорилъ объ огромной и многосложной отчетности, указалъ на массу излишней переписки, которая низводитъ врача на степень какого-то канцелярскаго чиновника, поглощая у него массу времени и труда и тормозя дѣятельность врачебнаго персонала въ экстренныхъ случаяхъ, гдѣ нужна быстрота въ мѣропріятіяхъ. Въ заключеніе докладчикъ пришелъ къ выводу о необходимости личной инициативы общества въ дѣлѣ организаціи медицинской помощи для населенія. Лишь общество и врачи понимаютъ истинныя нужды народа и могутъ ему помочь. Самоуправленіе здѣсь необходимо больше, чѣмъ гдѣ-либо. Типомъ такихъ органовъ самоуправленія являются земскія учрежденія. Вотъ почему докладчикъ предложилъ съѣзду ходатайствовать предъ правительствомъ о введеніи земскихъ учрежденій въ губерніяхъ, еще не имѣющихъ ихъ. Докладъ былъ прочитанъ при шумныхъ одобреніяхъ всего собранія. Профессоръ Ѳ. Ѳ. Эрисманъ, въ своемъ предсѣдательскомъ резюмэ, заявилъ, что ходатайство о введеніи земскихъ учрежденій въ губерніяхъ, еще не имѣющихъ ихъ, представляется дѣломъ, превосходящимъ компетенцію съѣзда. Профессоръ предложилъ собранію такую формулу: «Правильное, поступательное движеніе сельской медицины возможно лишь при участіи врачей и общества: въ отсутствіи этой самодѣятельности общества нужно видѣть недостатокъ сельской медицины». Предложеніе было принято собраніемъ.

Наша Донская область,—пишутъ въ *Приазовскій Край*,—не составляетъ исключенія изъ общаго правила отсутствія врачей въ селеніяхъ неземскихъ губерній. Такъ, напримѣръ, Ростовскій округъ съ сельскимъ населеніемъ около 200 тысячъ человѣкъ имѣетъ *только двухъ врачей*. Такимъ образомъ на каждаго изъ нихъ приходится по сту тысячъ жителей. Пропорція прямо-таки поражающая. Спрашивается: что въ силахъ сдѣлать врачъ при такихъ условіяхъ? Возможны ли какіе-нибудь замѣтные результаты дѣятельности врача,—этой крупинки на море головъ? Вотъ отчего у насъ возможны такія явленія, какъ двадцатилѣтнее сидѣніе на цѣпи психически-больной, не замѣченное за такой давній періодъ времени ни однимъ изъ бывшихъ врачей. А если уже такой крупный, рѣжущій глаза, фактъ не былъ

Digitized by Google

усмотрѣнъ представителями сельской медицины, то что же говорить о будничныхъ, заурядныхъ явленіяхъ?

Земскими учрежденіями дана обществу возможность проявлять въ извѣстной степени свой творческій духъ. И надо признать, что результаты земской работы многоразличны и значительны, особенно, если принять во вниманіе скудость его финансовыхъ средствъ. Союзниками земству въ его культурной работѣ являются различные общественные союзы и дѣятельность частныхъ лицъ, направленная на умноженіе благосостоянія народа. Число таковыхъ союзовъ было бы гораздо больше и размѣры ихъ дѣятельности были бы несравненно обширнѣе, если бы они не встрѣчали внѣшнихъ препятствій для проявленія полноты своей жизни. Тамъ не разрѣшаютъ школу, тамъ библіотеку, тамъ народное чтеніе, тамъ книжный складъ, тамъ учительскій съѣздъ, тамъ мѣстную подцензурную газету, тамъ народный спектакль, тамъ земледѣльческую или кустарную артель и т. д., и т. д. Губернское земство,— говоритъ по этому поводу *Недѣля*,— проситъ, напримѣръ, чтобы въ учительскія библіотеки были допущены всѣ книги, разрѣшенныя для безплатныхъ народныхъ читаленъ. Кажется, очень скромное желаніе: разрѣшить учителямъ то, что давно разрѣшено ученикамъ. Отвѣтъ: не разрѣшается. Уѣздная городская дума проситъ преобразовать 2-классное городское училище въ 3-классное, обезпечивая, конечно, эту «реформу» средствами. Казалось бы невинная и симпатичная просьба. Получается отвѣтъ: не разрѣшено. Проситъ очень большое крестьянское общество о постройкѣ школы на собственныя средства. Бьются, бьются, бьются,—всѣ хлопоты безъ успѣха *). Въ губернскомъ городѣ Тамбовѣ, возникаетъ желаніе издавать газету, конечно, подцензурную,—слѣдовательно, съ строжайшимъ надзоромъ. Повидимому, что тутъ опаснаго въ какомъ бы то ни было отношеніи? Газеты у насъ въ сотнѣ мѣстъ разрѣшены, многія удостоились одобренія, доказали несомнѣнную полезность, серьезное культурное вліяніе на мѣстную жизнь. Отчего бы не разрѣшить? А оттого, рѣшаетъ мѣстная власть, что въ городѣ уже есть газета — *Губернскія Вѣдомости*. Достаточно за-глаза... И вотъ въ *Новомъ Времени* выражается недоумѣніе

*) Рѣчь идетъ о селѣ Богородскомъ, Нижегородской губерніи. Это большое промышленное село терпитъ школьную нужду. Здѣсь попадаетъ въ школы едва пятая часть желающихъ. Остальныхъ не принимаютъ за недостаткомъ мѣста. На все *12-тысячное* населеніе села имѣются только *двѣ* мужскихъ и *одна* женская школы съ 200 всѣхъ учащихся, если не считать еще церковно-приходской школы, вмѣщающей въ себѣ едва десятка полтора учениковъ. Нужда въ школахъ до того назрѣла въ богородскомъ обществѣ, что въ 1893 году вопросъ этотъ былъ поставленъ на сельскомъ сходѣ и по обсужденіи было тогда же рѣшено ходатайствовать объ открытіи въ селѣ трехкласснаго министерскаго мужского училища, на содержаніе котораго общество исчисляло по 600 р. въ годъ и уступало подъ помѣщеніе большой каменный общественный домъ, а на обзаведеніе, устройство и обстановку училища собрано было частною подпиской среди обывателей около *пяти тысячъ рублей*. Но вотъ уже *третій* годъ идутъ непрерывныя ходатайства общества о полученіи разрѣшенія на открытіе училища, а школьная администрація отдѣлывается только бумажною переписной.

Digitized by Google

тамошняго обывателя: «Вѣдь, Тамбовская губернія не небольшое захолустье, а по пространству наибольшая изъ всѣхъ центральныхъ черноземныхъ губерній, по плодородію почвы самая богатая и густо заселена. Пространствомъ она, напримѣръ, въ $2^1/_4$ раза больше Бельгіи, гдѣ газетъ насчитываются сотни... Еще десять лѣтъ тому назадъ въ Тамбовской губерніи числилось населенія 2.759,000 и изъ всѣхъ 72 губерній и областей Россіи, не исключая и столичныхъ, только двѣ превосходили ее населеніемъ» и проч. и проч. Вы видите,—заключаетъ газета,—что всѣ эти безвредныя и, если вникнуть въ смыслъ, безусловно нужныя, насущныя потребности встрѣчаютъ иногда непреодолимую преграду въ ближайшей мѣстной власти. А сколько не столь насущныхъ, но все же дорогихъ для обывателя нуждъ пресѣкаются: «Задумали устроить на Святкахъ любительскій спектакль въ пользу бѣдныхъ. Послали телеграмму губернатору съ просьбой разрѣшить. Прошла недѣля, другая, прошли Святки, Крещенье,—отвѣта не получено. Да такъ и не посмѣли сыграть гдѣ-то въ вологодскомъ или вятскомъ городкѣ какую-нибудь «Первую муху», или «Медвѣдь сосваталъ». Бѣды большой нѣтъ, скажете вы,—но, вѣдь, и радости большой нѣтъ. Единственная польза отъ этого подавленія всякихъ признаковъ жизни—развѣ для акцизнаго вѣдомства».

По поводу неразрѣшенія частной газеты въ Тамбовѣ авторъ общественной хроники *Вѣстника Европы* вспоминаетъ, что судьба тамбовскаго ходатайства—не одиночное явленіе; такой же отказъ былъ данъ недавно и на просьбу о разрѣшеніи частной газеты въ Полтавѣ. Журналъ останавливается затѣмъ на фактѣ еще болѣе характерномъ для современныхъ условій нашей провинціальной печати и описываетъ положеніе Харькова—университетскаго города и важнаго торгово-промышленнаго центра, съ 160 тыс. жителей, имѣющаго до сихъ поръ, кромѣ *Губернскихъ Вѣдомостей*, только одну газету *Южный Край*, и напрасно въ продолженіе многихъ лѣтъ просящаго о дарованіи ему... особаго цензора! Въ настоящее время въ Харьковѣ нѣсколько хорошихъ частныхъ типографій, которыя много разъ выражали готовность доставить, путемъ самообложенія, средства на содержаніе въ Харьковѣ отдѣльнаго цензора. Ходатайство типографій не разъ было поддержано губернскимъ земствомъ, но до сихъ поръ остается неудовлетвореннымъ. Въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ неоднократно возникали ходатайства о разрѣшеніи въ Харьковѣ другой частной газеты, къ которой могли бы примкнуть всѣ, не считающіе возможнымъ имѣть дѣло съ *Южнымъ Краемъ*. Редакторомъ проектируемой газеты намѣчался одинъ изъ профессоровъ, пользующій безукоризненной во всѣхъ отношеніяхъ репутаціей; въ числѣ сотрудник назывались лучшія силы университета, въ томъ числѣ покойный проф соръ Потебня.

Почему ставятъ препятствія культурной работѣ, угашаютъ творческ духъ общества органы мелкой администраціи? — мы ихъ объ этомъ н спрашиваемъ, такъ какъ знаемъ, что, въ силу длящейся рутины, они сч

Digitized by Google

тають обязанностью своего положенія накладывать прессы на общественную инициативу. Но мы затрудняемся объяснить себѣ такіе факты, какъ, напримѣръ, когда г. попечитель Московскаго учебнаго округа не разрѣшаетъ устройство народныхъ чтеній въ г. Карачевѣ. Вотъ что пишетъ объ этомъ *Орловскій Вѣстникъ*: Мѣсяца четыре-пять тому назадъ небольшой кружокъ лицъ, сочувствующихъ дѣлу народнаго образованія, задумалъ устроить въ городѣ народныя чтенія, въ которыхъ чувствуется настоятельная потребность. Чтенія принесли бы посильную пользу всѣмъ, жаждущимъ хоть небольшого свѣта и знанія. Переговоривъ между собою объ интересующемъ ихъ предметѣ, участники кружка пригласили на первый разъ всѣхъ карачевскихъ педагоговъ, а также нѣкоторыхъ лицъ изъ мѣстной интеллигенціи, изъявившихъ свою готовность принести личный трудъ и посильную денежную лепту хорошему дѣлу. Всѣ эти лица рѣшили записаться въ число членовъ орловскаго комитета народныхъ чтеній съ тѣмъ, чтобы въ Карачевѣ открыть, по примѣру сосѣдняго г. Брянска, отдѣленіе означеннаго комитета. Отъ этихъ членовъ орловскаго комитета, проживающихъ въ Карачевѣ, было сдѣлано заявленіе о своемъ желаніи имѣть отдѣленіе. Орловскій комитетъ въ одномъ изъ своихъ засѣданій выслушалъ заявленіе и, согласно съ нимъ, постановилъ ходатайствовать предъ начальствомъ объ открытіи отдѣленія комитета въ Карачевѣ. Ходатайство было послано попечителю Московскаго учебнаго округа, который, однако, не изъявилъ на то своего согласія.

Мы недоумѣваемъ также, въ силу какихъ соображеній г. черниговскій губернаторъ воспретилъ черниговской губернской земской управѣ продажу книгъ изъ земскаго склада въ Черниговѣ во время ярмарки? Вотъ что читаемъ объ этомъ въ *Харьковскихъ Вѣдомостяхъ*. Нельзя не обратить вниманія на дѣятельность *черниговскаго* губернскаго земства по распространенію общеполезныхъ книгъ среди народа. Всего только въ прошломъ году оно открыло свой книжный складъ, который за первые же 5 мѣсяцевъ своего существованія (по 1-е января 1896 года) продалъ книгъ почти на 9,000 руб., настолько же исполнилъ заказовъ уѣздныхъ земствъ. Въ настоящее время этому складу, кромѣ выполненія заказовъ уѣздныхъ земствъ, предстоитъ поставка книгъ на 30 тыс. руб. для сельскихъ библіотекъ, проектированныхъ губернскимъ земствомъ. Чтобы приблизить книгу къ ея деревенскому покупателю, предположено открыть при содѣйствіи уѣздныхъ земствъ рядъ отдѣленій склада въ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ. Борзненское уѣздное земство уже устроило у себя такое отдѣленіе и, сверхъ того, организовало продажу книгъ въ амбулаторіяхъ врачей и у частныхъ лицъ. Примѣру борзненскаго уѣзднаго земства слѣдуютъ и остальныя уѣздныя земства Черниговской губерніи, сдѣлавшія рядъ постановленій объ организаціи книжныхъ лавочекъ въ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ. При этомъ нѣкоторыя земства высказались за привлеченіе къ дѣлу продажи и распространенія книгъ также и учителей народныхъ училищъ, а губернское земское собраніе постановило, сверхъ того, образовать и отрядъ книгоноши-

Digitized by Google

офеней. Земскіе страховые агенты, проникающіе по своей дѣятельности въ самые глухіе углы, предложили земской управѣ брать изъ склада на коммиссію книги для распродажи въ деревняхъ. Управа обратилась за разрѣшеніемъ къ администраціи, но въ теченіе болѣе чѣмъ полугода отвѣта все еще не получала. Въ Черниговѣ во время ярмарки управа хотѣла устроить продажу книгъ изъ своего склада, но и на это разрѣшенія не было получено. Взамѣнъ этого на ярмаркѣ свободно торговали книгами два какихъ-то прасола, одинъ изъ которыхъ распродавалъ крестьянамъ чью-то случайно попавшую къ нему библіотеку, соблазняя покупателей главнымъ образомъ толщиной и дешевизной разрозненныхъ томовъ журналовъ и статистическихъ сборниковъ, — матеріаломъ, мало полезнымъ для народнаго чтенія. Находя запрещеніе губернатора несогласнымъ съ закономъ, земское собраніе постановило принести на него жалобу.

Подавленіе общественной инициативы ведетъ за собою апатію къ общественнымъ интересамъ и къ нарушенію права. На этой почвѣ давно уже развилось у насъ беззаконіе въ дѣйствіяхъ мѣстной администраціи. Справедливо замѣчаніе одной газеты, что если Аракчеевъ сталъ уже невозможностью въ столицахъ и въ большихъ городахъ, то въ деревнѣ дѣйствуютъ сотни крошечныхъ Аракчеевыхъ въ лицѣ волостныхъ старшинъ, становыхъ, урядниковъ, исправниковъ, полицейскихъ чиновъ. Все это маленькія власти, но ведутъ они себя не какъ маленькіе, скромные исполнители большой, а какъ миніатюрные деспотики.

До какой смѣлости доходятъ иногда дѣйствія полицейскихъ чиновъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ процессъ радомскаго полицеймейстера, разбиравшійся недавно въ варшавской судебной палатѣ. Здѣсь дѣйствіе происходило не въ деревнѣ, не въ маленькомъ мѣстечкѣ, а въ губернскомъ городѣ. На судѣ выяснилось, что въ продолженіе послѣднихъ *нѣсколькихъ лѣтъ* необычайно частыми сдѣлались въ г. Радомѣ разбойничьи нападенія, грабежи, кражи и т. п. Всѣ эти преступленія, какъ оказалось, были непосредственнымъ слѣдствіемъ умышленнаго бездѣйствія мѣстныхъ полицейскихъ органовъ. Членовъ разбойничьей шайки прекрасно знала полиція, но это нисколько не сокращало преступленій. На базарной площади, среди бѣлаго дня, воры обкрадывали пріѣзжихъ крестьянъ и торговцевъ, нападали на повозки и врывались въ лавки городскихъ купцовъ. Соединяясь въ группы по нѣсколько человѣкъ, воры дѣйствовали смѣло, никого не боясь. Крестьяне перестали пріѣзжать на базаръ, торговля почти прекратилась, и масса торговцевъ у базарной площади разорена. За три года установлено 770 кражъ, грабежей и мошенничествъ. Чины городской полиціи дѣйствовали съ разбойниками и ворами солидарно, заодно, кутили вмѣстѣ съ ними, имѣли условленные сигналы и дѣлились съ ними похищенными вещами. Члены шайки, не стѣсняясь, объясняли, что они не бо-ятся полиціи: «Если мы похитимъ, положимъ, 3 рубля, то 2 должны обязательно передать полиціи, но за то дѣйствуемъ смѣло и безнаказанно», — говорили они. Особенно близкими отношеніями съ преступниками отлича

Digitized by Google

лись старшіе полицейскіе стражники: Яковлевъ и Варламовъ, любимцы полицеймейстера Кириченко. Послѣдній оставлялъ всегда безъ послѣдствій жалобы жителей г. Радома на продѣлки мошенниковъ; къ жалобщикамъ относился чрезвычайно грубо, билъ ихъ и арестовывалъ безъ всякой причины. Когда 48 радомскихъ купцовъ подали жалобу на продѣлки шайки прокурору окружного суда, то Кириченко, позвавъ къ себѣ нѣсколькихъ изъ нихъ, обозвалъ «свиньями», а въ отвѣтъ на вопросъ губернатора относительно поданной жалобы, объяснилъ, что названныя лица, раздумавъ, взяли обратно свою жалобу. Лицами, близко стоявшими къ полицеймейстеру, были: владѣлецъ кабака Блятъ и музыкантъ Хватъ. Они указывали Кириченко, гдѣ «можно обдѣлать выгодное дѣло». Оба эти лица пользовались полнымъ довѣріемъ полицеймейстера и умѣло эксплуатировали его въ свою пользу. Хватъ, дававшій уроки музыки полицеймейстеру и его сыновьямъ, пользовался исключительнымъ на весь городъ правомъ играть на балахъ, свадьбахъ и проч. Привилегію эту онъ иногда переуступалъ за деньги и другимъ лицамъ. Желая увеличить свои барыши, Кириченко, по предварительному соглашенію съ Блятомъ, заставилъ всѣхъ домовладѣльцевъ пріобрѣсти какіе-то особые флаги, притомъ очень дорогіе, для украшенія ими своихъ домовъ въ табельные дни. Флаги эти можно было купить исключительно лишь у агентовъ одной мелкой лодзинской фабрики, вошедшей въ соглашеніе съ полицеймейстеромъ. Подобныхъ дѣлъ обвинительный актъ насчитываетъ очень много. Судебная палата приговорила полицеймейстера Кириченко къ тюрьмѣ на 8 мѣсяцевъ; остальные подсудимые приговорены также къ заключенію на разные сроки въ тюрьмѣ и арестантскомъ отдѣленіи.

На-ряду съ этими прискорбными явленіями слѣдуетъ, къ счастью, отмѣтить безпримѣрный еще въ нашей исторіи энергичный ростъ общественнаго слоя, проникнутаго великою задачей работать для пріобщенія народа къ благамъ культуры. На всемъ обширномъ пространствѣ нашей родины разсѣяно это общественное наслоеніе, которое, повторяемъ, усиливается ежедневно, ведетъ неустанную борьбу съ тьмою невѣжества и постепенно ослабляетъ послѣднюю. Для частныхъ людей, принадлежащихъ къ указанному общественному наслоенію, наиболѣе доступной, въ настоящее время, работой является народное образованіе, почему въ эту сферу и направлено наибольшее количество его силъ. Мы утомили бы читателя, если бы стали перечислять всѣ сообщенные въ провинціальной прессѣ, хотя бъ за *одинъ послѣдній мѣсяцъ*, факты изъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ и кружковъ по распространенію образованія въ народѣ. Мы ограничимся указаніемъ лишь на болѣе крупные по размѣрамъ или по значенію факты. Прежде всего мы должны отмѣтить здѣсь стремленіе не ограничиваться устройствомъ народныхъ чтеній въ случайно отдающихся наемныхъ помѣщеніяхъ или гимназіяхъ и городскихъ думахъ; такія помѣщенія не обезпечиваютъ постоянства чтеній и, сверхъ того, въ большин-

Digitized by Google

ствѣ случаевъ не могутъ вмѣстить въ себя всѣхъ желающихъ присутствовать на чтеніяхъ. Въ Симбирскѣ, напримѣръ, на каждомъ чтеніи бываетъ среднимъ числомъ больше трехсотъ человѣкъ простого народа; но «чтенія,—пишетъ корреспондентъ *Волжскаго Вѣстника*,—развились до такой степени, что дальнѣйшее ихъ развитіе въ томъ же помѣщеніи сдѣлалось невозможнымъ. Я собственными глазами видѣлъ, какъ громадная толпа приходила за 1½, за 2 часа, чтобы достать мѣсто. Но мѣстъ многимъ не доставало, и они въ огорченіи уходили назадъ». Теперь въ Симбирскѣ налаживается дѣло постройки народной аудиторіи.

Выстроена, освящена и открыта народная аудиторія въ Таганрогѣ. Два года, какъ существуютъ здѣсь народныя чтенія. Число посѣтителей быстро возрастало, и помѣщеніе на 200 человѣкъ скоро оказалось слишкомъ тѣснымъ. Въ кружкѣ лицъ, организовавшихъ чтенія, само собой явилась мысль о надобности имѣть народнымъ чтеніямъ собственное зданіе. Кружокъ началъ дѣйствовать, открылъ подписку,—и вотъ недавно открыто въ Таганрогѣ обширное и красивое зданіе народныхъ чтеній. По фасаду зданіе имѣетъ 52, а въ глубину 21 аршинъ. Оно вмѣщаетъ въ себѣ: 1) обширную залу для народныхъ чтеній и концертовъ, съ эстрадою, гдѣ помѣщается волшебный фонарь и экранъ; передъ залой передняя, въ которой расположены вѣшалки на 400 номеровъ; высота залы 12 аршинъ, потолокъ ея и эстрада сферической формы; въ акустическомъ отношеніи зала не оставляетъ желать лучшаго; 2) три комнаты для библіотеки-читальни; 3) комната для книжнаго склада общ. распр. полезн. книгъ въ Донской Области. Къ задней стѣнѣ зданія примыкаютъ службы. Рядомъ съ зданіемъ, вдоль садовой рѣшотки, разбитъ цвѣтникъ. Для чистоты воздуха внизу и вверху задней стѣны расположенъ рядъ вентиляторовъ, сообщающихся съ наружнымъ воздухомъ. Всѣ лѣпныя работы сдѣланы скульпторами безвозмездно.

На частныя пожертвованія строится въ Уржумѣ зданіе съ большимъ заломъ для народныхъ чтеній, концертовъ и театральныхъ представленій и съ обширной комнатой для безплатной народной библіотеки-читальни. Сооруженіе зданія, сообщаютъ изъ Уржума, подвигается быстро; домъ растетъ, какъ говорится, не по днямъ, а по часамъ.

Казань,—читаемъ въ одной изъ волжскихъ газетъ,—можно поздравить съ крупнымъ пріобрѣтеніемъ. Городская дума постановила построить отдѣльное зданіе народной аудиторіи, гдѣ производились бы народныя чтенія, читались бы лекціи и давались безплатные народные спектакли. На зданіе ассигновано 20 тыс. рублей и управѣ поручено немедленно же приступить къ постройкѣ аудиторіи. Въ этомъ дѣлѣ казанская дума оказалась на высотѣ своего достоинства. Противъ проекта управы съ финансовой стороны говорили гласные: Ключниковъ и Жуковскій. Всѣ они проливали крокодиловы слезы относительно всеобщаго невѣжества и высказывали свои симпатіи по адресу народной аудиторіи. И всѣ они тянули одну и ту же пѣсенку о недостаткѣ средствъ, о финансовыхъ затрудненіяхъ города. Чле-

Digitized by Google

новъ коммиссіи никто, однако, не поддержалъ. Голоса эти остались одинокими и напрасно лишь потрясали своды думской залы. Городской голова, г. Дьяченко, въ своей рѣчи указалъ, что нужда въ народной аудиторіи существуетъ, что потребность народа въ образованіи достаточно назрѣла, чтобы не обращать на нее вниманія. Мы тратимъ,—говорилъ онъ,—солидныя суммы, весьма обременяющія нашъ бюджетъ, на городскія школы и субсидіи среднимъ учебнымъ заведеніямъ. Тутъ мы дѣйствуемъ во имя принципа, который заставляетъ насъ заботиться о народномъ образованіи. Во имя того же принципа мы должны позаботиться и о народной аудиторіи. Вѣдь, школа доступна только дѣтскому возрасту. Для подрастающаго и взрослаго населенія нѣтъ способовъ не только увеличивать и расширять свои умственныя познанія, но даже нѣтъ способовъ укрѣпить и повторить то, что когда-то было пріобрѣтено на школьной скамьѣ. Вотъ причина, почему народъ въ массѣ представляется невѣжественнымъ, пьянство свиваетъ себѣ гнѣздо на этой почвѣ. Бывшіе холерные безпорядки воочію показали, какъ опасно невѣжество взрослаго населенія. Между тѣмъ, какъ показалъ опытъ, народныя представленія, живо переданныя лекціи, привлекая массу, дѣйствуютъ благотворно. Затѣмъ городской голова указалъ на полную финансовую возможность для города построить народную аудиторію. Противники городского головы молчали—и проектъ управы былъ принятъ.

Какими значительными массами посѣщаются народныя чтенія даже въ небольшихъ городахъ, примѣромъ могутъ служить чтенія въ Бердянскѣ. Народныя чтенія,—пишутъ изъ Бердянска въ газету *Жизнь и Искусство*,—привились у насъ сразу и за сравнительно короткое время дали прекрасные результаты. Такъ, въ теченіе перваго года существованія этихъ чтеній въ Бердянскѣ, т.-е. съ 27 декабря 1894 по 27 декабря 1895 г., въ народной аудиторіи при казармѣ и театрѣ было прочитано 35 чтеній, изъ коихъ шесть безплатныхъ для народа, солдатъ и учащихся, и 29 платныхъ. Всего посѣтившихъ чтенія было 16,618 чел., причемъ мужчинъ было 6,101, женщинъ 4,276 и 6,241 и подростковъ 6,241, т.-е. среднимъ числомъ приходилось на чтеніе по 475 чел. Всѣ чтенія сопровождались пѣніемъ и музыкой, такъ какъ любителями былъ организованъ недурный оркестръ, игравшій въ антрактахъ. Далѣе комитетомъ народныхъ чтеній были выработаны программы и порядокъ чтеній, а для регистраціи посѣтителей и установленія того, какими чтеніями народъ больше интересуется и кто больше посѣщаетъ чтенія, введены особые статистическіе листки. По нимъ можно видѣть, что читалось, кѣмъ читалось, сколько грамотныхъ и неграмотныхъ посѣтителей. Чтобы усилить образовательное значеніе этихъ чтеній въ дѣлѣ подъема нравственности и въ интересахъ изгнанія съ рынка лубочной литературы, комитетъ образовалъ при аудиторіи продажу книгъ, брошюръ, листковъ, по той же цѣнѣ, по какой пріобрѣлъ ихъ комитетъ. Любопытна исторія возникновенія этихъ чтеній въ Бердянскѣ. Самая мысль о необходимости и полезности ихъ открытія относится къ концу 80-хъ

Digitized by Google

годовъ и принадлежитъ мѣстному кружку народныхъ учителей. Однако, несмотря на то, что означенный кружокъ предполагалъ устройство этихъ чтеній пріурочить къ воспоминанію событія 17 октября 1888 года и принималъ всѣ расходы по организаціи на себя, возбужденное кружкомъ ходатайство не было удовлетворено. Почти черезъ 5 лѣтъ послѣ этого одинъ изъ гласныхъ вторично возбудилъ вопросъ о народныхъ чтеніяхъ, и хотя предложеніе его встрѣтило полное сочувствіе въ думѣ, которая съ своей стороны возбудила новое ходатайство, г. попечитель округа не призналъ возможнымъ дать движеніе означенному ходатайству. Но эти неудачи не ослабили энергіи иниціаторовъ дѣла; и городская управа снова возбудила ходатайство, а г. городской голова, будучи въ Петербургѣ, лично ходатайствовалъ объ удовлетвореніи просьбы города передъ г. оберъ-прокуроромъ св. синода и гг. министрами народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ. 27 декабря 1893 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе на устройство въ г. Бердянскѣ народныхъ чтеній, и тогда приступили къ организаціи дѣла. Городъ немедленно отвелъ для чтеній прекрасную аудиторію, вмѣщавшую въ себѣ до 250 чел. слушателей, а также пришелъ на помощь и матеріальными средствами, израсходовавъ на покупку книгъ, брошюръ и туманныхъ картинъ около 230 руб. Гласный думы Хрисанфъ Михайловичъ Головковъ пріобрѣлъ на свои средства прекрасный волшебный фонарь съ приспособленіями за 300 рублей и цѣлую серію туманныхъ картинъ въ 300 рублей. Частныя же пожертвованія образовали сумму въ 700 рублей. Вотъ при какихъ условіяхъ сложилось и окончило первый годъ своего существованія это симпатичное дѣло въ Бердянскѣ. При томъ сочувствіи, какимъ пользуются чтенія въ народѣ, при неуклонной энергіи и готовности организаторовъ и многихъ лицъ изъ мѣстнаго общества поработать на пользу этого дѣла, въ Бердянскѣ,—говорится въ сообщеніи,—несомнѣнно народныя чтенія являются солиднымъ и прочно организованнымъ дѣломъ.

Ростъ народныхъ чтеній не ограничивается городами; постепенно они распространяются и въ селахъ. Вотъ одно изъ послѣднихъ сообщеній по этому предмету изъ Саратовскаго уѣзда въ мѣстную газету. Чтенія съ туманными картинами велись въ нынѣшнемъ году при восьми школахъ уѣзда: Синеньской, Рыбушанской, Озерской, Вязовской, Базарно-Карбулакской, Алексѣевской, Пристанской и Лоховской. Обыкновенно, аудиторіи во время народныхъ чтеній переполнены народомъ, и многіе крестьяне толпятся въ передней школы и на улицѣ. Чтенія обставляются картинами при посредствѣ волшебныхъ фонарей, которые выписаны черезъ коммиссію народныхъ чтеній при санитарномъ обществѣ. На-дняхъ чтенія начались въ школѣ при с. Александровкѣ, а съ осени чтенія открываются въ сс. Николаевскомъ Городкѣ, Курдюмѣ, Идолгѣ, Сокурѣ, Широкомъ и Березиной Рѣчкѣ. Средства на покупку волшебныхъ фонарей и картинъ *даютъ сами сельскія общества* и попечители школъ. На-ряду съ чтеніями увеличивается въ уѣздѣ также число народныхъ библіотекъ. При содѣйствіи

Digitized by Google

уѣзднаго и губернскаго земствъ, *сельскихъ обществъ*, частныхъ лицъ, петербургскаго комитета грамотности и московскаго общества грамотности, теперь въ Саратовскомъ уѣздѣ открыто уже 9 народныхъ библіотекъ: въ сс. Вязовкѣ, Лоху, Сокурѣ, Новыхъ Бурасахъ, Озеркахъ, Синенькихъ, Рыбушкѣ, Николаевскомъ Городкѣ и Тепловкѣ. Большинство библіотекъ снабжено достаточнымъ книжнымъ запасомъ, и только библіотеки въ сс. Вязовкѣ и Сокурѣ имѣютъ книгъ всего на 100 руб. каждая. Въ недалекомъ будущемъ ожидается еще открытіе библіотекъ въ сс. Завьяловкѣ, Александровкѣ, Алексѣевкѣ и Ириновкѣ. Для организаціи этихъ библіотекъ первоначальный фондъ изъ мѣстныхъ источниковъ уже имѣется, такъ что ожидается только пособіе со стороны уѣзднаго и губернскаго земства. Всѣ такія библіотеки пользуются полнымъ сочувствіемъ мѣстнаго населенія, которое охотно оказываетъ имъ денежныя пособія; книги берутся постоянно и аккуратно возвращаются.

О библіотекахъ, устроенныхъ на средства крестьянъ, сообщаютъ также въ *Орловскій Вѣстникѣ* изъ Кромскаго уѣзда. Библіотеки эти открыты въ 5 волостяхъ, открыты недавно и успѣли уже завоевать себѣ въ населеніи солидныя симпатіи. Насколько въ нимъ хорошо относится крестьянство, можно судить уже по тому, напримѣръ, факту, что колковскій волостной сходъ, придя къ заключенію о необходимости расширить помѣщеніе читальни, постановилъ выдать изъ волостныхъ суммъ на этотъ предметъ 600 р. Это весьма знаменательный фактъ уже потому, что къ расходованію волостныхъ суммъ сходъ относится весьма осторожно. Управленіе дѣлами библіотекъ принадлежитъ тремъ выборнымъ лицамъ изъ крестьянъ. Читальни ежегодно пополняются новыми книгами, на выписку которыхъ отпускаются волостями деньги. Выборъ книгъ предоставляется самимъ читателямъ, для чего въ читальнѣ имѣется листъ, на которомъ желающій записываетъ заглавіе книги и автора ея. Общее собраніе, разсмотрѣвъ записи и свѣривъ съ разрѣшеннымъ каталогомъ, выписываетъ или отклоняетъ предлагаемую книгу. Каждая читальня получаетъ также по нѣсколько газетъ и журналовъ: двѣ—три сельско-хозяйственныхъ, *Сельскій Вѣстникъ*, *Сѣятель* и т. п.; кромѣ того, одна изъ читаленъ выписываетъ *Всемірную Иллюстрацію*, а колковская читальня, не довольствуясь свѣдѣніями провинціальныхъ газетъ, выписала *Новое Время*. Вообще говоря, этотъ уголокъ производитъ самое отрадное впечатлѣніе: къ книгамъ, къ чтенію и школамъ крестьяне относятся съ завиднымъ вниманіемъ; въ д. Шеховцахъ, напримѣръ, крестьяне на собственный счетъ строятъ школьное зданіе; въ с. Алмазовѣ, Коровьемъ-Болотѣ, въ д. Хмѣлевой передѣлка и ремонтъ школъ производятся также только на средства мѣстнаго крестьянскаго населенія.

Однимъ изъ важныхъ орудій для просвѣщенія массы была бы хорошая народная газета. На основаніи многихъ данныхъ можно думать, что появленіе такой газеты есть дѣло недалекаго будущаго. А пока народу приходится довольствоваться *Сельскимъ Вѣстникомъ* и нѣкоторыми другими

Digitized by Google

дешевыми изданіями. Какъ любопытный фактъ, слѣдуетъ отмѣтить здѣсь появленіе въ селѣ собственнаго органа. Въ кіевской газетѣ *Жизнь и Искусство* помѣщена корреспонденція изъ с. Соловьевки, Радомысльскаго уѣзда, въ которой разсказывается, что грамотность въ этомъ селѣ съ давняго времени свила себѣ прочное гнѣздо. Начало грамотности здѣсь относится къ пятидесятымъ годамъ, когда одинъ изъ грамотныхъ крестьянъ, по имени Иванъ Устимчукъ, занялся обученіемъ мѣстныхъ крестьянскихъ дѣтей. Подъ руководствомъ Устимчука, благодаря его усердію къ дѣлу просвѣщенія, грамотѣ научилось не мало мальчиковъ, которые впослѣдствіи заняли мѣста учителей теперешнихъ церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты. Изъ числа соловьевскихъ грамотеевъ вышло также не мало писарей и полицейскихъ урядниковъ. Далѣе, изъ соловьевскихъ грамотеевъ есть и литераторъ, крестьянинъ Иванъ Савченко, сотрудничающій въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Однимъ словомъ, въ Соловьевкѣ мало найдется такихъ хатъ, въ которыхъ бы не было грамотныхъ. Въ Соловьевкѣ, наконецъ, появилась и *рукописная* юмористико-сатирическая литература на всякія мѣстныя злобы дня. Литература эта появляется въ видѣ «летучихъ листковъ» съ каррикатурами, раскрашенными въ нѣсколько красокъ. Такъ, недавно появился листокъ, озаглавленный *Соловьевская Стрекоза*. На первой страницѣ помѣщена каррикатура «на кабатчиковъ», съ надписью «съ новымъ годомъ!» Каррикатура эта представляетъ брюхатаго стриженаго хохла въ сюртукѣ. Въ правой рукѣ онъ держитъ «капшукъ», наполненный деньгами, лѣвою же отворяетъ двери корчмы, на коихъ написано: «придити ко мнѣ всѣ оглашенные воры, обирающіе кладовыя и коморы; придите конокрады, кишащіе здѣсь, какъ гады; придите пьяницы-лѣнивцы и всѣ мірскіе кровопивцы. Всѣмъ поднесу здѣсь сивуху вонючую, а вы насыплете мнѣ денегъ кучу! На эти денежки куплю имѣніе, рысака, ей! Спѣшите сюда всѣ дураки!» Одинъ изъ этихъ дураковъ представленъ лежащимъ безъ чувствъ возлѣ кабацкой стойки. За стойкой виднѣется бочка, на которой выставлена цифра крѣпости продаваемой сивухи 39. За бочкою стоитъ самъ «хозяинъ кабацкаго зла», мордастый чортъ съ рогами и тоненькими усиками; въ правой лапѣ чортъ держитъ полуведерную мѣру корчемную, а въ лѣвой крюкъ желѣзный на подобіе пожарнаго; крюкомъ этимъ здѣсь на землѣ чортъ притягиваетъ пьяницъ въ корчму, а когда душа пьяницы окажется настолько насыщенною спиртомъ, что вѣчно можетъ горѣть въ адской геенѣ, то этимъ самымъ крюкомъ чортъ извлекаетъ душу изъ тѣла пьяницы и относитъ по принадлежности къ первому винокуру. Слѣдующія двѣ страницы *Соловьевской Стрекозы* украшены каррикатурами «на бывшаго сельскаго старосту, удаленнаго съ должности за растрату 238 р. 40 к. На перво изъ нихъ староста представленъ въ видѣ вареника, сплюснутаго въ мак мурѣ. «Варенікъ» стоитъ возлѣ сельской управы и вмѣсто рыбки въ мутной водѣ ловитъ дубовые столы. Далѣе слѣдуетъ каррикатура на конокрадовъ. Пятая каррикатура слѣдуетъ по поводу нежеланія соловьевцевъ вычистить прудъ. На этой каррикатурѣ представлены двѣ лягушки, бесѣдую-

Digitized by Google

щія въ «татарскомъ зельѣ» за чарочкой хлѣбнаго; причемъ одна изъ нихъ покуриваетъ трубочку. Первая лягушка: «Слыхала, кумушка, новость? Панъ Сухорскій предлагалъ соловьевской громадѣ двѣсти рублей на подчистку пруда—этой нашей постоянной квартиры; кромѣ денегъ, давалъ и дерева на устройство мостка и шлюзъ; устрою, говоритъ, прекрасный водопой для вашего скота. И представь себѣ, кумушка, такихъ дураковъ, какъ соловьевцы! Не дозволили чистить этого болота.

Вторая лягушка: Пусть еще дастъ и другихъ двѣсти рублей, то и тогда не согласятся.

Первая лягушка: Почему?

Вторая лягушка: Потому, что въ соловьевской громадѣ есть умные и дальновидные люди, напримѣръ (слѣдуетъ рядъ именъ). Они предугадываютъ коварную мысль Сухорскаго, онъ, вѣдь, человѣкъ «свѣтовой», сегодня тутъ, завтра въ Курскѣ, а послѣ завтра Богъ знаетъ гдѣ. Ну, какъ уѣдетъ изъ Соловьевки, такъ и прудъ возьметъ съ собою! Скажетъ: я далъ за него деньги, стало быть онъ мой, я его и заберу съ собою».

Есть въ *Стрекозѣ* и отдѣлъ подъ названіемъ «Раешникъ», нѣчто вродѣ фельетона.

Въ числѣ дѣятелей по распространенію просвѣщенія въ народѣ видное мѣсто занимаетъ В. С. Сѣрова. Убѣжденная, что однимъ изъ могучихъ средствъ къ просвѣщенію народа является устройство въ деревнѣ драматическихъ спектаклей, сопровождаемыхъ исполненіемъ разныхъ музыкальныхъ пьесъ, г-жа Сѣрова пошла еще дальше и стала работать въ томъ направленіи, чтобы музыкально-драматическія произведенія исполнялись не только для народа, но и при активномъ, непосредственномъ участіи самого народа. Осуществить эти цѣли было не легко; но горячая любовь В. С. къ «сѣрому мужику» и глубокая вѣра въ музыкальныя способности русскаго народа побѣдила всѣ трудности, и она имѣетъ полную возможность сказать, что достигла осуществленія «своихъ завѣтныхъ желаній».

Мы уже имѣли случай говорить, что деревенскіе хоры, устроенные г-жей Сѣровой, хорошо исполняютъ произведенія Глинки, Дорогомыжскаго, Сѣрова, Чайковскаго, Бородина и друг. Теперь новое свидѣтельство тому же мы нашли въ отчетѣ о спектаклѣ, устроенномъ В. С. Сѣровой въ селѣ Рождественскомъ, близъ Петербурга. Шла драма Островскаго *Не такъ живи, какъ хочется* и выдержки изъ *Вражьей силы* Сѣрова. Общее исполненіе сценическаго матеріала крестьянами,—говоритъ г. Кремлевъ въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ*,—было не только старательнымъ, но вполнѣ осмысленнымъ. Видно было, что всѣ участвующіе безусловно сознаютъ и понимаютъ все, что дѣлаютъ, и относятся къ своей задачѣ съ самой горячей любовью и вниманіемъ. Исключая изъ общей массы исполнительницу роли Спиридоновны, обладающую нѣкоторымъ образовательнымъ цензомъ, необходимо сказать, что остальныя лица принадлежали къ такъ-называемому простому народу и, однако, провели свои роли не хуже иныхъ профессіональныхъ актеровъ, а нѣкоторыя (напримѣръ, исполнительницы далеко не легкихъ

Digitized by Google

ролей Даши и Груши) обнаружили положительныя сценическія способности. До какой степени «интеллигентное» общество было изумлено прекраснымъ исполненіемъ крестьянъ, можно судить по слышавшимся тамъ и сямъ вопросамъ: «неужели это крестьяне?» и восклицаніямъ: «удивительно!» «замѣчательно!» и проч. «Интеллигентное» общество, повидимому, считающее себя такъ далеко отъ крестьянъ, и не подозрѣваетъ, какое, въ сущности, малое разстояніе отдѣляетъ его отъ нихъ. Спектакль въ с. Рождественскомъ,—продолжаетъ г. Кремлевъ,—блестящимъ образомъ доказалъ, что всѣ тенденціи, признающія необходимость какихъ-либо передѣлокъ пьесъ или книгъ для «народа», безусловно ложны по самому существу, что такъ-называемый «народъ» гораздо глубже и лучше все понимаетъ, чѣмъ это думаютъ нѣкоторые его просвѣтители; что никакой трудности для пониманія крестьянами нѣтъ и не можетъ быть, и кто хочетъ дѣйствительно принести какую-либо пользу народу и сдѣлать ему добро, тотъ долженъ, прежде всего, не принимать на себя роль няньки и по своему сдабривать великія художественныя произведенія, а дать только крестьянамъ возможность познакомиться съ этими произведеніями непосредственно и въ ихъ чистомъ, неиспорченномъ видѣ».

На-ряду съ заботами общества о распространеніи просвѣщенія въ народѣ, обращаетъ на себя вниманіе также ростъ общественнаго вниманія къ физическому воспитанію учащихся. Однимъ изъ важныхъ проявленій этого вниманія является увеличивающееся непрестанно число лѣтнихъ колоній для учащихся. Поднятая лѣтъ 30 тому назадъ цюрихскимъ пасторомъ Бріономъ агитація въ пользу устройства дѣтскихъ колоній, которыя дали бы возможность городскимъ мальчикамъ провести лѣто на лонѣ природы и укрѣпить пошатнувшееся здоровье, возымѣла значительный успѣхъ. Основанная Бріономъ въ окрестностяхъ Цюриха дѣтская колонія послужила образцомъ, которому начали слѣдовать всѣ города Западной Европы, и въ 1885 г. общество лѣтнихъ дѣтскихъ колоній въ Германіи, наприм., настолько уже упрочилось, что за періодъ 1885—1894 гг. могло доставить лѣтній отдыхъ въ колоніяхъ 231,611 дѣтямъ. Съ восьмидесятыхъ годовъ колоніи устроены въ Германіи, Англіи, Франціи, Венгріи, Италіи, Австріи, Испаніи и Норвегіи. Въ большинствѣ случаевъ инициатива организаціи колоній исходила отъ частныхъ лицъ. Невозможность дѣйствовать въ одиночку, желаніе подѣлиться впечатлѣніями и стремленіе вызвать болѣе оживленный обмѣнъ мыслей по этому вопросу содѣйствовали тому, что вскорѣ начали организовываться съѣзды и конгрессы дѣятелей на этомъ поприщѣ. Сначала они носили, такъ сказать, національный характеръ, напримѣръ, первый съѣздъ въ Бременѣ въ 1886 г. или во Франкфуртѣ-на-Майнѣ въ 1887 г., но с 1888 г. организуются международные съѣзды представителей отъ разныхъ государствъ. Здѣсь мы видимъ уже единеніе извѣстныхъ организацій, пр вильно функціонирующихъ и приносящихъ своею дѣятельностью громадну пользу. На цюрихскомъ съѣздѣ было уже 77 делегатовъ отъ 10 государствъ У насъ, въ Россіи, первая колонія была устроена кружкомъ врачей

Digitized by Google

Варшавѣ въ 1881 году. Затѣмъ были основаны двѣ колоніи въ Петербургѣ: одна въ дер. Бобыльской не далеко отъ Петергофа для мальчиковъ, другая—въ Ораніенбаумѣ для воспитанницъ среднихъ учебныхъ заведеній—гимназій и лютеранскихъ школъ. Въ 1886 г. возникаетъ «общество школьныхъ вакаціонныхъ колоній въ Москвѣ», имѣющее теперь въ окрестностяхъ города 13 колоній. Затѣмъ это дѣло начинаетъ распространяться въ провинціи, и въ настоящее время многіе наши города имѣютъ лѣтнія колоніи для учащихся. Дѣло печати знакомить общество съ тѣми блестящими результатами, которые приносятъ колоніи въ физическомъ и нравственномъ отношеніи пребывающимъ въ нихъ дѣтямъ. Жизнь на свѣжемъ воздухѣ, чистая, здоровая и вполнѣ достаточная пища, правильное распредѣленіе времени—все это способствуетъ значительному подъему физическихъ силъ у дѣтей, живущихъ въ колоніяхъ. Замѣчено, что ростъ у такихъ дѣтей прибавляется въ нѣсколько разъ болѣе, чѣмъ у не попавшихъ въ эти учрежденія; объемъ груди увеличивается за какіе-нибудь два мѣсяца на 3 и даже на 4 центиметра. Матеріалъ для объективнаго сужденія о перемѣнахъ, происшедшихъ въ дѣтяхъ за время ихъ пребыванія въ колоніяхъ, даютъ помѣтки врачей въ санитарныхъ листахъ колонистовъ. Большинство дѣтей,—говорится въ одесскомъ отчетѣ,—страдавшихъ золотухой, костоѣдомъ, англійскою болѣзнью, малокровіемъ, ревматизмомъ, или совершенно выздоровѣли, или значительно поправились. То же самое свидѣтельствуетъ московскій отчетъ. Изъ 178 дѣтей, прибывшихъ въ колоніи съ различными болѣзнями, у 166 болѣзни или совершенно прошли, или значительно ослабились, и только у 12 остались въ прежней степени.

Но не однимъ улучшеніемъ здоровья дѣтей и подростковъ опредѣляется значеніе колоній. Онѣ оказываютъ вліяніе и на развитіе умственное и нравственное. Многія дѣти, прибывающія въ колонію, никогда прежде не покидали города, даже на одинъ день. Такихъ дѣтей, напримѣръ, въ московскихъ колоніяхъ было за послѣдній отчетный годъ около половины. И вотъ, знакомство съ природой въ колоніи, особенно при умѣломъ, знающемъ руководителѣ, даетъ громадную пищу уму и чувству, открывая совершенно новые, дотолѣ невѣдомые горизонты.

Что касается стоимости содержанія колоній, то она весьма колеблется, и это, главнымъ образомъ, зависитъ отъ того, имѣется ли для колоніи даровое помѣщеніе, или оно нанимается и при какихъ условіяхъ. Въ Одессѣ, при наемномъ помѣщеніи (цѣною 275 руб.), стоимость содержанія одного колониста составила въ лѣто около 40 руб.; въ Воронежѣ—то же самое; въ Тульской губерніи, при даровомъ помѣщеніи и не включая жалованья лицамъ по надзору, около 30 руб.; въ колоніяхъ, устраиваемыхъ московскимъ кружкомъ для дѣтей, учащихся въ городскихъ начальныхъ училищахъ, при даровыхъ помѣщеніяхъ, стоимость содержанія каждаго колониста въ лѣто, включая сюда все, въ томъ числѣ дорогу, надзоръ и проч., была ровна въ среднемъ 21 руб.

Digitized by Google

Вотъ образчикъ одной изъ колоній, учрежденной въ прошломъ году близъ Саратова и подробно описанной въ *Саратовскомъ Листкѣ*.

Учрежденіе колоніи принадлежитъ «обществу попеченія о нуждающихся ученицахъ саратовской маріинской женской гимназіи». Помѣщеніе для колоніи было предоставлено безвозмездно городскимъ головой города Петровска, Петромъ Петровичемъ Волковымъ, въ его имѣніи Саратовской губерніи, Петровскаго уѣзда, при селѣ Вязьминѣ. За день до отъѣзда дѣти подверглись тщательному медицинскому осмотру, произведенному врачомъ гимназіи г-жею Горенбургъ-Островской.

Мѣстность для колоніи оказалась на-рѣдкость прекрасной. Масса зелени, отличный лѣсъ, богатые луга, Медвѣдица съ очень живописными берегами,— все это окружало жилище колоніи. Для помѣщенія колоніи былъ отведенъ большой каменный домъ, въ которомъ жило когда-то до 70 человѣкъ служащихъ при экономіи бывшаго владѣльца. Гостепріимный хозяинъ озаботился всѣ комнаты выбѣлить. Обстановка соотвѣтствовала скромности помѣщенія, но она производила на всѣхъ пріятное впечатлѣніе, такъ какъ отличалась чистотой и уютностью.

Въ два-три часа времени по прибытіи колонистовъ всѣ комнаты были распредѣлены, убраны, и съ слѣдующаго же дня жизнь колоніи потекла правильно, въ строго установленномъ порядкѣ. Звонокъ будилъ утромъ въ 8 ч., черезъ полчаса всѣ собирались въ столовую на молитву. Дѣти пѣли молитвы хоромъ, дежурная читала св. Евангеліе. Тотчасъ принимались за чай. Пили чай, молоко, ѣли хлѣбъ со сливочнымъ масломъ, сколько кто хотѣлъ; хлѣбъ предлагался бѣлый и пеклеванный. Послѣ чаю всѣ уходили до 11 ч. на утреннюю прогулку. Съ 11—12 ч. продолжался урокъ, смотря по расписанію, а потомъ партіями шли купаться. Купанье доставляло дѣтямъ огромное наслажденіе; да и въ самомъ дѣлѣ оно было по-истинѣ роскошное. Медвѣдица въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояла купальня, широка и замѣчательно красива. Всѣ дѣвочки, за исключеніемъ двухъ младшихъ, выучились прекрасно плавать и дошли до такого совершенства, что переплывали рѣку, т.-е. разстояніе саженъ въ 14—15. Къ часу звонокъ сзывалъ къ обѣду; онъ состоялъ всегда изъ трехъ перемѣнъ; три ученицы по очереди, не исключая самыхъ младшихъ, дежурили за столомъ. Дежурство продолжалось по три дня сряду. Въ ягодное время дѣти немедленно послѣ обѣда убѣгали въ луга за даровымъ дессертомъ—полевою клубникой. Вообще съ обѣда до 4 часовъ всѣ были предоставлены самимъ себѣ. Однѣ уходили удить рыбу, другія собирать травы, растенія, третьи оставались дома для какихъ-нибудь занятій по собственному выбору. Къ 4 ч. всѣ опять обязательно принимались за дѣло: младшія садились за урокъ, а старшія, подъ наблюденіемъ начальницы, читали вслухъ. Выборъ чтенія падалъ весьма часто на серьезныя книги, главнымъ образомъ, по отечественной исторіи.

Когда жаръ спадалъ, обыкновенно отправлялись на длинную вечернюю прогулку. Цѣль для нея всегда находилась. Мѣста въ Вязьминѣ и разнообразны, и красивы, но главною цѣлью было познакомить дѣтей со всѣм

Digitized by Google

сельскими работами. За эти два мѣсяца дѣти прослѣдили шагъ за шагомъ всю трудовую жизнь деревни. Чтобы сдѣлать всѣ эти новые для нихъ факты еще болѣе понятными, такъ сказать, осязательными, дѣтей втягивали всегда въ активное участіе видѣнныхъ работъ. Они пололи огурцы, просо, ворошили сѣно, брали посконь, пробовали работать серпомъ, цѣпомъ, а когда началась молотьба, то дѣти энергично подтаскивали снопы къ молотилкѣ.

Глубокія сумерки заставали часто все общество на полянѣ за играми и только напоминаніе объ ужинѣ побуждало направляться домой. Вечернія молитвы также пѣлись хоромъ, и затѣмъ всѣ спѣшили на покой. И такъ шли дни за днями въ продолженіе 8 недѣль; нарушенія разъ установленнаго порядка допускались только въ крайнихъ случаяхъ, и тѣмъ не менѣе некогда было скучать. По заявленію многихъ, никогда не удавалось передѣлать все то, что предполагалось за день. Чтенія было вволю, готовили заданное учителями на время каникулъ; нѣкоторыя имѣли переэкзаменовки и учились прилежно.

По возвращеніи въ гимназію былъ произведенъ врачомъ тщательный осмотръ. Всѣ колонисты были взвѣшены, затѣмъ измѣренъ ростъ, окружность груди, расширеніе грудной клѣтки. Осмотръ далъ чрезвычайно благопріятные результаты. Толчокъ, данный дѣтскому организму въ смыслѣ укрѣпленія организма, всего лучше обнаружился тѣмъ, что большая часть пробывшихъ въ колоніи въ теченіе всей слѣдующей зимы ни разу не обращалась ко врачу, между тѣмъ какъ въ колонію были отправлены самыя слабыя и болѣзненныя ученицы.

Остается лишь пожелать,— заключаетъ газета свое сообщеніе,— чтобы добрые люди пришли на помощь и дали возможность какъ можно большему числу городскихъ дѣтей отдохнуть въ деревнѣ, помня слова Константина Дмитріевича Ушинскаго: «Одинъ день, проведенный среди природы, стоитъ больше недѣль, проведенныхъ ребенкомъ на школьной скамьѣ».

И. Ивановскій.

Digitized by Google

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Притязанія нынѣшнихъ руководителей австро-мадьярской политики играть выдающуюся и даже первенствующую роль на Балканскомъ полуостровѣ заставляютъ пристальнѣе присмотрѣться къ внутреннимъ силамъ этого государства, къ его, такъ сказать, удѣльному международному вѣсу. Въ нашей печати по отношенію къ Габсбургской монархіи господствуетъ довольно пренебрежительное мнѣніе, нѣчто вродѣ того *шапками закидаемъ*, которое стоило намъ тяжелой восточной войны и унизительнаго мира. У насъ считается, кажется, рѣшеннымъ, что Австро-Венгрія находится въ состояніи быстраго разложенія, что при столкновеніи съ сѣвернымъ колоссомъ она разлетится въ куски. Мы много лѣтъ уже указываемъ на племенную и религіозную борьбу, которая происходитъ въ Австро-Венгріи, на стѣсненія и несправедливости господствующихъ въ Цислейтаніи и Транслейтаніи націй. Но при этомъ никогда не слѣдуетъ терять изъ виду исторической перспективы и помнить, что данная народность при наличныхъ культурныхъ и политическихъ условіяхъ можетъ быть недовольна тѣмъ, къ чему она стремится при другихъ условіяхъ. Оживленная и даже страстная борьба не показатель разложенія, точно также какъ отсутствіе этой борьбы, видимая тишина и спокойствіе далеко не доказываютъ силы внутренняго сцѣпленія частей.

Конечно, дѣла въ Австро-Венгріи идутъ далеко не такъ хорошо, какъ это полагаютъ защитники дуализма. Интересно познакомиться, однако, съ ихъ доводами и соображеніями. Недавно въ Парижѣ вышла книжка, написанная, вѣроятно, австрійцемъ: *Внутреннее укрѣпленіе Австро-Венгріи и ея роль въ восточномъ вопросѣ* *). Авторъ приводитъ извѣстныя слова князя Горчакова, сказанныя на парижскомъ конгрессѣ *(Австрія не государство, а правительство)*, и утверждаетъ, что дуализмъ спасъ и укрѣпилъ Габсбургскую монархію. Едва ли не наибольшая заслуга въ этомъ отношеніи выпадаетъ, по мнѣнію автора книги, на долю императора Фран-

*) *La consolidation intérieure de l'Autriche-Hongrie et son rôle dans la question orientale.* Paris, 1896.

Digitized by Google

ца-Іосифа. Ни централизмъ (нѣмецкій), ни федерализмъ не могли бы дать такихъ результатовъ, какіе достигнуты дуализмомъ. Мадьярская нація достигла политической свободы. Крайняя партія, стремящаяся къ разрыву съ монархіей Габсбурговъ, къ полной самостоятельности короны св. Стефана, быстро теряетъ почву, въ особенности по смерти Кошута. Мадьяры все яснѣе понимаютъ, что осуществленіе стремленій партіи независимости ослабило бы Венгрію, что связь съ Цислейтаніей является надежнымъ обезпеченіемъ противъ славянъ и румынъ. Панславизмъ совсѣмъ не пугаетъ автора, скрывшагося подъ тремя звѣздочками. Онъ считаетъ невозможнымъ объединеніе славянъ, вслѣдствіе значительной культурной и этнографической разницы и различія вѣроисповѣданія. Панславистская идея, долгое время бывшая пугаломъ Западной Европы, вызвала усиленіе національнаго чувства у отдѣльныхъ славянскихъ народностей, которыя отнюдь не желаютъ терять своей индивидуальности и сливаться въ русскомъ морѣ. Быстрый подъемъ Австро-Венгріи, обусловленный торжествомъ дуализма, повелъ и къ коренному измѣненію восточнаго вопроса.

Для насъ представляются совершенно неубѣдительными завѣренія автора, будто бы союзъ Цислейтаніи и Транслейтаніи покоится на незыблемомъ основаніи общихъ политическихъ и экономическихъ интересовъ. Для нѣмцевъ-централистовъ политическая общность интересовъ съ мадьярами существуетъ потому, что послѣдніе сами являются централистами у себя дома; но полной экономической общности нѣтъ и между этими двумя господствующими народами, ибо львиную долю выгодъ выговорила себѣ Венгрія. Какая же политическая гармонія интересовъ можетъ привлекать къ дуализму славянъ или румынъ? Одни только поляки добились того, что въ Галиціи они полные хозяева. На этомъ условіи имъ, дѣйствительно, выгодно поддерживать дуализмъ. Авторъ книги полагаетъ, что антагонизмъ народностей смягчается все болѣе и болѣе, что федералистическія стремленія теряютъ силу съ тѣхъ поръ, какъ племенной партикуляризмъ развивается и замыкается въ предѣлахъ мѣстнаго самоуправленія.

Трудно, конечно, провести границу между мѣстнымъ и въ то же время національнымъ самоуправленіемъ и политическою автономіей, при которой мы будемъ уже имѣть дѣло съ федерализмомъ. Несомнѣнно, однако, что чехи стремятся именно къ политической автономіи и къ такой системѣ имперскаго представительства, при которой число депутатовъ въ парламентѣ было бы пропорціонально народонаселенію. Авторъ вѣрно замѣчаетъ, что со стороны Румыніи Австро-Венгріи не грозитъ никакой опасности, что она вовлечена въ орбиту тройственнаго союза, причемъ едва ли не главнымъ мотивомъ былъ страхъ передъ Россіей; но онъ совсѣмъ неправъ, когда почти не придаетъ значенія тяготѣнію къ Румыніи транслейтанскихъ румынъ и ихъ борьбѣ противъ мадьяризаціи.

Славянская и федеральная Австрія была бы, утверждаетъ авторъ, слабымъ государствомъ, она пошла бы къ разложенію, подъ вліяніемъ упорной оппозиціи нѣмцевъ и мадьяръ. Но именно эта упорная оппозиція и

Digitized by Google

свидѣтельствуетъ о томъ, что федерализмъ потому не угоденъ австрійскимъ нѣмцамъ и мадьярамъ, что дуализмъ даетъ имъ господствующее положеніе.

Авторъ пытается доказать нелѣпость славянскаго федерализма (l'absurdité du fédéralisme Slave) числовыми данными. Такъ, онъ указываетъ на то, что въ Богеміи на-ряду съ 3.600,000 чеховъ живутъ 2.160,000 нѣмцевъ; въ сплошныхъ чешскихъ округахъ считается милліонъ семьсотъ тысячъ жителей, въ сплошныхъ нѣмецкихъ—800,000, въ смѣшанныхъ—болѣе трехъ милліоновъ. Ни государство, ни правительство австрійское, по мнѣнію автора названнаго сочиненія, рѣшительно ничего не имѣютъ противъ осуществленія національныхъ славянскихъ правъ: противъ ихъ осуществленія существуютъ практическія препятствія. Практическихъ препятствій до настоящаго времени, дѣйствительно, не оказалось для того, чтобы нѣмецкое меньшинство командовало въ Цислейтаніи, а мадьярское въ Транслейтаніи. У самого автора книги мы встрѣчаемъ прекрасныя слова о томъ, что справедливость требуетъ признанія естественныхъ правъ каждой національности, велика ли она, или мала. Но сейчасъ же прибавляется, что въ Австро-Венгріи удовлетвореніе этихъ требованій повело бы къ ослабленію и даже гибели государства. Что же это за государство, которое не выноситъ требованій справедливости? Ему слѣдуетъ называться организованнымъ насильственно дуализмомъ. И какъ согласить съ такою системой руководящее, по мнѣнію автора, начало мудрой австрійской политики: политическое единство съ децентрализаціей національностей, языковъ, культуры?

Трудности для осуществленія въ Габсбургскомъ государствѣ монархической Швейцаріи несомнѣнны; но они могутъ быть побѣждены, если законодательная и исполнительная власти будутъ дѣйствительно имѣть въ виду въ равной степени интересы всѣхъ національностей. А для этого необходимы всеобщая подача голосовъ и пропорціональное представительство.

Интересныя замѣчанія о такомъ представительствѣ дѣлаетъ г. Ренненкампфъ, разбирая въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* новое сочиненіе проф. Коркунова: *Пропорціональные выборы*. Въ своей монографіи г. Коркуновъ,—говоритъ авторъ рецензіи,—«изслѣдуетъ вопросъ важный и, можно сказать, наболѣвшій въ современной политической жизни государствъ, пользующихся представительною системой. Еще Милль замѣтилъ, что хотя могутъ быть народы и случаи, гдѣ другія формы правленія предпочтительнѣе, но коль скоро въ народѣ закончился воспитательный политическій процессъ, утвердилось сознаніе политическаго единства и общихъ цѣлей, сгладилась сословная рознь и борьба интересовъ различныхъ частей населенія, то представительная система является лучшею и наиболѣе обезпечивающею порядокъ управленія и развитіе общества». Милль имѣетъ въ виду, конечно, прекращеніе розни и борьбы въ ихъ варварскихъ формахъ, въ какихъ, напримѣръ, это проявляется въ современной Турціи. Но облагороженная и закономѣрная борьба интересовъ совершается во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ.

Digitized by Google

«Истинное представительство, — читаемъ мы у г. Ренненкампфа *), — должно выражать общество въ его жизненномъ видѣ, заключать въ себѣ все разнообразіе національныхъ силъ и интересовъ, обозначать какъ горы, такъ и долины общественнаго строенія,—словомъ, воспроизводить въ миніатюрѣ дѣйствительныя и полныя мнѣнія и желанія страны». Наиболѣе цѣлесообразнымъ средствомъ для этого являются пропорціональные выборы. За нихъ во второй половинѣ истекающаго столѣтія высказываются серьезные политическіе мыслители и государственные дѣятели; «въ большинствѣ законодательныхъ собраній были сдѣланы предложенія о принятіи этой системы, а въ нѣкоторыхъ странахъ она даже введена въ дѣйствіе, такъ въ Даніи, Сербіи, Буэносъ-Айресѣ, въ швейцарскихъ кантонахъ: Женевѣ, Невшателѣ, Золотурнѣ, Тессинѣ; оказывается, что въ 60-хъ годахъ, когда обсуждался у насъ вопросъ о порядкѣ избранія губернскихъ гласныхъ, она была предложена гр. М. Корфомъ, но не нашла себѣ поддержки, хотя мотивы, въ силу которыхъ онъ желалъ введенія ея, оправдались впослѣдствіи» **).

Въ пользу пропорціональныхъ выборовъ рѣшительно высказывается и проф. Коркуновъ. Только они, по его мнѣнію, способны осуществить идею представительства всего народа, а не одной преобладающей партіи. «Пропорціональная система не соединяетъ въ принудительныя группы людей противоположныхъ положеній и интересовъ, не заставляетъ ихъ участвовать въ такихъ собраніяхъ, гдѣ они впередъ обречены на пораженіе; она открываетъ избирателямъ путь къ свободной и сознательной группировкѣ по общности воззрѣній и солидарности цѣлей; она устраняетъ деспотизмъ большинства, господство темныхъ массъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ пропорціональная система не лишаетъ большинства должнаго преимущества, ибо даетъ ему соотвѣтственно большее число представителей». Г. Ренненкампфъ также признаетъ рѣшительныя преимущества системы пропорціональныхъ выборовъ и говоритъ, что ей, безъ сомнѣнія, принадлежитъ будущность въ послѣдующемъ развитіи представительнаго порядка.

Французскіе умѣренные республиканцы нашли своего Сіеса: въ майской книжкѣ *Revue de Paris* напечатана статья Жана Поля Лафитта подъ заглавіемъ: *Умѣренная партія. Что она такое? Чѣмъ она должна быть* ***)? Вопросъ интересный, потому что до настоящаго времени, съ самаго основанія республики, умѣренные республиканцы только оставались республиканцами и ничего не дѣлали. Лафиттъ разсказываетъ объ одной своей бесѣдѣ, въ которой участвовалъ также умѣренный, и оказалось, что умѣренные согласны въ томъ, чего не надо дѣлать, и рѣшительно расходятся въ положительной программѣ. Общею идеей умѣренныхъ является политическая и индивидуальная свобода, но такой идеи достаточно для оп-

---

*) *Журн. министр. народ. просв.*, май 1896 г., стр. 99.

**) Тамъ же, стр. 103.

***) *J. P. Lafitte*: „Le Parti modéré. Ce qu'il est. Ce qu'il devrait être".

Digitized by Google

позиціи, а не для такой страны, гдѣ свобода существуетъ и умѣренные республиканцы являются правящею партіей.

Умѣренный республиканецъ или консерваторъ долженъ, по мнѣнію Лафитта, стремиться къ демократической эволюціи, къ устраненію общественныхъ злоупотребленій, къ реформамъ, которыя требуются условіями времени. Тотъ, кто возстаетъ противъ реформъ, кто боится новизны и критики,—не консерваторъ,—говоритъ Лафиттъ,—это революціонеръ, безсознательный, но опасный, потому что его упрямство возбуждаетъ негодованіе, его слѣпота подготовляетъ катастрофы. Истинными консерваторами Лафиттъ называетъ англійскихъ и бельгійскихъ: ими произведенъ длинный рядъ благодѣтельныхъ и коренныхъ преобразованій, какъ только назрѣвало общественное сознаніе ихъ необходимости и замедленіе въ реформѣ было бы замедленіемъ въ прогрессѣ, въ духовномъ и экономическомъ развитіи народа.

Лафиттъ приводитъ примѣръ: въ программѣ радикальной партіи стоитъ подоходный налогъ. Что можетъ противопоставить этому требованію умѣренно-республиканская партія? Теоретическія возраженія, указанія на практическія неудобства и затрудненія при введеніи подоходнаго налога? Но для большинства плательщиковъ податей, обремененныхъ косвенными и плохими видами прямыхъ податей, такого отрицательнаго отношенія къ реформѣ податной системы недостаточно. Необходимо противопоставлять программѣ программу, реформѣ реформу. Въ свою программу Лафиттъ включаетъ: болѣе справедливое распредѣленіе налоговъ, расширеніе и улучшеніе пенсіонныхъ кассъ, усиленіе мѣстнаго самоуправленія и такое законодательство объ ассоціаціяхъ, которое доставило бы достаточный просторъ для ихъ развитія.

Лафиттъ признаетъ, что косвенные налоги на предметы необходимости являются прогрессивными навыворотъ, т.-е. они тѣмъ сильнѣе поражаютъ плательщика, чѣмъ онъ бѣднѣе. Авторъ статьи, о которой идетъ рѣчь, согласенъ даже на подоходный налогъ, если доходъ будетъ опредѣляться не по заявленію самого плательщика (причемъ выигрываютъ недобросовѣстные люди) и не путемъ тягостнаго фискальнаго контроля, а косвеннымъ способомъ, занимаемымъ помѣщеніемъ, напримѣръ, причемъ налогъ уменьшается при увеличеніи числа дѣтей въ квартирѣ и усиливается съ умноженіемъ прислуги.

Нужно замѣтить, что признанный финансистъ умѣренныхъ республиканцевъ, г. Поль Леруа Вольѣ, находитъ (намъ приходилось уже объ этомъ упоминать) дѣйствующую во Франціи фискальную систему самою прекрасн въ прекраснѣйшемъ изъ государствъ. Химерою и соціализмомъ назовет конечно, этотъ финансистъ и его многочисленные единомышленники въ р дахъ французской буржуазіи и проекты Лафитта объ обезпеченіи раб чихъ подъ старость, вслѣдствіе болѣзни и несчастныхъ случаевъ. Посм ются они, вѣроятно, и надъ слѣдующею мыслью Лафитта: если государст даетъ субсидіи на балетъ и оперу, то у него имѣютъ право просить су

Digitized by Google

сидѣли престарѣлымъ или потерявшимъ способность къ труду работникамъ. Лафиттъ говоритъ, что не въ интересахъ консерватизма допускать существованіе нѣсколькихъ милліоновъ людей, живущихъ трудомъ изо дня въ день, не имѣющихъ возможности отложить что-либо на случай болѣзни или подъ старость. Но корифеи французской буржуазіи скажутъ, что приходить на помощь этимъ милліонамъ значитъ поощрять лѣность и стѣснять индивидуальную свободу. Болѣе жестокаго,—даже такого жестокаго и слѣпого эгоизма не обнаруживало, кажется, ни одно сословіе въ исторіи, если не считать римлянъ эпохи имперіи. Лафиттъ приводитъ въ назиданіе умѣреннымъ республиканцамъ слова знаменитаго англійскаго консерватора Рандольфа Черчилля: если вы хотите, чтобы демократія была консервативной, дайте ей что-либо для охраненія («Si vous voulez que la démocratie soit conservatrice donnez lui quelque chose à conserver»). Но французская буржуазія на это можетъ отвѣтить, какъ Помпадуръ: на нашъ вѣкъ хватитъ, а послѣ насъ хоть потопъ.

Можно думать, что болѣе успѣха будутъ имѣть предположенія Лафитта объ укрѣпленіи и расширеніи во Франціи мѣстнаго самоуправленія. Неудобства централизаціи и бюрократіи давно уже даютъ себя чувствовать третьей республикѣ. Нужно замѣтить, что Лафиттъ является сторонникомъ не департаментскаго, а областного самоуправленія, охваченнаго общими интересами, съ университетскими и судебными центрами. Лафиттъ кончаетъ свою статью предсказаніемъ, что умѣренная партія превратится въ ничто, если она попрежнему ограничится отрицательною ролью, и станетъ всѣмъ, если рѣшительно выступитъ на путь опредѣленныхъ реформъ.

Заговоривши о демократіи, мы считаемъ умѣстнымъ указать читателямъ на статью нашего соотечественника, г. Новикова, объ избранномъ интеллигентномъ меньшинствѣ и объ аристократіи *).

Въ новыхъ, въ культурномъ отношеніи, странахъ,—говоритъ г. Новиковъ,—экономическія функціи являются впереди другихъ. Такъ было при зарожденіи всѣхъ обществъ. Когда обработка страны, въ той или другой формѣ, подвинулась впередъ, наступаетъ моментъ, въ который нѣкоторые люди пріобрѣтаютъ возможность не работать непрерывно ради насущнаго хлѣба. Тогда происходитъ фактъ необычайной важности: возникаетъ новый общественный органъ, является избранное интеллигентное меньшинство. Онъ медленно дифференцируется отъ экономическаго органа. Точнаго разграниченія ихъ нельзя указать. Никакой человѣкъ не можетъ вполнѣ освободиться отъ имущественныхъ заботъ. Но возникновеніе досуга создаетъ очень сложныя явленія. Бездѣйствіе есть худшее изъ страданій. Человѣкъ начинаетъ думать, чѣмъ наполнить свое свободное время. Начинаются развлеченія, отъ пировъ и танцевъ, къ зачаткамъ искусства, литературы, науки.

*) Статья эта (*L'élite intellectuelle et l'aristocratie*) напечатана въ майской книжкѣ *Revue Politique et Parlementaire* и составляетъ главу изъ сочиненія автора, которое скоро появится, *Conscience et volitions sociales*.

Digitized by Google

На извѣстной ступени развитія опредѣленная группа людей цѣликомъ отдается зиждительной работѣ идей и чувствованій или политическому руководительству своей страны. Тогда создается классъ, который г. Новиковъ называетъ *l'élite intellectuelle,* отборное образованное меньшинство. При отсутствіи имущественно-богатаго класса невозможно существованіе художниковъ, ученыхъ и т. п.

Необходимо, однако, не упускать изъ виду слѣдующаго: имущественный достатокъ нуженъ для духовнаго труда, но онъ относителенъ. Милліонеръ можетъ отдавать свое время увеличенію личнаго богатства, и онъ остается въ экономическомъ классѣ; мыслитель, который довольствуется необходимымъ, входитъ въ интеллектуальную группу *(organe intellectuel).* Состояніе цивилизаціи данной страны играетъ при этомъ весьма значительную роль: многочисленныя поколѣнія накопляютъ въ опредѣленныхъ центрахъ множество орудій просвѣщенія и изслѣдованія: библіотеки, лабораторіи, музеи и т. д. Все это уменьшаетъ усилія, необходимыя для высшаго образованія, и расширяетъ предѣлы, съ которыхъ начинается *élite* *).

Г. Новиковъ, приводя въ подтвержденіе наблюденія Эйхталя, говоритъ, что особенно замѣтно вліяніе избраннаго меньшинства, отдѣльныхъ выдающихся людей въ такой высоко-культурной странѣ, какъ Англія. Вожди политическихъ партій имѣютъ здѣсь огромное значеніе.

Если группа богатыхъ и извѣстныхъ людей возбуждаетъ непріязнь и даже ненависть, тогда нѣтъ въ обществѣ аристократіи въ собственномъ смыслѣ слова: она возникаетъ лишь тогда, когда меньшинство окружено симпатіями и уваженіемъ большинства. Въ этомъ отношеніи первое, если не единственное мѣсто въ Европѣ (быть-можетъ, рядомъ можно поставить мадьярскую) занимаетъ британская аристократія. Избранное меньшинство (ученые, литераторы, художники) сближается, но не сливается съ аристократіей. Но аристократія не можетъ обойтись безъ высшей культуры, иначе она теряетъ свое политическое и общественное значеніе.

Мысль г. Новикова ясно выражена въ слѣдующихъ словахъ: «Процвѣтаніе страны зависитъ отъ того, какъ аристократія выполняетъ свою функцію, подобно тому, какъ здоровье человѣка зависитъ отъ функціонированія мозга». Ретроградную аристократію нашъ ученый соотечественникъ уподобляетъ арміи трусовъ. Современныя европейскія аристократіи онъ признаетъ ретроградными. Все это свидѣтельствуетъ, до какой еще степени несовершенны современные общественные организмы.

Новое гражданское уложеніе, принято въ рейхстагѣ въ іюнѣ, отличается многими и не маловажными недостатками. Къ числу ихъ относится сохраненіе въ семьѣ подчиненнаго имущественнаго положенія за женою и матерью. Составители кодекса расширили нѣсколько наслѣдственныя права

*) Г. Новиковъ отмѣчаетъ, что *noble* происходитъ отъ *noscere* (знать), *благородный*, по этимологіи,—значитъ *извѣстный* (*le connu*).

Digitized by Google

дочерей и женъ и увеличили значеніе матери-вдовы въ опекѣ надъ малолѣтними, но эти уступки далеко не удовлетворили прогрессивную часть общественнаго мнѣнія. Среди германскихъ женщинъ, въ ихъ многочисленныхъ уже союзахъ и товариществахъ, растетъ и крѣпнетъ движеніе въ пользу уравненія гражданскихъ и общественныхъ правъ мужчины и женщины. На женскомъ съѣздѣ въ Кассель раздавались сильные и основательные протесты противъ ограничительныхъ статей проекта новаго гражданскаго уложенія. Въ самомъ рейхстагѣ противъ него была значительная оппозиція. Извѣстный адвокатъ Мункель (свободномыслящій), Бебель (соціалъ-демократъ) заводчикъ Штуммъ (консерваторъ) обстоятельно доказывали несправедливость и нецѣлесообразность этихъ ограничительныхъ, по отношенію къ женщинѣ, статей закона. Побѣда правительственнаго законопроекта не обѣщаетъ быть прочною: движеніе противъ него все усиливается. Корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей* замѣчаетъ, что германскія женщины вспомнятъ слова Рикерта: «въ три-четыре мѣсяца не измѣняются предразсудки, не разрушается несправедливость; нужно свыкнуться съ мыслью, что культурные успѣхи измѣряются только десятками лѣтъ, но кто борется за великія идеи, тотъ можетъ быть увѣренъ, что наступитъ, наконецъ, день побѣды» *).

Въ такой высококультурной странѣ, какъ Германія, *десятки лѣтъ*— черезчуръ длинный срокъ. Нельзя не отнестись съ глубокимъ сочувствіемъ и уваженіемъ къ тѣмъ энергическимъ усиліямъ, которыя дѣлаетъ нѣмецкое общество для все большаго и большаго развитія народнаго образованія. Въ этомъ отношеніи очень выдающееся мѣсто занимаетъ *общество для распространенія народнаго образованія* (*Gesellschaft für Verbreitung von Volksbildung*). Въ іюнѣ, въ Барменѣ, былъ двадцать шестой ежегодный съѣздъ членовъ этого общества **), въ предсѣдательствѣ Рикерта. Общество въ нынѣшнемъ году учредитъ 180 библіотекъ. На помощь ему деньгами и книгами приходятъ германскія правительства. Общество не вступаетъ въ религіозную и политическую борьбу и предоставляетъ выборъ книгъ желающимъ ими пользоваться, исключая изъ своихъ списковъ только безнравственныя и нелѣпыя сочиненія. Мирную, чуждую односторонности, направленную къ смягченію классовой борьбы роль *общества распространенія народнаго образованія* и вообще союзовъ для развитія просвѣщенія отмѣтилъ и профессоръ Бёмертъ. На съѣздѣ присутствовали представители многочисленныхъ мѣстныхъ обществъ Германіи, имѣющихъ просвѣтительныя цѣли.

В. Г.

---

*) *Русскія Вѣдомости*, 22 іюня.

**) *National-Zeitung*, 9 Juni.

Digitized by Google

Извлеченіе изъ отчета секретаря и казначея общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за январь — апрѣль 1896 годъ.

I) Съ 1 января по 25 апрѣля комитетъ общества имѣлъ 7 засѣданій. На этихъ засѣданіяхъ разсмотрѣно было 81 ходатайство 74 лицъ о различнаго рода *денежныхъ* пособіяхъ. Изъ этого числа было удовлетворено вполнѣ или отчасти, 52 ходатайства 50 лицъ (двумъ литераторамъ пособія были назначены 2 раза въ теченіе отчетнаго періода); въ 29 случаяхъ (по ходатайствамъ 24 лицъ) комитетъ не нашелъ возможнымъ назначить просимыхъ пособій.

Всего въ теченіе отчетнаго періода *денежныхъ пособій* назначено было комитетомъ на общую сумму 4,315 руб. По родамъ и по размѣрамъ выдачъ онѣ распадались такъ:

1. *Единовременныхъ пособій* назначено, въ 24 случаяхъ, 23 лицамъ, на сумму 1,150 р., а именно: 4 лицамъ по 100 р., 1 л.—75 р., въ 7 случаяхъ, 6 лицамъ по 50 р., 1 л.—40 р., 1 л.—35 р., 1 л.—30р., 8 лицамъ по 25 р. и 1 л.—20 р.

2. *Продолжительныя пособія* назначены 7 лицамъ, общею суммой на 1,440 р., а именно: на 2 года сестрѣ покойнаго писателя, въ размѣрѣ по 180 р. въ годъ; на 1 годъ одному писателю и одной писательницѣ по 300 р., одной писательницѣ и сестрѣ покойнаго писателя по 180 р., дочери покойнаго писателя 60 р., на 4 мѣсяца, дочери покойнаго писателя—60 р.

3. *Безсрочныхъ ссудъ* назначено 10, на общую сумму 1,000 р., а именно: 1 лицу въ 300 р., 1 л.—въ 200 р., 2 л.—по 100 р. (одна изъ этихъ ссудъ не была выдана за кончиною просителя) и 6 лицамъ по 50 р.

4. *Срочныхъ ссудъ* назначено 2, по 200 р. (изъ нихъ одна срокомъ на 10 мѣсяцевъ выдана вновь, въ другомъ случаѣ ранѣе выданная ссуда отсрочена на 1 годъ).

5. *Пособія на уплату за обученіе* назначены въ 4 случаяхъ, на сумму 150 р., именно за 2 сыновей покойнаго писателя въ одну изъ петербургскихъ гимназій внесено за учебное полугодіе 60 р., за дочь одного писателя на педагогическіе курсы—50 р., за одного начинающаго писателя

Digitized by Google

въ С.-Петербургскій университетъ (доплата) 20 р. и за сына одного писателя въ провинціальную гимназію 20 р. Сверхъ того, постановлено въ будущемъ учебномъ году внести плату за дочь покойнаго писателя на С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы.

6. *Выдачи на погребеніе* назначены въ 4 случаяхъ: въ 3 по 50 р. и въ 1 случаѣ 25 р. (въ дополненіе къ пособію, выданному изъ фонда Императора Николая II), всего на сумму 175 р.

Неденежныя пособія, оказанныя за отчетный періодъ, заключались въ слѣдующемъ: 1) жена одного писателя, по ходатайству комитета, помѣщена безплатно въ психіатрическую лѣчебницу; 2) по просьбѣ одного писателя комитетъ вступилъ въ посредническія сношенія съ редакціей журнала, въ который была представлена для напечатанія рукопись этого писателя (сношенія еще продолжаются) и 3) по просьбѣ одной писательницы комитетъ пріискивалъ для нея занятія.

Для *увеличенія средствъ* общества комитетомъ а) устроенъ былъ 4 февраля спектакль въ пользу общества и б) приступлено къ новому изданію 3-й книги разсказовъ В. М. Гаршина и стихотвореній С. Я. Надсона.

II) Съ 1 января по 25 апрѣля поступило:

Въ капиталъ неприкосновенный и въ именные . . .	2,090 р.	50 к.
Въ капиталъ расходный:		
1. Годовыхъ членскихъ взносовъ	440 »	— »
2. Пожертвованій	395 »	— »
3. Отъ предпріятій общества (чистая прибыль отъ вечеровъ 30 декабря и 4 февраля)	976 »	20 »
4. Въ возвратъ безсрочныхъ ссудъ	500 »	— »
5. Пособіе отъ министра народнаго просвѣщенія. . .	1,000 »	— »
6. Процентовъ съ капиталовъ и по срочнымъ ссудамъ .	4,759 »	56½ »
7. Разныхъ	26 »	50 »
8. Оборотныхъ	315 »	— »
Всего же въ расходный капиталъ поступило .	8,412 р.	26½ к.

Израсходовано:

1. На пенсіи	1,702 р.	— к.
2. На продолжительныя пособія	950 »	— »
3. Стипендіи.	245 »	— »
4. Обученіе и воспитаніе	775 »	50 »
5. Пособія единовременныя.	1,425 »	— »
6. Ссуды безсрочныя	650 »	— »
7. Выдачи по духовному завѣщанію Г. З. Елисеева .	400 »	— »
8. Расходы общіе, почтовые, страхованія, храненія и проч.	204 »	73 »
9. Разные расходы писателя и писательницы въ домѣ душевныхъ больныхъ и похороны писателей	340 »	— »
10. Оборотные	199 »	25 »
Всего израсходовано . . .	6,891 р.	48 к.

Digitized by Google

Въ расходномъ капиталѣ на 1 января былъ перерасходъ въ 1,702 р. 14½ к., по 25 апрѣля въ капиталъ этотъ поступило 8,412 р. 26½ к., выдано же изъ него 6,891 р. 48 к.; перерасходъ къ 25 апрѣля составляетъ такимъ образомъ 181 р. 36 к

Въ срочныя ссуды было выдано 200 р., получено же въ возвратъ срочныхъ ссудъ 1,550, остатокъ ссуднаго капитала составляетъ 1,350 р. На счетъ переходящихъ суммъ поступило 6,467 р. 80 к., выдано съ этого счета 1,320 р. и считается на немъ 8,203 р. 65 к.

За симъ совокупность средствъ общества съ долгами по ссудамъ и съ суммами переходящими составляла на 25 апрѣля 333,151 р. 83¼ к.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Іюль. 1896 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Критика и публицистика.—Философія, психологія, педагогика.—Исторія, исторія литературы, археологія.—Юридическія книги.—Языкознаніе.—Путешествія.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Учебники, дѣтскія книги. II. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 іюня по 1 іюля 1896 года.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Мгла". Ром. *Вл. И. Немировича-Данченко.*—„Варваръ, Эллинъ, Еврей". Современныя характеристики *В. Л. Дедлова.*—„Мгновеніе" и др. разсказы *П. П. Гнѣдича.*—„The Hermit". Поэма *кн. Ильи Чавчавадзе.*

Мгла. Романъ Вл. И. Немировича-Данченко. Изданіе Д. П. Ефимова. Москва, 1896 г. Цѣна 1 руб. 25 коп. Прошло тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ на Руси „порвалась цѣпь великая", порвалась и „ударила однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику". Больнѣе досталось, конечно, „барину",—много больнѣе и не въ одномъ только матеріальномъ отношеніи, такъ какъ „оскудѣніе" дало и даетъ себя знать не однимъ „господамъ", но и крестьянамъ. Всякія благополучія зацапали кулаки и міроѣды, да разнаго званія обдѣлистые люди, которымъ на пользу пошло даже такое народное бѣдствіе, какъ страшный голодъ, посѣтившій Русскую землю нѣсколько лѣтъ назадъ. Въ смыслѣ нравственномъ разорванная „цѣпь" ударила только „по барину" и разбила такіе устои барскаго житья-бытья, что отъ этого погрома до сихъ поръ не могутъ оправиться помѣщики, тогда какъ крестьяне отъ удара въ ихъ сторону нравственно поднялись, выросли и окрѣпли. Въ романѣ *Мгла* авторъ касается „мужика" лишь вскользь и мимоходомъ, за то довольно вѣрно отмѣчаетъ существенную разницу между нынѣшнимъ положеніемъ крестьянъ и господъ. Одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ романа, богатый землевладѣлецъ и важный сановникъ Василій Васильевичъ Славгорскій находитъ, что вездѣ и во всемъ виновата „распущенность". Слово это очень старо, повторяется изъ поколѣнія въ поколѣніе отцами и дѣдами „со временъ очаковскихъ и покоренія Крыма" и ничего не уясняетъ, ничего не выражаетъ, кромѣ, развѣ, безсильнаго желанія „подтянуть".—„Но,—разсуждаетъ далѣе петербургскій администраторъ-помѣщикъ, хорошо знающій деревню,—между распущенностью молодого деревенскаго парня и нѣкоторой части молодежи изъ общества — есть громадная разница. Первый, что ни говори, проявляетъ какую-то силу, какую-то вѣру въ будущее. Онъ веселъ, держитъ голову высоко, вѣчно поетъ, въ немъ клокочетъ задорная молодость. Весь его видъ говоритъ: я знаю, что будущее принадлежитъ мнѣ... Его апломбъ—апломбъ здоровья, душевнаго покоя,

Digitized by Google

апломбъ хозяина своей жизни". А его, Славгорскаго, сыновья, Петръ и Алексѣй? „Стоитъ вспомнить ихъ тревожные взгляды, всегда какой-то задумчивый налетъ на глазахъ, чтобы понять тревогу ихъ душевнаго настроенія". Родителямъ не трудно разглядѣть выраженія глазъ дѣтей и понять, что вызываетъ ихъ тревога душевнаго настроенія. Но неизмѣримо мудренѣе уразумѣть причины такой тревоги. Еслибы старѣйшія поколѣнія всмотрѣлись пристальнѣе и ясно уразумѣли сущность „тревоги" близкой имъ молодежи, они, старшіе, поняли бы, что причины созданы ими самими, т.-е. родителями, и тѣмъ обществомъ, къ которому принадлежатъ ихъ дѣти. Уразумѣть это не могутъ тѣ „старшіе", которые такъ или иначе остались въ привычномъ положеніи, созданномъ для нихъ ихъ рожденіемъ, достатками и принадлежностью къ извѣстному обществу съ его установившимися обычаями и взглядами на жизнь. Дѣти, идущіе тихонько по стопамъ отцовъ, по изстари проторенной дорожкѣ, дѣлаютъ это спокойно, безъ волненій и тревогъ, съ такимъ же „апломбомъ" и душевнымъ равновѣсіемъ, какъ любой крестьянскій парень, сознающій себя „хозяиномъ своей жизни", но не предъявляющій къ жизни запросовъ, опредѣляющихъ для человѣка „смыслъ" самой жизни. Причина душевной тревоги сыновей большого барина Славгорскаго,—какъ и части „молодежи изъ общества",—заключается въ томъ, что они доискиваются „смысла жизни", пытаются устроить себѣ, по-своему, осмысленную жизнь внѣ старыхъ установленныхъ ихъ обществомъ рамокъ. Выходя изъ этихъ рамокъ, они вызываютъ недоумѣніе и очень нерѣдко негодованіе близкихъ людей и общества,—весьма часто вынуждены не просто выходить, а вырываться силой въ поискахъ подходящаго для нихъ „мѣста въ природѣ". Такъ поступилъ старшій сынъ Славгорскаго, Петръ, отказался отъ карьеры дипломата, широко передъ нимъ открывавшейся, и уѣхалъ въ деревню хозяйничать по-своему, безъ кулачества. Съ этимъ отецъ помирился довольно легко потому въ особенности, что Петръ оказался дѣльнымъ хозяиномъ и скоро занялъ видное положеніе среди другихъ хозяевъ губерніи. Второй сынъ, Алексѣй, блестящій офицеръ одного изъ лучшихъ кавалерійскихъ полковъ, радовалъ отца своими успѣхами въ „свѣтѣ", сдѣлался баловнемъ общества, гордостью семьи. На бѣду для себя и близкихъ Алексѣй увлекся театромъ, драматическимъ искусствомъ, удачно попробовалъ свои силы, возмнилъ себя способнымъ сдѣлаться великимъ артистомъ и порѣшилъ бросить службу, идти въ актеры. На такое рѣшеніе въ значительной мѣрѣ повліяло то обстоятельство, что молодой человѣкъ безъ ума влюбился въ провинціальную актрису, отчаянную и крайне безнравственную кокетку. Алексѣй взялъ отпускъ и пріѣхавъ въ деревню, гдѣ отецъ проводилъ свои служебныя каникулы. Весьма понятна тревога Алексѣя въ виду необходимаго объясненія съ отцомъ и не менѣе понятенъ ужасъ всей семьи и друзей отца, когда Алексѣй категорически и настоятельно заявилъ, что никакая сила не заставитъ его отказаться отъ принятаго имъ рѣшенія. Подобно всѣмъ молодымъ людямъ, очутившимся на такомъ перепутьѣ, Алексѣй мечтаетъ о служеніи искусству, великой идеѣ, о независимости и славѣ, всѣ возраженія и препятствія принимаетъ за проявленія устарѣвшихъ предразсудковъ и, конечно, не сознаетъ, что за этими предразсудками стоитъ еще кое-что болѣе существенное и опасное, чѣмъ въ значительной мѣрѣ объясняется и оправдывается упорно держащійся предразсудокъ. Повѣствованіе г. Немировича-Данченко кончается весьма трагически,—по милости несчастной случайности, но случайности весьма возможной

Digitized by Google

и естественной въ той средѣ, куда былъ завлеченъ Алексѣй Славгорскій.

Провинціальная актриса, влюбившая въ себя молодого офицера, не занимаетъ въ романѣ мѣста героини, да и вообще въ немъ нѣтъ такой центральной женской фигуры, которой приличествовало бы названіе героини романа. Но въ немъ есть три женскія личности, изображенныя очень рельефно и достаточно характерныя при описаніи того круга, къ которому принадлежатъ Славгорскіе. Первое мѣсто между ними занимаетъ Соня, дѣвушка лѣтъ двадцати трехъ, дочь богатой помѣщицы Александры Николаевны Кривиной, сосѣдки Славгорскихъ. Но предварительно нѣсколько словъ о самой маменькѣ. Это красивая, моложавая вдова, умная и остроумная, но легкомысленная барыня хорошаго круга. Двадцать лѣтъ, со времени своего вдовства, она живетъ въ интимной связи со старикомъ Славгорскимъ, и это постоянство и умѣнье обоихъ держать себя привели къ тому, что общество „закрываетъ глаза" на ихъ близость, примѣру общества слѣдуютъ дѣти Славгорскаго и дочь Кривиной. Обѣ семьи живутъ ладно и дружно. Нѣкоторыя размолвки происходятъ только между Ниной, дочерью Славгорскаго и Соней Кривиной, да и то лишь изъ-за личнаго соперничества въ погонѣ за женихами. Нина представляетъ собой заурядную петербургскую барышню, капризную, задорную, довольно непріятную. Соня много интереснѣе, какъ представительница свѣтскихъ дѣвушекъ, не нашедшихъ своевременно себѣ „мѣста въ природѣ", по просту говоря, неуспѣвшихъ пристроиться замужъ прилично, сообразно съ понятіями своего круга. Она знаетъ, что дѣла матери порядочно разстроены, что имъ грозитъ разореніе, если онѣ не сократятъ своихъ расходовъ и черезъ то не откажутся отъ жизни въ томъ обществѣ, къ которому принадлежатъ. И Соня рѣшается остаться въ деревнѣ,—немного неожиданно для читателя, дѣлается помощницей Петра Славгорскаго въ его заботахъ о голодающихъ крестьянахъ и въ его борьбѣ съ кулачествомъ. Въ перспективѣ чувствуется, что Петръ и Соня найдутъ желанное успокоеніе отъ тревогъ на мирномъ лонѣ провинціи, въ дѣятельной жизни помѣщиковъ новаго склада, имѣющаго выработаться въ недалекомъ будущемъ. Романъ написанъ просто и стройно, безъ вычуръ и „мудрствованій лукавыхъ" и тенденціозныхъ. Онъ читается легко, съ необрывающимся интересомъ.

Варваръ, Эллинъ, Еврей. Современныя характеристики В. Л. Дѣдлова. Изданіе М. М. Ледерле. Спб. Ц. 2 р. Г. Дѣдловъ написалъ три повѣсти, одну озаглавилъ *Варваръ*, другую—*Эллинъ*, третью—*Еврей*, соединилъ ихъ въ одну книжку, выставилъ на оберткѣ тройное заманчивое заглавіе и выпустилъ въ свѣтъ подъ вычурною обложкой съ еще болѣе заманчивымъ рисункомъ професора В. М. Васнецова. На рисункѣ изображенъ Сфинксъ, по сторонамъ его дымятся курильницы, у его подножія — три человѣка: одинъ стоитъ, другой сидитъ, третій лежитъ навзничь; на всѣхъ трехъ одежды античныя. Рисунокъ и заглавіе книги одинаково не имѣютъ никакого отношенія къ содержанію повѣстей г. Дѣдлова, такъ какъ въ нихъ помина нѣтъ ни объ античной жизни, ни о какой-либо старинѣ, ни даже о современныхъ евреяхъ, эллинахъ и такихъ народахъ, которыхъ можно было бы почему-либо назвать варварами. Въ повѣсти подъ заглавіемъ *Варваръ* разсказывается исторія совѣтника губернскаго правленія одной изъ дальнихъ губерній, Ивана Аѳанасьевича Умовскаго, сына богатаго заводскаго священника. Никакихъ „варварскихъ" дѣяній Умовскій не совершалъ, никакого „вар-

Digitized by Google

варства" въ характерѣ и мыслях не проявлялъ. Въ свое время онъ прилежно учился, кончилъ курсъ въ университетѣ, писалъ статьи, печатавшіяся въ толстыхъ журналахъ, имѣлъ несчастье влюбиться въ дрянную дѣвицу, женился на ней, разошелся съ женой, потомъ опять сошелся, потомъ она его окончательно бросила, сдѣлалась пѣвицей и уѣхала въ провинціальную опереточную труппу. Иванъ Умовскій началъ было съ горя пить (не это ли „варварство"?), но скоро пересталъ, отправился въ провинцію и дослужился до мѣста совѣтника губернскаго правленія. Во время несчастно-знаменитаго голода Умовскаго командировали на югъ для закупки хлѣба. Въ разгаръ этой операціи Умовскій встрѣтился съ женою, ведущею самый позорный образъ жизни. Прежняя любовь вспыхнула съ новою силой. Чтобы удовлетворить мерзскія требованія жены, онъ началъ растрачивать казенныя деньги и растратилъ бы ихъ много, еслибъ не получилъ телеграммы, извѣщавшей его о смерти отца. Прочитавши телеграмму, Умовскій взялъ револьверъ и застрѣлился.

Подъ наименованіемъ *Эллинъ* авторъ разумѣетъ художника-живописца, Валерьяна Михайловича Наслѣдова, исторію котораго передать нѣтъ возможности по той простой причинѣ, что нѣтъ никакой исторіи въ самой повѣсти. Нѣтъ въ ней ни завязки, ни событій, ни характеровъ, ни рязвязки, ни признака какого-либо „эллинизма". Есть только описаніе какого-то совершенно неправдоподобнаго вечера у Наслѣдова. У Наслѣдовыхъ, по словамъ автора, „бывали всѣ: сановники и ученики академіи, свѣтскія дамы и фельдшерицы, богачи купцы и натурщики, знатные меценаты и хозяева цинкографій, профессора и студенты". „У Наслѣдовыхъ иногда шалили и дурачились такъ, что дымъ шелъ коромысломъ: отъ нижнихъ жильцовъ присылали сказать, что тамъ образа падаютъ со стѣнъ и сыплется штукатурка". Изъ дальнѣйшаго повѣствованія явствуетъ, что на „журъ-фиксахъ" знаменитаго художника,—Наслѣдовъ знаменитость,—происходили совершенно непристойныя безобразія, отъ которыхъ разбѣжались бы не только „сановники, свѣтскія дамы и знатные меценаты", но всѣ, кому не доставляютъ удовольствія веселыя рукопашныя схватки, въ которыхъ гости „идутъ стѣна на стѣну", сбиваютъ другъ друга съ ногъ, щиплятся такъ, что исщипанный „оретъ благимъ матомъ". Авторъ, повидимому, находитъ, что такіе вечера восхитительны. А намъ сдается, что если онъ и видѣлъ что-либо подобное, то никакъ не въ семейномъ домѣ извѣстнаго художника, а гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, да и то послѣ большой выпивки.

Еврей г. Дѣдлова—совсѣмъ не іудей и не израильтянинъ, а Евгеній Аркадьевичъ Малаховъ, „извѣстный своими дарованіями, трудолюбіемъ, стойкими убѣжденіями и чистотою репутаціи, тридцати восьми-лѣтній тайный совѣтникъ", предсѣдатель какой-то важной коммиссіи, мѣтящій въ министры. Евреемъ называетъ его авторъ потому, что самъ Малаховъ говоритъ о себѣ: „Я, кажется, не ошибусь, если назову себя не эллиномъ, не варваромъ, а евреемъ. Къ этому изъ трехъ вѣчныхъ типовъ человѣка принадлежу я. Не инстинкты и эпикурейство владѣютъ мною. Нѣтъ,—какъ ни странно слышать это изъ устъ петербургскаго чиновника, — это страсть. Кто знаетъ, родись я въ иной странѣ, я былъ бы борцомъ за идею, Маккавеемъ. Теперь я—чиновникъ. Но это не мѣняетъ моей сути. Я хранитель и служитель идеи, столь же пламенный. Я, все-таки, движимъ страстнымъ воодушевленіемъ идеей, идеей правды, красоты и добра, которую я преслѣдую въ моемъ пыльномъ департаментскомъ кабинетѣ". И все-то онъ вретъ, этотъ тридцати

Digitized by Google

восьми-лѣтній тайный совѣтникъ, какъ оказывается на повѣрку: въ головѣ у него двѣ идеи—добраться до высшаго поста и обезпечиться большимъ состояніемъ посредствомъ выгодной женитьбы. Высокаго поста онъ, въ концѣ-концовъ, добивается черезъ вліятельную барыню, живущую въ незаконной связи съ человѣкомъ, занимающимъ еще болѣе высокое положеніе. И представляющеюся ему выгодною женитьбой онъ пренебрегаетъ въ разсчетѣ сдѣлать еще болѣе выгодную партію. Г. Дѣдлову тоже нельзя довѣрять сразу, когда онъ говоритъ, что Малаховъ—человѣкъ „не заурядный", даровитый, одаренъ складомъ „дѣятелей" и проч. Изъ дальнѣйшаго повѣствованія явствуетъ, что это не болѣе, какъ прохвостъ, даже не умный прохвостъ и не особенно ловкій, такъ какъ всѣ его проходимскія штуки бѣлыми нитками шиты. Такого человѣка ни при какой дамской протекціи не пустятъ залѣзть высоко, особливо же при покровительствѣ такой барыни, какою г. Дѣдловъ изобразилъ Марью Михайловну Заводину. И самоё даму подобнаго сорта не пустятъ ни въ одинъ порядочный домъ, не то что въ петербургскій высшій и вліятельный кругъ. Ей мѣсто развѣ только на резвеселыхъ журъ-фиксатъ художника Наслѣдова. Г. Дѣдловъ взялся за очень мудреную задачу — изображать сановниковъ, великосвѣтскихъ дамъ, житье-бытье большого свѣта, своимъ умомъ, отъ собственнаго измышленія, да по наслышкѣ отъ „вѣрнаго человѣка". Завѣрить можемъ читателя, незнакомаго съ кругомъ, описаннымъ въ повѣсти *Евреи*, что въ дѣйствительности нѣтъ ничего подобнаго. Да не подумаетъ кто-нибудь, что описаніе это—сатира или умышленная каррикатура: сатиры и каррикатуры можетъ писать лишь тотъ, кто видѣлъ и изучилъ оригиналы и запасся подлиннымъ матеріаломъ. Нутромъ тутъ ничего не сочинишь, какою ни обладай фантазіей. Самое большое, что можно написать по разсказамъ „вѣрнаго человѣка" — это пасквиль на извѣстное лицо.

Всѣ три исторіи г. Дѣдлова написаны тяжелымъ, дубоватымъ слогомъ, съ явными покушеніями на юморъ и остроуміе. Примѣры: „Буйный поэтъ взглянулъ на трагика такъ, что можно было безъ преувеличенія сказать, что пожралъ его глазами, притомъ съ необыкновеннымъ аппетитомъ пожралъ". Черезъ 15 строкъ: „Поэтъ опять пожралъ глазами и дантиста съ паціентомъ". Еще черезъ 19 строкъ: „Она ему сестра,— воскликнулъ трагикъ.—Болѣе того, она ему мать! — Разная бываетъ мать!—сказалъ поэтъ, но трагика онъ, попрежнему, съ большимъ аппетитомъ пожралъ". И скучно все это, тягуче, неинтересно, образцово скучно!...

Мгновенье и другіе разсказы П. П. Гнѣдича. 1890—1895 гг. Спб., 1896 г. Цѣна 1 рубль. Первый разсказъ, озаглавленный *Мгновенье*, живо изображаетъ настроеніе молодого человѣка, бросившаго университетъ и сдѣлавшагося телеграфистомъ на большой желѣзнодорожной станціи, расположенной въ прекраснѣйшей мѣстности, казавшейся юношѣ чуть не земнымъ раемъ, когда онъ тамъ устраивался. Каждый изъ насъ испытывалъ, вѣроятно, такое впечатлѣніе, при видѣ мирнаго и живописнаго уголка: вотъ бы гдѣ поселиться подальше отъ житейскихъ треволненій и жизнью наслаждаться въ простотѣ и тишинѣ сердечной. Такъ мечталъ и студентъ Воденяковъ, становясь телеграфистомъ, и никому бы не повѣрилъ, что идиллическая простота хороша лишь на короткое время, какъ отдыхъ, а въ болѣе продолжительное время отъ нея можно впасть въ тоску и должно, рано или поздно, наступить такое „мгновенье", когда человѣку не останется ничего иного,

Digitized by Google

какъ бѣжать безъ оглядки, чтобы не потянуться рукой за графинъ съ водкой. Воденіковъ не сбѣжалъ и взялся за графинъ... Это совсѣмъ въ русскомъ жанрѣ. Разсказъ *Свиданіе королевы* очень милъ и эффектенъ, но уже чисто въ тонѣ французскомъ, бойкомъ, завлекательномъ и непередаваемомъ ни въ какомъ извлеченіи. Его надо прочесть цѣликомъ, чтобъ улыбнуться придуманной авторомъ мистификаціи. Болѣе серьезны два разсказа: *Экспертиза* и *Импрессіонистъ*, въ особенности послѣдній, въ которомъ г. Гнѣдичъ довольно основательно и съ знаніемъ дѣла затрогиваетъ серьезные вопросы искусства и преподаванія живописи въ нашей академіи. Несмотря на то, что въ *Импрессіонистѣ* героиней является француженка-натурщица,—къ слову сказать, очень типическая,—какъ въ этомъ разсказѣ, такъ и въ остальныхъ (кромѣ *Свиданія королевы*)—чисто „русскій духъ", обличающій отличное знакомство автора съ разными слоями нашего общества, начиная отъ профессорскаго круга и кончая деревенскими юродивыми, каковы *Пахомушка* и старецъ Созонтъ въ *Импрессіонистѣ*. Въ веселыхъ и игривыхъ повѣствованіяхъ г. Гнѣдича, служащихъ, однако же, неизмѣнно выраженіемъ серьезной и симпатичной мысли, одинаково живы и вѣрны дѣйствительности и великосвѣтская компанія, являющаяся въ Исакіевскій соборъ *Въ страстную седьмицу*, и деревенскіе помѣщики въ разсказѣ *Пахомушка*, и поповская семья въ *Импрессіонистѣ*, средній петербургскій кружокъ въ разсказахъ *Пудель* и *Любовь*, старый *Дѣдъ Иванъ Ѳедоровичъ*, знатный баринъ, окруженный толпой не очень юныхъ внуковъ, и, наконецъ, деревенскій пастухъ, прозванный *Медвѣжьи объѣдки* за то, что ему медвѣдь содралъ половину лица. Шутливая форма разсказовъ отнюдь не умаляетъ серьезнаго смысла нѣкоторыхъ изъ нихъ и оттѣняетъ только благодушно-незлобивое настроеніе автора, совершенно противоположное нытью нѣкоторыхъ нашихъ писателей мелкихъ разсказовъ. Съ доброю улыбкой на губахъ можно быть очень гуманнымъ и, пожалуй, даже легче быть гуманнымъ, чѣмъ съ нахмуренными бровями и съ мрачнымъ взглядомъ на жизнь.

The Hermit. Alegend by prince Ilia Chavchavadze. Translated from the Georgian by Marjory Wardrop. Bernard Quaritch. London, 1895. *Отшельникъ*, поэма кн. Ильи Чавчавадзе, является первымъ художественнымъ произведеніемъ, переведеннымъ съ грузинскаго на англійскій языкъ г-жей Маржори Уордропъ. До настоящаго времени были извѣстны въ Англіи проповѣди имеретинскаго епископа Гавріила, грузинскія сказки и очеркъ о Грузіи *The Knigolam of Georgia*—труды, принадлежащіе Оливеру и Маржори Уордропъ. Почтенные ученые не остановились на первыхъ опытахъ ознакомленія Англіи съ Грузіей и продолжаютъ переводить грузинскія произведенія на англійскій языкъ. Англійскій переводъ *Отшельника* кн. Ильи Чавчавадзе снабженъ небольшимъ предисловіемъ, съ которымъ познакомимъ читателей. Авторъ его справедливо замѣчаетъ, что англійскіе читатели мало знакомы съ грузинскою литературой, которая заслуживаетъ вниманія наравнѣ хотя бы съ персидской. *Человѣкъ въ барсовой кожѣ* Руставели имѣетъ въ персидской поэзіи эквивалентъ въ поэмѣ Фирдуси *Шахъ-Намэ*, но что, спрашиваетъ г-жа Маржори Уордропъ, можетъ быть сопоставлено въ современной Персіи съ произведеніями Бараташвили или Чавчавадзе? При богатыхъ естественныхъ условіяхъ, христіанское царство на Кавказѣ, ассимилировавъ въ себѣ равномѣрно элементы восточной и западной культуры, достигло высшей степени утонченности и просвѣщенія въ самое послѣднее время. Далѣе авторъ

Digitized by Google

переходитъ къ біографическимъ свѣдѣніямъ о кн. Ильѣ Чавчавадзе, фамилія котораго насчитываетъ нѣсколькихъ замѣчательнѣйшихъ людей, изъ которыхъ поэтъ Александръ Чавчавадзе будто находился подъ значительнымъ вліяніемъ Байрона. Не соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ г-жи Уордропъ о вліяніи Байрона на Александра Чавчавадзе, поэта анакреонтическаго направленія, мы раздѣляемъ ея взгляды на важность издаваемаго въ 1863 г. журнала *Сакартвелоса Моамбе* кн. Ильей Чавчавадзе и появленія его повѣсти *Разве онъ человѣкъ*, пробудившей усыпленное грузинское общество. 40-лѣтнюю литературную дѣятельность кн. Ильи Чавчавадзе г-жа Уордропъ дѣлитъ на три періода: въ первомъ—онъ поэтъ, критикъ и сатирикъ—приводитъ въ сознаніе изъ летаргическаго сна своихъ современниковъ; во второмъ онъ—поднимаетъ ихъ духъ изображеніемъ славныхъ событій изъ прошлой исторіи Грузіи; въ третьемъ онъ становится почти чисто эстетическимъ писателемъ. Къ этому послѣднему періоду относится поэма *Отшельникъ*, появившаяся въ 1883 г. Основанная на легендѣ, поэма эта имѣетъ поэтическій символъ и отличается отъ многочисленныхъ подобныхъ произведеній. Что касается до внѣшней формы оригинала, то она признается переводчицей гармоничной и исполненной поэтическихъ красотъ при описаніи природы. Г-жа Уордропъ сожалѣетъ, что, при своеобразности и трудности грузинскаго языка, ей быть можетъ не удалось передать изящности поэмы кн. Чавчавадзе. Но мы, по мѣрѣ разумѣнія, вчитавшись въ переводъ, искренно привѣтствуемъ ее съ первымъ вполнѣ удавшимся опытомъ перевода образцовъ грузинской поэзіи и пожелаемъ г-жѣ Уордропъ новыхъ силъ для продолженія блестяще начатой миссіи ознакомленія Англіи съ грузинскою литературой, вмѣстѣ съ почтеннымъ изслѣдователемъ памятниковъ грузинской старины Оливеромъ Уордропъ. Къ переводу приложенъ портретъ кн. Ильи Чавчавадзе.

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА.

Критическіе разборы „Дворянскаго гнѣзда“ и „Наканунѣ“. Сост. *В. Зелинскій*.—„Народное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки“. *Егор. Ковалевскаго*.—„Сборникъ мелкихъ статей и рѣчей Э. Ренана“ перев. *Штейнъ*.

Критическіе разборы „Дворянскаго гнѣзда“ и „Наканунѣ“ И. С. Тургенева. Составилъ В. Зелинскій. Москва, 1895 г. Ц. 75 к. Заглавіе нѣсколько неточно: можно подумать, что г. Зелинскій самъ „составилъ“ эти разборы, а онъ ихъ только собралъ. Это все чужіе разборы и притомъ собранные безъ всякаго разбора. Просматривая эти отзывы, иной читатель, особенно юный и неопытный, можетъ подумать: за что прославились Добролюбовъ и Писаревъ, когда Невзоровъ говоритъ то же самое, что и они? Не позаимствовали ли эти критики у Невзорова и выдали чужое за свое? Эти сомнѣнія тѣмъ болѣе вѣроятны, что г. Зелинскій не отмѣчаетъ года, въ которомъ отпечатано, едва ли кому извѣстное, произведеніе г. Невзорова. А между тѣмъ г. Невзоровъ—педагогъ, скромно не рѣшающійся смѣть свои сужденія имѣть и позаимствовавшій свои сужденія у извѣстныхъ критиковъ. Но г. Зелинскій почему-то этого не замѣчаетъ и ставитъ г. Невзорова рядомъ съ Добролюбовымъ и Писаревымъ.

Вы, напримѣръ, читаете на 59 страницѣ мнѣніе Евстафьева, тоже, какъ и Невзоровъ, педагога, составителя руководства,—о Лизѣ, геро-

Digitized by Google

инѣ *Дворянскаго гнѣзда*, переворачиваете эту страницу и на слѣдующей, 60-й, къ удивленію своему, встрѣчаете *буквально* тѣ же самыя слова, но только подписанныя уже не Евстафьевымъ, а Де-Пуле. Если вы не близко знакомы съ исторіей нашей новѣйшей журналистики, вы, конечно, подумаете, что такъ какъ Де-Пуле цитируется послѣ Евстафьева, то, очевидно, Де-Пуле списалъ у послѣдняго и притомъ списалъ такъ недобросовѣстно, что даже не оговорился, что онъ повторяетъ Евстафьева, не сдѣлалъ ковычекъ, неблагодарный человѣкъ! А на самомъ-то дѣлѣ, Де-Пуле на много лѣтъ раньше писалъ, чѣмъ г. Евстафьевъ сталъ составлять свой учебникъ, списывая то тутъ, то тамъ у разныхъ авторовъ и выдавая эти списыванія за свое мнѣніе, до котораго онъ будто бы собственнымъ умомъ дошелъ. Для бо̀льшей наглядности сдѣлаемъ небольшую выписку изъ отзывовъ г. Евстафьева и Де-Пуле. „*Существо сосредоточенное, свѣтлое, отчасти восторженное*, Лиза выросла подъ сильнымъ вліяніемъ своей няни“ и т. д. Такъ говоритъ педагогъ г. Евстафьевъ на стр. 59. А вотъ слова Де-Пуле на стр. 60: „*Существо сосредоточенное, свѣтлое, отчасти восторженное*, она выросла подъ сильнымъ вліяніемъ своей няни“ и проч. Такимъ образомъ во всей этой фразѣ г. Евстафьеву принадлежитъ только одно слово: *Лиза*, которымъ г. Евстафьевъ замѣнилъ поставленное у Де-Пуле мѣстоименіе *она*.

Въ другомъ мѣстѣ, напротивъ, у Де-Пуле стоитъ слово *Лиза*, а у г. Евстафьева—*она*. „Послѣ тѣхъ *нравственныхъ потрясеній*, *которыя переноситъ Лиза съ истиннымъ героизмомъ*“ и проч. Такъ говоритъ Де-Пуле. А г. Евстафьевъ: „*Она переноситъ нравственныя потрясенія съ истиннымъ героизмомъ*“ и т. д.

Но г. Зелинскій не замѣчаетъ также сходства и считаетъ г. Евстафьева такимъ же правоспособнымъ критикомъ, какъ и Де-Пуле. И весь сборникъ г. Зелинскаго является не сборникомъ критическихъ статей, а собраніемъ обрывковъ изъ чужихъ произведеній, а также и контрафакцій, на которыя вообще очень падки наши составители руководствъ. Мало у г. Зелинскаго и чувства мѣры, и вообще умѣлости: изъ однихъ авторовъ онъ выписываетъ слишкомъ много, изъ другихъ—слишкомъ мало, зачастую одни общія мѣста и недоконченныя сужденія. Онъ, видимо, особенно благоволитъ къ г. Юрію Николаеву и для нѣсколькихъ словъ его о романѣ *Дворянское гнѣздо* выписываетъ совсѣмъ ненужное въ такомъ сборникѣ (но не лишнее, быть-можетъ, въ цѣльной книгѣ г. Николаева) огромное отступленіе автора въ десятокъ страницъ о духѣ древней Руси, великомъ и свѣтломъ, и духѣ новой Россіи, никуда негодномъ сравнительно со стариной. Эти сужденія,—и притомъ совсѣмъ неоригинальныя,—ничего общаго не имѣютъ съ романомъ Тургенева. Но г. Зелинскій тщательно ихъ списалъ. Поощряетъ г. Зелинскій и Буренина; за то Оресту Миллеру и Аполлону Григорьеву онъ даетъ мало ходу, хотя Незеленову, много позаимствовавшему у обоихъ, отводится много мѣста. У Незеленова, вообще говоря, статьи на половину представляютъ собою заимствованія у извѣстныхъ славянофильскихъ критиковъ, а на половину—прямо выдержки изъ романа и голое изложеніе его подробностей.

Иногда неумѣлость г. Зелинскаго доходитъ прямо до курьезности. Выбирая различныя характеристики отца Лаврецкаго, „составитель“ чужихъ критикъ приводитъ и мнѣніе г. Венгерова, въ которомъ говорится совсѣмъ о другомъ, а не о Лаврецкомъ отцѣ, который только всуе упомянутъ по имени; именно, по мнѣнію г. Венгерова, отецъ Лав-

Digitized by Google

рецкаго „доказываетъ (Какъ доказываетъ? Кому доказываетъ? Гдѣ доказываетъ?), что одни и тѣ же условія *всегда* (?) влекутъ схожіе между собою результаты". И больше ничего.

Подъ рубрикой характеристикъ Инсарова г. Зелинскій считаетъ нужнымъ списать у г. Венгерова нѣсколько строкъ, вырванныхъ изъ книги этого автора совсѣмъ зря, представляющихъ собою возраженіе Добролюбову и, благодаря своей отрывочности, совсѣмъ не понятныхъ для читателя: „Мы полагаемъ,—говоритъ г. Венгеровъ,—что Добролюбовъ увлекся въ своемъ пессимизмѣ, стараясь доказать невозможность появленія Инсарова въ Россіи, идеальность его характера въ сравненіи съ русскими. *Нѣтъ, скажемъ мы, Инсаровъ не болѣе, какъ очень порядочный человѣкъ! Противъ такого (какого?) опредѣленія мы не протестуемъ*" и т. д. Какъ-то странно: выходитъ, будто г. Венгеровъ даетъ опредѣленіе и сейчасъ же заявляетъ, что онъ противъ этого самаго, своего собственнаго, то-есть, мнѣнія не желаетъ протестовать. Да кто же могъ бы его заподозрить въ такомъ, такъ сказать, самоубійственномъ намѣреніи?

Вообще говоря г. Зелинскій сообщитъ юнымъ читателямъ очень невыгодное представленіе о нашихъ критикахъ, выбирая изъ ихъ сочиненій несвязные, зачастую даже непонятные обрывки и помѣщая въ одинъ рядъ самостоятельныхъ писателей съ ихъ подражателями, даже не перелагателями и копировщиками,—ничѣмъ не давая при этомъ знать, кто самъ писалъ, а кто списывалъ и заимствовалъ.

Г. Зелинскому слѣдовало бы знать, что тому, кто желаетъ дѣлать выборъ между критиками, слѣдуетъ подходить къ своему дѣлу тоже съ критикой. Иначе получится винегретъ изъ безсвязныхъ, пестрыхъ отрывковъ чужихъ трудовъ, что и вышло въ данномъ случаѣ.

Народное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки (высшее, среднее и низшее). Евграфа Ковалевскаго, съ участіемъ О. К. Адеркаса, И. Я. Герда, проф. Ѳ. Ѳ. Зигеля, П. Г. Мижуева и М. А. Поспѣловой. Съ рисунками, планами и антропологической таблицей въ текстѣ. Спб., 1895 г. Книга эта заслуживаетъ особаго вниманія въ виду того, что она составлена при содѣйствіи министерства народнаго просвѣщенія лицомъ, посланнымъ отъ этого министерства на чикагскую всемірную выставку и международные конгрессы въ качествѣ делегата. Сотрудники г. Ковалевскаго были также оффиціальными представителями учебныхъ вѣдомствъ: г. Адеркасъ былъ посланъ вѣдомствомъ учрежденій Императрицы Маріи, а г. Гердъ—главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній.

Интересна эта книга и потому, что авторы помѣщенныхъ въ ней работъ изучали вопросъ непосредственно, при помощи личныхъ наблюденій на мѣстѣ. Изъ этого непосредственнаго знакомства съ дѣломъ, они вынесли глубокое уваженіе къ странѣ и ея народу. И цѣлью всей этой книги составитель выставляетъ свое искреннее желаніе—обратить вниманіе лицъ, причастныхъ къ дѣлу народнаго образованія въ Россіи, „на достойную удивленія и подражанія энергію и щедрость, проявляемыя въ дѣлѣ просвѣщенія народа нашей заатлантической соперницей".

Въ самомъ дѣлѣ, какъ намъ не удивляться тому, что республика тратитъ на образованіе своего народа $^1/_4$ своего бюджета, и что количество учащихся въ ней составляетъ 23% всего населенія! Какъ далеки отъ этой цифры двѣ страны,—самыя, впрочемъ, отсталыя изъ всѣхъ европейскихъ націй, Турція и Россія! Одна насчитываетъ 2%, а другая—3%!

Digitized by Google

„Стремясь настойчиво къ достиженію всеобщаго образованія,—говоритъ составитель,—американцы не забываютъ, что развитіе промышленности, земледѣлія, торговли и ремеслъ прямо пропорціонально количеству знаній, которыми обладаетъ населеніе, и что эти знанія являются однимъ изъ признаковъ силы и могущества страны".

Сила и могущество страны всего болѣе выигрываютъ при свободѣ общественнаго мнѣнія и его вліяніи на правительственную власть. Сотрудникъ г. Ковалевскаго, г. Мижуевъ, приводитъ слова Георга Вашингтона въ его прощальномъ посланіи къ американскому народу:

„По мѣрѣ того, какъ возрастаетъ вліяніе общественнаго мнѣнія на правительственную власть, вмѣстѣ съ этимъ должна постепенно возрастать и просвѣщенность этого мнѣнія". Общественное мнѣніе выработало три великихъ принципа, на которыхъ построено все зданіе американской школы: обязательность, безплатность, общедоступность.

Идея всеобщаго начальнаго образованія, занимавшая выдающіеся умы всѣхъ временъ и народовъ, начиная съ Аристотеля,—въ Соединенныхъ Штатахъ близится къ своему осуществленію. Осуществленіе ея возможно вездѣ. Для этого только необходимо одно условіе—единеніе между государственною властью и органами мѣстнаго самоуправленія. Другое важное условіе—свобода частной личной иниціативы. Что касается до идеи доступности просвѣщенія, то въ этомъ отношеніи предпріимчивые американцы придумали множество всякихъ средствъ. Укажемъ на одно изъ нихъ, придуманное жителями Южной Дакоты. За дѣтьми, которыя живутъ далеко отъ школы, посылается ежедневно по утрамъ особая очередная подвода, которая доставляетъ ихъ въ училище и развозитъ обратно по домамъ. Этимъ способомъ устраняется важное препятствіе къ посѣщенію школы—отдаленность разстоянія, и, кромѣ того, повышается регулярность посѣщеній, прерываемая въ другихъ школахъ неблагопріятными условіями погоды и вообще стихійныхъ силъ.

Безплатности обученія сопутствуетъ и снабженіе учащихся даровыми книгами и другими учебными принадлежностями, а также теплой одеждой и обувью,—все это дѣлается для бѣднаго класса частными обществами, отдѣльными благотворителями и школьными комитетами.

Общедоступности школы способствуетъ не только безплатность обученія и матеріальная помощь учащимся, но и полная вѣротерпимость. Школа не вмѣшивается въ религіозное воспитаніе дѣтей, допуская полную свободу вѣроисповѣданія для учащихся, что, однако, нисколько не уменьшаетъ религіозности и преданности вѣрѣ въ населеніи. Американцы, какъ извѣстно, необыкновенно набожны: „Нѣтъ, кажется, ни одной страны въ мірѣ, гдѣ бы религіозные вопросы такъ сильно волновали общество и гдѣ бы рвеніе въ дѣлахъ вѣры достигало такого напряженія" (9 стр.).

Школьное дѣло въ Америкѣ дѣлаетъ постоянные успѣхи, благодаря закономъ установленному обыкновенію—ежегодно устраивать педагогическіе курсы и съѣзды. Дѣло обученія много выигрываетъ отъ широко проведеннаго здѣсь принципа примѣненія къ личности ученика. Между прочимъ, одинъ и тотъ же ученикъ можетъ заниматься въ разныхъ отдѣленіяхъ или классахъ, глядя по степени его подготовки къ тому или иному предмету. И болѣе способные изъ учениковъ могутъ пройти весь курсъ 8-ми классной начальной школы въ шесть-семь лѣтъ. Для отсталыхъ устраиваются въ большихъ городахъ особыя отдѣленія, куда помѣщаются всѣ тѣ дѣти, которыя требуютъ спеціальнаго вниманія учителя.

Digitized by Google

Въ Америкѣ нельзя жаловаться, чтобы дѣтей морили ученіемъ. Тамъ учебныхъ дней въ недѣлѣ насчитывается всего 5. Суббота и воскресеніе—отдыхъ. Учебный годъ длится около семи мѣсяцевъ.

Постоянныя улучшенія и обновленія въ отношеніи программъ, методовъ обученія и проч. въ американскихъ школахъ зависятъ въ большой степени отъ свободной конкурренціи частныхъ школъ съ общественными. Американскіе педагоги справедливо считаютъ частную школу самымъ удобнымъ орудіемъ для всякихъ начинаній, на которыя общественныя учебныя заведенія не всегда могутъ рѣшаться. „Она можетъ легче приспособляться къ требованіямъ учениковъ и ихъ родителей, конкурренція ея полезна для народнаго образованія, вызывая соревнованіе въ общественныхъ школахъ, что влечетъ за собой улучшеніе послѣднихъ и исправленіе недостатковъ въ ихъ организаціи, и, наконецъ, частныя учебныя заведенія служатъ хорошимъ дополненіемъ къ общественнымъ школамъ, такъ какъ послѣднія устраиваются пока лишь по немногимъ опредѣленнымъ типамъ, между тѣмъ какъ въ населеніи, при постоянномъ усложненіи условій современной жизни, возникаетъ потребность въ самыхъ разнообразныхъ учебныхъ заведеніяхъ и способахъ пріобрѣтенія знаній и навыковъ".

Особенность американской школы—сообученіе дѣтей обоего пола—является въ глазахъ американцевъ великимъ подспорьемъ къ успѣхамъ обученія и воспитанія. Въ пользу этого сообученія выставляется много соображеній какъ экономическаго, такъ и нравственнаго свойства. Въ послѣднемъ отношеніи замѣчается благотворное вліяніе одного пола на другой въ томъ смыслѣ, что дѣвочки отъ общенія съ мальчиками дѣлаются болѣе независимыми и самостоятельными, отвыкаютъ отъ жеманства, а мальчики теряютъ грубость манеръ и рѣчи, становятся болѣе мягкими въ обращеніи. И очень многіе думаютъ, что безукоризненно-уважительное обращеніе съ женщиной, составляющее отличительную черту американцевъ даже въ низшемъ классѣ, въ значительной степени обязано вліянію сообученія дѣтей обоего пола. Американцы не только не боятся, но считаютъ очень естественнымъ, что иной юноша и иная дѣвица, сблизившись дружески между собою въ дѣтскіе годы на почвѣ образованія и воспитанія, пріобрѣтши одинаковую умственную культуру и проникшись общими интересами и убѣжденіями, въ концѣ концовъ полюбятъ другъ друга и предадутся семейному счастію,—по крайней мѣрѣ, въ подобныхъ случаяхъ бракъ совершается между людьми хорошо и издавна знающими и понимающими другъ друга, а не очертя голову, какъ это часто дѣлается у насъ.

Въ ряду особенностей учебныхъ программъ у американцевъ обращаетъ на себя вниманіе преподаваніе началъ соціологіи, законовѣдѣнія и морали. Кромѣ того, огромное вниманіе обращено на борьбу съ великимъ бичомъ человѣчества—пьянствомъ, и даже въ низшихъ школахъ отводится не мало времени на урокахъ элементарной физіологіи и гигіены выясненію всѣхъ вредныхъ вліяній наркотическихъ веществъ на организмъ.

Нравственное воспитаніе основано на принципѣ полнаго довѣрія воспитателей къ питомцамъ. Великимъ порокомъ считается ложь, которая преслѣдуется педагогами не менѣе строго, чѣмъ самими учащимися. Судъ учащихся нигдѣ такъ не поощряется, какъ въ Америкѣ. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ дана полная свобода корпоративной жизни; а въ штатѣ Массачузетсъ существуетъ оффиціально признанный „сенатъ" съ судебными полномочіями, состоящій изъ 10 студен-

Digitized by Google

товъ. Изъ нихъ четыре выбираются четвертымъ курсомъ, три—третьимъ, два—вторымъ и одинъ—первымъ. Кромѣ суда, комитетъ выборныхъ вѣдаетъ вообще и всѣ административныя дѣла, касающіяся корпоративной жизни студентовъ.

Очень интересна глава XXI, въ которой излагаются сужденія одного американскаго профессора о русскомъ школьномъ дѣлѣ. Профессоръ пораженъ царящей въ средѣ нашего народа безграмотностью. Онъ говоритъ: „Въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ государствахъ число неграмотныхъ почти равно 0, въ Россіи же есть губерніи, гдѣ число неграмотныхъ новобранцевъ достигаетъ 80%, а процентъ неграмотныхъ женщинъ недалекъ отъ 100%. Это много, ужасно много!“...

Для выясненія пути ко всеобщему обученію профессоръ считаетъ необходимымъ созывъ русскихъ дѣятелей по народному образованію. Мѣстные дѣятели,—сказалъ онъ русскимъ делегатамъ,—„несомнѣнно болѣе компетентны въ вопросахъ, касающихся ихъ мѣстныхъ интересовъ, чѣмъ вы, чиновники, засѣдающіе въ петербургскихъ канцеляріяхъ“.

Профессоръ настаиваетъ на необходимости школьнаго налога и обязательности для сельскихъ и городскихъ населеній содержать начальныя школы, а для родителей отдавать дѣтей въ ученье. По мнѣнію американца, „ни одно сословіе или учрежденіе, кромѣ министерства народнаго просвѣщенія, на то и созданнаго, не можетъ претендовать на то, чтобы руководство было отдано исключительно ему“.

Книга г. Ковалевскаго полна интересныхъ свѣдѣній и онъ вполнѣ правъ, предполагая, что русскій дѣятель по народному образованію найдетъ въ ней не мало поучительныхъ для себя свѣдѣній, изложенныхъ обстоятельно и безпристрастно. Это не только оффиціальный трудъ, это—изслѣдованіе вполнѣ доступное и для большой публики. Цѣна книги (2 руб.) не можетъ быть признана дорогою въ виду обширности ея размѣровъ (592 стр., т.-е. около 40 листовъ).

Сборникъ мелкихъ статей и рѣчей. Э. Ренанъ. Перевелъ В. И. Штейнъ. Изданіе Ледерле. Спб., 1895 г. Ренаномъ, какъ извѣстно, оставлено не малое литературное наслѣдство въ видѣ спеціальныхъ сочиненій по исторіи семитическихъ языковъ и народовъ, воспоминаній дѣтства и цѣлаго ряда статей, рѣчей и лекцій критическаго, публицистическаго и политическаго характера. Съ послѣднею частью этого обширнаго наслѣдства В. И. Штейнъ и рѣшилъ познакомить русскую читающую публику, съ каковой цѣлью имъ собрано въ отдѣльный томикъ 16 небольшихъ произведеній Ренана самаго разнообразнаго содержанія. Здѣсь читатель найдетъ: статьи по археологіи (*Открытіе Ниневіи, Берберійское общество*), публичныя лекціи по исторіи (*Объ участіи семитическихъ народовъ въ исторіи цивилизаціи, Исламъ и наука*), застольныя и надгробныя рѣчи (*Послѣднее прости Тургеневу, Рѣчь въ Кэмпертѣ, На похоронахъ Вилльмэна*), критическія статьи (*Амізль, Жоржъ Зандъ*), путевыя замѣтки (*20 дней въ Сициліи*) и, наконецъ, разсужденія публицистическаго и философскаго характера (*Объ участіи семьи и государства въ дѣлѣ воспитанія, Науки естественныя и историческія, Спиноза*). Услуга, оказываемая г. Штейномъ русскимъ читателямъ, весьма значительна, ибо лишь немногія изъ включенныхъ въ его сборникъ статей были до сихъ поръ переведены и изданы въ Россіи. Говорить же о томъ, что Ренанъ принадлежитъ къ числу писателей, знакомство съ которыми обязательно для всякаго образованнаго человѣка,—намъ представляется излишнимъ.

Digitized by Google

Собственно *научное* значеніе лежащаго передъ нами сборника—невелико. Быть можетъ только блестящіе историческіе очерки Ренана покажутся дѣйствительно поучительными читателю; все остальное имѣетъ чисто-литературный, а всего больше *біографическій* интересъ. Личность Ренана, его практическое и теоретическое мышленіе рисуются какъ нельзя лучше переведенными г. Штейномъ статьями. Яркій, но, увы, не очень симпатичный образъ встанетъ передъ читателемъ, когда онъ ознакомится съ предложеннымъ его вниманію сборникомъ.

Крутой переломъ, совершившійся въ жизни Ренана, оставилъ на немъ совсѣмъ не тѣ слѣды, какихъ можно было бы ожидать. Свернувшій съ протореннаго пути и отвергшій сутану семинаристъ, оказался очень покладистымъ свѣтскимъ человѣкомъ. Покладистость эта простирается у Ренана даже на вопросы теоретическаго характера. „Истиннымъ бѣдствіемъ нашего времени,—говоритъ онъ (стр. 126),—является рѣзкость сужденій". Съ своей стороны онъ преподаетъ слѣдующія правила поведенія: „Надо устраиваться такъ,—читаемъ мы на стр. 292,—чтобы при любой гипотезѣ остаться правымъ. Надо повиноваться внутреннему голосу, изрекающему велѣнія свыше, но за всѣмъ тѣмъ, буде истина открылась бы на сторонѣ второй гипотезы, особенно въ разочарованіе не впадать. Въ самомъ дѣлѣ, если существованіе вселенной безцѣльно, то всѣ догматизирующіе мыслители окажутся легкомысленными, а свѣтскіе люди, которые слывутъ за безразсудныхъ, явятся истыми мудрецами. Отдаваться, *въ зависимости отъ настроенія*, то вѣря въ будущее, то скептицизму, то оптимизму, то иронiи—таковъ вѣрный способъ сохранить увѣренность, что хоть порою, да бываешь близокъ къ истинѣ. Вѣдь, душевное состояніе, которое Аміэль (мы цитируемъ изъ статьи, посвященной ему) нѣсколько презрительно именуетъ „эпикуреизмомъ воображенія", уже вовсе не такая дурная доля. Веселость заключаетъ въ себѣ нѣчто весьма философическое, ибо она вѣщаетъ міру, что мы и сами-то относимся къ нему не болѣе серьезно, чѣмъ онъ къ намъ". Такъ именно Ренанъ и поступаетъ: его отношеніе къ міру, отнюдь не серьезное, весьма благодушно, порою же оно доходитъ до невѣроятнаго оптимизма. Міръ въ глазахъ Ренана безупречно прекрасенъ. „Даже животное, повидимому эксплуатируемое другими видами, и то имѣетъ компенсаціи. Устрица, напримѣръ, которая обречена служить къ удовлетворенію человѣческаго сластолюбія, проглатывается однако же при такихъ условіяхъ, что для нея, устрицы, болевыя ощущенія, вѣроятно, низводятся почти къ нулю". Тирада эта приводится нами не изъ вольтеровскаго Кандида, какъ можно было бы думать, а изъ той же статьи Ренана объ Аміэлѣ, гдѣ читатель ее и найдетъ на страницѣ 287. Извѣстно, что въ вопросахъ политическихъ Ренанъ былъ убѣжденнымъ консерваторомъ и аристократомъ. И любопытно, до какихъ признаній доводитъ его подчасъ его аристократизмъ. „Я бы убоялся за человѣчество,—говоритъ онъ (стр. 132),—въ тотъ день, когда во всѣ его слои проникъ бы свѣтъ. Откуда стали бы тогда нарождаться геніи?"

Всѣ эти особенности умственнаго склада Ренана указаны лишь мелькомъ г. Штейномъ въ его вступительной статьѣ, гдѣ мы находимъ по этому поводу лишь слѣдующее: „Если прежде Ренанъ, въ юношескихъ своихъ писаніяхъ, чуждался рѣзкости, то въ послѣдній періодъ творчества сдержанность и недомолвки еще болѣе сглаживаютъ остроту его мысли и новѣйшія его творенія насквозь проникаются благодушіемъ оптимизма, на фонѣ котораго выступаетъ вся широта (?) міросо-

Digitized by Google

зерцанія Ренана, гдѣ скептицизмъ мирно уживается (?) съ идеализмомъ". Больше мѣста удѣлено г. Штейномъ біографическимъ и библіографическимъ свѣдѣніямъ. Въ общемъ его статья, слишкомъ сжатая, чтобъ быть достаточно полной, будетъ не безполезна для читателей *Мелкихъ статей и рѣчей* Ренана. Что же касается перевода ихъ, то онъ въ общемъ хорошъ, хотя и грѣшитъ провинціализмами, вродѣ слѣдующихъ: утихомирить, любиться, играться и т. п. Слѣдуетъ прибавить еще, что нѣкоторыя изъ статей сокращены противъ подлинника.

ФИЛОСОФІЯ, ПСИХОЛОГІЯ, ПЕДАГОГИКА.

„Очерки психологіи, основанной на опытѣ". *Г. Гефдинга.*—„Афоризмы изъ сочиненій Герберта Спенсера". Пер. *Гойжевскій.*—„Что читать дѣтямъ дошкольнаго возраста". Руководящая статья и каталогъ, составл. особою коммиссіей.—„Домашній уходъ за учащимся ребенкомъ". *П. А. Литвинскаго.* — „Русская классная библіотека Чудинова". Вып. XVII—XVIII.

Очерки психологіи, основанной на опытѣ. Г. Гефдинга, профессора Копенгагенскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Я. Колубовскаго. Второе русское изданіе съ значительными дополненіями и измѣненіями. Спб., 1896 г. Ц. 2 р. Первое изданіе *Очерковъ психологіи* Гефдинга вышло въ 1892 г., и уже съ прошлаго года все это изданіе было исчерпано. „Несомнѣнный успѣхъ,—пишетъ въ предисловіи редакторъ перевода,—который имѣла книга Гефдинга въ русскомъ переводѣ, даетъ основаніе думать, что предположенія издателя ея оправдались: трудъ датскаго философа оказался весьма полезнымъ и цѣлесообразнымъ пособіемъ для всякаго, кто хотѣлъ ознакомиться съ данными психологіи въ современномъ ея видѣ. Со времени перваго появленія труда Гефдинга въ области психологіи произведено не мало детальныхъ изслѣдованій. Въ виду этого Гефдингъ сдѣлалъ значительныя измѣненія и дополненія во второмъ нѣмецкомъ изданіи, вышедшемъ въ 1893 г. Особенно много перемѣнъ въ отдѣлѣ о познаніи. Но и другіе отдѣлы также подверглись переработкѣ". Всѣ эти перемѣны и дополненія введены и во второе русское изданіе. Достоинства сочиненія Гефдинга единогласно признаны компетентною критикой, и не даромъ оно принято, какъ руководство по психологіи въ нѣкоторыхъ изъ русскихъ университетовъ. Достоинства эти были справедливо указаны въ предисловіи къ первому русскому изданію его редакторами — А. А. Козловымъ и Я. Н. Колубовскимъ: „Трудъ Гефдинга,—писали они,—имѣетъ въ своемъ основаніи богатый запасъ фактовъ, обдуманно выбранныхъ и критически провѣренныхъ. Богатство знаній не только въ философіи и психологіи, но и въ другихъ, особенно сосѣднихъ съ психологіей, областяхъ науки, полное знакомство съ обширною литературой предмета даютъ Гефдингу возможность идти рука объ руку съ авторитетными представителями современной науки. Съ педагогической точки зрѣнія, содержаніе психологіи Гефдинга расположено весьма цѣлесообразно и соединяетъ сжатость съ надлежащею полнотой. Сравнительно съ обширностью предмета предлагаемую книгу никакъ нельзя назвать объемистою, а между тѣмъ въ ней не оставленъ безъ вниманія ни одинъ пунктъ, имѣющій значеніе въ психологіи. Въ пользу книги не мало говоритъ и то обстоятельство, что она нашла себѣ почетный пріемъ въ нѣмецкой и англійской литературѣ". Дѣйствительно, проф. Гефдингъ стоитъ на

Digitized by Google

вполнѣ научной точкѣ зрѣнія въ своемъ взглядѣ на психологію. „Человѣческій умъ,— пишетъ онъ (стр. 14—15),— никогда не перестаетъ задумываться надъ послѣдними основаніями бытія, часть котораго составляетъ и онъ самъ. Онъ всегда будетъ стараться выработать для своего міровоззрѣнія нѣкоторыя высшія, конечныя идеи, или, какъ говорится, создать себѣ метафизику. Но онъ долженъ же понять, что метафизика не вправѣ вмѣшиваться въ обиходъ опытнаго знанія и предрѣшать чисто опытныя проблемы. Психологія, какъ мы ее понимаемъ, есть „психологія безъ души“ въ томъ отношеніи, что она ничего не говоритъ объ абсолютной сущности духовной жизни и вообще о томъ, есть ли такая сущность. Какъ физика ничего не говоритъ по поводу трансцендентныхъ (превышающихъ опытное познаніе) вопросовъ въ области внѣшней природы, такъ ничего не говоритъ объ этомъ и психологія въ области внутренней природы. Защищая эмпирическій характеръ психологіи въ противоположность метафизическому умозрѣнію, мы исключаемъ изъ психологіи какъ матеріализмъ, такъ и спиритуализмъ“. На отношенія духа и тѣла авторъ смотритъ съ точки зрѣнія ихъ тождественности, которую онъ принимаетъ какъ эмпирическую формулу, не исключая его болѣе глубокой метафизической гипотезы. Какъ физіологія, такъ и психологія „работаютъ надъ однимъ и тѣмъ же матеріаломъ, но разсматриваютъ его съ двухъ различныхъ сторонъ; и споръ между ними возможенъ такъ же мало, какъ (говоря сравненіемъ Фехнера) между наблюдателями выпуклой и вогнутой поверхности одного и того же свода. Всякое явленіе сознанія даетъ поводъ къ двоякому изслѣдованію. Намъ бываетъ доступнѣе то психическая, то физическая сторона явленія, но это нисколько не расшатываетъ принципіальнаго отношенія между тою и другою“. Таковы основные взгляды автора. Въ обработкѣ матеріала психологіи авторъ во всѣхъ существенныхъ и основныхъ чертахъ слѣдуетъ классической школѣ англійской эмпирической психологіи, дополняя и отчасти соглашая ихъ съ ученіями лучшихъ нѣмецкихъ философовъ и новыми данными физіологической психологіи и психо-физики. Считая психологію опытною наукой естественно-историческаго характера, авторъ видитъ въ ней необходимую основу философіи — въ смыслѣ какъ метафизики, такъ и теоріи познанія. Написанная сжато, хотя и ясно, книга требуетъ вниманія для своего изученія, благодаря своей чрезвычайной содержательности. Переводъ сдѣланъ вполнѣ удовлетворительно и хорошо проредактированъ.

Нельзя не порадоваться, что литература руководствъ по психологіи на русскомъ языкѣ постоянно пополняется за послѣднее время переводами лучшихъ изъ иностранныхъ произведеній этого рода. Кромѣ разобранной нами книги Гефдинга, только что вышла *Психологія* В. Джемса и обѣщана (въ *Библіотекѣ для самообразованія*) *Психологія* проф. А. Бэна.

Афоризмы изъ сочиненій Герберта Спенсера. Извлечены и приведены въ систему Юліей Реймондъ Гинджемсъ. Перевелъ съ англійскаго А. Гойшевскій, подъ редакціей Вл. Соловьева. Спб., 1896 г. 200 стр. Цѣна 1 рубль. Г-жа Гинджемсъ, какъ она объясняетъ это въ „предисловіи“, выписывала выдающіяся мѣста изъ сочиненій Герберта Спенсера сначала „для собственнаго удовольствія“, затѣмъ эти выписки были просмотрѣны нѣкіимъ г. Гюгсомъ и самимъ Спенсеромъ и одобрены ими для печати. Г-жа Гинджемсъ видѣла трудности своей задачи: у Спенсера „самыя замѣчательныя идеи воплоще-

Digitized by Google

ны въ текстѣ въ слишкомъ длинной рѣчи"... дѣлать пропуски — неудобно, такъ какъ можно или повредить ясности изложенія, или внушить превратное понятіе объ идеѣ автора. „Каждый параграфъ „синтетической философіи" составляетъ часть одного великаго цѣлаго, и хотя многія мѣста великолѣпны и сами по себѣ, тѣмъ не менѣе всѣ они пріобрѣтаютъ особенную знаменательность и красоту, если разсматриваются въ связи съ остальнымъ". Все это вѣрно, и потому, если вообще собранія афоризмовъ представляютъ одинъ изъ плохихъ видовъ литературы, то относительно Спенсера это неудобство настолько велико, что, пожалуй, изъ его сочиненій не слѣдовало бы вовсе вырывать отдѣльныхъ фразъ. И хотя г-жа Гинджемсъ и полагаетъ „самыя пламенныя свои надежны въ томъ, что эти цитаты, быть-можетъ, пробудятъ достаточно интереса въ тѣхъ изъ читателей, которые еще незнакомы съ сочиненіями Спенсера, и поощрятъ ихъ къ непосредственному ознакомленію съ ними", но, быть-можетъ, этимъ надеждамъ суждено нѣсколько охладиться по слѣдующимъ причинамъ. Какъ уже сказано, у Спенсера важна именно система, а не отдѣльныя мѣста. Далѣе, выборки не даютъ матеріала для умственной работы, — онѣ догматичны. Въ-третьихъ, является вопросъ, достаточно ли полно выражаютъ онѣ взгляды Спенсера въ ихъ цѣломъ (полагая, что ни одна въ отдѣльности не искажаетъ его мнѣній, такъ какъ цитаты просмотрѣны самимъ Спенсеромъ); почему, наприм., нѣтъ ни одного афоризма относительно исторіи вѣрованій? Въ-четвертыхъ, достаточно ли характерно все то, что выбрано? Есть, напримѣръ, такіе афоризмы: „какъ часто неправильно употребленное слово порождаетъ ошибочныя мнѣнія!" (стр. 117),—и все тутъ, больше ничего... или: „монотонность, въ чемъ бы она ни проявлялась, не благопріятствуетъ жизни" (стр. 11); „неловкость безпрестанно влечетъ за собой страданіе и смерть" и т. п. Въ-пятыхъ, сгруппированы выборки по содержанію совершенно произвольно въ 11 группъ, изъ которыхъ первая носитъ заголовокъ „воспитаніе", вторая—„эволюція (развитіе)", третья—„наука" и т. д. до послѣдней: „самообладаніе и проч.", причемъ подъ этимъ „прочимъ" разумѣется все, что угодно: „командованіе есть могила привязанности и д. д." (стр. 189), „сужденіе, что красота есть нѣчто поверхностное, есть *поверхностное* сужденіе" (стр. 179), „вообще говоря, человѣкъ работаетъ, чтобъ избѣжать страданія" (стр. 169) и т. п. Эта случайность распредѣленія выписокъ дѣлаетъ изъ нихъ что-то пестрое и невразумительное.

Спенсера у насъ и безъ „афоризмовъ" знаютъ, вѣрнѣе, знали. Онъ имѣлъ большое вліяніе въ Россіи и, соотвѣтственно двойственному характеру своей философіи, съ одной стороны, былъ въ большомъ почетѣ у представителей прогрессивныхъ теченій, вызывая этимъ противъ себя разнаго рода опроверженія по долгу службы и надлежащія кары, а съ другой, благодаря особой, присущей ему, черствости сердца и взглядовъ въ области практической политики, онъ имѣлъ нѣкоторое значеніе и въ обратномъ направленіи. Въ подборѣ афоризмовъ г-жи Гинджемсъ очень подчеркнута идея Спенсера о томъ, что никакія улучшенія быта невозможны безъ усовершенствованія нравственности, улучшенія характера людей, „достигаемаго прогрессомъ мирной промышленности", что даже вся суть прогресса состоитъ именно въ моральномъ развитіи человѣчества; но отъ необходимости признать очень большое вліяніе учрежденій на нравы, и не на одни только нравы, а и, напримѣръ, на фискальныя и иныя отношенія индивидуумовъ къ государству, не спасетъ насъ никакая реторика Спенсера.

Digitized by Google

Спенсеръ — замѣчательный мыслитель, и если не будетъ никакихъ невозможностей, надо надѣяться, его сочиненія будутъ у насъ переизданы цѣликомъ. Мы можемъ отъ всей души пожелать читателямъ познакомиться съ ними и заинтересоваться ими—прямо съ нашихъ словъ, не читая предварительно книжки г-жи Гинджемсъ. Книжка слишкомъ дорога, хотя издана недурно.

Что читать дѣтямъ дошкольнаго возраста. Руководящая статья и каталогъ, составленные особою коммиссіей. Спб., 1896 г. Ц. 30 коп. „Особая коммиссія", взявшаяся за разработку такого существеннаго и важнаго вопроса, какъ дошкольное чтеніе, образовалась при петербургскомъ „Родительскомъ Кружкѣ", состоящемъ въ качествѣ секціи педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній. Задавшись цѣлью составить руководящую статью о дѣтскомъ чтеніи, коммиссія разослала проектъ ея въ редакціи спеціальныхъ журналовъ и многимъ извѣстнымъ писателямъ и педагогамъ. Нѣкоторые изъ нихъ отозвались на призывъ и прислали свои замѣчанія, которыя и были приняты во вниманіе при окончательной обработкѣ статьи. Такимъ образомъ, передъ нами коллективный трудъ многихъ компетентныхъ лицъ, заслуживающій серьезнаго вниманія читателей. Въ небольшомъ введеніи здѣсь предпослано нѣсколько общихъ замѣчаній о роли и значеніи книгъ для дѣтей.

Книга признается однимъ изъ „сильныхъ факторовъ современнаго воспитанія" и отъ нея „зависитъ въ значительной мѣрѣ судьба подрастающаго человѣка, его развитіе—умственное, нравственное и эстетическое". Въ рукахъ ребенка книга можетъ быть и благодѣтельна, и вредна. Воспитателю, руководящему дѣтскимъ чтеніемъ, необходимо принимать во вниманіе индивидуальность ребенка, мѣсто, гдѣ живетъ онъ (городъ или деревня), его семейное положеніе и обстановку, личный его характеръ и способности и т. д. Такое положеніе лишаетъ возможности стремиться къ какой-либо регламентаціи въ дѣлѣ дѣтскаго чтенія. Статья переходитъ затѣмъ къ вопросу о томъ, чѣмъ должна быть книжка для неграмотныхъ дѣтей, и останавливается подробно на роли картинокъ въ дѣтской жизни, причемъ еще разъ подтверждается та истина, что „копіи предметовъ, слишкомъ вѣрныя, скоро наскучиваютъ", благодаря тому, что „воображеніе его (т.-е. ребенка) стѣснено формой слишкомъ точною". Вторая половина статьи посвящена обстоятельному разсмотрѣнію общихъ положеній о книгахъ для самостоятельнаго чтенія дѣтей и самаго матеріала для чтенія первой и второй ступеней возраста. Прежде всего книга должна быть для маленькаго читателя интереснымъ и желательнымъ другомъ и преслѣдовать три великія цѣли—истину, добро и красоту. „Книга должна вести ребенка впередъ, но для этого она не должна слишкомъ далеко забѣгать на пути его развитія". Въ цѣляхъ умственнаго развитія, она должна, расширяя кругозоръ ребенка, „принимать за исходную точку уровень его умственнаго развитія". Стремясь къ развитію чувствъ и нравственности читателя, дѣтская книга особенно должна „избѣгать сухихъ нравоученій", замѣняя ихъ правдивыми образами лицъ и событій. Наконецъ, цѣлямъ эстетическаго развитія будутъ служить прелесть и красота образовъ, даваемыхъ книгой, причемъ, однако, описанія такихъ проявленій прекраснаго должны быть доступны ребенку. Останавливаясь затѣмъ подробно на большомъ вліяніи на душу ребенка повѣстей и разсказовъ, статья приходитъ къ тому справедливому заключенію, что „дѣйствительно хорошая дѣтская книга беллетристиче-

Digitized by Google

скаго содержанія *будетъ хороша и въ общей литературѣ*, т.-е. что она „будетъ вполнѣ удовлетворять и взрослаго читателя". Отсюда ясно, что матеріалъ для дѣтскаго чтенія слѣдуетъ искать среди образцовыхъ твореній русскихъ (по преимуществу) писателей. Съ справедливой и вполнѣ заслуженной суровостью относится статья къ появляющимся у насъ такъ часто, къ сожалѣнію, передѣлкамъ классическихъ произведеній; ихъ надо изгнать изъ дѣтской библіотеки, и „изгнаніе это тѣмъ болѣе необходимо, чѣмъ выше и лучше подвергшійся изуродованію образецъ".

Переходя въ частности къ матеріалу для чтенія, статья мотивируетъ съ достаточною полнотой свои взгляды на сказки, басни, разсказы, стихотворенія, повѣсти, драматическія произведенія и книги научнаго содержанія — для обѣихъ ступеней возраста маленькихъ читателей. Родители и воспитатели найдутъ здѣсь много вполнѣ необходимыхъ и практически полезныхъ указаній, особенно принимая во вниманіе полное почти отсутствіе подобныхъ руководящихъ статей въ нашей литературѣ. Списокъ изданій для дѣтей дошкольнаго возраста принадлежитъ уже, очевидно, одной лишь коммиссіи и не отличается обиліемъ рекомендуемыхъ книгъ (всего 84 нумера), но за то каждая изъ нихъ снабжена коротенькою рецензіей. Небольшое число имѣющихся въ спискѣ книгъ доказываетъ, повидимому, особую тщательность и осторожность выбора, сдѣланнаго для этого перваго опыта каталога дѣтскихъ книгъ. Пожелаемъ этой поистинѣ полезной книгѣ самаго широкаго распространенія. Замѣтимъ, въ заключеніе, что статья отнеслась отрицательно къ драматическимъ произведеніямъ, какъ матеріалу для дѣтскаго чтенія, въ виду тѣхъ трудностей, „какія представляетъ для воображенія читателя самая форма такихъ произведеній" и малаго количества темъ, доступныхъ дѣтскому пониманію. Хотя въ изложенномъ мнѣніи и можно видѣть косвенное отрицаніе и дѣтскихъ спектаклей, но все же, въ виду близкой связи послѣднихъ съ вопросомъ о чтеніи, слѣдовало бы дать въ статьѣ прямое указаніе, характеризующее отношеніе компетентныхъ людей къ дѣтскимъ спектаклямъ, устройство которыхъ въ большой модѣ въ нѣкоторыхъ интеллигентныхъ кружкахъ.

Домашній уходъ за учащимся ребенкомъ. П. А. Литвинскаго. (Изъ журнала „Воспитаніе и Обученіе"). Спб., 1896 г. Ц. 50 к. Стр. 109. Родители, которые дадутъ себѣ трудъ прочесть эту небольшую брошюру, встрѣтятъ въ ней цѣлый рядъ полезныхъ и мотивированныхъ совѣтовъ по такому важному дѣлу, какъ домашній уходъ за учащимся ребенкомъ. Авторъ начинаетъ съ вопроса о томъ, когда слѣдуетъ начинать ученье ребенка, причемъ рѣшительно возстаетъ противъ нелѣпаго обычая нѣкоторыхъ честолюбовыхъ родителей „сокращать время дѣтскаго приволья и свободы" ранѣе 8 или 9 лѣтъ. „Засаживаніе ребенка за книжку,—справедливо говоритъ онъ на основаніи своей 20-тилѣтней учебной практики,— несомнѣнно суживаетъ и умственный кругозоръ его. Какую массу непосредственныхъ наблюденій надъ окружающею жизнью людей и животныхъ можетъ сдѣлать ребенокъ съ самаго ранняго возраста до 8 лѣтъ и какія жалкія свѣдѣнія о жизни почерпнетъ онъ изъ книжекъ такъ называемой дѣтской литературы дошкольнаго возраста". Во всякомъ случаѣ, принимая во вниманіе, что дѣти нашего времени „попадаютъ въ школѣ въ работу тяжелую, серьезную и непрерывную, требующую не мало физическаго здоровья и крѣпости", авторъ рекомендуетъ о началѣ ученія совѣты-

Digitized by Google

аться съ врачомъ. Слѣдующая глава посвящена разсмотрѣнію всей совокупности выгодныхъ и невыгодныхъ условій школьнаго и домашняго обученія. Взвѣшивая разсмотрѣнныя условія, авторъ приходитъ къ заключенію, что „общественное воспитаніе можетъ быть съ успѣхомъ начато въ возрастѣ отроческомъ и юношескомъ, когда ростъ замедляется и пробуждается сознательная умственная дѣятельность". Къ такому выводу его приводятъ соображенія о трудности для ребенка моложе 12-ти и даже 14-ти лѣтъ „противостоять вредному воздѣйствію гигіеническихъ недостатковъ классной обстановки". Останавливаясь затѣмъ на не менѣе важномъ вопросѣ о „домашнемъ приготовленіи уроковъ", авторъ припоминаетъ всѣ оффиціальныя мѣры, направленныя къ разумной постановкѣ этой стороны дѣла, но признаетъ всю трудность ихъ практическаго осуществленія и полагаетъ, что существенную помощь здѣсь могутъ оказать сами родители путемъ непосредственнаго надзора за процессомъ приготовленія уроковъ. Почтенный педагогъ совѣтуетъ родителямъ во всѣхъ случаяхъ чрезмѣрнаго обремененія дѣтей домашнею работой доводить до свѣдѣнія школьнаго начальства. Правильный и гуманный взглядъ встрѣтятъ родители въ брошюрѣ и на отмѣтки за учебныя четверти. „Неудовлетворительныя отмѣтки за учебныя четверти въ большинствѣ случаевъ являются по винѣ не дѣтей, а тѣхъ взрослыхъ, которые слѣдятъ за домашнимъ обученіемъ". Тѣ же отмѣтки представляютъ собою, такъ сказать, „сознаніе школою своего безсилія, безплодности практикуемыхъ въ классѣ пріемовъ обученія". Въ подобныхъ случаяхъ рекомендуется „не винить учителя, школу или ребенка, а обстоятельно, совмѣстно съ домашнимъ врачомъ и педагогомъ, обсудить причины неуспѣха и постараться помочь школѣ". Не лишены практическаго значенія и совѣты автора о „переводѣ въ слѣдующій классъ", а также о лѣтнихъ каникулахъ. Въ главѣ „Полезные подарки" перечисляются предметы, которые можно съ пользой дарить дѣтямъ, причемъ указывается, какую именно „пользу" можно извлечь изъ каждаго предмета, и даны цѣны ихъ. Книга заканчивается проектомъ „Музея домашняго ученія и воспитанія", организацію котораго авторъ считаетъ крайне необходимой, съ цѣлью разумной помощи родителямъ въ дѣлѣ домашняго воспитанія. Въ общемъ, если г. Литвинскаго и можно упрекнуть за нѣкоторый оптимизмъ во взглядахъ на порядки нашей средней школы и отсутствіе критическаго къ нимъ отношенія, причемъ весь центръ тяжести отвѣтственности перенесенъ имъ какъ бы на одну семью, тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что послѣдняя, какъ мы уже сказали, можетъ извлечь изъ его совѣтовъ много полезныхъ указаній и разумныхъ совѣтовъ. Это заставляетъ насъ рекомендовать книжку вниманію родителей.

Русская классная библіотека. Чудинова. Вып. XVII—XVIII. Спб., 1895 г. XVII-ый выпускъ изданія г. Чудинова посвященъ Екатеринѣ II-ой. Выборъ матеріала можно признать въ общемъ довольно удачнымъ: перепечатано *Гражданское начальное ученіе, Выборныя россійскія пословицы, Сказки о царевичѣ Хлорѣ и Февеѣ, Были и небылицы* (съ пропусками) и комедія: *О время!* Исключая изъ изданія *Наказ* и *Инструкцію Салтыкову*, г. Чудиновъ ссылается на принятое при изданіи Русской классной библіотеки правило, по которому въ составъ выпусковъ входятъ „немногія изъ чисто-литературныхъ произведеній автора, достаточныя для того, чтобъ учащійся могъ составить себѣ отчетливое понятіе о писателѣ". Во всемъ этомъ нельзя не замѣтить нѣкотораго недоразумѣнія: почему, наприм., *Гражданское на-*

Digitized by Google

чальное ученіе отнесено къ чисто литературнымъ произведеніямъ? Неужели безъ *Наказа* и *Инструкціи* учащійся составитъ себѣ понятіе о Екатеринѣ? Какъ быть съ тѣмъ, что оба эти произведенія включены въ программу среднеучебныхъ заведеній, а изданіе г. Чудинова не даетъ ихъ?

Хорошо подобранныя объяснительныя статьи постоянно ссылаются на несуществующіе въ изданіи *Наказъ* и *Инструкцію*.

Только этимъ г. Чудиновъ испортилъ одинъ изъ лучшихъ выпусковъ своей *Библіотеки*.

XVIII-ый выпускъ посвященъ русской народной лирикѣ и украшенъ портретомъ одного изъ лучшихъ этнографовъ-собирателей, П. В. Шейна. Пѣсенъ набрано слишкомъ много—гораздо больше, чѣмъ это нужно для средней школы; выборъ произведенъ не всегда удачно; объяснительныя статьи носятъ сдучайный характеръ; нѣкоторыя изъ нихъ (наприм., статья Костомарова) сильно устарѣли.

ИСТОРІЯ, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ, АРХЕОЛОГІЯ.

„Исторія древней Руси“. *И. Филевича*.—„Исторія Смоленской земли до начала XV ст.“ *П. В. Голубовскаго*.—„Историческія судьбы Волынской земли съ древнѣйшихъ временъ до конца XIV вѣка“. *П. А. Иванова*.—„Городъ Кременчукъ“. Историч. очеркъ. *Ѳ. Д. Николайчика*.—„Изъ исторіи древне-русской письменности“. *П. Владимірова*.—„Чтеніе въ историческомъ обществѣ Нестора-лѣтописца“. Книга десятая.—„Сборникъ Харьковскаго историко-филологическаго общества“. Т. VIII. —„Картины древнеримской жизни. Очерки настроенія времени цезарей“. *Буасье*.—„Поминки по И. А. Крыловѣ“. „Памяти И. И. Лажечникова“. *А. К. Жизневскаго*. — „А. В. Кольцовъ какъ человѣкъ и какъ поэтъ“, *П. Владимірова*.— „Каталогъ коллекціи древностей. А. Н. Поль“. Вып. I. Сост. *А. Мельникъ*.

Исторія древней Руси. И. Филевича. Т. I. Территорія и населеніе. Варшава, 1896 г. X+380. Восемьсотъ лѣтъ тому назадъ первый составитель нашей исторіи уже задумывался надъ тѣмъ, когда впервые появилось русское „имя“. Сто лѣтъ ведется уже ученая обработка русской исторіи, а все-таки мы такъ и не добились, откуда Русская земля „стала есть“. Много исписано бумаги, а „порядку“ въ нашей начальной исторіи все нѣтъ. Сначала упорно держался норманизмъ, въ недавнее время началъ мелькать готизмъ, а на-дняхъ появилась на свѣтъ новая теорія — транспильванизмъ. Представителемъ послѣдняго выступилъ г. Филевичъ въ книгѣ, заглавіе которой мы выписали. Сначала онъ указываетъ на заслуги покойнаго Надеждина, потомъ развиваетъ свой методъ изслѣдованія, сущность котораго сводится къ тому, что, за отсутствіемъ источниковъ, надо читать *языкъ земли*, т.-е. географическую номенклатуру (стр. 1—64). Подготовивъ такимъ образомъ читателя, г. Филевичъ начинаетъ излагать рядъ „непререкаемыхъ истинъ“ (довольно обычная у автора характеристика собственныхъ выводовъ). Сначала онъ пытается доказать, что Приприпятская низина тяготѣетъ географически къ Закарпатью и Подунавью (стр. 64 и сл. хотя до сихъ поръ мы и привыкли считать, что горы служатъ къ раз единенію народовъ. Далѣе авторъ указываетъ на чистоту славянств въ Приприпятской низи и въ Закарпатьи и на однородный характер ихъ географической номенклатуры, въ чемъ, замѣтимъ, никто и не сомнѣвался. Тотъ же характеръ географическихъ названій намѣчает авторъ и между Дунаемъ и Балканами. Остается доказать, что эт

Digitized by Google

славянское „море“ было непрерывно, т.-е. исконность его и въ Трансильваніи. Это и есть кульминаціонный пунктъ работы автора и, по нашему мнѣнію, наиболѣе слабый. Онъ приводитъ нѣсколько десятковъ географическихъ названій изъ современной Венгріи (преимущественно пограничныхъ съ русинами) и нѣсколько такихъ же указаній изъ грамотъ не ранѣе конца XII в. Нужно имѣть въ виду, что авторъ не филологъ и не знаетъ языковъ мадьярскаго и румынскаго. Многія изъ названій (хотя бы, наприм., Clanita, стр. 184, Halacz, стр. 172, и друг.), отличаются вообще сомнительнымъ славянствомъ, другія хотя при желаніи и можно бы принять за славянскія (авторъ почти нигдѣ не объясняетъ, къ какому корню онъ относитъ приводимыя названія), но слѣдуетъ еще доказать, что они не могутъ быть мадьярскими, а тѣмъ болѣе румынскими: у послѣднихъ много славянскихъ корней, а у венгровъ есть тоже заимствованія. Предположить о пребываніи славянъ въ равнинѣ Тиссы возможно, но доказать его исконность тамъ по десятку названій, даже предполагая самую усиленную мадьяризацію, трудно. Но когда г. Филевичъ идетъ дальше, настаивая, что первобытное населеніе Трансильваніи не только славянское, но *русско-славянское*,—съ нимъ согласиться нѣтъ никакой возможности. Онъ встрѣтилъ на картѣ десятокъ названій, напоминающихъ *рус.* (формы Orosz. и др.). Формы съ *рус.* могутъ и не напоминать о племенномъ названіи; да, кромѣ того, слѣдовало бы доказать, что у венгровъ, румынъ и нѣмцевъ нѣтъ подобнозвучащихъ словъ. Еще менѣе возможно устранить предположеніе о русской колонизаціи уже въ историческое время. Однимъ словомъ, въ старобытности русскаго славянства въ Угріи такими аргументами убѣдить нельзя. Впрочемъ, недостаточность одной географической номенклатуры, при отсутствіи другихъ болѣе *прямыхъ* данныхъ, признаетъ и самъ г. Филевичъ (стр. 216). Онъ привлекаетъ данныя діалектологіи и исторіи (стр. 214—380), но собственно Трансильваніи ему приходится оставить по отсутствію данныхъ того и другого рода. Его діалектологическія соображенія мало идутъ къ дѣлу, но за то изобилуютъ выводами, объясненіе которыхъ можно искать только въ смѣломъ дилетантизмѣ автора (онъ даже въ Польшѣ находитъ Русь по корню *рус.*, стр. 256). Въ послѣдней главѣ (стр. 276—380) г. Филевичъ привлекаетъ къ прежде найденной имъ Руси еще Русь черноморскую, такъ что уже въ доисторическое время (о которомъ можно утверждать все, что угодно) Русь у него является „славянскимъ моремъ“. Вообще эта послѣдняя глава книги поражаетъ отсутствіемъ цѣльности: это—рядъ „взглядовъ и нѣчто“, брошенныхъ à vol d'oiseau. Передъ читателемъ мелькаетъ рядъ вопросовъ древне-русской исторіи (норманизмъ, готизмъ, начальная лѣтопись и др.), но изложеніе ихъ крайне элементарно, притомъ чрезмѣрно субъективно; критики нѣтъ, но есть вылазки. Къ своимъ противникамъ г. Филевичъ относится крайне нетерпимо: мадьярскіе и польскіе писатели у него поголовно шовинисты. Чувствуя себя гдѣ-нибудь особенно слабымъ, г. Филевичъ не задумывается бросить своимъ противникамъ „крѣпкое“ слово: „тугоушіе“ (стр. 305), „логическій абсурдъ“ (стр. 308) и друг. Если къ этому прибавить цѣлый рядъ мелкихъ ошибокъ, частыя противорѣчія, неясность и расплывчатость изложенія, то впечатлѣніе отъ книги г. Филевича получается крайне неблагопріятное. Съ такими пріемами можно найти Русь и за океаномъ. Однимъ словомъ, можно только пожалѣть, что изъ-подъ пера автора дѣльной книги о галицко-польскихъ отношеніяхъ вышло сочиненіе съ узко-славянофильскими тенденціями.

Digitized by Google

Исторія Смоленской земли до начала XV ст. П. В. Голубовскаго. Кіевъ, 1895 г.—Историческія судьбы Волынской земли съ древнѣйшихъ временъ до конца XIV вѣка. П. А. Иванова. Одесса, 1895 г. Передъ нами двѣ историческія монографіи, вышедшія изъ-подъ пера лицъ, принадлежащихъ къ одной исторической школѣ—это кіевская школа историковъ, создавшаяся подъ руководствомъ проф. В. Б. Антоновича. Но принадлежность къ одной школѣ—внѣшнее сходство обоихъ трудовъ; сравнительное же изученіе ихъ способно лишь подчеркнуть невыгодное впечатлѣніе, производимое книгой г. Иванова сравнительно съ прекрасно выполненною работой г. Голубовскаго.

Начнемъ наши замѣчанія съ исторіи Волынской земли. Первыя четыре главы своей книги г. Ивановъ посвящаетъ обзору природы страны (стр. 3—7), первобытному населенію Волыни (стр. 12—27), этнографіи славянъ-язычниковъ, на территоріи Волыни (стр. 27—66) и, наконецъ, географическому обзору территоріи Волынскаго княжества (стр. 66—107). Вся эта часть работы г. Иванова представляется намъ весьма слабой и исполненною грубыхъ ошибокъ какъ съ методологической, такъ и съ фактической стороны. Г. Ивановъ задался, наприм., цѣлью возстановить религіозныя представленія древнихъ волынянъ-язычниковъ. Но такъ какъ источниковъ никакихъ нѣтъ, то онъ не задумался приписать волынянамъ-язычникамъ весь современный ритуалъ волынскихъ крестьянъ; онъ даже подробно описалъ воззрѣнія древнихъ волынянъ на душу (стр. 49), знаетъ, какое представленіе было у волынянъ-язычниковъ о нечистой силѣ (стр. 48) и проч., и проч. Вообще, вѣрованіе волынянъ-язычниковъ — цѣлое открытіе въ области древней русской исторіи: до сихъ поръ мы сомнѣвались въ возможности знать хоть коечто о языческихъ вѣрованіяхъ всего русскаго племени и даже всего славянства (слѣдуетъ вспомнить ст. проф. Кирпичникова), а г. Ивановъ открылъ вѣрованія даже отдѣльнаго племени. Гораздо удачнѣе г. Ивановъ справился съ исторіей политическаго быта древней Волыни. Но и здѣсь далъ мало новаго сравнительно съ тѣмъ, что уже высказано было въ трудахъ Антоновича, Дашкевича, Линниченко и друг. Конецъ XIV вѣка г. Иванову пришлось писать самостоятельно—и эта часть наиболѣе слабая; встрѣчаются даже грубыя ошибки: Іуліанія у него оказывается матерью Витовта, наприм., и др. (стр. 253). Заслуживаетъ большаго вниманія глава VII книги г. Иванова, заключающая въ себѣ впервые довольно недурно составленный обзоръ внутренняго быта Волынской земли въ періодъ X—XIV вв. Такимъ образомъ, книга г. Иванова даетъ лишь одну новую главу сравнительно съ очеркомъ исторіи Волыни г. Андріяшева, но за то въ первой своей части, въ особенности въ главѣ о географіи и первобытномъ бытѣ, книга г. Иванова значительно уступаетъ работѣ своего предшественника.

Перейдемъ къ книгѣ г. Голубовскаго. Авторъ дѣлитъ изложеніе исторіи Смоленской земли на слѣдующія главы: I — Природа страны, первобытные обитатели, колонизація, политическія границы (стр. 87—170); III—Родъ князей Смоленскихъ (стр. 171—206); IV—Общественный и политическій строй земли (стр. 207—288); V—Очеркъ политической исторіи (стр. 259—334). Изъ этой схемы видно, что къ выработаннымъ уже въ подобнаго рода монографіяхъ рубрикамъ авторъ ввелъ еще новую—главу о родѣ Смоленскихъ князей. Здѣсь онъ разсматриваетъ въ алфавитномъ порядкѣ родословіе каждаго князя и сообщаетъ краткую его характерику, преимущественно ту, которая находится въ источникахъ. Намъ не думается, чтобъ это нововведеніе было особенно

Digitized by Google

важно; оно небезполезно для справокъ, но характеристика исторической личности выигрываетъ только тогда, когда она поставлена въ связи съ событіями. Особенно много труда и вниманія авторъ удѣляетъ главѣ о первобытной странѣ и ея обитателяхъ. Богатая начитанность автора проявилась здѣсь въ полной мѣрѣ: предъ читателемъ раскрывается блестящій фейерверкъ цитатъ и ссылокъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ. На стр. 25—28, въ примѣчаніи къ встрѣченнымъ имъ на Кривицкой территоріи каменнымъ могиламъ онъ успѣлъ коснуться и вопроса о мегалитахъ и поклоненія камнямъ и столбамъ, о каменныхъ бабахъ и пр. Авторъ отказывается сдѣлать какой-либо выводъ о томъ, какой народности принадлежатъ могилы съ каменными плитами (стр. 25), но рядъ сравненій въ ссылкахъ долженъ подсказать читателю, что эти могилы финскаго происхожденія. Но авторъ не обратилъ вниманія на изслѣдованіе г. Авенаріуса о дрогичинскихъ древностяхъ,— тамъ онъ нашелъ бы описаніе типичныхъ каменныхъ могилъ и, притомъ, съ признаками, позволяющими ихъ относить къ христіанскому періоду, что устраняетъ всякую мысль о принадлежности ихъ финскому племени. Качество ссылокъ въ книгѣ г. Голубовскаго иногда по-неволѣ наводитъ на мысль о томъ, что авторъ слишкомъ увлекался ихъ количествомъ. На стр. 32—33 онъ приводитъ литературу по изслѣдованію топографической номенклатуры и среди другихъ помѣщаетъ странную и ненаучную статью Тарановскаго (*Филологическія записки* 1892 г., вып. II), хотя отсутствуютъ указанія на труды Пича, Богуславскаго, Войцѣховскаго, Первольфа и друг. Недостатковъ въ этомъ отношеніи можно бы указать не мало. Самою важною частью работы г. Голубовскаго является глава о торговлѣ: разборъ торговой „Смоленской правды" является значительнымъ вкладомъ въ науку о древней русской исторіи. Вообще, по тщательности обработки и новизнѣ выводовъ, монографія г. Голубовскаго должна быть причислена къ лучшимъ областнымъ монографіямъ.

Городъ Кременчукъ. Историческій очеркъ. Ѳ. Д. Николайчика. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к. Авторы историческихъ трудовъ послѣднихъ десятилѣтій обратили значительное вниманіе на изученіе областной исторіи, исторіи разныхъ частей обширнаго Русскаго государства, ихъ сложившагося историческаго характера, особенностей прошлаго быта и условій обособленнаго типа жизни въ каждой такой области русскаго царства. Въ послѣднее время явилось не мало трудовъ, разсматривающихъ не только исторію отдѣльныхъ областей, но и историческія условія, прошлую судьбу городовъ и болѣе или менѣе важныхъ населенныхъ мѣстъ Россіи. Такое изученіе русской исторіи болѣе чѣмъ умѣстно именно при изученіи прошлой жизни нашего отечества. Россія велика и обширна, и такъ же велика и обширна, какъ и разнообразна. Изученіе современнаго быта народностей, входящихъ въ составъ Русскаго государства, показываетъ намъ разнохарактерность населенія Россіи донынѣ; тѣмъ рѣзче выступала эта разнохарактерность въ прошломъ, когда народная жизнь рѣзче выступала въ общегосударственной жизни слагающейся монархіи. Труды по изученію прошлаго не только отдѣльныхъ областей, но и отдѣльныхъ городовъ цѣнны для молодой русской исторической науки. Нынѣ они предоставляютъ довольно популярное чтеніе для интересующейся обширнымъ отечествомъ публики, въ будущемъ представляетъ сколько-нибудь разработанный матеріалъ для общей русской исторіи и для общихъ выводовъ о прошлой судьбѣ

Digitized by Google

нашего отечества, его роли въ прошломъ и настоящемъ, его значенія въ культурномъ ходѣ человѣческаго прогресса.

Книга Ѳ. Д. Николайчика — очень почтенный трудъ о городѣ Кременчукѣ, Полтавской губерніи. Уловить физіономію края по исторіи города Кременчука и его области почти невозможно. Издавна г. Кременчукъ (по утвержденію автора, какъ городъ, явившійся къ 40-мъ годамъ XVII вѣка) былъ центромъ для торговли съ одной стороны лѣвобережной Украины съ берегами Чернаго моря, съ другой стороны области сѣвернаго теченія Днѣпра съ краемъ, получившимъ наименованіе Новороссіи уже въ XVIII вѣкѣ. Трактъ „чумацкій" шелъ на Кременчукъ къ Тавридѣ, и центромъ чумацкой стоянки былъ посадъ Крюковъ, лежащій на противоположномъ Кременчуку берегу Днѣпра. Еще двадцать-тридцать лѣтъ тому назадъ въ Крюковѣ и Кременчукѣ можно было видѣть на площадяхъ вереницы чумацкихъ возовъ и вступать въ философски-юмористическіе разговоры съ этими оригинальными „рыцарями торговли", двигавшимися къ далекому морю на медлительныхъ волахъ „въ Крымъ за солью та за рыбою". Желѣзныя дороги убили чумачество, но онѣ же послужили къ вящему благоуспѣянію торговцевъ г. Кременчука, особенно евреевъ и отчасти великороссовъ. Племенной составъ населенія г. Кременчука за все время существованія былъ разнокалибернымъ: на бывшей переправѣ черезъ р. Днѣпръ, потомъ торговомъ пунктѣ Южной Руси, рано встрѣтились малороссіянинъ, великоросъ и еврей. Характеръ города, какъ и населенія, остались также, какъ и въ прошлое время, безъ оригинальныхъ отраженій быта, особенностей и условій мѣстной малорусской жизни. Населеніе въ значительной степени подвижно, и связываютъ все это населеніе въ одну группу „кременчукскихъ гражданъ" исключительно торговые интересы. Такова физіономія или, вѣрнѣе, отсутствіе опредѣленной физіономіи города Кременчука въ его исторической судьбѣ и этнографическомъ южно-русскомъ смыслѣ, города, о которомъ разсказываетъ г. Николайчикъ. Исторія города отмѣчаетъ моменты паденія и повышенія значенія Кременчука. Во второй половинѣ XVII вѣка незначительное время Кременчукъ былъ полковымъ городомъ, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ прошлаго вѣка—губернскимъ городомъ Новороссійской губерніи и позже Екатеринославскаго намѣстничества. Самымъ любопытнымъ моментомъ въ исторіи города въ XVIII вѣкѣ было посѣщеніе Кременчука Екатериной II (1787 годъ). Авторъ указаннаго сочиненія, впрочемъ, не воспользовался всѣми возможными для него матеріалами для описанія этого интереснаго момента въ путешествіи Екатерины Великой на югъ. Въ послѣднее время, съ проведеніемъ Харьково-Николаевской и Роменской желѣзныхъ дорогъ, Кременчукъ сталъ самымъ большимъ городомъ Полтавской губерніи: населеніе города въ 1873 г. почти доходило до 40 т. жителей, нынѣ около 55 тысячъ. Въ своей довольно обстоятельной и аккуратно изданной работѣ г. Николайчикъ приводитъ въ послѣдней главѣ отрывки изъ внутренней исторіи города, отрывки слишкомъ уже отрывочнаго характера. Особенно огорчаетъ читателя незначительность свѣдѣній хотя бы о современномъ состояніи учебнаго и образовательнаго дѣла въ городѣ Кременчукѣ. Сообщенія о современныхъ учебныхъ заведеніяхъ слишкомъ сухи и нелюбопытны. Въ концѣ указанной книги находимъ приложенія въ видѣ топографическихъ описаній Кременчука въ 20-хъ и 40-хъ годахъ настоящаго столѣтія.

Digitized by Google

Изъ исторіи древне-русской письменности. П. Владимірова. Кіевъ, 1895 г. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вышло цѣнное изданіе по исторіи древне-русской литературы—*Творенія отцовъ Церкви въ древне-русской письменности* проф. Архангельскаго. Проф. Архангельскій попытался свести во-едино громадный матеріалъ, разсѣянный по разнымъ спеціальнымъ изданіямъ—данныя о древне-русскихъ переводахъ и передѣлкахъ твореній отцовъ Церкви. Печатный матеріалъ былъ наполненъ данными, извлеченными изъ рукописей. Въ большинствѣ случаевъ г. Архангельскій ограничивался ролью сводчика; только въ немногихъ случаяхъ онъ рѣшался на общіе выводы.

Въ громадной работѣ, затронувшей одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ исторіи древне-русской литературы, оказались, конечно, и пробѣлы, и промахи. Спеціальная критика указала отсутствіе стройнаго плана, методологическіе промахи, фактическіе недочеты; было отдано должное трудолюбію и эрудиціи автора, отмѣчены были достигнутые важные результаты.

Брошюра проф. Владимірова: *Изъ исторіи древне-русской письменности* примыкаетъ къ этой критической литературѣ, вызванной появленіемъ труда г. Архангельскаго. Г. Владиміровъ даетъ рядъ поправокъ и дополненій къ текстамъ и перечнямъ г. Архангельскаго. Новыя данныя извлечены какъ изъ печатныхъ источниковъ, оставшихся неизвѣстными г. Архангельскому, такъ и изъ рукописей, которыми послѣдній не воспользовался. Изложеніе г. Владимірова идетъ, такъ сказать, по пятамъ за изложеніемъ г. Архангельскаго, причемъ отмѣчаются всѣ погрѣшности, оспариваются всѣ слабо обоснованные выводы и проч. Такимъ образомъ, для тѣхъ, кто будетъ пользоваться трудомъ г. Архангельскаго, необходимо будетъ считаться и съ брошюрой г. Владимірова.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. Книга десятая. Издана подъ редакціей В. З. Завитневича. Кіевъ, 1896 г. 48 + 70 + 22 + 193 — 301 + 47. — Сборникъ харьковскаго историко-филологическаго общества. Т. VIII. Харьковъ, 1896 г. 17 + 322 + 65 — 112. Передъ нами послѣднія книжки трудовъ двухъ южно-русскихъ обществъ. Настоящая книга *Чтеній* кіевскаго общества уменьшилась въ объемѣ почти вдвое сравнительно съ предыдущими. Къ сожалѣнію, и содержаніе ея не столько интересно, какъ содержаніе предыдущихъ. Значительная часть книги посвящена краткимъ протоколамъ засѣданій и матеріаламъ половины XVIII вѣка (г. Голубева по исторіи церкви и г. Андріевскаго по исторіи Кіева), не представляющимъ особеннаго интереса. Изъ изслѣдованій четыре небольшія статейки: П. Л.—*Къ вопросу о кіевскомъ митрополитѣ XII в. Михаилѣ*, Л. В. Падалки—*Къ вопросу о времени основанія г. Полтавы*, г. Андріевскаго—*Послѣдніе кіевскіе сотники*, В. Б. Антоновича—*По вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала*. Послѣдняя статья представляетъ возраженія г. Кибальчичу, утверждавшему, что кіевское акцизное управленіе срыло подъ зданіе виннаго склада Ярославовъ валъ; по изслѣдованію проф. Антоновича, г. Кибальчичъ принялъ Миниховы ретраншементы за древній валъ. Поражаетъ статья г. Падалки: на пятнадцати страницахъ авторъ успѣлъ четыре раза высказать противорѣчивый взглядъ на населенность береговъ Ворсклы (ср. стр. 19, 22, 25, 28) и кончилъ удивительнымъ разсужденіемъ „филологическаго" характера (стр. 31 — 33). Вообще эта книга свидѣтельствуетъ о крупномъ шагѣ назадъ, сдѣланномъ за послѣдній годъ историческимъ обществомъ ма-

Digitized by Google

тери городовъ русскихъ. Совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ книга харьковскаго общества. Кромѣ мелкихъ статей (гг. Сумцова, Багалѣя, Ѳ. Е. Корша, Дринова) и весьма важныхъ для исторіи экономическаго быта матеріаловъ, собранныхъ г. Мякотинымъ, обращаетъ вниманіе изслѣдованіе Д. П. Миллера: *Очеркъ изъ исторіи юридическаго быта старой Малороссіи. Суды земскіе, городскіе и подкоморскіе въ XVIII столѣтіи* (стр. 63—244).

Цѣнное изслѣдованіе г. Миллера написано на основаніи широкаго изученія архивныхъ матеріаловъ; оно охватываетъ любопытный моментъ—судебную „реформу“ 1763 — 4 гг. Слѣдуетъ прибавить, что г. Миллеръ обладаетъ умѣньемъ группировать матеріалъ и излагать просто и ясно.

Харьковское общество — живое общество. Оно не забываетъ подѣлиться своими знаніями съ обществомъ. Оно устроило при университетѣ научныя чтенія для женщинъ, отчетъ о которомъ и проекты лекцій помѣщены въ настоящей книгѣ (стр. 28—34). Въ качествѣ лекторовъ выступали лучшія силы университета: гг. Багалѣй, Сумцовъ, Собестіанскій, Овсяннико-Куликовскій и др. Прочтено всѣми 48 лекцій, на которыя записались 247 слушательницъ. Намъ остается только пожелать, чтобы харьковское общество продолжало развивать начатое имъ дѣло.

Картины древне-римской жизни. Очерки общественнаго настроенія временъ цезарей. Буасье. Пер. съ франц. Дегена. Изд. Половой. Культурно-историческая библіотека. Спб., 1896 г. Подъ этимъ нѣсколько неопредѣленнымъ заглавіемъ скрывается переводъ сочиненія, вышедшаго лѣтъ двадцать назадъ подъ заглавіемъ *L'opposition sous les Césars* и до сихъ поръ почему-то не переводившагося. Это тѣмъ болѣе странно, что по интересу содержанія и мастерству изложенія книга эта изъ прочихъ произведеній автора, давно уже переведенныхъ, уступаетъ развѣ только самому раннему *Цицеронъ и его друзья*. Въ этихъ двухъ сочиненіяхъ авторъ изображаетъ общественныя и литературныя движенія эпохи отъ Цезаря до Антониновъ, изображаетъ дѣйствительно мастерски, но больше съ внѣшней стороны. Читатель не найдетъ у него указаній на связь ихъ съ крупными измѣненіями въ прочихъ сферахъ римской жизни. За то въ своей области авторъ является полнымъ хозяиномъ; его выводы не поражаютъ грандіозностью или глубиною, но на нихъ всегда можно положиться. Буасье не увлекается модными теоріями и постоянно сохраняетъ хладнокровіе. Въ названныхъ выше произведеніяхъ онъ въ сущности является разсудительнымъ противникомъ одно время сильно проявившихся увлеченій: въ *Цицеронѣ* онъ удачно защищаетъ сторонниковъ гибнущей республики отъ безжалостныхъ приговоровъ Моммсена, въ *Оппозиціи* возстаетъ противъ неумѣренной реабилитаціи цезарей I вѣка и противъ чрезмѣрнаго осужденія ихъ противниковъ. Главное орудіе автора—тонкій литературный анализъ, открывающій много новаго въ произведеніяхъ, повидимому, давно уже цѣликомъ изученныхъ. Какъ пособіемъ, онъ пользуется при этомъ аналогіями изъ прекрасно знакомой ему французской литературы XVII и XVIII вв.; но, помимо литературы, авторъ постоянно указываетъ и другія точки соприкосновенія Франціи послѣднихъ столѣтій и Рима временъ цезарей. Кромѣ отсутствія глубины, другой крупный недостатокъ работъ Буасье—слабая связь частей съ цѣлымъ, отчего книги его большею частью представляютъ собою рядъ отдѣльныхъ, искусственно связанныхъ, хотя и очень

Digitized by Google

нтересныхъ очерковъ, и эпизоды у него нерѣдко разрастаются несоразмѣрно съ ихъ общимъ значеніемъ. Этотъ недостатокъ настроенія гразился и на разбираемой книгѣ. Авторъ ставитъ себѣ цѣлью выяснить характеръ и значеніе оппозиціи, которую такъ жестоко преслѣдовали цезари I в., и прежде всего разбираетъ вопросъ, гдѣ были едовольные. Онъ разсматриваетъ бытъ легіоновъ, управленіе и состояіе провинцій, положеніе городскихъ общинъ, наконецъ, настроеніе столичнаго общества. Оказывается, что всюду имперіей были довольны; олько въ Римѣ, когда побѣднѣла память объ ужасахъ междоусобій, потомки фамилій, правившихъ прежде республикой, стали жалѣть объ ея паденіи. Выяснивъ затѣмъ, почему цезарей такъ раздражала даже эта платоническая оппозиція, авторъ путемъ подбора и анализа микроскопическихъ данныхъ опредѣляетъ ея пріемы, цѣли и отраженія въ литературѣ; онъ описываетъ римскіе салоны, характеризуетъ салонную трагедію I в., оппозицію школъ и философовъ. Однимъ изъ первыхъ примѣровъ суровой расправы цезарей съ опальными считается ссылка Овидія, и авторъ посвящаетъ цѣлый этюдъ „исторической проблемѣ" о причинахъ его изгнанія. Этотъ предлогъ даетъ Буасье возможность изобразить то общество, для котораго Овидій писалъ свои *Элегіи* и *Искусство любить*. Для устраненія противниковъ цезари обыкновенно прибѣгали къ услугамъ доносчиковъ, и вотъ авторъ разбираетъ вопросы, какія условія жизни и въ частности воспитанія содѣйствовали размноженію людей этого сорта, описываетъ правленіе Тиберія, много ими пользовавшагося, рисуетъ по письмамъ Сенеки настроеніе общества въ эпоху ихъ силы при Неронѣ. Одною изъ замѣчательныхъ жертвъ послѣдняго былъ знаменитый сластолюбецъ Петроній, подъ именемъ котораго до насъ дошли отрывки сатиры, какъ полагаютъ, направленной противъ цезаря и его двора. По этому поводу авторъ посвящаетъ цѣлый этюдъ „Бытовому роману при Неронѣ" и мастерскимъ разборомъ отрывковъ выясняетъ настоящую цѣль произведенія, а также тѣ данныя, какія оно даетъ для характеристики современнаго ему общества. Главными противниками цезаризма въ литературѣ считаются обыкновенно Луканъ, Тацитъ и Ювеналъ. Авторъ показываетъ, что только личные мотивы побудили перваго стремиться къ замѣнѣ Нерона другимъ цезаремъ, что Тацитъ былъ противникомъ управленія Тиберія, Нерона, Домиціана, но считалъ умѣренную монархію необходимою для обширнаго государства. Наконецъ, Ювеналъ при болѣе близкомъ разсмотрѣніи оказывается совсѣмъ не республиканцемъ, а поэтомъ мелкихъ людей; онъ рѣзко отзывается о старомъ Римѣ, презираетъ народъ, озлобленъ противъ дурно встрѣтившей его аристократіи и мечтаетъ о покровительствѣ цезарей литературѣ. Въ заключеніе авторъ указываетъ на то, какъ даже въ суженныхъ имъ границахъ оппозиція общества оказывала сдерживающее вліяніе на самыхъ деспотичныхъ цезарей.

Что касается самаго перевода, то его было бы несправедливо ставить на-ряду съ нерѣдкими за послѣднее время искаженіями научныхъ сочиненій, выдаваемыми за переводы иногда даже людьми не безъ имени или патента. Въ общемъ переводъ недурной, хотя ему и далеко до стилистическаго изящества оригинала; жаль все-таки, что онъ не былъ проредактированъ лицомъ, знающимъ предметъ, именно проредактированъ, а не просмотрѣнъ только мелькомъ, какъ это теперь не рѣдко бываетъ. Въ такомъ случаѣ читателю вѣроятно не приходилось бы недоумѣвать, встрѣчая въ переводѣ безъ всякихъ поясненій такія вы-

Digitized by Google

раженія, какъ Pensées Паскаля, Fastes, Tristes, lex maiestatis, pagoena, Pilum, Regia или не болѣе понятныя: инсигніи, гистріонъ, ростральная трибуна, претекста, латиклавъ. Иногда мы находимъ въ переводѣ простое повтореніе выраженій подлинника: эскапада, реминисценціи, сервилизмъ, абстракція, буффонада. Попадаются переводы прямо невѣрные: десятники (decurions, 2), пасты вмѣсто почты (ibid.), мастеръ элегантности, arbiter elegantiae (стр. 17), никогда никто такъ чисто не писалъ *некорректностей*—auctor purissimae impuritatis (стр. 206). Не всегда исправна и корректура, особенно въ иностранныхъ цитатахъ, иныя изъ которыхъ искажены до неузнаваемости (наприм., стр. 130), а между тѣмъ списка главныхъ опечатокъ не приложено. Но за что благодаренъ читатель будетъ, такъ это за списокъ книгъ и статей на русскомъ языкѣ, относящихся до эпохи цезарей. Жаль только одно: по голымъ заглавіямъ безъ указаній на содержаніе и главныя особенности перечисляемыхъ сочиненій читателю не всегда легко, а иногда даже и прямо невозможно, будетъ найти въ спискѣ нужное.

Поминки по Иванѣ Андреевичѣ Крыловѣ. А. К. Жизневскаго. Тверь, 1895 г.—Памяти Ивана Ивановича Лажечникова. Его же. Тверь, 1895 г. Обѣ названныя брошюры изданы тверскою губернскою ученою архивною коммиссіей и представляютъ собою доклады, читанные предсѣдателемъ въ двухъ засѣданіяхъ ея конца прошлаго года. Изданія нашихъ архивныхъ коммиссій очень рѣдко разбираются въ толстыхъ журналахъ, между тѣмъ какъ порою они заслуживаютъ вниманія сами по себѣ и всегда нуждаются въ указаніяхъ критики. Наши архивныя коммиссіи — еще очень молодыя учрежденія; онѣ организованы были въ провинціи по иниціативѣ сенатора Калачова съ спеціальными цѣлями собиранія и описанія мѣстнаго архивнаго и археологическаго матеріала; сдѣлавшись поневолѣ центромъ мѣстной интеллигенціи, онѣ должны были отклониться отъ узко поставленныхъ при первоначальномъ ихъ основаніи цѣлей и обнаружили несомнѣнную наклонность къ превращенію въ мѣстные кружки интеллигенціи (главнымъ образомъ, конечно, чиновной и педагогической) съ интересами историческими и историко-литературными. Чѣмъ энергичнѣе двинутся коммиссіи по указанному пути, тѣмъ лучше,— и въ этомъ отношеніи онѣ вполнѣ нуждаются въ подталкиваніи ихъ компетентною критикой столичныхъ толстыхъ журналовъ. Тверская коммиссія среди другихъ особенно выдѣляется широтою и живостью постановки ея дѣятельности; не выпуская изъ виду основной цѣли собиранія и описанія мѣстнаго архивнаго и археологическаго матеріала, она много отдаетъ вниманія вопросамъ историко-литературнаго и историческаго характера; а, слѣдовательно, скорѣе другихъ можетъ пользоваться вниманіемъ и сочувствіемъ мѣстнаго общества, лишь бы только удавалось группировать вокругъ себя поболѣе научно-образованныхъ дѣятелей. Выписанные выше заголовки брошюръ, выпущенныхъ въ свѣтъ тверскою коммиссіей, показываютъ (помимо многихъ другихъ, раньше ею изданныхъ) ея способность широко понимать свои задачи. Обѣ брошюры, отмѣтимъ, принадлежатъ одному изъ старѣйшихъ чиновниковъ г. Твери и энергичному руководителю коммиссіи. Фактъ этотъ, кажется, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ. Брошюра о Крыловѣ указываетъ съ достаточною подробностью на связь знаменитаго баснописца съ Тверскимъ краемъ и описываетъ нѣсколько рукописей и вещей тверского музея, имѣющихъ отношеніе къ нему: среди послѣднихъ можно отмѣтить тетрадку Крылова, въ которой онъ съ 1840 по 1844 г. записы-

Digitized by Google

валъ свой приходъ и расходъ. Гораздо интереснѣе брошюра о Лажечниковѣ. А. К. Жизневскій былъ сослуживцемъ и пріятелемъ нашего романиста: не даромъ эта вторая брошюра и издана очень опрятно, и снабжена очень хорошимъ фототипическимъ портретомъ Лажечникова. Она раздѣляется на двѣ неравныя части: одна (стр. 1—8) заключаетъ въ себѣ воспоминанія автора о нашемъ романистѣ, другая (9—36)— восемнадцать писемъ Лажечникова къ автору въ промежуткѣ между 1852—1869 гг. Авторъ на основаніи формулярнаго списка о службѣ Лажечникова, хранящагося въ тверскомъ губернскомъ правленіи, доказываетъ, что послѣдній родился не въ 1794 году, какъ принято было доселѣ, а въ 1790 г., и дату г. Жизневскаго едва ли возможно будетъ оспаривать. Центральное мѣсто въ воспоминаніяхъ г. Жизневскаго занимаетъ разсказъ о характерной служебной непріятности, испытанной въ Твери Лажечниковымъ и обусловившей собою переводъ его изъ Твери вице-губернаторомъ въ Витебскъ. Авторъ яркими красками рисуетъ казнокрадство, процвѣтавшее въ дореформенной Россіи, и прямо говоритъ, что въ 40-хъ — 50-хъ гг. оно было „обычнымъ явленіемъ" (стр. 4). Кража суммъ чиновниками приказа общественнаго призрѣнія въ Твери во время исправленія Лажечниковымъ обязанностей губернатора,—кража, обставленная порою поразительнымъ игнорированіемъ всякаго, часто даже внѣшняго приличія,—и была причиною перевода нашего романиста въ Витебскъ и начета на него казною 17,298 рублей. Воры-чиновники отлично поддѣлывали подписи Лажечникова, который, по предъявленіи ему фальшивой подписи, на первый взглядъ не затруднился признать ее за свою. Изъ писемъ Лажечникова, напечатанныхъ здѣсь, видно, что онъ страшно тяготился службой въ Витебскѣ, поражаясь обиліемъ творившихся тамъ злоупотребленій: въ двухъ столахъ витебскаго губернскаго правленія за пять лѣтъ *не* заслушано было до трехъ тысячъ бумагъ (стр. 14)! Въ 1854 г. Лажечниковъ, бросивъ службу, уже жилъ въ Москвѣ и отсюда въ 1855 г. писалъ г. Жизневскому въ Тверь о почтенныхъ „сынахъ отечества", обдиравшихъ своихъ согражданъ въ пылу крымской суматохи (стр. 25; срв. стр. 211 и 28).

Такимъ образомъ, брошюра г. Жизневскаго можетъ представлять общій интересъ, и нельзя не пожелать, чтобы авторъ, такъ много знающій въ области дореформеннаго чиновническаго житія, познакомилъ читающую публику болѣе подробно съ своими впечатлѣніями отъ ужасовъ той поры, о которой теперь съ чувствомъ искренняго сожалѣнія вздыхаютъ наши непрошенные охранители.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, какъ человѣкъ и какъ поэтъ. П. Владимірова. Названная брошюра представляетъ рѣчь, произнесенную проф. Владиміровымъ въ торжественномъ собраніи историческаго общества Нестора лѣтописца и предварительно напечатанную въ *Чтеніяхъ* общества. Рѣчь произнесена по поводу пятидесятилѣтней годовщины смерти поэта. Пятьдесятъ лѣтъ періодъ весьма большой въ жизни всякой науки, но только не для исторіи русской литературы. Весьма часто о самыхъ знаменитыхъ писателяхъ только по истеченіи этого періода наши ученые и журналисты начинаютъ собирать кое-какія свѣдѣнія, писать статьи à propos. Безъ хронологическаго повода такъ бы и молчали русскіе люди о своихъ достойнѣйшихъ соотечественникахъ. Въ результатѣ каждый читатель можетъ припомнить много едва вѣроятныхъ курьезовъ. За годъ до пятидесятилѣтія смерти Лермонтова его родственники, вздумавшіе подѣлиться запасомъ

Digitized by Google

своихъ свѣдѣній о великомъ покойникѣ съ публикой, обнаруживали самыя смутныя представленія о существеннѣйшихъ фактахъ его біографіи, не знали точно, ни гдѣ, ни въ какомъ году, онъ родился. Журнальныя статьи кишѣли ошибками, совершенно фантастически описывалась дуэль поэта, и вкривь и вкось оцѣнивался поэтому поводу его личный характеръ. Однимъ словомъ, поэтъ, заученный наизусть чуть ли не всей грамотной Россіей, своихъ біографовъ и критиковъ засталъ въ приготовительномъ классѣ по части свѣдѣній и сужденій.

То же самое и относительно Кольцова. До сихъ поръ неизвѣстенъ точно день его смерти. До сихъ поръ думаютъ, что этотъ день—19 октября, но метрическая книга одной изъ воронежскихъ церквей относитъ событіе къ 29. Но это еще сравнительно не важный вопросъ. Гораздо любопытнѣе существованіе двухъ почти противуположныхъ взглядовъ на характеръ и исторію нравственнаго развитія „поэта-прасола“. Онъ имѣлъ счастье при жизни вызвать въ себѣ интересъ у геніальнаго критика и благороднѣйшаго человѣка—Бѣлинскаго, пріобрѣсти его сердечную дружбу и памятникомъ ея была статья—жизнеописаніе и критическая оцѣнка произведеній Кольцова компетентнѣйшимъ судьей. Всѣмъ извѣстно, сколько искренняго, глубокаго чувства вложилъ знаменитый писатель въ эту статью: съ тѣхъ поръ образъ Кольцова, какъ человѣка и какъ поэта, являлся въ ореолѣ необыкновеннаго мужества и возвышенныхъ стремленій, не признаваемый варварской средою. Жизнь поэта превращалась въ одну изъ обычныхъ драмъ русской жизни: на одной сторонѣ—гепій, сердце, жажда свѣта, на другой—традиція варварскаго существованія, стихійное недовѣріе и вражда къ самостоятельной мысли и личному человѣческому достоинству.

Это было очень увлекательное изображеніе, представленное съ обычнымъ талантомъ Бѣлинскаго. Но оно встрѣтило энергическій отпоръ со стороны земляковъ Кольцова. Бѣлинскій зналъ Кольцова только внѣ его семьи, не бывалъ въ Воронежѣ, судилъ о немъ преимущественно на основаніи его писемъ. Позднѣйшіе біографы, сами воронежцы, рѣшились обратиться къ первоисточникамъ біографіи поэта, отыскали нѣкоторыя его бумаги, случайно уцѣлѣвшія послѣ того, какъ родные Кольцова продали все его литературное наслѣдство въ мелочныя лавки на обвертки, подвергли опросу обывателей, хорошо знавшихъ семью поэта,—и по этимъ даннымъ составили жизнеописаніе и характеристику Кольцова совершенно въ другомъ направленіи, чѣмъ это было у Бѣлинскаго.

Прежде всего, семья поэта не только встрѣтила здѣсь оправданіе, но виновнымъ въ разладѣ оказывался Кольцовъ, и притомъ безусловно.

Де-Пуле въ 1878 г. издалъ обширную біографію Кольцова и закрѣпилъ навсегда этотъ взглядъ въ литературѣ. Авторъ даже постарался привлечь къ своему суду и Бѣлинскаго. По его мнѣнію, именно неумѣстныя философическія вліянія критики на Кольцова вскружили голову „пѣсенника“, „прасола“, возбудили въ немъ разныя искусственныя стремленія, превратили простого, хотя и богато-одареннаго, человѣка въ „кабинетнаго литератора“. Именно послѣ знакомства съ Бѣлинскимъ Кольцовъ почувствовалъ „отвращеніе“ къ „грязной дѣйствительности“, окружавшей его въ Воронежѣ. Біографу кажется страннымъ и незаконнымъ это „отвращеніе“, хотя, казалось бы, что могло быть естественнѣе этого чувства у поэта при той обстановкѣ, гдѣ

Digitized by Google

всѣ интересы сосредоточивались на торгашествѣ, ловкихъ оборотахъ, барышничествѣ, часто не только противозаконномъ, но и безнравственномъ, какъ признаетъ самъ Де-Пуле.

Выходило,—критикъ виноватъ въ томъ, что старался создать популярность „поэта-прасола“, мечталъ спасти его отъ прасольства и пріурочить его жизнь къ литературѣ и культурному обществу,—виноватъ въ томъ, что открылъ ему глаза на многія обычныя, но темныя стороны мѣщанскаго провинціальнаго міра. Въ этомъ, по мнѣнію де-Пуле, заключалась тлетворность вліянія Бѣлинскаго на Кольцова.

Но біографъ не задалъ себѣ вопроса, возможно ли было обладать поэтическимъ талантомъ и развивать его и въ то же время чувствовать себя счастливымъ за барышнической конторкой? Потомъ—литературная дѣятельность Кольцова окрѣпла, развивалась, обогатилась идеями и образами именно послѣ знакомства съ московскими и петербургскими писателями, преимущественно, конечно, съ Бѣлинскимъ. Правда, Кольцовъ усиливался усвоить и философскія увлеченія своего друга, и, напримѣръ, дума—*Царство мысли*—не что иное, какъ стихотворное переложеніе нѣкоторыхъ строкъ изъ статьи Бѣлинскаго *Литературныя мечтанія*. Но не въ одной философіи заключалось глубокое нравственное и общественно-идейное воздѣйствіе. Письмо Кольцова—краснорѣчивѣйшее доказательство, и де-Пуле совершенно напрасно впечатлѣнія людей внѣшнихъ и менѣе всего интересовавшихся Кольцовымъ, какъ человѣкомъ, противопоставилъ столь убѣдительнымъ документамъ. Трудно было для Кольцова угодить этимъ людямъ, и естественно должны были порваться связи, часто долголѣтнія; поэтъ шелъ путемъ непрестаннаго духовнаго развитія, а его земляки продолжали жить и думать по-старинѣ, „какъ отцами уставлено“. Эти отзывы доказываютъ какъ разъ обратное тому, что хочетъ видѣть въ нихъ біографъ, и менѣе всего эгоизмъ, жесткость сердца и надменность незрѣлой мысли.

Какъ бы то ни было, послѣ книги де-Пуле въ нашей литературѣ существуетъ два Кольцова: одинъ драматическая жертва среды и прежде всего семьи, другой — нѣчто вродѣ человѣка, потерявшаго тѣнь, сѣвшаго не въ свои сани въ послѣдніе годы своей жизни.

Будущимъ біографамъ и критикамъ предстоитъ примирить эти два представленія. Проф. Владиміровъ отдаетъ ясный отчетъ въ смыслѣ и значеніи того и другого и дѣлаетъ попытку нарисовать цѣльный образъ Кольцова, какъ человѣка и какъ поэта. Авторъ не увлекается положительными сторонами кольцовскаго характера, не страдаетъ и отрицательнымъ пристрастіемъ де-Пуле,—вызваннымъ слишкомъ идеалистическою оцѣнкой поэта Бѣлинскимъ. Авторъ старается основать свои выводы на письмахъ поэта, на несомнѣнныхъ фактическихъ данныхъ,—и въ результатѣ, независимо отъ какой бы то ни было тенденціи, предъ нами рисуется исполненная энергіи фигура поэта, заранѣе, безъ всякихъ внѣшнихъ вліяній, предназначенныхъ для борьбы съ окружающей жизнью. Удачна характеристика и самой этой жизни, семьи поэта,—и опять мы видимъ, какую страшную пропасть сама природа положила между отцомъ и сыномъ, между мѣщанскими аферами и поэтическимъ геніемъ. Требовался только незначительный толчокъ извнѣ, кое-какой проблескъ другой жизни, общество другихъ людей,—и глаза богато-одареннаго прасола неминуемо должны были открыться, и долженъ былъ вырваться инстинктивный вопль отчаянія и смертной тоски. Къ сожалѣнію, г. Владиміровъ не остановился съ

Digitized by Google

должнымъ вниманіемъ на послѣднихъ годахъ поэта, не напомнилъ о драмѣ, предшествовавшей его смерти—объ этихъ томительныхъ дняхъ одиночества, заброшенности среди многочисленной семьи, о жестокихъ оскорбленіяхъ даже со стороны сестры, единственнаго, повидимому, нравственно-родного поэту существа. Для полноты картины здѣсь многія подробности, проводимыя даже въ книгѣ де-Пуле, необходимы. Менѣе всего удачна у г. Владимірова характеристика Кольцова, какъ поэта. Авторъ обратилъ главное вниманіе на элементъ *чистой поэзіи* у Кольцова, т.-е. на выраженія любовной страсти, описанія природы. Несравненно важнѣе *жанры* въ стихотвореніяхъ Кольцова, чѣмъ *пейзажи*, и особенно для современныхъ читателей, которыхъ „молодые поэты" въ конецъ изводятъ луной и дѣвой. Это существенный пробѣлъ въ брошюрѣ г. Владимірова, но онъ не мѣшаетъ ей быть очень полезнымъ пособіемъ для довольно точнаго ознакомленія съ литературой о Кольцовѣ и съ характерными чертами его оригинальной личности. Въ концѣ брошюры приведено нѣсколько любопытныхъ сравненій поэзіи Кольцова съ мотивами русской пѣсни у другихъ поэтовъ.

Каталогъ коллекцій древностей, А. Н. Поль, въ Екатеринославѣ. Выпускъ I. Составила А. Мельникъ. Кіевъ, 1893 г. Археологическая коллекція покойнаго А. Н. Поль хорошо извѣстна любителямъ спеціалистамъ археологамъ; но, помѣщаясь далеко отъ столичныхъ центровъ, она оставалась доступной до сихъ поръ преимущественно для мѣстныхъ и немногихъ заѣзжихъ знатоковъ. Нельзя поэтому не сочувствовать мысли—составить подробное описаніе этой коллекціи съ хорошими фототипіями наиболѣе интересныхъ предметовъ. За смертью владѣльца задача составительницы каталога очень затруднялась тѣмъ обстоятельствомъ, что далеко не о всѣхъ предметахъ сохранились извѣстія о мѣстѣ ихъ нахожденія и вообще о ихъ происхожденіи. Въ виду этого особенно важно было теперь же приступить къ составленію описанія, пока многіе пробѣлы этого рода можно еще пополнить воспоминаніями лицъ, близко стоящихъ къ коллекціи. Всѣ, интересующіеся археологіей, оцѣнятъ трудъ г-жи Мельникъ и будутъ ей благодарны, тѣмъ болѣе, что коллекціи предназначены къ продажѣ, и дальнѣйшая судьба ихъ пока неизвѣстна. При первомъ выпускѣ помѣщено 13 фототипическихъ таблицъ.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Die Phantasie im Rechte". Vortrag *v. Heinrich Dernburg.*

Die Phantasie im Rechte. Vortrag v. Heinrich Dernburg. Berlin. Проф. Дернбургъ, подобно Гарейсу и Эренбергу, выходитъ въ названной брошюркѣ, представляющей собою печатное воспроизведеніе доклада, читаннаго авторомъ въ вѣнскомъ юридическомъ обществѣ, также изъ недовольства современнымъ меркантильнымъ, если можно такъ выразиться, направленіемъ, но уже не только студентовъ, но и самой науки права и даже законодательства Германіи. И юристы, и законодатели слишкомъ много занимаются мелочными изысканіями и разсчетами и въ погонѣ за точностью и практичностью забываютъ высшія цѣли и задачи права, влагающія въ него жизнь и сообщающія ему идеальную силу. Средство излѣченія проф. Дернбургъ видитъ, однако, не въ развитіи и расширеніи философскаго кругозора юристовъ и не въ изученіи общественныхъ явленій въ ихъ взаимной связи и соотношеніи, не въ философіи

Digitized by Google

и соціологіи, короче говоря, а въ развитіи художественной способности—*фантазіи*. Проф. Дернбургъ не отрицаетъ ни реальныхъ факторовъ правообразованія, указанныхъ съ особою силой Іерингомъ, т.-е. потребностей экономической жизни, политическаго и соціальнаго строя, интереса и борьбы классовъ и т. д., ни точныхъ методовъ изученія. Но онъ думаетъ, что въ правѣ есть и еще нѣчто такое, что не объясняется реальными факторами и что не улавливается точными методами. Это нѣчто есть народное пониманіе права въ каждый данный моментъ его развитія,—пониманіе, которое пріурочивается не только къ практическимъ цѣлямъ права, а и къ традиціоннымъ представленіямъ объ его составѣ и дѣйствіи, образующимся безсознательно въ душѣ народа и связаннымъ у него неразлучно съ сознаніемъ зависимости своей отъ чего-то высшаго, возбуждающаго чувство благоговѣнія. Это пониманіе есть выраженіе индивидуальности народа, которая не можетъ быть схвачена точными методическими вычисленіями, какъ не можетъ быть понята индивидуальность человѣка только при помощи анатоміи и физіологіи. Чтобы понять эту индивидуальность народа и предложить ему способныя воздѣйствовать на него со всею силою, т.-е. *соотвѣтствующія его психологіи нормы*, юристу и законодателю, по мнѣнію Дернбурга, слѣдуетъ обладать еще *фантазіей*, которая подняла бы ихъ на уровень народной души и дала бы имъ возможность придать такое выраженіе юридической нормѣ, которое не только достигло бы ея практическихъ цѣлей, но и постоянно указывало бы на ея высшій смыслъ, связанный съ высшими воспитательными цѣлями права. И студентамъ нужно преподавать науку, дѣйствуя на ихъ воображеніе и, такимъ образомъ, возбуждая въ нихъ представленія о смыслѣ всего права, котораго они теперь по большей части лишены. Понятіе *Фантазіи въ правѣ*, такимъ образомъ, очевидно, противопоставляется Дернбургомъ понятію *Цѣли въ правѣ*, увлекшей послѣ Іеринга современную юриспруденцію въ меркантилизмъ, хотя самъ Іерингъ больше, чѣмъ кто другой, былъ далекъ отъ него и, по признанію Дернбурга, несомнѣнно обладалъ огромной творческою силой фантазіи. Его личныя заслуги проф. Дернбургъ настолько цѣнитъ, что называетъ его даже Прометеемъ, похитившимъ огонь съ неба для современныхъ нѣмецкихъ юристовъ. Этимъ разсужденіямъ проф. Дернбурга, взятымъ въ изложенномъ смыслѣ, нельзя отказать въ остроуміи и нѣкоторой доли истины. Несомнѣнно, въ области изученія и регулированія явленій необъяснимыхъ точными методами или, по крайней мѣрѣ, не поддающихся объясненію въ настоящее время, художественная способность играетъ огромное значеніе. Простой разсчетъ не схватитъ явленія, а дѣйствіе на-угадъ способно внести произволъ въ сферу права. Художественное чувство лучше покажетъ здѣсь несоотвѣтствіе нормы положенію вещей, оно дастъ нужный законодателю *тактъ*. Тоже, конечно, и въ наукѣ. Тамъ, гдѣ пока область догадокъ, а не точнаго знанія, художественное чувство правды способно освѣтить многое и дать если не полное убѣжденіе, то руководящую нить къ дальнѣйшимъ изысканіямъ. Нечего говорить, конечно, о значеніи художественности и изложенія науки слушателямъ: для послѣднихъ слишкомъ часто любовь къ „фантазіи“ профессора перевѣшиваетъ любовь къ самой наукѣ. Но проф. Дернбургъ настолько преувеличиваетъ значеніе *Фантазіи въ правѣ*, что готовъ отвести ей первое мѣсто въ законодательствѣ и наукѣ. „Я осмѣлюсь утверждать,—говоритъ онъ,—что фантазія, въ концѣ-концовъ, основаніе всего права, она тотъ животворящій элементъ, благодаря которому

Digitized by Google

право существуетъ". А порицая неосновательныя во многихъ случаяхъ надежды на точный методъ и догматизмъ мысли современныхъ нѣмецкихъ юристовъ, онъ приводитъ арабскую пословицу, гласящую, что „одно зерно духа вѣситъ больше, чѣмъ двадцать шеффелей чисель". Однако, реальные элементы жизни, являющіеся факторами правообразованія, страницей дальше онъ самъ же называетъ „основными устоями права (Bausteine)", а то *пониманіе* точныхъ методовъ, съ которыми онъ борется, едва ли составляетъ сущность самихъ методовъ. Естествознаніе показываетъ, что точные методы стоятъ въ прямомъ соотвѣтствіи съ *философскими задачами* изслѣдованія и развиваются до тонкости съ усложненіемъ его задачъ. Во всякомъ случаѣ въ нихъ столько „зеренъ духа", что трудно и сказать, гдѣ ихъ больше—въ философской ли концепціи идеи, руководящей изслѣдователемъ, или тѣхъ приспособленіяхъ, которыя онъ дѣлаетъ, стараясь доказать идею на изслѣдованіи фактовъ. *Фантазія въ правѣ*, поэтому, конечно, никогда не замѣнитъ точныхъ методовъ и начала цѣлесообразности въ законодательствѣ, и не можетъ быть противопоставлена въ этомъ смыслѣ *Цѣли въ правѣ*. Между тѣмъ, въ иллюстраціяхъ своей мысли, которыми полна его брошюра, проф. Дернбургъ явно жертвуетъ реальнымъ смысломъ явленій фантазіи и притомъ въ очень важныхъ практическихъ вопросахъ, то относя на счетъ фантазіи явленія, объяснимыя и разсужденіемъ, то порицая, по недостатку будто бы фантазіи у законодателей, нормы, заслуживающія, несомнѣнно, лишь одобреніе и даже установленныя съ несомнѣннымъ уваженіемъ къ народной психологіи. Мы остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ въ виду интереса самихъ вопросовъ, затрогиваемыхъ проф. Дернбургомъ.

Исключительно на счетъ творчества *Фантазіи въ правѣ* Дернбургъ относитъ, между прочимъ, *судъ присяжныхъ*. Признавая самъ его огромное воспитательное значеніе для народа, Дернбургъ въ то же время говоритъ, что съ логической точки зрѣнія будто бы „нѣтъ большей аномаліи въ современномъ судоустройствѣ, какъ этотъ судъ. Во всѣхъ другихъ дѣлахъ рѣшаютъ ученые судьи, слѣдовательно, спеціалисты дѣла съ участіемъ или безъ участія представителей общества. Въ важнѣйшихъ же дѣлахъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о свободѣ и жизни гражданъ, рѣшаютъ не ученые судьи, а простые обыватели, необразованные люди. Во всѣхъ дѣлахъ приговоры мотивируются, а присяжные рѣшаютъ безъ указаній своихъ мотивовъ" и т. д. Въ *Цѣли въ правѣ* Іеринга какъ разъ можно найти, однако, очень серьезныя логическія и соціологическія соображенія, оправдывающія существованіе суда присяжныхъ. И Іерингъ „съ изумленіемъ спрашивалъ себя, какимъ образомъ столь несовершенный институтъ могъ праздновать такіе тріумфы, находить всюду открытыя двери?" Однако, онъ нашелъ отвѣтъ внѣ *Фантазіи*. „Очевидно,—говоритъ Іерингъ,—этому содѣйствовали вѣскія побудительныя причины. Институтъ присяжныхъ освободилъ нашу юстицію отъ двоякаго гнета, давившаго ее до него,—отъ гнета абсолютизма и отъ бремени средневѣковой теоріи доказательствъ,—двѣ драгоцѣнныя, неоцѣнимыя заслуги. Въ обоихъ отношеніяхъ предстояло радикально порвать съ прошедшимъ и для этого не было болѣе подходящаго средства какъ судъ присяжныхъ" (см. *Цѣль въ правѣ*, русск. пер. изд. Н. В. Муравьевымъ. Спб., 1881 г., стр. 303). И въ конституціонномъ государствѣ Іерингъ является противникомъ суда присяжныхъ только потому, что ошибочно полагаетъ исчезнувшимъ здѣсь безъ остатка абсолютизмъ бюрократіи и сильно идеализируетъ германское „правовое государство"

Digitized by Google

Насчетъ *недостатка фантазіи* у законодателей совершенно неправильно, съ другой стороны, ставитъ проф. Дернбургъ современную германскую организацію заключенія брака, именно форму *обязательнаго гражданскаго брака*, независимаго отъ церковнаго и ему предшествующаго. Проф. Дернбургъ защищаетъ лишь такъ называемый факультативный гражданскій бракъ, т.-е. не лишающій юридической силы церковный бракъ, а стоящій лишь рядомъ съ нимъ для того, чтобы не насиловать совѣсти лицъ, не желающихъ прибѣгать къ церковному или почему-нибудь не имѣющихъ доступа къ нему (разница вѣроисповѣданій). Гражданскій бракъ лишенъ торжественной формы, импонирующей чувству брачующихся. „Въ пустой канцеляріи, дѣловымъ образомъ, поистинѣ безотрадно совершается актъ гражданскаго бракосочетанія, едва ли иначе, чѣмъ отчужденіе земельнаго участка. Нѣтъ здѣсь ничего, что напоминало бы о значеніи союза для жизни“ (стр. 27), между тѣмъ, „церковь оказываетъ глубочайшее воздѣйствіе на чувства“ (стр. 24). Если бы рѣчь шла о томъ, сохранить ли *только* церковный бракъ, или ввести взамѣнъ его гражданскій, тогда, конечно, соображенія проф. Дернбурга имѣли бы то или иное значеніе. Но онъ самъ же признаетъ, что лишить Германію гражданскаго брака нельзя въ силу потребностей жизни, между прочимъ, различія вѣроисповѣданій. А въ этомъ случаѣ, какъ показалъ опытъ, на который ссылаются и составители проекта германскаго уложенія, факультативный гражданскій бракъ гораздо болѣе вреденъ, чѣмъ общеобязательный. Только послѣдній пріурочиваетъ юридическое значеніе брака къ одному моменту и даетъ возможность удержать единство составленія одного изъ важнѣйшихъ актовъ гражданскаго состоянія и провести требованіе опредѣленныхъ законныхъ условій заключенія брака. Отдѣлить же юридическую силу брака отъ записи въ книги, наприм., установленіемъ спеціальнаго учрежденія, въ которомъ производилась бы повѣрка браковъ, уже заключенныхъ церковнымъ порядкомъ, совершенно невозможно. Разъ будетъ установлено центральное учрежденіе, въ которомъ будетъ сосредоточено веденіе записей браковъ, заключенныхъ по обрядамъ различныхъ вѣроисповѣданій и гражданскимъ порядкомъ, до момента записи брака или ея утвержденія въ этомъ учрежденіи бракъ будетъ считаться сомнительнымъ, если на учрежденіе будетъ возложена повѣрка брачныхъ документовъ; безъ такой повѣрки придется считаться со взглядами на бракъ различныхъ вѣроисповѣданій и, во всякомъ случаѣ, съ возможностью обхода государственныхъ предписаній, касающихся брака. Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ бракъ, заключенный по обрядамъ всякаго вѣроисповѣданія, считается дѣйствительнымъ съ момента совершенія обряда, но и здѣсь полная юридическая сила его пріурочивается къ записи въ центральномъ учрежденіи въ интересахъ повѣрки документовъ и законности его совершенія, что, въ концѣ-концовъ, ведетъ къ преобладающему значенію записи, а это послѣднее совершенно аналогично тому, что и запись брака между лицами, давно состоящими во внѣбрачномъ сожительствѣ, устанавливаетъ между ними бракъ съ момента начала сожительства,—результатъ, едва ли согласный съ нѣмецкою „народною фантазіей“. Общеобязательный гражданскій бракъ гораздо консервативнѣе.

Другіе примѣры, приводимые Дернбургомъ, еще менѣе способны поддержать его увлеченіе фантазіей. Онъ, наприм., очень сожалѣетъ, что законодатель, вопреки народнымъ привычкамъ, единицами мѣры считаетъ метръ, аръ, гектаръ, тогда какъ народъ говоритъ еще о

Digitized by Google

Fuss, Schuh, Ruthen, Morgen и т. д. Но какимъ образомъ законодателю ввести правильную систему мѣръ, сохранивъ старыя привычки? Разъ реформа необходима, нельзя жалѣть о старинѣ. Иногда, притомъ, сохраненіе старины и уваженіе въ этомъ смыслѣ народной фантазіи явно граничатъ съ освященіемъ предразсудковъ и подаютъ руку реакціи. Проф. Дернбургъ самъ упоминаетъ о томъ, что народъ привыкъ окружать извѣстною обстановкой, воздѣйствующею на фантазію, уголовныя наказанія и казни. Не слѣдовать же и здѣсь законодателю за народною фантазіей или самому создавать, по его требованію, эту обстановку, воздѣйствующую на то, „дабы другимъ не повадно было"?! Разсужденія проф. Дернбурга объ уголовномъ правѣ (стр. 28 сл.) ничуть не говорятъ противъ такого предположенія.

Примѣровъ значенія фантазіи въ научномъ изысканіи Дернбургъ, кромѣ указанія на Іеринга, не даетъ. Но и Іерингъ гораздо меньше обязанъ своими работами фантазіи, чѣмъ своему философскому кругозору и точнымъ методамъ, о которыхъ онъ не разъ говорилъ и изложеніемъ которыхъ началъ два главныхъ отдѣла своего *Духа римскаго права*. На Іерингѣ же можно видѣть, какъ при одной и той же художественной способности различны результаты, достигаемые разными методами. Ничего не даютъ также и разсужденія проф. Дернбурга о методѣ преподаванія права. Онъ, повидимому, не признаетъ потребности тѣхъ принципіальныхъ измѣненій методы, о которыхъ говорятъ Гарейсъ и Эренбергъ, и ограничивается лишь указаніемъ на необходимость дать студентамъ „воззрѣніе" на предметъ, конкретное представленіе о немъ. „Очень печально,—говоритъ онъ,—что юридическое изученіе состоитъ только въ заучиваніи юридическихъ нормъ и датъ законовъ, что наука обращается какъ бы въ какой-то гербарій, въ которомъ классифицируются лишенныя сока и силы растенія. Такое знаніе не имѣетъ цѣны, можетъ быть прямо вредно, такъ какъ мертво и затемняетъ безпристрастное пониманіе жизненныхъ отношеній. Должно быть элементарнымъ требованіемъ, чтобъ учащійся былъ такъ воспитанъ, чтобы при каждой нормѣ тотчасъ же могъ бы представить и ея результатъ или имѣть предъ глазами жизненный случай ея приложенія. *Если, наприм., студентъ слышитъ, что купля-продажа не существующей вещи ничтожна, то ею фантазія тотчасъ должна ему привести и случай, наприм. бочку вина, относительно которой стороны ведутъ переговоры въ дѣловомъ помѣщеніи въ то время, когда бочка, о которой идетъ рѣчь, вытекла въ погребъ*" и т. д. Нѣсколько ниже онъ выражается еще опредѣленнѣе: юридическое образованіе должно стремиться къ тому, чтобы научить студента „juristisch fabuliren". И только!... Намъ кажется на этотъ разъ бѣдной фантазія самого проф. Дернбурга и гораздо болѣе проникнутыми ею рѣчи Гарейса и Эренберга.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

„Die Sprachen des Kaukasischen Stammes" *von K. von-Erckert.*— „Księga przysłów, przypowieści i wyrażeń przysłowiowych polskich. Zebrał i opracował" *Samuel Adalberg.*

Die Sprachen des Kaukasischen Stammes von R. von-Erckert. Wien, 1895. (Mit einem Vorwort von prof. Dr. Friedrich Müller). Въ концѣ прошлаго года вышла книга генерала русской службы Р. фонъ-Эркерта, посвященная кавказскимъ языкамъ. Извѣстный лингвистъ

Digitized by Google

проф. Фридрихъ Мюллеръ въ Вѣнѣ снабдилъ этотъ объемистый томъ небольшимъ предисловіемъ, въ которомъ онъ обращаетъ вниманіе лингвистовъ и этнологовъ на трудъ генер. Эркерта. Авторъ настоящаго сочиненія,—говоритъ проф. Мюллеръ,—внесъ въ сокровищницу науки богатый новый матеріалъ, обработавъ его съ большимъ прилежаніемъ и глубокимъ пониманіемъ. Рѣдко въ сравнительно-лингвистическомъ трудѣ встрѣчается такая масса нарѣчій, какъ въ предлежащей работѣ, прекрасно разъясняющей эти языки посредствомъ сборниковъ словъ и фразъ. Вѣнскій ученый теперь уже склоняется къ мысли, что кавказскіе языки восходятъ къ одному праязыку и что они составляютъ *самостоятельное семейство языковъ*, не имѣющее родства ни съ какимъ изъ извѣстныхъ группъ языковъ, причемъ процессъ отдѣленія настоящихъ кавказскихъ языковъ отъ ихъ праязыка представляетъ большое сходство съ отдѣленіемъ хамито-семитскихъ языковъ отъ ихъ праязыка. Предисловіе кончается выраженіемъ надежды, что трудъ г. Эркерта сильно подвинетъ впередъ занятія этнографіей и языковѣдѣніемъ кавказскихъ народовъ и возбудитъ цѣлый рядъ спеціальныхъ изслѣдованій.

Трудъ г. Эркерта состоитъ изъ двухъ частей: Wörterverzeichniss и Sprachproben und grammatische Skizzen. Первая часть заключаетъ словарь 545 выраженій, равномѣрно распространенныхъ на всѣ изслѣдуемые языки Кавказа; вторая представляетъ сходственный списокъ фразъ (около 200) изъ болѣе чѣмъ 40 языковъ и нарѣчій, дающій краткія формы склоненій и спряженій съ грамматическими примѣчаніями.

Языки кавказскаго семейства онъ разбиваетъ на слѣдующія группы: 1) *южно-кавказскій или иверійскій* (грузинскій) языкъ; 2) *сѣверо-кавказскіе горскіе языки*, заключающіе въ себѣ: А) *западно-горскіе*—абхазскій, черкесскій, кабардинскій и др.; Б) *восточно-горскіе*,—чеченскій, ингушскій, дидойскія и андійскія нарѣчія, аварскій языкъ и третья группа *юго-восточная* или *кюринская* съ языками арчинскимъ удинскимъ, рутульскимъ, цахурскимъ, табасаранскимъ и др.

Андійскія нарѣчія въ лексическомъ отношеніи представляютъ ближайшее родство съ аварскимъ и дидойскими языками. Особенно бросается въ глаза своеобразное усиленное произношеніе шипящихъ и гортанныхъ звуковъ. Чеченскій языкъ, на которомъ говорятъ до $^1/_4$ милліона жителей Кавказа—языкъ самостоятельный. Считавшіеся въ началѣ столѣтія въ числѣ нѣсколько сотенъ тысячъ человѣкъ, черкесы дѣлились на нѣсколько разныхъ племенъ, изъ которыхъ всѣ, кромѣ кабардинцевъ, лѣтъ 30 тому назадъ называли себя *адыге* и дѣлились на три главныя группы, представителями которыхъ были абадзехи, шапуги и убыхи. Послѣдніе—самое воинственное племя—всѣ выселились въ Турцію въ 60 годахъ нынѣшняго столѣтія.

Отъ разбора абхазскаго языка авторъ переходитъ къ грузинской (иверійской) группѣ, живущей къ югу отъ центральной части главнаго Кавказскаго хребта и по прибрежью Чернаго моря въ бассейнахъ Ингури, Ріона, Куры и Чороха, заходя по берегу моря въ турецкую территорію. Изученіе грузинскаго и всѣхъ вообще кавказскихъ языковъ началось съ конца прошедшаго столѣтія трудами Гильденштедта и Клапрота, за которыми въ наше время послѣдовали бар. Усларъ и Шифнеръ. Фр. Мюллеръ въ своемъ трудѣ „Grundriss der Sprachwissenschaft“ (т. III, отд. 2. Вѣна, 1887, 48—224) не разрѣшилъ вопроса о родствѣ между сѣверо и южно-кавказскою группою языковъ. Генералъ Эркертъ же на основаніи новыхъ данныхъ приходитъ къ заключенію,

Digitized by Google

что нельзя сомнѣваться во внутреннемъ родствѣ между картвельскими (грузинскими) языками и языками западныхъ и восточныхъ горцевъ. Эта мысль требуетъ болѣе внимательнаго и детальнаго изученія и пока остается для насъ не вполнѣ убѣдительнымъ утвержденіе родства между этими тремя самостоятельными группами языковъ на основаніи одного лексикона, какъ у г. Эркерта. Нужно обратить вниманіе и на грамматическій строй этихъ языковъ.

Księga przysłów, przypowieści i wyrażeń przysłowiowych polskich. Zebrał i opracawał Samuel Adalberg. Warszawa. 1894. Cena Rs. 3. Трудъ г. Адальберга несомнѣнно представляетъ собой одно изъ наиболѣе выдающихся явленій въ современной польской литературѣ. Это первое полное собраніе польскихъ пословицъ, явившееся плодомъ двѣнадцатилѣтняго труда составителя, замѣчательно какъ по полнотѣ и богатству матеріала, такъ и по научной обработкѣ послѣдняго. Составитель сборника постарался собрать по возможностм все, что существовало до сихъ поръ по литературѣ польскихъ пословицъ, какъ въ печати, такъ и въ рукописяхъ, помимо, конечно, обыкновеннаго способа собиранія пословицъ путемъ записыванія слышаннаго. Благодаря возможности пользоваться не только общественными книгохранилищами, но и богатыми частными собраніями книгъ и рукописей, г. Адальбергъ овладѣлъ огромною массой источниковъ, часто весьма рѣдкихъ. Чтобы дать понятіе объ этомъ обиліи источниковъ, достаточно сказать, что перечисленіе ихъ въ алфавитномъ порядкѣ въ началѣ книги занимаетъ тридцать страницъ. Въ книгу вошло около тридцати тысячъ пословицъ, не считая огромнаго количества варіантовъ (около сорока тысячъ) и цитатъ изъ старинныхъ авторовъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ превосходная обработка матеріала, какую рѣдко можно встрѣтить. Послѣ каждой пословицы слѣдуютъ варіанты ея, если таковые встрѣчаются. Если пословица или варіантъ взяты изъ какого-нибудь источника, то слѣдуетъ ссылка на этотъ источникъ, полное заглавіе котораго читатель можетъ найти сейчасъ же по приложенному къ книгѣ алфавитному списку источниковъ. Если варіантовъ нѣсколько, то они расположены въ хронологическомъ порядкѣ источниковъ, изъ которыхъ они взяты. Затѣмъ слѣдуютъ при многихъ пословицахъ цитаты изъ авторовъ XVI, XVII и XVIII столѣтій, имѣющія отношеніе къ приведенной пословицѣ, и, наконецъ, собственныя поясненія составителя при нѣкоторыхъ пословицахъ. Расположеніе матеріала также представляетъ особенность книги, выгодно отличающую ее отъ другихъ сборниковъ этого рода. Обыкновенно располагаютъ пословицы либо по алфавиту начальныхъ буквъ, либо по общему смыслу подъ произвольнымъ количествомъ рубрикъ. И тотъ и другой способъ представляютъ значительныя неудобства, и потому г. Адальбергъ принялъ самостоятельный и очень удачный методъ; онъ основанъ на расположеніи пословицъ въ подробномъ алфавитномъ порядкѣ словъ, составляющихъ ядро пословицы, иначе сказать—словъ, къ которымъ относится содержаніе пословицы. Но такъ какъ одно и то же слово можетъ оказаться подъ разными заголовками, смотря по его мѣсту въ пословицѣ, то въ концѣ книги приложенъ еще указатель, состоящій изъ алфавитнаго списка почти сорока тысячъ словъ, противъ каждаго изъ которыхъ находятся указанія, въ какихъ пословицахъ встрѣчается это слово. Намъ остается еще прибавить, что эта книга, представляющая собой очень солидный томъ большого формата въ восемьсотъ слишкомъ страницъ, стоитъ очень дешево; это рѣдкій примѣръ, когда спеціальный ученый трудъ становится доступнымъ по цѣнѣ широкому кругу читателей.

Digitized by Google

ПУТЕШЕСТВІЯ.

„Изъ Одессы пѣшкомъ по Крыму". *М. А. Бернова.*—„Швейцарія и ея учрежденія". *Эдемса и Коннинтона.*

Изъ Одессы пѣшкомъ по Крыму. М. А. Бернова. Спб., 1896 г. Цѣна 85 коп. Книжка начинается *біографическимъ очеркомъ*, изъ котораго мы узнаемъ, что авторъ родился въ 1864 г., литературныя способности унаслѣдовалъ отъ своего отца, десятилѣтнимъ мальчикомъ редактировалъ рукописный журналъ для дѣтей, въ которомъ помѣщалъ свои первые стихи и разсказы, обучался въ военной гимназіи, потомъ въ Александровскомъ военномъ училищѣ, въ 1883 г. произведенъ въ офицеры, 1886 г. вышелъ въ запасъ, писалъ театральныя пьесы, самъ занимался театральною антрепризой, въ 1890 г. держалъ въ Парижѣ „Франко-русскій салонъ", имѣвшій цѣлью пропагандировать русское искусство, читалъ какія-то лекціи въ Парижѣ, въ Брюсселѣ и др. городахъ, ходилъ пѣшкомъ изъ Петербурга въ Парижъ, потомъ въ Ниццу, ходилъ пѣшкомъ по Испаніи и по Алжиру и, вернувшись въ Россію, въ 1894 г. прошелъ изъ Одессы до Алушты на южномъ берегу Крыма. Объ этомъ послѣднемъ путешествіи г. Берновъ повѣствуетъ въ лежащей передъ нами книжкѣ. Мѣстъ авторъ исходилъ много и насмотрѣлся всего вдоволь, а повѣствуетъ онъ о своихъ странствованіяхъ совсѣмъ не интересно, хотя и подробно, не пропуская безъ вниманія ни одной случайной встрѣчи, ни одного своего разговора, ни завтрака, ни обѣда, ни ночлега. Дѣлаетъ это г. Берновъ въ такомъ родѣ: „Пришла бабка лѣчить хозяйку, старая-престарая. Носъ—клювомъ, кожа виситъ, одни глаза добрые... Бабка повела ее (хозяйку) шептать. Тѣмъ временемъ дождь прошелъ, воздухъ очистило, пыль прибило. Пошелъ пройтись по деревнѣ. Возвращался съ поля скотъ. Свиньи барахтались въ лужахъ. Отошла всенощная. Міряне тянуло въ кабакъ. Меня ко сну. Спокойной ночи, дорогой читатель!" Это конецъ третьей главы, а вотъ начало четвертой: „Заснуть мнѣ какъ слѣдуетъ не привелось: всю ночь осаждали чайный трактиръ потребители водки. Я обрадовался разсвѣту, розовой зорькой заглянувшему въ окно. Встрепенулся, потянулся и пошелъ. Утро стояло дивное. Идти было хорошо, а дышать и того лучше. Жаль мнѣ васъ, городскіе лѣнтяи, валяющіеся въ постели, когда на дворѣ такая благодать. Я васъ жалѣю, а вы—меня". Въ Очаковѣ авторъ познакомился съ отцомъ извѣстнаго художника-мариниста В. Г. Судковскаго, отмѣтилъ, что художникъ родился въ 1850 г., умеръ въ 1885 г., а на слѣдующей страницѣ нашелъ нужнымъ, „для полнаго знакомства съ личностью *маститаго* художника, назвать его лучшія картины", и называетъ четыре картины, несомнѣнно, высоко-талантливаго человѣка, умершаго слишкомъ молодымъ, а ужъ никакъ не „маститымъ". Вкусы г. Бернова представляются намъ довольно странными: онъ восхищается Оріандой и Массандрой, весьма равнодушно говоритъ про Алупку и въ полномъ восторгѣ отъ Гурзуфа. „Напримѣръ, Гурзуфъ... что за прелесть! особенно вечеромъ,—восклицаетъ Берновъ.—Губонинъ обратилъ свое имѣніе въ какой-то увеселительный садъ, понастроилъ кокетливыхъ дачъ, разбилъ въ саду цвѣтники, разбросалъ фонтаны, бесѣдки, цѣлыя веранды, все это освѣтилъ электричествомъ, и получилось нѣчто вродѣ московскаго Петровскаго парка или петербургской Ливадіи, Крестовскаго. Нѣкоторымъ такая эксплуатація крымской природы не нравится, но я люблю разно-

Digitized by Google

образіе, и послѣ царскихъ Оріандъ, Ливадій или безалаберной Ялты пріятно очутиться въ Гурзуфѣ, гдѣ подъ звуки опереточныхъ мотивовъ, при звонѣ стакановъ и ресторанномъ шумѣ, въ освѣщенномъ электричествомъ саду, шмыгаютъ купеческія дочки, выступаютъ павами аристократки и, рисуясь, гуляютъ чахоточные чиновники. Этотъ видъ благоустроеннаго курорта меня необыкновенно веселитъ". Искренность тона автора не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что онъ вправду восхваляетъ всѣ эти кафе-шантанныя „прелести", и поневолѣ приходится сказать: „Не поздоровится отъ эдакихъ похвалъ". А, впрочемъ, одинъ очень почтенный военный генералъ при такомъ разномнѣніи примирительно говорилъ: „De gustibus—*aut bene, aut nihil!*" Посему и мы заключаемъ: г. Берновъ находитъ, что Гурзуфъ—прелесть,—ну, и *bene!*

Швейцарія и ея учрежденія. Эдемса и Коннингэма. Переводъ съ англ. При составленіи настоящей книги ея авторами руководило желаніе дать моимъ соотечественникамъ, совершающимъ путешествія по Швейцаріи, болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ этой странѣ, чѣмъ тѣ, которыя можно найти въ обыкновенныхъ путеводителяхъ. Поставленная цѣль достигнута ими вполнѣ успѣшно. Можно сказать больше: обстоятельность и добросовѣстность ихъ работы дѣлаетъ ее весьма пригодной не для однихъ путешественниковъ, но и для всѣхъ, кто только интересуется внутреннимъ строемъ гельветической республики. Объ обстоятельности книги можно судить уже по одному оглавленію: отдѣльныя главы посвящены швейцарской конституціи, исторіи страны, ея государственнымъ учрежденіямъ (законодательнымъ и исполнительнымъ), судамъ, партіямъ, учрежденіямъ кантональнымъ и общиннымъ, арміи, религіи, образованію, земледѣлію, промышленности и торговлѣ. Вездѣ авторы держатся строго-фактической почвы, сообщаютъ не мало любопытныхъ цифръ и обыкновенно воздерживаются отъ собственныхъ сужденій. Наиболѣе удачной кажется намъ глава, посвященная промышленности и торговлѣ, и наиболѣе слабой—сухой и весьма недостаточный историческій очеркъ. Заканчивается вся книга весьма полезнымъ приложеніемъ русскаго переводчика: обзоромъ политическихъ событій за послѣдніе годы.

При безспорной обстоятельности сочиненія Эдемса и Коннингэма, оно не избавлено все же отъ извѣстныхъ пробѣловъ. Самыми главными пробѣлами являются, по нашему мнѣнію, полное игнорированіе авторами швейцарской науки и литературы (даже періодической печати), скудость свѣдѣній о рабочемъ движеніи и невниманіе къ швейцарской податной системѣ. Отдѣльные вопросы разработаны также не всегда съ одинаковою полнотой. Такъ, наприм., въ главѣ о просвѣщеніи говорится о расходахъ на это дѣло и о его внѣшней организаціи, но мы ничего не находимъ ни о программахъ, ни объ учебныхъ пособіяхъ, ни о методахъ преподаванія. Такъ же подробно разсмотрѣны швейцарское судопроизводство и судоустройство, но читатель остается въ невѣдѣніи относительно характера гражданскихъ и уголовныхъ законовъ страны. По многихъ вопросахъ авторы какъ бы скользятъ по поверхности, не проникая вглубь. Нельзя умолчать и объ одномъ внѣшнемъ недостаткѣ: распредѣленіе по главамъ не отличается ни систематичностью, ни стройностью. Едва ли стоило удѣлять отдѣльныя главы вопросу о смертной казни и международнымъ союзамъ, но было бы полезно выдѣлить въ особую главу разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ замѣчанія объ отношеніяхъ Швейцаріи съ сосѣдними странами. Политическимъ партіямъ посвящена въ книгѣ гл. VII, затѣмъ о соціалистахъ и

Digitized by Google

рится отдѣльно въ гл. XVI, а о соціалъ-демократахъ въ гл. XX, представляющей собою „заключеніе“, куда введены совершенно разнородные вопросы о монополіи крѣпкихъ напитковъ, о подоходномъ налогѣ съ Ваанланды, о религіозной терпимости, объ эмиграціи, объ арміи и т. дал. О референдумѣ говорится и въ гл. III, и въ гл. IV. Для читателей такая безсистемность, конечно, не совсѣмъ удобна.

Указанные недостатки не мѣшаютъ намъ признать книгу Эдемса и Коннингэма полезнымъ и хорошимъ руководствомъ для перваго ознакомленія съ государственнымъ и общественнымъ строемъ Швейцаріи.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Сборникъ публичныхъ лекцій, читанныхъ въ 1895 г. въ Ново-Александрійскомъ институтѣ“. — „Сельско-хозяйственная экономія“. *А. Н. Шишкина*. Часть II. — „Примѣненіе и дѣйствіе чистыхъ дрожжей въ винодѣліи“. *Ю. Вортмана*.—„Обзоръ успѣховъ сельскаго хозяйства“. Сост. *С. М. Богданова*.

Сборникъ публичныхъ лекцій, читанныхъ въ 1895 г. въ Ново-Александрійскомъ институтѣ. Варшава, 1895 г. Ц. 1 руб. 25 коп. Русская публика, надо сознаться, имѣетъ очень мало свѣдѣній о Ново-Александрійскомъ институтѣ, который расположенъ слишкомъ далеко отъ центровъ нашей общественной жизни. А между тѣмъ институтъ, какъ высшее заведеніе, несомнѣнно призванъ служить общерусскимъ интересамъ и въ составѣ своихъ студентовъ имѣетъ представителей самыхъ разнообразныхъ мѣстностей Россіи. Въ послѣднее время дважды, въ весеннихъ семестрахъ 1893 и 1895 гг., въ институтѣ происходили публичныя лекціи, которыя, конечно, въ глухомъ посадѣ не могли привлечь многочисленной сторонней публики и главнымъ контингентомъ слушателей имѣли все тѣхъ же студентовъ.

Небольшой сборникъ, отпечатанный въ концѣ декабря, заключаетъ въ себѣ бо́льшую часть публичныхъ лекцій, читанныхъ въ январѣ, февралѣ и мартѣ 1895 года. Двѣ лекціи посвящены лѣсохозяйственнымъ вопросамъ, двѣ—земледѣлію и по одной—гигіенѣ и технологіи. Лекція проф. М. М. Орлова даетъ мастерской очеркъ исторіи русскаго лѣсного хозяйства въ связи съ его современнымъ положеніемъ и ближайшими задачами; большого вниманія заслуживаетъ конечный выводъ о томъ, что русскій лѣсъ долженъ стать подъ защиту общаго знанія. Проф. Н. М. Бурый разсмотрѣлъ важнѣйшихъ насѣкомыхъ, приносящихъ вредъ лѣсу, и отмѣтилъ мѣры борьбы съ этими насѣкомыми; горькимъ, но справедливымъ упрекомъ звучитъ одно изъ замѣчаній автора, указывающаго мимоходомъ, что казенный лѣсничій изъ-за массы входящихъ и исходящихъ номеровъ не можетъ *видѣть лѣса*. Въ лекціи проф. П. В. Будрина данъ историческій очеркъ главныхъ растеній полевой культуры; подобно лекціи М. М. Орлова, этотъ очеркъ напоминаетъ намъ, что историческое образованіе настойчиво стучится въ двери нашихъ высшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ.

Профессоръ физіологіи А. С. Сапоцкій выбралъ предметомъ своего чтенія гигіеническое значеніе солнечнаго свѣта—вопросъ несомнѣнно очень важный при оцѣнкѣ жилищныхъ условій нашего сельскаго быта. Профессоръ технологіи В. В. Шкателовъ читалъ о нефти, которая такъ быстро завоевала себѣ видную роль, какъ источникъ свѣта и тепла, а въ послѣднее время является механическимъ двигателемъ керосиновыхъ машинъ и въ видѣ бензина примѣняется для извлеченія растительныхъ маслъ.

Digitized by Google

Нѣсколько высокая цѣна, назначенная за *Сборникъ* (въ 12 печат. листовъ), объясняется тѣмъ, что выручка съ книги, какъ и съ самыхъ лекцій, назначается въ пользу недостаточныхъ студентовъ Ново-Александрійскаго института.

Сельско-хозяйственная экономія. А. Н. Шишкина. Часть II. Изданіе Девріена. Спб., 1896 г. Цѣна 85 коп. Вторая часть учебника, составленнаго профессоромъ А. Н. Шишкинымъ, содержитъ въ себѣ то, что иногда называютъ спеціальною сельско-хозяйственною экономіей, а именно ученіе объ организаціи, объ администраціи хозяйства въ имѣніяхъ и о контролѣ. Таксаціи не отведено особаго отдѣла; о ней вкратцѣ говорится лишь при изложеніи контроля и, кромѣ того, говорилось въ первой части сочиненія. Администрація заняла только 10 страничекъ, и почти исключительнымъ содержаніемъ второй части являются ученіе объ организаціи (1—184), а затѣмъ счетоводство (стр. 195—257). Ясное, живое и оригинальное изложеніе сельско-хозяйственнаго счетоводства въ учебникѣ проф. Шишкина должно обратить на себя особое вниманіе въ виду того, что наша русская литература очень бѣдна порядочными руководствами по этой важной отрасли сельско-хозяйственныхъ знаній. Можно быть увѣреннымъ въ томъ, что лица, которыя дадутъ себѣ трудъ ознакомиться съ двойнымъ счетоводствомъ въ изложеніи А. Н. Шишкина, хорошо поймутъ, насколько это двойное счетоводство проще, чѣмъ такъ называемое „простое“, а между тѣмъ простое счетоводство не даетъ яснаго понятія о сравнительныхъ размѣрахъ доходности отдѣльныхъ отраслей хозяйства, что съ успѣхомъ достигается счетоводствомъ двойнымъ.

Въ вопросѣ о поддержаніи плодородія въ русскихъ хозяйствахъ авторъ (стр. 75) рѣшительно склоняется въ пользу употребленія навоза, какъ главнаго удобрительнаго средства.

Примѣненіе и дѣйствіе чистыхъ дрожжей въ винодѣліи. Ю. Вортмана. Перевелъ съ нѣм. В. Винеръ. Спб., 1896 г. Цѣна 50 к. Профессоръ Вортманъ въ Гейзенгеймѣ завѣдуетъ, по порученію союза нѣмецкихъ виноградарей, первою спеціальною станціей по приготовленію чистыхъ дрожжей. Настоящая брошюра въ сжатой и популярной формѣ знакомитъ съ тѣмъ, что такое представляютъ собой чистыя дрожжи и какъ онѣ дѣйствуютъ. Благодаря новымъ работамъ по изслѣдованію броженія теперь научились получать колонію дрожжей, навѣрно происшедшихъ изъ одной произвольно выбранной клѣтки. Въ примѣчаніи переводчикъ, лично занимавшійся въ гейзенгеймской лабораторіи, описываетъ методъ выведенія чистыхъ дрожжей, примѣняемый у Вортмана. По мнѣнію автора, примѣненіе дрожжей, выписанныхъ изъ рѣзкотипичныхъ районовъ винодѣлія, поможетъ улучшенію винъ, не имѣющихъ опредѣленнаго характера. Съ этой стороны брошюра, переведенная В. В. Винеромъ, встрѣтитъ несомнѣнный интересъ въ средѣ винодѣловъ-практиковъ Кавказа, Крыма и Бессарабіи; примѣненіе чистыхъ дрожжей избавитъ технику отъ многихъ хлопотливыхъ и часто безцѣльныхъ пріемовъ. Помимо того, появленіе очерка Вортмана в русскомъ переводѣ можетъ быть привѣтствовано въ интересахъ общаго естественно-научнаго образованія.

Обзоръ успѣховъ сельскаго хозяйства въ 1893 г. Составилъ С. М. Богдановъ. Кіевъ, 1895 г. Это третій и послѣдній подъ тем решнимъ заглавіемъ сборникъ рефератовъ о растеніеводственной зоотехнической литературѣ, составленной кіевскимъ профессоромъ ономіи С. М. Богдановымъ. Подобно двумъ предшествовавшимъ

Digitized by Google

мамъ, третій томъ обозрѣваетъ не успѣхи практическаго хозяйства, а успѣхи теоретической мысли въ изслѣдованіи различныхъ вопросовъ относящихся къ земледѣлію (стр. 1—338) и скотоводству (стр. 339—448). „Экономика", представленная четырьмя страничками, можетъ вызвать только недоумѣніе.

Рефераты по растеніеводству весьма многочисленны и составлены очень обстоятельно: для многихъ опытовъ и анализовъ приведены подробные количественные результаты. Въ этомъ отношеніи *Обзоръ* является для нашей литературы незамѣнимымъ справочнымъ пособіемъ.

Приходится пожалѣть, что къ третьему тому, какъ и къ первымъ двумъ, не приложено никакого алфавитнаго указателя; нѣтъ даже подробнаго оглавленія. Желательно, чтобы новый агрономическій ежегодникъ былъ во всякомъ случаѣ снабженъ указателемъ, и чтобы содержаніе было расширено въ сторону агрономическаго обществовѣдѣнія.

МЕДИЦИНА.

„Изъ области школьной гигіены". *Проф. Ѳ. Ѳ. Эрисмана.*—„Половыя болѣзни". *Д-ра Шредера.*—„Суевѣріе въ медицинѣ". *Ф. Б. Германа.*—„Къ вопросу о наслѣдственности функціональныхъ измѣненій (Теорія наслѣдственности Вейсмана и возраженія Спенсера) *Студ. Б. Вырукова.*—„Одесскіе лиманы и ихъ лѣчебныя средства". *Е. Брусиловскаго.*—„Библіографическій указатель русскихъ диссертацій по медицинѣ и ветеринаріи съ 1860 по 1892 г.". *Сост. Н. П. Петровъ.*—„Проба новой печати „компактной", проектированной ради глазъ" *Инж.-техн. Вл. Ободовскимъ.*

Изъ области школьной гигіены. Санитарная обстановка учебныхъ заведеній. Проф. Ѳ. Ѳ. Эрисмана. Москва, 1895 г. Ц. 40 к. Въ составъ брошюры вошли двѣ лекціи, читанныя въ моск. собраніи врачей въ мартѣ 1895 г. и напечатанныя въ журналѣ *Вѣстн. Воспитанія*, по слѣдующимъ вопросамъ: 1) *школьный воздухъ* (воздушный кубъ, химическій составъ, содержаніе бактерій); 2) *освѣщеніе классныхъ комнатъ* (дневной свѣтъ, искусственное освѣщеніе и пр.); 3) *школьный столъ* (главные размѣры его и устройство); 4) *лѣтнія вакаціонныя колоніи* для бѣдныхъ и слабыхъ здоровьемъ дѣтей городскихъ школъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ послѣдній отдѣлъ, ибо, дѣйствительно, подобныя колоніи, составляющія у насъ рѣдкое явленіе, являются могучимъ средствомъ для охраны общественнаго здоровья, но, къ сожалѣнію, приходится согласиться съ авторомъ, что Москва и вообще все русское общество „очевидно, въ этомъ направленіи еще не расшевелились".

Половыя болѣзни. Д-ра В. Шрѣдера. Перев. съ нѣмецкаго. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к. Брошюра составляетъ одинъ изъ выпусковъ издаваемой Н. Лейненбергомъ популярной медицинской библіотеки подъ общимъ названіемъ *Врачъ въ домѣ*. Въ шести коротенькихъ главахъ (въ общей сложности 39 стр.) излагаются свѣдѣнія о свойствахъ и теченіи острaго триппера у мужчины, хроническаго триппера и суженія мочевого канала, триппера у женщины, мягкаго шанкра, сифилиса, о сифилисѣ и бракѣ, о наслѣдственномъ сифилисѣ и предупрежденіи этой болѣзни. Изложеніе имѣетъ въ виду читателей, получившихъ уже извѣстную научную подготовку, но вообще достаточно ясно, причемъ авторъ справедливо возстаетъ противъ „замалчиванія" сифилиса—признанія его „неприличною" болѣзнью, ибо „очень часто сифилисъ пріобрѣтается вовсе не вслѣдствіе распутства, а другими, совершенно безобидными, путями". Напротивъ, слѣдуетъ всѣми силами стараться

Digitized by Google

распространять въ народѣ и во всемъ обществѣ свѣдѣнія объ этой болѣзни, читать публичныя лекціи, назначать преміи и т. д.

Суевѣріе въ медицинѣ. Ф. Л. Германа. Харьковъ, 1895 г. Исторія суевѣрія въ смыслѣ изслѣдованія его генезиса, преемственнаго и постепеннаго измѣненія, представляетъ интересную область въ исторіи культуры. Въ названной брошюрѣ авторъ ограничивается лишь терапевтическими суевѣріями, наиболѣе распространенными среди культурныхъ народовъ. Не всегда суевѣріе въ медицинѣ носитъ простодушно-поэтическій характеръ, но гораздо чаще и до сихъ поръ оно вноситъ необычайныя страданія въ темную народную массу, вродѣ привязыванія живой мыши для излѣченія грыжи или „грызи", зажиганія обмотанной кругомъ живота пеньки („сонешница") и т. п. Авторъ приводитъ замѣчаніе проф. Ѳ. И. Буслаева, что „народное суевѣріе — это неразрывное сочетаніе поэзіи съ жизнью", но, въ то же время, напоминаетъ о томъ, что въ отдаленныхъ, глухихъ селахъ Россіи гибнутъ еще люди отъ суевѣрія. Для устраненія послѣдняго далеко не всегда „въ эту темь проникаютъ лучи просвѣщенія при посредствѣ народной школы" и далеко не вездѣ „заносятся сѣмена элементарныхъ знаній медицинскимъ персоналомъ". Правда, борьба со знахарями и бабками ведется довольно успѣшно, но успѣхъ этой борьбы возможенъ лишь при помощи разумно поставленнаго народнаго образованія при соотвѣтственномъ умственномъ развитіи такъ называемаго „образованнаго" общества, подчасъ не менѣе, чѣмъ темная масса, склоннаго къ суевѣрію. Брошюра читается съ большимъ интересомъ и содержитъ много интересныхъ историческихъ справокъ, указывающихъ связь между суевѣріемъ и научными гипотезами. Травы, пометъ животныхъ и птицъ, ушная сѣра и всякая гадость и т. д. пользовались цѣлебною славой, но особое влеченіе питало человѣчество къ драгоцѣннымъ камнямъ, приписывая имъ чудесныя свойства, перешедшія и въ наши народные травники. Такъ, „гранатъ-камень" у того, кто его носитъ, „рѣчь и смыслъ къ судебнымъ дѣламъ направляетъ". Не чужда суевѣрія иногда была и есть даже и самая наука, хотя оно теперь отошло уже въ область безсознательнаго.

Къ вопросу о наслѣдственности функціональныхъ измѣненій (Теорія наслѣдственности Вейсмана и возраженія Спенсера). Студента Бориса Бирукова. Спб., 1895 г. Ц. 30 к. Это—краткое изложеніе господствующей нынѣ гипотезы Вейсмана о наслѣдственности (теорія зародышевой плазмы) и возраженій Спенсера, опровергающаго ее. Вопросъ этотъ представляетъ громадное значеніе, но рѣшеніе его принадлежитъ будущему, и, надо замѣтить, названная брошюра лишь отчасти знакомитъ съ основными положеніями Вейсмановской теоріи, имѣющей весьма широкое приложеніе въ рѣшеніи многихъ соціологическихъ вопросовъ.

Одесскіе лиманы и ихъ лѣчебныя средства. Е. Брусиловскаго. Одесса, 1895 г. Авторъ описываетъ условія происхожденія лимановъ черноморскаго побережья, физическія и химическія свойства одесскихъ лимановъ (Куяльницкаго и Хаджибейскаго), лиманной грязи и вліяніе микроорганизмовъ на ея происхожденіе. Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе лѣчебныхъ средствъ лимановъ, формъ и способовъ ихъ примѣненія, физіологическаго вліянія лиманныхъ и грязевыхъ ваннъ, условій жизни въ лѣчебныхъ заведеніяхъ и т. д. Изъ желательныхъ улучшеній въ брошюрѣ намѣчается слѣдующее: улучшеніе водоснабженія, насажденіе парка, правильное и удобное устройство жилыхъ помѣщеній для

Digitized by Google

больныхъ, живущихъ на лиманѣ, удешевленіе жизни и пользованія лиманнымъ лѣченіемъ. Въ концѣ указана подробная литература объ одесскихъ лиманахъ (1803—1894 гг.), а равно приведены графическія изображенія колебаній уровня и плотности воды.

Библіографическій указатель русскихъ диссертацій по медицинѣ и ветеринаріи съ 1860 г. по 1 іюня 1892 г. включительно. Н. П. Петровъ. 2-е дополн. изд. Спб., 1892 г. Ц. 40 к. Невозможно сомнѣваться въ необходимости изданія сколько-нибудь полнаго перечня русскихъ медицинскихъ сочиненій, которыя не только трудно разсказать, но многіе изъ врачей не могутъ даже знать объ ихъ существованіи. Второе изданіе *Указателя* пополнено, кромѣ диссертацій, поименованныхъ въ изданіи 1888 г., работами по московскому, кіевскому и другимъ университетамъ, хотя главная часть содержитъ работы, произведенныя въ спб. в.-медиц. акад. Составитель откровенно признаетъ въ предисловіи, что трудъ его страдаетъ большими пропусками, ибо составленіе полнаго указателя невозможно безъ содѣйствія самихъ авторовъ-издателей, къ которымъ онъ вновь обращается съ просьбой о присылкѣ по экземпляру ихъ диссертацій для будущихъ изданій и на коммиссію для продажи въ книжномъ магазинѣ Н. П. Петрова въ Петербургѣ. Въ *Указателѣ* перечисляются 2,287 диссертацій, распредѣленныхъ на 13 отдѣловъ: 1) анатомія, гистологія и этіологія; 2) физіологія; 3) общая патологія и патологическая анатомія съ бактеріологіей; 4) общая терапія; 5) гигіена, медицинская топографія и статистика; 6) ветеринарія и проч.

Проба новой печати „компактной", проэктированной „ради глазъ" инженеръ-технологомъ Вл. Ободовскимъ. М., 1894 г. Ц. 20 к. Въ настоящее время, когда гигіена забирается все въ новыя и новыя области и всюду предъявляетъ свои требованія, въ печати замѣчается громадный наплывъ всякаго рода проектовъ и брошюръ, предпринимаемыхъ съ гигіеническою цѣлью. Къ числу подобныхъ предпріятій принадлежитъ и *Проба новой печати* г. Ободовскаго. Г. Ободовскому многое не нравится въ существующихъ формахъ печати: не нравится самый шрифтъ, не нравится контрастность между цвѣтами буквъ и бумаги, не нравится обычай брошюровки отдѣльныхъ листовъ въ книгу, не нравится, наконецъ, присутствіе нѣкоторыхъ „лишнихъ" буквъ, вродѣ ъ и й, ибо всѣ означенныя „непривлекательности" нашего шрифта г. Ободовскій находитъ не гигіеничными и „затрудняющими работу глаза". Такимъ образомъ, г. Ободовскій задается цѣлью изобрѣсти новый шрифтъ, соотвѣтствующій правиламъ гигіены.

Задача весьма похвальная, но, къ сожалѣнію, успѣхъ ея выполненія въ разбираемой брошюрѣ подлежитъ сомнѣнію. Признавая необходимость, „насколько это возможно, сохранить общепринятое очертаніе буквъ и тѣмъ сдѣлать новыя буквы легко узнаваемыми", г. Ободовскій заботится главнымъ образомъ о томъ, чтобы „придать буквамъ одномѣрность площадей ради равномѣрности воздѣйствія на органъ зрѣнія при процессѣ чтенія и, избѣгая угловатости и рѣшетчатости буквъ, придать имъ по возможности симметричность и во всѣхъ частяхъ ихъ начертаній округлость и площадность или компактность" (стр. 1). Повидимому, такія намѣренія вполнѣ удались составителю, и всѣ буквы предлагаемаго имъ образца новаго шрифта производятъ „равномѣрное" впечатлѣніе на органъ зрѣнія. Но, къ сожалѣнію, впечатлѣніе это даже черезчуръ равномѣрно, потому что одна буква выходитъ совершенно похожей на другую, и на долю читающаго выпа-

Digitized by Google

дастъ не совсѣмъ пріятная забота догадываться, какой звукъ слѣдуетъ употребить въ томъ или другомъ случаѣ.

Второе условіе проектированнаго шрифта заключается въ замѣнѣ контрастности между цвѣтами буквъ и бумаги менѣе рѣзкими оттѣнками. Противъ этого, конечно, нечего возражать, такъ какъ гигіеничность подобной мѣры не подлежитъ сомнѣнію; что же касается до слѣдующаго третьяго условія означеннаго шрифта, то оно способно привести всякаго въ положительное недоумѣніе. Г. Ободовскій находитъ, что двѣ цѣльныя страницы, которыя имѣетъ передъ своими глазами каждый читающій книгу, слишкомъ вредно дѣйствуютъ на его органъ зрѣнія и предлагаетъ не болѣе и не менѣе какъ уничтоженіе всѣхъ существующихъ формъ книги и переходъ къ первобытнымъ временамъ, когда люди читали по длиннымъ свиткамъ, перематывая ихъ изъ одной трубки въ другую. Не знаемъ, насколько подобная реформа окажется удобной для органа зрѣнія, но позволимъ себѣ замѣтить г. Ободовскому, что такой способъ чтенія если и уменьшитъ работу глазъ, за то отниметъ у читающаго человѣчества столько лишняго времени, что врядъ ли удовольствіе читать станетъ доступно многимъ. Наконецъ, какъ послѣднее условіе реформы печати, г. Ободовскій рекомендуетъ пропускать совсѣмъ нѣкоторыя буквы ради уменьшенія количества зрительныхъ впечатлѣній; объ этомъ уже не разъ поднимались разговоры въ печати, такъ что удобства и неудобства подобнаго пріема достаточно извѣстны, и о немъ мы распространяться не будемъ.

УЧЕБНИКИ, ДѢТСКІЯ КНИГИ.

„Разсказы изъ русской исторіи для сильно-грамотныхъ и повторительныхъ отдѣленій воскресныхъ школъ“.—„Новая практическая грамматика; этимологія и синтаксисъ“. *А. Тарабукина.*—„Наблюденія и замѣтки учителя рисованія“. *Я. Бѣлоусова.*—„Дворняжка“. Разсказъ для дѣтей. *М. К. Пріорова.*

Разсказы изъ русской исторіи. Для сильно-грамотныхъ и повторительныхъ отдѣленій воскресныхъ школъ. Спб., 1894 г. Ц. 15 к. Авторъ разбираемой книжки, пожелавшій остаться неизвѣстнымъ (имя его не обозначено ни на обложкѣ, ни подъ предисловіемъ), предназначаетъ свои *Разсказы изъ русской исторіи* для взрослыхъ учениковъ воскресныхъ школъ, т.-е. такихъ, которые уже познакомились съ главными фактами изъ родной старины и важнѣйшими историческими дѣятелями по книгамъ для чтенія Баранова, Бунакова и друг. Въ виду этого, по его собственному выраженію, „онъ позволилъ себѣ коснуться многихъ фактовъ мелькомъ въ общихъ обзорахъ, не посвящая имъ отдѣльныхъ разсказовъ“ (предисл.), наоборотъ, другимъ фактамъ и событіямъ отвелъ болѣе или менѣе значительное мѣсто. Такимъ образомъ, вопросъ заключается, во-первыхъ, въ томъ, удаченъ ли выборъ историческаго матеріала, а, во-вторыхъ, въ томъ, насколько удалось составителю скомбинировать и изложить этотъ матеріалъ.

Что касается до выбора матеріала, то нельзя не отдать должнаго автору: въ большинствѣ случаевъ, онъ совсѣмъ не останавливается на историческихъ фактахъ, не имѣющихъ значительнаго вліянія на общій ходъ исторіи Россіи. Самое упоминаніе о подобныхъ фактахъ могло бы только обременить память ученика воскресной школы, у котораго и безъ того слишкомъ мало времени для занятій исторіей. За то въ книжкѣ можно найти довольно длинныя статьи о событіяхъ,

Digitized by Google

такъ или иначе повліявшихъ на культурную исторію Россіи, а также характеристики важнѣйшихъ основъ ея политическаго строя. Поэтому тутъ встрѣчаются цѣлыя главы съ такими названіями, какъ „Русская правда", „Управленія въ Московскомъ государствѣ", „Военная служба", „Крестьянство", „Школы" и т. п. Къ такому пріему слѣдуетъ отнестись не иначе, какъ съ сочувствіемъ.

Не менѣе удовлетворительными кажутся намъ какъ комбинація матеріала, такъ и изложеніе его. Разбираемая книжка отнюдь не представляетъ изъ себя тѣхъ отрывочныхъ и разбросанныхъ разсказовъ, не имѣющихъ между собою никакой связи, кромѣ хронологической, которыми такъ богаты большинство учебниковъ исторіи. Наоборотъ, нашъ составитель, главнымъ образомъ, дорожитъ прагматизмомъ. Имѣя въ виду нѣкоторое предварительное знакомство учениковъ съ родною стариной, онъ располагаетъ матеріалъ не въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ, а по мѣрѣ надобности, то забѣгаетъ впередъ, то возвращается назадъ, благодаря чему такіе отдѣлы, какъ „Крестьянство", „Школы" и т. п., изложены отдѣльными очерками, а не разбросаны по частямъ. Если прибавить къ сказанному, что языкъ разбираемой книжки, при своей сжатости, отличается простотой и удобопонятностью, то достоинства ея будутъ еще очевиднѣе. Цѣна *Разсказовъ изъ русской исторіи* во всякомъ случаѣ вполнѣ доступна.

Новая практическая грамматика. Этимологія и синтаксисъ Учебное пособіе для одноклассныхъ и двуклассныхъ училищъ, преимущественно для тѣхъ, въ которыхъ элементъ учащихся смѣшанный—русскій и инородческій, и для самообразованія. А. Тарабукина. Спб., 1896 г. Цѣна 50 к. *Новая практическая грамматика* г. Тарабукина, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ вниманія. Уже взглядъ автора на „навыкъ зрительнаго органа", какъ на важное средство при изученіи орѳографіи (см. Предисл.), а также то мѣсто, которое отводится въ *Новой практической грамматикѣ* списыванію, заставляютъ выдѣлить эту книгу изъ всѣхъ остальныхъ подобнаго же характера; но этого мало. Учебникъ г. Тарабукина содержитъ въ себѣ весьма разнообразныя и въ большинствѣ случаевъ чрезвычайно раціональныя упражненія и такимъ образомъ является дѣйствительно практическимъ пособіемъ, которое можетъ даже научить кое-чему и безъ помощи преподавателя: не даромъ на обложкѣ книга названа пособіемъ „и для самообразованія". Что касается до плана, по которому написанъ учебникъ, то и онъ достаточно продуманъ и цѣлесообразенъ. Наконецъ, намѣреніе составителя имѣть въ виду интересы не только коренныхъ русскихъ учащихся, но и инородцевъ, которыхъ въ настоящее время не мало во многихъ русскихъ школахъ, слѣдуетъ считать выполненнымъ удачно.

Несмотря, однако, на все сказанное, въ книгѣ г. Тарабукина есть, все-таки, нѣсколько пробѣловъ или промаховъ, о которыхъ нельзя не пожалѣть и на которые считаемъ нужнымъ указать, тѣмъ болѣе, что авторъ „убѣдительнѣйше проситъ" въ заключеніи предисловія „подѣлиться съ нимъ замѣчаніями".

Начинаемъ съ упражненій. Среди нихъ есть не только скучныя и безполезныя, но и прямо вредныя. Къ таковымъ слѣдуетъ отнести, прежде всего, писаніе по 5 (стр. 19) и даже по 10 разъ (стр. 4) однихъ и тѣхъ же словъ. Вѣдь, помимо скуки, которую, безспорно, поселитъ въ учащихся подобное упражненіе, кто поручится, что со 2-го или 3-го раза учащіеся, въ силу однообразной работы, не станутъ дѣ-

Digitized by Google

лать ошибокъ,—какая же тутъ польза? То же самое можно сказать и по поводу образцовъ склоненій, которыя г. Тарабукинъ предлагаетъ 2 раза въ своей книгѣ (стр. 52, 53 и стр. 63); какъ бы хорошо ни были заучены учащимися окончанія отдѣльно взятыхъ словъ, тѣ же окончанія словъ въ цѣлыхъ предложеніяхъ всегда затрудняютъ,—къ чему же тратить время и силы учащихся на образцы склоненій? Далѣе, если г. Тарабукинъ совершенно основательно въ предисловіи считаетъ „лишними и неудобными" тѣ упражненія-задачки „съ пропускомъ буквъ, слоговъ и проч. или съ двоякимъ начертаніемъ словъ", которыя помѣщаются во многихъ элементарныхъ учебникахъ, то зачѣмъ самъ онъ предлагаетъ учащимся „придумать" нѣсколько такихъ-то словъ (стр. 49) или такихъ-то примѣровъ (стр. 69)? Развѣ „придуманныя" слова, а тѣмъ болѣе цѣлые примѣры учащіеся не могутъ написать съ ошибками, и развѣ, стало-быть, такія упражненія не вредны?

Отъ упражненій переходимъ къ правиламъ и опредѣленіямъ. Не вездѣ г. Тарабукинъ даетъ точныя опредѣленія и не всегда ясно выражаетъ правила. Остановимся на нѣсколькихъ примѣрахъ: „Слова, разсматриваемыя отдѣльно (?) отъ предложенія, называются *частями рѣчи*" (стр. 33); или „*вводное слово* выражаетъ *сомнѣніе, предположеніе* и *большую достовѣрность*" (а выраженіе *стало-быть* или *наконецъ?*) (стр. 134); или еще: „предложеніе, въ которомъ есть *два* или *нѣсколько подлежащихъ*, а также (?) нѣсколько *сказуемыхъ*, называется *сметнымъ*" (стр. 135).

Наконецъ, нельзя обойти молчаніемъ кое-какихъ непослѣдовательностей въ учебникѣ г. Тарабукина. Такъ, на стр. 28 находимъ объясненіе слова *признакъ*, а на стр. 22, т.-е. ранѣе, это слово употребляется какъ понятное; на стр. 90, рядомъ съ творит. падеж. мѣстоименія *мною* въ скобкахъ поставлено окончаніе *ой*, рядомъ съ творит. падеж. мѣстоим. *тобою*—окончаніе *ой* и т. д., а въ склоненіяхъ существительныхъ въ параллельныхъ случаяхъ (стр. 58, 64) никакихъ скобокъ нѣтъ; на стр. 124 встрѣчаемъ упоминаніе *обстоятельственнаго слова*, а выясненіе его находимъ ниже, и проч. Нельзя также не замѣтить здѣсь, что г. Тарабукинъ напрасно придерживается дѣленія существительн. на три склоненія (стр. 51), такъ какъ всякое такое дѣленіе произвольно и обременять учащихся запоминаніемъ его не слѣдуетъ, и что взаимный залогъ онъ опредѣляетъ невѣрно, какъ оканчивающійся на *ся* (стр. 96), потому что глаголъ *спорить*, напримѣръ, несомнѣнно, взаимнаго залога.

Въ заключеніе не можемъ не прибавить относительно умѣстности въ учебникѣ указаній на правописаніе Грота,—умѣстности, въ которой сомнѣвается г. Тарабукинъ (Предисл.), что составитель, по нашему мнѣнію, вполнѣ неправильно смотритъ на это правописаніе: оно дѣйствительно годится болѣе всего для того, чтобы при посредствѣ его „подчеркнуть сомнительные случаи правописанія".

Наблюденія и замѣтки учителя рисованія (матеріалы для преподаванія съ пояснительными чертежами). Я. Бѣлоусова. Севастополь, 1896 г. Цѣна 1 р. Въ разбираемой книжкѣ есть кое-какія хотя и элементарныя, но здравыя мысли, и таковой прежде всего слѣдуетъ считать разсужденіе г. Бѣлоусова, что „если обучать грамотѣ можно каждаго, за исключеніемъ развѣ слабоумныхъ, то и по раціонально веденной системѣ въ такой же степени можно обучить нормальнаго человѣка и рисованію" (стр. 6). Тѣмъ не менѣе, *Наблюденія и замѣтки* были бы гораздо цѣннѣе, еслибъ авторъ ихъ отличался мень-

Digitized by Google

шею безграмотностью и большею скромностью. Что касается до его грамотности, то вотъ, напримѣръ, какія предложенія встрѣчаемъ мы у него: „успѣхи учащихся всецѣло зависятъ отъ личности преподавателя, такъ какъ у послѣднихъ (?), кромѣ личнаго (?) наложенія преподавателемъ правилъ и пріемовъ изучаемаго, нѣтъ въ распоряженіи никакихъ руководствъ, которыя знакомили бы учащихся съ теоріей предмета" (стр. 1); или еще: „я не сторонникъ „вращающихся" проволочныхъ моделей, въ которыхъ у всѣхъ рисующихъ повѣрка(,) дѣлается посредствомъ безцеремоніи (?) геометрально нарисованнаго квадрата" (стр. 30). Не трудно признать, что понять подобныя предложенія сразу довольно мудрено, а между тѣмъ г. Бѣлоусовъ, повидимому, очень высоко цѣнитъ себя и свои разсужденія, такъ какъ на каждой страницѣ носится со своимъ „я", пока уже во 2-й половинѣ книжки не приходитъ къ совершенно правильному сознанію, что въ описанныхъ имъ пріемахъ „нѣтъ ничего новаго" (стр. 32). Дѣйствительно, г. Бѣлоусовъ не говоритъ ничего новаго, и послѣ заключенія, что авторъ *Наблюденій и замѣтокъ* — человѣкъ не безъ самомнѣнія, читатель вынесетъ изъ чтенія ихъ еще развѣ то, что этотъ авторъ не чуждъ недавтизма и за урокомъ его бываетъ очень душно. Относительно мнѣнія г. Бѣлоусова, что „не скоро еще наступитъ время, когда у насъ будутъ въ употребленіи вполнѣ удовлетворительныя руководства" по рисованію (стр. 2), смѣемъ думать, что это не такъ: время это уже наступило, и въ этомъ случаѣ достаточно указать на руководство Н. Ав. Мартынова, которое хотя и отличается нѣкоторыми промахами, а, все-таки, сослужило уже большую службу при преподаваніи рисованія.

Цѣна *Наблюденій и замѣтокъ* (1 р.) неимовѣрно высока.

Дворняжка. Разсказъ для дѣтей. М. К. Пріорова. Москва. Ц. 50 к.

Какъ жила-была левретка
Шерсти сѣренькой какъ мышь
И звалася очень мѣтко,—
Точно барышня—„Катишь"!

Такъ начинается разсказъ для дѣтей г. Пріорова. Далѣе идетъ описаніе похожденій вышеозначенной левретки. Похожденія эти сами по себѣ не безъинтересны и, пожалуй, могли бы послужить темой для недурного дѣтскаго разсказа, еслибъ автору не пришло въ голову несчастной мысли остановиться на стихотворной формѣ. Насколько форма эта не дается г. Пріорову, видно уже и изъ приведеннаго нами довольно неуклюжаго четырестишія, составляющаго начало его разсказа. Подобныхъ же „неуклюжестей" въ продолженіе разсказа встрѣчается множество. Наприм., на стр. 13, гдѣ повѣствуется о томъ, какъ злополучную левретку, попавшую къ фургонщикамъ, заставляютъ ѣсть непріятныя для нея кушанья, читаемъ:

Ну, конечно, что отъ супа
Отказалася она,
Къ той бурдѣ, *какъ бы къ трупу*,
Отвращенія полна.

Далѣе, на стр. 22, такъ описываются сообразительныя способности пріятеля левретки Муравка:

Онъ задумался. Какъ въ стойкѣ
Морду вверхъ свою поднялъ,

Digitized by Google

Носомъ двигалъ очень бойко,
Будто *умъ онъ тамъ искалъ.*

Словомъ, повторяемъ, что не слѣдовало бы г. Пріорову тратить время на придумыванье столь трудно дающихся ему риемъ, и что проще и удобнѣе было бы ему обратиться къ прозѣ, которая сдѣлала бы его разсказъ не въ примѣръ занимательнѣе. Жалѣемъ о такой ошибкѣ автора, тѣмъ болѣе, что изданъ разсказъ прекрасно, а рисунки исполнены художественно.

Digitized by Google

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 іюня по 1 іюля 1896 г.

Алексѣевъ, В. Избранныя эпиграммы греческой антологіи. Спб., 1896 г.

d'Alheim, Pierre. Moussorgski. Paris, 1896. Prix 2 fr.

Аргутинскій-Долгоруковъ, А. Закавказская желѣзная дорога. Тифлисъ, 1896 г.

Бажаевъ, В. Г. Очеркъ климатическихъ условій Томской губерніи.

— О системахъ земледѣлія въ Томской губ. Томскъ, 1896 г.

Баженовъ, Н. И. Объ организаціи призрѣнія душевно-больныхъ въ Спб. Спб., 1896 г.

Блекловъ, С. Карточная система въ земской текущей статистикѣ.

Булатовъ, П. Н. Книга здоровья. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

Вузита, Мих., д-ра. Начела народне економије. У Београду, 1896.

В. Р. Щ. Дюжинка. XII пьесокъ для дѣтскаго театра. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

Габриловичъ, И. Чахотка и основы ея лѣченія. Изд. Риккера. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 20 к.

Гамбалевскій, В. В. Отчетъ агронома вятскаго губернскаго земства по Орловск. уѣзду. Вятка, 1896 г.

Гогебашвили, Я. Руководство для учителей и учительницъ грузинскихъ начальныхъ школъ къ преподаванію по книгѣ того же автора „Русское Слово“. Тифлисъ, 1889 г. Ц. 50 к.

— Разборъ учебныхъ руководствъ по русскому языку. Тифлисъ, 1896 г. Ц. 50 к.

— Русское Слово. Ч. I. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 30 к.

— Русское Слово. Ч. II. Тифлисъ, 1893 г. Ц. 40 к.

Гольденвейзеръ, А. С. Современная система наказаній и ея будущность. Кіевъ, 1896 г. Ц. 1 р.

Грековъ, Ѳ. В. Руководство къ первоначальному обученію письму въ связи съ обученіемъ чтенію по методѣ Ушинскаго. Москва, 1896 г. Ц. 30 к.

Гуревичъ, И. Родители и дѣти. Изд. Я. Канторовича. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

Дарвинъ, Чарльзъ. Автобіографія. Т. III, вып. 3. Изд. М. Филиппова. Спб., 1896 г. Ц. 20 к.

— Томъ II. Изд. Поповой. Спб., 1896 г.

Дингельштедтъ, Н. Невѣдомый міръ. Ташкентъ, 1896 г.

Ежегодникъ Тобольскаго губернскаго музея. Вып. IV. Тобольскъ, 1895 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

— Вып. V. Тобольскъ, 1895—96 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Жбанковъ, Д. Н. Санитарное изслѣдованіе фабрикъ и заводовъ Смоленской губ. Вып. II. Изд. Смоленскаго губернскаго земства. Смоленскъ, 1896 г.

Жеденовъ, Н. Казенная общественная и частная продажа вина.

— Дѣтскіе сельско-хозяйственно-кустарные пріюты самопомощи. Изд. кн. маг. Фену и К°. Спб., 1896 г.

Зелинскій, В. Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого. Часть 4-я. Москва, 1896 г. Ц. 1 р.

Кази-Бекъ, Юрій. Черкесскіе разсказы. Т. I. Изд. К. Курочкина. Москва, 1896 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Кантъ, Иммануилъ. О педагогикѣ. Москва, 1896 г. Ц. 75 к.

Каталогъ кабинета уголовнаго права при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ. Спб., 1896 г.

Клоссовскій, А. Метеорологическое обозрѣніе. Одесса, 1896 г.

Козыревъ, М. А. Днемъ и ночью (типы Замосковорѣчья). Изд. Клюкина. Москва, 1896 г. Ц. 30 к.

Digitized by Google

Kovalewsky, Maxime. Le Passage historique de la propriété collective à la propriété individuelle. Ed. V. Giardet et E. Brière. Paris, 1896 г.

Конiський, О. Я. Проба укаичтованнѧ хронольогіі до творів Тараса Шевченка. Київ. 1895 р.

Кричагинъ, Н. Учебникъ ботаники. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 60 к.

Ланге, д-ръ. Эмоціи. Изд. маг. „Книжное Дѣло". Москва, 1896 г. Ц. 30 к.

Лекгеръ, Д. Историческій очеркъ Нижегородской исправительной колоніи малолѣтнихъ. Н.-Новгородъ, 1896 г. Ц. 20 к.

Локкъ, Джонъ. Мысли о воспитаніи. Москва, 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лѣсеневичъ, В. М. Очерки изъ исторіи медицины. Кіевъ, 1896 г. Ц. 60 к.

Малиссъ, Я. Д. Сборникъ правилъ русскаго правописанія. М., 1896 г. Ц. 50 к.

Никольскій, Евдокимъ. Дѣло о выкупѣ Новоторжской желѣзной дороги въ казну. Спб., 1896 г.

Новѣйшіе легкіе способы сознательно закрѣплять въ памяти все слышанное и читанное. Спб., 1896 г.

Нужды. Сборникъ стихотвореній. Изд. кружка самоучекъ-писателей. Москва, 1896—1897 гг. Ц. 25 к.

Орловъ, Ф. Письма молодого солдата. Керчь, 1896 г. Ц. 50 к.

Одесса, какъ учебный центръ. Изданіе одесскаго городского общественнаго управленія. Одесса, 1896 г.

Отчетъ по сберегательнымъ кассамъ государственнаго банка за 1894 годъ. Спб., 1896 г.

Отчетъ нижегородской городской общественной библіотеки за 1895 годъ. Н.-Новгородъ, 1896 г.

Отчетъ о дѣятельности московскаго общества ветеринарныхъ врачей за 1895 г. М., 1896 г.

Отчетъ совѣта общества попеченія о начальномъ образованіи въ гор. Красноярскѣ за 1895 г. Красноярскъ.

Отчетъ о капиталахъ и оборотахъ кустарно-промышленнаго банка Пермскаго губернскаго земства за 1895 г. Пермь, 1896 г.

Очеркъ десятилѣтней дѣятельности общества попеченія о начальномъ образованіи въ городѣ Красноярскѣ. Красноярскъ, 1895 г.

Павлова, С. Сборникъ подвижныхъ игръ на открытомъ воздухѣ и въ школѣ. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Пахолковъ, Хр. Городъ Вологда и окрестности. Изд. И. И. Соколова. Вологда, 1896 г. Ц. 15 к.

Первая помощь. Изд. общества врачей гомеопатовъ. Спб., 1896 г.

Проектъ коммиссіи московскаго комитета грамотности. Планъ занятій въ народной школѣ. М., 1896 г.

Рабле, Ф., и Монтэнь, М. Мысли о воспитаніи и обученіи. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Радецкій, И. М. За дѣтей. Одесса, 1896 г. Ц. 1 р. 30 к.

Размадзе, А. С. Волга. Очеркъ. Изд. С. В. Кульженко. Кіевъ, 1896 годъ. Ц. 5 р. 50 к.

Руссо, Жанъ-Жакъ. Эмиль или о воспитаніи. М., 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.

Смирновъ, А. И., проф. Публичныя лекціи по философіи наукъ. Казань, 1896 г.

Соколовъ, М. Е. Былины. Петровскъ, 1896 г. Ц. 40 к.

Спенсеръ, Гербертъ. Афоризмы. Изданіе Карбасникова. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

— **Всеобщее** превращеніе. Самара, 1896 г. Ц. 15 к.

Суворовъ, Н. С., проф. Гражданскій бракъ. Изд. Я. Канторовича. Спб., 1896 г. Ц. 80 к.

Сѣрошевскій, В. Л. Якуты. Т. I. Спб., 1896 г. Ц. 4 р.

Таблицы по землевладѣнію сельскихъ обществъ Харьковскаго уѣзда. Изд. харьковской уѣздной земской управы. Харьковъ, 1896 г.

Терентьевъ, М. А. О мусульманскомъ лѣтосчисленіи. Изданіе редакціи журнала „Средне-Азіатскій Вѣстникъ". Ташкентъ, 1896 г.

Фирсовъ, Н. Н. Русскія торгово-промышленныя компаніи въ первую половину XVIII столѣтія. Казань, 1896 г.

Ходскій, Л. В. Основанія теоріи и техники статистики. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.

Шакъ-фонъ, А. Ф., графъ. Исторія норманновъ въ Сициліи. Пер. съ нѣмецк. Н. М. Соколова. Изд. Пантелѣева. Спб., 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Якимовъ, В. М. Преступная молодежь. Воронежъ, 1896 г. Ц. 20 к.

Ястребовъ, А. К. Упрощенныя правила русскаго правописанія. Калуга. 1896 г. Ц. 35 к.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

„БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА".

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: „Мгла". Ром. *Вл. И. Немировича-Данченка.*—„Варваръ, Эллинъ, Еврей". Современная характеристика. *В. Л. Дядлова.*—„Мгновеніе" и др. разсказы. *П. П. Гнѣдича.*—The Hermit". Поэма кн. *Ильи Чавчавадзе*. . . 293

Критика и публицистика: Критическіе разборы „Дворянскаго гнѣзда" и „Накануне". Сост. *В. Зеленскій.* — „Народное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки". *Евг. Ковалевскаго.* — „Сборникъ мелкихъ статей и рѣчей Э. Ренана". Перев. *Штейнъ*. 999

Философія, психологія и педагогика: „Очерки психологіи, основанной на опытѣ". *Г. Гебдинга.*—„Афоризмы изъ сочиненій Герберта Спенсера,. Пер. *Гойжевскій.*—„Что читать дѣтямъ дошкольнаго возраста". Руководящая статья и каталогъ, составл. особою коммиссіей.—„Домашній уходъ за учащимся ребенкомъ". *П. А. Литвинскаго.*— Русская классная библіотека Чудинова". Вып. XVII—XVIII 888

Исторія, исторія литературы, археологія: „Исторія древней Руси". *И. Филевича.*—„Исторія Смоленской земли до начала XV ст.". *П. В. Голубовскаго.*—„Историческія судьбы Волынской земли съ древнѣйшихъ временъ до конца XIV вѣка". *П. А. Иванова.*—„Городъ Кременчукъ". Историч. очеркъ. *Ѳ. Д. Николайчика.*—„Изъ исторіи древне-русской письменности". *П. Владимірова.*—„Чтенія въ Историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца". Книга десятая".—Сборникъ харьковскаго историко-филологическаго общества". Т. VIII. — „Картины древне-римской жизни. Очерки настроенія временъ цезарей". *Буассье.*—„Поминки по И. А. Крыловѣ. Памяти И. И. Лажечникова". *А. К. Жизневскаго.*—„А. В. Кольцовъ, какъ человѣкъ и поэтъ". *П. Владимірова.*—„Каталогъ коллекцій древностей. А. Н. Поль". Вып. I. Сост. *А. Мелешкъ*. 888

Юридическія книги: „Die Phantasie im Rechte". Vortrag v. *H. Dernburg*. 888

Языкознаніе: „Die Sprachen des Kaukasischen Stammes" von R. *von-Ercert.*—„Księga Przysłów, przypowieści i wyrażeń przysłowiowych polskich". Zebral i opracował *Samuel Adalberg*. 888

Путешествія: „Изъ Одессы пѣшкомъ по Крыму". *М. А. Бернова.*—„Швейцарія и ея учрежденія". *Эдмона о Континента*. 888

Digitized by Google

Стр.

Сельское хозяйство: „Сборникъ публичныхъ лекцій, читанныхъ въ 1895 году въ Ново-Александрійскомъ институтѣ.“—„Сельско-хозяйственная экономія“. *А. Н. Шишкина.* Часть II.—„Примѣненіе и дѣйствіе чистыхъ дрожжей въ винодѣліи“. *Ю. Вортмана.* — „Обзоръ успѣховъ сельскаго хозяйства“. Состав. *С. М. Богдановъ* 868

Медицина: „Изъ области школьной гигіены“. Проф. *Ѳ. Ѳ. Эрисмана.* — „Половыя болѣзни“. *Д-ра Шрёдера.*—„Суевѣріе въ медицинѣ“. *Ф. Л. Германа.*— „Къ вопросу о наслѣдственности функціональныхъ измѣненій (Теорія наслѣдственности Вейсмана и возраженія Спенсера)“. *Студ. Б. Бирукова.*—„Одесскіе лиманы и ихъ лѣчебныя средства“. *Е. Брусиловскаго.*—„Библіографическій указатель русскихъ диссертацій по медицинѣ и ветеринаріи съ 1860 по 1892 г.“. Сост. *Н. П. Петровъ.* — „Проба новой печати „компактной“ проектированной ради глазъ“. *Инж.-техн. Вл. Ободовскимъ.* 883

Учебники, дѣтскія книги: „Разсказы изъ русской исторіи для сильно-грамотныхъ и повторительныхъ отдѣленій воскресныхъ школъ“.—Новая практическая грамматика, этимологія и синтаксисъ“. *А. Тарабукина.*—„Наблюденія и замѣтки учителя рисованія“. *Я. Бѣлоусова.*—„Дворняжка“. Разсказъ для дѣтей. *М. К. Пріорова* 888

II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 іюня по 1 іюля 1896 г.

Digitized by Google

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

книжнаго магазина журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова,

коммиссіонера общества любителей россійской словесности

(Москва, уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской, д. № 2—24).

Книжный магазинъ принимаетъ подписку на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги. За пересылку книгъ берется по ея дѣйствительной стоимости. Книги могутъ быть высылаемы и наложеннымъ платежомъ.

Книжный магазинъ принимаетъ на себя составленіе народныхъ библіотекъ на какія угодно суммы и даетъ требуемыя справки по составленію народныхъ и школьныхъ библіотекъ и складовъ для продажи книгъ. Книги по желанію могутъ быть высланы въ простыхъ дешевыхъ переплетахъ (для народныхъ книгъ переплеты отъ 4 коп.). Лица, выписывающія книги въ большомъ количествѣ, благоволятъ сообщать самый точный адресъ для высылки книгъ самымъ дешевымъ способомъ.

Главный складъ изданій Московскаго комитета грамотности.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и разсказы. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 руб. 80 коп.

— Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. (Третье изданіе). Ц. 1 р. 50 к.

— Путевые очерки. Перев. В. М. Лаврова. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

— Потопъ. Переводъ В. М. Лаврова. Цѣна 3 руб.

— Семья Поланецкихъ. Перев. В. М. Лаврова. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.

— Quo vadis? Романъ изъ временъ Нерона. Переводъ В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Ожешкова, Элиза. Повѣсти и разсказы. Пер. В. М. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Надъ Нѣманомъ. Ром. въ 3 ч. Ц. 1 р. 50 к.

Доде, Альфонсъ. Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключенія знаменитаго Тартарена). Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 руб.

— Маленькій приходъ. Перев. М. Н. Ремизова. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Юношa, Клеменсъ. Сизифъ. Картинки деревенской жизни. Перев. съ польскаго В. М. Лаврова. Цѣна 50 к., съ пересылкою 65 к.

Де-Монассанъ, Гюи. Наше сердце. романъ. Пер. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 р.

Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ. Ц. 2 р.

Въ пользу воскресныхъ школъ. Сборникъ. Цѣна 75 к.

Посѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціею журнала „Русская Мысль“. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 руб. 50 коп.

Михайловскій, Н. К. Щехринъ. (Критическій этюдъ) Цѣна 1 руб.

Короленко, Владиміръ. Очерки и разсказы. (Шестое изд.). Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и разсказы. Книга вторая. (Второе изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп.

— Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. (Третье изданіе). Цѣна 75 коп.

Д-ръ Алексѣевъ, П. С. О пьянствѣ. Съ предисловіемъ графа Л. Н. Толстого: „Для чего люди одурманиваются?“ Цѣна 1 руб.

Анютинъ, М. (М. Н. Ремезовъ). Нашихъ волей ягоды. Романъ. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.

Бурже, Поль. Трагическая идиллія. (Космополитическіе нравы). Пер. М. Н. Ремезова. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Корелинъ, М. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Выпускъ I: Египетскіе боги. Выпускъ II: Средневѣковая церковная готика. Одоб. учен. комит. министерства народ. просв. для ученическихъ старшаго возраста библіотекъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. Цѣна 1-го вып. 50 к., II-го вып. 30 коп., вып. III. Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Рекоменд. уч. ком. мин. нар. просв. для ученич. старш. возр. библ. среднихъ учеб. завед. М., 1896 г., Ц. 30 к.

Мачтетъ, Григорій. Силуэты. Томъ II. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Подписчики „Русской Мысли“ на всѣ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ, кромѣ народныхъ, пользуются уступкой 10%.

Книги, вновь поступившія въ магазинъ въ теченіе послѣдняго мѣсяца, обозначены *.

Digitized by Google

Богословскій, В. С., проф. Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Гольцевъ, В. А. Вопросы дня и жизни. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.

— Объ искусствѣ. Критическія замѣтки. Цѣна 1 руб.

— Литературные очерки. Цѣна 1 руб. Пересылка за 1 фунтъ по разстоянію.

Чеховъ, Мих. Закромъ. **Словарь** для сельскихъ хозяевъ. Цѣна 1 руб.

Чеховъ, Ан. Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ). Ц. 2 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Хлѣбъ. Романъ. М., 1896 г. Ц. 2 р.

Астыревъ, Н. М. Въ волостныхъ писаряхъ. Ц. 1 р. 50 к. Пересылка по вѣсу и разстоянію.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? (3-е изданіе). Цѣна 1 коп.

Сенкевичъ, Генрикъ. Янко музыкантъ. Цѣна 1 коп.

— Пойдемъ за нимъ! Переводъ **В. Лаврова.** М., 1895 г. Ц. 4 коп.

Разсказъ про смутное время на Руси. Цѣна $1^1/_2$ коп.

Короленко, В. Г. Убивецъ. Ц. $1^1/_2$ к.

Библіотека „Русской Мысли".

Сенкевичъ, Г. Черезъ степи. Ц. 40 к.

Ремезовъ, М. Клеопатра. Ц. 40 к.

— Іудея и Римъ. М., 1896 г. Ц. 50 к.

Альбовъ, М. Юбилей. Цѣна 1 р.

Баранцевичъ, К. Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Цѣна 1 р.

Ожешкова, Э. Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к.

Абламскій, Д. Всенощное бдѣніе, вечерня и утреня, и Божественная литургія св. Іоанна Златоустаго, св. Василія Великаго и Преждесвященныхъ Даровъ св. Григорія Двоеслова. Первый выпускъ круга обычнаго православнаго церковнаго пѣнія, положеннаго на ноты на 3 голоса партитурою для хора, фисгармоніи и фортепіано. Кіевъ, 1888 Ц. 1 руб. 75 коп.

Абровъ, Н. Отъ Марселя до Одессы черезъ Аѳины и Константинополь. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Августинъ, Архимандритъ. Руководство къ основному богословію. М., 1894 г. Ц. 1 р. 30 к.

Аверкіева, Е. Яблоня и груша. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Агаповъ, Д. В. Новая тригонометрія. Оренбургъ, 1894 г. Ц. 85 к.

— Подробное рѣшеніе и объясненіе типическихъ задачъ по ариѳметикѣ. Ц. 50 к.

— Искусственные способы рѣшенія уравненій второй степени со многими неизвѣстными. Ц. 60 к.

— Рѣшеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ задачъ помощію теоремы Агапова. Ц. 35 к.

Аданъ, Юлія. Дурнушка. Романъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Азбелевъ, И. П. Японія и Корея. Замѣтки изъ кругосвѣтнаго плаванія. Съ 15-ю рис. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Айволи, Э., д-ръ. Гигіена возмужалости. Одесса., 1893 г. Ц. 40 к.

Акатовъ, Н. Какъ учить писать. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

Алексакисъ. Искра любомудрія. М., 1892 г. Цѣна 40 к.

Алексѣевъ, А. А. Воспоминанія актера. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, его жизнь и сочиненія. Чтеніе для юношества. М., 1877 г. Ц. 75 к.

Альбомъ. Русскіе типы, М. ф. ц. 50 к.; сред. ф. ц. 60 к.; больш. ф. ц. 75 к.

Альбомъ. Русскіе народы, съ текстомъ. 3 в. М. Ц. по 60 к.

Альбомъ копій съ картинъ русскихъ художниковъ. 2 вып. М., 1889 г. Цѣна по 2 р.

Альгренъ. Деньги. Романъ. Пер. со шведскаго. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.

Альмедингенъ. Химія. Спб., 1885 г. Ц. 2 р.

— Домашній опредѣлитель поддѣлокъ питательныхъ и др. веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.

— На всякій случай. Научно-популярные совѣты. 2 ч. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Алябьевъ, Б. Связка интимныхъ писемъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Аммонъ, д-ръ. Обязанности матери. Гигіена беременности. Уходъ за маленькимъ ребенкомъ. Золотая книжка. Переводъ съ 32 нѣмецкаго изданія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Амниторъ, Г., фонъ. За правду и за честь женщины. Противъ Крейцеровой сонаты Л. Н. Толстого. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

Амфитеатровъ. Психопатъ. Правда и вымыселъ. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Анго, А. Физика. М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 коп.

Андрэ, М. Ф. Упражненія въ тригонометріи. Сборникъ задачъ съ подробными рѣшеніями. М., 1895 г. Ц. 35 к.

Андерсенъ, Гансъ. Повѣсти и сказки. Новый полный пер. съ датскаго подлинника. 7 в. М., 1894 г. Ц. по 25 к.

Андерсенъ, И. Иллюстрированныя

Digitized by Google

сказки въ 6 томахъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к. за томъ.

Анне, Ж. П. Практическое руководство къ устройству электрич. освѣщенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Анурьевъ, Іоаннъ. Столяръ-самоучка, опытъ, наставленія грамотнымъ поселянамъ въ столярномъ ремеслѣ. Ц. 15 к.

— Какъ дѣлаютъ простую мебель. Ц. 45 к.

— Домашній переплетчикъ. Ц. 10 к.

— Вспомогательная книга при возведеніи каменныхъ и деревянныхъ зданій. Вологда, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ардовъ, Е. Ц. Эскизы. М., 1893 г. Ц. 1 р.

*— Руфина Кадоева. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Арендтсъ и Брандтъ. Атласъ естественной исторіи. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Аргеймъ. Математическая географія. Изд. 5-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

Арсеньевъ. Изъ жизни и исторіи. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 50 к. въ переплетѣ.

Асбьернсена, П. Норвежскія сказки. К., 96 г. Ц. 35 к.

Бажина. Блуждающіе огоньки. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ, съ 44 картинками. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Баранцевичъ, К. С. Родныя картинки. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Картинки жизни. 39 разсказовъ Сарматъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Баратынскій, Е. А. Полное собр. соч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

— Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора, біографіей и его письмами. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Бахтіарова, А. По роднымъ краямъ. Валаамская обитель, съ 3 отдѣльными рисунками. Спб., 1893 г. Ц. 10 к.

Безобразовъ, П. В. Историческія статьи (вып. I). М., 1893 г. Ц. 1 р. 80 к.

— Женихъ двухъ невѣстъ. Историческій романъ. М. 1894 г. Ц. 40 к.

— О правахъ женщины. М. 1895 г. Ц. 50 к.

— Публичныя лекціи о современномъ положеніи женщины (3-е изд.). М. 1893 г. Ц. 20 к.

— О назначеніи женщины (2-е изд.). Ц. 20 к.

— Сборникъ государственныхъ знаній, 8 томовъ. Спб., 1880 г. Ц. 24 р.

Беза, д-ръ. Построеніе деревянныхъ лѣстницъ. 1890 г. Ц. 1 р.

*Беккерледжъ, О. Простой микроскопъ и его изготовленіе. М., 1896 г. Ц. 40 к.

Бенджіуцъ, Альбертъ. Къ вопросу о школьныхъ скамьяхъ. Пер. А. Федорова. Москва, 1893 г. Ц. 25 к.

Беръ, Альфредъ. Гигіена сифилиса. Общедоступное изложеніе, какъ предохранить и лечить себя отъ сифилиса. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.

Бергергофъ, Г. Руководство для драпировщиковъ, обойщиковъ и декораторовъ. М., 1891 г. Ц. 2 р.

Бернетъ, Френсисъ. Исторія маленькаго лорда. Спб., 1892 г. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.

Бергеръ, Поль. Спутникъ малокровныхъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.

Бернксенъ, А. Краткій учебникъ химіи (органической). Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Бессонъ, А. Г. О нефтяномъ отопленіи паровыхъ котловъ-Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 20 к.

Библіотека ремесленниковъ и кустарей. Окрашиваніе металловъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.

— Золоченіе и серебреніе деревян. издѣлій. М., 1890 г. Ц. 1 р. 80 к.

Библіотека экономистовъ: 1) Адамъ Смитъ. 2) Рикардо. 3) Мальтусъ. 4) Милль. 5) Юмъ и Бентамъ. 6) Кенэ. 7) Ж. Б. Сэ и Бастіа. Цѣна каждаго вып. 1 р.

Библіотека-хроника. Миніатюрное изданіе, роскошно-отпечатанное, содержащее въ себѣ отдѣльныя произведенія лучшихъ русскихъ писателей: Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, фонъ-Визина, Кольцова, Карамзина, Богдановича и мн. др. Кіевъ. Ц. 5, 10, 15 и 20 к. за книжку.

Бильдерлингъ, А. Просвѣтители Россіи. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Вичеръ-Стоу. Хижина дяди Тома. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Благовѣщенскій. Виѳильманъ и позднія эпохи греческой скульптуры. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Блекслей, Т. Т. Переменные электрическіе токи (Руководство для студентовъ и техниковъ). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.

Блекки, Д. Самовоспитаніе умств. физ. и нрав. II., 1896 г. Ц. 50 к.

— Самовоспитаніе. Изд. 3-е. Спб., 1891 г. Ц. 75 к.

Блекловъ. За фантазіи и цифрами. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Блиновъ, Н. Сельская общественная служба. М., 1894 г. Ц. 50 к.

— Земская служба. М., 1887 г. Ц. 50 к.

Блокъ, Морисъ. Матери великихъ людей. Пер. съ франц. Н. М. Дементьевой, М., 1893 г. Ц. 60 к.

Блокъ, Ю. Велосипедъ, его значеніе для здоровья, практическое примѣненіе, уходъ за машиною и пр. Изд. 2-ое. М., 1893 г. Ц. въ переплетѣ 2 р.

Боборыкинъ, П. Д. Трутъ. Разсказъ. Москва, 1893 г. Ц. 20 коп.

Богаевскій, П. Мултанское „моленіе" вотяковъ. М., 96 г. Ц. 40 к.

Богдановъ, М. Разсказы о птицахъ. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Богдановъ, профессоръ. Сельско-хозяйственный словарь. Кіевъ, 1895 г. Ц. 8 р.

Digitized by Google

Богдановъ, И. Счетоводство и денежная отчетность земскихъ начальниковъ, городскихъ и мировыхъ судей. М., 1895 г. Ц. 70 к.

Боголюбовъ. Новыя врачебныя средства. Москва, 1895 г. Ц 75 к.

Бокль, Г. Вліяніе женщины на успѣхи з анія. П., 1896 г. Ц. 25 к.

— Исторія цивилизаціи въ Англіи. Переводъ Буйницкаго (въ 2-хъ томахъ). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

— Исторія цивилизаціи въ Англіи въ популярномъ изложеніи Нотовича. Седьмое изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Бородинъ, И. Весна, русская жизнь и природа. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Краткій учебникъ ботаники. (изд. 3-е). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Боровичъ, Л. А. Практическое руководство къ построенію динамо-машинъ съ постояннымъ токомъ (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

— Фабричные паровые котлы, устройство ихъ и уходъ за ними. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 коп.

Боттонъ. Электрическіе звонки. Практическое руководство для любителей. Спб., 1890 г. Ц. 1 р.

Брайсъ, Джемсъ. Американская республика. Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 3 р. 50 к. М. 89; часть II. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.; часть III. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.

Брассъ, Леонъ. Гуттаперча, ея происхожденіе, добыча и обработка. Перев. съ франц. Бессонъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Браунъ, М., проф. Какъ заражается человѣкъ паразитами. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Брикнеръ. Потемкинъ. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Бриксъ. Гидравлика. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

Брусиловскій, Е. Одесскіе лиманы и ихъ лечебныя средства 1895 г. Одесса, Ц. 50 к., на веленевой бум. 60 к.

Брюкке, Эрнестъ. Красота и недостатки человѣческихъ формъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р

Брэмъ, А. Жизнь животныхъ. 75 выпусковъ. Одесса, 1893 г. Ц. 25 к. за вып.

— Жизнь на сѣверѣ и югѣ (Дополненіе къ соч. „Жизнь животн.). Спб., 1891 года. Ц. 2 р.

Брэмъ. Комнатныя пѣвчія птицы. М., 1876 г. Ц. 75 к.

— Жизнь животныхъ. Популярн. издан. Вып. 19, 20. Ц. вып. 20 к.

Буанъ, Эмиль. Гальванопластика, никелированіе, золоченіе, серебреніе и электрометаллургія. Съ 26 рис. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.

Буасье, Гастонъ. Римская религія отъ Августа до Антониновъ. Перев. М. Корсакъ. Ц. 5 р. М., 1878 г.

— Цицеронъ и его друзья. Пер. М. Корсакъ. Ц. 2 р. М., 1880 г.

— Паденіе язычества. Пер. подъ ред. и съ предисл. М. С. Корелина. Ц. 4 р. М., 1892 г.

Бугаевъ, Н. Задачникъ къ ариѳметикѣ цѣлыхъ чиселъ. М., 1876 г. Ц. 25 к.

— Задачникъ къ ариѳметикѣ дробныхъ чиселъ. М., 1877 г. Ц. 30 к.

— Руководство къ ариѳметикѣ. Цѣлыя числа. М., 1895 г. Ц. 40 к.

— Ариѳметика дробныхъ чиселъ. Ц. 50 к.

Бузольтъ, Георгъ. Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Харьк., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Бутовскій, В. И. Русское искусство и мнѣнія о немъ Е. Віоле-ле-Дюка и Ѳ. И. Буслаева. М., 1879 г. Ц. 1 р.

Бутсъ, Вильямъ. Въ трущобахъ Англіи. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Бьернстьерне-Бьернсонъ. Новыя вѣянія. Въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. каждой части 35 к.

— Леонарда (драма). Новая система (драма). Кіевъ, 1894 г. Ц 35 к.

— Новобрачные (комедія). 1865 г. Сигурдъ крестоносецъ (драма). 1872 г. Банкротство (драма). 1874 г. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

— Повѣсти и разсказы. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к.

— По Божьему пути. Романъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

— Сочиненія. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

Бѣлецкій, И. Почвовѣдѣніе. Образованіе почвы, ея составъ и свойства. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Бэръ, Адольфъ. Исторія всемірной торговли. Пер. Э. Циммермана. М., 1876 г., 3 части, цѣна 7 руб. 50 к.

Бэръ, Поль. Первыя понятія о зоологіи. (3-е изданіе). Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Бюрстенбиндеръ. Раздѣлка и улучшеніе земель. Руководство для практическихъ хозяевъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 60 к.

В. В. Артель въ кустарномъ промыслѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Очерки теоретической экономіи. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

— Наши направленія. Спб., 1893 года. Ц. 1 р. 50 к.

— Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Спб., 1892 г. Цѣна 1 р. 35 к.

— Артельныя начинанія русскаго общества. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Вагнеръ. Химическая технологія. Спб., 1892 г. Ц. 8 р.

— Какъ пріобрѣтаются болѣзни желудка. Спб., 1893 г. Ц. 40 к.

Вальтеръ-Скоттъ. Иллюстр. романы: 1) Замокъ Кенильвортъ; 2) Легенда о Монтровѣ; 3) Аббатъ; 4) Антикварій; 5) Астрологъ; 6) Пресвитеріане; 7) Монастырь; 8) Ламермурская невѣста; 9) Черный карликъ; 10) Певериль Пикъ;

Digitized by Google

11) Пиратъ; 12) Обрученные; 13) Веверлей; 14) Карлъ Смѣлый; 15) Квентинъ Дорвардъ; 16) Перская красавица; 17. Робъ-Рой; 18) Ричардъ Львиное Сердце; 19) Вудстокъ. Спб. 1892 г. Ц. каж. кн. 40 к.

— Квентинъ Дорвардъ. Романъ. М. 1885 г. Ц. 2 р.

Вальтеръ, проф. Море и его жизнь. Переводъ съ нѣм. подъ ред. проф. А. Н. Краснова. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Ванковъ. Полный карманный техникъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Турбины. Практическое руководство для техниковъ, сельскихъ хозяевъ (съ 46 рис.). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Ванъ-Тигемъ. Общая ботаника (морфологія, анатомія и физіологія растеній). Подъ редакціею, съ примѣчаніями и дополненіями Ростовцева, съ предисл. Тимирязева. М., 1895 г. Ц. 3 р. 75 к.

Ванклинъ, Альфредъ. Химія каменноугольно-газоваго производства. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Варіо, Ж. Дѣтскій докторъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Варминкъ, д-ръ. Систематика растеній. М., 1893 г. Ц. 5 р.

***Васневскій, Г.** Гипнотизмъ у животныхъ. Х., 1896 г. Ц. 35 к.

Вахтеровъ, В. П. Всеобщее начальное обученіе. М., 1894 г. Ц. 15 к.

Введенскій, Алексѣй. О характерѣ, составѣ (сжатое изложеніе) и значеніи философіи В. Д. Кудрявцева-Платонова. Серг. Посадъ, 1893 г. Ц. 60 к.

— П. Е. Астафьевъ, его философскіе и публицистическіе взгляды. Серг. Посадъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— О религіозной философіи Виктора Дмитріевича Кудрявцева. Харьковъ, 1893 г. Ц. 40 к.

— Очеркъ современной французской философіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.

— Рѣчь передъ защитой диссертаціи: Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія. М., 1891 г. Ц. 30 к.

— Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія. М., 1891 г. Цѣна 3 р.

— Демоніонъ Сократа. Этюдъ по исторіи древней философіи. Серг. Посадъ, 1893 г. Ц. 40 к.

— Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи. Сергіева Посада. 1894 г. Ц. 3 р.

— Западная дѣйствительность и русскіе идеалы. (Письма изъ-за границы). Съ приложеніемъ характеристики: „Папа Левъ XIII по отзывамъ современниковъ". Серг. Посадъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Веберъ, Георгъ. Всеобщая исторія. Т. 1. Переводъ Андреева. Ц. 4 р. М. 90 г. Т. 2. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 3. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 92 г. Т. 4. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 92. Т. 5. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 6. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 7. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 94. Т. 9. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 коп. М. 1888. Т. 10. Пер. Андреева. Ц. 4 руб. М. 1886 г. Т. 11. Пер. Андреева. Ц. 5 руб. 50 коп. М. 1889 г. Т. 12. Пер. Андреева и Невѣдомскаго. Ц. 4 р. 50 к. М. 90. Т. 13. Пер. Циммермана. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 14. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 6 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 1-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 2-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 93 г., съ портретомъ автора.

Веберъ, К. К. Практическое руководство по производству кирпича, черепицы и проч. лицевого товара съ атласомъ. Спб., 1893 г. Ц. 5 р.

— Двигатели и приводы. Практ. руководство къ постройкѣ вѣтрен. и водян. двигателей съ атласомъ. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.

— Канатное и веревочное производство (съ 58 рис. въ текстѣ). Спб., 1895 г. Ц. 75 к.

Вегеле, Францъ. Данте Алигьери, его жизнь и сочиненія. Пер. А. Веселовскаго. Ц. 3 р. М., 1881 г.

Вегетаріанская кухня. Наставленіе къ приготовленію болѣе 800 блюдъ, хлѣбовъ и напитковъ для безубойнаго питанія, Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 70 к.

Вейнбергъ, Павелъ. Новые разсказы и сцены. Второе изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Везенковъ. Военная гимнастика. М., 1890 г. Ц. 60 к.

Вейсъ, Германъ. Вѣчный бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ (съ 1945-ю рис. въ текстѣ). Пер. В. Чаева и И. Васильева. Т. I, часть 1-я. Москва, 1873 г.; часть 2-я, Москва, 1874 г. Т. II, ч. 2-я. Москва, 1876 г. Т. III, ч. 1-я и ч. 2-я. Москва, 1879 г. По 4 руб. за каждую часть.

Верещагинъ, В. В. Литераторъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.

— Дѣтство и отрочество. Т. I. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

— На Сѣверной Двинѣ. Изд. 2-е. Москва, 1896 г. Ц. 1 р.

— Автобіографіи нѣсколькихъ незамѣч. русскихъ людей. Изд. 2-е. М., 1896 г. Ц. 1 р.

— Наполеонъ I въ Россіи. Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Веселовскій, Ал. Этюды и характеристики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 75 коп.

— Мизантропъ. Этюды о Мольерѣ. М., 1881 г. Ц. 2 р.

— Старинный театръ въ Европѣ. Историческіе очерки. М., 1870 г. Ц. 2 р.

Викторовъ, П. Ученіе о личности, какъ нервно-психическомъ организмѣ. Вып. I. Ц. 1 р. М. 1887 г.

Винкельманъ, I. I. Исторія искусства древности. Ревель, 1890 г. Ц. 3 р.

Digitized by Google

Виноградовъ. Extemporalia съ русяз. на латинскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.

Виноградовъ, Н. Федонъ. Діалогъ объ идеѣ „безсмертіе“ философа классической древности Платона. М., 1892 г. Ц. 60 к.

Виноградовъ, Павелъ. Учебникъ всеобщей исторіи. Часть II. Средніе вѣка. Изд. 2-ое. М., 1894 г. Ц. 90 к.

Виргилій, Маронъ. Энеида, книги 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Кіевъ, 1887 г. Ц. 40 к.

— Книга 3-я. Кіевъ, 1892 г. Ц. 35 к.

— Книги 10, 11 и 12. Кіевъ, 1883 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вирховъ. О питательныхъ веществахъ. Спб., 1891 Ц. 50 к.

Владимірова, А. К. (А. Европеусъ). Сказки, преданія и легенды всѣхъ временъ и народовъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Владиславлевъ, В. Изъ быта крестьянъ. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Водовозовъ, В. И. Книга для первоначальнаго чтенія. Ч. I Ц. 45 к. Ч. II. Ц. 80 к.

— Книга для учителей. Ц. 60 к.

— Русская азбука для дѣтей. Ц. 30 к.

— Руководство къ русск. азбукѣ. Ц. 20 к.

— Дѣтскіе разсказы и стихотворенія съ картинками. Ц. 75 коп.

— Разказы изъ русской исторіи Вып. I. Ц. 40 к. Вып. II. Ц. 60 к.

— Предметы обученія въ народной школѣ (для учителей). Ц. 70 к.

— Словесность въ образцахъ и разборахъ. Ц. 1 р. 25 к.

— Новая русская литература. Ц. 1 р. 25 к.

— Очерки изъ рус. исторіи XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.

— Русскія сказки въ стихахъ съ картинками въ переплетѣ. Ц. 1 р. 50 к.

— Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.

Водовозова, Е. Н. Жизнь европейскихъ народовъ. Ч. I. Жители юга (съ 26 рисунк.). Изд. 4-е. Ц. 3 р. 75 к., въ переплетѣ 4 р. 55 к. Ч. II. Жители сѣвера. (съ 24 рис.). Изд. 3-е. Ц. та же. Ч. III. Жители средней Европы. Спб.

— На отдыхъ. Иллюстрирован. разсказы для мал. дѣтей. (40 рис.). Ц. 1 р.; въ папкѣ 1 р. 35 к. Спб.

— Изъ русской жизни и природы. Разсказы для дѣтей (изд. 6-е). Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. Спб.

— Умственное и нравственное развитіе дѣтей (Изд. 4-е Спб. Ц. 2 р.

— Одноголосныя дѣтскія пѣсни. (Музыка Рубца). Изд. 5-е. Спб., Ц. 1 р.

— Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Англичане. Ц. 40 к.

— Турки. Спб., Ц. 40 к.

Водовозовы, М. и Н. Испанія: Промышленность. Статьи изъ „Handwörterbuch der Staatswillenschaften“. Ц. 1 р. 50 к.

— Землевладѣніе и сельское хозяйство. Статьи изъ „Handwörterbuch der Staatswillenschaften“. Ц. 1 р. 50 к.

Войнаровскій, П. Устройство въ домахъ электрическаго освѣщенія, телефоновъ, электрическихъ звонковъ и другія примѣненія электричества въ домашнемъ быту. М., 1892 г. Ц. 1 р. 35 к.

Войславъ, С. Развѣдки пластовыхъ мѣсторожденій полезныхъ ископаемыхъ посредствомъ шурфованія. Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 40 к.

— Разсчетъ и построеніе частей машинъ и передаточныхъ механизмовъ. Текстъ съ атласомъ въ 76 таблицъ. Спб., 1885 г. Ц. 4 р.

— Уходъ за паровыми котлами. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.

Волкенштейнъ, П. Е. Садовый словарь. Спб., 1889 г. Ц. 4 р.

Ворисгоферъ, С. Сказочная страна. Пер. съ нѣмецк. Ц. 2 р. 75 к. въ роскошн. переплетѣ.

— Образовательное путешествіе (изд. 2-е). Спб., 1892 г., съ рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р. 25 к.

— Черезъ дебри и пустыни. Скитанья молодого бѣглеца. Спб., 1894 г. (2-ое изд.). Ц. 1 р. 50 к.

— Приключеніе контрабандиста. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вундтъ, Вильгельмъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ (Пер. со 2-го нѣмец. изд.). Спб., 1894 г. Ц. 5 р.

— Душа и мозгъ. Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.

— Гипнотизмъ и внушеніе. Перевелъ съ нѣмец. Колубовскій. М., 1893 г. Ц. 75 к.

Въ память Лавуазье. Рѣчи проф. Н. Д. Зелинскаго, И. А. Каблукова и проф. И. М. Сѣченова. М., 1894 г. Ц. 50 к., для студ. 30 к.

***Габриловичъ, И.** Чахотка и основы ея лѣченія. Ц., 1896 г. Ц. 1 р. 20 к.

Гаварре, Ж. Теорія Гаусса, примѣненная къ сферическимъ зеркаламъ и стекламъ. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гавкинъ, Н. Я. Карманный словарь иностранныхъ словъ. Изд. 4-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Гаймъ, Р. Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. Т. I. ц. 5 р. и Т. II ц. 5 р. М., 1888 г.

— Романтическая школа въ Германіи. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М., 1891 г.

Гайсбергъ, С. Ф. Карманная книжка для установщиковъ электрическаго освѣщенія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Гамбурцевъ, В. Архитекторска команда. Очеркъ московскихъ учрежденій по строительному дѣлу. Москва 1894 г. Ц. 40 коп.

Гано, А. Полный курсъ физики (въ 2 ч. Спб., 1892 г. Ц. 4 р.

— Магнетизмъ и электричество. Спб 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.

Digitized by Google

Гарейсъ, Карлъ. Германское торговое право. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вексельнаго и морского права. Съ четвертаго, нѣмецкаго изданія 1892 г., перев. Н. И. Ржондковскій, подъ редакціей проф. Московскаго университета Н. О. Нерсесова. Вып. 1. М., 1893 г. Ц. 2 р. Вып. 2. Торговыя сдѣлки. Ред. прив.-доц. Моск. университета Гусакова. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Гаринъ, Н. Дѣтство Тёмы. Москва, 1894 г. Ц. 60 к.

Гартманъ, Эдуардъ. Сущность мірового процесса или философія безсознательнаго. Пер. А. А. Козлова. Вып. 2-й. Ц. 2 р. 50 к. М., 1875 г.

Гартвигъ. Воздухъ и его жизнь. М., 1875 г. 2 р. 50 к.

Гаспари, Альфредъ. Исторія итальянской литературы. Т. I. Итальянская литература среднихъ вѣковъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.

***Гвоздевъ, И.** Первичный наружный судебно-медицинскій осмотръ мертваго тѣла. П., 1896 г. Ц. 60 к.

***—** О врожденныхъ и пріобрѣтенныхъ свойствахъ дѣтей. Ц., 1896 г. Ц. 50 к.

Гегаръ-Альфредъ. Половое влеченіе. Одесса, 1895 г. Ц. 75 к.

Гейнце, Н. Э. Коронованный рыцарь. Ист. ром. Въ 3 ч. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

— Князь тавриды. Историческій романъ. Въ 3 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

— Аракчеевъ. Историческій романъ XIX столѣтія. Въ 2 том. и 6 част. Изд. Спб., 1895 г. Ц. за оба тома 2 р.

Гервинусъ. Автобіографія (съ 4 портретами) М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Герценштейнъ, М. Кредитъ для земствъ и городовъ. М., 1892 г. Ц. 75 к.

Герценъ, А. Общая физіологія души (2 изд.). 1894 г. Ц. 75 к.

Гердеръ. Нѣмецко-русскій словарь важнѣйшихъ техническихъ терминовъ употребляемыхъ при описаніи и опредѣленіи растеній. Спб., 1881 г. Ц. 50 к.

Германъ, Ф. Л., д-ръ. Какъ лѣчились московскіе цари. Медико-историческій очеркъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 45 к.

— Суевѣріе въ медицинѣ. Харьковъ, 1895 г. Ц. 50 к.

Гертвигъ, Оскаръ. Клѣтка и ткани. Основы общей анатоміи и физіологіи. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Геттнеръ, Г. Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. III, кн. 1. Пер. А. Пыпина и А. Плещеева. Ц. 2 р. М., 1872 г.

Гефель, д-ръ, Противъ разврата. Одесса, 1896 г. Ц. 10 к.

Гиббинсъ, Г. Промышленная исторія Англіи. Культурно-историческая библіотека № 1. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

— Англійскіе реформаторы. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гиббонъ, Эдуардъ. Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (съ портретомъ автора). Пер. Неведомскаго. Часть I. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть II. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть III. Ц. 4 р. М. 84 г. часть IV. Ц. 3 р. 50 к. М. 84 г.; часть V. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VI. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VII. Ц. 3 р. 50 к. М. 86 г.

Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1881 г.

Гильти, К. Счастье. Популярные очерки по нравственной философіи. Изд. 2-е Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

Гиляровъ, А. Н. Источники о софистахъ. Платонъ какъ историческій свидѣтель. Кіевъ, 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гиляровскій. Забытая тетрадь. Цѣна 1 руб.

Гинтервальднеръ. Руководство къ составленію естественно-научныхъ коллекцій. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Гиршъ Вильямъ, д-ръ. Геніальность и вырожденіе. Пер. со 2 нѣм. изд. Одесса, 1895 г. Ц. 1 р.

Глинскій, А. Г. Руководство къ частной патологіи и терапіи внутреннихъ болѣзней. Т. I. Вып. I. Инфекціонныя болѣзни. Съ двумя таблицами рис. Харьковъ, 1895 г. Ц. 2 р. 25 к.

Глинскій, В. Біографическій очеркъ о Николаѣ Мих. Ядринцевѣ. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Гнейстъ, Рудольфъ. Исторія государствен. учрежд. въ Англіи. Перев. подъ редак. С. А. Венгерова. Ц. 4 р. 50 к. М., 1885 г.

Говсѣева, А. А. Симуляція душевныхъ болѣзней и патологическое притворство. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гоголь, Н. В. Сочиненія въ 5-ти том. Изд. двѣнадцатое. Спб., 1894 г. Ц. 6 руб. Въ переплетѣ. Ц. 8 р. 50 к.

Головачевъ. Десять лѣтъ реформъ. Спб., 1872 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Исторія желѣзно-дорожнаго дѣла. Спб., 1881 г. Ц. 1 р.

— Вопросы государственнаго хозяйства. Спб.. 1873 г. Ц. 1 р.

Головачева-Панаева. Русскіе писатели и артисты 1824—1870 гг. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 35 к.

Гольдсмитъ, Оливеръ. Векфильдскій священникъ. М., 1890 г. Ц. 1 р.

Гольценъ, В. Законодательство и нравы. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гольцендорфъ, Ф., проф. Общественное мнѣніе. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Головъ, Д. Двигатели малой силы для промышленности и сельскаго хозяйства (съ 95 рис. въ текстѣ). Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

Гомера. Иліада. Перев. Н. М. Минскаго. М., 1896 г. Ц. 75 к.

Digitized by Google

Гоніондзскій, З. А. Краткій очеркъ добыванія и обработки каучука и гуттаперчи. М., 1895 г. Ц. 40 к.
— Машины и станки для обработки картона. М., 1894 г. Ц. 15 к.
Горацій Сатиры. Перевод. съ подстрочн. словаремъ. 2-е изд. Кіевъ, 1891 г. Ц. 60 к.
— Оды. Переводъ 1-й и II-й книги. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
— III и IV книги. Изд. 2-е, сост. Сахаровъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.
Горбуновъ. Программы мужскихъ гимназій и прогимназій. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 55 к.
— Программы городскихъ училищъ. Изд. 4-е. М., 1893 г. Ц. 35 к.
— Программы реальныхъ училищъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 35 к.
Горкевичъ, Л. Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій Гай Саллюстій Криспъ. Югуртинская война. Борисоглѣбскъ, 1893 г. Ц. 45 к.
Горнъ, Винкель. Исторія скандинавской литературы. Пер. К. Бальмонта. Ц. 2 р. 50 к. М., 1894 г.
Горстманъ, А. О теоріи растворовъ. Спб. 1893 г. Ц. 40 к.
Гортовъ, А. Методическое руководство. Обученіе письму. Е., 1885 г. Ц. 1 р. 30 к.
Госпиталье, Э. Электричество въ домашнемъ быту (со многими рисунками). Спб., 1886 г. Ц. 2 р.
— Главнѣйшія приложенія электричества (2 изд.). Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
Гофштеттеръ, И. Доктринеры капитализма (по поводу книги г. Струве: „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи). Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
Грабинъ, А. Т. Воздушные замки. Комическій этюдъ. 2-е изд. М., 1895 г. Ц. 40 к.
Гравинкель. Справочная книга для электротехник. Спб., 1893 г. Ц. 4 р. 80 к.
Гранатъ, А., и К°. Настольный энциклопедическій словарь, 8 т. или 108—115 вып. М., 1894 г. Ц. вып. на обыкновенной бумагѣ ц. 30 к., на лучшей бумагѣ ц. 40 к. Тому въ изящ. колен. пер., ц. 5 рублей, безъ переплета п. 4 р. 50 к., на лучшей бумагѣ безъ переплета ц. 5 р. 60 к., въ изящн. колен. пер. 6 р.
Грегуаръ, Л. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Пер. подъ редакціей Лучицкаго. Т. I. Ц. 4 р. М., 1893 г. Т. II. Ц. 4 р. М., 1894 г. Т. III. М., 1896 г. Ц. 4 р.
Григорова, Е. Вилліамъ Шекспиръ. М., 1896 г. Ц. 75 к.
Григоровичъ, И. И. Очерки новѣйшей исторіи (6-е изданіе). Спб., 1892 года. Ц. 2 р.
Гримо, Э. Элементарный курсъ органической химіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
Гриммъ. Книжки I и II въ переплетѣ М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Книжки III и IV въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Книжка I млад. возр., безъ пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.
— Книжка II млад. в., б. пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.
— Книжка III, IV и V-я сред. воз. М., 1893 г. Ц. по 20 к.
Гриммъ, братья. Сказки. 13 вып. М., 1894 г. Ц. по 20 к. вып.
Гриммъ, Д. Очерки по ученію объ обогащеніи. Спб., 1893 г.
Гримъ. Сказки (въ переплетѣ). К., 96 г. Ц. 1 р.
Гринъ, Джонъ. Исторія англійскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I. Ц. 3 р. М., 91 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. Т. III. Ц. 2 р. 50 к. М., 92. Т. IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 1892 г.
Громека М. С. О Л. Н. Толстомъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.
Гроссъ, Г. Экономическая система Карла Маркса. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
Гротъ, Н. Я. Основные моменты въ развитіи новой философіи. Москва, 1894 г. Ц. 60 коп.
— Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности. М., 1889 г. Ц. 50 к.
— О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ. Одесса, 1886 г. Ц. 70 к.
— Устои нравственной жизни и дѣятельности. М., 1895 г. Ц. 30 коп., съ перес. 40 к.
— Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка. М., 1889 г. Ц. 40 к.
— Нравственные идеалы нашего времени. Фридрихъ Ницше и Левъ Толстой. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 30 к.
Гротъ, Я. К. Переписка его съ Плетневымъ. Ц. 3 р.
***Гротъ, П.** Физическая кристаллографія. Ч. I. II., 1896 г. Ц.
Грузинцевъ, А. П. Электромагнитная теорія свѣта. Харьковъ, 1893 г. Ц. 2 р. 25 к.
Грэхэмъ. Ж. Ж. Русо. Его жизнь, произведенія и окружающая среда. М., 1890 г. Ц. 1 р.
Губеръ. Механика. Изд. 2-е. Спб.,
Гулишамбаровъ. Нефтяное отопленіе пароходовъ, паровозовъ, котловъ и проч. (3-е исправлен. и дополнен. изд. Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 1891 г. Ц. 3 р.
Гумпловичъ, Л. Соціологія и политика. Ц. 50 к.
Гурляндъ. Римскій юристъ Гай и его сочиненія. Ярославль, 1894 г.
Гурьевъ, Н. А., и В. А. Долгоруковъ. Путеводитель по всей Сибири и средне-азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Томскъ, 1895 г. Ц. 1 р.
Гурфинкель, М. Дитя и уходъ за нимъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Digitized by Google

Густафсонъ, Р. Сказки. Переводъ съ нѣмецк. изданія. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 25 к., въ росс. перепл.—1 р. 75 к.

Густавсонъ. Двадцать лекцій агрономической химіи. Курсъ читанный въ Петровской земледѣльческой академіи. Второе изд. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гюббаръ, Гюставъ. Исторія современной литературы въ Испаніи. Переводъ Ю. В. Доманьмайеръ. М., 1892 г. Ц. 2 р.

Гюго, Викторъ. Сочиненія въ двухъ томахъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к. за оба тома.

— Отважный предводитель матросъ Вигъ-Жаргаль. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.

— Собраніе стихотвореній въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. II. Центральная книжная торговля въ Тифлисѣ, 1895 г. Ц. 20 к. за каждый выпускъ.

— Собраніе стихотвореній, въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. III. Тифлисъ, 1895 г. Ц. каждаго выпуска 20 к.

— Стихотворенія. Вып. IV. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 20 к. за вып.

— Стихотворенія. Вып. V. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 20 к. за вып.

— Собраніе стихотвореній, вып. XII. Т., 1896 г. Ц. 20 к.

— Собраніе стихотвореній 13 выпусковъ. Цѣна кажд. вып. по 20 к. Т., 1896.

Даниловскій, Александръ. Основное вещество протоплазмы и его видоизмѣняемость. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Даниловскій, В. Я., проф. Чувство и жизнь. Харьковъ, 1895 г. Ц. 50 к.

Даниловскій, Н. Я. Дарвинизмъ. Критическое изслѣдованіе. Т. II. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

Данте, Алигьери. Божественная комедія. Адъ. Съ 68 рис. французскихъ художниковъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Божественная комедія. Чистилище. Съ 72 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Божественная комедія. Рай. Съ 74 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Дебо, Эмиль. Чудесное въ наукѣ. (Популярная физика). М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

***Дегіо, К.** Проказа въ прошломъ и настоящемъ и борьба съ нею. П., 1896 г. Ц. 50 к.

Декандолль, Альфонсъ. Мѣстопроисхожденіе воздѣлываемыхъ растеній. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 60 к.

Демиховъ, В. М. Краткій курсъ электрической телеграфіи по программѣ техническихъ желѣзно-дорожныхъ училищъ, съ отдѣльнымъ атласомъ чертежей. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Деппъ, Г. Ф. Бездымное сожиганіе топлива въ топкахъ паровыхъ котловъ. Съ прилож. 254 чертежей въ отдѣльномъ альбомѣ изъ 39 таблицъ. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Дерюжинскій, В. Ф. Habeas Corpus Актъ и его пріостановка по англійскому праву. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.

Демосѳенъ. Олинѳскія рѣчи. Первая рѣчь противъ Филиппа. Изд. 3-е. Кіевъ, 1893 г. Ц. 65 к.

— Рѣчи противъ Филиппа. (2, 3 и 4). Кіевъ, 1889 г. Цѣна 60 к.

Дефо. Робинзонъ Крузо, 1 и 2 ч. М., 1888 г. Ц. за обѣ ч. 4 р.

Джабадари, И. С. Смертная казнь въ связи съ правомъ наказанія. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.

Джеромъ, К. Праздныя мысли лѣнтяя. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.

Диккенсъ, Чарльзъ. Пол. соб. соч. 6 т. Спб., 1894 г. Ц. кажд. т. 1 р. 50 к.

— Святочные разсказы. II., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Длусскій. Стенографія. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Цвѣтокъ олеандра. Ц. 1 р. 25 к.

Добневичъ, Б. Конспектъ по уголовному процессу. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Доброе дѣло. Сборникъ повѣстей и разсказовъ К. Баранцевича, А. Барковой, Н. Гарина, П. Засодимскаго, В. Короленка, Н. Лѣскова, Д. Мамина-Сибиряка и др. М., 1894 г. Ц. 90 к.

Добротворскій, П. Разсказы, очерки и наброски. Спб., 1888 г. Ц. 1 р.

Догановичъ, А. Ѳомка-дуракъ. М., 1896 г. Ц. 15 к.

Додоновъ, А. М. Руководство къ правильной постановкѣ голоса и изученію искусства пѣнія. М., 1891 г. Ч. I. Ц. 50 к. Ч. II, практическая, М., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.

Додэ, Альфонсъ. Сцена и кулисы. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Дорнблитъ, О., д-ръ. Гигіена умственнаго труда. Одесса, 1891 г. Ц. 50 коп.

Дриль, Дм. Преступность и преступники (уголовно-психологическіе этюды). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Дройзенъ, И. Г. Исторія эллинизма. Пер. М. Шелгунова. Т. I, п. 3 р. 50 коп. М., 1891 г.; т. II, п. 3 руб. М., 1893 г.; т. III, перев. Э. Циммермана. Ц. 4 р. 50 к. М., 1893 г.

Дрейфусъ, Ф. Міровая и соціальная эволюція. М., 96 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дреперъ, Дж. В. Исторія умственнаго развитія Европы, въ 2-хъ томахъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дѣтское Чтеніе. XXV. Юбилейный номеръ. 1869—1894. Редакторъ П. В. Голиковскій. Спб., 1894 г.

Дювернуа, А. Словарь болгарскаго языка въ 9 т. М., 1869 г. Ц. 18 р.

— Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи. М., 1867 г. Ц. 2 р.

— Станиславъ Зноемскій и Янъ Гусъ. М. 1871 г. Ц. 1 р. 60 к.

Digitized by Google

— Блаженный Меѳодій, первоучитель славянскій. Рѣчь, произнесенная въ университетѣ на празднествѣ тысячелѣтія кончины бл. Меѳодія. М., 1894 г. Ц. 40 к.
— Матеріалы для словар. древне-русскаго языка. М., 1894 г. Ц. 8 р.

Дюмуленъ. Цвѣтная фотографія. Воспроизведеніе красокъ фотографіей. М., 1895 г. Ц. 70 к.

Дюрсенъ, А., д-ръ. Спутникъ гинеколога. Руководство для студентовъ и врачей. Пер. съ 8-го дов. и испр. изд. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

Евневичъ. Гидравлика. Изд. 2-е. Спб., за два тома 6 р.

Европейская библіотека. Генрихъ Ибсенъ. Счастливецъ. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.
— Избранныя мысли Сафира. Спб., 1894 г. Ц. 30 к.
— Конпе, Франсуа: „Генріетта". Спб., 1894 г. Ц. 35 к.
— Тэнъ, Ипполитъ: „Вальвакъ". Спб., 1894 г. Ц. 30 к.
— Золя, Эмиль: „Замѣтъ матери". Спб., 1894 г. Ц. 40 к.

Егоровъ, Ѳ. Методика-ариѳметика. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Ежегодникъ. Обзоръ книгъ для народнаго чтенія и народныхъ картинъ 1893 г. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Ежегодникъ тобольскаго губернскаго музея за 1895 г. Ц. 1 р.

Ежегодникъ. Обзоръ книгъ для народнаго чтенія 1894 г. Изд. Моск. Ком. Грам. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Елпатьевскій, С. Я. Очерки Сибири. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Ельницкій, К. Характеристики дѣвочекъ. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Ечинацъ, А. Методика новыхъ языковъ и американскій разговорный методъ. Для учителей, родителей и учениковъ. Спб., 1892 г. Ц. 45 к.

Жакье, Э. Сборникъ физическихъ задачъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.

Желанскій, А. Скамья и каѳедра. Разсказы изъ гимназической жизни семидесятыхъ годовъ. М., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Желиховская, В. Кавказскіе разсказы. Спб., 95 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Изъ тьмы къ свѣту. Спб., 95 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Въ татарскомъ захолустьѣ. Спб., 95 года. Ц. 1 р. 75 к.

Женэ, Рудольфъ. Шекспиръ, его жизнь, сочиненія. Переводъ А. Н. Веселовскаго, съ примѣчан. Н. Стороженка. М. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.

Жиро, П., проф. Общество у животныхъ. Перев. В. Склифосовскаго. Москва, 1896 г. Ц. 1 р.

Жоржъ-Зандъ. Замокъ Видьяра. М., 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.

Жукъ, В. Женщины-матери. Спб., 1896 г. Ц. 60 к.

— Какъ мать должна кормить ребенка. М., 1896 г. Ц. 50 к.

Жуковъ, Николай. Электрометаллургія и обработка металловъ электрическимъ токомъ. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.

Жюль Вернъ. Гекторъ Сервадакъ, путешествіе въ солнечномъ мірѣ. Пер. Самойловичъ. Москва, 1887 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Жв. Задачи по физикѣ. М., 1892 г. Ц. 2 р.

Заблудовскій и Таненбаумъ. Другъ кочегара. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.

Забѣлинъ, И. Куцево и древній Сѣтунскій станъ. М., 1873 г. Ц. 2 р.

Замбранскій, Ю. Выжиганіе по дереву, кожѣ и тканямъ. М., 1896 г. Ц. 75 коп.

Записки желудка. Переводъ съ 10-го англійскаго изданія. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.

Записная книга на 1896 г. Съ цѣлою стр. въ коленкоров. пер. 1 р. 20 к., съ 1/2 стр. вдоль въ коленкоров. пер. 1 р., съ 1/2 стр. поперекъ 75 к., съ 1/3 стр. 80 к. и сокращен. изд. 60 к. Кожаные переплеты 30 к.

Засодимскій, П. В. Задушевные разсказы въ 2-хъ томахъ (изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 1 т. 1 р. 50 к., II т. 2 р. въ роскошномъ переплетѣ.
— Бывальщины и сказки. Спб., 95 г. Ц. 2 р. 25 к.

Законы о векселяхъ и упрощенный порядокъ судопроизводства. (Изданіе неоффиц.). М., 1894 г. Ц. 30 коп.

Зеландъ, Н. Здоровье и счастье. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Зелинскій, В. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Изд. 2-е. М., 1895 г. Ц. 2 р.
— Справочникъ по русскому правописанію. Вып. I, изд. 7-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Справочникъ по русскому правописанію. Вып. II. М., 1892 г. Ц. 50 к.
— Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій. Изд. 8-е. М., Ц. 25 к.
— Зрительный диктантъ. Ч. I, изд. 5-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Зрительный диктантъ. Ч. II, изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 40 к.
— Справочный словарь буквы Ъ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 25 к.
— Корнесловъ русскаго языка. М., 1891 г. Ц. 50 к.
— Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 25 к.
— Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. М., 1891 г. Ц. 1 р.
— Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію. М., 1891 г. Ц. 1 р.
— Обученіе грамотѣ по звуковому способу. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Digitized by Google

— Критическій комментарій къ сочиненію Ѳ. М. Достоевскаго, три части. М., 1894 г. Цѣна по 1 руб.
— Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ, три части. М., 1887 г. Цѣна по 1 руб.
— Русская критическая литература о произведеніяхъ А.С. Пушкина, три части. М., 1888 г. по 1 руб.
— Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого, три части. М., 1888 г. по 1 руб.
— Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя, двѣ части. М., 1889 г. Ц. по 1 руб.
— Критическіе разборы романа Тургенева „Отцы и дѣти". М., 1894 г. Ц. 35 к.
— Критическіе разборы романа Достоевскаго „Братья Карамазовы". М., 1894 г. Ц. 50 к.
— Критическіе комментаріи къ соч. А. Н. Островскаго. Ч. I, М., 1894 г., ч. II 1895 г., ч. III 1896 г. Ц. каждой ч. 1 р.
— Комментаріи къ соч. Островскаго. Ч. 3-я. М., 1896 г. Ц. 1 р.
— Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. М., 1896 г. Ц. 80 к.
— Критика сочиненій Л. Н. Толстого. Ч. 4-я. М. 1896 г. Ц. 1 р.

Землеръ, Генрихъ. Чай, разведеніе его въ Китаѣ, Индіи, Японіи и на Кавказѣ. М., 1890 г. Ц. 75 к.

Земмерфельдъ, Т., д-ръ. Какъ предохранить себя и своихъ дѣтей отъ скарлатины, дифтерита, чахотки, тифа и др. заразныхъ болѣзней. Одес., 1895 г. Ц. 30 коп.

Зетъ, Ю. Французскіе лирики. М., 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.

Зиберъ, Н. И. Очерки первобытно-экономической культуры. Ц. 4 р. 50 к. М., 1883 г.

Зимницкій, В. Условія и пріемы объяснительнаго чтенія. Москва, 1895 г. Ц. 55 к.

Златовратскій. Новые разсказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Золотаревъ, Л. Родительскія заботы о борьбѣ съ онанизмомъ у дѣтей. М., 1896 г. Ц. 30 к.

Золя, Эмиль. Серія романовъ Ругонъ-Маккаръ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 21 р.

Зонтагъ. Болѣзни желудка и кишекъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.

Зудерманъ, Г. Честь. Комедія въ 4-хъ д. М., 1891 г. Ц. 50 к.
— Родина. Драма въ 4-хъ д. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Свадьба Іоланты и др. разсказы. М., 1895 г. Ц. 40 коп.

Зутнеръ, Берта. Долой оружіе. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.

Ибсенъ, Генрикъ. Привидѣнія (Драма въ 3 актахъ), переводъ Бальмонта. М., 1894 г. Ц. 50 к.
— Маленькій Эйольфъ. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Ивановъ, Ив. Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII-го вѣка. М. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
— „Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ". Спб., 1896 г. Цѣна 2 р.

Иванюковъ, И. Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Спб., 1882 г. Ц. 3 руб.
— Политическая экономія. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 3 р.
— Основныя положенія теоріи экономической политики отъ Адама Смита до настоящаго времени. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Игерингъ, Рудольфъ. Борьба за право. Пер. Волкова. М., 1874 г. Ц. 75 к.

Игнатовъ, Н. Новый путеводитель по жел. дор. и пароходн. путямъ Россіи. Спб., 1896 г. Ц. 30 к.
— Въ Нижній на выставку! Спб., 1896 г. Ц. 60 к.

Игра футболъ съ иллюстраціями въ текстѣ. М., 1895 г. Ц. 70 к.

Изъ дневника Аміеля. Пер. съ фр. М. Л. Толстой. Спб., 1894 г. Ц. 35 к.

Изготовленіе рисунковъ для волшебнаго фонаря. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Иллюстрированная сказочная библіотека. 30 сказокъ Андерсена, въ переводѣ Поровской, со множествомъ рисунковъ. Цѣна каждой книжки отъ 5 до 20 коп. 6 сказокъ Гауфа. Ц. та же. Спб., 1894½ г.

Иллюстрированная нумизматическая библіотека (Изд. Павленкова), состоящая изъ 40 книжекъ со многими иллюстрац., цѣною отъ 2 к. и дороже (изд. 2). Спб., 1891 г.

Иллюстрированная Лермонтовская библіотека (изд. Павленкова), состоящая изъ 30 книжекъ, цѣною отъ 2 коп. и дороже. Спб., 1891 г.

Ирусъ, П., д-ръ. Гигіена современнаго общества. Одесса, 1891 г. Ц. 60 к.

Фонъ-Іерингъ, Рудольфъ. Гражданско-правовые казусы безъ рѣшеній. М., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Объ основаніи защиты владѣнія. М., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.

Іерингъ. Борьба за право. Спб., 1895 г. Цѣна 25 к.

Іодль, Ф. Исторія этики въ новой философіи. М., 1896 г. Ц. 2 р.
— Этика и политическая экономія. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.

Кадіа. Электричество. Изд. 3-е. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.

Какъ живутъ люди въ Швейцаріи. Изд. Моск. Ком. Грам. М., 1895 г. Ц. 6 к.

Казанскій, А. Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи. Одесса, 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Казотъ. Влюбленный дьяволъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Калымовъ, В. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній. М., 1896 г. Ц. 15 к.

Digitized by Google

Камаровскій, Л., проф. Война или миръ? Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.

Каноникова. Руководство къ химическимъ изслѣдованіямъ питательныхъ и вкусовыхъ веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 3 р.

Канторовичъ, Я. Литературная собственность. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Кантъ, Иммануилъ. Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.

Кандезъ, Э. Приключеніе сверчка. Спб., 1889 г. Цѣна въ роскошн. переплетѣ 2 р. 50 к.

Карасевъ. А. Музыкальная хрестоматія. Ч. I. Дѣтскій возрастъ. М. Ц. 40 к. Тоже часть II. Ц. 60 к.

Каринскій, М. Критическій обзоръ послѣдняго періода германской философіи. Спб., 1873 г. Ц. 2 р.

Каронинъ (Петропавловскій). Разсказы. 3 т. М., 1890 г. Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.

Каро, Э. Пессимизмъ въ XIX в. Изд. 2-ое. М. 1893 г. Ц. 1 р.,

— Современная критика и причины ея упадка. М. 1883 г. Ц. 30 к.

Карышевъ, Ив. А. Православно-христіанскій взглядъ на основанія, принятыя гр. Л. Н. Толстымъ для своего лжеученія, изложеннаго въ его сочин. „Въ чемъ моя вѣра". М., 1891 г. Ц. 60 к.

— Духовно-нравственный міръ въ человѣкѣ по ученію св. православной вѣры. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Богъ неопровержимъ наукой. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Составъ человѣческаго существа. Жизнь и смерть. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Каррьеръ, Морицъ. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеаловъ человѣка. Пер. Е. Корша. Т. I, ц. 3 р. Москва, 1870 г. Т. II, ц. 3 р. 50 к. Москва, 1871 г. Т. III, ц. 5 р. 50 к. Москва, 1874 г. Т. IV, ц. 4 р. Москва, 1874 г.

Карѣевъ, Н. Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ. П., 1896 г. Ц. 75 к.

Карѣевъ, Н., проф. Роль идей, учрежденій и личности въ исторіи. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

— Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Каценеленбогенъ, Г. Краткій курсъ патологической анатоміи. К., 96 г. Ц. 1 р.

Каццолино, Пр. Гигіена уха. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Квикъ. Реформаторы воспитанія. Перев. и перед. З. Перцовой. М., 1893 г. Ц. 2 р.

Квитка-Основьяненко. Панъ Халявскій. Миніатюрное изданіе Кіевъ, 1893 г. Ч. 1-я и 2-я. Ц. 50 к.

— Драм. соч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к.

— Малороссійскія повѣсти, разсказанныя Грыцкомъ Основьяненкомъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 75 к.

Келльнеръ, Л. Мысли о школьномъ домашнемъ воспитаніи. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кенигсбергъ, М. М., д-ръ медиц. Главныя основы анатоміи, физіологіи и гигіены въ научно-популярныхъ бесѣдахъ. Съ предисловіемъ профессора Эрисмана и 38 рисунками въ текстѣ. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 2 р.

Кенигъ, Ф., д-ръ. Руководство къ частной хирургіи для врачей и учащихся. Въ 2 томахъ изд. 3-е. Спб., 1894 г. Ц. 10 р.

Кернъ, Э. Ива, ея значеніе, развеніе и употребленіе. (Второе изданіе) Тула, 1896 г.

Кесслеръ. Синтаксисъ латинскаго языка для гимназій. Изд. 6-е. 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кейръ, Ф. Воображеніе и память. Спб., 1896 г. Ц. 40 к.

Киландъ, Александръ. Ядъ. Фортуна (два романа). М., 1895 г. Ц. 1 р.

Кингсфордъ, Анна, докт. мед. Научныя основанія вегетаріанства. Пер. съ англ. М., 1893 г. Ц. 30 коп.

Кирстенъ, Г. Пчеловодство. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.

Кирхнеръ, І. Исторія философіи. П., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Кирхманъ, Ф. Философія. П., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кистяковскій, А. Ѳ. Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права. 3-е изданіе. Кіевъ, 1891 г. Ц. 4 р.

*Кіари, Х. Техника патолого-анатомическихъ вскрытій. П., 1896 г. Ц. 1 р.

Клау, Ѳ. Ѳ. Краткій очеркъ химическихъ явленій. Составилъ по программѣ реальн. училищъ. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 70 к.

Клемперерь, д-ръ. Основы клинической діагностики. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Кнейппъ, Севастьянъ. Мое водолеченіе. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

*Книга здоровья. Ц., 1896 г. Ц. 1 р.

Кобеко. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Изд. 3-е. Спб., 1887 г. Ц. 3 р.

Кобелль. Таблицы. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Ковалевская, Софія, и Лефлеръ, А. Борьба за счастье. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.

Ковалевскій, М. Очеркъ происхожденія семьи и собственности. Лекціи, читанныя въ Стокгольмскомъ университетѣ. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.

— Происхожденіе современной демократіи. Въ 2-хъ томахъ. М., 1895 г. Цѣна каждаго тома 2 р. 50 коп.

Ковалевскій, Е. Народное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Digitized by Google

Козловъ, А. А. Очерки изъ исторіи философіи. Понятія философіи и исторіи философіи. Философія восточная. Кіевъ, 1897 г. Ц. 1 р.

— Тардъ (G. Tarde) и его теорія общества. Кіевъ, 1887 г. Ц. 1 р.

— Гипнотизмъ и его значеніе для психологіи и метафизики. Кіевъ, 1887 г. Ц. 75 к.

— Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого: „О жизни". М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

— Свое слово. Философско-литературный сборникъ, издаваемый вмѣсто „Философскаго трехмѣсячника". Кіевъ, 1888 г. № 1. Ц. 2 р. съ пер.; 1889 г. № 2. Ц. 2 р. съ пер.; 1890 г. № 3. Ц. 2 р. съ пер.

Козловскій, С. А. Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ ариѳметическихъ задачъ И. П. Верещагина. Ч. III (съ № 2466—3288 включительно). Минскъ, 1895 г. Ц. 75 к.

— Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ ариѳметическихъ задачъ А. Малинина и К. Буренина. Вып. II. Правило процентовъ (простыхъ и сложныхъ). Съ № 2891—3100 включительно. Борисовъ, 1894 г. Ц. 25 к.

Козлинина, Е. И. Обездоленныя дѣти. Очеркъ изъ судебной практики. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Колеръ, І., проф. Шекспиръ съ точки зрѣнія права. (Шейлокъ и Гамлетъ). Пер. съ нѣмецкаго. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Коломбо, маркиза. Красавица. Разсказъ. Перев. съ итальян. М., 1894 г. Ц. 35 коп.

Коломбъ, Ж. Дѣдушкина внучка. Съ французскаго. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб. въ роскошномъ переплетѣ.

Колубовскій, Я. Философскій ежегодникъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

***Кольбе, Б.** Введеніе въ ученіе объ электричествѣ. П., 1896 г. Ц. 1 р. 40 к.

— Введеніе къ ученію объ электричествѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.

Кольберинъ, Н. Русское гражданское право. К., 96 г. Ц. 1 р.

Колэ, Л. Дѣтство и юность великихъ людей. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Комаровъ, А. Народная школа. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Коменскій, Я. А. Педагогич. соч. Т. I. Великая дидактика. М. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Т. II. Малкія соч. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Корелинъ, М. С. Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Вып. 1 и 2. М, 1892 г. Ц. за оба выпуска 6 р.

— Паденіе античнаго міросозерцанія. (Культурный кризисъ въ Римской имперіи). Лекціи, читанныя въ Московскомъ политехническомъ музеѣ въ 1891—1892 год. Спб., 1895 г. Ц. 75 к.

Кореблитъ, А. И. Нѣмецко-русскій технический словарь. 25 выпусковъ. Ц. каждаго вып. 40 к. М. 1892—1895 гг. (всего будетъ 35—40 выпусковъ).

Корнетъ, Г. Какъ уберечь себя отъ чахотки. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Корнигъ, И. Г., д-ръ. Нервный вѣкъ и нервное поколѣніе. Одесса, 1894 г. Ц. 40 к.

Коропчевскій, Д. А. Люди. Этнографическіе очерки. Съ картой Африки. М., 1886 г. Ц. 65 к.

— Разсказы дикаго человѣка. М., 1895 г. Ц. 2 р. 25 к.

Короленко. Голодный годъ. Изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Въ дурномъ обществѣ. Москва, 1894 г. Ц. 85 к.

Корсакъ, Марія. Первоначальные уроки русской грамматики. Ц. 60 коп. М., 1878 г.

Коршъ. Всеобщая исторія литературы. Томъ III. Спб., 1888 г. Ц. 5 р.

— Томъ IV. Спб., 1888 г. Ц. 6 р. 50 к.

Корнигъ. Нервный вѣкъ и нервное поколѣніе. Одесса, 1894 г. Ц. 40 к.

— Гигіена мѣломудрія. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.

Корфъ, Н. А. Нашъ другъ, книга для чтенія въ школѣ и дома (16 изд.). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

Костычевъ, П. Общедоступное руководство къ земледѣлію (Изд. 2). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

— Обработка и удобреніе черноземa. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

— Ученіе объ удобреніи почвъ. (Изд. 2). Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Котельниковъ, М. Г. Справочная книжка по винохуренію для лицъ акцизнаго надзора. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Котельниковъ. Начальныя свѣдѣнія по скотоводству (Изд. 3). Спб., 1893 г. Ц. 40 к.

— Бесѣды по земледѣлію. Вып. I. О почвѣ. 1893 г. Вып. II. Объ удобреніи почвы. 1894 г. Вып. III. Травосѣяніе 1894 г. Вып. IV. О сѣменахъ и посѣвѣ, 1895 г. Вып. V. О воздѣлываніи хлѣбовъ. 1894 г. Вып. VI. Широколиственн. мучнистыя растенія. 1892 г. Вып. VII. О воздѣл. картофеля и корнеплодовъ. 1894 г. Спб. Цѣна кажд. вып. 30 к.

Коченовскій. Краткое руководство къ простому изслѣдованію сельско-хозяйственныхъ матеріаловъ и продуктовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 80 к.

Краткій курсъ кожныхъ и венерическихъ болѣзней. Составленный примѣнительно къ программѣ испытательной медицинской коммиссіи. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.

Крафтъ-Эбингъ. О здоровыхъ и больныхъ нервахъ. М., 1885 г. Ц. 75 к.

— Судебная психопатологія (Перевелъ Ал. Черемнанскій). Спб., 1895 г. Ц. 5 р.

Digitized by Google

— Прогрессивный общій параличъ. Пер. д-ра Вольтера. Харьковъ, 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Альбомъ, группы и портреты. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Крестный календарь на 1896 г. Гатцука. Ц. 15 к.

Кривенко, Н. Бесѣды о рогатомъ скотѣ. М. 1892 г. Ц. 70 к.

Кривенко, С. Н. На распутьи. (Культурные скиты и культурныя одиночки). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кривошеинъ, Г. Г., и Саткевичъ, А. А. Военные инженеры. Висячій мостъ со среднимъ шарниромъ статически-опредѣлимая система. Чертежи. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.

Криста, М. Конецъ крейцеровой сонаты Льва Толстого. Спб., Ц. 30 к.

Криницкій, Маркъ. Въ туманѣ. Москва, 1895 г. Ц. 40 к.

Крихлеръ, Францъ. Породы собакъ. Описаніе всѣхъ породъ собакъ Дрессировка собакъ. Лѣчебникъ собакъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

***Кричагинъ, Н.** Учебникъ ботаники. II., 1896 г. Ц. 1 р. 60 к.

Кругловъ, А. В. Свои-чужіе. Романъ. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 1 р.

— Подъ колесомъ жизни. Повѣсти и разсказы. Кіевъ, 1894 г. Цѣна 1 р.

— Незабудки. Разсказы и стихотворенія для дѣтей. Спб. 1885 г. Ц 1 р. 50 к., въ роскошн. перепл.—2 р.

— Вечерніе досуги. Сборникъ дѣтск. разсказ. и стихотвореній, съ 45 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Добрымъ дѣтямъ иллюстрированные разсказы въ прозѣ и стихахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Не герои. Очерки и разсказы (Живыя души, т. I). Изд. 2-е, доп. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— На чужомъ полѣ. Очерки и разсказы. (Живыя души, т. II). Изд. 2-е, дополн. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.

— Котофей Котофеевичъ. Ц. 1 р. 25 к.

— Все пріятели. М., 1896 г. Ц. 30 к.

— Изъ золотого дѣтства. М., 1889 г. Ц. 1 р.

Крыловъ, И. А. Избранныя басни для школъ и народа. М., 1895 г. Ц. 8 к.

Ксенофонтъ. Анабазисъ. Подстрочн. пер. Кремера. Книга I-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

— Книга II-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

— Книги III-я, и IV-я, изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.

— Книги V, VI и VII. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.

Куглеръ, Францъ. Руководство къ исторіи искусства, обработан. Любке. Пер. Е. Корша. Ч. I, съ 320 рисунк. въ текстѣ, п. 5 р. М. 1869 г.; т. II, п. 5 р. съ 167 рис. М. 1870 г.

— Руководство къ исторіи живописи со временъ Константина Великаго. Перев. И. К. Васильева, съ портрет. автора. Ц. 7 р. М., 1872 г.

Кудрявцевъ, В. Введеніе въ философію. Изд. 2-е. М., 1890 г. Ц. 40 к.

Кудрявцевъ-Платоновъ, сочин. Вып. I, II и III. Ц. каждаго 1 р. 50 к.

Кузьминскій, К. Н. Устройство сцены для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Кулагинъ Н. Насѣкомыя, вредныя для сада и огорода въ средней и сѣверной Россіи (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

Кулешовъ, П. Свиноводство. М., 1893 г. Ц. 1 р.

— Коневодство М., 1892 г. Ц. 1 р. 30 к.

— Научныя и практическія основанія подбора племенныхъ животныхъ въ овцеводствѣ. М. 1890 г. Ц. 2 р.

Куно-Фишеръ. Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Пер. И. П. Разсадина. Ц. 1 руб. 25 к. М., 1882 г.

— Артуръ Шопенгауэръ. Пер. Грумъ-Гржимайло. М., 1894 г. Цѣна за два выпуска 2 р. 50 к., по выходѣ второго выпуска 3 р.

Курбскій, А. С. Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора. Спб., 1875 г. Ц. 2 р.

Курсье, Э. Русско-французско-нѣмецкіе обществ. разг. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Курціусъ, Эрнстъ. Т. II, пер. А. Веселовскаго. Ц. 5 р. М., 1883 г. Т. III, пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1880 г.

Лабрюйеръ, Жанъ. Характеры или нравы этого вѣка (съ предисловіемъ Прево-Парадоля и Сентъ-Бёва). Спб., 1890 г. Ц. 2 р.

Лабулэ, Эдуардъ. Голубыя сказки. Въ роскошномъ переплетѣ съ 150 рисунк. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Лавелэ, Эмиль. Балканскій полуостровъ. Пер. Н. Е. Васильева. Ц. 6 р. М., 1889 г.

— Основанія политической экономіи. Переводъ съ 4-го французскаго изданія. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лависъ, Э. Общій очеркъ политической исторіи Европы. М., 1891 г. Ц. 50 к.

Ладвезъ. Фото-сепія и фото-сангвинъ. Руководство для фотографовъ-любителей. М., 1895 г. Ц. 35 к.

Лаландъ, А. Этюды по философіи наукъ. Спб., 1896 г. Ц. 75 к.

Лампрехтъ, Карлъ. Исторія германскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I (части 1 и 2). Ц. 4 р. М., 1894 г.

Ланге, Н. Н. Психологическія изслѣдованія. Законъ перцепціи. Теорія волевого вниманія. Одесса, 1893 г. Ц. 2 р.

Ланге, К. проф. Художественное воспитаніе въ дѣтской. М., 95 г. Ц. 50 к.

Ландцертъ, В. П. Спутникъ по Россіи. Лѣтнее движеніе. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Digitized by Google

Лаоси. „Тао те кингъ". Переводъ съ китайскаго со введеніемъ Д. П. Коиисси. М., 1894 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.
Леббокъ, С. Идеалы жизни. П., 1895 г. Ц. 75 к.
Леббокъ, Дж. Красота природы и чудеса міра. Пер. подъ ред. А. М. Павлова, съ 36 полит. Ц. 1 р. 50 к. М., 1893 г.
— Радости жизни. 2-е испр. и доп. изд. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
— Какъ надо жить. Перев. съ англійскаго. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
Лёбе, В. Молочное хозяйство, молочный скотъ, маслодѣліе и сыровареніе. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
Лебо, Эжень. Трактатъ о человѣческой физіономіи. М., 1895 г. Ц. 3 р.
Лёвенфельдъ. Л. Половая нейрастенія. Одесса, 1892 г. Ц. 1 р.
Левицкій, В. Н. Временныя правила о волостномъ судѣ, преобразованномъ по закону 12 іюля 1889 г. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Левитовъ. Собраніе сочиненій, съ портретомъ автора и статьей о его жизни Ф. Д. Нефедова. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Ц. 1 р. 50 к. М., 84.
Ле-Вонъ, Густавъ. Эволюція цивилизацій. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
Легуве, Э. Исторія духовной жизни женщины. М., 96 г. Ц. 75 к.
Ленотръ, Ж. Революціонный Парижъ. М., 95 г. Ц. 1 р. 50 к.
Лейбницъ, Г. В. Избранныя философскія сочиненія. Съ портретомъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Избранныя философскія сочиненія. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Избранныя философскія сочиненія. Подъ редакціей В. П. Преображенскаго. Москва, 1890 г. Ц. 2 р.
Лейненбергъ, Н. Берегите дѣтей отъ вина, пива и водки! Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
Леонтьевъ, Н. І. Указатель пьесъ для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.
Лермонтовъ, М. Ю. Пол. собр. сочиненій. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
Лессингъ, Г Минна фонъ-Барнгельмъ. Перев. Гонберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— Эмилія Галотти. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
— Натанъ Мудрый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— Молодой ученый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— Гамбургская драматургія. Пер. И. П. Рассадина. Ц. 3 р. М., 1883 г.
— Драматич. соч.: Минна фонъ Барнгельмъ, Эмилія Галлотти, Натанъ Мудрый. Спб. 1886 г. Ц. 2 р.
Летурно, Ш. Соціологія основанная на этнографіи. Пер. съ послѣдняго французскаго изданія. Вып. I. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
Лескафтъ, Ф. Хлѣбопекарное производство (по Бирнбауму) и описаніе производства сухарей и проч. на русскихъ заводахъ. Спб., 1880 г. Ч. I. Ц. 3 р.
Ливій, Титъ. Подстрочный переводъ 30-й книги сдѣл. Румянцевъ и Подгурскій. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
— Исторія Рима отъ основанія города. Книги I и II. Кіевъ, 1892 г. Ц. по 75 к.
— Римская исторія Кн. XXI, XXII. Изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Цѣна 60 к.
Лидовъ, А. П., проф. Руководство къ химическому изслѣдованію жировъ и восковъ. Харьковъ, 1894 г. Ц. 3 р.
Липпертъ, Ю. Исторія культуры. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
Листъ, Ф. Наказаніе и его цѣли. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
Ли, Іонасъ. Осужденный на вѣкъ. Разсказъ, съ норвежск. М., 1894 г. Ц. 40 к.
Лодыгинъ, П. Дѣдушкины разсказы о лошади—кормилицѣ и объ уходѣ за нею въ сельскомъ быту. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
Лопатинъ, Л. М. Понятіе объ индукціи. М., 1893 г. Ц. 25 к.
— Положительныя задачи философіи. М., 1886 г. Ц. 2 р.
Лоранъ, Э. Медицина души. П., 1896 г. Ц. 15 к.
— Нейрастенія. П., 1896 г. Ц. 15 к.
Лотце, Германъ. Микрокосмъ (мысли о естественной и бытовой исторіи человѣка, опытъ антропологіи). Пер. Е. Корша. Часть I. Ц. 2 р. М., 64 г. Часть II. Ц. 2 р. М 66 г. Часть III. Ц. 2 р. 50 к. М., 67 г.
Луговой, А. Добей его! (Pollice verso). Параллели. Москва, 1893 г. Ц 50 к.
— Сочиненія. 3 тома Спб., 1894 г. Ц. по 2 р.
Лункевичъ, В. Наука о жизни. Общедоступная физіологія человѣка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Лучицкій, И., проф. Проповѣдники религіозной терпимости въ XVI вѣкѣ. М., 1895 г. Ц. 30 к.
Льюисъ, Георгъ Генри. На берегу моря (зоологическіе этюды). М. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к.
Лѣтневъ, П. Невидимый бичъ. Ром. Вмѣсто хлѣба, камень. Ром. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р. 50 к.
— Бархатные когти. Ром. въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
— На волосокъ. Романъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
— Современный недугъ. Ром. въ 3-хъ ч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
— Поперекъ дороги. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
— На смѣну прошлаго. Ром. Вѣкъ волк. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р.
— Вѣшеная лошадка. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Волчья яма. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.
— Сочиненія. 10 томовъ. Кіевъ, 189 г. Ц. 8 р.
Любимовъ, Н. А. Исторія физики.

Digitized by Google

Ч. I. Періодъ греческой науки. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
— Философ. Декарта. Спб., 1886 г. Ц. 2 р.

Любке, Вильгельмъ. Исторія пластики съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Перев. В. Чаева. М., 1870 г. Ц. 6 руб.

Лялина, М. Путешествія М. Н. Пржевальскаго. Спб., 91 г. Ц. 2 р.

Магаймъ, Профессіональные рабочіе союзы. Ц. 1 р. 25 к.

Магаффи, Дж. Исторія классическаго періода греческой литературы. Пер. А. Веселовской. Т. I (поэзія). Ц. 3 р. М., 1882 г. Т. II (проза). Ц. 3 р. М., 1883 г.

Магнусъ Блаубергъ. Русское виноградное вино и хересъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.

Маевскій, П. Флора средней Россіи. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растеній. М., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к. Изд. 2-е исправлен. и дополнен.

Майеръ, Викторъ. Задачи химіи нашего времени. Спб., 1890 г. Ц. 50 к.

Мазуринъ, К., и Высоцкій, В. Формулы по ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, высшей алгебрѣ, дифференціальному и интегральному исчисленіямъ для рѣшенія задачъ по чистой математикѣ. М., 1887 г. Ц. 50 к.

Макарова, С. Отголоски старины. Историческіе разсказы для дѣтей. М., 1894 г. Ц. въ папкѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к.

Македонскій. Права и обязанности подсудимаго предъ военнымъ судомъ. М., 1886 г. Ц. 1 р.

Максимовъ, С. В. Годъ на сѣверѣ. М. 1890 г. Изд. 4-е. Ц. 3 р.
— Куль хлѣба и его похожденія. Четвертое иллюстрированное изданіе. Спб., 1894 г. Ц. р. 50 к.

Малицкій, П. Руководство по исторіи русской церкви. Вып. I. М., 1891 г. Ц. 90 к., вып. II. Москва, 1894 г. Ц. 75 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Дѣтскія тѣни. М., 1894 г. Ц. 80 к.
— Разсказы и сказки для дѣтей младшаго возраста. М., 1895 г. Ц. 60 к., въ папкѣ 75 к.
— Акъ-Бозатъ. Разсказъ. М., 1895 г. Ц. 30 к.
— Уральскіе разсказы. Т. II. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Горное гнѣздо. Романъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Три конца. (Уральская лѣтопись). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
— Весеннія грозы. Ром. въ 3-хъ част. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Мангуби, И. Практическое винодѣліе. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Мантегацца, П. Физіологія любви. 2-е испр. изд. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Физіологія женщины. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Физіономія и выраженіе чувствъ. Перъ съ француз. подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. Я. Грота и Е. В. Вербицкаго. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Физіологія ненависти. Одесса, 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Искусство быть счастливымъ. Одесса, 1890 г. Ц. 50 к.
— Гигіена красоты. Одесса, 1890 г. Ц. 50 коп.
— Лицемѣрный вѣкъ. Одесса, 1889 г. Ц. 50 к.
— Нервный вѣкъ. Одесса, 1889 г. Ц. 50 к.

Марконетъ, А. Дворецъ юстиціи въ Парижѣ. М., 96 г. Ц. 1 р. 25 к.

Мартыновъ. Anciens monuments des environs de Moscou. М., 1889 г. Ц. 10 р.

Мартъ, Констанъ. Философы и поэты-моралисты во времена Римской имперіи. Переводъ М. Корсакъ. Ц. 2 р. М., 1879 г.

Матеріалы для біографіи Добролюбова, собран. въ 1861—1862 гг. Т I. Ц. 2 р. М., 1890 г.

Маракуевъ, Н. Н. Элементарная алгебра въ 2-хъ ч. М., 1887 г. Ц. 4 р.
— Галилей, его жизнь и ученые труды. М., 1888 г. Ц. 35 к.

Марксъ, К. Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи. М., 1896 г., Ц. 1 р. 35 к.

Масперо, Ж. Древняя исторія народовъ Востока. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.

Массе. Исторія кусочка хлѣба. Спб., 1877 г. Ц. 75 к.

Масловичъ, Н. Татьянинъ день 12 января. Харьковъ, 1895 г. Ц. 20 к.
— Житейскіе напѣвы. Спб., 92 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Маудсли, Генри. Сонъ и сновидѣнія. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.

Мауреръ, Людвигъ. Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти. Пер. В. Корша. Ц. 2 руб. 75 к. М., 1880 г.

Мачтетъ, Григорій. Баба и другіе разсказы. (Силуэты. Т. I.). Изд. 2-ое. М., 1895 г. Ц. 1 р.
— Блудный сынъ. Повѣсть. (Силуэты. Т. I). Изданіе 2-ое. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.
— На досугѣ. Новый сборникъ повѣстей и разсказовъ. М., 1896 г. Ц. 1 р.
— Живыя картины. Новый сборникъ повѣстей и разсказовъ. М. 1895 г. Ц. 1 р.

Мейеръ, Аксель, д-ръ. Гигіена бездѣтнаго брака. Одесса, 1891 г. Ц. 50 к.

Между прочимъ. Сбор. разсказовъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Международная библіотека. № 1. Ферд. Брюнетьеръ. Источники пессимизма. 2-е изд. Ц. 15 к. № 2. Кеттлеръ. Что такое женская эмансипація. 2-е изд. Ц. 15 к. № 3. Вундтъ. Связь философіи съ жизнью за послѣднія 100 л. 2-е изд.

Digitized by Google

Ц. 15 к. № 4. Лемеръ. Этюды о русскихъ писателяхъ: Достоевскій, Островскій. 2-е изд. Ц. 15 к. № 5. Шіенбахъ. Государственный строй С.-Амер. Соедин. Штатовъ. 2-е изд. Ц. 15 к. № 6. Брюнетьеръ. Отличительный характеръ французской литературы. Ц. 15 к. № 7. Шарль Рише. Геніальность и помѣшательство. Ц. 15 к. № 8. фонъ-Шеля. Самоубійство и современная цивилизація. Ц. 15 к. № 9. И. Тэнъ. Шекспиръ. Ц. 15 к. № 10. Рене Думикъ. Литература и вырожденіе. Ц. 15 к. № 11. Луйо Брентано. Причины экономическаго разстройства въ Европѣ. Ц. 15 коп. № 12. Брандесъ. Звѣрь въ человѣкѣ. Ц. 15 к. № 13. Лесли Стефенъ. Этика и борьба за существов. Ц. 15 к. № 14. Отто-Генне-амъ-Рынъ. Законы культуры. Ц. 15 к. № 15. Ф. Штрайцлеръ. Происхожденіе семьи. Ц. 15 к. № 16—17. А. Фулье. Психологія мужчины и женщины и ея физіологическія основанія. Ц. 25 к. № 18. А. Шопенгауэръ о возрастахъ человѣка. Ц. 15 к. № 19. По Лабанду. Государственный строй германской имперіи. Ц. 15 к. № 20. Густавъ Шенберръ. Новая политическая экономія. Ц. 15 к. № 21. Альфредъ Вине. Механизмъ мышленія. Ц. 15 к. № 23. Ф. Паульсенъ. Гамлетъ, какъ трагедія пессимизма. Ц. 15 к. Рюменинъ. Что такое соціальный законъ № 23. Ц. 15 к. Фердинандъ Лагранжъ. Реформа физическаго воспитанія № 24. Цѣна 20 к. Шарля Ферре. Наслѣдственность болѣзненнаго предрасположенія № 25. Ц. 15 к. Миттермайеръ. Судъ присяжныхъ и его значеніе № 26. Ц. 15 к. № 27. Сила и право. Меркель. № 28. Основы государственной критики. А. Гацфельта. № 29. Государственный строй Франціи, по Лебону. № 30. Исторія народнаго образованія въ Англіи, Л. Флейшнера. Ц. 15 к. № 31. Нервная система человѣка. Д-ра П. Мёбіуса. Ц. 15 к. № 32. Эмиль Золя. Георгъ Брандесъ. Ц. 15 к. № 33. Спенсеръ, Г. О нравственномъ воспитаніи. Ц. 20 к. № 34. Фулье, А. Характеръ расъ и будущность бѣлой расы. Ц. 15 к. № 35. Летурно, Ш. Прошедшее и будущее литературы. Ц. 20 к. Гижицкій Г. Основы морали. Одесса, 1895 г. Ц. 60 к.

Мёбіусъ, д-ръ. Гигіена, діэта и леченіе нервныхъ людей. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

Мейеръ. Основанія теоретической химіи. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

Мекензи, Уоллесъ. Россія. Т. I и II. Спб., 1880. Ц. 5 р.

Мензбиръ, М. Дарвинизмъ въ біологіи и близкихъ ней наукахъ. М., 1896 г. Ц. 75 к.

Мессеръ. Звѣздный атласъ. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 5 р.

Металлодавильное дѣло (выдавливаніе полыхъ металлическихъ издѣлій) съ 8 табл. М., 1893 г. Ц. 1 р. 35 к.

Микуличъ, В. Зарницы. М., 1895 г. Ц. 65 к.

Миллеръ, В. П. Акваріумъ. Краткое руководство къ уходу за акваріумомъ и его населеніемъ. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

Миллъ, Джонъ-Стюартъ. О подчиненіи женщины. П., 1896 г. Ц. 60 к.
— Автобіографія. М., 1896 г. Ц. 75 к.

Мильтонъ. Потерянный и возвращенный рай. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Милюковъ, П. Н. Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго. Спб., 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.
— Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Михайловъ-Викторовъ. Собраніе анекдотовъ изъ жизни замѣчательныхъ людей. Т. 2. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 50 к.

Михайловскій, Н. К. Литература и жизнь. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.
— Критическіе опыты. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Спб.. 1895 г. Ц. 1 р.

Михеевъ, В. М. Художники. Очерки и разсказы. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Михневичъ, В. Русская женщина XVIII стол. К., 96 г. Ц. 1 р. 25 к.

Молло, М. Правила алковатской профессіи во Франціи. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Момсенъ, Ѳ. Римская исторія. Перев. Невѣдомскаго. Т. I, ц. 6 р. М., 1887 г. Т. II и III, ц. 7 р. М., 1887 г. Т. V, ц. 3 р. 50 к. М., 1885 г.

Мопассанъ, Гюи. Монтъ-Оріоль. Москва, 1894 г. Ц. 70 коп.
— Сочиненія, избранныя Л. Н. Толстымъ. 1 т. М 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
Т. 2-й. М., 1894 г. Ц. 1 р.
— На водѣ, сборникъ разсказовъ. Пер. съ фр. Никифорова, съ предисловіемъ Л. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Морлей, Джонъ. Вольтеръ. Переводъ съ 4-го англ. изд. М., 1889 г. Ц. 2 р.
— Руссо. Перев. съ англ. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1881 г.
— Дидро и энциклопедисты. Пер. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1882 г.

Моръ. Краткая этимологія греческаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Книга упражненій по греческому языку. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Мороховецъ, Левъ, проф. Имп. Моск. унив. Физико-химическія основы біологическихъ и врачебныхъ методовъ изслѣдованія съ физіологической техникой для естествоиспытателей, врачей и студентовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 30 к.

Моссо, А. Физическое воспитаніе юношества. Спб., 1896 г. Ц. 60 к.

Digitized by Google

Мостовскій М. Этнографическіе очерки Россіи. М., 1874 г. Ц. 1 р.

Мотлей, Д. Л. Исторія Нидерландской революціи. 3 т. Спб., 1865 г. Ц. 7 р. 50 к.

Мункъ, І., д-ръ мед. Руководство къ кормленію больныхъ, для врачей, студентовъ и завѣдующихъ больницами, пріютами и пр. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.

Мусселіусъ, В. Русско-лагинскій словарь. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Мюссе, А. Ночи. Перев. А. Облеухова. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Мятлевъ, И. П. Полное собр. сочиненій. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— Полное собраніе сочиненій. Изданіе иллюстрированное. М., 1894 г. Три тома. Ц. 1 р. 20 к.

Мясницкій, Ив. Замоскворѣцкія сказки. Юмористич. разсказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— „На добрую память" изъ русскихъ писателей. Книга для семейнаго чтенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к., составл. Никифоровымъ.

МДС. Врачебное искусство и медицинская наука. Одесса, 1894 г. Ц. 25 к.

N. N. Снабженіе горячей водой небольшихъ жилыхъ домовъ. Переводъ съ англійскаго инж. техн. Л. Л. Боровича. М., 1895 г. Ц. 40 к.

Навиль, Э. Что такое философія. М., 96 г. Ц. 1 р. 25 к.

Надсонъ, С. Я. Литературные очерки (1883—1886 гг.). Спб., 1887 г. Изд. 2-е Ц. 1 р.

Наединѣ. Сборникъ переводныхъ повѣстей, разсказовъ и стихотвореній Матильды Серао, Альфонса Додэ, Бьёрнсонъ-Бьернстерна, Генри Лонгфелло, Гюи де-Мопассана и др. Ц. 70 к.

Народныя русскія сказки и загадки. Собраны сельскими учителями Тульск. губ. въ 1862 и 1863 годахъ. Редакція А. А. Эрленвейна. Изд. 2-е. М., 1892 г. Ц. въ папкѣ 1 р.

Народныя русскія сказки. М., 1882 г. Ц. 1 р.

Неверъ, Эмилія. Искусство быть красивой. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Немировичъ-Данченко, В. И. Гроза. Ром. въ 2 хъ ч. Изд. седьмое. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к

— Бѣломорье и Соловки. Изд. 4-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Ѳедька-рудокопъ. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— Контрабандисты. Романъ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 2 р.

— На краю свѣта. Другъ за друга. Изъ жизни на крайнемъ сѣверѣ. Повѣсть для дѣтей. Въ трехъ частяхъ. Москва, 1893 г. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 30 к.

— Большое сердце. Повѣсть. Москва, 1894 г. Ц. 20 коп.

Немировичъ-Данченко, Влад. Ив. Старый домъ (Мертвая ткань). М., 1895 г. Ц. 1 р.

Нелидова, Л. Дѣвочка Лида. Разск. для дѣтей. Изд. II. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Нетыкса, М. А. Краткое руководство кузнечнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Крат. руков. слесарнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.

— Техника черченія (о томъ, какъ и чѣмъ чертить). Съ 433 политипаж. въ текстѣ и 4 литогр. табл. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 к.

— Способы воздухонасыщенія комнатныхъ акваріумовъ. М., 1895 г. Ц. 75 к.

— Руководство столярнаго ремесла. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Нефедовъ, Ф. Д. Сочиненія. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. М., 1894 г.

— Томъ II. М., 1805 г. Ц. 1 р. 50 к.

Нивеллирный планъ города Москвы, съ указаніемъ раздѣленія города на судебно-мировые участки и съ описаніемъ ихъ. М., 1894 г. Ц. 75 к.

Никитинъ, В. Н. Обломки разбитаго корабля. Сцены у мировыхъ судей шестидесятыхъ годовъ. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Никитскій, С. Вѣра православной восточной греко-россійской церкви. Книга 1-я: Вѣроученія. Ц. 50 к. Книга 2-я: О нравственности. Ц. 70 к.

Николаевъ, П. Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ. Социологическій этюдъ. Ц. 1 р. 50 коп. М., 1892 г.

Нимейеръ, Павелъ, д-ръ. Геморрой. Причины болѣзни, способы лѣченія и предупрежденія ея. Пер. В. Бороздича. Казань, 1895 г. Ц. 50 к.

Нотнагель, Г. д-ръ. Руководство къ фармакологіи, въ 2 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 4 р.

Новѣйшая исторія Англіи 1865—1895 гг. Краткій очеркъ событій. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Новѣйшая исторія Германіи 1866—1895 гг. Краткій очеркъ событій. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Нурокъ. Ключъ къ русскимъ упражн. грам. англійскаго языка. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50;

Ньюкомбъ, С., и Энгельманъ, Р. Астрономія въ общепонятномъ изложеніи. Спб., 1894—1895 гг. Ц. I и III вып. по 1 р. 40 к., подписная цѣна за все соч. (4 вып.) 5 р. 60 к.

*— Астрономія. II., 1896 г. Ц. 6 р.

Нюренбергъ, А. М. Городовое положеніе (изд. 2-е). Москва, 1893 г. 80 к.

— Правила о раздробительной торговлѣ крѣпкими напитками (изд. 2). М., 1894 г. Ц. 1 р.

Обзоръ дѣятельности комитета грамотности, состоящаго при Импер. моск. об. сельск. хоз. М., 1895 г. Ц. 15 к.

Digitized by Google

Общая патологія инфекціонныхъ болѣзней. К., 96 г. Ц. 30 к.
Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ при участіи Э. К. Брандта составленъ Я. Н. Шмулевичемъ (Изд. 2-е). Спб., 1891 г. Ц. 3 р.
Объ устройствѣ водяныхъ клозетовъ (16 рис. въ текстѣ). М., 1894 г. Ц. 20 к.
Овидій, Назонъ. Избранныя басни изъ „Метаморфозъ". Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к. Пер. 8-й, 11-й, 12-й и 15-й книги „Метаморфозъ".
— Переводъ 1-й и 2-й книгъ съ прилож. біографіи автора. Кіевъ, 1894 г Ц. 60 к.
— Пер. 6-й, 7-й и 13-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
— Переводъ 3-й, 10-й, 14-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 40 к.
Овсянико-Куликовскій. Языкъ и искусство. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
Огіевскій, В. Борьба съ вредными лѣсными насѣкомыми въ Баваріи. Спб., 95 г. Ц. 20 к.
***Оглоблинъ, В.** Колористическій сборникъ. М., 1896 г. Ц. 5 р.
Огородниковъ, П. Въ странѣ свободы. Въ 2-хъ т. Спб., 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.
Оже, Люсьенъ. Семь чудесъ свѣта. Путешествіе къ семи чудесамъ свѣта съ научною цѣлью. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Ольденбергъ, Германъ. Будда, его жизнь, ученіе и община. Перев. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1891 г.
Оржешко, Элиза. Дикарка. Повѣсть. Пер. съ польскаго. М., 1894 г. Ц. 75 к.
— Надъ Нѣманомъ. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
Орловъ, К. В., д-ръ мед. Основы діагностики искусственныхъ и притворныхъ болѣзней у призываемыхъ къ военной службѣ солдатъ. Изд. 2 исправл. и доп. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб.
Оровичъ, Я. Женщина въ правѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.
О свободѣ воли. Рефераты и статьи членовъ психол. общ. М., 1889 г. Ц. 2 р.
Освальдъ, Фридрихъ. Лягавая собака. Руководство къ уходу за лягавою собакой. Ея воспитаніе, и дрессировка. Лечебникъ собакъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
***Оствальдъ, В.** Несостоятельность научнаго матеріализма и его устраненіе. П., 1896 г. Ц. 30 к.
Острогорскій, Викторъ. Письма объ эстетическомъ воспитаніи. 1894 г. Ц. 40 к.
— Выразительное чтеніе. Пособіе для учащихъ и учащихся. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 50 к.
— Изъ міра великихъ преданій. Разсказы для юношества. Изд. 5-е. М, 1894 г. Ц. 1 р.
— Этюды о русскихъ писателяхъ. IV. Художникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.
— Родные поэты. Для чтенія въ классѣ и дома. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Хорошіе люди. Сборникъ разсказ. съ 45 рисунк. (изд. 2-е). Спб., 1891 г. Ц. 1 р., въ роскошн. перепл.—1 р. 60 к.
— Изъ исторіи моего учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Бесѣды о препод. словесн. М., 1896 г. Ц. 80 к.
— Этюды русскихъ писателей. М., 1888 г. Ц. 75 к.
— Этюды о русскихъ писателяхъ. М., 1891 г. Ц. 50 к.
— Русскіе писатели. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
Острогорскій и Семеновъ. Русскіе педагогическіе дѣятели. М., 1887 г. Ц. 75 к.
О дѣлахъ житейскихъ М., 1886 г. Ц. 1 р. 25 к.
Очеркъ исторіи греческой философіи Целлера. Перев. съ нѣмецкаго М. Некрасова, подъ редакц. М. Каринскаго. Спб., 1886 г. Ц. 2 р.
П., Г. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 35 к.
Павленковъ, Ф. „Жизнь замѣчательныхъ людей" (Біографическая библіотека). Ц. кажд. вып. 25 к.
Павоне, К., д-ръ. Гигіена нервныхъ страданій у дѣтей. Одесса, 1893 г. Ц. 50 коп.
Пальчикова. Двѣ сказки для дѣтей. Спб., 1893 г. Ц. 50 коп.
Паркесъ, Генрихъ. 50 лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи, въ 2 ч., съ 2 портр. автора, пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 3 р. М., 1894 г.
Паульсенъ, Фр. Введеніе въ философію. Пер. Н. Титовскаго, подъ ред. В. Преображенскаго. М., 1894 годъ. Ц. 3 р.
Паульсонъ. Стенографія. Спб., 1892 г. Ц. за 2 части 1 р.
— Руководство для лицъ, ухаживающихъ за больными. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.
Пель. Фальсификаціи и мѣры борьбы съ ними. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.
Пашкевичъ, В. Культура лѣкарствен. растеній. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
Педаевъ, Д. Атмосферное электричество. Харьк., 1895 г. Ц. 60 к.
Пекаторосъ, Г. М. Человѣческія расы. Народы Африки № 1. Серія II. Одесса, 1895 г. Ц. 25 к.
Пелисье, Ж. Французская литература XIX вѣка. М., 1895 г. Ц. 1 р.
— Литературное движеніе въ XIX столѣтіи. Сочиненіе, увѣнчанное французской академіей. М., 1895 г. Ц. 2 р.
Пеллико, Сильвіо. Мои темницы. Перев. Гариной. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Digitized by Google

Пергаментъ, О. Краткій историческій очеркъ развитія ученія объ электричествѣ. Кіевъ, 1890 г. Ц. 60 к.

Перковскій, П. Описаніе судовыхъ машинъ и котловъ, а также вспомогательныхъ механизмовъ. Спб., 1896 г. Ц. 2 р. 25 к.

Перси. Краткое изложеніе рѣзьбы по дереву. М., 1895 г. Ц. 70 к.

Персональный. Учебникъ зоологіи. М., 1893 г. Ц. 85 к.

Песоцкій, Н. А. Древесная шерсть, ея употребленіе и производство (съ чертежами на отдѣльныхъ листахъ). М., 1895 г. Ц. 1 р.

Песталоцци, Г. Педагогическія сочиненія въ 2-хъ т. Ц. каждаго т. 2 р. 50 к.

Петерсонъ, О. Семейство Бронтё (Керреръ, Элисъ и Актонъ Беллъ). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. Въ пользу общ. вспомож. кончив. высшіе женск. курсы.

Петровъ, А. Н. Русская военная сила. Т. I и II. Изд. 2-е. М. 1892 г. Ц. за оба тома 6 р.

Петрова, проф., съ продолженіемъ проф. Надлеръ. Лекціи по всемірной исторіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.

Петунниковъ, А. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растеній. М., 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Пешель, Оскаръ. Исторія эпохи открытій. Пер. Э. Циммермана. Ц. 3 р. М., 1885 г.

Писаревъ, Д. И. Пол. собр. соч., въ 6 т. Спб., 1894 г. Ц. 6 р.

Платонъ. Апологія Сократа. Подстроч. перев. Изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Критонъ. Изд. 2-е. Кіевъ, 1890 г. Ц. 35 коп.

Пло, О. Жизнь римскихъ императрицъ. П., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Плутархъ. Александръ Великій. М., 1893 г. Ц. 30 к.

— Юлій Цезарь. М., 1890 г. Ц. 25 к.

— Жизнь и дѣла знаменитыхъ людей древности. Въ 4-хъ т. М., 1893 г. Ц. за всѣ тома 3 р. 50 коп.

По, Эдгаръ. Баллады и фантазіи. Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Полное собраніе сочиненій. Вып. I. Киш., 1895 г. Ц. 65 к.

Покровскій. К. Путеводитель по небу. М., 1894 г. Ц. 2 р.

Покровскій, Е. А. Дѣтскія игры и гимнастика въ отношеніи воспитанія и здоровья. Ц. 20 к.

— Площадки для дѣтскихъ игръ и физическихъ упражненій. М., 1894 г. Ц. 20 к.

— Русскія дѣтскія подвижныя игры. М., 1892 г. Ц. 75 к.

— Первоначальное физическое воспитаніе дѣтей (Популярное руководство для матерей). М., 1895 г. Ц. 1 руб. 50 коп. (изд. 2-е).

Покорни, д-ръ. Общее землевѣдѣніе. Ч. 3-я (послѣдняя). М., 1891 г. Ц. 2 р.

Политикосъ. Европейскіе монархи Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Полонскій, Я. П. На закатѣ. Стихотворенія. Москва, 1881 г. Ц. 1 руб. 25 коп.

Поповъ. Курсъ общаго скотоводства. Казань, 1894 г. Ц. 2 р.

Порошинъ, Ив. Разсказы. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Посновъ, А. Руководство къ правильной постановкѣ торговли, контроля и счетоводства обществъ потребителей. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Потапенко, И. Н. Повѣсти. 8 т. Спб., 1893 г. Ц. каждаго т. 1 р.

— Не герой. Романъ въ 2-хъ частяхъ. М., 1896 г. Ц. 1 р.

— Одинъ. Ром. М., 1896 г. Ц. 2 р.

— Голодъ. М., 95 г. Ц. 40 к.

Потебня, А. Мысль и языкъ. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.

— Изъ лекцій по теоріи словесности. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 35 к.

Починъ. Сборникъ Общества любителей россійской словесности на 1896 г. М., 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Прейеръ, В. О сохраненіи здоровья и продленіи жизни. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.

Прессъ. Руководство къ борьбѣ съ огнемъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Защита жизни и здоровья рабочихъ. Вып. I и II. Спб., 1891 г. Ц. по 2 р.

— Искусственное высушиваніе дерева, съ 25 рис. 2 исправл. и дополн. изд. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Прёльсъ, Р. Эстетика. Подъ редакціей и съ дополнительною статьей В. В. Чуйко. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Приготовленіе протравъ для дерева и поддѣлка простыхъ породъ дерева. 2-е доп. М., 1892 г. Ц. 40 к.

Принсъ, А. Преступность и общество. М., 1896 г. Ц. 40 к.

Программа чтенія для самообразованія. П., 1895 г. Ц. 40 к.

Проблески. Сборникъ произведеній русскихъ авторовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Пругавинъ, А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Прудонъ, П. Искусство, его основанія и общественное назначеніе. Спб., 1866 г. Ц. 1 р. 25 к.

Птицынъ, Владиміръ. Древніе адвокаты и наши присяжные цицероны. Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

— Адвокатъ за адвокатуру. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.

— Пересмотръ нашихъ судебныхъ законовъ. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Путешествія В. В. Юнкера по Африкѣ. Изложен. Петри, съ 114 рисунками. Спб., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.

Digitized by Google

Путеводитель по желѣзн. дорог. и пароходн. путямъ Россіи. Москва, 1895 г. Ц. 80 к.

Пушкинъ, А. С. Пол. собр. сочиненій. Спб., 2 изд. Ц. 1 р. 50 к.

Пфлюгеръ, Э. Ф. В. Объ искусствѣ продлить человѣческую жизнь. Одесса, 1890 г. Ц. 30 к.

Рабовъ, С., проф. Способы прописыванія лѣкарственныхъ веществъ, для врачей и студентовъ. Харьковъ, 1894 г. 1 р. 40 к.

Радда-Бай (Е. П. Блаватская). Изъ пещеръ и дебрей Индіи. Загадочныя племена на „Голубыхъ горахъ". Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.

Радловъ, Э. Л. „Объ истолкованіи" Аристотеля. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.

Раевскій, М. Н. Плодовая школа и плодовой садъ (изд. 4-е). Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Райтъ, Л. Практическое птицеводство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Жизнь первобытныхъ народовъ. Эскимосы и алеуты. М., 1888 г. Ц. 15 к.

Раменскій, Н. Братья-изгои. Ром. въ 3-хъ част. М., 1895 г. Ц. 2 р.

— Докторъ Сафоновъ. М., 1889 г. Ц. 1 р.

Рашевскій, И., д-ръ. Замѣтки по фармакологіи для фельдшеровъ. 2-ое изд. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Регель. Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ. Изд. 2-е. Спб., 1890 г. Ц. 5 р. 50 к.

— Однолѣтнія и двулѣтнія цвѣтущія растенія. Изд. 3-е. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 50 к.

***Ред. Иванова.** Новое Manuale Pharmaceuticum. Вып. I. II., 1896 г. Ц. 1 р. 80 к.

Рейтцъ, В. Лекціи по патологіи и терапіи дѣтскаго возраста. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Рейхъ. Оптическая гигіена глазъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.

Рекламъ, Карлъ. Ключъ къ здоровью. Популярная гигіена. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.

Реклю, Э. Современные политическіе дѣятели. Спб., 1876 г. Ц. 2 р.

— Земля. Въ VI выпускахъ. Вып. I—п. 90 к. Вып. II—ц. 1 р. 30 к. Вып. III—я. 1 р. 10 к. Вып. IV—ц. 1 р. 10 к. Вып. V—ц. 1 р. Вып. VI—ц. 1 р. 30 к.

Рембольдтъ, д-ръ. Школьная гигіена. Пер. съ нѣм. д-ра И. М. Рахманинова. М., 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ренанъ, Эрнестъ. Разореніе Іерусалима. М., 1886 г. Ц. 50 к.

— Историческіе и религіозные этюды. Изд. 3. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Рентгенъ, В. Новый родъ лучей. К., 99 г. Ц. 15 к.

Рено, А. Героизмъ. П., 1896 г. Ц. 1 р.

Рецептура. Составлена для студентовъ-медиковъ. Кіевъ. Ц. 50 к.

Рибо, Т. Современная англійская психологія. Подъ ред. П. Д. Боборыкина. М., 1881 г. Ц. 2 р.

— Память въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.

— Воля въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Перев. съ 8 дополн. франц. изд. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.

— Изслѣдованіе аффективной памяти. Пер. съ французск. Маковиковой. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.

Риль, А. Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Пер. Е. Корша. Ц. 2 р. М., 1888 г.

Рихтеръ, Е. Элементарная геометрія въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 40 к.

Ричардсонъ, Чарльзъ. О выборѣ книгъ. М., 1889 г. Ц. 50 к.

Рише, Шарль. Черезъ сто лѣтъ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

Робертъ, Карлъ. Краткое руководство живописи на тканяхъ. Москва, 1895 г. Ц. 70 к.

— Краткое руководство миніатюры. М., 1895 г. Ц. 70 коп.

Рогова, О. И. Рѣпосчетъ. Спб., 95 года. Ц. 2 р.

— Ласточкино гнѣздо. Спб., 94 г. Цѣна 2 руб.

— Лавдышъ. Спб., 95 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Синъ гетмана. Спб., 91 г. Цѣна 2 руб. 25 к.

Розенбахъ. Современный мистицизмъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.

Розенбергъ-Липинскій. Практическое земледѣліе (изд. 5). Спб., 1893 г. Ц. 3 р.

Романовъ, С. И. Словарь ружейной охоты. М., 1877 г. Ц. 3 р. 50 к.

Ромашкевичъ, П. А. Полный русскій орѳографическій словарь. Составленъ по „русскому правописанію" академика Як. Грота. Изд. третье исправл., Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Рони, Ж. До потопа. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Ростовская, М. Ѳ. Звѣздочки. Повѣсти и разсказы для дѣтей. Съ раскрашенными рисун. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Жучка. Разсказъ для дѣтей. Съ литографированными рисунк. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Четыре времени года. Разсказы изъ деревенскаго быта. Съ рисун. Изданіе третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Сельцо Лебяжье. Повѣсть для дѣтей. Изд. третье, испр. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Пони. Приключенія эмскаго осла. Повѣсть для дѣтей Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Крестьянская школа. П., 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.

Рохау, А. Л. Исторія Франціи. Ч. I и II. Спб., 1866 г. Ц. 3 р. 50 к.

Digitized by Google

Рубакинъ, Н. А. Этюды о русской читающей публикѣ. Факты, цифры и наблюденія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Рудзкій, Ал. Лѣсная таксація. Пособіе для лѣсничихъ и лѣсопромышленниковъ. (Изд. 2-е). Спб., 1890 г. Ц. 3 р.

Руководство для метеорологическихъ наблюденій. Харьк., 1894 г. Ц. 30 к.

Руссо, Жанъ-Жакъ. Юлія или Новая Элоиза. М., 1892 г. Ц. 2 р.

Русскій сельскій календарь. Годъ II. М., 1895 г. Ц. 20 к.

Русская библіотека. № 6. Южаковъ, С. Любовь и счастье въ произведеніяхъ А. С. Пушкина. Ц. 20 к. № 7. Карѣевъ, Н., проф. Что такое общее образованіе? Ц. 20 к.

Рѣшетниковъ, Ѳ. М. Собраніе сочиненій, въ 2-хъ т. Спб., 1890 г. Ц. за 2 т. 2 р. 50 к.

Рябининъ. Элеваторы и наше увлеченіе ими. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Саади-Ширази. Гюлистанъ, „Цвѣтникъ розъ". Пер. съ персидск. подлин. И. Холмогорова. Ц. 1 р. М., 1882 г.

Сабатье, П. Жизнь Франциска Ассизскаго. Пер. съ фр. М., 1895 г. Ц. 90 к.

Салтыковъ (Щедринъ). Полное соб. соч. 12 т. (Изд. 3-е). Ц. 18 р., а за каждый т. отдѣльно по 1 р. 75 к. Спб., 1894 г.

Саловъ, И. Уютный уголокъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.

— Суета мірская. М., 1894 г. Ц. 1 р.

— Съ натуры. Очерки и разсказы. М., Ц. 1 р.

Саллюстій Криспъ. Пособіе къ изученію и чтенію „Заговора Катилины". Сост. Логиновъ. Кіевъ, 1886 г. Ц. 60 к.

Сахаровъ, А. По русской землѣ. Второе изданіе. М., 1896 г. Ц. 1 р. 60 к.

Сборникъ рисунковъ токарныхъ издѣлій. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ рисунковъ мебели и столярныхъ издѣлій. М. Ц. 2 р.

Сборникъ общества любителей россійской словесн. на 1891 г. М., 1891 г. Ц. 4 р.

Свифтъ, Джонатанъ. Путешествія Лемьюэля Гулливера. Ч. I и II. М., 1889 г. Ц. за обѣ части 4 р. 40 к.

Свѣтухинъ, М. И. Къ діагностикѣ болѣзней сердца. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р.

Святловскій, В. В. Фабричная гигіена (153 рис.). Спб., 1891 г. Ц. 4 р.

— Бракъ. Совѣты и предостереженія врача. Одесса, 1894 г. Ц. 30 к.

Сѣлли, Джемсъ. Геніальность и помѣшательство. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.

Селивановскій, И. Ночь на Рождество. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Семеновъ, Д. Рождественская сказка. М., 1887 г. Ц. 1 р.

Семеновъ, С. Т. Крестьянскіе разсказы, съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Серао, Матильда. Прощай, любовь! Романъ. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Сервантесъ. Славный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчій. Т. I. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Донъ-Кихотъ, томы I и II. П., 1895 г. Ц. за два т. 5 р.

Серебрениковъ, В. Ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.

Сигеле. Преступная толпа (опытъ коллективной психологіи). Спб., 1893 года. Ц. 30 к.

Сикорскій. Заикание. Спб., 1889 г. Ц. 3 р.

Симсонъ, Э. О невыдачѣ собственныхъ подданныхъ. Спб., 1892 г. Ц. 4 р.

Сиповскій, В. Д. Сократъ и его время. Историческій очеркъ. П. Короленко, В. Г. Тѣни. (Фантазіи). М., 1894 г. Ц. 35 коп.

Скабичевскій, А. М. Исторія новѣйшей русской литературы. 1848—1892 гг. 2-е изд. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.

— Очерки исторіи русской цензуры (1700—1863 г.). Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

— Сочиненія: критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя характеристики (въ 2-хъ томахъ). Спб. 1895 г. Ц. 3 р. Изданіе 2-ое.

Скворцовъ. Гигіена. Спб., 1881 г.

Скворцовъ, Ир. П., проф. Основные вопросы лечебной гигіены. Отдѣлъ первый. Леченіе климатическое. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сковорода, Г. С. Сочиненія собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалѣевымъ. Харьк., 1894 г. Ц. 4 р.

Сковронская, Марія. Изъ жизни и фантазіи. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Скоровъ, А. Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства о крестьянахъ. Т. I (изд. 3-е). Уфа, 1891 г. Ц. 5 р. Т II. [М., 1893 г. (изд. 2-е). Ц. 4 р.

— Уставъ горный. Т. I (изд. 3-е). М., 1895 г. Ц. 4 р. Т. II. Уставъ о частной золотопромышленности. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.

— Уставъ лечебныхъ заведеній вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ. М., 1894 г. Ц. 70 к.

Скоровъ. Русскіе судебные ораторы въ извѣстныхъ уголовныхъ процессахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Формы приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.

Скоровъ и Полянскій. Сводъ уставовъ о службѣ гражданской. Т. I. Уставъ о службѣ по опредѣленію отъ правительства. М., 1895 г. 2 тома. Цѣна за оба тома 4 руб.

Сказки русскихъ писателей для дѣтей. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

Сказки русскаго народа. 7 в. М., 1894 г. Ц. кажд. выпуска 25 к.

Digitized by Google

Сказка про лису да про волка. М., 1892 г. Ц. 25 к.

Слезскинскій, А. Бытъ военныхъ поселянъ въ холеру 1831 г. Новг., 1894 г. Ц. 1 р.

Словарь юридической терминологіи къ источникамъ римскаго права. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

Словцовъ, И. Обозрѣніе Россійской имперіи. М., 1896 г. Ц. 45 к.

*— Краткая физическая географія. М., 1896 г. Ц. 80 к.

Смайльсъ, Самуэль. Путешествіе мальчика вокругъ свѣта. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Характеръ. Воспитаніе и образованіе. Изд. шестое. Спб., 1889 г. Ц. 90 к.

— Саморазвитіе, умственное, нравственное и практическое. Съ дополнительною статьей „Русскіе дѣятели". Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Умъ и энергія. Характеристики изъ жизни великихъ людей. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Долгъ (Нравственныя обязанности человѣка). Изд. второе, исправлен. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Смирновъ. А. Живыя картинки. Сборникъ разсказовъ. Спб., 1885 года. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.

— Москва—Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія. М., 1895 г. Ц. 40 к.

Смирновъ, В. О внутренности земли. М., 1895 г. Ц. 80 к.

Смирнова, А. П. Изъ жизни нашихъ предковъ. Спб., 95 г. Ц. 1 руб. 50 к.

***Снегиревъ, Л.** Маркизъ де-Нэвъ. Серг. Посадъ. Ц. 60 к.

Снегиревъ. Судебныя драмы. А. Бартеневъ. Убійство Висковской. Г. Шамбижъ. Убійство Гриль. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Жизнь и смерть Сократа. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Соболевскій, А. И. Фонетика церковно-славянскаго языка. М., 1891 г. Ц. 1 р.

— Лекціи по исторіи русскаго языка. Спб., 1891 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

Соболевскій, Н. И. Собраніе алгебраическихъ задачъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.

Соважо, Давидъ. Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и искусствѣ. Пер. А. Серебряковой. М., 1891 г. Ц. 2 р.

Совѣтовъ. Итальянско-русскій словарь. М., 1894 г. Ц. 2 р.

Соколовъ, В. Д. Прошлое и настоящее земли. М., 1890 г. Ц. 50 к.

— Москва-Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія). М., 1894 г. Ц. 40 к.

Соколовъ, Н. Науки развиваютъ ли умъ или даютъ только знанія. Москва, 1895 г. Ц. 20 к.

Соковнинъ, А. Быть и казаться. Спб., 95 г. Ц. 2 р.

Сологубъ, Ѳ. Стихи. Книга 1-я. Спб., 1896 г. Цѣна 50 к.

Соннэ. Геометрія теоретическая и практическая. М., 1878 г. Ц. 4 р.

Сорокинъ, В. О волостномъ и сельскомъ управленіи. М., 1887 г. Ц. 50 к.

Софоклъ. Эдипъ въ Колонѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Эдипъ-царь. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Филоктетъ. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.

— Электра. Кіевъ, 1888 г. Ц. 40 к.

Спенсеръ, Гербертъ. Начала соціологіи (обрядовыя учрежденія). Кіевъ, 1880 г. Ц. (1 р. 50 к.

— Основныя начала. Пер. Алексѣева. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

Спиноза, Бенедиктъ. Этика, съ приложеніемъ портрета. М., 1892 г. Ц. 2 р.

— Трактатъ объ усовершенствованіи разума. Одесса, 1896 г. Ц. 75 к.

Справочная книга для ремесленниковъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Среди цвѣтовъ. Разсказы стараго садовника. 2-е изд. Спб., 95 г. Ц. 2 р.

Средина и постоянство. (Свящ. книга послѣдователей Конфуція). М., 96 г. Ц. 25 к.

Ставровскій, Л. Жизнь и солнце. Х., 1892 г. Ц. 1 р.

Станюковичъ. Безшабашный. (Изъ современныхъ нравовъ). Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.

Станюковичъ, К. М. Откровенные. Ром. въ двухъ част. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Степовичъ, А. Очерки изъ исторіи славянскихъ литературъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.

Стенинъ, П. А. Востокъ. Историко-географическое и этнографическое обозрѣніе левантскаго міра. Спб., 1892 г. Ц. въ перепл. 6 р.

Стэнли, Г. Какъ я отыскалъ Ливингстона. Спб., 1874 г. Ц. 3 р.

Стернъ, А. В. Бракъ по любви. Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 50 коп.

— Очнулась. (Изъ дневника Натальи Сергѣевны). Пов. М., 1893 г. Ц. 30 к.

Стокгэмъ, Алиса В., д-ръ медицины. Токологія или наука о дѣторожденіи. Изд. 2-е, съ предисл. гр. Л. Н. Толстого. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Столповская, Анна. Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа. Ц. 3 р. М., 1891 г.

Стороженко, Н. И., проф. Поэзія міровой скорби. Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.

Страбонъ. Географія (въ 17 кн. въ 1 томѣ). Пер. съ греч. Ѳ. Г. Мищенко. Ц. 10 р. М., 1874 г.

Страховъ, Н. Міръ какъ цѣлое, черты изъ науки о природѣ. Изданіе 2-е. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

— Краткая методика закона Божія. М., 1891 г. Ц. 50 коп.

Строковскій, В. Токарное и слесарное ремесла. М., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.

Струве, Генрихъ. Введеніе въ философію. Варшава, 1890 г. Ц. 3 р.

Digitized by Google

Струнниковъ, А. Вѣра какъ увѣренность по ученію православія. Самара, 1887 г. Ц. 1 р. 75 к.
— Начатки философіи. М., 1888 г. Ц. 1 р. 60 коп.
Судебныя драмы. Жанъ Делакложъ. Ц. 30 к.
— Грекъ Кастоло. Поэтическое сумашествіе. Ц. 30 к.
— Убійство Маріи Аниза и ея дѣтей. Ц. 20 коп.
— Убійство Бефани. Ц. 40 к.
— Шайка Лемэра. Ц. 30 к.
— Сборникъ процессовъ всѣхъ странъ. Ц. 30 к.
— Дуэль Пушкина. Ц. 40 к.
— Ольга Палемъ (Убійство студента Довнара). М., 1895 г. Ц. 1 р.
Сундквистъ, Оскаръ, и Марія Лазарева. Учебникъ новой практической и первой научной методы кройки дамскаго, дѣтскаго и верхняго платья всѣхъ фасоновъ. М., 1892 г. Ц. съ атласомъ 8 р.
Суриковъ, И. З. Стихотворенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.
Сѣровъ, А. Н. Критическія статьи. Т. I, II, III, IV. Спб., 1892—1895 гг. Ц. за всѣ 4 т. 6 р.
Сюзевъ, А. Луженіе, цинкованіе и освинцованіе. М., 1894 г. Ц. 60 к.
Тайный порокъ. Выпускъ I и II. М., 1895 г. Ц. 20 к. и 15 коп.
Талдыкинъ, М. Объяснительный текстъ къ атласу чертежей слесарно-токарныхъ работъ, составленному примѣнительно къ программамъ ремесленныхъ училищъ. М., 1892 г. Ц. атласа съ текстомъ 6 р.
Тардъ, Ж. Законы подражанія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
Тардъ, Г. Сущность искусства. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
Таренецкій, А., проф. Каѳедра и музей нормальной анатоміи при императ. военно-медицинской (бывшей медико-хирургич. академіи) въ Петербургѣ, за сто лѣтъ. Истор. оч. Спб., 1895 г. Ц. 3 р.
Терешкевичъ. Дядя Чернышъ. М. 1891 г. Ц. 60 к.
Тжаска, А. Русская азбука съ прибавленіемъ церк.-слав. азбуки. М., 96 года. Ц. въ папкѣ 30 к.
Тикноръ. Исторія испанской литературы. Пер. Н. И. Стороженко. Т. I. Ц. 3 р. М. 83 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1886 г. Т. III. Ц. 3 р. 50 к. М., 1891 г.
Тимирязевъ, К. Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. Москва, 1894 г. Ц. 1 руб. 50 к.
— Земледѣліе и физіологія растеній. Ч. I. Борьба растенія съ засухой. М., 1893 г. Ц. 50 к. Ч. II. Происхожденіе азота растеній. М., 1893 г. Ц. 50 к.
Тиндаль, Джонъ. Теплота, разсматриваемая какъ родъ движенія. Изд. М., 1888 г. Ц. 3 р. 75 к.
Тихомировъ, Д. И. Опытъ плана конспекта элементарныхъ занятій. Методическое пособіе для преподавателей элементарной школы. Изд. 8-е. М., 1[illegible] г. Ц. 55 к.
— Азбука правописанія. Ч. I. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей, главнѣйшіе случаи употребленія буквъ съ приложеніемъ краткаго орѳографическаго указателя. 17 изд. Ц. 40 к. II. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія знаковъ препинанія. 9 изд. 40 к. М., 1892 г.
— Книга для церковно-славянскаго чтенія. Руководство для преподавателей начальныхъ училищъ. Изд. 3-е. М., 18[illegible] г. Ц. 1 р.
— Азбука церковно-славянская для первоначальныхъ упражненій въ церковно-славянскомъ чтеніи. Изд. 6-е. М., 1893 г. Ц. 6 к.
— Какъ жить по слову Божію? Русскій сборникъ статей и изреченій, содержащихъ въ себѣ нравственное ученіе изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта. М., 1892 г. Ц. 5 к.
— Школа грамотности. Книга для первоначальнаго обученія русскому и церковно-славянскому чтенію, письму и ариѳметикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 30 к.
— Какъ учить читать, писать и считать на первой ступени обученія. Общедоступное руководство для учащихъ по букварю. Изд. 12-е. М., 1893 г. Ц. 40 к.
— Изъ исторіи родной земли. Очерки и разсказы для школъ и народа. Ч. I. Древняя Россія. Ц. 50 к. Ч. II. Новая Россія. Ц. 40 к. М., 1893 г.
— Методика обученія грамотѣ, объяснительному чтенію, толковому изложенію мыслей, грамматикѣ, правописанію и церковно-славянскому чтенію. Руководство для учителей. Изд. 3-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Книга для церковно-славянскаго чтенія. Ч. I. Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ. Изд. 8-е. Ц. 30 к. Ч. II. Руководство для учениковъ двуклассныхъ и городскихъ училищъ. Изд. 3-е. Ц. 20 к. М., 1894 г.
— Элементарный курсъ грамматики для городскихъ и двуклассныхъ училищъ. Изд. 45-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.
— Начатки грамматики. Руководство для начальныхъ сельскихъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 8-е. М., 1894 г. Ц. 15 к.
— Вешніе всходы. Первая послѣ азбуки книга для класснаго чтенія и бесѣдъ. М., 1896 г. Ц. 30 к.
— Вешніе всходы. Книга 2-я. М., 1896 г. Ц. 35 коп.
— Вешніе всходы. Руководство для [illegible]

Digitized by Google

тели въ 1-й и 2-й книгѣ. М., 1896 г. Цѣна 30 коп.

Тихомировъ, Д., и Зенгбушъ, И. Начатки географіи. Руководство для народныхъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 30 к.

Тихомировъ, Д., и Тихомирова, Е. Букварь для совмѣстнаго обученія письму, русскому и церковно-славянскому чтенію и счету. Для народныхъ школъ. Изд. 60-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.

Тодгентеръ, И. Алгебра (съ обширнымъ собраніемъ примѣровъ). Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Токарскій, А. А., приватъ-доцентъ моск. унив. Психическія эпидеміи. М., 1893 г. Ц. 25 к.

— Происхожденіе и развитіе нравственныхъ чувствъ. М., 1895 г. Ц. 25 к.

— Гипнотизмъ въ педагогіи. Ц. 20 к.

— Международный конгрессъ по экспериментальному и терапевтическому гипнотизму. М., 1889 г. Ц. 10 к.

— Къ вопросу о вредномъ вліяніи гипнотизированія. Спб., 1889 г. Ц. 50 к.

— Мерцаніе и болѣзнь судорожныхъ подергиваній. М., 1893 г. Ц. 1 р.

— Терапевтическое примѣненіе гипнотизма. М., 1890 г. Ц. 60 к.

Токвиль, Алексисъ. Воспоминанія. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 2 руб. М., 1893 г.

Толстой, Л. Н. Плоды просвѣщенія. Комедія въ 4-хъ д. Кіевъ, 1892 г. Ц. 15 к.

— „Ходите въ свѣтѣ" и другія произведенія, вошедшія въ XIV томъ полнаго собранія сочиненій. М., 1895 г. Ц. 60 к.

— Смерть Ивана Ильича. Кіевъ, 1891 г. Ц. 10 к.

— Хозяинъ и работникъ. М., 1895 г. Ц. 20 к.

Торминъ. Опытный маляръ и живописецъ. Руководство къ исполненію всякаго рода малярныхъ работъ. Составленіе различнаго рода лаковъ и красокъ. Бронзировка. Писаніе вывѣсокъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Торговая и дѣловая корреспонденція. П., 1896 г. Ц. 1 р.

Траутшольдъ, Г. Основы геологіи. Ч. II. Палеонтологія. М., 1875 г. Ц. 2 р. 75 к.

— Часть III. Стратиграфія. М., 1877 г.

Трачевскій. Древняя исторія. Изд. 2-е. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

— Новая исторія. Спб., 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.

Русская исторія, 2-е испр. изд., съ 96 рисунками, 6 картами, 6 планами и 3 раскрашенными картинами. Въ 2 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 8 р. въ переплетѣ 9 р. 60 к.

Тренделенбургъ, Адольфъ. Логическія изслѣдованія. Пер. Е. Корша. Ч. I, ц. 2 р.; ч. II, ц. 2 р. М., 1868 г.

Трефолевъ, Л. Н. Стихотворенія (64—93 г.). М., 1894 г. Ц. 2 р.

Троицкій, М. Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Т. I и II. М., 1883 г. Цѣна за оба тома 6 р.

Трояновскій. Первая помощь у себя дома и на полѣ битвы въ отсутствіе врача. Изд. 2-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.

Трубецкой, Евг., кн. Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V-мъ вѣкѣ. Ч. I. Міросозерцаніе блаж. Августина. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Трубецкой, С., кн. Мнимое язычество или ложное христіанство? Отвѣтъ о. Бутевичу. М., 1891 г. Ц. 20 к.

Тумскій, К. И. Аполлинарій и сплавы съ нимъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.

— Противузаразныя средства и дезинфекція. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Тургеневъ. Стихотворенія. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Турскій, М. Лѣсоводство. М., 1892 г. Ц. 2 р. 80 к.

— Лѣсоводственные орудія и инструменты. М., 1893 г. Ц. 60 к.

— Сборникъ статей по лѣсоразведенію. М., 1894 г. Ц. 70 к.

— Таблицы для таксаціи лѣса. М., 1896 г. Ц. 50 к.

Турскій, М., и Яшновъ, Л. Опредѣленіе древесныхъ вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблицамъ. 2-е изд. М., 1893 г. Ц. 75 к.

Тьюкъ, Хэкъ. Духъ и тѣло, дѣйствіе психики и воображенія на физическую природу человѣка. Пер. П. Виторова. М., 1868 г. Ц. 2 р. 50 к.

Тэнъ, Г. Титъ Ливій, критическое изслѣдованіе. Пер. А. Иванова и Е. Щепкина. Ц. 1 р. 50 к. М., 1885 г.

Тэнъ, И. Чтеніе объ искусствѣ. Пять курсовъ лекцій. Изд. третье, исправлен. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Тэнъ. Критическіе опыты. Спб., 1869 г. Ц. 1 р. 75 к.

Уайтъ, Г. Віссофанія. М., 96 г. Ц. 75 к.

Уильямсъ, Х. Этика пищи или нравственные основы безубойнаго питанія. Перев. съ англійск. Со статьей Л. Н. Толстого „Первая ступень". М. 1893 г. Ц. 2 руб.

Указатель книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р.

Указатель русскихъ книгъ и брошюръ по богословскимъ наукамъ. М., 1891 г. Вып. I. Ц. 25 коп. Вып. II. Ц. 40 к.

Ульцманнъ, Робертъ, проф. Лекціи по болѣзнямъ мочевыхъ органовъ. Вып. IV и V послѣдній. Пер. подъ ред. док. мед. Н. П. Федченко. Хар., 1893 г. Ц. 1 р.

Урусовъ. Полицейскій урядникъ. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Digitized by Google

Усовъ, С. А. Сочиненія. Томъ I. Статьи зоологическія. М. 1888 г. Ц. 3 р. 50 к.

Успѣнскій, П. П. содержаніе растеній въ комнатахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. (изд. 8-е).

Уставъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ при его примѣненіи. Изд. 4-е. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.

Ученыя записки Императорскаго Московскаго университета. Отдѣлъ историко-филологическій. Вып. XII. М., 1891 г. Ц. 2 р.

Файнштейнъ, С., Мнемоника. 5-е изд. Одесса, 95 г. Ц. 35 к.

Файфъ, Ч. А. Исторія Европы 19 в. Т. III, пер. подъ ред. Лучицкаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1890 г.

Фалькенбергъ. Исторія новой философіи отъ Николая Кузанскаго (XV в.) до настоящаго времени. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Фарраръ, Ф. В. Жизнь Іисуса Христа. Пер. съ англійскаго Ѳ. М. Матвѣева. Изд. 2-е, испр и доп. Въ 2-хъ ч. М., 1892 г. Ц. 1 р 50 к.

Фарраръ, В. Женщина у домашняго очага. П., 1896 г. Ц. 25 к.

Фаусеттъ. Популярная политическая экономія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Федоровъ, П. А., техн. Иллюстрированный, домашній ремесленникъ. Школа работъ. Столярныхъ. Окрашиваніе дерева. Выпиловочныхъ и мозаики. Токарныхъ. Рѣзныхъ. Кузнечныхъ. Слесарныхъ. Щеточныхъ. Гипсовыхъ и папье-маше. Картонажно-футлярныхъ и переплетныхъ. Съ 406 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Федоровъ. Зубы и ихъ сохраненіе. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.

Изъ прошлаго и настоящаго. Ц. 1 р. 25 к.

Федоровичъ, Флоріанъ. Сельскохозяйственная архитектура. Спб., 1893 г. Ц. съ атласомъ 5 р.

Федосѣевъ, П. А. Выборъ, установка и уходъ за фабричными паровыми котлами, машинами и приводами. Съ приложеніемъ новаго закона 30 іюля 1890 г. объ устройствѣ, установкѣ и содержаніи паровыхъ котловъ и о порядкѣ ихъ освидѣтельствованія. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Фейгинъ, Ф., д-ръ мед. Привычные запоры и геморрой, причины ихъ развитія и средства къ исцѣленію. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Фельзбергъ, Матильда. Химическая частка платья и стирка бѣлья. М., 1894 г. Ц. 50 к.

Ферьеръ, Э. Дарвинизмъ (общедоступное изложеніе теоріи Дарвина), изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Ферре. Фотогравированіе безъ фотографіи. М., 1895 г. Ц. 75 к.

— Легкое и дешевое фотографированіе. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Ферри, Энрико. Преступленія и преступники въ наукѣ и жизни. Одесса, 1890 г. Ц. 40 к.

Филипповъ, Сергѣй. Подъ лѣтнимъ небомъ. М., Ц. 1 р.

— Около жизни и смерти. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Финлей, Георгъ. Грецiя подъ римскимъ владычествомъ. Пер. Софьи Никитенко. Ц. 4 р. М., 1877 г.

Филипповъ, Ал. Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Фиске, Джонъ. Открытіе Америки, съ краткимъ очеркомъ древней Америки и испанскаго завоеванія. Пер. Николаева. Т. I. Ц. 2 р. М., 1892 г. Т. II. Ц. 2 р. М., 1893 г.

Фишеръ, Г. Практическій мыловаръ. Практическое руководство къ фабрикаціи всѣхъ сортовъ мыла по новѣйшимъ усовершенствованнымъ пріемамъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.

Фламмаріонъ, К. По волнамъ безконечности. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.

— Въ небесахъ. 2 изд. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.

— Разсказы о небѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

— Конецъ міра. 1895 г. Ц. 60 к.

— Общедоступная астрономія. Спб., 1894 года. Ц. 80 к.

Флеровъ, А. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Одесса, 1894 г. Ц. 60 к.

— Грамматика древн. церковнаго языка. Одесса 1894 г. Ц. 50 к.

Фойгтъ, Георгъ. Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Переводъ И. П. Рассадина. Т. I. Ц. 3 р. 50 к. М., 1884 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1885 г.

Фонвизинъ, С. Конецъ дневника. Разсказъ. 1894 г. Ц. 30 к.

Фортунатовъ, А. Сельско-хозяйственная статистика Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Урожаи ржи въ Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Фонъ-Хейденфельдъ. Изъ женской жизни по поводу Крейцеровой сонаты. Пер. съ нѣм. Москва, 1895 г. Ц. 40 коп.

***Фраасъ, Э.** Геологія. М., 1896 г. Ц. 25 к.

Французы и русскіе въ Крыму. Письмо франц. офицера къ своей семьѣ во время восточной войны. Пер. съ фр. Халютина. Минскъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Фредерикъ, Л., проф. Практическія упражненія по физіологіи. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Фрэпонъ, Г. Акварель. Морскіе виды. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Акварель. Пейзажъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Цвѣты и плоды. М., 95 г. Ц. 1 руб.

Digitized by Google

— Акварель. Насѣкомыя, животныя, птицы, рыбы. М., 95 г. Ц. 1 р.

Фрикенъ. Римскіе катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Часть I. Ц. 1 р. М. 72 г. Часть II. Ц. 1 р. 50 к. М. 77 г. Часть III. Ц. 1 р. 50 к. М. 80 г. Часть IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 85 г.

Фрикенъ, А. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. I. Ц. 2 руб. М., 1891 г. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. 2-я. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Фриманъ, Эдуардъ. Историческая географія Европы. Пер. подъ редакц. профес. И. К. Луцицкаго. Т. I. (текстъ). Т. II (карты). Цѣна 6 р. за оба тома. М., 1892 г.

— Методы изученія исторіи. Пер. П. Николаева. Ц. 2 р. М,. 1893 г.

Фуллье, Альфонсъ. Исторія философіи. Пер. П. Николаева. М., 1894 г. Ц. 3 р.

— Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Фулье Альфредъ. Декартъ. Пер. подъ редакціей профес. Грота. М., 1894 г. Ц. 80 коп.

— Страданіе и удовольствіе и о выраженіи душевныхъ волненій. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.

— Темпераментъ и характеръ. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Фурнье, А. Леченіе сифилиса. Пер. Говоѣева. Изд. 2-е. Харьковъ, 1894 г. Ц. 3 р. 50 к.

Фэйе. Происхожденіе міра. Критика гипотезы Лапласа и собственная теорія автора. Съ добавленіемъ: космогоническія гипотезы К. Вольфа. Пер. со 2 доп. изд. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 85 к.

Фюстель-де-Куланжъ. Древняя гражданская община. Изслѣдованіе о культѣ, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Хвольсонъ, О. Докторъ физики. Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ (2-е изд.). Спб., 1886 г.

*— Лучи Рентгена. П., 1896 г. Ц. 40 к.

Хиггинсонъ, Т. Здравый смыслъ и женскій вопросъ. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.

Хитровъ, М. Евстафій Плакида. М., 1888 г. Ц. 50 к.

Ходжетсъ, И. Эдрикъ мореплаватель. Спб., 90 г. Ц. 1 р. 20 к.

Христіановичъ, П. Опытъ устройства общеобразовательной школы съ цѣлью большей подготовки учащихся къ жизни. М., 1894 г. Ц. 40 к.

Хрущовъ, П. Введеніе къ изученію теоріи химическихъ равновѣсій. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

*Цаппъ, А. Какъ влюбляются молодыя дѣвушки. М., 1896 г. Ц. 75 к.

Цвѣтковъ, А. А. Новѣйшіе русскіе писатели (для старшихъ классовъ гимназій и домашняго чтенія), съ 27 портретами. Спб., 1888 г. Ц. 3 р.

— Электрическое освѣщеніе въ примѣненіяхъ къ жизни и военному искусству, (151 рис.). Спб., 1885 г. Ц. 2 р. 50 к.

Цвѣтковъ, Н. Практическій курсъ русскаго правописанія (согласованъ съ „Руководствомъ Я. Грота"). Ч. I и II. Ц. по 50 коп. Тула, 1895 г.

Цигенъ, Т. Физіологическая психологія. Спб., 1893 г. Ц. 75 к.

*Циммерманъ, А. Микроскопъ. П., 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.

Цицеронъ. Рѣчь за царя Дейотара. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

— Рѣчь противъ Верреса (о казняхъ). Ц. 60 к.

— Рѣчь за Архія. поэта 1891 г. Ц. 30 к.

— Рѣчь къ судьямъ за Т. Аннія Милона. 1892 г. Ц. 60 к.

— Первая филиппика противъ Марка-Антонія. Ц. 30 к.

— Вторая филиппика противъ Марка Антонія. Ц. 50 к.

— Рѣчь въ защиту Секста Росція Амерійскаго. Ц. 60 к.

— Рѣчи противъ Каллины. Ц. 50 к. Рѣчь за Лунія Мурену. Ц. 40 к. Рѣчь за Квинта Лигарія. Ц. 30 к.

— Рѣчь о назначеніи Гнея Помпея полководцемъ. Ц. 50 к.

— Тускуланскія бесѣды. Книга I. О презрѣніи къ смерти. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.

— Книги 2 и 3-я. О перенесеніи боли и объ утѣшеніи печали. 1889 г. Ц. 75 к.

— Книга 4-я. Объ остальныхъ душевныхъ волненіяхъ. Книга 5-я. О добродѣтели. 1889 г. Ц. за обѣ книги 75 к.

Цуриковъ, Н. Темы и планы ученическихъ сочиненій. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Чеховъ, Антъ. П. Жена. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 25 к.

— Именины. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 20 к.

— Палата № 6. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 35 коп.

— Въ сумеркахъ. Изд. 7-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Разсказы. Изд. 8-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Палата № 6. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.

— Каштанка. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

— Дуэль. Изд. 4-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Челпановъ, Г. Проблема воспріятія пространства въ связи съ ученіемъ объ априорности и врожденности. Ч. I. К., 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Чешихинъ, Евграфъ Вас. Краткая исторія прибалтійскаго края. Изд. 2-е. Рига, 1894 г. Ц. 35 к.

Чешихинъ, Всев. Жуковскій, какъ переводч. Шиллера. Ц. 60 к.

— Стихи. Ц. 1 р.

Чижъ, В., проф. Криминальная антропологія. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Digitized by Google

Чиколевъ, Д. Руководство къ приготовленію и сжиганію фейерверковъ съ описаніемъ устройства электрическаго освѣщенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.

Чичеринъ, Б. Н. Положительная философія и единство науки. М., 1892 г. Ц. 3 р.

— Основанія логики и метафизики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Опыты по исторіи русскаго права. М., 1858 г. Ц. 1 р.

— Нѣсколько современныхъ вопросовъ. М., 1862 г. Ц. 1 р.

— Курсъ государственной науки. Ч. I. Общее государственное право. Москва, 1894 г. Ц. 3 р.

- Ч. II. Соціологія. Москва, 1896 г. Ц. 3 р.

— Собственность и государство. Т. I. М., 1882 г. Ц. 4 р. Т. II. М., 1883 г. Ц. 4 р.

— Очерки Англіи и Франціи. Москва, 1858 г. Ц. 1 р.

– Исторія политическихъ ученій. Чч. 2, 3 и 4. Ц. каждой части 3 р.

Чмыревъ, Н. Кобзарь Т. Г. Шевченка. М., 1874 г. Ц. 1 р.

Чудиновъ, А. Н. Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 50 к.

Чуевскій, И. А., д-ръ. Конспектъ физіологіи человѣка. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.

Чукмасовъ, К. А. Практическое руководство по мыловаренію. М. 1893 г. Ц. 40 к.

Шалуны. Юмористическія сцены съ рисунками Буша. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Шамуринъ-Макарьевскій, Н. В. Сельское хозяйство. Съ 110 рис. Четвертое дополнен. изд. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 35 к.

Шараповъ. По русскимъ хозяйствамъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.

Швейеръ-Лерхенфельдъ, А. Ф. Женщина. Ея жизнь, нравы и обществен. положеніе у всѣхъ народовъ земного шара. Переводъ съ нѣмец. Спб., 1892 г. Ц. въ роскош. перепл. съ 200 рисунк. 3 р. 75 к.

Швингаммеръ и Кикъ, Вильгельмъ. Простѣйшая школа кройки для драпировщиковъ и декораторовъ. Съ рисунками на 10-ти отдѣльныхъ листахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Шекспиръ. Драматическія сочиненія, въ пер. Кетчера, въ 9 част. Ц. первыхъ 8 част. по 1 руб.; цѣна. 9 ч. 2 руб. М., 1862 г.

— Гамлетъ принцъ Датскій. Кіевъ, 1896 г. Ц. 15 к.

Шелли. Сочиненія. Вып. I и II. Спб., 1894 г. (изд. 3-е). Ц. кажд. вып. 50 к.

— Вып. III. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Шелгунова, Л. П. „Звѣздочка". Разсказы для маленькихъ дѣтей. Съ рисунк. Спб., Ц. 1 р. 25 к.

Шелгуновъ, Н. В. Сочиненія въ 2-хъ томахъ. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Цѣна за оба тома 3 р.

— Очерки русской жизни. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.

Шенланкъ, Бруно. Промысловые синдикаты. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Шенрокъ, В. И. Матеріалы для біографіи Гоголя. М., 1895 г. т. I ц. 2 р., т. II ц. 2 р., т. III ц. 3.

Шербюлье, Викторъ. Искусство и природа. Новая теорія изящныхъ искусствъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шерръ, Іоганнъ. Шиллеръ и его время. М., 1875 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Всеобщая исторія литературы. Вып. VI. Пер. подъ ред. П. И. Вейнберга. Изд. Байкова. Принимается подписка. Ц. 6 р. безъ дост., съ пер. и дост. 8 р. Вышли 1, 2, 3, 4 и 5 вып.

*— Всеобщая исторія литературы. Вып. XII. М., 1896 г.

Шервинскій, М. Образцы архитектурныхъ деталей (15 листовъ образцовъ). Спб., 1891 г. Цѣна 1 р. и атласъ 6 рублей.

Шиллеръ, Ф. Вильгельмъ Телль. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

— Пѣснь о колоколѣ. Ц. 30 к. М., 1896 г.

Шилтовъ, А., проф. Среди безбожниковъ. (Посмертныя записки врача-философа). Харьковъ, 1895 г. Ц. 40 к.

Шильдбахъ. Дѣтская гимнастика. Изд. 2-е. Спб., 1887 г. Ц. 75 к.

Шимко. Патріаршій казенный приказъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Шишкинъ, А. Н. Сельско-хозяйственная экономія. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Шлоссеръ, Ф. К. Исторія XVIII столѣтія и XIX-го до паденія Французской имперіи. 8 томовъ. Спб., 1868 г. Ц. 10 р.

Шмейдлеръ. Желѣзно-дорожное дѣло. Спб., 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шмидтъ, Карлъ. Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Пер. Э. Циммермана. Т. I, ц. 5 руб. М. 1890 г.; т. III, ц. 5 р. 50 к. М., 1880 г., т. IV, двѣ час., цѣна имъ 7 р. М., 1881 г.

Шмидтъ, О. Русалочка. М., 1892 г. Ц. 50 к.

Шмитцъ, Л., д-ръ. Половая жизнь человѣка. Одесса, 1892 г. Ц. 50 к.

Шольцъ, Фридрихъ. Ненормальности дѣтскихъ характеровъ. Пер. съ нѣмецкаго Л. Л. Сѣнс новича. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шопенгауэръ, Артуръ. Лучи свѣта его философіи. Извлечено изъ его соч.

Digitized by Google

Юліусомъ Фрауштедтомъ. М., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Лучи свѣта. Ц., 1896 г. Ц. 1 р.
Шперкъ, Ѳ. Система Синнезы. Спб., 1898 г.
Шредеръ, В., д-ръ. Половыя болѣзни. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
Шредеръ, Р. И. Хмѣль и его разведеніе въ Россіи и заграницей (изд. 4-е). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Шредеръ, Р. И. Русскій огородъ, питомникъ и плодовой садъ. Спб., 1898 г. Ц. 2 руб. 50 к. (Изданіе 5-е).
Шредеръ. Учебникъ акушерства. Изд. 5-е. Спб., 1896 г. Ц. 5 р.
Шрейдеръ, Д. Японія и японцы. Спб., 95 г. Ц. 4 р.
Штаркенбургъ. Горе отъ любви. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.
Штейнъ, Вл. Артуръ Шопенгауэръ, какъ человѣкъ и мыслитель. Спб., 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Графъ Джіакомо Леопарди и его теорія infelicità. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
Штолль, Г. В. Великіе греческіе писатели. Спб. 1880 г. Ц. 2 р.
— Музы классической древности. М., 1880 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Герои Гредіи въ войнѣ и мирѣ. Спб., 1879 г. Ц. 2 р.
— Великіе римскіе писатели. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
— Герои Рима въ войнѣ и мирѣ. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
Шулинъ, Фридрихъ. Учебникъ исторіи римскаго права. Въ 2-хъ вып. М., 1898 г. Ц. 3 р. 50 к.
Шумковъ, И. В. Верблюдъ какъ сельско-хозяйственное животное въ Россіи. Оренбургъ, 1898 г. Ц. 1 р.
Шутце, Фр. Учительствѣдѣніе. Практическое ученіе о воспитаніи и обученіи для семинарій и учителей народныхъ школъ. Кіевъ, 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
Ш., Л. Неизбѣжное зло. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.
Щепкина, А. В. Родныя мѣста. Чтеніе для дѣтей. Изд. 2-е. М., 1882 г. Ц. 1 р.
Эдвинсонъ, Г. Руководство спайки и луженія. Съ 66 политипажами въ текстѣ. М., 1894 г. Ц. 85 к.
Эдвинсонъ, Д. Какъ дѣлается маленькій электродвигатель. М., 1895 г. 2 изд. Ц. 40 к.
— Какъ сдѣлать маленькую динамо-электрическую машину. М., 1895 г. Второе исправлен. изд. Ц. 50 к.
Эйдамъ. Сохраненіе здоровья. (Общая гигіена въ примѣненіи къ обыденной жизни). Сбн., 1891 г. Ц. 40 к.
Экштейнъ, І., проф. Честь въ философіи и въ правѣ. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
Экштейнъ, Ф. А. Преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ. Ревель, 1889 г. Ц. 3 р.
Экштейнъ. Въ карцерѣ. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.
Элерсъ, Отто. Популярная политическая экономія. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
Э—на, М. Ея Крейцерова соната. К., 96 г.
Энгельгардтъ, А. Н. Фосфориты и сидерація. Спб., 1891 г. Ц. 2 р.
Энцлеръ, К. Уходъ за больными въ семьѣ. Спб., 1898 г. Ц. 50 к.
Эртель, А. И. Двѣ нары. Повѣсть. М., 1894 г. Ц. 60 к.
— Записки степняка. Очерки и разсказы. I и II. Спб., 1883 г. Ц. 3 руб.
Эсмархъ. Первая помощь. Спб., 1890 г. Ц. 80 к.
Эспинасъ, А. Соціальная жизнь животныхъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.
Южаковъ, С. Н. Афганистанъ и сопредѣльныя страны. Политико-историческій очеркъ. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.
Юровъ, А. Систематическій курсъ логики для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
Юрьевъ и Владимірскій. Хозяйка дома. П., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Юрьевъ, Мих. Мои письма (4 дек. 1893 г.—15 мая 1894 г.). М., 1895 г. Ц. 50 к.
— Карлъ Пятый и его время. Этюдъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
— Спорные вопросы западно-европейской исторической науки. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Юлій Цезарь. Записки о междоусобной войнѣ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 75 к.
Якимовъ, Н. М. Вѣдній Тунгатай. Разсказъ изъ жизни киргизскихъ дѣтей, для дѣтей младшаго возраста. Тифлисъ, 1894 г. Ц. 15 к.
Яковлевъ, Е. Французско-русскій карманный словарь. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Янжулъ, И. И., проф. Изъ психологіи народовъ. Одесса, 1893 г. Ц. 20 к.
— Вопросъ о государственномъ вмѣшательствѣ въ область промышленности. Спб. 1895 г. Ц. 15 к.
Янъ. Термохимія. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.
Ѳедоровъ. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 1 р.
— Орлеанская дѣва. Пер. Шереметевскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
— Коварство и любовь. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
— Разбойники. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Племянникъ-дядя. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Album des chefs d'oeuvre de l'art. 16 вып. Ц. 4 р. 80 к. Отдѣльно каждый выпускъ по 35 коп.
Album universel. Съ видами Италіи, Швейцаріи, Франціи, Германіи, Турціи, Греціи и другихъ странъ. 30 выпусковъ, въ каждомъ по 16 видовъ. Цѣна 39 вып. 9 р. 75 к. Каждому отдѣльно 30 коп.

Digitized by Google

Bow, R. H. Графическія данныя раціональнаго разсчета рѣшетчатыхъ фермъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Cornelii Nepotis. Vitae excellentium imperatorum cum vita Catonis et Attici. Переводъ. Кіевъ, 1889 г. Ц. 75 к.

C. Julii. Caesaris commentarium de bello Gallico. Liber quintus. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Записки о Гальской войнѣ. Книга 1-я Кіевъ, 1890 г. Ц. 85 к.

— Книги 2, 3, 4, 5, 6 и 7 по 50 к.

Crocker A. Wheeber. Уходъ за динамо-машинами. М., 1896 г. Ц. 1 р. 85 к.

Donjean, A. Офортъ. Руководство травленія крѣпкой водкой на мѣди, цинкѣ и стали. М., 1893 г. Ц. 75 к.

Hager'a, H, д-ръ. Руководство къ фармацевтической и медико-химической практикѣ, съ 7 по 25 вып., съ алфавитнымъ указателемъ. Спб., 1895 г. Ц. 25 р.

Häusser. Исторія реформаціи. М., 1882 г. Ц. 5 р.

Herodoti historiarum. Книга первая. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.

— Книги 4, и 9. Ц. по 50 к.

— Книги 5, 6, 7 и 8. Ц. по 60 к.

Heitzmann, C., D-r. Анатомическій атласъ съ 625 рѣзанными на деревѣ рисунками. Переводъ съ 7-го нѣмецкаго изданія. За всѣ пять выпусковъ 3 р. Кіевъ, 1895 г.

Iordan, Dr. W. Руководство высшей геодезіи. М., 1881 г. Ц. 8 р.

Joward, Alfred. Домашніе фильтры для очищенія воды, ихъ приготовленіе и уходъ за ними. М., 1894 г. Ц. 75 к.

Jul Parreidt. Зубы и уходъ за ними. Популярная гигіена зубовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Kercoff A. G. Cours gradué de langue française. Parties I, II. М., 1880 г. Ц. 1 р. 25 к. III и IV parties. М. 1892 г. Ц. 1 р. 25 коп.

Lehner, S. Клей и замазки. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Lenhartz. H., проф. Микроскопическія и химическія изслѣдованія у постели больного. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Marissiaux, L., et. Nomdrah, C. R. Простое устройство электрическихъ часовъ и будильниковъ. Руководство для электротехниковъ любителей. Съ 15 рисунками на отдѣльной таблицѣ. М., 1895 г. Ц. 35 к.

Moscou et ses environs, rues et monuments. Nouveau guide du voyageur. М., 1891 г. Ц. 40 к.

Mörius, Paul, Dr. Гигіена нервныхъ людей. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Paul Julius Mocbius. Общая діагностика нервныхъ болѣзней. Пер. съ нѣм. подъ ред. Минора. М., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

Ribot, Th. О чувственной памяти. Казань, 1895 г. Ц. 40 к.

Roux, D-r и его сотрудниковъ. Матеріалы для изученія дифтеріи. Бактеріологическія и клиническія изслѣдованія. М., 1895 г. Ц. 3 р. 25 к.

Salomonsen, C., проф., и Черевковъ, д-ръ. Руководство къ практической (технической) бактеріологіи. Общая и спеціальная часть для врачей, ветеринаровъ и студентовъ. Съ 81 рис. въ текстѣ. Харьк., 1894 г. Ц. 3 р.

Schrader, W. Гимназіи и реальныя училища воспитаніе и обученіе. Ревель, 1892 г. Ц. 3 р.

Sell, д-ръ. Спиртъ и его добываніе, свойства и примѣси. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

Schamaus, Hans. Основы патологической анатоміи. М., 1895 г. Ц. 6 р. (199 рис. въ текстѣ).

Tedeschi, V. Пища маленькихъ дѣтей. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

Tillaux, P. Руководство къ топографической анатоміи въ примѣненіи къ хирургіи. Пер. съ 7 франц. изданія, под. ред. и съ примѣчаніями д-ра С. Таубера, проф. варшавскаго университета. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. Подписная цѣна за все сочиненіе (6 выпусковъ) 9 р.

Unwin. Основы построенія частей машинъ или изложеніе законовъ и условій, отъ которыхъ зависятъ размѣры и форма частей машинъ. Руководство для инженеровъ, механиковъ, строителей, фабрикантовъ для техническихъ и реальныхъ училищъ. М., 1887 г. Ц. 3 р. 50 к.

Weil-Mantou, d-r. Руководство для врачей по страхованію жизни. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Иностранныя книги, доставленныя книжнымъ магазиномъ Гросманъ и Кнебель въ Москвѣ.

Французскія дѣтскія книжки.

Французскія азбуки:

L'Abcdes tout petits. Couveture en couleurs. Av. 6 grav. color., petit in 8°. *Цѣна 8 коп.*

L'Abc du premier âge. Couverture en couleurs. Av. 24 grav. color., petit in 8°. *Цѣна 30 коп.*

L'Alphabet usuel. Av. 24 grandes gravures en couleurs par Adrien-Marie; in 4°. *Цѣна 65 коп.*

L'Album Alphabet. Av. 27 belles illustrationse n coulesur par. E. de Liphart et de nombreuses graurves en noir. grand in 4°. *Цѣна 1 р. 25 к.*

Digitized by Google

Альбомы для дѣтей.

Первая серія.

in 4°. Цѣна по 65 коп.

16 стр. нанеч. крупнымъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ, 7 картинъ въ краск. Цвѣтная обложка на картонѣ.

Le dormeur éveillé, illustré par Chovin.
Les animaux domestiques, illustr. par Gambard.
Ali-Baba ou les 40 voleurs, ill. par Myrbach.
Au Pays des leurs, illustré par Gambard.

—

Вторая серія.

in 4°. Цѣна по 40 коп.

16 стр. нанеч. крупнымъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ, 8 картинъ въ краск. Цвѣтная обложка на картонѣ.

Frère et soeur, ill. par Vogel.
Gargantua. ill. par Myrbach.
Petite Poucette, ill. par Job.
Don Quichotte, ill. par Myrbach.
Robinson Crusoé, ill. par Myrbach.

—

Третья серія.

in 4°. Цѣна по 20 коп.

6 картинъ въ краскахъ и 8 стр. текста. Цвѣтная обложка.

Jean le Chanceux, ill. par Chovin.
La Semaine de Julie, ill. par Martin.
Guignol, ill. par Job.
Jean L'ours, ill. par Massé.
Paul dans la lune, ill. par Job.
L'oiseau bleu, d'apres M-me d'Aulnoy, ill. par Clérice.
Sept d'un coupl D'après Grimm, ill. par Poirson.
Le Baron de Krack, ill. par. Chovin.

—

Четвертая серія.

in 8°. Цѣна по 15-ти коп.

6 картинъ въ краскахъ и 8 стр. текста. Цвѣтная обложка.

Cendrillon, ill. par Grivaz.
Tome Pouce, ill. par Vogel.
Folle journée, ill. par Steinlen.
Barbe bleue, ill. par Vogel.
Pierrot, ill. par Jazet.
L'assaut du moulin, ill. par Tofani.
Le Chat botté, ill. par Myrbach.
Le prince Saphir, ill. par Gumery.
Riquet à la houppe, ill. par Vogel.

—

Пятая серія.

in 4°. Цѣна по 8-ми коп.

6 картинъ въ краскахъ и 8 стр. текста. Цвѣтная обложка.

Monsieur Dumolet, ill. par Vogel.
Mon père m'a donné un mari, ill. par Bouisset.
Saint-Nicolas et Guillerl, Ill. par Vogel.
Gribouille, ill. par Steinlen.
Il était une bergère, ill. par Bouisset.
Le Chevalier du Roi, ill. par Vogel.
M. de la Palisse, ill. par Chovin.
Malb'rough, ill. par Clérice.
Cadet Rousselle, ill. par Faria.
La Mère Michel, ill. par Faria.
Le Roi Dagobert. ill. par Chovin.
Abc des tous petits, Ill. par Bouisset
Le Renard et le Corbeau, ill. par Gélibeat.
Sur le pont du nord, ill. par Bouisset

—

Шестая серія.

in 16°. Цѣна по 5-ти коп.

6 гравюръ въ краскахъ и 8 стр. текста. Цвѣтная обложка.

La Fête de Jeanne, ill. par Bouisset.
Le Mariage de Toto, ill. par Bouisset.
La Première Poupée, ill. par Bouisset.
Le Voyage de Lucie, ill. par Godefroy.
Le Jardin de Juliette, ill. par Godefroy.
Le Bain de Minet, ill. par Bouisset.
La Semaine de Noël, ill. par Bouisset.
La petite fermière, ill. par Bouisset.
Ca petite Ménagère ill. par Bouisset.

—

Седьмая серія.

in 4°. Цѣна по 1 руб.

Содержитъ около 80 иллюстрацій въ краскахъ. Цѣтная картонная обложка.

Le Voyage de mademoiselle Rosalie, illustré par A. Marie.
Bambins et bambines, ill. par E. Harding.

—

Восьмая серія.

in 4°. Цѣна по 1 руб. 75 коп.

La jou née de Bébé. illustrat. par Bouisset. Texte par Arnaud.
Heureux âge, ill. par Harding.
L'Album des enfants sages, illust. par Harding.

—

Книжки для дѣтей отъ 6—8 лѣтъ.

Дѣтская библіотека, форматъ in 6. *Цѣна каждаго тома безъ перепл., цвѣтн. обложка 40 коп., въ перепл. 65 коп.*

Les histoires de tante Rose, par M-me de Bosguérard.
Mémoires de Cigarette, par Théo-Sritt.
Contes aux tout petits, par. P. Andriveau.
Bébés en vacances, par M-me Gameau.
La chatte de M-lle Ilda, par M-me de Paloff.
Petits amis, par M-me de Bosguérard.
Les Bons points de Bébé, par M-me de Sobol.
Mignonnettes, par M-me Noémi Balleyquier.
Scènes enfantines, par M-me Marie de Bosguérard.
Le petit monde, par M-me A. de Wailly.
Moi et mes poupées, par M-me de Bosguérard.
L'histoire d'une troupe de marionnettes, par M. A. de Bréville.
Aimé pour son bon coeur, par M-lle Galouil.

Digitized by Google

La plage de Wimerux, par M-me Balleyguier.
*Les enfants de cigarette, par Théo-Critt.
*Les bonheurs de bonshenrs de Pauline, par M-me de Bosguérard.
Le théatre de Polichinelle, par le papa de Nénette.
*Une partie de plaisir, par Roger Dombre.
*Les mémoires d'un chèvre, par M-me la comtesse de T.
Les vacances de Paul, par M-me J. de Sobol.
Обозначенныя * имѣются только въ переплетѣ.

—

Книжки для дѣтей отъ 7—10 лѣтъ.

D'Hervilly, L'age d'or de l'enfance. Histoires morales et amusantes, illustré. Цѣна 4 руб.
Marel, Le petit monde. Enfantillage et poésies, illustré. Цѣна 3 руб.

—

Книги для юношества отъ 10—12 лѣтъ.

Bibliothèque blanche.

Каждый томъ многоч. иллюстр. въ текстѣ въ переплетѣ по 1 руб.

Dickens Ch. L'Embranchement de Mugby.
Dumas (A.). La Bouillie de la comtesse Berthe.
Feuillet (Octave). La vie de Polichinelle.
Mayne-Reid. Les Exploits des jeunes Boërs.
Muller (Eugène.). Récits enfantins.
Musset, (P. de). M. le Vent et M-me la Pluie.
Ourliac (E). Le Prince Coqueluche.
Perrault. Les Lunettes, de Grand'Maman.
Sand (George). Gribouille.
Stahl (P.-J). Les Aventures de Tom Pouce. — Contes de la tante Judith.
Verne (Jules). Un Hivernage dans les glaces.

—

Отъ 10—13 лѣтъ.

Bibliothèque de l'éducation maternelle illustrée.

Каждый томъ безъ перепл. 1 р. 15 к., въ перепл. съ зол. обр. 1 р. 75 к.

Anfossi. Le secret de sir William.
„ Jacques l'abandonné.
Balleygièr. Les Rodimbot.
„ M-lle Trimbalmouche.
Bellaigue. La vengeance d'un hautcoeur.
Bonhomme. Récis de l'oncle Paul.
Bovet. Histoire d'un garçon.
Garnoy. La nuit de Noël.
Dumont. Fables pour les petits.
Jane. Les 28 jours de Suzanne.
Monceau. Mon petit frère.
Paloff. Echos des vacances.
Quantin. Histoire de Germaine.
Sobol. Bouton d'or.
Witt. Les héros modestes.

—

Отъ 12—14 лѣтъ.

Bibliothèque de la famile in 8°, илл.

Каждый томъ въ переплетѣ съ зол. обр. по 3 р.

Rochemont, Au pays des fées, ill. par. Mès
Carnoy. Les légendes de France, ill. par E. Zier.
Graffigny. Contes d'un vieux savant. Ill. par P. Nac.
Cooper. Bas de cuir, arr. par Dubois, ill. en couleurs.
Mille et une nuits de la jeunesse Arr. par Dubois, ill. en couleurs.

—

Нѣмецкія дѣтскія книги.

Крупная печать, хорошая бумага, изящныя иллюстраціи.

Новая изящная коллекція съ раскрашенными картинками по англійскому способу

отъ 25 коп. до 90 коп.

Первая серія, по 25 коп.

Glückliche Reise. — Tromm, Tromm, Dromm. — Puck. — Mein Miezi. — Eichhörnchen auf Reisen. — Fürs Herzblättchen. — Im Freien. — Der Kinderomnibus. — Hucke-Puck. — Ein treuer Hausfreund. — Eisenbahn ABC.

—

Вторая серія, по 30 коп.

Bekanntes und Unbekanntes. — Was Vöglein singt. — Wasich weiss! — Zoologischer Garten.

—

Третья серія, по 45 коп.

Ein Besuch bei Grossmama. — Der Schneemann. — Unsere Kameraden. — Arch. Noahs. — Ringel, Ringel, Rosenkranz. — Puppen-Gesellschaft„ — Die wunderliche Kutsche. — Robinson Crusoe. — In der Maienzeit. — Prinzessin Tausendschön. — Guckkasten. — Wer nicht „liebes Kindchen" sein will. — Spielzeug Alphabet. — Garten Freuden.

—

Четвертая серія, по 60 коп.

Faierstündchen. — Von Nah und Fern. — Kleine und grosse Freunde. — Allerlei Gesellschaft.

—

Пятая серія, по 90 коп.

In Pelz und Flaum I (Der Thiere König). In Pelz und Flaum II (Eine Kleine Wohlthäterin. — Lustige Reigen. — Lieblings Kurzweil. — Komische Clowns. — Unsere Lieblingsthiere. — Familie Fangemaus. — Musjo Clown. — Ein Ausflug auf's Land. — Rothköpfchen.

—

Нѣмецкія дѣтскія книги по удешевленнымъ цѣнамъ.

Aus der Märchenwelt. Eine Auswahl d. schönsten deutschen Märchen gesam-

Digitized by Google

melt von Gebr Grimm, Bechstein und Anderen. Mit 10 bunten Bildern und vielen Textillustrationen вмѣсто 1 р. 25 к. 1 р.

Biller, E. Lieschens kluge Einfälle Hänschens Reise durch die Stube. Mariele und die sieben Puppen. Wie es Fritzchen auf seiner Schwester Hochzeit ging, Mi vielen farbigen Illustrationen v. Kleinmichel. 4 kurze Geschichten in einem Bande gebunden вмѣсто 2 р. 85 к.

Buch der Jugend, das., Bd. VII geb. вмѣсто 4 р. 2 р. 50 к.

Hey, Fabeln für Kinder. In Bildern gezeichnet von Otto Speckter (Original-Ausgabe des weltbekannten, klassischen Kinderbuches) 2 Bände („50 Fabeln" und „Noch 50 Fabeln") cartonirt zusammen вмѣсто 3 р. 60 к. 1 р. 50 к.

Deutsche Jugend. Gediegenste Auswal, von Bildern, Erzählungen, Märchen, Reisegeschichten, Gedichten, Fabeln. вмѣсто 3 р. 60 к. 2 руб.

Jugend deutsche. Illustrirte Jugend un-Familienbibliothek f. Knaben und Mädchen hrsg. v. Lohmeyer, вмѣсто 2 р. 70 к. 1 р. 50 к.

Kletke, Hermann. Die Kinderwelt, in Märchen und Liedern. Mit zahlreichen Holzschnitten nach Original zeichnungen deutscher Künstler Eleg. gebunden, вмѣсто 1 р. 80 к. 1 р.

Krüger. Märchen aus Heimat und Fremde. Mit 50 Original-Illustrationen, darunter 4 Buntdruckbilder, 246 Seiten) in eleganten Einband, вмѣсто 1 р. 50 к. 85 коп.

Lottka. Kindertäume Mit zahlreichen prächtigen Illustrationen von Claudius, eleg. geb. вмѣсто 3 р. 1 р. 50 к.

Schanz, 101 neue Fabeln. Mit Beiträgen von Bodenstedt. Lohmeyer., Sturm etc. Zahlreiche Illustrationen v. Flinzer. eleg. gebunden, вмѣсто 2 р. 50 к. 1 р. 50 к.

Strässle, Franz. Kleine Illustrirte Naturgeschichte für die Jugend. sechste vermehrte und vielfach verbesserte Auflage Mit 179 Holzschnitten und 15 Tafeln Abbildungen in Farbendruck. Elegant gebunden, вмѣсто 3 р. 1 р. 50 к.

Sturm, J. Neues Fabelbuch. Mit. Ill. nach Originalzeichnungen von F. Flinzer cartonnirt, вмѣсто 1 р. 20 к. 75 к.

—

Нѣмецкія азбуки.

Dietlein, R. Des Kindes erstes Lesebuch. Illustrirte Fibel mit farbigen Bildern. Auf Grundlage des mit dem Anschauungs unterrichte verbundenen ersten Sprech., Schreib, u. Lese-Unterrichtes bearb. für Schule und Haus, въ папкѣ 60 к.

Eisenbahn A. B. C. mit vielen bunten Bildern. 25 к.

Gurcke, J. Schreib—und Lese Fibel. Mit Holzschnitten von O. Speckter, въ папкѣ 45 к.

Haestors, A. Fibel oder der Schreib-Lese-Unterricht. въ папкѣ 85 к.

Schlimbach. Fibel, въ папкѣ 85 к.

—

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

журнала Русская Мысль,

уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской, д. 2—24,

продаются по пониженной цѣнѣ оставшіеся экземпляры слѣдующихъ сочиненій:

Головачевъ, А. А. «Десять лѣтъ реформъ». Вмѣсто 3 р. за 1 руб. 50 коп.

— «Исторія желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи». Вмѣсто 2 р. 40 к. за 1 р.

Массе. «Исторія кусочка хлѣба». Вмѣсто 1 р. 50 к. за 75 к.

Digitized by Google

По соглашенію редакціи

„НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ"

и редакціи журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ",

въ книжномъ магазинѣ журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ"
В. М. Лаврова

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ НА

„Настольный Энциклопедическій Словарь"

изд. Т-ва ГРАНАТЪ и К°.

8 томовъ (около 11,000 столбцовъ убористой печати). Изданіе окончено въ октябрѣ 1895 г. Первые шесть томовъ вышли вторымъ стереотипнымъ изданіемъ.

ЦѢНА: полному изданію безъ переплета 38 руб., въ изящн. коленкоровомъ переплетѣ (новаго образца съ кожанымъ корешкомъ) 42 руб.

За пересылку прилачивается 10 коп. съ рубля стоимости. По желанію, изданіе можетъ быть выслано съ наложеннымъ платежомъ, причемъ при заказѣ должно быть приложено не менѣе 5 руб.

Допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ:

Гг. служащіе въ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ вносятъ при подпискѣ 5 руб. и, представивъ удостовѣреніе о нахожденіи на службѣ, получаютъ немедленно шесть томовъ изданія въ переплетѣ, затѣмъ уплачиваютъ ежемѣсячно по 2 рубля, впредь до оплаты остающейся суммы за восемь томовъ (т 37 руб.) и стоимость пересылки (4 руб. 20 коп.); 7-й томъ высылается по выпл всего 28 руб., 8-й—по выплатѣ всей стоимости изданія.

Частныя лица вносятъ при подпискѣ 5 руб. и получаютъ шесть томовъ съ ложеннымъ платежомъ въ 5 руб., затѣмъ уплачиваютъ каждый мѣсяцъ по 2 р. каждые три мѣсяца по 6 р., впредь до полной оплаты остающейся суммы за вос томовъ 32 руб. и стоимости пересылки 4 руб. 20 коп., 7-й томъ высылается п платѣ всего 28 руб., а 8-й—по выплатѣ всей стоимости изданія.

Въ виду того, что „Снимковъ съ картинъ классическихъ художниковъ" (____ по 9 снимковъ) остается лишь сравнительно небольшое количество, таковые будутъ выдаваться только лицамъ, подписавшимся на изданіе до 1 февраля 1895 г.

Digitized by Google

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ Н. ФЕНУ и К°

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 40)

поступили въ продажу, между прочимъ, слѣдующія новыя книги:

Андре. Къ сѣверному полюсу на воздушномъ шарѣ. Спб., 1896 г. Ц. 35 к.

Вахтенскій, М. Экзиларх Бостиан. Этюдъ изъ временъ Гаоновъ. Одесса, 1896 г. Ц. 15 к.

Ваун, Ф. Организація сельскихъ имѣній и полеваго хозяйства и аренда. Изд. 2-е. М., 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.

Буссе, Ѳ. Переселеніе крестьянъ моремъ въ Южно-Уссурійскій край въ 1883—93 гг. Съ картою. Спб., 1896 г. Ц. 4 р.

Гурвичъ, И. Экономическое положеніе русской деревни. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Деляйскій, В. О первоначальномъ преподаваніи игры на фортепіано въ семьѣ. Спб., 1896 г. Ц. 20 к.

Денисьевскій, М. Электрическое освѣщеніе въ домашнемъ быту. Спб., 1896 г. Ц. 70 к.

Дубновъ. Іосифъ Флавій, его жизнь, литературная и общественная дѣятельность. Одесса, 1896 г. Ц. 20 к.

Жедринъ, Н. Дѣтскіе сельско-хозяйственные кустарные пріюты самопомощи. Исторія ихъ, устройство и жизнь. Съ 5-ю рис. и 5-ю планами. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

— Казенная и общественная продажа вина, ихъ экономическое и нравственное значеніе. Спб., 1896 г. Ц. 80 к.

— Сельскія пожарныя команды. Руководство къ организаціи ихъ безъ особыхъ денежныхъ затратъ. Спб., 1896 г. Ц. 30 к.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. Магометъ, его жизнь и религіозное ученіе. Спб., 1896 г. Ц. 25 к.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. Денисъ Дидро, его жизнь и литературная дѣятельность. Спб., 1896 г. Ц. 25 к.

Жихаревъ, С., д-ръ. Къ ученію о „мѣсячныхъ“. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.

Кирѣевъ, П. Общедоступное руководство къ постройкѣ огнеупорныхъ сельскихъ зданій. Съ 90 рис. въ текстѣ. Рязань, 1896 г. Ц. 50 к.

Кленке, Г. Женщина какъ супруга. Изд. 2-е. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.

Крупенниковъ, В. Гимнъ въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Спб., 1896 г. Ц. 10 к.

Литвинскій, П. Домашній уходъ за учащимся ребенкомъ. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.

Ломанъ, А. Современное ученіе о государственной власти. М., 1896 г. Ц. 50 к.

Малишевъ, Іоаннъ, свящ. Книга объ антихристѣ, изложеніе истиннаго ученія и опроверженіе разныхъ лжеученій объ антихристѣ. Изд. 2-е. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.

Молоховецъ, Е. Простая общедоступная кухня. Изд. 3-е. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.

Новѣйшіе легкіе способы сознательно закрѣплять все слышанное и читанное. Спб., 1896 г. Ц. 60 к.

Памяти Константина Дмитріевича Ушинскаго. По случаю 25-лѣтія со дня кончины К. Д. Ушинскаго. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.

Перскій, С. На берегу Женевскаго озера. Съ 20 иллюстрац. Женева, 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Романовскій-Романько, А. Къ вопросу о правѣ пользованія водою для цѣлей сельскаго хозяйства и въ особенности орошенія. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.

Скалонскій, П. Японско-китайская война 1894—95 гг. Съ портретами, планами и кроки. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 85 к.

Стивенсонъ, Р. Тайна корабля. Романъ. М., 1896 г. Ц. 50 к.

Тимирязевъ, К. Жизнь растенія. Изд. 4-е. Съ 80 рисунк. въ текстѣ. М., 1896 г. Ц. 2 р.

Филиппсонъ, С. Охота жизни и смерти. Разсказы и очерки. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Ходскій, Л. Основанія теоріи и техники статистики. Съ приложен. рисунковъ. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.

Чудиновъ, А. Пѣснь о Роландѣ. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.

— Пѣснь о Нибелунгахъ. Спб., 1896 г. Ц. 45 к.

Шейбергъ, Г. Положеніе труда въ промышленности. М., 1896 г. Ц. 1 р. 60 к.

Эльсбергъ, Н. Пособіе для изученія шахматной игры. М., 1896 г. Ц. 50 к.

Пересылка—по вѣсу и разстоянію. Частнымъ лицамъ—съ наложеннымъ платежомъ.

Digitized by Google

ВЫШЛА ДЕВЯТАЯ, ІЮНЬСКАЯ, КНИЖКА НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНАГО И ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НОВОЕ СЛОВО".

СОДЕРЖАНІЕ: 1) **Высочайшій Манифестъ.** 2) „Волчья сыть". Романъ-хроника въ трехъ частяхъ. Часть третья. **Вас. Немировича-Данченко.** 3) „Неизвѣданный уголокъ Россіи". (Окончаніе). Барона **А. А. Корфа.** 4) „Несчастье помогло". Разсказъ **Н. Пружанскаго.** 5) „Новѣйшая французская лирика". **Евгенія Дегена.** 6) „Александръ Ивановичъ Герценъ и Наталья Александровна Захарьина". (Ихъ переписка). 7) „Римъ". Романъ **Эмиля Золя.** Пер. **Н. Шульгиной.** 8) Стихотвореніе *****. Колтоновскаго.** 9) „Тоска". Разсказъ **М. Горькаго.** 10) „Подмѣнъ". Разсказъ **Рони.** Перев. съ франц. **О. П.** 11) „Свѣтъ во мракѣ". Романъ **Вильяма Тайербока.** Пер. съ англ. **В. Т.** 12) „О вліяніи сокращенія рабочаго дня на производительность труда". **П. Г. Мижуева.** 13) „Антисемитическое движеніе въ Австріи". (Окончаніе). **П. Т.** 14) Новыя книги. 15) Обозрѣніе внутренней жизни: „Что намъ дѣлать съ нашимъ санитарнымъ устройствомъ?" **П. О.**— „Въ ожиданіи акциза на виноградное вино". **Вл. Бюриковича.** Письма изъ провинціи: Изъ Вятки. (Итоги губернскаго земскаго собранія).—Изъ Твери. (За труждающихся и обремененныхъ). **С. А. Ч—аго.**—Изъ Пятигорска. (Экономическое положеніе пчеловодства). **Н. К.** — Провинціальная печать: а) Сибирская печать. **В. А. Ангарскаго.**— б) Хроника. **В. П.** 16) „Обзоръ заграничной жизни": I) Интересы дня. — II) Между журналами и газетами. **В. Г.** 17) „Литература въ жизни и жизнь въ литературѣ". Курьезы и абсурды молодой критики. (Письмо пятое). **А. Скабичевскаго.** 18) „Шлаттеръ и его дѣйствительное значеніе. Письмо изъ Америки. **Н. А. Тверского.** 19) „Обо всемъ". Кошмаръ. **Ивановича.** 20) Приложеніе: „Исторія англійскаго народа въ его литературѣ. Соч. **Ж. Жюссерана.** 21) Объявленія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: **Я. В. Абрамовъ, И. А. Бунинъ, В. В., П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Н. А. Каблуковъ, С. Н. Кривенко, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Г. А. Мачтетъ, Николай —онъ, Л. Е. Оболенскій, И. Н. Потапенко, В. А. Поссе, А. С. Пругавинъ, Н. А. Рубакинъ, А. М. Скабичевскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Тимиряевъ,** проф. **К. Тимиряевъ, А. П. Чеховъ, Щепотьевы** (Е. С. и С. А.), **В. Г. Яроцкій, А. И. Эртель** и другіе.

Годовая подписка на ежемѣсячный научно-литературный и политическій журналъ (отъ 25—30 печ. лист.) **Новое Слово** принимается съ 1-го октября 1895 г. по 1-е октября 1896 г. Подписная цѣна съ пересылкой на годъ **10** р., на полгода **5** р., на три мѣсяца **2** р. **50** к., за границу на годъ **12** р., безъ пересылки **9** р.

Адресъ конторы редакціи: Спб., Спасская ул. (уг. Надеждинской), д. 15, кв. 1.
Отдѣленіе конторы: Спб., Невскій пр., д. 54, **Библіотека Черкесова.**

Городская подписка принимается, кромѣ конторы редакціи и ея отдѣленія, въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", Н. П. Карбасникова, К. Риккера, Цинзерлинга (Мелье) и въ библіотекѣ Л. Т. Рубакиной (Бол. Подъяческая, д. 24).

Лица, выписывающія изданія **О. Н. Поповой** черезъ контору редакціи или ея отдѣленіе за пересылку не платятъ, исключая выходящихъ по подпискѣ сочин. Н. А. Добролюбова.

Редакторъ **А. Н. Поповъ.** Издательница **О. Н. Попова.**

Digitized by Google

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ ТРЕТЬЯ (*май—іюнь*) КНИГА ЖУРНАЛА

„Вопросы Философіи и Психологіи"

Издаваемаго Московскимъ Психологическимъ Обществомъ

Содержаніе ея: *Н. А. Иванцовъ.* «Основной принципъ красоты».—*В. И. Герье.* «Философія исторіи Гердера».—*Кн. С. Н. Трубецкой.* «Основанія идеализма».—*В. А. Гольцевъ.* «Н. Н. Страховъ, какъ художественный критикъ».—*В. Ѳ. Чижъ.* «Воззрѣнія пространства и времени».—*Д. П. Коншси.* «Книга о почитаніи родителей» (переводъ съ китайскаго).—*Баронъ Д. Г. Гинцбургъ.* «Каббала, мистическая философія евреевъ». Съ предисловіемъ *Вл. С. Соловьева.*—*Н. Д. Виноградовъ.* «Психо-физіологическія изслѣдованія надъ микроорганизмами».—*Критика и библіографія.*—*Психологическое Общество.*—*В. Вальденбергъ.* «С. А. Бершадскій» (Некрологъ).—*Извѣстія и замѣтки.*—*А. А. Токарскій.* «Записки психологической лабораторіи психіатрической клиники Московскаго университета».—*Объявленія.*

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ (съ 1-го января 1896 г. по 1-е января 1897 г.): безъ доставки—6 р., съ дост. въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ перес. въ другіе города—7 р., за границу—8 руб.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ принимается только въ конторѣ журнала. Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

МОСКВА, Б. Никитская, уг. Леонтьевскаго пер., д. 2—24.

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ

новое изданіе Московскаго Психологическаго Общества:

КУНО ФИШЕРЪ.

АРТУРЪ ШОПЕНГАУЭРЪ.

Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей В. П. Преображенскаго.
XVI+521 стр. **Цѣна 3 руб.**

Лица, подписавшіяся на все сочиненіе и получившія 1-й выпускъ, могутъ получить 2-ой выпускъ.

Предсѣдатель Общества Н. Я. Гротъ. Редакторы: Л. М. Лопатинъ. В. П. Преображенскій.

Digitized by Google

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
журнала РУССКАЯ МЫСЛЬ
В. М. Лаврова

доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что при немъ съ 15 декабря 1895 года

открылась НОТНАЯ торговля,

сначала только для **иногородних**ъ.

Ноты могутъ быть высылаемы какъ за наличныя деньги, такъ и съ наложеннымъ платежомъ.

Выписывающихъ покорнѣйше просятъ обозначать имя автора и opus сочиненія.

Вышли изъ печати и разосланы подписчикамъ

I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, XI и XII-й выпусни

„ВСЕОВЩЕЙ ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ"
Іоганна Шерра.

Переводъ сдѣланъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія подъ редакціей и съ примѣчаніями П. И. Вейнберга.

Все изданіе будетъ заключаться въ 20 выпускахъ, что составитъ два большихъ тома въ 1.000 страницъ, со множествомъ гравюръ, картинъ, портретовъ, автографовъ, факсимиле и отдѣльныхъ приложеній. Всѣ клише для этого изданія заказаны издателями для художественнаго выполненія въ Штутгартѣ (Германія). Отдѣлы русской и славянской литературъ будутъ обработаны болѣе подробно и самостоятельно. Изданіе закончится весной 1896 года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ВСЕ ИЗДАНІЯ:

Безъ доставки 6 р. Съ доставкой и пересылкой 8 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и затѣмъ ежемѣсячно по 1 руб. до уплаты всей суммы. По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена. Первый выпускъ можетъ быть высланъ отдѣльно за 50 коп.

Вышли изъ печати и поступили въ продажу новыя изданія:

ДРЕЙФУСЪ. Міровая и соціальная эволюція. Цѣна 1 р. 50 к.

ТОМА. Внушеніе и его роль въ воспитаніи. Цѣна 40 коп.

ДАНТЪ. Адъ. Переводъ въ стихахъ *Н. Голованова*, подъ редакц. проф. *Ѳ. Буслаева*. Цѣна 1 р. 50 к.

ФЮСТЕЛЬ де-КУЛАНЖЪ. Древняя гражданская община. Цѣна 2 руб.

Подписка принимается и книги продаются въ книжномъ магазинѣ журнала „Русская Мысль" В. М. Лаврова, уголъ Большой Никитской и Леонтьевскаго пер., д. 2—24.

Издатели Д. В. Байковъ и К°.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google